SEMINARIUM KONDAKOVIANUM

RECUEIL D'ÉTUDES.

ARCHÉOLOGIE. HISTOIRE DE L'ART.

ÉTUDES BYZANTINES.

VI

INSTITUT KONDAKOV

PRAHA 1933

СБОРНИКЪ

СТАТЕЙ ПО АРХЕОЛОГІИ И ВИЗАНТИНОВѢДѢНІЮ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ИНСТИТУТОМЪ ИМЕНИ Н. П. КОНДАКОВА.

VI

KONDAKOV INSTITUTE

ПРАГА 1933

Типографія »Политика«, Прага.

Репродукціи — »Neubert a synové«

въ Прагѣ.

Тиражъ 450 экз.

ПЕЧЕНѢГИ, ТОРКИ И БЕРЕНДѢИ НА РУСИ И ВЪ УГРІИ

Судьбами Печенѣговъ и Узовъ-Торковъ послѣ вытѣсненія ихъ Половцами изъ степей и разселенія по сосѣднимъ осѣдлымъ государствамъ, а въ особенности, по пограничью этихъ государствъ, интересовались до сихъ поръ обыкновенно лишь въ предѣлахъ исторіи какого-нибудь одного осѣдлаго государства и не разсматривали этого явленія въ цѣломъ.

Такъ, въ русской исторіографіи интересовались судьбою Печенѣговъ и Торковъ въ предѣлахъ исторіи русскихъ княжествъ, главнымъ образомъ Кіевскаго,[1] въ Венгріи — преимущественно въ рамкахъ мадьярской исторіи[2]; В. Г. Васильевскій прослѣдилъ судьбу Печенѣговъ въ первое время ихъ проникновенія въ Византію,[3] К. Иречекъ — отыскивалъ слѣды Печенѣговъ и Узовъ на Балканахъ и у Дуная.[4] Однако полной, общей исторіи судебъ Печенѣговъ, Торковъ и Берендѣевъ (послѣдними занимались менѣе всего; ихъ слѣды въ Угріи, напр.,

[1]) И. Самчевскій, Торки, Берендѣи и Черные Клобуки. Архивъ Ист.-Юридич. свѣдѣній подъ ред. Калачева, т. 2, ч. 1, 1855, с. 83—106; М. Погодинъ, Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи о русской исторіи, т. V, М. 1857, с. 181—208, отчасти П. Голубовскій, Печенѣги, Торки, Половцы до нашествія Татаръ, Кіевск. Университ. Изв. 1883 и 1884 г.г. и отд.

[2]) Jerney János', Keleti utazása a' magyarok' őshelyeinek kinyomozása végett 1844 és 1845 (Яношъ Ерней, Путешествіе на Востокъ въ 1844 и 1845 г.г. для отысканія древнихъ поселеній Мадьяръ), т. I, Pesten, 1851; Szokolay Margit, A magyarországi besenyőtelpekről (Маргитъ Соколай, О печенѣжскихъ поселеніяхъ въ Венгріи) въ журналѣ Föld és Ember (Земля и Человѣкъ), 1929, № 2, с. 65—90; Gombocz Z. és Melich J., Lexicon critico-etymologicum linguae hungaricae, Budapest, 1914, c. 379—380, s. v. besenyő. Кромѣ того, множество мелкихъ статей и замѣтокъ о собственныхъ именахъ и географической номенклатурѣ Венгріи печенѣжскаго происхожденія разсѣяно въ мадьярскихъ журналахъ, какъ упомянутомъ Föld és Ember, Magyar Nyelv (Мадьярскій языкъ) и др. Статья Куника О тюркскихъ Печенѣгахъ и Половцахъ по мадьярскимъ источникамъ, Уч. Зап. Акад. Наукъ по 1 и 3 отд. т. III, вып. 5, 1855, по поводу работы Ернея, мнѣ осталась недоступной. Не выходитъ изъ рамокъ мадьярской исторіи и небольшая статья словацкаго ученаго Fr. V. Sasinek, Pečenci (Dějepiské záhady, X) въ Slovenské Pohľady roč. XXIII, Turčiansky Sv. Martin, 1903, c. 541—547. Пользуюсь здѣсь случаемъ принести свою искреннюю благодарность профессору будапештскаго университета Dr. Gyula Moravcsik и библіотекарю Мадьярской Академіи Наукъ Dr. Laszló Rásonyi Nagy за многія указанія и за любезную присылку мнѣ ряда мадьярскихъ книгъ, а также Д. О. Семанюку за помощь мнѣ въ переводахъ съ мадьярскаго языка.

[3]) Византія и Печенѣги, Труды, т. I, СПБ. 1908, с. 1—175.

[4]) C. Jireček. Einige Bemerkungen über die Überreste der Petschenegen und Kumanen, sowie über die Völkerschaften der sogenannten Gagauzi und Surguči im heutigen Bulgarien, Sitzungsber. d. K. Böhmischen Gesellschaft d. Wissenschaften, Classe f. Philos., Gesch. u. Philol., 1889, c. 3—30.

совсѣмъ не были собраны) на всемъ обширномъ пространствѣ ихъ разсѣянія отъ границъ Суздальскаго и Рязанскаго княжествъ на верховьяхъ Волги и Оки до западной границы Угріи по рѣкамъ Лайтѣ, Рабѣ и Вагу и до балканскаго пограничья Византійской имперіи — мы все еще не имѣемъ. Единственно мнѣ извѣстной попыткой болѣе широкаго обозрѣнія судебъ этихъ тюркскихъ народовъ является трудъ мадьярскаго ученаго Иштвана Дьярфаша „Исторія Ясъ-Куновъ[5]; но вторая глава II-го тома этого труда „Печенѣги-Куны",[6] несамостоятельная и некритическая и разсматривающая главнымъ образомъ время независимости Печенѣговъ и Торковъ, лишь очень поверхностно касается Печенѣговъ въ Византіи, немного подробнѣе останавливается на судьбахъ ихъ въ Угріи и совершенно перестаетъ слѣдить за ними на Руси.[7]

Въ дѣйствительности же, исторія разселенія тюркскихъ народовъ на территоріи сосѣднихъ съ ними осѣдлыхъ государствъ, и, особенно, вопросъ о поселеніи ихъ на пограничьяхъ этихъ государствъ, имѣетъ полное право быть выдѣленъ въ спеціальную тему и изучаться на всемъ огромномъ пространствѣ отъ Дальняго Востока до Центральной Европы — на всемъ пути прохожденія и сопрокосновенія Тюрковъ съ осѣдлыми культурами.[8] Станетъ тогда особенно наглядна общность явленій, связанныхъ съ этими поселеніями. Ибо такія „черноклобуцкія" — по терминологіи русской лѣтописи — поселенія существовали и на границѣ Китая по р. Хуанъ-хо въ VII вѣкѣ,[9] и въ Средней Азіи на пограничьѣ саманидской Персіи въ X в.[10] и, наконецъ въ Руси, Византіи и Угріи X—XIII в. в. Сравненія помогутъ намъ уяснить организацію этихъ поселеній, далекую отъ ясности, если брать каждое государство въ отдѣльности. Наконецъ, для исторіи осѣдлыхъ государствъ очень интересно разсмотрѣть и сравнить, какъ каждое изъ нихъ справлялось съ внѣдреніемъ въ него такихъ чужеродныхъ и отличныхъ по всему быту и культурѣ народностей, и насколько это отражалось въ собственной жизни этихъ государствъ. Особенно же интересно сравнить результаты тюркскихъ разселеній — Печенѣговъ и Торковъ у двухъ сосѣднихъ, только что начавшихъ укрѣплять свою государственность, странъ — Руси и Угріи. Въ настоящемъ очеркѣ мы и ограничимся этою задачею, не разсматривая судебъ Печенѣговъ и Торковъ въ Византіи.

---

[5]) Gyárfás István, A Jász-Kúnok Története, I—IV, Kecskemét—Szolnok—Budapest, 1870—1885.

[6]) Стр. 41—102. II-ой томъ охватываетъ періодъ 884—1301 г. г. Изданъ въ 1873 г.

[7]) Статья C. A. Macartney, The Petchenegs въ The Slavonic Review, vol. VIII, 1929, с. 342—355 слишкомъ поверхностна, да и касается гл. обр. также времени независимости Печенѣговъ.

[8]) Насколько мнѣ извѣстно, единственнымъ подобнымъ опытомъ является статья В. В. Григорьева, Объ отношеніи между кочевыми народами и осѣдлыми государствами, Журн. Мин. Нар. Просв. 1875, мартъ, с. 1—27, теперь уже сильно устарѣвшая и выводы которой было бы теперь невозможно принимать.

[9]) См. напр. о поселеніи около 640 г. на китайскомъ пограничьѣ по р. Хуанъ-Хо Тюрковъ въ количествѣ 100.000 чел. для защиты Китая отъ нападеній со стороны другихъ кочевниковъ въ Documents historiques sur les Tou-kioue (Turcs), extraits du Pien-i-tien, tr. par Stanislas Julien, Journal Asiatique, 6e série, t. IV (1864), p. 234—240.

[10]) Таково поселеніе на Сыръ-Дарьѣ Гузовъ саманидской династіей съ обязательствомъ защищать это пограничье противъ остальныхъ Тюрковъ. См. В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, 1927, с. 71, и его же Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія, ч. II, СПБ. 1900, с. 179, 269.

I.

Въ концѣ IX-го столѣтія Печенѣги, какъ извѣстно, господствовали на всемъ пространствѣ причерноморскихъ степей отъ Дона до области Ателькёзу, т. е. приблизительно до Днѣстра. Восточнѣе, на низовьяхъ Дона, былъ Хазарскій каганатъ, а сѣвернѣе и восточнѣе него кочевали Узы, — Торки русскихъ лѣтописей [11]; на западѣ же Печенѣги въ это время соприкасались съ Мадьярами, расположившимися въ Ателькёзу. Втянутые Византіей и Болгаріей въ ихъ войны при Дунаѣ, Печенѣги стали проникать еще дальше на западъ и въ самомъ началѣ X в. они уже совершенно вытѣснили Мадьяръ изъ Ателькёзу, ушедшихъ послѣ того въ Паннонію, а сами заняли мѣста ихъ кочевій, продолжая въ то же время неуклонно продвигаться черезъ Карпаты, и по дунайскимъ степямъ на западъ, къ Панноніи.[12] Въ 917 г. они впервые извѣдываютъ соблазнъ перехода на правый берегъ Дуная, призванные для этого самой Византіей противъ Болгаріи.[13] X-й вѣкъ — время наибольшей силы Печенѣговъ. Византійскій императоръ въ серединѣ X в. сугубо наставлялъ своего сына о томъ, какъ надо учитывать значеніе Печенѣговъ въ его время.[14] У первыхъ кіевскихъ князей Игоря, Святослава, Владиміра „бѣ (съ Печенѣгами)... рать велика бесперестани".[15] При Владимірѣ Печенѣги были уже на разстояніи двухъ дней пути отъ Кіева [16] и кіевскому князю приходится „ставити городы по Деснѣ и по Востри и по Трубешеви и по Сулѣ и по Стугнѣ... бѣ бо рать от Печенѣгъ".[17] То же приходилось дѣлать сосѣду и современнику Владиміра — Стефану Угорскому, которому также пришлось укрѣплять южныя и восточныя границы своего молодого государства цѣлой системой засѣкъ — отъ тѣхъ же Печенѣговъ.[18]

---

[11]) О тождествѣ Узовъ византійскихъ писателей съ лѣтописными Торками предполагалъ еще Карамзинъ, Ист. Гос. Россійск. т. I, пр. 90, признавалъ уже Ф. Брунъ, Черноморье, Записки Импер. Новороссійск. Универс. 1879, т. 28, с. 97 и окончательно показалъ П. Голубовскій, Печенѣги, Торки, Половцы до нашествія Татаръ, (Кіевск.) Универ. Извѣстія, 1883, № 3, с. 131—154 и отдѣльно въ статьѣ Объ Узахъ и Торкахъ въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1884, № 7. Это признали теперь и мадьярскіе историки — см. Kossányi Béla, Az úzok és Kománok történetéhez a XI—XII. században (Бела Кошани, Къ исторіи Узовъ и Кумановъ въ XI—XII вѣкахъ) въ журналѣ Századok („Вѣка"), 1924. О кочеваніи Торковъ въ перв. четверти X в. сѣвернѣе Хазаріи, по средн. теченію Дона, вопреки мнѣнію J. Marquart, Osteuropäische und Ostasiatische Streifzüge, 1903, S. 33 и повторенному въ его же Über das Volkstum der Komanen, Abhandl. d. K. Gesellsch. d. Wiss. zu Göttingen, Phil.-hist. Kl., N. F. t. XIII, n°1, Berlin, 1914, S. 25, — см. Фр. Вестбергъ, Къ анализу восточныхъ источниковъ о Восточной Европѣ, Журн. Мин. Народ. Просв. ч. XIII, 1908, февраль, с. 383—4.

[12]) Konstantinus Porphyrogenetus, De Administrando Imperio, cap. 38, 40; ср. В. Н. Златарски, История на Българската държава, т. I, ч. 2, София 1927, с. 312 и слѣд.

[13]) В. Златарски, ц. с., с. 385.

[14]) Constantinus Porphyrogenetus, De Administrando Imperio, cap. I.

[15]) Полное Собрание Русских Летописей т. I, вып. I, изд. 2, 1926, столбецъ 127, 997 г.

[16]) Посланіе Бруно къ импер. Генриху II (русск. пер. А. Гильфердинга въ Русской Бесѣдѣ 1856, I, М. 1856, с. 12).

[17]) П. С. Р. Л. I, 1, ст. 121, 988 г.

[18]) О мадьярскихъ засѣкахъ' и новѣйшую библіографію о нихъ см. у А. Петрова, Древнѣйшія грамоты по исторіи карпаторусской церкви и іерархіи, Прага, 1930, с. 15.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію постепеннаго просачиванія сперва Печенѣговъ, а затѣмъ и Торковъ сквозь эти границы Угріи и Руси, и начнемъ обзоръ съ Угріи, гдѣ процессъ проникновенія этихъ тюркскихъ народовъ начался по-видимому раньше, чѣмъ на Руси.

Проникновеніе Печенѣговъ въ Угрію шло тремя путями: съ сѣвера или точнѣе — съ сѣверо-востока, съ востока и юга. Съ юга Печенѣги прорывались въ Паннонію, гл. обр. черезъ Желѣзныя ворота на Дунаѣ, съ востока они проникали южными карпатскими проходами на верховія Ольты, Мароша и Самоша, откуда шли на западъ или, спускаясь внизъ по Марошу или Мезёшегскими воротами, выходили изъ Трансильваніи въ долины Шебешъ-Кёрёша и Самоша; наконецъ, переходя Карпаты съ верховьевъ Серета и Прута на верховья Тиссы, Печенѣги заходили въ Угрію съ сѣверо-востока. Какъ увидимъ ниже, всѣ эти пути слѣдованія Печенѣговъ (а отчасти и Берендѣевъ) запечатлѣвались отдѣльными или групповыми поселеніями этихъ тюркскихъ народовъ по долинамъ перечисленныхъ рѣкъ. Эти поселенія и помогаютъ намъ уяснить процессъ разселенія Печенѣговъ и Берендѣевъ, въ особенности послѣднихъ, такъ какъ о переселеніи Берендѣевъ въ Угрію прямыхъ историческихъ извѣстій не сохранилось.

Первое, еще полулегендарное, внѣдреніе Печенѣговъ въ южное Притисье мадьярскіе источники относятъ ко времени князя Арпада, то-есть ко времени распространенія Мадьяръ по Панноніи, — въ самомъ началѣ X вѣка. Тогда еще Мадьяры не овладѣли „Затисьемъ“ — областью между Тиссой, Карпатами и Трансильванскими горами, гдѣ еще сохраняли самостоятельность Болгары подъ управленіемъ своихъ князей. Одинъ изъ такихъ правителей, по имени Гладъ, владѣнія котораго простирались по Марошу, началъ войну съ Мадьярами, имѣя въ качествѣ вспомогательнаго войска — Печенѣговъ.[19] Однако, на р. Темешѣ войско Глада было разбито, самъ онъ бѣжалъ, а два печенѣжскихъ хана были убиты въ сраженіи съ Мадьярами.[20] По всей вѣроятности мы здѣсь имѣемъ дѣло съ Печенѣгами, проникшими въ Угрію съ юга, по Дунаю. Но главная масса Печенѣговъ проникала сѣверо-восточнымъ путемъ, и именно на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ тогдашней Угріи мы будемъ находить древнѣйшіе слѣды печенѣжскихъ поселеній, о которыхъ сохранилась память въ туземныхъ мадьярскихъ источникахъ.

Насколько къ серединѣ X вѣка было значительно просачиваніе Печенѣговъ въ сѣверную и сѣверо-восточную Паннонію, можно заключить изъ словъ Кон-

[19]) По-мадьярски Печенѣгъ—Бешеньё (Besenyő); по поводу этого имени Zoltan Gombocz, Über den Volksnamen „Besenyő“, Turan, III, 1918, стр. 211 высказываетъ предположеніе, что Мадьяры узнали его черезъ посредство Болгаръ; вмѣстѣ съ Болгарами, какъ видимъ, Печенѣги впервые и встрѣчаются въ Панноніи.

[20]) Anonymi Belae Regis Notarii de Gestis Hungarorum, cap. 44, ed. Endlicher, Rer. Hung. Monum. Arpad., Sang. 1849, с. 38—41. Печенѣги здѣсь названы Куманами („adiutorio Cumanorum et Bulgarorum atque Blacorum...; et in eodem bello mortui sunt duo duces Cumanorum“) — обычное для мадьярскихъ источниковъ смѣшеніе ихъ съ Половцами (Куманами). Валахи — здѣсь такой же анахронизмъ, какъ и Половцы. До 60-ыхъ гг. XI в. Половцы еще не проникали къ Дунаю, въ данное время это могли быть только Печенѣги. Ср. Gyárfás I., ц. с. II, с. 53. Объ этой путаницѣ терминологіи мадьярскихъ источниковъ см. напр. у Kossányi Béla, ц. с., с. 532. О Болгарахъ въ Панноніи въ это время — см. V. Chaloupecký, Dvě studie k dějinám Podkarpatska. II. Kdy bylo Horní Potisí připojeno k Uhrám, Sborník Filos. Fak. University Komenského v Bratislavě, roč. III, č. 30, V Bratislavě, 1925, с. 12—52.

стантина Багрянороднаго, который въ своемъ сочиненіи «De administrando Imperio», написанномъ имъ ок. 945 года, сообщаетъ, что въ его время Угрія на сѣверѣ граничитъ съ Печенѣгами.[21]

Къ этому же приблизительно времени относятся и первыя мадьярскія извѣстія о поселеніи Печенѣговъ въ Угріи.

При мадьярскомъ князѣ Золтанѣ, жившемъ въ первой половинѣ X ст., по тому же полулегендарному источнику, приведенному у Анонима, впервые уже слышимъ, что этимъ княземъ было поселено „не мало" Печенѣговъ въ сѣверо-западномъ пограничьѣ Угріи у озера Фертё (Fertö), для защиты отъ нѣмецкихъ вторженій.[22] Про того же Золтана разсказывается далѣе, что онъ „привелъ своему сыну Токсону жену изъ Куманской (читай — Печенѣжской) земли." [23]

При этомъ Токсонѣ, преемникѣ Золтана (ок. 943—972 г. г.), совершилось, повидимому, уже массовое переселеніе Печенѣговъ въ Угрію. Анонимъ короля Белы передаетъ извѣстіе о томъ, какъ изъ Печенѣжской земли пришелъ къ Токсону цѣлый родъ во главѣ съ Тонузоба, и какъ мадьярскій князь разселилъ пришельцевъ въ сѣверной Угріи, въ Кемейской области у Тиссы.[24] При томъ же

[21]) De Administrando Imperio, гл. 40. Ср. V. Chaloupecký, Staré Slovensko, V Bratislavě, 1923, с. 31—32 и пр. 94.

[22]) Anonymus, гл. 57 (Endlicher, с. 53): „ultra lutum Musun, collocavit (dux Zulta) eciam Bissenos non paucos habitare pro defensione regni sui, ut ne aliquando in posterum furibundi Teothonici, propter iniuriam sibi illatam fines Hungarorum inuadere possent". Достовѣрность этого сообщенія Анонима обычно отвергалась въ новѣйшей мадьярской исторіографіи, считавшей, что оно является анахронизмомъ, т. к. дѣйствительное де поселеніе Печенѣговъ произошло здѣсь позже, въ 1072 году (или въ 1068 г., какъ относили раньше), когда, какъ это увидимъ ниже, шопронскій жупанъ Янъ разбилъ и взялъ въ плѣнъ огромное количество Печенѣговъ (объ этихъ событіяхъ 1072 г. см. у Туроца — M. J. de Thwrocz, Chronica Hungarorum, II, cap. 50, ed. I. G. Schwandtneri въ Scriptores Rerum Hungaricarum, t. I, Vindebon. 1746, p. 117—120); см. Szokolay M., ц. с. 66, со ссылкой на Erdélyi László, A tizenkét legkritikusabb kérdés, Kolozsvár, 1917, с. 114; ср. еще P. Hunfalvy, Ethnographie von Ungarn, B. 1877, S. 231. Но во 1) въ этомъ разсказѣ Туроца нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы взятые въ плѣнъ Печенѣги были поселены на шопроно-мошонскомъ пограничьѣ; это выводили лишь позднѣйшіе комментаторы этого мѣста Туроца: Jerney J., ц. с. I, с. 229 и Gyárfás J., ц. с. II, с. 74—75; во 2-хъ) еще до 1068 (или 1072 г.) Печенѣги уже упоминаются въ мадьярскомъ войскѣ, и именно въ области шопроно-мошонскаго пограничья, — въ 1052 г. (Thwrocz, II, cap. 43, p. 109—110); въ 3-хъ) трудно было бы допустить, чтобы кор. Стефанъ, организовавшій засѣки на всѣхъ границахъ Угріи и селившій на нихъ въ качествѣ стражи, среди другихъ инородцевъ, также и Печенѣговъ, въ наиболѣе важномъ шопроно-мошонскомъ пограничьѣ не поселилъ также и Печенѣговъ, подобно тому, какъ они были поселены имъ въ другихъ мѣстахъ, напр. въ сѣверо-западной Словакіи, на моравскомъ пограничьѣ (объ этихъ поселенія см. V. Chaloupecký, Staré Slovensko, с. 34, 102, 301, 398). Ко времени св. Стефана нѣкоторыя поселенія Печенѣговъ въ шопроно-мошонскомъ пограничьѣ (напр. Катайскія) относилъ и Karácsonyi J. Halavány vonások hazánk Szent István korabeli határoiról (Карачони, О неясныхъ очертаніяхъ границъ Угріи при св. Стефанѣ), Századok, 1901, XXXV, с. 1046. Еще опредѣленнѣе о Печенѣгахъ при Золтанѣ см. у Géza Fehér, Die Petschenegen und die ungarischen Hunnensagen, въ журналѣ Kőrösi Csoma-Archivum, I köt. 2. szám. 1921, с. 131. Не вхожу здѣсь въ оцѣнку мнѣнія B. Kossányi ц. с. о томъ, что взятые въ 1072 (1068) г. плѣнные были не Печенѣги, а Торки; объ этомъ ниже, с. 17—18.

[23]) Anonymus, гл. 57: »tunc dux Zulta duxit filio Tocsun uxorem de terra Cumanorum...« (Endlicher, с. 53). Ср. G. Feher, ц. с. с. 129.

[24]) Anonymus, гл. 57: »et in eodem tempore de terra Bissenorum (отъ мадьярск. besenyő — Печенѣгъ) venit quidam miles de ducali progenie, cuius nomen fuit Thonuzoba pater Urcund, a quo

Токсонѣ, по тому же источнику, пришли еще въ Угрію нѣкіе Била и Баксу, которымъ былъ данъ въ держаніе Пештъ.[25] По ихъ именамъ — въ нихъ также видятъ Печенѣговъ.[26] Наконецъ и Анонимъ и Симонъ Кезаи приводятъ разсказъ (относя его ко времени нѣсколько болѣе раннему — еще къ правленію Арпада) о приходѣ выходца изъ Скиѳіи Эдемена, сына Чабы, предка Паты, а черезъ него и будущаго угорскаго короля Самуила-Абы, затѣмъ о приходѣ Кетеля съ сыномъ Тольма и наконецъ Кульпуна, отца Ботонда. Эдемену были даны земли надъ Матрою, а Кетелю — по Дунаю у низовьевъ Вага.[27]

Недавно мадьярскій ученый Геза Фехеръ въ своей работѣ Die Petschenegen und die ungarischen Hunnensaga стремился показать, что всѣ эти разрозненныя извѣстія являются отраженіемъ огромнаго переселенія въ Угрію осколковъ нѣскольких печенѣжскихъ родовъ, до того кочевавшихъ въ Приднѣпровьѣ и принужденныхъ уйти оттуда подъ давленіемъ на нихъ съ востока Торковъ и что это переселеніе совершилось въ правленіе Токсона. Сопоставляя имена этихъ пришельцевъ съ извѣстными намъ по Константину Багрянородному именами родовъ и родовыхъ старшинъ приднѣпровскихъ Печенѣговъ, Г. Фехеръ пытался даже установить родовую общность этихъ пришельцевъ съ тремя печенѣжскими родами Приднѣпровья: Чобанъ (Τζοπον), Кюльбей (Κουλπέη) и Толмачъ (Ταλμάτ).[28]

Можетъ быть это предполагаемое Г. Фехеромъ движеніе печенѣжскихъ родовъ можно поставить въ связь съ происшедшимъ какъ разъ въ это же время — ок. 968 г. — разгромомъ кіевскимъ княземъ Святославомъ Хазаріи,[29]

---

descendit genus Thomoy, cui dux Tocsun dedit terram habitandi in partibus Kemey, usque ad Thisciam, ubi nunc est portus Obad« (Endlicher, c. 54).

[25]) Anonymus, гл. 57: »multi hospites confluebant ad eum (Токсону) ex diueris nationibus, nam de terra Bular (см. выше, с. 4 и пр. 19 о связи Печенѣговъ съ Болгарами) venerunt quidam nobilissimi domini, cum magna multitudine Hismahelitarum, quorum nomina fuerunt: Bila et Bocsu, quibus dux per diuersa loca Hungarorum condonavit terras et insuper castrum, quod dicitur Pest in perpetuum consessit« (Endlicher, c. 53).

[26]) G. Fehér, ц. с. с. 131 и 136.

[27]) Anonymus, гл. 15 (Endlicher, c. 17—18), гл. 32 (ib. c. 29) и гл. 57 (ib. c. 53); Simonis de Keza, I, 4 (Endlicher, c. 100—101). Ср. еще X-ую главу Анонима (с. 12) »De septem ducibus Cumanorum«.

[28]) Τζοπον = Chaba (Čaban) мадьярскихъ источниковъ; Βουλα (глава рода Τζοπον въ 890—1 гг.) = Bila; Βατα (другой глава, въ 945—6 гг.) = Pota (Patha); Κουλπεή = Culpun; Ταλμάτ = Tulma. Эти сопоставленія встрѣтили рѣзкую критику со стороны Gyula Czebe, Turco-byzantinische Miszellen, I, Kőrösi Csoma-Archivum, I, 3, 1922, с. 209—219, указывавшаго, что родовыя имена Печенѣговъ Константина Багрянороднаго заключали въ себѣ или прозвища обще-нарицательнаго значенія (какъ напр. čaban = пастухъ), или названія сановъ, должностей, или, наконецъ, названія мастей лошадей племени, и что поэтому имена Печенѣговъ мадьярскихъ источниковъ могли возникнуть совершенно самостоятельно, и внѣ зависимости отъ Печенѣговъ приднѣпровскихъ. — Мнѣ лично все же представляется большáя доля вѣроятности въ предположеніи Фехера, т. к. трудно ожидать такихъ случайныхъ совпаденій въ именахъ вождей, родовыхъ старшинъ одного и того же времени. Разборъ именъ родовъ и старшинъ Печенѣговъ, приводимыхъ Константиномъ Багрянороднымъ, см. у J. Nemeth, Zur Kenntnis der Petschenegen, Kőrösi Csoma-Archivum, I, (1922), с. 219—225, его же Die petschenegischen Stammesnamen, Ungarische Jahrbücher, X, (1930), с. 27—34, его же A honfoglaló Magyarság kialakulása (О Мадьярахъ послѣ занятія ими отечества), Bud. 1930, с. 45 и слѣд.

[29]) П. С. Р. Л. I, 1, ст. 65 подъ 6473 — 965 г. Ср. Е. А. Загоровский, Очерк истории северного Причерноморья, ч. I, Одесса, 1922, с. 49.

что дѣйствительно открыло кочевавшимъ до того въ задонскихъ степяхъ Торкамъ путь къ Днѣпру, гдѣ они и натолкнулись на Печенѣговъ и начали тѣснить ихъ къ Западу.

Глухимъ отголоскомъ проникновенія въ Угрію Печенѣговъ въ эпоху первыхъ Арпадовичей служатъ упоминанія объ этомъ Симона Кезаи[30] и Туроца,[31] по поводу прихода различныхъ иноземцевъ, въ томъ числѣ и Печенѣговъ.

Не менѣе глухія свѣдѣнія о проникновеніи Печенѣговъ въ Угрію относятся и ко времени короля Стефана [Йштвана, по-мадьярски] (997—1038). Обычно мадьярскіе источники насчитываютъ три похода Стефана противъ Печенѣговъ,[32] но съ опредѣленностью можно говорить лишь объ одномъ — въ Трансильванію[33]; кромѣ того, отрядъ въ 60 Печенѣговъ пытался мирнымъ путемъ проникнуть въ Угрію, чтобы въ ней искать себѣ поселеній, однако Мадьяры уничтожили этотъ отрядъ.[34] Повидимому, въ послѣднемъ случаѣ, Печенѣги проникли въ Угрію не съ юга, изъ-за Дуная, а также, какъ и при Токсонѣ, сѣверомъ, верховьями Тиссы и Самоша.[35]

Въ это время, когда Угрія начинала уже поселять въ своихъ предѣлахъ осколки печенѣжскихъ родовъ, подступавшихъ къ ея границамъ, главная печенѣжская орда еще властвовала въ Приднѣпровьѣ, хотя ея могущество здѣсь доживало послѣднія десятилѣтія. Уже въ 985 г. Владиміръ Кіевскій въ своихъ приволжскихъ войнахъ съ Болгарами пользовался помощью Торковъ,[36] которые все болѣе и болѣе вытѣсняли Печенѣговъ изъ причерноморскихъ степей; все болѣе сгоняемые къ Поднѣпровью, Печенѣги начинаютъ свой натискъ на Кіевскую Русь, отбрасывая ея южную границу за Рось, подъ самый Кіевъ — на Стугну, Ирпень и Трубежъ; въ теченіе первой трети XI ст. Печенѣги все еще были самой грозной опасностью для Кіевской Руси, пока въ 1036 г. ихъ на-голову не разбилъ подъ Кіевомъ Ярославъ, послѣ чего они навсегда отхлынули отъ русскихъ границъ.[37]

---

30) Simonis de Keza, De nobilibus advenis, 18 (Endlicher, c. 127): »Intraverunt quoque temporibus tam ducis Geiche, quam regum Boemi, Poloni, Greci, Bessi, Armeni...«

31) Thwrocz, II, гл. XXII, с. 90. Ср. J. Jerney, ц. с. I, с. 228—229.

32) Напр. Karácsonyi, ц. с. с. 1054, считавшій Печенѣгами какъ Кеана (кромѣ Карачони еще см. Ladislaus v. Szalay, Geschichte Ungarns, I B. Pest, 1866, S. 96—97; Gyárfás ц. с. II, с. 64; Csuday, Geschichte d. Ungarn, S. 112) такъ и Ахтума (напр. L. Szalay, ц. с. с. 97—98), тогда какъ въ обоихъ этихъ именахъ надо видѣть скорѣе мѣстныхъ, затисскихъ болгарскихъ правителей (объ этомъ см. V. Chaloupecký, Dvě studie... с. 25).

33) Vita S. Stephani Regis, Legenda major, cap. 14 (ed. Endlicher, c. 149—150), Legenda minor, cap. 7 (ib. c. 158—159), Hartvici episcopi Vita S. Stephani regis, cap. 15 (ib. c. 179—180); Gyárfás ц. с. II, с. 66.

34) Vita S. Stephani, Legenda minor, cap. 8, (Endlicher, c. 159—60): »LX uiri Byssenorum... cum universo apparatu suo, uidelicet auri et argenti copiositate, multaque uirietate ornamentorum, curribus onustis partibus Bulgarorum egressi ut terminos Pannoniorum apprehenderunt«; ср. еще Hartvici episcopi Vita S. Stephani, cap. 17 (Endlicher. c. 181—182).

35) V. Chaloupecký, Dvě studie, с. 24 и пр. 41. Ср. его же, Staré Slovensko, с. 32, пр. 94.

36) П. С. Р. Л. I, 1, ст. 84, 985 г.

37) П. С. Р. Л. I, 1, ст. 150—51, 1036 г. Въ это же время Печенѣги нападаютъ и на Византію, переходятъ Дунай, глубоко вторгаясь въ предѣлы имперіи (въ 1026, 1032, 1035 гг. G. Cedrenus, ed. Bonn II, p. 483—4; 499, 512). М. б. въ связи съ послѣднимъ нападеніемъ Печенѣговъ на Русь въ 1036 г. находятся и троекратныя нападенія ихъ въ томъ же году на Византію (Cedrenus, II, 514—515). Ср. М. Грушевський, Історія України-Руси, т. II², с. 25, пр. 1.

Лѣвое Приднѣпровье было для нихъ уже потеряно,[38] а съ востока все не переставали насѣдать новые — и на этотъ разъ и очень кратковременные — властители южно-русскихъ степей — Торки. Они безпрестанно воюютъ съ Печенѣгами, а у послѣднихъ, какъ разъ на почвѣ этой борьбы съ Торками, начались внутренніе раздоры, окончательно погубившіе орду. Старѣйшій печенѣжскій ханъ, Тирахъ, изъ-за бездѣйствія, теряетъ свой авторитетъ, а выдвигается стяжавшій себѣ славу въ борьбѣ съ Торками, новый ханъ — Кегенъ. Кегенъ съ двумя колѣнами отпалъ отъ остальныхъ 11-и печенѣжскихъ колѣнъ и, преслѣдуемый Тирахомъ, перешелъ съ 20.000 человѣкъ Дунай и передался на службу Византіи. Его ордѣ были отведены земли на правомъ берегу Дуная и Печенѣги должны были охранять это пограничье, для чего имъ были переданы и пограничныя крѣпости.[39] Но такъ какъ Кегенъ не переставалъ и изъ-за византійскаго пограничья совершать набѣги на кочевья Тираховой орды, то это вызвало движеніе къ византійской дунайской границѣ всего печенѣжскаго племени; въ 1048 г. Тирахъ, какъ говоритъ византійскій хронистъ — въ количествѣ 800.000 человѣкъ, перешелъ замерзшій Дунай, чтобы отомстить Кегену, въ дѣйствительности же — чтобы найти гибель всему своему народу: сперва эпидеміи, а затѣмъ побѣды византійцевъ и Кегена довершили крушеніе его орды. Самъ Тирахъ попалъ въ плѣнъ, а оставшіеся въ живыхъ его Печенѣги были разселены по Западной Болгаріи.[40]

Обратимся теперь къ Торкамъ. Ихъ господство въ южно-русскихъ степяхъ (точнѣе — въ Приднѣпровьѣ) было недолгимъ, поэтому недолгимъ было и ихъ соприкосновеніе съ Русью, однако ихъ значеніе въ ея исторіи значительно и именно потому, что, тогда какъ главная масса Печенѣговъ послѣ вытѣсненія изъ степей была вобрана Византіей и Угріей, главная масса уцѣлѣвшихъ Торковъ была, повидимому, разселена русскими князьями по Руси.

Черезъ восемнадцать лѣтъ послѣ того, какъ лѣтопись въ послѣдній разъ сообщила о нападеніи Печенѣговъ на Кіевъ и о пораженіи ихъ Ярославомъ, встрѣчаемъ первое извѣстіе о Торкахъ въ Приднѣпровьѣ; но это уже была не та сильная орда, которая сокрушала Печенѣговъ, а уже въ свою очередь, сломленная — Половцами, шедшими изъ Заволжья на смѣну Торкамъ. Въ 1054 г. „иде Всеволодъ (тогда еще князь переяславскій) на Торкы зимѣ къ Воиню и побѣди Торкы".[41] Это былъ, очевидно, небольшой торкскій отрядъ, если переяславскій князь собственными силами могъ разбить его. По пятамъ Торковъ уже шли Половцы: „Въ семь же лѣтѣ — читаемъ далѣе подъ тѣмъ же 1054 годомъ — приходи Болушь с Половьци и створи Всеволодъ миръ с ними и возвратишася Половци вспять, отнюду же пришли".[42]

---

[38]) G. Cedrenus, II, 582, разсказывая о событіяхъ 1048—9 гг., говоритъ, что Печенѣги передъ тѣмъ кочевали между Днѣпромъ и Паннoніей и, слѣдовательно, еще до этого времени Заднѣпровье уже больше имъ не принадлежало.

[39]) В. Г. Васильевскій, Византія и Печенѣги, Труды, т. I, СПБ, 1908, с. 10—11.

[40]) Тамъ же, с. 12—14.

[41]) П. С. Р. Л. I, 1, ст. 162.

[42]) П. С. Р. Л. I, 1, ст. 162. Ср. В. Ляскоронскій, Исторія Переяславской земли съ древнѣйшихъ временъ до пол. XIII ст. Кіевъ, 1897, с. 192 и его же, Къ вопросу о переяславскихъ Торкахъ, Журн. Мин. Нар. Просв. 1905, IV, с. 287. Вѣроятно въ связи съ торкско-русскимъ столк-

Въ 1060 г. по лѣтописи (1062 г. — по Голубовскому)[43] русскіе князья предпринимаютъ уже большой совмѣстный походъ на Торковъ, все въ томъ же направленіи — внизъ по Днѣпру,[44] окончательно рѣшившій участь Торковъ въ Приднѣпровьѣ: Торки, заслышавъ о надвигающихся русскихъ ратяхъ, не вступили въ битву, но „убояшася, пробѣгоше и до сего дне и помроша бѣгаючи, Божьимъ гнѣвомъ гоними, ови от зимы, друзии же гладомь, ини же моромь и судомь Божьимъ. Тако Богъ избави хрестьяны от поганыхъ".[45] Степями окончательно завладѣли Половцы,[46] Торки же, отхлынувъ отъ русскаго Поднѣпровья, принуждены были уйти къ Дунаю. Въ 1064 г. они (подъ именемъ Узовъ у византійскихъ писателей) всѣмъ своимъ племенемъ, въ количествѣ будто 600.000 человѣкъ, вторглись въ Византію, предавая разоренію ея балканскія провинціи; только начавшіеся среди Торковъ голодъ и эпидеміи значительно ослабили эту орду и тогда уже Болгары и заклятые враги Торковъ — Печенѣги, разселенные въ Византіи, смогли довершить гибель этого многочисленного еще племени. Уцѣлѣвшіе послѣ этой рѣзни Торки были разселены Византіей въ Македоніи; въ византійской арміи послѣ этого появляются торкскіе отряды, а отдѣльныя лица этого племени проникли на высокія придворныя и государственныя должности въ имперіи.[47]

Части же Торкамъ все же удалось уйти обратно на сѣверъ, за Дунай. По извѣстію Михаила Атталіоты эти „Узы" были разсѣяны „княземъ Мирмидоновъ" по своимъ городамъ.[48] Еще В. Васильевскій справедливо рѣшилъ, что никто другой, кромѣ русскаго князя, не можетъ разумѣться подъ этимъ страннымъ названіемъ,[49] то же призналъ и П. Голубовскій.[50] Дѣйствительно, отъ этого „разсѣянія" въ 1060-ыхъ годахъ Торковъ по своимъ городамъ „княземъ Мирмидоновъ" (въ которомъ всего естественнѣе видѣть кіевскаго князя Изяслава Ярославича) и надо считать начало торкскихъ поселеній на Руси. Лѣто-

---

новеніемъ и объясняется этотъ первый приходъ Половцевъ къ границамъ Руси. Надо помнить, что главенствующая орда всегда очень щепетильно относится къ ускользающимъ изъ подъ ея власти осколкамъ покоренныхъ ею другихъ племенъ. На русскомъ степномъ пограничьѣ мы найдемъ тому много примѣровъ. Только, вѣроятно, отбитіемъ упомянутаго торкскаго отряда и непринятіемъ его на Русь, можно объяснить послѣдовавшую вслѣдъ за тѣмъ мирную встрѣчу князя Всеволода съ Болушемъ, ханомъ половецкимъ. Обратныя явленія въ событіяхъ 1060—61 гг. только подтвердятъ наше мнѣніе.

[43]) П. Голубовскій, Печенѣги, Торки, Половцы, Кіевск. Ун. Изв. 1883 г. № 3, с. 138—139. Его же, Объ Узахъ и Торкахъ, Ж. М. Н. Пр. 1884, № 7, с. 13.

[44]) „поидоша на конихъ и в лодьяхъ" (П. С. Р. Л. I, 1, ст. 163).

[45]) П. С. Р. Л. I, 1, ст. 163.

[46]) И новый приходъ Половцевъ вслѣдъ за бѣгствомъ Торковъ надо поставить во взаимную связь: вѣроятно, русскіе князья захватили въ плѣнъ часть разбѣжавшихся Торковъ. Этимъ естественнѣе всего будетъ объяснить первый ратный приходъ Половцевъ въ слѣдующемъ 1061 году, недовольныхъ Русью за принятіе ею тѣхъ, кого они считали своими рабами (П. С. Р. Л. I, 1, ст. 163, 1061 г.). Татищевъ, Ист. Россійская, II с. 116 прямо говоритъ, что князья въ 1060 г. захватили много плѣнныхъ и развели ихъ по городамъ.

[47]) В. Г. Васильевскій, ц. с. с. 26—29.

[48]) Michael Attaliota, ed. Bonn. p. 87.

[49]) В. Г. Васильевскій, ц. с. с. 29 и пр. 1.

[50]) П. Голубовскій, Печенѣги, Торки, Половцы, цит. изд. № 3, с. 138, его же, Объ Узахъ и Торкахъ, ц. изд. с. 13.

писныя извѣстія о нихъ начинаютъ встрѣчаться лишь съ 80-ыхъ и 90-ыхъ годовъ XI ст., но возникли эти поселенія, несомнѣнно, ранѣе, и не слѣдствіемъ ли этого массового принятія ок. 1065 г. Торковъ, явился первый большой набѣгъ Половцевъ на Русь въ 1068 г., принесшій первое большое пораженіе кіевскому князю Изяславу и разореніе Кіевской и Черниговской земель?[51] Изъ послѣдующихъ событій мы увидимъ, какъ нетерпимо относились Половцы къ принятію Русью такихъ бѣженцевъ изъ степей.

Первое безспорное свидѣтельство о поселеніи Торковъ на Руси относится къ 1080 году: „Въ лѣто 6588. Заратишася Торци Переяславьстии на Русь, Всеволодъ же посла на ня сына своего Володимера, Володимеръ же шедъ, побѣди Търкы",[52] то-есть здѣсь говорится о возстаніи Торковъ, живущихъ въ Переяславскомъ княжествѣ и о подавленіи этого возстанія сыномъ великаго князя кіевскаго (Владиміромъ Мономахомъ). Почти къ тому же времени относится и первое извѣстіе о поселеніи Торковъ на правой сторонѣ Днѣпра, въ Кіевскомъ княжествѣ; тамъ, на южномъ его пограничьѣ, въ 1084 г. впервые упоминается „Торческый городъ",[53] то-есть срубленный Русскими острогъ, въ который бы могли, во время войны со степью, укрываться кочевавшіе вокругъ Торки. Къ концу XI ст. — къ 1097 г. — относится первое упоминаніе Торковъ и въ Галицкомъ княжествѣ.[54] Такъ, давая у себя пріютъ бѣглецамъ изъ степей, Русь начинала въ то же время огораживать силами этихъ же бѣглецовъ свое степное пограничье.

Возможно, однако, что самыми древними были торкскія поселенія въ Ростово-Суздальской землѣ, хотя у насъ и нѣтъ прямыхъ данныхъ о времени возникновенія тамъ этихъ поселеній. Но за бóльшую ихъ древность говоритъ то обстоятельство, что когда южная Русь еще не знала Торковъ, когда въ Приднѣпровьѣ кочевали еще Печенѣги, Русь сѣверо-восточная уже имѣла дѣло съ Торками, которые, на своемъ пути съ востока, впервые соприкоснулись съ Русью въ Поволжьѣ, и лишь семьдесятъ лѣтъ спустя подошли къ Приднѣпровью. Подъ 985 г. читаемъ въ лѣтописи какъ „иде Володимеръ на Болгары (Волжскіе) съ Добрыною съ воемъ своимъ в лодьях, а Търки берегомъ приведе на конихъ и побѣди Болгары".[55] Нельзя сдѣлать какихъ-либо опредѣленныхъ выводовъ о томъ — какіе это были Торки — степные или уже оселенные Русью,[56] но несомнѣнными слѣдами торкскихъ поселеній въ Ростово-Суздальскомъ краѣ являются деревни Торки и Торчино;[57] черезъ Суздальскую Русь, очевидно, началось проникновеніе и отдѣльныхъ Торковъ, т. к. первое свѣ-

---

[51]) П. С. Р. Л. I, 1, ст. 167, 1067 г.

[52]) П. С. Р. Л. I, 1, ст. 204.

[53]) Въ Поученіи Владиміра Мономаха: „и потомь на Святославль гонихомъ по Половцих и потомь на Торческыи городъ и потомь на Гюргевъ по Половцих..." (П. С. Р. Л. I, 1, ст. 249). О годѣ см. Указатель къ первымъ 8-ми томамъ П. С. Р. Л. s. v. „Половци".

[54]) П. С. Р. Л. I, 1, ст. 266. Текстъ будетъ приведенъ ниже.

[55]) П. С. Р. Л. I, 1, ст. 84.

[56]) О проникновеніи Торковъ еще во второй четверти IX вѣка къ средней Волгѣ см. у Фр. Вестберга, Къ анализу восточныхъ источниковъ о Восточной Европѣ, Ж. М. Н. П. 1908, мартъ, с. 17.

[57]) Объ этомъ ниже, с. 61.

дѣніе объ этомъ относится къ 1015 г., когда Кіевская Русь еще съ ними не соприкасалась.[58]

Торковъ на Руси было больше всѣхъ остальныхъ Тюрковъ. За это говоритъ и бо́льшее количество названій поселеній въ южной Руси, связанныхъ съ ихъ именемъ (Торчинъ, Торкинъ, Торкское, Торчицы) и болѣе частое упоминаніе ихъ въ лѣтописяхъ,[59] и, наконецъ, прямыя лѣтописныя извѣстія о шести-сотенномъ и о шести-тысячномъ ихъ отрядахъ.[60]

Въ 1097 году вмѣстѣ съ Торками упоминаются и первыя поселенія на Руси Берендѣевъ и Печенѣговъ.

Берендѣи, Берендичи были, несомнѣнно, такіе же Тюрки, какъ Торки и Печенѣги[61] и представляли собою не то самостоятельное племя, не то лишь родъ Торковъ[62]; послѣднее предположеніе основывается на одномъ мѣстѣ лѣтописи, гдѣ говорится: „и приступи Торчинъ, именем Беренди, овчюхъ Святополчь, держа ножь“...[63]; но противъ такого объясненія какъ будто говоритъ и многочисленность Берендѣевъ, — извѣстны ихъ отряды въ Кіевскомъ княжествѣ въ полторы тысячи,[64] въ 2100 чел.[65] и въ 30.000,[66] — и ихъ разбросан-

---

[58]) Въ 1015 г. князя Глѣба Владиміровича (бывшаго одно время — замѣтилъ — княземъ муромскимъ) зарѣзалъ его поваръ, „именемь Торчинъ“. П. С. Р. Л. I, 1, ст. 136.

[59]) Сводку лѣтописныхъ свѣдѣній о Торкахъ см. у М. Погодина, Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи, т. V, с. 193.

[60]) П. С. Р. Л. II (Ипатьевская лѣтопись) изд. 1908 г., ст. 505 подъ 1160 г. о шестисотенномъ торкскомъ отрядѣ и тамъ же, ст. 636 подъ 1185 г., гдѣ говорится о посылкѣ кіевскимъ княземъ шеститысячнаго отряда подъ начальствомъ торкскаго князя Кунтугдѣя. По всей вѣроятности этотъ отрядъ состоялъ гл. обр. изъ Торковъ.

[61]) Н. А. Аристовъ, Замѣтки объ этническомъ составѣ тюркскихъ племенъ и народностей и свѣдѣнія объ ихъ численности, Живая Старина, 1896, вып. III—IV, с. 277—456, указывалъ на существованіе отдѣла „беш-бёренъ“ у Кара-Киргизовъ и рода „кӧк-бӧрӧнъ“ у Кипчаковъ и сближалъ ихъ съ лѣтописными Берендѣями (с. 310—311 и пр. 3). Несомнѣнный тюркизмъ Берендѣевъ въ недавнее время пытался опровергнуть покойный акад. А. И. Соболевскій въ своихъ Русско-скиѳскихъ этюдахъ (Изв. Отд. русск. яз. и слов. Акад. Наукъ, 1921, XVI, с. 10), видя въ Берендѣяхъ Иранцевъ, потомковъ меотійскихъ Скиѳовъ: „Первая часть названія Берендѣи, Берендичи можетъ быть объяснена при помощи обще-иранск. farna миръ, счастіе, что нерѣдко въ составѣ сложныхъ личныхъ именъ, вродѣ имени скиѳскаго царя Сайта-фарнъ, — съ русскимъ б вмѣсто ф и съ русскимъ же полногласіемъ. Цѣлое названіе напоминаетъ приводимое Страбаномъ скиѳское племенное названіе Παρνοι Δάες („выходцы изъ области Даевъ, живущихъ надъ Меотидой“). В. Пархоменко же, въ замѣткѣ „Чорні Клобуки“ (Східній Світ, № 5, [Харьковъ], 1928, с. 244—245), высказалъ даже предположеніе о связи Берендѣевъ съ „кавказцами-яфетитами“, но въ подкрѣпленіе своего предположенія выразилъ лишь надежду, что яфетидологи смогутъ установить эту связь. О тюркизмѣ Берендѣевъ см. еще бѣглое замѣчаніе J. Marquart, Ueber das Volkstum der Komanen, с. 157 и Ladislaus Rásonyi-Nagy, Valacho-Turcica, Отд. оттискъ изъ Forschungsarbeiten d. Mitglieder d. Ungarischen Instituts und d. Collegium Hungaricum in Berlin, Berlin, 1927, с. 3.

[62]) П. Голубовскій, Печенѣги, Торки, Половцы, ц. изд., № 9, с. 431—2. Н. П. Барсовъ, Очерки русской исторической географіи, 2 изд. Варш. 1885, с. 136 и Багалѣй, „Берендѣи“, — статья въ Нов. Энц. Словарѣ Брокгаузъ-Ефрона, т. 6, колебались, относя Берендѣевъ или къ Торкамъ или къ Печенѣгамъ. C. Jireček, ц. с. стр. 6 считалъ ихъ вѣтвью Печенѣговъ.

[63]) П. С. Р. Л. I, 1, ст. 261, 1097 г.

[64]) П. С. Р. Л. II, ст. 557, 1172 г.

[65]) П. С. Р. Л. II, ст. 631, 1183 г.

[66]) Такъ въ Лаврентьевской (П. С. Р. Л. I, 1, ст. 290, 1138 г.), Ипатьевской (П. С. Р. Л. II, ст. 301, 1139 г.), Академич. спискѣ Новгородской IV (П. С. Р. Л. IV, с. 5) и въ пяти спискахъ Со-

ность на такомъ огромномъ пространствѣ — какъ отъ сѣверо-восточной Руси до Угріи и Болгаріи,[67] такъ и то, что они, появляясь на Руси одновременно съ Торками и Печенѣгами, никогда не смѣшиваются съ ними и всегда упоминаются самостоятельно.[68] Можно только подмѣтить нѣсколько болѣе тѣсную нежели съ Печенѣгами историческую связь Берендѣевъ съ Торками, но это еще не даетъ намъ основаній для вывода о родовыхъ взаимоотношеніяхъ этихъ двухъ народовъ.

Берендѣйскія поселенія, подобно торкскимъ, находимъ и въ Галицкомъ и въ Кіевскомъ княжествѣ, но кромѣ того также и въ Ростово-Суздальской землѣ, гдѣ нѣтъ слѣдовъ Печенѣговъ. Послѣднее обстоятельство заставляетъ предполагать объ общемъ пути у Берендѣевъ и Торковъ при продвиженіи этихъ народовъ съ Востока.[69]

Печенѣги далеко не всѣ ушли къ Дунаю, но еще значительная ихъ часть оставалась въ черноморскихъ степяхъ подъ властью — сперва Торковъ, а потомъ Половцевъ,[70] откуда они или сами перебѣгали въ Русь или выводились Русскими

фійской I (П. С. Р. Л. V, с. 157); но въ Воскресенской (П. С. Р. Л. VII, с. 31), Хронографическомъ спискѣ IV Новгородской и двухъ спискахъ I Софійской (Карамзин. и Оболенск.) стоитъ 1000 Въ Хронографск. спискѣ IV Новгородской первоначальная цифра 1000 была затѣмъ переправлена на 40.000; „четыредесять тысящь" Берендѣевъ поставлено и въ Никоновской (П. С. Р. Л. IX, с. 162). Испорченность текста этого мѣста въ Ипатьевской лѣт. („Ярополкъ же съзвася съ братею своею и съ сыновци своими събрася и съ Соуждалци и Ростовчи, с Полочанъ и Смолняны и король Оугры посла помощь Береньдичевъ ѧ тысящь и Тоуровци и собра вои многы и поиде Черниговоу" вмѣсто „Ярополку же скопившю множьство вой, Ростовцѣ, Полочаны, Смолняне, Угры, Галичане и Берендѣевъ 30 тысячь и Кыяне, Переяславци, Володимерци, Туровци и бѣ множьство вой; и поиде Чернигову..." Лаврентьевской и др. лѣтописей), далъ поводъ нѣкоторымъ историкамъ считать, что Берендѣи были присланы угорскимъ королемъ (Татищевъ, II, 256 почему-то съ цифрой 10.000 Берендѣевъ; Житецкій, Смѣна народностей въ южной Россіи, Кіевская Старина, 1883, с. 440 и пр. 14, Н. А. Аристовъ, цит. Замѣтки объ этнич. составѣ тюркскихъ племенъ и народностей, с. 310—311, пр. 3, В. Пархоменко, въ цит. замѣткѣ Чорні Клобуки, с. 243).

[67]) На тождество русскихъ Берендѣевъ съ Berend мадьярскихъ источниковъ указалъ Kossányi B., въ цит. работѣ Az úzok és kománok történetéhez a XI—XII, sz., с. 529, пр. 2. Сводка слѣдовъ Берендѣевъ въ Угріи будетъ дана ниже. О Берендѣяхъ въ Болгаріи см. у C. Jireček, ц. с. с. 6—7, гдѣ приводятся двѣ болгарскія деревни Berende въ районѣ Цариброда и Брезника между Нишемъ и Софіей. Среди властителей Молдавіи встрѣчается въ 1438 и 1442 гг. стольникъ Бериндѣй (Berynděj — транскрипціи Иречека).

[68]) Сводку лѣтописныхъ свѣдѣній о Берендѣяхъ на Руси см. у Погодина, ц. с. т. V с. 193.

[69]) Попавъ въ Кіевскую Русь, Берендѣи и Торки и здѣсь какъ будто первоначально держатся вмѣстѣ. Ср. лѣтописное извѣстіе о приходѣ въ 1105 г. Половцевъ къ Зарубу на Торковъ и Берендѣевъ (П. С. Р. Л. II, ст. 257). Въ этомъ отношеніи интересна подробность, не имѣющаяся въ лѣтописяхъ, но помѣщенная у Татищева (Ист. Рос. II, 79) подъ 993 г., по поводу переяславскаго единоборства Русскаго съ Печенѣгомъ: „Владиміръ прииедъ въ обозъ, послалъ по всему войску, также къ Берендичамъ и Торкамъ въ станы, спрашивая: есть ли такой человѣкъ, который бы могъ на поединокъ противо Печенѣга вытти?" Проникновеніе Торковъ и Берендѣевъ въ Русь уже при Владимірѣ, какъ мы видѣли, очень правдоподобно. Въ Угріи же, наоборотъ, Берендѣевъ мы будемъ видѣть большею частью вмѣстѣ съ Печенѣгами, а не Торками, которыхъ вообще въ Угрію проникало, повидимому, очень немного. Но проникли въ Угрію Берендѣи вѣроятно независимо отъ Печенѣговъ и позже нихъ.

[70]) Константинъ Порфирородный, De Administrando Imperio, гл. 37 говоритъ о томъ, что въ его время (сер. X в.) часть Печенѣговъ осталась на своихъ прежнихъ земляхъ и стала жить среди Торковъ.

во время войнъ съ Половцами. Въ этомъ отношеніи особенно интересны тѣ большіе походы на Половцевъ, которые предпринимали русскіе князья въ началѣ XII в. и которые сопровождались освобожденіемъ тюркскихъ не-половецкихъ племенъ, покоренныхъ Половцами. Такъ, послѣ удачнаго похода 1103 г., Русскіе возвращаются не только съ огромной добычей, но „и заяша Печенѣгы и Торки с вежами“,[71] а изъ Поученія Мономаха узнаемъ, что нѣсколькими годами раньше, въ 1096 г. къ нему на Сулу перешли „ис Половець“ торкскій родъ Читѣевичей, которыхъ Мономахъ выѣзжалъ встрѣчать.[72] Удачные походы Русскихъ 1103, 1109, 1111 годовъ пошатнули господство Половцевъ въ степяхъ и вызвали, очевидно, надежду на освобожденіе у тѣхъ тюркскихъ ордъ, которыя все еще не примирились съ властью Половцевъ. Вслѣдъ за удачнымъ походомъ 1116 года князя Ярополка Владиміровича, дошедшаго до самаго Дона, тамъ, въ Придоньѣ, поднялось возстаніе Торковъ и Печенѣговъ, свидѣтельствующее о томъ, какъ много ихъ еще оставалось въ степяхъ. Два дня и двѣ ночи длилась страшная сѣча; результатъ ея былъ не въ пользу возставшихъ: Торки и Печенѣги оставили степи и пришли къ кіевскому князю Владиміру Мономаху.[73]

Это была послѣдняя большая, массовая эмиграція Торковъ и Печенѣговъ (а вмѣстѣ съ ними вѣроятно и Берендѣевъ) въ русскіе предѣлы. Послѣ 1116 г. уже больше ничего не слышимъ о подобныхъ выходахъ ихъ изъ степей. Не удивительно, что такой наплывъ въ Русь бѣглецовъ не могъ пройти безъ треній; вскорѣ же узнаемъ, что тотъ же Владиміръ Мономахъ прогналъ Берендѣевъ изъ Руси, а Торки и Печенѣги „сами бѣжаша“.[74] Но, по всему видно, что это былъ лишь эпизодъ: черезъ четыре года снова слышимъ о Торкахъ въ Переяславскомъ княжествѣ.

Половцы ни за что не могли примириться съ подобными выходами изъ степей своихъ рабовъ. Отсюда — цѣлый рядъ набѣговъ Половцевъ, хотя и въ Русскую землю, но направленныхъ спеціально на Торковъ, Печенѣговъ и Берендѣевъ. Если о причинахъ первыхъ половецкихъ нападеній 1061 и 1067 г. г. можемъ только догадываться, то послѣдующія — уже говорятъ сами за себя. Въ 1093 г., напавъ на Кіевское княжество и нѣсколько разъ разбивъ русскихъ князей, Половцы больше всего добиваются взятія именно Торчевска, города, гдѣ заперлись Торки. Послѣ девяти-недѣльной осады это, наконецъ, удается Половцамъ, Торчевскъ сжигается, а Торки уводятся въ плѣнъ, обратно въ степи.[75] Въ 1105 г.

---

[71]) П. С. Р. Л. I, I, ст. 279.

[72]) П. С. Р. Л. I, I, ст. 249.

[73]) П. С. Р. Л. II, ст. 284. Ср. М. Грушевскій, Іст. Укр.-Руси, т. II, с. 535. Впрочемъ, нѣкоторая часть Печенѣговъ осталась въ степяхъ навсегда; имя Băčană (Bečene) встрѣчается въ степяхъ въ татарскій періодъ (J. Marquart, Ueber das Volkstum der Komanen, c. 157; cp. Zoltan Gombocz, Über den Volksnamen „Besenyő“, Turan III, 1918, c. 213), а Плано Карпини и Рубрукъ (пер. Малеина, СПБ., 1911, c. 50, 95, 101, 102) упоминаютъ о Кангитахъ-Канглахъ, нѣкогда славнѣйшемъ родѣ Печенѣговъ (объ этомъ ср. у Marquart, Ueber das Volkstum der Komanen, c. 163 и слѣд. и особ. c. 172). На Руси Печенѣговъ было несравненно менѣе, чѣмъ Торковъ и Берендѣевъ, они и рѣже упоминаются въ лѣтописяхъ и извѣстны гл. об. лишь въ Кіевскомъ княжествѣ. Сводку лѣтописныхъ свѣдѣній о нихъ см. у Погодина, ц. с. т. V, с. 193.

[74]) П. С. Р. Л. II, ст. 286, 1121.

[75]) П. С. Р. Л. I, 1, ст. 218—225, 1093 г. Ср. М. Грушевскій, ц. с. II, с. 530.

Половцы уже спеціально нападаютъ на тюркскихъ поселенцевъ Кіевскаго княжества: „Того же лѣта пришедъ Бонякъ зимѣ на Зарубѣ и побѣди Торкы и Береньдѣѣ".[76] Въ 1125 г. Половцы нападаютъ на Переяславскую область. Лѣтописецъ-современникъ опредѣленно указываетъ цѣль этого набѣга, вкладывая, по обычаю того времени, въ уста Половцевъ такую рѣчь: „... возмемъ Торкы ихъ" (т. е. Русскихъ). Но переяславскій князь Ярополкъ не растерялся и прежде всего „повелѣ гнати люди и Торкы въ Баручь и в прочая грады", а уже затѣмъ удачно отразилъ Половцевъ.[77]

Кромѣ Торковъ, Берендѣевъ и Печенѣговъ извѣстны изъ лѣтописей еще три имени тюркскихъ родовъ, осѣвшихъ на Руси; это: Каепичи, Ковуи и Турпѣи.

Если первые два имени не удается связать съ какою-либо изъ большихъ

---

[76]) П. С. Р. Л. II, ст. 257. Не разореніе ли черноклобуцкихъ вежъ имѣлъ въ виду набѣгъ Половцевъ въ 1071 г., когда они „воеваша... оу Растовьця и оу Неятина" (П. С. Р. Л. I, 1, ст. 174), гдѣ впослѣдствіи всегда будемъ видѣть кочевья кіевскихъ Тюрковъ?

[77]) Лѣтопись по Лаврентьевскому списку, изд. 3-ье, СПБ., 1897, с. 280—1, подъ 1125 годомъ и Ипатьевскому въ П. С. Р. Л. II, ст. 289—290 подъ 1126 г. Придерживаюсь Ипатьевскаго списка лѣтописи, представляющагося мнѣ болѣе обстоятельнымъ. Ср. еще В. Ляскоронскій, Къ вопросу о переяславскихъ Торкахъ, ЖМНП. 1905, апрѣль, с. 288. При разсмотрѣніи первыхъ столкновеній Половцевъ съ Русью, причина чему, какъ намъ кажется, лежитъ въ принятіи Русью бѣжавшихъ изъ степей Торковъ, напрашивается аналогія съ первымъ столкновеніемъ Руси съ позднѣйшими своими степными врагами — Татарами. Если вѣрить разсказу Троицкой лѣтописи, Русь во враждебныя отношенія съ послѣдними встала только изъ-за Половцевъ, которыхъ Татары стремились покорить, а русскіе князья, поддавшись уговорамъ Половцевъ, приняли ихъ подъ свою защиту. „... Увѣдавше Татарове, что идуть князи Русстіи противу имъ и прислаша послы къ княземъ Русскымъ: „се слышимъ, оже противу намъ идете, послушавше Половець, а мы вашей земли не заяхомъ, ни городовъ вашихъ, ни селъ, не на васъ пріидохомъ, но пріидохомъ, Богомъ попущени, на холопи наши и на конюси свои, на поганыя Половци, а возмите съ нами миръ, а намъ съ вами рати нѣту; оже бѣжать къ вамъ Половци, и вы бейте оттолѣ, а товаръ емлите себѣ, занеже слышахомъ, яко и вамъ много зла творятъ, того же ради мы ихъ отселѣ бьемъ. Князи же Русстіи того не послушаша, и послы Татарьскыя избиша, а сами поидоша противу имъ" (П. С. Р. Л. I, с. 217, ср. Лѣтопись по Академич. списку въ Лаврентьевск. лѣт. изд. 1897 г., с. 479). Впереди Русскихъ ждала Калка. Въ общихъ трудахъ по русской исторіи не останавливались на этомъ эпизодѣ (а лишь излагали его) и критически это мѣсто Троицкой лѣтописи не разбиралось. Сами лѣтописцы, повидимому, вѣрили въ искренность завѣреній татарскихъ пословъ и осуждали поэтому князей, не послушавшихъ Татаръ. Въ болѣе позднихъ лѣтописяхъ, какъ напр. въ Никоновской (П. С. Р. Л. X, с. 90), вѣра въ слова Татаръ и осужденіе своихъ князей будутъ еще болѣе явными (ср. Г. В. Вернадскій, Къ вопросу о вѣроисповѣданіи монгольскихъ пословъ 1223 г., Seminarium Kondakovianum, т. I, Прага, 1927, с. 145). Однако было бы неосторожнымъ принимать цѣликомъ всѣ слова Татаръ, какъ то дѣлали лѣтописцы; увѣренія ихъ пословъ о возможности мирнаго соглашенія съ Русью могли быть, какъ это, повидимому, понималъ И. Березинъ, (Первое нашествіе монголовъ на Россію, Журн. Мин. Нар. Просв. 1853, часть LXXIX, отд. II, с. 247) и еще болѣе опредѣленно Д. Иловайскій, (Исторія Россіи, ч. II, М. 1880, с. 358), лишь обычнымъ пріемомъ Татаръ, желавшихъ воспрепятствовать соединенію своихъ противниковъ, какъ это только что было передъ тѣмъ съ Половцами и Аланами въ тѣхъ же половецкихъ степяхъ. Вѣроятно уже самое обращеніе Половцевъ къ Руси и начавшіяся тамъ „моленія" половецкихъ хановъ („помолися Котянъ зятю своему — Мстиславу Удалому — о пособьи") послужило причиною желать Татарамъ отомстить за это Руси. Интересно было бы сравнить этотъ эпизодъ съ обстоятельствами вторженія Татаръ въ Угрію, куда они пошли также изъ-за Половцевъ, принятыхъ королемъ Белою. Работа Куника о событіяхъ 1223—4 г.г. во II-мъ томѣ Учен. Запискахъ Акад. Наукъ по 1 и 3 отд. (1854 г.) мнѣ осталась недоступной.

извѣстныхъ намъ тюркскихъ народностей, то послѣднихъ, Турпѣевъ, какъ намъ кажется, можно опредѣленно считать родомъ печенѣжскаго племени. Они упоминаются въ лѣтописи всего лишь разъ, въ 1150 г., и выступаютъ какъ кочевой военный отрядъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра въ районѣ города Сакова, въ предѣлахъ Кіевскаго княжества,[78] которое простиралось здѣсь и на лѣвое Приднѣпровье.[79] Для объясненія народности Турпѣевъ сопоставимъ это извѣстіе съ другимъ, 1142 года; лѣтописецъ, разсказывая о войнѣ черниговскихъ князей съ переяславскимъ княземъ Вячеславомъ, говоритъ слѣдующее: „бьющимъ же ся имъ оу Переяславля и посла Всеволодъ (великій князь кіевскій) оу Переславля Лазоря Саковськаго с Печенѣгы и с вои Вячьславо в помочь“[80]. Великому князю кіевскому естественнѣе всего было послать помощь переяславскому князю изъ ближайшаго къ Переяславскому княжеству мѣсту, т. е. съ лѣвобережья, на что и указываетъ имя Лазаря Саковскаго; очевидно и Печенѣги, которыхъ онъ велъ, были въ районѣ Сакова; поэтому, когда черезъ восемь лѣтъ на томъ же мѣстѣ, у Сакова, мы находимъ таинственныхъ Турпѣевъ, то болѣе чѣмъ вѣроятно видѣть въ нихъ родовое имя или одинъ изъ родовъ упомянутыхъ саковскихъ Печенѣговъ.[81]

Каепичи также упоминаются только разъ, въ 1160 году по поводу междоусобія въ Черниговскомъ княжествѣ, какъ отрядъ въ союзномъ черниговскомъ, кіевскомъ и галицкомъ войскѣ.[82] Ковуи же извѣстны намъ и въ Кіевской

---

78) П. С. Р. Л. II, ст. 398.

79) М. Грушевскій, Очеркъ исторіи Кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV стол. Кіевъ, 1891, с. 9.

80) П. С. Р. Л. II, ст. 311.

81) П. Голубовскій, Печенѣги, Торки, Половцы ц. изд., № 9, с. 432—3, считалъ Турпѣевъ Торками и на томъ основаніи, что Торки упоминаются въ 1125 г. у Баруча (Лавр. Лѣт. изд. 1897 г., с. 280—1 и П. С. Р. Л. II, ст. 289—290, объ этомъ мѣстѣ см. выше), который находился тамъ же, гдѣ и Саковъ, т. е. къ сѣв.-зап. отъ Переяславля. Но Баручъ, повидимому, находился далеко отъ этихъ мѣстъ, на верховьяхъ Осетра и Удая. См. объ этомъ у В. Ляскоронскаго, Исторія Переяславской земли съ древнѣйшихъ временъ, с. 175, его же, Къ вопросу о переяславскихъ Торкахъ, Журн. Мин. Нар. Прос. 1905, IV, с. 295, а также Барсова, Очерки русской истор. географіи, 2-ое изд., с. 161—162. Торками Турпѣевъ считали также Самчевскій, ц. с. с. 83, Погодинъ, ц. с. с. 202 и Ляскоронскій, Къ вопросу о переяславскихъ Торкахъ с. 286. А. И. Соболевскій, неуклонно искавшій слѣды иранства въ южной Руси, находилъ его и въ Турпѣяхъ: „Вторая часть названія Турпѣи напоминаетъ вторыя части въ Ἐξαμπατος и Ἀργιμπατοι Геродота, въ Σαπατοι Страбона, въ Inapaeі Плинія. Послѣднія два названія нетрудно объяснить какъ *Jaz-âpayā священно-водные, съ отзвучнымъ согласнымъ вмѣсто звучнаго *Anāpayā безводные (Русско-скиѳскіе этюды, с. 10—11).

82) П. С. Р. Л. II, ст. 507. Судя по контексту возможно, что эти Каепичи, упоминаемые здѣсь вмѣстѣ съ Берендѣями, находились въ числѣ того вспомогательнаго кіевскаго отряда, который, подъ начальствомъ князей Владиміра Андреевича и Ярослава Изяславича, выслалъ черниговскому князю Святославу великій князь кіевскій. Во всѣхъ предшествующихъ перепитіяхъ этой войны, до прихода кіевской помощи, у черниговскаго князя не упоминаются ни Каепичи ни Берендѣи (о послѣднихъ въ Черниговской области мы вообще не имѣемъ свѣдѣній), тогда какъ Берендѣи извѣстны своею близостью Кіеву (ср. Д. Расовскій, О роли Черныхъ Клобуковъ въ исторіи древней Руси, Seminarium Kondakovianum I, 1927, с. 108 и пр. 7), а упомянутый здѣсь князь Владиміръ Андреевичъ въ томъ же 1160 году встрѣчается какъ одинъ изъ начальниковъ кіевскаго берендѣйскаго отряда (П. С. Р. Л. II, ст. 505) и раньше еще — въ 1153 г. (П. С. Р. Л. II, ст. 465) онъ съ Берендѣями же посылается кіевскимъ великимъ княземъ къ Олешью.

и въ Черниговской области и упоминаются въ первомъ княжествѣ подъ 1151, 1162 и 1170 годами, а во второмъ — подъ 1185 г. и, кромѣ того, въ Словѣ о полку Игоревѣ.[83] Впрочемъ объ этихъ двухъ тюркскихъ родахъ мы не можемъ говорить съ увѣренностью, что они принадлежали торкскому или печенѣжскому племени; они могли быть уже и Половцами, которые со второй половины XII в. начали осѣдать на Руси.[84]

Всѣ же вмѣстѣ, эти, поселенные Русью, Тюрки носили собирательное имя Черныхъ Клобуковъ.[85]

---

[83]) П. С. Р. Л. II, ст. 427, 428 (1151), 517 (1162), 544 (1170) — въ Кіевскомъ княжествѣ, тамъ же, II, ст. 638, 939, 642, 644 (1185) — въ Черниговскомъ княжествѣ. Слово о полку Игоревѣ (изд. Сабашникова, М. 1920, с. 26—27) хотя прямо и не называетъ Ковуевъ, но перечисляетъ поименно тюркскихъ старшинъ въ числѣ черниговскаго войска въ несчастномъ походѣ князя Игоря, о которомъ лѣтопись говоритъ, что онъ пошелъ съ „Коуи Черниговьскими": „а уже не вижду (говоритъ вел. князь кіевскій Святославъ) власти сильнаго и богатаго и многовои брата моего Ярослава съ Черниговьскими былями, съ Могуты и съ Татраны и съ Шельбиры и съ Топчакы и съ Ревуги и съ Ольберы. Тіи бо бес щитовь съ засапожникы кликомъ пълкы побѣждають, звонячи въ прадѣднюю славу". П. М. Меліоранскій, Турецкіе элементы въ языкѣ Слова о полку Игоревѣ (Изв. Отд. русск. яз. и Слов. Акад. Наукъ, 1902, II s. v. „Быля"), въ этомъ перечисленіи видитъ „отдѣльныя племена" или „сильные многочисленные роды" Ковуевъ; „были" же (отъ турецк. бôјла, бӱіла) значитъ вельможи, бояре; „весьма вѣроятно — говоритъ Меліоранскій — что старшины ихъ носили турецкій титулъ „быля". Н. А. Аристовъ, Замѣтки объ этнич. составѣ тюркск. племенъ, с. 310—311, прим. 3, ссылаясь на Radloff, Aus Sibirien, с. 208, 214, указалъ на роды „кый" и „кобый" у нын. Шорцевъ и Сагайцевъ, которыхъ Аристовъ связывалъ съ лѣтописными Ковуями. А. И. Соболевскій, Русско-скиѳскіе этюды, с. 10—11 и Ковуевъ считалъ потомками Иранцевъ (сравнивая это имя съ др.-бактр. каоуа, которое по-скиѳски должно было бы быть *кацуа = принадлежащій къ роду Kavi), а родъ Ковуевъ — Шельбиры, упом. въ Словѣ о полку Игоревѣ сближалъ съ племенемъ Сабиры — Σαβίροι Приска Понтійскаго и др. греческихъ писателей. Что касается рода Ковуевъ „Татраны", то, повидимому, можно не сомнѣваться въ тюркскомъ его происхожденіи: ср. печенѣжское имя Татранъ (Τατράνης), упом. у Анны Комнинъ (Annae Comnenae Alexias, ed. Reifferscheidii, Lipsiae, 1884 I, 257). О тюркской основѣ этого имени („tat-") свѣдѣнія собраны у P. Mutafčiev, Bulgares et Roumains dans l'histoire des pays Danubiens, Sofia, 1932, c. 252—254. Родъ же Ольберовъ ср. съ именемъ парламентера князя Мстислава Изяславича въ событіяхъ 1159 года: „посла (Мстиславъ, къ Берендѣемъ) Ѡлбырѧ Шерошевича", повидимому тоже Тюрка (П. С. Р. Л. II, ст. 501). Объ имени Ольберъ см. еще у В. Перетц, Слово о полку Ігоревім, 1926, с. 268.

[84]) Ср. М. Грушевскій, Іст. Укр. Руси. II, с. 534.

[85]) О томъ, что Черные Клобуки есть общее прозвище для Печенѣговъ, Торковъ, Берендѣевъ и др. мелкихъ тюркскихъ группъ, предполагалъ еще Карамзинъ, II, пр. 218, а И. Самчевскій, ц. с. с, 84—88 и М. Погодинъ, ц. с. V, с. 194—6 окончательно это показали сопоставленіемъ лѣтописныхъ упоминаній о Черныхъ Клобукахъ съ упоминаніями Печенѣговъ, Торковъ и проч. (ср. еще Голубовскій, Печенѣги, Торки, Половцы, ц. изд., № 9, с. 433). Самое названіе „Черные Клобуки" могло произойти или отъ носимыхъ ими черныхъ шапокъ или же было презрительнымъ прозвищемъ, даннымъ имъ Половцами, ибо въ обычаѣ тюркскихъ народовъ называть черными (тюркск. кара) несамостоятельные, подчиненные народы. Заслуживаетъ вниманія, что названіе Черные Клобуки впервые упом. въ лѣтописи лишь черезъ 70—80 лѣтъ (съ 1146 г.) послѣ появленія на Руси этихъ бѣглецовъ, которые до того назывались Русскими по ихъ племеннымъ или родовымъ именамъ; м. б. только послѣ того, какъ презрительная кличка была усвоена Половцами, она затѣмъ перешла отъ нихъ и въ Русь, уже въ русскомъ переводѣ (Каракалпаки = Черные Шапки, Клобуки). О турецк. „калпакъ" и русск. „клобукъ" см. еще П. Меліоранскій, Заимствованныя восточныя слова въ русской письменности домонгольскаго времени, Изв. Отд. Русск. яз. и слов. Ак. Н. 1905, IV, s. v. клобукъ. Новѣйшіе же тюркологи, не учитывая собирательности названія Черныхъ Клобуковъ и его нарицательнаго

Обратимся теперь къ Печенѣгамъ и Торкамъ придунайскимъ. Постепенно откочевывая сюда: Печенѣги — подъ натискомъ Торковъ, а послѣдніе — подъ натискомъ Половцевъ, и тѣ и другіе еще нѣсколько десятилѣтій послѣ страшнаго ихъ разгрома въ 40—60-ыхъ г. г. XI ст. будутъ находиться въ броженіи, пока окончательно не осядутъ въ ближайшихъ осѣдлыхъ государствахъ — Византіи и Угріи, уступивъ нижне-дунайскія степи Половцамъ. Въ эти десятилѣтія невозможно точно опредѣлить — какіе именно изъ кочевниковъ совершали свои грабительскіе набѣги далеко вглубь Угріи или тѣснились у византійскаго пограничья. Мадьярскіе источники смѣшиваютъ ихъ, называя то Бессами, то Кунами, а византійскіе объединяютъ въ общемъ для всѣхъ классическомъ имени Скиѳовъ. Иногда же, дѣйствительно, различныя племена кочевниковъ соединялись, чтобы вмѣстѣ совершить какой-нибудь набѣгъ и тѣмъ вносили еще бóльшую путаницу въ терминологію.[86]

Поэтому трудно рѣшить, какіе именно кочевники подъ начальствомъ своего хана Озула совершили въ 1070 г. набѣгъ въ Угрію; они перешли южныя Карпаты, черезъ Мезёшегскій проходъ ворвались въ Паннонію и опустошили ее до Бигара. Однако, при своемъ возвращеніи они были настигнуты королемъ Соломономъ и его двоюродными братьями — герцогами Гезой и Ладиславомъ (László, Ла́сло — по-мадьярски) и въ такъ наз. Черчаломскомъ сраженіи почти всѣ перебиты.[87]) Бóльшій интересъ представляетъ другое столкновеніе съ Мадья-

---

значенія, искали объясненія этого названія изъ собственнаго имени к.-н. тюркскаго племени. Такъ, J. Marquart, Ueber das Volkstum der Komanen,, с. 158 связывалъ Черныхъ Клобуковъ съ отдѣльнымъ родомъ Кипчакскаго племени Qara Böklü (Marquart исправлялъ на Börklü), съ чѣмъ согласился и В. В. Бартольдъ въ своей пространной рецензіи на упом. работу Маркварта (Русскій Историч. Журналъ, 1921 г., кн. VII, с. 150). Это не исключаетъ, на нашъ взглядъ, возможности видѣть въ современномъ племени Каракалпаковъ, обитающихъ въ Туркестанѣ потомковъ кіевскихъ Черныхъ Клобуковъ, т. к., нося это прозвище болѣе столѣтія, оно могло остаться за ними и послѣ крушенія Кіевской Руси. О происхожденіи современныхъ Каракалпаковъ отъ кіевскихъ Черныхъ Клубоковъ см. ниже, стр. 63. и прим. 422. Совсѣмъ особыхъ взглядовъ держится В. Пархоменко, въ цитированной уже выше замѣткѣ „Чорні Клобуки", вызванной моей статьей „О роли Черныхъ Клобуковъ въ исторіи древней Руси". На страницѣ 243 Пархоменко отвергаетъ мое утвержденіе, высказанное мною въ этой статьѣ, о собирательности имени „Черные Клобуки", и не считаетъ возможнымъ видѣть въ Черныхъ Клобукахъ осколки племенъ Торковъ, Печенѣговъ и Берендѣевъ, присоединяясь къ мнѣнію Маркварта и Бартольда о тождествѣ Черныхъ Клобуковъ съ кипчацкимъ родомъ Кара-Берклу; но на страницѣ 244, когда автору необходимо было связать Черныхъ Клобуковъ съ кавказско-яфетической теоріей, онъ, вопреки только что имъ высказанному, пишетъ: „если же понимать это имя [Черные Клобуки] въ *собирательномъ* (курсивъ мой, Д. Р.) смыслѣ, то, безусловно, тутъ выявляются не только тюркскій элементъ и въ первую очередь — кавказско-яфетическій". Яфетизмъ же Черныхъ Клобуковъ В. Пархоменко обнаруживаетъ слѣдующимъ образомъ: въ 1023—1024 г. г. князь Мстиславъ привелъ съ собою въ Черниговское княжество, для войны съ братомъ своимъ Ярославомъ Кіевскимъ, Хазаръ и Касоговъ; „изъ племенныхъ названій XII ст., находящихся въ лѣтописи, думается, съ ними (Касогами) скорѣе всего можно связать Ковуевъ,... насколько лѣтопись связываетъ послѣднихъ съ Черниговскою территоріею". А Ковуи, какъ извѣстно, входили въ составъ Черныхъ Клобуковъ. Въ прим. 83 я уже говорилъ о тюркизмѣ этихъ Ковуевъ.

[86]) Напр. въ походѣ угорскаго короля Соломона на Византію въ 1087 г. участвовали и Половцы и Печенѣги (В. Васильевскій, Византія и Печенѣги, с. 48).

[87]) Thwrocz, II, глава 49, с. 116—117 („pagani Cuni"), Simonis de Keza, II, 4, с. 118 („Bessi"), Legenda St. Ladislai (ed. Endlicher, с. 239—40, „Bisseni"), Chronicon Poso-

рами — на этотъ разъ скорѣе всего именно Печенѣговъ — закончившееся страшнымъ пораженіемъ степняковъ и, что особенно важно, — разселеніемъ огромного количества плѣнныхъ по Угріи. Въ 1072 г. Печенѣги, какъ кажется, не безъ подстрекательства византійцевъ, совершили набѣгъ на Угрію. Это вызвало походъ короля Соломона на византійскую крѣпость Бѣлградъ, намѣстникъ которой считался Мадьярами главнымъ виновникомъ нападенія кочевниковъ на Угрію. Здѣсь эти Тюрки, пришедшіе на помощь бѣлградскому намѣстнику, были наголову разбиты Яномъ, шопронскимъ жупаномъ, ханъ ихъ Хазаръ едва спасся бѣгствомъ, остальные же были или изсѣчены или отведены въ плѣнъ; послѣднихъ, по выраженію хроники, было „много тысячъ".[88]

Въ правленіе короля Ладислава (1077—1095) прекращается господство Печенѣговъ и Торковъ въ придунайскихъ степяхъ и ихъ смѣняютъ Половцы. Въ 1078 г. Половцы впервые появляются у Дуная, а въ 1091 г. они уже съ помощью византійцевъ окончательно сокрушаютъ все еще не желавшихъ замириться, хотя уже и разселенныхъ на византійскомъ пограничьѣ, Печенѣговъ.[89] Въ послѣдній, однако, разъ Угріи пришлось принять печенѣжскихъ бѣглецовъ еще позже, въ 1123 году.

Подъ 1122 годомъ византійскіе источники сохранили намъ извѣстіе о большомъ пораженіи нанесенномъ Печенѣгамъ императоромъ Іоанномъ Комниномъ.

---

niensis (ed. Endlicher, с. 56 „Besseni"). Gyárfás I. ц. с. II, с. 54 и 178—181 считалъ нападавшихъ Половцами, также и П. Голубовскій, Половцы въ Венгріи, Кіевск. Университ. Извѣстія, 1889, XII; Szokolay M., ц. с. с. 66 — Печенѣгами. L. Szalay, ц. с. I, с. 186—187 ставитъ въ связь этотъ набѣгъ въ Угрію съ пораженіемъ, нанесеннымъ черниговскимъ княземъ Святославомъ Половцамъ въ 1067 г. Что въ 1070 г. напали на Угрію Половцы — вполнѣ допустимо, если вспомнить, что это было время, когда они начали совершать свои глубокіе набѣги въ правое Приднѣпровье.

[88]) Thwrocz, II, гл. 50: „plurimis eorum (Bissenorum) in ore gladii prostratis, residuis autem eorum, in captivitatem abactis"; ниже: „eo, quod ipse, multa millia Bissenorum, tamquam lapis limpidissimus, vasa fictilia, contrivisset, priusquam rex et dux, cum exercitu suo, de ientaculis capita levassent. Regi autem, et ducibus Geyza et Ladislao, super rupem, quae eidem civitati proxima est, residentibus; coeperunt Hungari praesentare captos Bissenos et capita interfectorum, ac equos, et supellectilia; quae in quarta feria, a mane, usque ad inclinationem meridiei, plene perficere non potuerunt" (с. 117—18). L. Szolay, ц. с. I, с. 188—191, Jerney J., с. ц. II, с. 229, Gyárfás, ц. с. II, с. 74—75, Szokolay M., ц. с. с. 66, со ссылкой на Erdélyi Lászlo, A tizenkét legkritikusabb kérdés (Kolozsvár, 1917, с. 114) считали этихъ степняковъ Печенѣгами. Но недавно Kossányi B. въ своей работѣ „Az úzok és nománok történetéhez a XI—XII. sz. попытался доказать, что это были Торки, а не Печенѣги. Кошаньи исходилъ изъ предположенія, что Печенѣги къ 1068 году уже разселились въ Византійской имперіи, а Половцы лишь съ 1078 г. будутъ впервые упоминаться у Дуная. Но эти Печенѣги могли находиться и на правомъ, византійскомъ, берегу Дуная, откуда и производили нападенія на Угрію, а В. Васильевскій (ц. с. с. 44) допускалъ возможность пребыванія Печенѣговъ въ это время и на лѣвой сторонѣ Дуная. Какъ я уже упомянулъ выше (с. 5, пр. 22), въ мадьярской исторіографіи распространено мнѣніе, что многочисленные плѣнные, взятые подъ Бѣлградомъ, были поселены на шопроно-мошонскомъ пограничьѣ, т. к. побѣдителемъ ихъ былъ шопронскій жупанъ. Но не надо забывать, что при этой побѣдѣ присутствовалъ и король, который могъ разселить Печенѣговъ по любымъ мѣстамъ. Не были ли поселены эти плѣнные по р. Шарвизу, подъ королевскою столицею Секель-Фейерваромъ, гдѣ изъ болѣе позднихъ источниковъ мы узнаемъ о существованіи большого ядра Печенѣговъ?

[89]) В. Г. Васильевскій, ц. с. с. 96—107.

Печенѣги въ огромномъ количествѣ перешли Дунай и стали опустошать Ѳракію и Македонію, но у г. Верои они были совершенно разбиты императоромъ, который въ память этой побѣды, давшейся ему съ большимъ трудомъ, установилъ специальный „печенѣжскій праздникъ“ (ἡ τῶν Πατζινάχων τελετή) въ память избавленія отъ Печенѣговъ.[90] Вѣроятно въ связи съ этимъ пораженіемъ и находится извѣстіе въ хроникѣ Туроца о томъ, какъ „кунскій“ ханъ Татаръ, въ числѣ немногихъ, спасшихся отъ „убійствъ“ императора, прибѣжалъ съ этими немногими къ угорскому королю Стефану II.[91] Бѣженцы сразу заняли привиллегированное положеніе при дворѣ, широко пользовались этимъ, и даже притѣсняли Мадьяръ. Все это было возможно только благодаря особенному печенѣгофильству короля Стефана.[92]

Этимъ эпизодомъ заканчивается періодъ печенѣжскихъ вторженій въ Угрію, начавшихся со времени первыхъ Арпадовичей въ X в. и длившихся затѣмъ около двухъ столѣтій. Вмѣстѣ съ Печенѣгами проникали въ Угрію Торки и Берендѣи, но въ несравнимо меньшемъ количествѣ, чѣмъ первые; историческихъ свѣдѣній объ этомъ нѣтъ; сохранились лишь слѣды, и то только начиная съ середины XII в., о единичныхъ поселеніяхъ этихъ двухъ тюркскихъ племенъ. Проникали они, особенно Берендѣи, повидимому, главнымъ образомъ съ сѣвера и востока, черезъ Карпаты: ихъ поселенія мы видимъ преимущественно въ сѣверной и восточной Угріи.

II.

Разсмотримъ теперь — какъ были разселены Печенѣги, Торки и Берендѣи по Руси и Угріи, начавъ обзоръ съ послѣдней, гдѣ тюркскія поселенія были древнѣе.

Такъ какъ въ Угріи старніе и многочисленнѣе остальныхъ были поселенія печенѣжскія, то и обратимся прежде всего къ нимъ, перейдя затѣмъ къ разселенію Торковъ и Берендѣевъ.

Печенѣжскія поселенія Угріи были двояки: пограничныя и внутреннія. Разсмотримъ сперва пограничныя поселенія.

Систематическое устройство угорскихъ пограничныхъ линій въ видѣ засѣкъ (gyepü — дьепу) съ поселеніемъ на нихъ стражи (speculatores, confinorum custodes

[90]) Nicetae Choniatae Historia, ed. Bonn. p. 22—23, у котораго только и находимъ упоминанія о „печенѣжскомъ праздникѣ“, тогда какъ въ изложеніи самой войны онъ и Ioannes Cinnamos (ed. Bonn. I, 3, с. 7—8) называютъ кочевниковъ Скиѳами. Можетъ быть это нападеніе Печенѣговъ на Византію 1122 г. можно поставить въ связь съ событіями этого времени на Руси. Какъ мы видѣли выше, Владиміръ Мономахъ въ 1121 г. выгналъ Берендѣевъ изъ Руси, и вмѣстѣ съ ними бѣжали Торки и Печенѣги. Не эти ли изгнанники вторглись затѣмъ въ Византію? Иначе трудно себѣ представить, чтобы осколки Печенѣговъ все еще могли свободно кочевать на лѣвой сторонѣ Дуная, гдѣ въ это время уже владычествовали Половцы. — Не отъ этого ли времени ведутъ свое начало и приводимыя уже мною выше (прим. 67) двѣ деревни Беренде въ Болгаріи и не являются ли онѣ такимъ образомъ отраженіемъ поселенія здѣсь части Берендѣевъ, бѣжавшихъ въ 1121 году отъ Владиміра Мономаха?

[91]) Thwrocz II, гл. 63, с. 141: „Rex autem Stephanus, diligebat Cunos tunc temporis plus quam decebat: quorum dux, nomine Tatar, qui a caede imperatoris, cum paucis, ad regem fugerat, cum rege morabatur“.

[92]) Thwrocz II, гл. 63, с. 141. Ср. L. Szalay ц. с. I, с. 286.

или ewrii, eur, отъ мадьярск. őr — стража, стражъ), въ значительной степени изъ тюркскихъ инородцевъ, въ особенности Печенѣговъ, относится ко времени короля Стефана I (997—1038). Лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ на лайтенскомъ пограничьѣ, въ районѣ Шопрона и Мошона, эти засѣки съ поселенными на нихъ Печенѣгами были болѣе ранняго происхожденія — отъ времени первыхъ Арпадовичей. Засѣки окружали Угрію — это классическое государство подобнаго рода укрѣпленій — со всѣхъ сторонъ, и всюду здѣсь мы будемъ находить слѣды поселенныхъ Угріей Печенѣговъ.[93]

Начнемъ обзоръ съ западной, германской границы Угріи. Огороженная дьепуми, эта граница во времена короля Стефана тянулась отъ сліянія Муры и Дравы на с.-з. по Мурѣ до впаденія въ нее Керки, затѣмъ вверхъ по этой рѣкѣ къ мѣстности Nova, а отъ Nova на сѣверъ къ Zalalővő и Csakány на Рабѣ.[94] Здѣсь, за этой пограничной линіей мы находимъ поселенія Печенѣговъ ок. Nagy-Kanizsa (Заласскаго комитата), гдѣ извѣстна мѣстность Bessenew, Beseneu, уп. въ 1335 г.[95] а сѣвернѣе, ок. гор. Zalaegerszeg извѣстна съ 1381 дер. Bessenyew.[96] Кромѣ того, печенѣжскаго происхожденія въ томъ же Заласскомъ комитатѣ считаются тѣ мѣстности, которыя носятъ названіе Орманъ (орман — по-тюркски значитъ лѣсъ).[97] Онѣ какъ разъ находятся тамъ, гдѣ были и мѣстности съ именемъ Бешеньё: въ 1260 г. уп. terra de Vrmand, около Zalaegerszeg (на юго-зап. отъ него),[98] а къ с.-в. отъ Nagy-Kanizsa, близъ Komárváros уп. въ 1412 г. possessio Ormandhyda[99]; наконецъ рѣчка Ormányi-vizér, уп. еще въ 1251 г. (»Vruhman aqua«), служила пограничьемъ между Заласскимъ и Шомодскимъ комитатами.[100] Сѣвернѣе, въ районѣ Csakány, въ ю.-в. части Вашскаго комитата, въ Прирабьѣ, существовало два печенѣжскихъ поселенія: одно — Hodász (упоминается »Bisse de Hodoutz«), другое, возлѣ него — Besenew, извѣстное съ 1497 г.[101]

Классическою же и старѣйшею мѣстностью печенѣжскихъ поселеній Угріи были, къ сѣверу отъ Вашскаго, комитаты Шопронскій и Мошонскій. Здѣсь уже

---

[93]) Для правильнаго чтенія названій, которыя оставлены нами въ мадьярской транскрипціи, напомню, что cs и ch читаются какъ русское ч, c и cz какъ ц, g — какъ г, но gy — какъ дь, ó какъ долгое о, ö и ő — какъ французск. eu, s и ss какъ ш, sz какъ с, ü и ű какъ франц. u, zs какъ ж, y соотвѣтствуетъ русскому ь позлѣ согласныхъ и ‚и' послѣ гласныхъ.

[94]) Karácsony J. Halavány vonások hazánk Szent István korabeli határairól, с. 1043—1046.

[95]) Csánki Dezső, Magyarorszag történelmi földrajza a Hunyadiak korában (Дежё Чанки, Историческая географія Угріи во время Гуньядовцевъ [XV в.], томъ III, с. 36. Szokolay M. A magyarországi bessenyőtelepekről, с. 77.

[96]) Въ 1381 г. уп. nobiles de Besenew. Нынѣ — Zalabesenyő. Csánki, III, с. 36, Szokolay, с. 77.

[97]) За печенѣжское происхожденіе такого обще-тюркскаго названія говоритъ его древность: какъ увидимъ ниже, поселенія Orman (въ Бараньскомъ комитатѣ) встрѣчаются уже въ XII в., еще до разселенія по Угріи Половцевъ. Ср. Rásonyi Nagy László, Orman, отд. отт. изъ Magyar Nyelv, 1928, XXIV, с. 14.

[98]) Теперь дер. Ormándlak, Csánki, III, с. 88, Rásonyi Nagy, с. 13, Szokolay, с. 77. На прилагаемой картѣ значки, обозначающіе поселенія Печенѣговъ, Торковъ и Берендѣевъ, указываютъ лишь на присутствіе въ данной мѣстности тѣхъ или иныхъ тюркскихъ народностей, не отвѣчая въ точности количеству расположенныхъ здѣсь отдѣльныхъ тюркскихъ поселеній.

[99]) Теперь Ormándpuszta, Csánki III, с. 88, Rásonyi Nagy, с. 13, Szokolay, с. 77.

[100]) Rásonyi Nagy, с. 13.

[101]) Hodász — теперь Hegyháthodász, a Besenew — теперь дер. къ востоку отъ Rohouc, около Seregélyesháza, Csánki, II, 737, Szokolay, с. 77.

въ до-стефановское время существовали печенѣжскія поселенія, какъ на одномъ изъ самыхъ важныхъ стратегическихъ мѣстъ Угріи — германскомъ пограничьѣ. Здѣсь линіи дьепувъ тянулись не одной, а по всей вѣроятности двумя параллельными линіями[102]; это требовало и бóльшаго количества защитниковъ. Какъ разъ о Печенѣгахъ шопроно-мошонскаго участка говоритъ Анонимъ, что ихъ здѣсь было поселено „не малое количество".

Первоначально германо-угорское пограничье шло вдоль рѣки Лайты (Лейты, славянск. Литавы) но затѣмъ, подъ напоромъ Нѣмцевъ, стало оттягиваться на востокъ, къ Репче и Рабѣ, выдвигаясь снова на западъ у Братиславы (мадьярск. Пожонь).[103] Временемъ окончательной германизаціи лайтскаго района считаютъ XIII вѣкъ[104]; Печенѣги, жившіе здѣсь, частью погибли въ войнахъ, оставшіеся же были германизированы, а м. б. частично и выведены Мадьярами на новое, прирабское пограничье.

Древнѣйшимъ свидѣтельствомъ о Печенѣгахъ въ шопроно-мошонскомъ районѣ является сообщеніе Анонима, что князь Золтанъ (ок. 907—943) „собралъ по ту (юго-западную) сторону Мошонскаго озера (Фертё) не малое количество Печенѣговъ" для того, чтобы они защищали государство со стороны Нѣмцевъ[105]; въ 1052 г. Печенѣги упоминаются здѣсь, на-ряду съ Мадьярами, въ войнѣ Угріи съ германскимъ императоромъ Генрихомъ III[106]; еще выразительнѣе роль Печенѣговъ, какъ защитниковъ шопроно-мошонскаго пограничья, выявляется въ 1074 г.[107]

По свидѣтельству грамоты короля Эмериха 1203 года, къ сѣверу отъ озера Фертё, у рѣки Лайты, Печенѣги жили еще въ древнѣйшую эпоху, и жили на землѣ, полученной ими „по праву мошонской военной службы".[108] Центромъ этой terrae Bissenorum была мѣстность Legentó, къ сѣв.-вост. отъ озера, про которую тотъ же король Эмерихъ уже въ 1203 г. говорилъ, что ею „Печенѣги нѣкогда владѣли"[109]; понимать это выраженіе надо въ томъ смыслѣ, что нѣкогда Печенѣги имѣли всѣ права и привилегіи надъ этой королевской землей,

[102]) Karácsonyi J., ц. с., с. 1054.

[103]) Karácsonyi J., ц. с. с. 1042, 1046, Gyárfás I., ц. с. II, с. 58; Szokolay, ц. с. с. 79.

[104]) Gyárfás I. ц. с. II, с. 58.

[105]) Anonymus, гл. 57 (Endlicher, с. 53). Текстъ приведенъ выше, с. 5, пр. 22.

[106]) Thwrocz, II, гл. 43, с. 109—110. Какъ я уже упоминалъ выше (с. 5 пр. 22, с. 18 пр. 88) нельзя, по-моему, придавать, какъ это обычно дѣлалось, большого значенія сообщенію 1072 г. о пораженіи Печенѣговъ Яномъ Шопронскимъ и о разселеніи ихъ имъ по шопронскому пограничью. Возможно, конечно, что нѣкоторая часть плѣнныхъ и была уведена этимъ жупаномъ въ свой комитатъ, но по всему видно, что это не было главное, основное поселеніе здѣсь Печенѣговъ, которые были поселены здѣсь еще раньше 1072 (1068) года.

[107]) Thwrocz, II, гл. 53, с. 126.

[108]) „de iure Musuniensis castri exceptum". Грамоту см. у Jerney J. ц. с. I, с. 232, § 6; ср. Szokolay, ц. с. с. 80.

[109]) О Legentó, какъ центрѣ печенѣжскихъ поселеній, см. грамоту короля Белы IV 1230 г. аббатству св. Креста, гдѣ говорится: „terram, quae vocatur curia regis iuxta aquam Saar et medietatem terrae Byssenorum quae dicitur Leguentou" (Jerney, I, с. 233); грамота же короля Эмериха говоритъ о Легенто: „Praedium, quod Bysseni quondam possidebant" (тамъ же, с. 232); о мѣстоположеніи земли Легенто говоритъ грамота 1217 г. кор. Андрея: „cuius terrae metae sic incipiunt: Prima meta incipit a metis villae Balus (Galus) iuxta Fertew locum sitae, et protenditur contra orientem iuxta possessionem Petlen vocatem, et transit ultra terram Bissenorum vsque ad colliculum, Gesheleuhalm vocatum".

которую теперь король передалъ монастырю св. Креста и на который вмѣстѣ съ тѣмъ переходила теперь обязанность защищать Печенѣговъ. Очевидно къ этому времени эти печенѣжскія поселенія уже не имѣли прежняго важнаго значенія для государства.[110] Памятью о печенѣжскихъ поселеніяхъ по Лайтѣ и у озера Фертё, является мѣстность Бешеньё, уп. съ 1265 г., на юго-зап. отъ Kismarton (въ нын. Австріи)[111] и цѣлый рядъ другихъ деревень, по названіямъ своимъ признаваемыя мадьярскими учеными за печенѣжскія.[112]

Нѣсколько восточнѣе, у нижняго теченія Рабы, въ самой восточной части Шопронскаго комитата, на границѣ его съ Дьерскимъ, существовала мѣстность Arpas, жители которой были Печенѣги.[113]

---

[110]) Грамота короля Андрея 1217 г. и булла папы Иннокентія III 1210 г. подтверждаютъ принадлежность этой земли нѣкогда Печенѣгамъ: „terram quamdam, nomine Legingthov, quam Bisseni prius incolebat (Jerney, I. c. 232), „quod Bisseni quondam possederant" (Szokolay, c. 80); о томъ, какой оказалась для Печенѣговъ защита ихъ братіей монастыря св. Креста показываетъ грамота кор. Андрея II этому монастырю: „ut dicitur, res eorum indebite accipientes, praedium Byssenorum maiori ex parte ab eis tulistis fratribus, quibus praesidio esse debuistis. Vnde vobis — praecipimus, quatenus omnes terminos Byssenorum ipsis fratribus defendatis" (Jerney I, c. 233). Szokolay замѣчаетъ, что послѣ передачи этой земли въ 1203 г. монастырю св. Креста, Печенѣги получили другое владѣніе „какъ вознагражденіе" (с. 80 и пр. 78, со ссылкой на Tagány K. Történelmi helynévmagyarázatok, Föld és Ember, 1922, c. 230, безъ дальнѣйшихъ подробностей). Смыслъ приведенной грамоты кор. Андрея II какъ будто опровергаетъ возможность такого заключенія. О Legéntó см. еще у Csánki, III, c. 682.

[111]) „Besenev" (1265), „Bechenev" и „Beseneu" (1325), „Pechynd" (1437), теперь Pötsching. Csánki, III, c. 623, Szokolay, c. 79; это, какъ будто, та же деревня, на которую указываетъ и Jerney J., I, c. 235, приводящій упоминанія о ней еще въ 1223 и 1232 годахъ.

[112]) Potli (Pöttelsdorf), Heron (Hirn), Mórocz (Márc), Szerdahely (Stettera), Szemere (Cemendorf), Dorog (Trausdorf), Szántó (Antau), Mayad (Margaréta), Siklós (Szieglos), Suslan (Schattendorf), Dág (Agendorf), Zván (Wandorf), Gyula (Loipersbach), Meggyes (Mörbisch), Szaka (Okkan), Sárfenék (Scharfeneck), Cseken (Wienpassing), два Ikka, Ábrahám-Kéthida, Kövesd (Millendorf), Kétcsó, Pereszén (Siegesdorf), Ravazd-puszta, Viz-puszta, Pagya-puszta, Ejcse (Balf), Pomogy, Márton-szalló (Kismarton), Tard, Örkény, Gyima, Szil (Ruszt), Csákan (Tundolskirchen). И рѣки этой области: Лайта, Вулка и Шпиттельбахъ носили первоначально печенѣжскія названія: Шаръ (Sár), Сельегъ (Selyeg) и Меренье (Merenye). См. Gyárfás, II, c. 58, Szokolay, c. 79 со ссылкой на Nagy I. A Lajta mint határfolyam, Századok, 1871, c. 372. Всѣ перечисленныя мѣстности находились въ прежнемъ Шопронскомъ комитатѣ; въ Мошонскомъ же къ печенѣжскимъ поселеніямъ относятъ дер. Kata (нынѣ Gottendorf) — см. J. Németh, Die Petschenegischen Stammesnamen, Ungarische Jahrbücher, 1930 X, 1/2, c. 33, пр. 3, Csánki, III, c. 680, Szokolay, c. 80, и дер. Tétény (нѣм. Tadten) — см. Csánki, III, c. 687 и Melich J., Két álliotólagos honfoglaláselötti német helynévről [Яношъ Мелихъ, Два нѣмецкихъ названія въ нашей родинѣ], Magyar Nyelv, 1931, XXVII, c. 221—226. Gyárfás (II, c. 58) и Szokolay (c. 79) приводятъ въ Шопронскомъ комитатѣ вмѣстѣ съ упомянутыми деревнями еще дер. Kovácsi-puszta, какъ печенѣжскую. Не является ли она славянской? „Ковачъ," „ковъ" — обще-славянскія слова (ср. L. Niederle, Život starých Slovanů, dil III, svazek I, v Praze, 1921, c. 232), тогда какъ въ тюркскихъ языкахъ слова „ковачъ" нѣтъ совершенно, а „кова", въ смыслѣ ведра, посуды, извѣстно лишь одному османскому языку (В. В. Радловъ, Опытъ словаря тюркскихъ нарѣчій, СПб. 1899, т. II, ст. 664, s. v. „кова").

[113]) „Bisseni de Arpas". О древности ихъ поселеній здѣсь свидѣтельствуетъ грамота шопронскаго палатины Дьюлы отъ 1222 г., изъ которой узнаемъ, что арпашскіе Печенѣги пользовались въ это время еще „отъ древности установленными" свободами („quod eorum [Bissenorum] libertas ab antiquo instituta... fuisset in plurimis diminuta". Изъ того же, что эти Печенѣги, лично явившись въ 1222 г. къ палатину съ жалобами, „утрудили его такимъ количествомъ народа", можно заключить, что ихъ въ это время еще не мало было въ этой мѣстности. Грамота 1222 года

Кромѣ перечисленныхъ прямыхъ свѣдѣній о существованіи печенѣжскихъ поселеній на западномъ пограничьѣ Угріи, есть цѣлый рядъ и косвенныхъ указаній. Подобно тому, какъ въ русскихъ лѣтописяхъ нельзя иногда различить, кого именно имѣетъ въ виду лѣтописецъ подъ общимъ собирательнымъ именемъ „лучниковъ", „мóлоди", такъ и въ мадьяро-латинскихъ хроникахъ и грамотахъ часто встрѣчаются упоминанія о „confinorum custodes", „speculatores", „sagittarii", охранявшихъ угорскія границы. Подъ этими названіями скрывались и собственно-мадьярская пограничная стража, и таинственные Сикулы, и, наконецъ, Печенѣги. Показательно сравненіе описаній Оттона Фризингенскаго и Туроца мадьяро-нѣмецкой войны 1146 г., ведшейся на шопронскомъ пограничьѣ. Когда первый говоритъ объ участіи въ мадьярскомъ войскѣ сагитаріевъ и о пораженіи ихъ Нѣмцами,[114] второй разсказываетъ о бѣгствѣ передъ Нѣмцами — Печенѣговъ и Сикуловъ.[115] Другимъ примѣромъ можетъ служить упомянутая выше (стр. 22, пр. 112) деревня Мошонскаго комитата Ката (Káta), признаваемая печенѣжской по своему имени; какъ разъ жителей этой деревни грамота кор. Карла 1339 г., называетъ „спикуляторами": „quod nos Laurentio, Ioanni et Nicolao, spiculatoribus nostri de Katha de comitatu Mosoniensi"; изъ этой грамоты узнаемъ, что катайскіе „спикуляторы" жили въ этой деревнѣ цѣлымъ своимъ родомъ („ipsorum et totius generationis eorundem de eodem") и охраняли мадьярское пограничье еще со времени первыхъ угорскихъ королей[116]; по этимъ признакамъ катайцевъ скорѣе всего можно отнести къ какому-нибудь печенѣжскому р о д у, издавна здѣсь сидящему, чѣмъ къ с о с л о в і ю разноплеменной стражи. Дальнѣйшія слова грамоты еще болѣе убѣждаютъ насъ, что въ ней подразумѣвался к о ч е в о й народъ: она опредѣляетъ, чтобы и на будущія времена эти спикуляторы служили конно и оружно, какъ служили угорскимъ королямъ и ихъ п р е д к и въ древности.[117]

Очень возможно, поэтому, что еще въ упоминаемыхъ въ 1044 г. на лайто-рабскомъ пограничьѣ сагитаріяхъ (sagittarii) надо видѣть тѣхъ же Печенѣговъ[118];

издана полностью у Jerney I, с. 233, § 7 и частично у Endlicher, Rer. Hung. Monum. Arpad., с. 419—420 („Iulae palatini libertas firmata Bissenis in Arpas"). Теперь это Kis-Árpást (Szokolay, с. 79).

[114]) Ottonis Frisingensis, De Gesta Friderici I Imperatoris, L. I, cap. 33, ed. G. Waitz, Hannov. 1884, p. 41 „Positis in capite duabus alis, in quibus sagittarii, quatenus vim hostium eminus repellerent, erant..."

[115]) Thwrocz II, гл. 65 с. 145 „Bisseni vero pessimi et Siculi vilissimi, omnes pariter fugerunt sicut oves a lupis, qui more solito, praeibant agmina Hungarorum". Ср. Jerney I, с. 260.

[116]) „... quam in exercito seruitii speculationis in finibus Teutoniae continue residentes temporibus priorum regum, piorum pregenitorum nostrorum" (Jerney I, с. 254).

[117]) „ut quemadmodum eorum pragenitores antiquites exercebant" (тамъ же). О катайцахъ, какъ о Печенѣгахъ прямо говоритъ Karácsony, ц. с. с. 1046. О сагитаріяхъ въ районѣ Шопрона упоминаютъ еще грамоты: кор. Андрея II 1225 г. (Jerney, I, с. 257—8), кор. Стефана V 1270 г. (тамъ же, с. 258); грамота кор. Владислава Кумана, 1277 г. передавала Луэрскихъ стрѣлковъ (Sagittarii de villa Luer) въ самый замокъ Шопронъ, ввиду оскудѣнія его гарнизона; сагитаріи тамъ получили всѣ права горожанъ. (См. Jerney I, с. 258; самое имя деревни Luer происходитъ отъ двухъ мадьярскихъ словъ lö и őr, т. е. стрѣлковая стража; Luer находился около Шопрона, Gyárfás II, с. 57); далѣе о нихъ см. въ грамотахъ 1282 г. и 1339 г. (Jerney I, с. 254—5). О сагитаріяхъ въ Вашскомъ комитатѣ см. грамоты 1269 и 1317 г. г. (тамъ же, с. 253—4), въ Заласскомъ — грамоту 1392 г. (тамъ же, с. 253). Jerney I, с. 252—261 отождествлялъ Сикуловъ съ Печенѣгами, а потому всѣ упоминанія о сагитаріяхъ и спикуляторахъ относилъ исключительно къ Печенѣгамъ.

[118]) Thwrocz, II, гл. 37, с. 103.

въ 1047 г. тѣ же сагитаріи этого пограничья отличаются своею жестокостью, чѣмъ только побуждаютъ къ отождествленію ихъ съ Печенѣгами.[119]

На восточномъ, правомъ берегу Рабы, уже въ Дьёрскомъ комитатѣ, находилась мѣстность Besenyőtarló, уп. въ 1234 г.[120]; здѣсь же, въ юго-западной части Дьёрскаго комитата была нѣкогда большая группа печенѣжскихъ поселеній, еще существовавшихъ въ XIII ст., но затѣмъ исчезнувшихъ[121]; уже въ 1269 г. писалось въ одной грамотѣ объ этой мѣстности, какъ о нѣкогда называемой печенѣжской.[122] Вся эта область въ старину находилась во владѣніи печенѣжскаго рода Тэтъ, т. к. съ этимъ именемъ затѣмъ и будутъ (въ 1251, 1269 и 1270 г. г.) упоминаться жившіе здѣсь Печенѣги „Bisseni de Thet“ и деревни: Öreg-Téth, Bessenyő-Téth и современная Tétszentkut.[123] Еще сѣвернѣе въ Токезѣ (Tóköz), около Дьёра, существуетъ дер. Bezi, ранѣе носившая болѣе полное имя Bisseni[124]; тутъ же, между Réti и Lébény есть дер. Thelukbarath, которую, по ея названію, считаютъ печенѣжской.[125]

Въ тылу прирабскихъ поселеній Печенѣговъ, у самаго Дуная, въ комитатѣ Комарнскомъ, было также, нѣкогда, большое количество печенѣжскихъ поселеній; можетъ-быть они служили здѣсь защитою границы, когда послѣдняя (до времени св. Стефана) не перешла еще на лѣвую сторону Дуная, въ Словакію. Здѣсь находимъ печенѣжскую мѣстность Vas („Wes“), уп. въ 1229 и 1297 г. г.,[126] а также рядъ современныхъ деревень, коихъ названія считаютъ печенѣжскими.[127] Вблизи же прирабскаго пограничья, въ тылу его, ок. Nagy-Szöllőshöz, въ западной части Веспремскаго комитата, находится до сихъ поръ посел. Bessenyő-major.[128]

Перейдемъ теперь къ обозрѣнію печенѣжскихъ поселеній на сѣверномъ, словацкомъ пограничьѣ Угріи, начавъ свой обзоръ съ сѣверо-запада. До времени св. Стефана угорская граница не переходила здѣсь Дуная[129] и лишь въ правленіе этого короля было положено начало проникновенія Мадьяръ на лѣвый берегъ Дуная, въ Словакію.[130] Проникая вѣроятно черезъ Остригомъ (мадьярск. Эстергомъ),[131] эта мадьярская колонизація въ теченіе XI-го вѣка стала заселять теченія

---

[119]) Thwrocz, II, гл. 41, с. 107 „Tandem milites eius (бывшаго короля Петра) omnes a sagittariis sunt interfecti; ipse vero vivus captus est, et obcoecatus. Ср. съ дикостью и жестокостью русскихъ Черныхъ Клобуковъ — Д. Расовскій, О роли Черныхъ Клобуковъ, с. 107—108.

[120]) „Itur ad rus Bissenorum, quod vulgo dicitur Beseneuthorlou“ (Szokolay, с. 78).

[121]) Szokolay, с. 78.

[122]) Грамота кор. Белы IV 1269 г. (Jerney, I, с. 235: „ut quamdam terram, quae olim fuit Bissenorum Theth vocatam...“).

[123]) Melich, J. Két állitólagos honfoglaláselötti német helynévről, Magyar Nyelv, 1931, XXVII, с. 221—226; Szokolay, с. 78; Csánki, III, с. 561.

[124]) Szokolay, с. 78—79.

[125]) Тамъ же, с. 79.

[126]) Теперь мѣстечко Vas-puszta деревни Ács на юго-западѣ отъ Комарно (мадьярск. Комаромъ), тамъ же, с. 78.

[127]) Haláp, Ölbő, Baj, Tarján, Usztancs, Őrs, Kajánd, Tárkány, Kocs, Tömözd, Igmánd, Csanak, Barancsháza, Tekevára, Gerebucs, Ladomér, Ete, Bolar (тамъ же, с. 78).

[128]) Тамъ же, с. 77.

[129]) Hóman B, A honfoglaló törzsek megtelepedése (Поселеніе занимающихъ родину племенъ), Turul, 1912, с. 103, цитирую по А. Петрову, Древнѣйшія грамоты..., с. 15, пр. 2.

[130]) V. Chaloupecký, Staré Slovensko, с. 34. Халупецкій относитъ подчиненіе южной Словакіи Стефаномъ къ 1025—1039 г. г., когда онъ отвоевалъ эту страну отъ Поляковъ (тамъ же с. 301).

[131]) Тамъ же, с. 34.

рѣкъ: Ипола, Грона, Житавы, нижней и средней Нитры и Вага, — создавая здѣсь укрѣпленія противъ Чешскаго государства, а на верховьяхъ Грона, Нитры и Вага устраивать заслоны и сторожевые посты противъ Польши. На этихъ то пограничныхъ линіяхъ и будемъ находить поселенія Печенѣговъ.

Къ сѣверу отъ Остригома, на верховѣяхъ р. Секеницы, притока Грона, въ районѣ Bátovce (въ прежнемъ Хонтскомъ комитатѣ, нынѣ въ Батовецкомъ округѣ Хонтіанской жупы, въ Чехословакіи) еще въ XIII в. упом. селеніе Hontbesenyő (словацкая Pečenice).[132]

На Гронѣ, по среднему его теченію, у св. Креста (Svätý Kríž), находится дер. Felsőbesenyő (словацкая Dubrava).[133]

Много тюркскихъ поселеній было по рѣкѣ Житавѣ, особенно по ея низовью. Здѣсь находимъ слѣды и Печенѣговъ и Берендѣевъ, а грамоты XII—XIII в. в. упоминаютъ о конныхъ сторожевыхъ отрядахъ, съ тюркскими именами отдѣльныхъ конниковъ.[134] Опредѣленно-печенѣжскія поселенія извѣстны здѣсь съ древнѣйшихъ временъ въ районѣ Удварда, т. е. у сліянія Житавы съ Нитрой; впервые они упоминаются въ 1075 г.[135]; съ 1209 г. уп. villa Beschene, нынѣ Zsitvabesenyő (словацкая Bešenov), Враблевскаго округа, Тековской жупы[136]; нѣсколько выше по Житавѣ находилась печенѣжская мѣстность Тасаръ (Tazzar), уп. съ 1075 г.,[137] нынѣ дер. Tesáre (мадьяр. Bartaszár),[138] и Bessne, извѣстная съ 1298 г., нынѣ Barsbese (словацкая Beša).[139]

---

[132]) Szokolay, с. 88; Soznam miest na Slovensku dľa popisu ľudu z roku 1919. V Bratislave, 1920, с. 29.

[133]) Szokolay, с. 87—88, Soznam, с. 103 (округъ Svätý Kríž, жупа Тековская).

[134]) „Servientes in equo proprio, qui wlgo Luosicsag (lovasság — конница по-мадьярски) dicuntur"; они жили въ Малыхъ Слепчанахъ на Житавѣ. Monumenta Ecclesiae Strigoniensis, ed. Ferd. Knauz, t. I, Strigonii, 1874, с. 118—119 (1165 г.), с. 364—365 (1247 г.); ср. Chaloupecký, ц. с. с. 286, пр. 1129. Халупецкій считаетъ эти поселенія печенѣжскими.

[135]) Упом. въ грамотѣ короля Гезы I: „Insuper uero dedi aliam uillam hudwordiensium bissenorum, ad arandum super eandem aquam Sitoua (Житава) cum terra septuaginta duorum aratrorum" (Monumenta Ecclesiae Strigoniensis, t. I, № 25, с. 54; ср. Jerney, I, с. 247, § 20, Chaloupecký, Staré Slovensko, с. 89, пр. 356, и с. 115 и пр. 452 b и с. 263 и пр. 1036). Объ этихъ Печенѣгахъ упоминаетъ затѣмъ грамота кор. Стефана II отъ 1124 г. Они просуществовали здѣсь до татарскаго нашествія, когда жители Удварда погибли и король Бела IV подарилъ эту землю нѣмецкому рыцарю Ресселю (Szokolay, с. 77—78).

[136]) Она уп. еще и позже, въ 1264, 1272 и 1395 г. г. Находилась при стыкѣ прежнихъ Нитранскаго, Комарнскаго и Баршевскаго комитатовъ (Szokolay, с. 87, V. Chaloupecký, ц. с. 15, гдѣ онъ правильно называетъ деревню — Bešenov, но на с. 263, пр. 1036 называетъ ее Pečenčice, равно какъ и по картѣ № 3; см. еще Soznam, с. 105).

[137]) Въ грамотѣ кор. Гезы I: „Dedi eciam uillam bissenorum ad arandum, nomine Tazzar, super Sitoua, cum terra XX aratrorum et magnam siluam uersus orientalem et meridionalem plagam cum pratis et pascuis" (Monum. Eccl. Strigon. I, с. 54). Позже упом. еще въ 1209, 1352 и 1565 г. г. Szokolay, с. 87; ср. Jerney, I, с. 246, § 16.

[138]) Szokolay изъ этой деревни Тасаръ сдѣлала двѣ, изъ-за двухъ существующихъ сейчасъ одноименныхъ деревень въ Словакіи: Tesáre (мадьярск. Barstaszár), рядомъ съ дер. Mlyňany (мадьярск. Malonya) на Житавѣ, о которой идетъ рѣчь въ предыдущ. примѣчаніи и Tesáry (Nytrateszér) на Нитрѣ, въ Велико-Топольчанскомъ округѣ (ц. с. с. 86—87). Но въ приводимомъ самой же Соколай свидѣтельствѣ о второй дер. Тесары опредѣленно говорится „Tazzar, super Sitoua", т. е. на Житавѣ, и поэтому она не можетъ быть отождествлена съ соврем. дер. Nitra-teszér на р. Нитрѣ. См. еще Chaloupecký, ц. ц. 89, пр. 356 и Soznam, с. 108.

[139]) Уп. до 1359 г. Szokolay, с. 88, Jerney, I, с. 246, § 16, Soznam, с. 105. Szokolay, с. 87, ссылаясь на Borovszky, Bács vármegye monografiája (Монографія о Бачскомъ комитатѣ), с. 48

На рѣкѣ Нитрѣ была также „villa Beseneu", уп. въ 1217 и 1272 г.,[140] а нѣсколько на западъ отъ этой рѣки, печенѣжскаго происхожденія является дер. Récsény, уп. съ 1316 г.,[141] нынѣ словацк. Rišňovce Dolné (мадьярск. Alsórécsény), включающая въ себѣ отдѣльное поселеніе, до сихъ поръ называемое Besenyő.[142]

О поселеніи Печенѣговъ на р. Вагѣ есть легендарное извѣстіе, относимое ко времени князя Арпада, будто бы давшаго язычнику Кетелю много земель на Дунаѣ, при устьѣ Вага; это извѣстіе цѣнно гл. обр. въ томъ отношеніи, что указываетъ, что еще въ нач. XIII в., когда писалъ Анонимъ, сохранялась память о язычникахъ-инородцахъ, издавна здѣсь поселенныхъ. Всего естественнѣе видѣть въ нихъ Печенѣговъ.[143] Слѣдами Печенѣговъ на Вагѣ является селеніе Besné, на верхнемъ теченіи Вага, у дер. Mariková,[144] а южнѣе — villa Byssenorum на Дудвагѣ, уп. въ 1216 г.,[145] нынѣ дер. Rečeňady (или Rečňany), мадьярск. Pecsenyéd или Besenyőpetőfalva.[146] По языковымъ даннымъ печенѣжскаго происхожденія считается и мѣстность Kosztolány, теперь Вел. Костоланы на Дудвагѣ, по сосѣдству съ дер. Печеняды.[147] Косвеннымъ указаніемъ на поселеніе язычниковъ-Печенѣговъ въ повагской сторожевой линіи служитъ упоминаніе о „sepulcra paganorum", которыя изслѣдователи справедливо относятъ къ поселеннымъ здѣсь тюркскимъ язычникамъ, въ томъ числѣ и Печенѣгамъ.[148] Эти же Тюрки скрываются и за своимъ профессіональнымъ названіемъ — военныхъ стрѣлковъ „sagittarii", „sagittarii nostri de Wagh", о которыхъ не разъ упоминаютъ мадьярскіе источники.[149]

Выше по Дунаю, на Житномъ островѣ (по мадьярск. Csallóköz, Чаллокёзъ) въ самомъ южномъ углу прежняго Пожоньскаго (Пожонь — мадьярское названіе Братиславы) комитата, нынѣ Братиславской жупы, находится рядъ селеній, въ

считаетъ печенѣжскаго происхожденія и дер. Kovácsi, уп. въ 1075 году. Объ этомъ названіи см. выше, пр. 112; о славянскомъ происхожденіи его — см. у V. Chaloupecký, ц. с. с. 270 и пр. 1065.

[140]) „Item in Turmaskuz incipit meta a fluvio Nytra... et vadit versus Besseneu inter pratum et terram arabilem, et exit ad viam, quae ducit ad Besseneu" (Jerney I, с. 247, § 22; ср. Szokolay, с. 87).

[141]) Въ 1565 г. эта деревня, подъ именемъ Kamocsa была владѣніемъ нѣкоего Реченья (Jerney I, с. 248, § 22; Szokolay, с. 87).

[142]) Soznam, с. 46, Chaloupecký, ц. с. с. 91 (Rečeňany); на картѣ 3-ьей эта мѣстность у Халупецкаго названа Rečeňady. Гдѣ-то въ Нитранской области была дер. Neuerici (Neverice), уп. въ 1156 г. V. Chaloupecký, ц. с. с. 231 пр. 901 и с. 385, предполагалъ въ этомъ названіи слѣдъ языческаго печенѣжскаго поселенія.

[143]) Anonymus, гл. 15, ed. Endlicher, с. 17—18. Ср. Chaloupecký, ц. с. с. 115, с. 262—3 и пр. 1034, и с. 452. G. Fehér, Die Petschenegen und die ungarischen Hunnensagen с. 139—140. Если признать догадку Фехера о поселеніи здѣсь Печенѣговъ еще при князѣ Токсонѣ, то эти низовыя повагскія поселенія ихъ были бы самыми древними въ Словакіи, еще до-стефановскаго времени.

[144]) Soznam, с. 117; у дер. Марикова находится поселеніе, до сихъ поръ носящее названіе Paganovce.

[145]) „Dicta terra incipit ab aqua Dwdwae, ibi tenet motam cum terra ville Byssenorum." Въ 1379 г. уп. какъ „Besseneu". Szokolay, с. 87.

[146]) Soznam, с. 55, Szokolay, с. 87, Chaloupecký, ц. с. с. 88, пр. 353 (Rečeňady) и карта 3, гдѣ эта же дер. названа Rečenice.

[147]) Szokolay, с. 87.

[148]) Chaloupecký, ц. с. с. 85, пр. 340, с. 88, пр. 352. Извѣстіе относится къ 1208 году.

[149]) См. напр. грамоты кор. Стефана V отъ 1272 и 1279 г. г. — Jerney I, с. 258—259. О томъ, что въ этихъ стрѣлкахъ надо видѣть Печенѣговъ, см. Chaloupecký, ц. с. с. 83 и особ. с. 88.

которыхъ нѣкогда жили Печенѣги; такова мѣстность Padan, о которой знаемъ, что въ 1265 г. въ ней жили Saul et Saulum, filius Salomonis... de villa Padan, qui filii Bissenorum dicuntur", деревни Töbörete, Karcsa, Bős, Kis-Bodak, Nagy-Bodak, Várkony, Kotliba puszta и Barsunos, всѣ — въ районѣ нын. округа Дунайская Среда Братиславской жупы.[150]

Отдѣльно было расположено поселеніе Печенѣговъ на верховьяхъ Вага, у гор. Ружомберокъ — нын. дер. Bešenova (мадьярск. Besenyőfalva), нѣкогда вѣроятно служившее сторожевымъ заслономъ противъ Польши, на пути изъ Кракова.[151]

На этомъ сѣверо-западномъ пограничьѣ Угріи, на территоріи нынѣшней юго-западной Словакіи, печенѣжскія поселенія были не одни: какъ увидимъ ниже, здѣсь, въ перемежку съ печенѣжскими, мы найдемъ также торкскія и берендѣйскія поселенія, и нѣсколько болѣе поздняго происхожденія — поселенія Половцевъ. Всѣ эти Тюрки одинаково несли здѣсь сторожевую пограничную службу.

Не встрѣчаемъ однако слѣдовъ поселеній Печенѣговъ и Берендѣевъ на рѣкѣ Моравѣ. Отсутствіе этихъ Тюрковъ на самой западной границѣ Угріи, на пограничьѣ съ Чешскимъ государствомъ легко находитъ себѣ объясненіе въ недавно высказанномъ мнѣніи В. Халупецкаго,[151a] что угро-чешская граница до начала XIII в. проходила по лѣсистымъ горнымъ хребтамъ Малыхъ и Бѣлыхъ Карпатъ, служившихъ водораздѣломъ Моравы и Вага, и что лишь начиная съ XIII вѣка угро-чешская граница установилась по Моравѣ. Разселеніе Угріей печенѣжскихъ (и берендѣйскихъ) отрядовъ въ Словакіи относится къ древнѣйшему періоду колонизаціи Мадьярами этой страны, т. е. къ первой половинѣ XI ст., когда укрѣплялись теченія Гроны, Нитры, Вага; въ XII—XIII вѣкахъ же Мадьяры начали пользоваться для своихъ колонизаторскихъ цѣлей уже новымъ тюркскимъ элементомъ — Половцами, и какъ разъ только Половцевъ мы и находимъ на новомъ угорскомъ пограничьѣ по р. Моравѣ.[151б] Такимъ образомъ рѣка Вагъ, или, точнѣе, система этой рѣки, была тѣмъ крайнимъ западнымъ предѣломъ, до котораго дошло печенѣжско-берендѣйское разселеніе въ Словакіи. За предѣлами Угріи, въ Моравіи, т. е. на восточномъ пограничьѣ Чешскаго королевства, мы уже не найдемъ этихъ Тюрковъ.[151в] Туда не докатилась волна тюркскаго разсѣянія, и чешскіе короли, какъ увидимъ ниже, когда являлась у нихъ потребность въ этой легкой тюркской конницѣ, просили о временномъ предоставленіи имъ ея — у угорскихъ королей.

Вторая большая группа печенѣжскихъ поселеній на сѣверномъ угорскомъ пограничьѣ находилась по теченію р. Сланы (мадьярск. Шайо) и въ районѣ предгорій Матры и Буковыхъ горъ.

Въ этой группѣ самымъ сѣвернымъ печенѣжскимъ поселеніемъ надо считать существующую до сихъ поръ въ долинѣ р. Бадовы (мадьярск. Бадва), притокѣ

---

150) Szokolay, с. 88; Soznam, с. 6—8. Ср. Jerney I, с. 248, § 24.

151) Szokolay, с. 88, Soznam, с. 43, Jerney I, с. 247, § 21.

151a) Staré Slovensko, с. 76—78.

151б) Тамъ же, с. 83—84, пр. 330 и карта № 3 при той же книгѣ.

151в) Ср. напр. Fr. Černý, Příspěvky k historickému zeměpisu Moravy, Časopis Matice Moravské, v Brně, 1917—18, томъ 41—42, с. 1—68 и особенно с. 18—19, гдѣ идетъ рѣчь и восточномъ пограничьѣ Моравіи.

Сланы, деревню Besenyőlád (или Lád-Bessenyő) въ Эделенскомъ округѣ Баршодскаго комитата нынѣшней Венгріи.[152] Здѣсь же къ сѣв. отъ Мишкольца, близъ устья Сланы, до сихъ поръ существуютъ деревни Sajó-Besenyő и Szirma-Besenyő; о давности этихъ печенѣжскихъ поселеній можемъ судитъ изъ того, что еще въ 1336 г. здѣсь уп. мѣстность Besseneu.[153] Между рѣками Сланою и Ягеромъ (мадьярск. Эгеръ) уже въ 1067 г. упоминаются печенѣжскіе конники, печенѣжскій колодезь, печенѣжскія могилы.[154] Южнѣе устья Сланы, близъ Тиссы, въ Мезечатскомъ округѣ Баршскаго комитата было поселеніе Oszlár или Eszlár, нынѣ Tisza-Oszlár, которое, по его названію, считаютъ печенѣжскаго происхожденія.[155]

Восточнѣе, въ Эгерскомъ округѣ Хевешскаго комитата была дер. Бешеньё, въ 1278 г. находившаяся во владѣніи Печенѣга по имени Текме, а послѣ его смерти перешедшая къ „великопеченѣжской" (nagybesenyői Bessenyei) семьѣ Тепель (Tepély).[156] Отъ конца XIII в. есть свѣдѣнія о дер. Burger (Buger)-Beseneu въ томъ же Эгерскомъ округѣ, у потока Laskó;[157] около Эгера есть мѣстность Becsenek-főlde (т. е. печенѣжская земля)[158]; м. б. печенѣжскаго происхожденія и названія мѣстностей Tass[159] и Szározkő.[160] Въ Хевешскомъ же комитатѣ находится еще мѣстность Besenyszög (теперь Tiszaszőg).[161]

Еще западнѣе, подъ Матрою, печенѣжскія поселенія группировались у рѣкъ Задьвы и Тарны, въ области Хатвана. Анонимъ разсказываетъ, какъ еще князь Арпадъ (а по Фехеру — Токсонъ) отдалъ земли у Матры легендарнымъ Эду и Эдумену, отъ которыхъ происходилъ печенѣжской крови угорскій король Самуилъ-Аба.[162] Въ 1386 г. уп. у Хатвана печенѣжскій житель Стефанъ изъ мѣстности Hort.[163] По правымъ притокамъ Тарны, въ ю.-з. углу Хевешскаго

---

[152]) Szokolay, с. 81; ср. Jerney I, с. 246, § 18.

[153]) Csánki I, с. 169, Szokolay, с. 80. Въ дер. Szirma-Besenyő, еще въ XIII в. жили Печенѣги. Ср. Chaloupecký, с. 102, пр. 398.

[154]) „Inde ad puteum Bissenorum ut tendit ad viam positam in transuersum, per quam venitur a sepulturos Bissenorum", „Summa totius numeri concluditur calculo, videlicet C. III. mansus seruorum; XXX equitus, XX Ungari et (X) Bisseni". Szokolay (с. 80—81) упомянутые здѣсь колодезь и могилы ищетъ въ районѣ селъ Sajó-Besenyő a Szirma-Besenyő, т. е. къ сѣв. отъ Мишкольца, тогда какъ Chaloupecký (с. 102, пр. 398) относитъ ихъ южнѣе Мишкольца, ок. Szihalom.

[155]) J. Karácsonyi, Nehány besenyő és kún helynevünkről (О нѣкоторыхъ печенѣжскихъ и половецкихъ мѣстныхъ именахъ), Magyar Nyelv, 1921, с. 211 (цит. по Szokolay, с. 80).

[156]) Деревня опустѣла въ пер. пол. XVII в. и снова уп. съ 1675 г. (Csánki, I, с. 73, Szokolay, с. 81.)

[157]) Съ XV в. она уп. уже подъ именемъ Dorman или Dormánháza и нынѣ наз. Dormánd. Csánki, I, с. 58; G. Fehér, Die Petschenegen und die ungarischen Hunnensagen, с. 140, Szokolay, с. 81.

[158]) Szokolay, с. 81.

[159]) Gombocz Z., Árpádkori török személyneveink (Личныя турецкія имена времени Арпадовичей), Magyar Nyelv, X, с. 338 (цит. по Szokolay, с. 81).

[160]) Уп. въ 1446 и 1466 г. г. Находится ок. Tepély. Szokolay, с. 81.

[161]) Тамъ же с. 81.

[162]) Anonymus, гл. 32, с. 29 ed. Endlicher »Tunc dux Arpad in silva Matra debit terram magnam Edunec et Edumenec, ubi postea Pota nepos eorum castrum construxit, et quorum etiam progenie longo post tempore rex Samuel descendit«. Ср. G. Fehér Die Petschenegen und die ungarischen Hunnensagen, особенно с. 125.

[163]) »Ad supplicationem Stephani Bisseni de Hord« — Jerney I, с. 246, § 19; Szokolay, с. 81.

комитата, находится цѣлый рядъ мѣстностей, которыя мадьярскіе ученые считаютъ, судя по ихъ названіямъ, печенѣжскаго происхожденія.[164]

Еще юго-западнѣе, между Дунаемъ и Галгой, притокомъ Задьвы, у южныхъ отроговъ Новоградскихъ горъ, также находимъ печенѣжскія поселенія, которыми какъ бы связывались западно-словацкія, придунайскія печенѣжскія поселенія съ матро-буковскими, образуя сплошную линію древнѣйшаго угорскаго сѣвернаго пограничья. Здѣсь, въ районѣ Gödöllő, къ с.-в. востоку отъ него, существовала мѣстность Bessenew, позже наз. Besnyő-puszta или Mária-Besnyő.[165] Недалёко отсюда, но уже на правой сторонѣ Дуная, около Буды, издревле существовала мѣстность Beseneu nomine, уп. въ 1214 г.[166] Если принять утвержденіе Г. Фехера, что легендарные Била и Баксу (Bocsu) были Печенѣгами, то въ печенѣжскихъ рукахъ въ такомъ случаѣ въ древнѣйшее время находилось и самое укрѣпленіе Пештъ.[167]

Третья группа печенѣжскихъ поселеній на сѣверномъ угорскомъ пограничьѣ находилась въ треугольникѣ, образуемомъ теченіемъ Тиссы, въ Сабольчскомъ комитатѣ нынѣшней Венгріи. Граница Угріи при св. Стефанѣ уже перешла здѣсь за Тиссу, простираясь къ низовьямъ Лаборца и Латорицы, но далѣе на востокъ шла по Тиссѣ, а затѣмъ по Самошу,[168] и т. о. эти потисскія печенѣжскія поселенія были почти у границы. Здѣсь упом. possessio Besenywd, извѣстное съ 1455 г., и еще другая деревня съ тѣмъ же именемъ уп. въ 1326 г., если только послѣдняя не тождественна съ первой.[169] Кромѣ того, печенѣжскаго происхожденія считаются, судя по ихъ названіямъ, цѣлый рядъ современныхъ деревень, расположенныхъ преимущественно въ восточной части этого комитата, у Тиссы.[170]

Переходя къ восточному угорскому пограничью, мы и здѣсь будемъ встрѣчать печенѣжскія поселенія, вблизи границы, часто — въ долинахъ горныхъ рѣкъ, что, какъ будто, указываетъ на ихъ сторожевое значеніе. Восточная граница Угріи въ эпоху св. Стефана шла по Самошу, захватывала западную часть Тран-

[164]) Это мѣстности: Ábony, Hanyi, Adács, Alatka, Atkár, Átány, Csány, Ecsed, Erk, Füged, Heves, Györk (или Vámosgyörk), Hatvan, Deménd, Karácsond, Kerecsend, Kömlőd, Nána, Maklar, Réde, Samd, Ugra, Vezekény и Visonta (Szokolay, с. 81—82 со ссылкой Karácsonyi J. цит. раб. Néhány besenyő és kún helynevünkről, с. 211 и Magyarország vármegyéi és városai, с. 455. Объ имени Макларъ см. замѣтку J. Németh »Maklár« въ Magyar Nyelv, 1931, XXVII, с. 145—147.) Южнѣе, по Задьвѣ, въ сѣв.-восточн. части Пештъ-Пилишъ-Шольтъ-Кишкунскаго комитата находится цѣлая группа поселеній съ именемъ Káta: Szent-Lőrinc-Káta, Puszta-Boldog-Káta, Puszta-Egres-Káta, Puszta-Tamás-Káta, Nagy-Káta, которыя относятъ, на основаніи языковыхъ данныхъ, къ печенѣжскимъ. Szokolay, с. 82, J. Németh, Die petschenegischen Stammesnamen, Ungarische Jahrbücher, 1930, X, 1/2, с. 33, пр. 3.

[165]) Въ Пештъ-Пилишъ-Шольтъ-Кишкунскомъ комитатѣ. Упом. въ 1387 и 1492 г. г., послѣ XV в. — пустырь. Szokolay, с. 82.

[166]) »Praedium etiam contulit quod est circa Budam, Beseneu nomine«, Jerney I, с. 248, § 23 и Szokolay, с. 82.

[167]) Anonymus, гл. 57, с. 53 (цитату см. выше, с. 6). См. еще G. Fehér, ц. с. с. 131 и 136.

[168]) Karácsonyi J. Halavány vonások hazánk Szent István korabeli határairól, с. 1049—1053.

[169]) Szokolay, с. 83 приводитъ лишь извѣстіе 1455 г. о »possessionis Besenywd vocate in Comitatu de Zaboch«, упоминаемую еще подъ 1591 и 1776 г. и находящуюся нынѣ ок. Levelex (ср. Csánki I, с. 511); a Jerney, I, с. 249, § 26 относитъ къ печенѣжскому поселенію въ Собольчскомъ ком. современную дер. Besenyőd, уп. въ грамотѣ кор. Карла I 1326 г., которую Ерней не приводитъ. У Szokolay нѣтъ упоминанія объ этой второй деревнѣ.

[170]) Laskod, Iklód, Ormező, Ör-Ladány, Lövő, Tura, Varsány, Téth, Balsa, Eköcs (Szokolay, с. 83).

сильваніи, спускалась далѣе на югъ къ Тарду и подъ нимъ, пересѣкая долины Аржаньоша и Мароша, упиралась въ Трансильванскія Альпы у Ольты.[171]

Самымъ сѣвернымъ пунктомъ печенѣжскихъ поселеній является здѣсь мѣстность Бешеньё (Besenyő), принадлежавшая Сентъ-Іобскому аббатству и расположенная по среднему теченію р. Беретьё, притокѣ Кёрёша[172]; въ томъ же бывш. Бигарскомъ комитатѣ (теперь Румынія), около Варада, во владѣніи Лелесскаго аббатства уп. въ 1211 и 1214 г. г. „Mich in Beseneu portus“[173]; по теченію Шебешъ-Кёрёша уп. въ 1235 г. villa Besenend,[174] а на Фекете-Кёрёшѣ другая дер. Besenyő.[175] Южнѣе, въ быв. Арадскомъ комитатѣ (теперь Румынія) уп. въ 1235 г. „terra castri nomine Beseneu“, находившейся на правомъ берегу Мароша, у предгорій Карпатъ[176]; далѣе на востокъ, вверхъ по теченію Мароша, въ предѣлахъ бывш. Гуньядскаго комитата (нын. Румынія) существуетъ до сихъ поръ дер. Bessau (Bessendorf)[177]; южнѣе, въ прежнемъ Красо-Сёреньскомъ комитатѣ у р. Карашъ было нѣкогда селеніе Kővespataka, владѣтелемъ котораго былъ Печенѣгъ Іоаннъ, начальникъ Эршомльской крѣпости, что какъ-будто говоритъ за то, что Печенѣги имѣли здѣсь свои владѣнія[178]; наконецъ въ самыхъ Трансильванскихъ Альпахъ, у прежней румыно-венгерской границы, на р. Черной, существовало поселеніе Печенѣчка (Pecsenecska), теперь Csernabesenyő.[179]

Въ Трансильваніи, присоединенной къ Угріи лишь въ теченіе XI вѣка, также встрѣчаемъ слѣды печенѣжскихъ поселеній. Однако возможно, что эти поселенія возникли здѣсь не какъ результатъ колонизаціонной дѣятельности угорскаго государства, а еще до нея, по мѣрѣ постепеннаго проникновенія Печенѣговъ въ Трансильванію въ X—XI вв.

Древнѣйшее упоминаніе здѣсь Печенѣговъ относится къ 1224 г., когда они уравнивались въ привилегіяхъ съ Саксонцами грамотою кор. Андрея II.[180] По прежнему мадьярскому административному дѣленію, Печенѣги встрѣчаются въ слѣдующихъ комитатахъ: въ Харомсекскомъ (потокъ Besseny и дер. Besenczed и Besendzd, съ 1332 г.), въ Бестерце-Насодскомъ (дер. Besenyőt, Нѣмцами звалась villa Paganio, Heidendorf), въ Кишъ-Кюкюллёскомъ (современ. дер. Buzás-Besenyő), Альшо-Фехерскомъ (дер. Bessenyő), Фогарашскомъ (дер. Besse, Bessinbach), Чикскомъ (Lásárfalva),[181] Удвархельскомъ (дер. Felső и Alsó-Rákoson, гдѣ уп. въ 1421 живущіе здѣсь Печенѣги).[182]

---

171) Karácsony J., ц. с. с. 1055—1056.

172) Csánki, I, с. 604. Szokolay, с. 84. Теперь въ Румыніи.

173) Szokolay, с. 84.

174) Теперь это дер. Beznye, между Barátka и Nagybárod (тамъ же, с. 83—84).

175) Около Tenke, уп. въ 1552 г. (тамъ же, с. 84).

176) Тамъ же, с. 86 и карту къ статьѣ Соколай.

177) Тамъ же, с. 89.

178) „Ioannes bissenus“, тамъ же, с. 86.

179) Къ югу отъ курорта Herkules (тамъ же, с. 86).

180) „Silvam Blacorum et Bissenorum cum aquis, usus communes exercendo cum praedictis scilicet Blacis (Половцы) et Bissenis, eisdem contulimus ut prefata gaudentes libertate, nulli inde seruire teneantur“ ed. Endlicher, с. 422; ср. Jerney I, с. 250, § 33, Szokolay, с. 88—89.

181) „Lazarfalva in Comitatu Albensi partium Transsylvanorum alias a Byssenis impopulata, multum tamen desolata“, 1365 г. Кромѣ того въ этомъ комитатѣ упоминается: „vetaginta quinque mansiones liberorum Bicenorum“ (Jerney, I, с. 251, Szokolay, с. 89).

182) Csánki, V, с. 869—870; Szokolay, с. 89.

На южномъ, византійскомъ пограничьѣ Угріи, есть слѣды печенѣжскихъ поселеній между рѣками Савой и Дравой. Въ бывш. Срѣмскомъ комитатѣ (теперь Югославія), на с.-в. отъ Манделоса находилась мѣстность Beseneu, гдѣ теперь Bešenevo Selo и Bešenovo monastir[183]; о срѣмской villa Besenev уп. грамота кор. Белы IV отъ 1253 года[184]; у р. Вука, притока Дуная, уп. въ 1396 г. мѣстность Beseno, Bessenew[185]; есть слѣды Печенѣговъ и въ районѣ Осека, въ бывшемъ Веречёсскомъ комитатѣ, гдѣ они упоминаются въ 1196 г. платящими пошлины мѣстному цикадарскому аббатству.[186] Если же въ титулѣ Іоанна Марота, бана Мачвы: „Banus Machoviensis et Comes Bissenorum“ 1406 г., можно видѣть отраженіе дѣйствительнаго поселенія здѣсь Печенѣговъ, то это свидѣтельствовало бы, что еще въ нач. XV в. были печенѣжскія поселенія и на правомъ, южномъ берегу Савы.[187]

Вѣроятно, что поселенія Печенѣговъ, расположенныя на лѣвомъ берегу Дравы въ Бараньскомъ и Шомодьскомъ комитатахъ, и по Дунаю: въ западной части бывш. Бачъ-Бодрогскаго (нын. Югославія) и въ южной части Тольнскаго комитата, до присоединенія королемъ Андреемъ I (1047—1061) Сирміи, а королемъ Владиславомъ (1077—1095) Хорватіи между Дравой и Савой,[188] — находились въ приграничной области и служили защитою Угріи отъ вторженій съ юга, пока ея граница еще не перешла за Драву. На это указываетъ, какъ-будто, и древность свидѣтельствъ объ этихъ печенѣжскихъ поселеніяхъ, восходящихъ вѣроятно къ началу XI в. Такъ, villa Beseneu у Дуная въ б. Бачъ-Бодрогскомъ комитатѣ, уп. уже въ грамотѣ 1093 г.[189]; по другую сторону Дуная, около Печа (Печварада), въ Бараньскомъ комитатѣ уп. дер. Besen въ 1181 г.[190]; къ ю.-з. отъ Печа въ 1168—1290 г. г. уп. villa Vrmand(y), очевидно, также печенѣжскаго происхожденія[191]; грамота кор. Белы IV говоритъ о владѣніяхъ, нѣкогда принадлежавшихъ Печенѣгамъ около Могача на Дунаѣ, которыя въ 1238 г. передавались фейерварскимъ крестоносцамъ; оставаясь жить на прежнихъ мѣстахъ, Печенѣги должны были подчиняться новымъ владѣтелямъ ихъ земли[192]; вѣроятно отъ этихъ Печенѣговъ сохранилось также упоминаемое еще въ 1335—1467 г. г. poss. или terre Orman(d) или Wrmand къ ю.-з. отъ Могача[193]; здѣсь же, въ юго-западномъ углу Бараньскаго комитата, близъ рѣки Дравы, находилась цѣлая область, носившая названіе Орманъ (или Урманъ), вѣроятно отъ нѣкогда бывшаго здѣсь лѣса,

---

183) Csánki, II, c. 241; Szokolay, c. 90.
184) Jerney, I, c. 250, § 28.
185) Szokolay, c. 90.
186) Грамота лишь подтверждаетъ другую, болѣе раннюю, кор. Гезы II (1140—1160), Jerney, I, c. 267; Szokolay, c. 90.
187) Jerney, I, c. 263.
188) Karácsony J., ц. с. с. 1057.
189) Szokolay, c. 82.
190) Въ 1266 г. она же уп. какъ Bezen. Szokolay, c. 76.
191) Csánki, II, c. 513, Rásonyi Nagy L., Orman, Magyar Nyelv, XXIV, 1928, отд. отт. c. 13.
192) «Item concessimus eidem Domini terram, quam habebant Bisseni in terra de Narad, ipsosque Bissenos, de beneplacito, et voluntate sua, eidem domui dimisimus, iuxta libertatem ipsorum seruituros.» Jerney, I, c. 245—6; ср. Szokolay, c. 76.
193) Csánki, II, c. 513, Rásonyi Nagy L., ц. с. с. 13.

т. к. орман по-турецки — значитъ лѣсъ.[194] Выше по Дунаю, въ с.-в. углу Бараньскаго комитата, на границѣ съ Тольнскимъ, существовала дер. Beseneu, упоминаемая въ 1346 г.[195] Здѣсь же, въ ю.-в. углу Тольнскаго комитата, у Дуная, находится мѣстность Báta (и Bátaszek), печенѣжское населеніе которой восходитъ, какъ кажется, ко времени св. Владислава (1077—1095), если не раньше.[196] На бараньско-тольнскомъ пограничьѣ находилась и terra Bissenorum de Nadasth, уп. въ 1233 г.[197]; въ с.-з. углу б. Бачъ-Бодрогскаго комитата (той его части, которая осталась за современной Венгріей), къ сѣв. отъ Байя (Baja), существовала мѣстность Besene, Besenew, уп. въ 1391 г.[198]

Возлѣ самой Дравы, у рѣчки Фекете (Fekete viz), въ Шиклошскомъ округѣ Бараньскаго комитата находятся до сихъ поръ двѣ деревни Besence и Bisse (Bese).[199] На основаніи же названій считаются печенѣжскаго происхожденія мѣстности: Kis Budmér, Nagy Budmér, Béllye, Kátoly, Vosian, какъ и прежнее названіе рѣки Фекете — Окоръ.[200] Западнѣе, въ Шомодьскомъ комитатѣ къ такимъ приграничнымъ печенѣжскимъ поселеніямъ слѣдуетъ отнести уп. въ 1091 г. Pincinaticorum villa, которую ищутъ на притокѣ Дравы — Риньи ((Rinya), къ ю.-в. отъ Nagy-Atád, гдѣ теперь находится дер. Rinyabessenyő.[201]

Въ тылу дравскаго пограничья существовала небольшая группа печенѣжскихъ поселеній у Балатонскаго озера, къ югу отъ него, въ предѣлахъ того же Шомодьскаго комитата. Здѣсь уп. въ 1298 г. terra Besenew,[202] теперь Fehér (Бѣло-) и Fekete (Черно-) Bézseny puszta (Печенѣжскій пустырь) у Lengyeltóti[203]; Besenye Zent Gyerg (Besenye-Szent-György), упоминаемая съ 1303 г. и находящаяся на с.-з. отъ Marczali, нынѣ Balaton-Szent-György[204]; Beseneumal (Besenyőmál), уп. въ 1229 г. и Beseneuvta (Besenyő-uta), уп. въ 1279 г. у р. Капошъ[205]; по своему названію печенѣжскаго происхожденія считаютъ дер. Értemlak.[206]

Значительно меньше находимъ въ Угріи слѣдовъ торкскаго разсѣянія. Съ большею или меньшею увѣренностью можно указать лишь на слѣдующіе.

На западномъ пограничьѣ, среди печенѣжскихъ поселеній шопронскаго района встрѣчаемъ мѣстность Torkosfertes (нын. Wőrthenstein)[207]; на Житномъ островѣ

[194]) Въ 1257 г. уп.: «possessionem Samud nominatam, existentem inter Drawam et Vrman in Comitatu de Borona cum tredecim villis, que sub una meta includuntur». Rásonyi Nagy L., ц. с. с. 13.

[195]) Poss. Besseneu, quae est in Bata in comitatu de Barana. Csánki, II, c. 473, Szokolay, c. 76.

[196]) Szokolay, c. 74.

[197]) Csánki, c. 410, Szokolay, c. 75.

[198]) Теперь Kis-Besenyő puszta и Nagy-Besenyő puszta. Въ 1425 г. уп. объ одной печенѣжской семьѣ, здѣсь живущей. Но въ 1628 г. — уже пустырь. Csánki, II, c. 194, Szokolay, c. 82—83.

[199]) Jerney, I, c. 245, Szokolay, c. 76.

[200]) Jerney, I, c. 246, Szokolay, c. 76.

[201]) Наличіе неупотребительнаго въ средневѣковой Угріи наименованія Печенѣговъ Пацинаками объясняется здѣсь франкскимъ элементомъ въ Шомодьскомъ аббатствѣ, откуда вышла грамота 1091 г. Позже, въ 1193 г. эта мѣстность будетъ упоминаться уже въ мадьярской терминологіи «villa Bessenorum» Jerney, I, c. 249, Szokolay, c. 76—77, Csánki, II, c. 593.

[202]) Въ 1335 г. уп. какъ „Possessio Beseneu iuxta Balatinum“.

[203]) Csánki II, c. 593, Szokolay, c. 77.

[204]) Csánki II, c. 643—4, Szokolay, c. 77.

[205]) Szokolay, c. 77.

[206]) Szokolay, c. 77.

[207]) Gyárfás II, c. 58; Szokolay, c. 79.

въ 1309 г. уп. possesione de Torch uocata[208] — нынѣ дер. Torcs Шаматинскаго округа Братиславской жупы[209]; въ сѣверной Словакіи, на верховьяхъ Тарца, на пути изъ Угріи въ Польшу и Галицкую Русь уп. въ 1248 г. дер. Torkow[210]; а восточнѣе, въ нын. Сечевскомъ округѣ Землинской жупы у Требишова до сихъ поръ существуетъ дер. Torkoš.[211] Такимъ образомъ, всѣ извѣстныя намъ слѣды Торковъ находятся на сѣверномъ угорскомъ пограничьѣ (за исключеніемъ одного — у р. Лайты); никакихъ историческихъ свидѣтельствъ о проникновеніи Торковъ въ Угрію у насъ нѣтъ; остается только на основаніи имѣющагося въ нашемъ распоряженіи матерьяла по топографической номенклатурѣ, предположить, что Торки, въ очень небольшомъ количествѣ въ эпоху разгрома племени, т. е. въ сер. XI ст. черезъ Карпаты и долиною Тиссы проникли въ Угрію и затѣмъ были здѣсь разселены Мадьярами въ видѣ сторожевыхъ постовъ на путяхъ изъ Руси, Польши и Чехіи.[212]

Болѣе сохранилось слѣдовъ о пребываніи въ Угріи Берендѣевъ.[213] Больше всего ихъ въ Словакіи, затѣмъ на восточномъ пограничьѣ Угріи. Судя по слѣдамъ ихъ разселенія, можно думать, что они проникали въ Угрію черезъ южныя Карпаты и поселялись гл. об. на сѣверномъ и восточномъ ея пограничьѣ.[214]

---

[208]) Monum. Eccl. Strigoniensis, II, с. 598—599; Marcellus de Torcha уп. уже въ 1299 г. (тамъ же, с. 475).

[209]) Soznam, с. 14.

[210]) По-мадьярски наз. Tarkő, теперь — Kamenica, Липіанскаго округа, Шаришской жупы. V. Chaloupecký, Staré Slovensko, с. 105, прим. 410; Perfecký, Sociálně-hospodářské poměry Podkarpatské Rusi ve stoletı́ XIII—XV, v Bratislavě, 1924, с. 104; Soznam, с. 92.

[211]) Soznam, с. 141.

[212]) Интересно отмѣтить, что какъ въ Словакіи, такъ и въ собственно-мадьярской землѣ встрѣчаемъ поселенія съ именемъ Uz, т. е. византійскимъ названіемъ Торковъ: Úszfalva (словацк. Usovce, Сабиновскаго округа, Шаришской жупы, въ 7 килом. отъ г. Veľký Šariš и г. Sabinov, см. Soznam, с. 97 и ср. J. M. Korabinsky, Geographisch-Historisches und Produkten Lexikon von Ungarn, Pressburg, 1786, с. 800 s. v. Ussfalwa; за неимѣніемъ подъ руками Codex Diplomat. Hung. G. Fejér'a, не могу сказать — эта ли деревня уп. въ 1383 г., судя по Index M. Czinár'a, с. 470); Uzlar, земля около г. Буды, уп. въ 1259 г. и Uzlar мѣстность въ Шомодьскомъ комитатѣ, уп. въ 1279 г., Uzahazhegye, мѣстность ок. Буды, уп. въ 1212 г. (о всѣхъ трехъ по M. Czinar, Index Alphabeticus, с. 470; ср. Géza Kuun, Codex Cumanicus, Prolegomena, p. LXXXIII); болото Uzh, уп. въ 1289 г. въ Пештъ-Пилишъ-Шольтъ-Кишкунскомъ комитатѣ (Ortvay, Magyarország régi vizrajaza [Гидрографія древней Угріи] т. II, с. 304), portus Uz, уп. въ 1261 г. въ Солнокъ-Добокскомъ комитатѣ (Ortvay, ц. с. II, с. 304); деревня Ozlar (Huzlar), на ю.-в. отъ Темешвара, уп. въ 1400 г. (Csánki, II, с. 55), потокъ Uzar и деревня Uzman въ Темешскомъ комитатѣ (Pesty A., Magyarországi várispánságok története [Исторія градскихъ жупаній Угріи], с. 501) рядъ мѣстностей съ тѣмъ же названіемъ (Úzpatak, Uzon, Uzonka) находимъ и въ Трансильваніи (Orbán, Székelyföld, I, с. 214. О послѣднихъ восьми названіяхъ мнѣ любезно сообщилъ Dr. László Rásonyi Nagy). Кромѣ того въ угорскихъ грамотахъ встрѣчается и рядъ лицъ, носившихъ имя Uz: Uz, villanus de Doragh 1223 г., Uz, pater de Uza 1299 г., familiae de Uz compositionales 1371 г. и многочисленные nobiles de Uz, Uza (по M. Czinar, цит. указатель с. 469—470). Не берусь судить, происходятъ ли приведенныя поселенія отъ личнаго тюркскаго имени Узъ, или же отъ имени того племени, которое на Руси было извѣстно подъ названіемъ Торковъ, а въ Византіи — Узовъ.

[213]) На прилагаемой къ настоящей работѣ картѣ нѣкоторыя изъ приводимыхъ ниже берендѣйскихъ поселеній не могли быть помѣчены, т. к. были найдены мною уже послѣ отпечатанія карты.

[214]) Gombocz Z. — Melich J. Lexicon critico-etymologicum linguae Hungaricae, с. 368—369 s. v. Berény даютъ сводку (не полную) упоминаній этого таинственнаго для мадьярской топонимики

Въ Словакіи берендѣйскія поселенія находимъ между Вагомъ и Моравою, (но входившія, вѣроятно, въ вагскую, а не моравскую сторожевую систему), въ районѣ Мыйявы, гдѣ до сихъ поръ существуютъ дер. Berencsbukócz (словацкій Bukovec) и Berencsváralja (словацкій Podbranč), обѣ ближе къ Brezová, Мывскаго округа, Нитранской жупы; возлѣ нихъ, въ Сеницкомъ округѣ той же жупы находится дер. Berencsróna (словацкая Rovensko).[215] Здѣсь нѣкогда былъ замокъ — castrum Berench (возлѣ упомянутой дер. Berencsváralja — Podbranč), извѣстный уже въ 1297 году; въ 1401 году онъ сталъ королевскимъ замкомъ — castrum regalis и существовалъ до XIX столѣтія.[216]

слова въ предѣлахъ Венгріи, различая два варіанта: Berencs и Berend. Оба эти названія авторы словаря ставятъ въ связь съ нѣсколько болѣе распространеннымъ мѣстнымъ названіемъ Berény; происхожденіе же послѣдняго слова считаютъ неизвѣстнымъ. Первымъ же, какъ я упомянулъ выше (с. 12, пр. 67), кто указалъ на тождество мадьярскаго имени Berend съ русскими лѣтописными Берендѣями былъ Bela Kossányi (въ своей статьѣ Az úzok és kománok tőrténetéhez a XI—XII sz., Századok, 1924). Но Б. Кошаньи, указавъ лишь на Berend, не коснулся слова Bérény; мадьярскимъ филологамъ предстоитъ выяснить, можно ли и слово Berény поставить въ связь съ русскими Берендѣями. Не безинтересно отмѣтить, что въ Угріи, какъ и на Руси, было два варіанта для названія того же племени: Берендѣи и Берендичи, Berénd и Berêncs. Ниже мною будутъ привлекаться изъ мадьярскихъ источниковъ собственныя имена только въ этихъ двухъ послѣднихъ формахъ, покуда самая связь формы Berény съ Berencs и Berend не является прочно установленной.

[215]) Всѣ три въ Soznam, с. 47 и 59.

[216]) На прямой линіи между словацкими Nové Mesto nad Váhom и Skalica на рѣкѣ Мыявѣ. О немъ см. напр. у G. Fejér, Codex Diplomaticus Hungariae, t. X, vol. VIII, c. 142—149; V. Chaloupecký, Staré Slovensko, c. 81 и пр. 322; с. 237 и пр. 926; J. Korabinsky, Geographisch-Historisches und Produkten Lexikon, c. 50; F. V. Sasinek, Bránecký hrad въ Slovenský letepis pre historiu, topografiu, archaeologiu a ethnografiu, III, c. 286—290, v Skalici, 1879; Ladislav Pauliny, Dáta k dejepisu hradu bráneckého, Slovenské Pohľady, 1888, c. 63—70, 76—79; Reval Nagy Lexikona, томъ 3 (1911 г.) с. 143, s. v. Berencsváralja. Теперь этотъ замокъ въ развалинахъ. Словацкіе ученые L. Pauliny и F. V. Sasinek, а за ними V. Chaloupecký, объясняли происхожденіе какъ упомянутаго замка, такъ и остальныхъ словацкихъ мѣстностей того же имени отъ славянскаго слова „brana“, ворота; V. Chaloupecký утверждалъ, что какъ замокъ Бранчъ, такъ и сходныя съ нимъ по имени мѣстности указываютъ на присутствіе тамъ воротъ у сторожевыхъ засѣкъ, и что т. обр. мадьярское Berend, Berenč является лишь искаженіемъ славянскаго Branč, а не наоборотъ. Не имѣя возможности по некомпетентности обсуждать этотъ вопросъ со стороны филологической, укажу лишь, что было бы въ такомъ случаѣ крайне затруднительно объяснить такую скученность поселеній въ районѣ Нитры съ именемъ Berenč, если производить это слово отъ brana — ворота, когда самъ Халупецкій указывалъ на существовавшую тенденцію, въ силу причинъ стратегическихъ и пошлинныхъ, сводитъ количество такихъ воротъ до минимума (Staré Slovensko, c. 72), такъ же, какъ не объяснимо было бы наличіе мѣстностей съ этимъ же именемъ въ комитатахъ Шомодьскомъ или Тольнскомъ, далекихъ отъ словацкой засѣчной системы. Наконецъ, есть прямыя указанія (о нихъ ниже) на связь имени Берендъ съ тюркскимъ родовымъ именемъ Каранчъ (Karancs). Двѣ замѣтки на эту же тему мадьярскихъ ученыхъ — Tagányi въ Magyar Nyelv IX, c. 259 и Nagy Géza въ Turul IX, c. 115, мнѣ остались недоступными, а János Melich, въ своей работѣ A honfoglaláskori Magyarország (Угрія во время занятія ея Мадьярами), A Magyar Nyelvtudomány Kézikönyve, I, 6 (1926), c. 82—83 и 202—203 считаетъ, что старо-славянское *brānā· въ мадьярскомъ языкѣ переходитъ въ borona, тогда какъ словацкое Branč восходитъ къ мадьярскому Barancs (тюркизмъ этого слова Melich не исключаетъ), а словацкое Berenč — къ мадьярскому Berencs. Уже послѣ того, какъ настоящая работа была набрана, я ознакомился со статьей L. Rásonyi Nagy, Török eredetü helynevek (Тюркскія мѣстныя названія), напечатанной въ Nyelvtudományi Közle-

На р. Нитрѣ извѣстно „possesione Berench", упоминаемое въ 1283 г.,[217] очевидно — нынѣшняя дер. Berenč подъ гор. Нитрой, на рѣкѣ Нитрѣ.[218] Здѣсь же, на ряду съ Беренчъ существовали еще три деревни того же имени — Большой и Малый Беренчъ (Nagy-Berench et Kis-Berench), уп. въ 1435 г.[219] и Нижній Беренчъ (Also-Berencs), уп. въ 1287 г.[220] О древности поселенія нитранскихъ Берендѣевъ можно судить по грамотѣ 1156 г., которая уже упоминаетъ „in parrochia nitriensi" мѣстность Brencu.[221] Выше города Нитры, въ районѣ устьевъ Бебравы и Нитрицы, недалеко отъ Топольчанъ, была также мѣстность Berench, уп. въ 1244 г.[222]

Далѣе на востокъ, подъ Рудными горами, у истока одного изъ правыхъ притоковъ Ипола, около гор. Krupina находится дер. Prenčov, мадьярское названіе

---

mények, т. XLVI (1923—27); въ ней авторъ, среди другихъ названій, разбираетъ также и Börgönd, Bergengye (с. 3—4 отд. оттиска) — названія двухъ мадьярскихъ деревень въ Фейерварскомъ и Бараньскомъ комитатахъ, производя эти названія отъ личнаго тюркскаго имени Bergen, которое, въ свою очередь, сближается съ распространеннымъ въ Венгріи собственнымъ именемъ Beren. Отъ Beren же Rásonyi Nagy производитъ и Berény и Berencs и Berend. Интересуясь лишь словомъ Bergen, Rásonyi Nagy въ этой статьѣ и не ставилъ вопроса о связяхъ русскихъ Берендѣевъ съ Berény. — Бѣглое замѣчаніе о несомнѣнномъ тюркизмѣ собственнаго имени Berény см. еще у Gy. Németh, Maklar, Magyar Nyelv, т. XXVII (1931), с. 147, сопоставляющаго его съ каракиргизскимъ именемъ Бешъ-Беренъ, то-есть съ тѣмъ самымъ, на которое указывалъ и Аристовъ, (см. выше, пр. 61), сближавшій его съ именемъ лѣтописныхъ Берендѣевъ.

217) „Ad vniuersorum noticiam tenore presencium volumus peruenire, quod Nicolaus, filius Johannis, de genere Lupolnuk, ad presenciam nostram accendens, terram trium aratrorum de possessione sua, Berench uocata, in comitatu Nitriensi existente, pro decem marcis argenti sibi ad plenum sulutis se confessus est uendidisse Bathur, filio Mathou de Zeleus, coram nobis personaliter constituto, et eius posteritatibus, perpetualiter et pacifice possidendam, in vicinitate et commetaneilate terrarum Cethen et Taran dictarum..." (Monum. Eccl. Strigoniens. II, с. 171, № 150, 1283 г. Уп. дер. Cethen и Taran — нын. Citýň (мадьярск. Csétény) и Taraň также находятся ниже г. Нитры (Soznam, с. 49, 51). Интересно, что владѣніе Беренчъ продается нѣкоему Батуру, безусловно Тюрку, судя по имени (о тюркскомъ происхожденіи этого имени см. у Gombocz Zoltán, Árpadkori török sremélyneveink, Magyar Nyelv, 1915, с. 435).

218) Soznam, с. 49; ср. Korabinsky. с. 50, s. v. Berencsch, Révai Nagy Lexikona, томъ 3, с. 143, s. v. Berencs.

219) Codex Diplomaticus Hungarie, ed. G. Fejér, t. X, vol. 7, с. 687, 1435 г.: „ac primo et principaliter metas dictae possessionis Cheten, alias tres possessiones Nobilium Archiepiscopalium in fine eiusdem possessionis Cheten, adiocentes includendo a partibus possessionum dicti Magistri Stephani Syluestri et Viti, filiorum eiusdem Stephani, Livveky Arkos, Berench, alio nomine Nagyfalu, nec noc Nagy-Berench et Kis-Berench, alio nomine Kisfalu vocatarum..." Упоминаемый здѣсь магистръ Стефанъ м. б. былъ Берендѣемъ („Magistro Stephano filio Gregory de Berench" ib., с. 687). Этотъ Стефанъ сынъ Григорія изъ Беренча уп. еще передъ тѣмъ въ 1393 и 1409 г. г., тамъ же, t. X, vol. 2, p. 121 и t. X, vol. 4, p. 721.

220) „Gerolth [de Kurus] quosdam possessiones suas, vnam scilicet inferiorem Berench vocatam ab utraque parte fluvij Nitrie sita..." Monumenta Eccl. Strigoniensis, II, с. 226, 1287, ср. Cod. Dipl. Hung. ed. G. Fejér, t. VII. vol. 2, p. 116—117; объ этой же мѣстности еще см. Monum. Eccl. Strig. II, с. 454 (1298 г.) и с. 465 (1299 г.).

221) Monumenta Eccl. Strigoniensis, I, с. 108, „brencu ultra aquam", V. Chaloupecký, Staré Slovensko, с. 231, пр. 901. Неизвѣстно, къ какой именно изъ выше перечисленныхъ мѣстностей относится это самое раннее упоминаніе о Беренчѣ. Во всякомъ случаѣ перечисленіе ея въ одной группѣ съ Molenta (нын. дер. Dolná и Horna Malanta), находящейся въ 4-хъ килом. отъ г. Нитры, указываетъ, что Беренчъ была расположена гдѣ-то поблизости г. Нитры.

222) V. Chaloupecký, ц. с. с. 91 и пр. 363 со ссылкой на Codex Diplomat. Fejér, t. IV, vol. 1, p. 348. Этотъ томъ Кодекса мнѣ не былъ доступенъ.

которой — Berencsfalu (falu = деревня), Крупинскаго округа Хонтіанской жупы, въ Чехословакіи,[223] а на одномъ изъ лѣвыхъ притоковъ Ипола, въ районѣ Новограда (Nóhrád) Хонтскаго округа, Ноградскаго комитата, въ Венгріи, есть мѣстность Berenta или Birincsof (она же Borsos-Berenke, Borsos-Berente или просто Bereny, Berin), извѣстная уже съ 1282 г.[224] Нѣсколько восточнѣе, у Ипола, въ районѣ Szécsény въ томъ же Ноградскомъ комитатѣ уп. въ 1335 г. мѣстность Berendefelde или Berendfeulde.[225]

Среди другой группы печенѣжскихъ поселеній — въ районѣ Буковыхъ горъ, по р. Сланѣ (Шайо), въ Баршодскомъ комитатѣ, находится дер. Berente, уп. въ 1454 г.,[226] а поблизости отъ нея, между р. Сланой и островомъ Borsokyos, около Мишкольца, но въ Абай-Торнскомъ комитатѣ, — другая деревня Berencs.[227]

Еще восточнѣе, въ углу, образуемомъ теченіемъ Тиссы, гдѣ находится третья группа печенѣжскихъ поселеній на сѣверномъ угорскомъ пограничьѣ, въ сѣверной части Собольчскаго комитата, именно — въ Кишвардасскомъ (Kisvárda) округѣ, находится также дер. Berencs.[228]

На восточной границѣ Угріи, по теченію Самоша, около города Сатмаръ-Немети (Szatmár-Németi) существуетъ до сихъ поръ дер. Berencze (она же Babosesty)[229]; кажется къ ней относится упоминаніе въ грамотѣ 1430 г.[230] Въ бывш. округѣ Nagy-Bánya того же Сатмарскаго комитата на зап. отъ г. Szinyér-Váralja (нынѣ Румынія), находимъ дер. Berend, уп. въ 1463 г.[231]; поблизости отъ послѣдней находилось Berendmező (mező — по-мадьярски поле), уп. въ 1490 г., гдѣ нынѣ дер. Berencze (Berenczét), на югъ отъ Nagy-Bánya, въ округѣ Kővárkőlcse, того же бывш. Сатмарскаго комитата (теперь Румынія)[232]; еще восточнѣе, въ бывш. комитатѣ Бестерце-Насодъ есть дер. Berendest или Berenfalva.[233] На ю.-з. отсюда, около Колошвара въ 1423—1501 г.г. уп. дер. Berend.[234] Въ бывш. Арадскомъ комитатѣ, въ округѣ Borosjenő у Фехеръ-Кёрёша до сихъ поръ существуетъ валашская деревня Berendia.[235] Еще южнѣе, у замка Hodos, гдѣ-то на границѣ бывшихъ Темешскаго и Крассовскаго комитатовъ, упоминается въ 1471 г. дер. Berendefalva.[236]

---

[223]) Soznam, c 31, Révai Nagy Lexikona. т. 3, с. 143, s. v. Berencsfalu.

[224]) V. Chaloupecký, Staré Slovensko, с. 96 и пр. 382; въ 1291 г. она уп. подъ названіемъ Berenche, Monum. Eccl. Strigon. II, с. 301; Csánki, I, с. 95 считаетъ первыя упоминанія объ этой мѣстности относящимися лишь къ 1393 г., тогда какъ болѣе древнія свидѣтельства относитъ къ другой одноименной деревнѣ, современной Karancs-Berény.

[225]) Csánki, I, с. 95.

[226]) Csánki, I, с. 169, Korabinsky, с. 50.

[227]) Korabinsky, с. 49; у Csánki, I, с. 204 эта мѣстность опредѣляется какъ лежащая на юго-зап. отъ Forró; упом. въ 1427—1490 г.г.

[228]) Упоминается въ 1430 г. Csánki, I, с. 511; ср. Korabinsky, с. 50.

[229]) Korabinsky, с. 49, Révai Nagy Lexikona, т. 3, с. 143, s. v. Berend.

[230]) Codex Diplomaticus Hungariae, ed. Fejér, t. X, vol. 7, с. 307.

[231]) Csánki, I, с. 471, Korabinsky, с. 49. Тамъ существовала семья Berendi, уп. въ этомъ году, Csánki, I, с. 491.

[232]) Csánki, I, с. 471, Korabinsky, с. 49: „in Kőwarer Distrinkt an den Marmaruscher Gränzen 2 M. von Nagybánien O. So 1 M. von Rapnik- Bánya, W. an Gebirge Rapnik".

[233]) Jerney J., Keleti utazása, I, с. 164.

[234]) Csánki, V, с. 334.

[235]) Korabinsky, с. 49.

[236]) Csánki, II, с. 27.

На южномъ пограничьѣ Угріи, вблизи при-дравскихъ печенѣжскихъ поселеній, находимъ также слѣды поселенія Берендѣевъ: въ 1347—1493 г.г. уп. poss. Berench, принадлежавшая въ это время роду Домбаевъ. Теперь это пустырь на с.-з. отъ Szigetvar.[237]

На западномъ пограничьѣ, близъ Zalalővő (на сѣв.-вост. отъ него), т. е. близъ самой границы, было поселеніе Berend, уп. между 1332—1513 годами. Объ этой мѣстности есть прямое свидѣтельство, что она въ 1513 году принадлежала благороднымъ землевладѣльцамъ (дворянамъ) Балажу и Петру Берендѣямъ[238]; теперь это селеніе называется Böröпd. Нѣсколько восточное, къ сѣверу отъ Балатонскаго озера, около гор. Devecser (на ю.-зап. отъ него), близъ существовавшаго здѣсь печенѣжскаго поселенія Bessenyő-major, была и мѣстность Beren(d) „ad Balatinum" (въ западной части Веспремскаго комитата), уп. въ 1256 г.[239]

Наконецъ въ Дьёрскомъ комитатѣ существовало поселеніе Berenth, уп. въ 1500 г.[240]

Для полноты картины этнографической пестроты угорскихъ приграничныхъ областей уже до татарскаго нашествія, добавимъ, что мы находимъ здѣсь не только Печенѣговъ, Торковъ и Берендѣевъ, но еще и Половцевъ, Русскихъ, Сикуловъ, Нѣмцевъ.

Половцы, какъ поселенцы, впервые упоминаются въ Угріи въ 1232 г., подъ Матрою.[241] То обстоятельство, что древнѣйшія половецкія поселенія находимъ въ сѣверной Угріи, и при томъ названіе Половцевъ встрѣчается тамъ не въ обычной для Мадьяръ со втор. пол. XIII вѣка формѣ Куны или Куманы, а въ формѣ Палоцъ (Palócz), приводитъ къ заключенію, что первые половецкіе поселенцы Угріи пришли черезъ Русь, и стали извѣстны Мадьярамъ въ русскомъ ихъ названіи.[242] Проникновеніе Половцевъ въ Угрію совершилось въ первой пол. XII в., а м. б. и еще раньше, на разграньѣ XI—XII в. в.[243] Больше всего ихъ было подъ Матранскими горами,[244] но также сидѣли они и въ другихъ мѣстахъ словацкаго пограничья Угріи.[245] Въ 1132 году половецкій отрядъ уже

---

[237]) Csánki, II, c. 591.

[238]) Berendi Balázs и Berendi Péter. Csánki, III. c. 35.

[239]) Fejér, Cod. Diplom. Hung. IV, 2, c. 403 (цит. по указателю M. Czinár, c. 42, s. v. Beren); Csánki, III, c. 222, Korabinsky, c. 49.

[240]) Принадлежало Хедерскому замку (Héder-várá), Csánki, III, c. 546.

[241]) „Abbatia de Beel Trium fontium B. Mariae Virginis Assumptae (alios Trium fontium de Beel Cumanorum) Agriensis Diocesis, fundata 1232", — „Abbatia B. M. V. in coelos Assumptae trium fontium de Beel seu Apatfalva", (Jerney J. A' palócz nemzet és Palócz-krónika, Magyar Történelmi Tár., I, Pesten, 1856, c. 26—27).

[242]) J. Melich считаетъ, что переходъ слова „Половецъ" въ „Palócz" могъ совершиться лишь черезъ промежуточное звено — словацкое „Plavec". Объ этом см. у Josef Škultety, Plavecký zámek (Slovenské Pohľady, 1914, roč. XXXIV, c. 253) со ссылкой на J. Melich, Szláv jövevényszavaink, 1903, I, 1, c. 156—162.

[243]) Cp. P. Hunfalvy, Ethnographie von Ungarn, Bud. 1877, c. 236—7, V. Chaloupecký, Staré Slovensko, c. 103, 252.

[244]) Перечень половецкихъ поселеній въ районѣ Матры у Jerney, A' palócz nemzet és Palócz-krónika, c. 67—68.

[245]) V. Chaloupecký, ц. с. c. 83—5, 106, 252; J. M. Korabinsky, Geographisch-historisches Lexikon, c. 510; Soznam, c. 92. Cp. П. Голубовскій, Половцы въ Венгріи, Кіевск. Университетскія Изв. 1889 г. декабрь, c. 50—52.

встрѣчается въ чешскомъ войскѣ,[246] какъ справедливо считаютъ чешскіе историки — предоставленный Чехамъ Мадьярами.[247]

Слѣды поселенія Русскихъ находимъ на всѣхъ пограничьяхъ Угріи[248]: и на сѣверномъ, вблизи Матры, гдѣ сидѣли и „Палоци",[249] и на западномъ, въ Мошонскомъ комитатѣ, по сосѣдству съ Печенѣгами,[250] и на восточномъ, недалеко отъ жившихъ тамъ Берендѣевъ[251] и, наконецъ, на южномъ, у Дравы.[252] Какъ убѣдительно показалъ въ своей послѣдней, предсмертной работѣ покойный А. Л. Петровъ,[253] эти Русскіе были именно поселенцами, военными колонистами — изъ плѣнныхъ или переселенцевъ изъ Руси, а не аборигены или выходцы изъ Подкарпатья, которое въ это время — XI—XII в.в. — еще было „ничьей" и почти безлюдной землею.

Кромѣ уже перечисленныхъ тюркскихъ поселеній, которыя можно скорѣе

---

[246]) „homines inhumanos et paganos, Boemos videlicet ac Flâvos, qui vulgari nomine Valwen (нѣмецк. назв. Половцевъ) dicuntur", Bibliotheca Rerum Germanicarum, ed. Ph. Jaffé, t. V, 1869, с. 446—7.

[247]) V. Novotný, České Dějiny, d. I. sv. II, 1913, с. 621.

[248]) О поселеніяхъ Русскихъ вообще въ Угріи см. у Анонима, гл. 10; сводку толкованія этого мѣста см. у Петрова, ц. с. с. 24—26; о несеніи Русскими пограничной военной службы наравнѣ съ Половцами и Ясами см. декретъ кор. Владислава II, 1428 г., тамъ же, с. 66 и пр. 5.

[249]) Здѣсь до сихъ поръ существуетъ деревня Nagy Oroszi (Velký Oros по-словацки) въ восточной части Ноградскаго комитата. Мадьярскій историкъ Н. Иштванфи (1538—1615) по поводу происхожденія этого „oppidum Ruthenorum, quod Orasfalvam (falu по-мадьрски — деревня) vocant" пишетъ: „ante quadringentos annos Colomanus rex Pannoniae deductis e Ladomeria et Galicia, Russorum provintia, colonis, condiderat, lege lata" (N. Istvánffy, Historiarum Regni Hungarie, цит. по V. Chaloupecký. Dvě Studie, с. 35, пр. 86. Ср. А. Петровъ, Древнѣйшія грамоты, с. 62—63). Не были ли подматранскіе Палоци поселены вмѣстѣ съ этими Русскими, откуда было бы вполнѣ ясно и русское наименованіе этихъ Половцевъ? Русскіе не разъ въ концѣ XI— нач. XII ст. совершали походы на Польшу и Угрію вмѣстѣ съ Половцами, хотя о какомъ-либо пораженіи при кор. Коломанѣ (1095—1116) Русскихъ и разселенія плѣнныхъ по Угріи, какъ то сообщаетъ Иштванфи, ни въ мадьярскихъ ни въ русскихъ современныхъ источникахъ ничего не упоминается.

[250]) Dux vero Zulta... in eisdem partibus dedit castrum construere Ruthenis, qui cum Almo duce auo suo in Pannoniam uenerant, et in eodem confinio ultra lutum Musun collocavit eciam Bissenos..." Anonymus, гл. 57, ed. Endlicher, с. 53. Въ грамотахъ Oroszvár или Orosfalva (orosz по-мадьярски — русскій, vár — зáмокъ, falu — деревня) уп. съ 1208 г. Онъ находился на правомъ берегу Дуная, ниже Братиславы, въ Мошонскомъ комитатѣ, см. А. Петровъ, ц. с. с. 64, V. Chaloupecký, Dvě Studie, с. 35 и пр. 86. Петровъ высказывалъ предположеніе, не относится ли поселеніе здѣсь Русскихъ къ половинѣ XI в. въ связи съ бракомъ кор. Андрея (1046—1061) на дочери Ярослава Мудраго. Для правильности надо только замѣтить, что намъ неизвѣстно, на комъ былъ женатъ Андрей, кромѣ какъ только то, что жена его была русской. Болѣе точная персонофикація его жены — плодъ позднѣйшихъ комментаріевъ.

[251]) Въ 1217 г. въ районѣ Сатмара уп. замокъ Kraszna (Красный) съ русскими свободными военными поселенцами: „Castrenses de Carasna... dixerunt se esse liberos et genere Ruthenos"; въ 1220 г. уп. villa Uruz въ Бихарскомъ комитатѣ (теперь дер. Oroszi), см. А. Петровъ, ц. с. с. 65—67, V. Chaloupecký, Dvě Studie, с. 38 и пр. 96; его же, Staré Slovensko с. 223, пр. 874 и 875, с. 274—5. Оба автора подчеркиваютъ военно-сторожевую службу этихъ русскихъ поселенцевъ.

[252]) Въ 1267 г. уп. въ одной грамотѣ, у р. Дравы „meta separat Ruthenis existentibus iuxta aquam Ozna", А. Петровъ, ц. с. с. 67, пр. 2. Не берусь судить — связано ли возникновеніе этого поселенія съ приходомъ въ 40—50-хъ г.г. XIII ст. изъ Руси князя Ростислава, сына Михаила Черниговскаго, ставшаго баномъ Славоніи, или же это поселеніе болѣе ранняго происхожденія.

[253]) А. Петровъ, ц. с., особ. с. 6 и слѣд., с. 60 и слѣд.

считать по- или при-граничными, существовалъ въ Угріи и цѣлый рядъ печенѣжскихъ и нѣсколько берендѣйскихъ поселеній (о торкскихъ свѣдѣній нѣтъ) внутри страны, которыя, въ отличіе отъ первыхъ, можно назвать внутренними. Ихъ было нѣсколько группъ: фейерварско-тольнская или шарвизская, кемейская, западно-кёрёшская и чанадская (или, точнѣе, аранкская).

Самой большой изъ этихъ внутреннихъ группъ, да пожалуй, и самой большой изъ всѣхъ угорскихъ печенѣжскихъ группъ вообще, является фейерварско-тольнская, расположенная между Дунаемъ и Балатонскимъ озеромъ, по теченію рѣки Шарвизъ, въ южной половинѣ Фейерварскаго и сѣверной — Тольнскаго комитатовъ. Эти поселенія служили здѣсь защитою столицы Угріи Арпадовскаго времени — „Стольнаго Бѣлгорода" — Секешъ-Фейервара (Székes-Fejérvár), къ югу отъ котораго они были расположены, подобно тому какъ главная масса русскихъ Черныхъ Клобуковъ защищала съ юга подступы къ стольному Кіеву со стороны степей. О большомъ количествѣ шарвизскихъ Печенѣговъ свидѣтельствуютъ какъ грамоты, прямо упоминающія здѣсь Печенѣговъ, такъ и многочисленныя поселенія, названія которыхъ говорятъ объ ихъ печенѣжскомъ происхожденіи.

Таковы: Alap (уп. съ 1352 г.), Bacs (1258), Bessenew, Czecze (1339), Fancs (1269), Gerény (1343), Nagyhalom (1218), Örs, Rekesztő (1352), Besenyő-Sag (1345), Szent Ágata (1342), Besenyő-Szent-Miklós (1342), Szent Márton (1399), Töbörzsök (1269), Zedereg (1337), Egres (1338), Tas, Sárbogárd (1323), Tinód, Hörcsök (1383) — Фейерварскаго комитата; Dorog (1399), Hodos (1320), Kajdacs (1399), Kaptár (1399), Középfalu (1329), Tökösszeg (1399), Varsánd (1305), Végfalu (1399), Besenyőrév и Besenyőtó (1211) и др. — Тольнскаго комитата. Обо всѣхъ этихъ деревняхъ есть прямыя указанія на ихъ печенѣжское происхожденіе („bissenus nobilis de Boch"; „nobiles bisseni de Kwzefolu" и т. под.). Печенѣжскаго происхожденія считаютъ и названіе города Tolna (уп. съ 1055 г.) и ряда мѣстностей: Aba Vajta, Kanacspuzsta и др.,[254] а также названіе рѣчки Урманъ (или Орманъ), притока Капоша въ Тольнскомъ комитатѣ („fluvius Vrman", уп. съ 1230 г.).[255]

Цѣлый рядъ грамотъ на протяженіи XIII—XV вв. говоритъ о предоставленіи угорскими королями этимъ шарвизскимъ Печенѣгамъ различныхъ льготъ по самоуправленію, объ освобожденіи ихъ отъ пошлинъ, дарованіи имъ дворянства; со своихъ земель Печенѣги служили государству. Ерней называетъ этихъ Печенѣговъ — „большой военной группой".[256]

Кромѣ того, вокругъ этого основного ядра шарвизскихъ поселеній, находился на болѣе или менѣе близкомъ разстояніи отъ него (отъ 20-ти до 60-ти килом.) рядъ спорадическихъ печенѣжскихъ поселеній, какъ Értény у Tamási въ западной части Тольнскаго комитата (уп. съ 1513 г.), Besenyő-puszta около Lepsény, къ с.-в. отъ Палатонскаго озера въ Веспремскомъ ком. на границѣ съ Фейерварскимъ; Igar (уп. съ 1348 г.) къ ю.-в. отъ Budajk, въ западной части Фейерварскаго ком.;

[254]) Сводка печенѣжскихъ поселеній — у Szokolay, с. 71—76; Csánki, III, с. 316, 317, 319, 324, 327, 329, 344, 349, 350, 354, 358, 374—5, 423, 429, 432, 433, 438, 455, 457 и Jerney, Keleti utazása, I, с. 236—237. § 10.

[255]) Rásonyi Nagy László, Orman, Magyar Nyelv, XXIV (1928), отд. отт. с. 12.

[256]) Jerney, I, с. 236.

Besenyő, въ сѣв. части того же комитата; на с.-в. отъ главной группы, на правомъ берегу Дуная, противъ острова Ченель находилась дер. „Bessenew“ (въ районѣ Adony и Ercsi, гдѣ теперь Alsó-, Felső- и Kis-Besenyő); сѣвернѣе, на границѣ Пештскаго комитата съ Фейерварскимъ, до сихъ поръ существуютъ деревни Kis-Tétény и Nagy-Tétény, судя по названіямъ — печенѣжскаго происхожденія (дер. Teten уп. съ 1405 года); на островѣ Чепель печенѣжское поселеніе уп. въ 1306 г.: „possessiones in magna insula existens, videlicet Besseneő et Eorsziget vocatas“ — съ прямымъ указаніемъ на близскую связь Печенѣговъ со стражей (őr, по мадьярски — стража), быть можетъ и здѣсь исполнявшихъ какія-нибудь сторожевыя обязанности. Восточнѣе Чепеля, уже въ предѣлахъ Пештъ-Пилишъ-Шольтъ-Кишкунскаго комитата, съ 1374 года извѣстна Beseneyő-puszta, нынѣ Kis- и Nagy Beseneyő puszta между дер. Sáry и Ócsa; печенѣжское происхожденіе видятъ и въ названіи современной дер. Örkény на ю.-в. отъ упомянутыхъ двухъ деревень.[257]

Второй большой внутренней печенѣжской группой въ Угріи является — кемейская, по лѣвому берегу Тиссы, въ с.-в. части нынѣшняго Ясъ-Надькунъ-Солнокскаго комитата, въ прежней Кемейской области. Здѣсь, повидимому, еще въ X в. разселенъ былъ, какъ мы видѣли выше (стр. 5), цѣлый печенѣжскій родъ Чабанъ, пришедшій сюда со своимъ ханомъ Тонузъ-Аба, (Thonuzoba).[258] Печенѣги заняли огромное пространство въ Притисьѣ; память объ ихъ ханѣ сохранилась и въ родовомъ имени Чаба (уп. въ 1255 г.), Чабанка (уп. въ 1267 г.),[259] въ перевозѣ черезъ Тиссу — „portus Obad“, упоминаемый Анонимомъ,[260] и въ мѣстностяхъ Tisza-Abád, Abád-Szalók[261]; Csaba, Csabamező, Csobánka, Csobád, Csobaj, Csoboló[262]; печенѣжскаго происхожденія и мѣстность Tomaj (родъ Томаевъ происходитъ отъ Тонузъ-Абы), Besenyetelek (уп. съ 1347 г.), можетъ быть и Besemihálszállása.[263] Большое количество грамотъ въ теченіе всего средневѣковья будетъ свидѣтельствовать о владѣніяхъ здѣсь потомковъ этихъ Печенѣговъ.[264]

Лишь очень немногочисленныя свидѣтельства находимъ теперь о другой, нѣкогда большой группѣ внутреннихъ Печенѣговъ — по нижнему теченію рѣки Кёрёша, на границахъ Ясъ-Надькунъ-Солнокскаго и Бекешскаго комитатовъ. По утвержденію автора монографіи „О Печенѣгахъ комитата Бекешъ-Бешеньё“ П. Вадасъ,[265] Печенѣги нѣкогда жили на пространствѣ всего Бекешскаго комитата. Теперь слѣды ихъ видимъ лишь въ дер. Besetanya, ок. Komádi по Шебешъ-Кёрёшу, западнѣе Варада, дер. Bessenszög ок. Дьома, у устья Фехеръ- и Фекете-Кёрёшей (въ Бекешскомъ комитатѣ), Besenyőhalom (у Ködmönös) и Besenyő

---

[257]) Szokolay, с. 72, 75, 77, 82, Csánki, I, с. 25, 36, III, с. 319, 332, Jerney, с. 248, § 23, Melich J., Két állitólagos honfoglaláselötti német helynévröl, Magyar Nyelv, 1931, XXVII, с. 221—226.

[258]) Anonymus, гл. 57 (ed. Endlicher, с. 54), G. Fehér, Die Petschenegen und die ungarischen Hunnensagen, особ. с. 129.

[259]) G. Fehér, ц. с. с. 134.

[260]) Anonymus, гл. 57 (ed. Endlicher, с. 54).

[261]) Szokolay, с. 83.

[262]) G. Fehér, ц. с. с. 134.

[263]) Szokolay, с. 83.

[264]) Gyárfás, ц. с. II, с. 51.

[265]) Vadász Pál, Bikis-besenyő megye, Turkeve, 1925.

у Atyaszeg.[266] По другую сторону Тиссы у Nagykőrős существовала нѣкогда Besenyőpuszta, теперь слившаяся съ этимъ городомъ.[267]

Наконецъ, послѣдней внутренней группой является чанадская, по р. Аранкѣ, лѣвомъ притокѣ Тиссы, въ бывш. Торонтальскомъ комитатѣ, нынѣ частью отошедшемъ къ Румыніи, частью къ Югославіи. Самое древнее упоминаніе относится здѣсь къ дер. Bessenta, Besseneu (или Kis-Besenyő), извѣстной отъ 1230 г.; съ 1232 г. уп. Nagy-Besenyő, гдѣ теперь Ó-Besenyő (въ нын. Румыніи, на границѣ съ Югославіей); рядомъ съ этими деревнями — извѣстна дер. Sáp („Saap", уп. съ 1369 г.) у Harangod; по Аранкѣ же, ниже Ó-Besenyő, лежали Dömevar и Kocsa, уп. съ 1345 г., а еще ниже — Valkány (въ Югославіи); около послѣдней была дер. Veresdob, впервые уп. въ 1256 г. и изчезнувшая въ XVI в.[268] Нѣсколько сѣверо-восточнѣе отъ ядра аранкскихъ поселеній, на правомъ берегу Мароша, ок. Pécska и Szemlak, въ ю.-з. углу быв. Арадскаго комитата (нынѣ — въ Румыніи) съ 1232 г. уп. „terra Beu", „meta Bissenorum",[269] а южнѣе въ быв. Темешскомъ ком. (на старой границѣ его съ Торонтальскимъ, теперь — Румынія) съ 1332 г. уп. дер. Bessenew, теперь Új-Besenyő.[270] Грамота кор. Людовика 1369 г., перечисляющая большинство аранкскихъ поселеній Печенѣговъ, сохранила намъ указаніе и на несеніе государственной (очевидно военной) службы этими „fideles... Bisseni nobiles": „et conservarunt (они), servitia que debita".[271]

Южнѣе отъ аранкской группы, по Тиссѣ, на правомъ ея берегу, въ бывш. Бачъ-Бодрогскомъ комитатѣ (теперь въ Югославіи), находятся поселенія Ó-Becse и Becseháza, въ которыхъ также видятъ слѣды Печенѣговъ.[272]

Возникновеніе кёрёшской и чанадской группъ надо вѣроятно относить къ тому времени, когда Печенѣги еще въ X в. начали проникать черезъ Карпаты въ Паннонію и осѣдать по теченію рѣкъ Кёрёша и Мароша.

Внутри Угріи, въ районѣ шарвизскихъ поселеній Печенѣговъ, находимъ также слѣды поселеній и Берендѣевъ. Въ Тольнскомъ комитатѣ, около Hőgyécz, уп. terra Berencz (въ 1305 г.; въ 1344 г. она же possessio Berench),[273] и мѣстность Berend, уп. въ 1439 г., вмѣстѣ съ такимъ же именемъ одного придворнаго[274]; а въ Фейерварскомъ комитатѣ, въ его сѣверной части, въ области Al- и Fel-Csut, извѣстно было въ 1325—1487 г. г. poss. Berenthe.[275] Въ этихъ комитатахъ извѣстны и семьи, носившія имена Berencze, Berentei.[276]

Добавимъ здѣсь, что изъ отдѣльныхъ лицъ, носившихъ это имя, извѣстны: Berend, сынъ Мартона, спасшій въ 1330 г. короля Карла I,[277] Thoma de Berench

[266]) Szokolay, c. 84.
[267]) Тамъ же, c. 82.
[268]) Szokolay, c. 85—86, Csánki, I, c. 694, 706.
[269]) Тамъ же, c. 86.
[270]) Тамъ же, c. 86.
[271]) Jerney, I, c. 237; ср. позднѣйшія подтвержденія этой грамоты въ 1390, 1392, 1405 и 1495 гг. (тамъ же, c. 238—243).
[272]) Szokolay, c. 83.
[273]) Csánki, III, c. 417.
[274]) Csánki, III, c. 417, 461.
[275]) Csánki, III, c. 319.
[276]) Csánki, III, 362. Первая уп. въ 1502 г., вторая — въ 1487 г.
[277]) Révai Nagy Lexikona, т. 3, c. 143, s. v. Berend.

(1287), Demetrius niger de Berench и Erdeus de Berench (1298 г.), Laurentius de Berench (1244), Bened. Berenche (1337), Cyriae, filia Moyus de Berench, (1331), Stefanus, filius Gregory de Berench, de Berencze (1393, 1409, 1435, 1436), Magister Paulus filius Joannis nobiles de Berend (1414), Gallus de Berend (1429) и др.[278]

Таковы приблизительныя данныя о разселеніи по Угріи Печенѣговъ, Торковъ и Берендѣевъ. Приблизительныя — потому что поселеній этихъ было, вѣроятно, значительно больше, въ особенности въ древнѣйшее время X—XII вѣковъ, отъ которыхъ какъ-разъ сохранилось гораздо менѣе извѣстій, чѣмъ отъ послѣдующихъ. Кромѣ того, какъ мы уже видѣли, поселенія этихъ трехъ тюркскихъ народностей не всегда обозначались именами самихъ народностей (какъ Бешеньё, Беренчъ, Торчъ), но часто и именами отдѣльныхъ родовъ, семей и даже отдѣльныхъ лицъ; отсюда — остаются невыясненными большое количество подобныхъ несомнѣнно тюркскихъ поселеній, свѣдѣнія о которыхъ начинаютъ встрѣчаться лишь съ XIV и слѣд. столѣтій: принадлежали ли они Печенѣгамъ, Торкамъ и Берендѣямъ или же позже явившимся и осѣдавшимъ иногда на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ — Половцамъ, чей языкъ, повидимому, былъ почти схожъ съ языкомъ предшествовавшихъ имъ тюркскихъ собратьевъ.

Что касается возникновенія этихъ тюркскихъ поселеній на территоріи Угріи, то оно, повидимому, было двоякимъ. Одни Тюрки, особенно такія группы ихъ, какъ кемейская, кёрёшская, можетъ быть и аранкская, явились просто слѣдствіемъ прихода въ эти мѣста большого количества Печенѣговъ, просочившихся сюда черезъ южныя и сѣверныя Карпаты, размѣстившихся здѣсь, включенныхъ въ черту угорской государственности и оставленныхъ ею здѣсь на вѣчныя времена. Лишь постепенно эти поселенцы были превращены Угріей въ послушную служилую массу.

Другая же часть тюркскихъ поселеній въ Угріи возникла инициативой самой угорской государственности, формировалась, вѣроятно, гл. обр. изъ плѣнныхъ и разселялась Мадьярами согласно стратегическимъ интересамъ своего государства. Таково, вѣроятно, возникновеніе сѣверныхъ (словацкихъ), западныхъ (лайто-рабскихъ и дравскихъ) и южныхъ (придунайскихъ) пограничныхъ тюркскихъ поселеній, а также и внутренней, шарвизской (секешъ-фейерварской) группы.

Особенно наглядна принудительность разселенія этихъ кочевниковъ — въ Словакіи, въ странѣ, которая по своимъ географическимъ условіямъ не могла бы быть мѣстомъ добровольнаго пристанища для кочевника: гористость и лѣсистость западной Словакіи — съ одной стороны, и болотистость по теченію рѣкъ — съ другой, были совершенно не подходящими условіями для кочевого хозяйства. И какъ разъ здѣсь, у словацкихъ рѣкъ, и въ глухихъ лѣсныхъ областяхъ, мы находимъ одинокія поселенія-посты Печенѣговъ и Берендѣевъ.

[278]) Index Alphabeticus Codicis Diplomatici Hungariae per G. Fejér ed., concinnavit Maurus Czinár, P, 1866, c. 42—43. Большинство томовъ Кодекса Фейера, гдѣ уп. перечисленныя лица, мнѣ остались недоступными. Paulus Berend м. б. то же лицо, что приводится у Csanki III, c. 134: Beréndi Pál, какъ поджупанъ въ Заласскомъ комитатѣ въ 1437 г. Csánki еще приводитъ фамиліи Berencsi въ Бигарскомъ (I, c. 630, 1440 г.), Berentei въ Боршодскомъ (I, c. 184, 1440—1489 г. г.), Berencsi (I, c. 244, 1409—1436 г. г.) и Berentei (I, c. 222) въ Абай-Торнскомъ комитатахъ. Интересно упоминаніе въ грамотѣ 1409 г. совмѣстно и Берендѣя и Печенѣга, какъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ (Csánki, I, c. 244).

III

Разсмотримъ теперь немногочисленныя свидѣтельства мадьярскихъ источниковъ о роли, какую играли въ Угріи эти тюркскіе поселенцы. Въ отличіе отъ русскихъ лѣтописей, угорскія хроники сохранили память лишь объ однихъ Печенѣгахъ, ничего не упоминая о Берендѣяхъ и Торкахъ, которыхъ было въ Угріи, повидимому, совсѣмъ немного, въ особенности послѣднихъ.

Огромный наплывъ вооруженныхъ Тюрковъ, поселеніе ихъ большими группами въ разныхъ мѣстахъ Угріи, близость печенѣжской родовой аристократіи къ Арпадовичамъ и даже занятіе однимъ изъ представителей этой аристократіи угорскаго престола, предоставленіе Печенѣгамъ укрѣпленныхъ мѣстностей и постройка ими новыхъ — все это должно было придать, въ условіяхъ только что созидавшейся мадьярской государственности — во втор. пол. X — втор. пол. XI столѣтій — немаловажное значеніе, быть можетъ даже бóльшее, чѣмъ печенѣжско-торкскій наплывъ на Русь въ эпоху Святополка II и Владиміра Мономаха (первая четверть XI в.).

Въ XII—XIII же вѣкахъ, съ укрѣпленіемъ угорской государственности, и съ включеніемъ въ ея непосредственное управленіе разселенныхъ по Угріи Тюрковъ, управлявшихся до того еще своими ханами — съ одной стороны, и съ постепеннымъ уменьшеніемъ количества этихъ тюркскихъ поселенцевъ, и денаціонализаціей, омадьяриваніемъ ханскихъ родовъ съ другой — значеніе Тюрковъ все болѣе будетъ уменьшаться и ограничиваться лишь вспомогательной военной силой.

Нѣкоторой реминисценціей значенія Печенѣговъ является царствованіе Стефана II (1115—1131), ярого, если вѣрить Туроцу, печенѣгофила, заходившаго въ своихъ симпатіяхъ къ этому народу такъ далеко, что былъ готовъ за одного убитаго Печенѣга казнить десять Мадьяръ. При этомъ королѣ, Печенѣги — народъ, который „привыкъ къ преступленіямъ“ по выраженію лѣтописца — во главѣ съ своимъ ханомъ Татаромъ, только что спасшимся отъ меча византійскаго императора и нашедшаго пріютъ въ Угріи, — особенно неистовствовали и угнетали Мадьяръ.[279] Повидимому значеніе Печенѣговъ при угорскомъ дворѣ кончилось со смертью же Стефана, по крайней мѣрѣ позже мы больше о нихъ не слышимъ.

Съ конца XIII ст. все болѣе рѣдѣютъ упоминанія о печенѣжской народности въ Угріи, ограничиваясь извѣстіями лишь о нѣсколькихъ наиболѣе плотныхъ группахъ ихъ поселеній внутри государства. Немаловажное значеніе въ уменьшеніи этихъ поселеній сыграло вѣроятно татарское нашествіе. Въ XV в. прекращаются послѣднія упоминанія и объ этихъ Печенѣгахъ.

[279]) „Cuni vero (о томъ, что подъ „Куны“ здѣсь надо видѣть Печенѣговъ, см. выше, с. 19) qui permissionibus regis, fuerant assueti sceleribus, nec tunc minus saeviebant in Hungaros. Hungari vero, cum audissent, quod rex in mortis esset articulo, interfecerunt Cunos, qui eorum bona diripiebant. Tatar autem, dux Cunorum, conquestus est regi, de nece suorum. Rex autem putabat, se aliquantulum alleviatum esse ab aegritudine. Cumque vidisset Tatar lachrymantem, caeterosque Cunos circumfusos lamentantes, quia supra modum diligebat eos, infremuit et dixit: „Si santitati restitutus fuero, pro unoquoque, quem ex vobis interfecerunt, decem interficiam...“ (Thwrocz, II, гл. 63, с. 141—2).

Какъ пограничные, такъ и внутри государства поселенные, Печенѣги обязаны были нести конную военную службу, составляя легкую конницу угорскаго государства, въ большинствѣ случаевъ употребляемую въ видѣ передовыхъ развѣдывательныхъ или стрѣлковыхъ отрядовъ.[280] Не сохранилось никакихъ свѣдѣній о роли Печенѣговъ въ до-стефановское время, какъ и отъ времени самого Стефана. Первое свидѣтельство о Печенѣгахъ среди мадьярскаго войска относится къ 1052 г. Мадьяры въ этомъ году вели на лайтенскомъ пограничьѣ войну съ германскимъ императоромъ Генрихомъ III. Во время этой войны впервые и выступаютъ Печенѣги, какъ военная сила, и выступаютъ, замѣтимъ, со всѣми своими характерными пріемами азіатской ловкости и лихости. Вмѣстѣ съ Мадьярами они по ночамъ подкрадывались къ лагерю германскаго императора и арканами похищали часовыхъ, а днемъ — донимали Генриха своими отравленными стрѣлами.[281]

Еще болѣе типично поведеніе Печенѣговъ въ 1074 г., на томъ же лайтенскомъ пограничьѣ. Когда изгнанный изъ Угріи Гезой прежній король Соломонъ съ нѣмецкою помощью подступилъ къ угорской границѣ, Печенѣги спѣшатъ использовать въ своихъ интересахъ ту роль, какая выпала имъ въ этой междоусобной войнѣ, и заявляютъ Гезѣ, что они готовы защищать шопронское пограничье и не пропустятъ Соломона, но при условіи, если король дастъ имъ „свободу", т. е. привилегіи. Геза обѣщалъ имъ это, и Печенѣги во главѣ съ ханомъ своимъ Солтаномъ стали воевать; однако, несмотря на то, что Нѣмцы, „испугавшись страшнаго вида" ихъ, не помогли Соломону, онъ одинъ съ собственными силами разбилъ Печенѣговъ; бо́льшая часть ихъ погибла въ озерѣ Фертё и лишь немногіе, съ ханомъ Солтаномъ, спаслись бѣгствомъ.[282] Такое оппортунистическое поведеніе Печенѣговъ очень напоминаетъ ихъ собратьевъ — кіевскихъ Черныхъ Клобуковъ, не разъ заявлявшихъ какому-либо князю въ междоусобіяхъ за Кіевъ: „аже ны хощеши любити ... и по городу (въ держаніе) ны дасти по лепшему, то мы на том отступимъ (отъ твоего противника)".[283]

Въ 1116 г. мы находимъ Печенѣговъ вмѣстѣ съ таинственными Сикулами въ войскѣ, сопровождавшемъ Стефана II при его свиданіи съ чешскимъ королемъ Владиславомъ. Встрѣча происходила на границѣ обоихъ королевствъ у р. Оль-

---

[280]) Объ ихъ быстрыхъ лошадяхъ см. у Бонфинія († 1503): „equorum pernicitate admodum delectari" (Ant. Bonfinius, Rerum Hungaricarum Decadis, II, L. IV, p. 220, Hanoviae, 1606; ср. Jerney ц. с. I, с. 265) и въ грамотѣ о катайскихъ спикуляторахъ 1339 г.: „equis bonis velocibus", Jerney ц. с. I, с. 254—5; объ „equitus Bisseni" у Буковыхъ горъ упомян. еще въ грамотѣ 1067 года. Не идущіе въ походъ Печенѣги должны были платить налогъ соотвѣтственно количеству своихъ лошадей (грамота палатина Дьюлы арпашскимъ Печенѣгамъ 1222 г.): „quod reuoluto semper tercio anno comiti eorum (Печенѣговъ) debent dare pro nouitate sex pensas denariorum de montua, de duobus equis. Qui vero in expeditionem ire non potuerint, de quolibet equo sex pensas persoluent", — Endlicher, с. 419—420, Jerney I, с. 234 и 262. Ср. Szokolay, с. 70.

[281]) Insuper etiam Hungari et Bisseni, singulis noctibus, acriter eos infestabant, toxicatis sagittis eos interficiendo et funes extendentes tiner papiliones eorum, quamplures, aliqua seruitia facientes, rapiebant. Thwrocz, II, гл. 43, с. 109—110. Ср. Jerney, I, с. 230—231; Gyárfás, II, с. 96.

[282]) „eo tempore, Bisseni, vnanimiter rogauerunt regem Geysam, ut, si eos libertate donaret, ipsi insultus regis Salomonis, omnino coercerent; ita, quod, nec auderet exire Moson et Poson, ad tentandam Hungariam. Rex autem Geysa, se petitioni eorum condescensurum promisit, si ipsi hoc, quod promiserant, adimplerent", (Thwrocz, II, гл. 53, с. 126).

[283]) П. С. Р. Л. II, ст. 501, 1159 г.

шавы,[283a] и цѣлью ея было закрѣпленіе мира между обоими государями; однако случай превратилъ эту встрѣчу въ кровопролитное сраженіе. Король Владиславъ, видя боевой порядокъ войскъ Стефана, рѣшилъ предупредить Мадьяръ и самъ напалъ на нихъ, но былъ отбитъ, а Печенѣги и Сикулы были пущены по убѣгавшимъ. Однако новый напоръ Чеховъ смялъ Печенѣговъ и Сикуловъ и тѣ, бросившись бѣжать, увлекли съ собою и остальныхъ. Свиданіе королей неожиданно превратилось въ страшное пораженіе угорскаго войска.[284] Упомянутые здѣсь Печенѣги составляли вѣроятно ту пограничную печенѣжскую стражу, которой, какъ мы видѣли, было такъ много въ этихъ мѣстахъ.

Въ 1146 г. встрѣчаются Печенѣги въ войскѣ кор. Гезы II во время войны его съ австрійскимъ герцогомъ Генрихомъ Язомирготомъ. Въ области р. Лайты и крѣпости Мошонъ, гдѣ велась война, они вмѣстѣ съ Сикулами составляли конный передовой отрядъ лучниковъ. Здѣсь прямо говорится, что это были лайтенскіе пограничники. Въ удачномъ для Мадьяръ сраженіи, Печенѣги однако въ самомъ началѣ битвы были разбиты Нѣмцами и, по однимъ источникамъ — почти всѣ погибли вмѣстѣ со своими двумя начальниками „графами“, по другимъ — спаслись бѣгствомъ.[285]

Въ 1150 г. Печенѣги вмѣстѣ съ Халезами[286] составляли вспомогательное войско Мадьяръ у Сербовъ, въ ихъ войнѣ съ Византіей.[287]

Больше мы не встрѣчаемъ прямыхъ упоминаній о печенѣжскихъ отрядахъ въ Угріи.[288] Можно только предполагать, что они подразумѣваются въ описаніи

[283a]) Обычно эту рѣку чешскіе историки отождествляли съ Ольшавою, притокомъ Моравы. Но недавно, V. Chaloupecký, Staré Slovensko, с. 79—82, высказалъ предположеніе, что подъ этою рѣкою надо видѣть р. Голешку (Holeška), притокъ Вага (ср. выше с. 27).

[284]) Thwrocz II, гл. 63, с. 139. Туроцъ презрительно называетъ здѣсь Печенѣговъ и Сикуловъ „Bessseni atque Siculi vilissimi“; см. еще Cosmae Chronicon Bohemorum, гл. 48, Fontes Rerum Bohemicarum, II, с. 178—179. Ср. L. v. Szalay, Geschichte Ungarns, B I, с. 278—9; Fr. Palacký, Dějiny národu českého I[2], v Praze, 1906, с. 209—210; V. Novotný, České Dějiny, d. I, č. II, v Praze, 1913, с. 521—3; см. еще Jerney, I, с. 231 и 259 и Gyárfás, II, с. 97.

[285]) Thwrocz, II, гл. 65, с. 145: „Bisseni vero pessimi et Siculi villissimi omnes parites fugerent, sicut oves a lupis“, тогда какъ Ottonis Frisingensis Gesta Frid. I, Lib. I, с. 33: „ac illas cum duobus comitibus, qui eisdem praerant, ferme funditus delevit“ (ed. Waitz, с. 42). Ср. Гротъ, Угрія и Славянство, с. 87, Gyárfás, II, с. 99—100.

[286]) У угорскихъ королей съ конца XI в. былъ отрядъ мусульманъ-Хорезмійцевъ изъ г. Кализіи; эти Тюрки сперва бѣжали съ арабской военной службы въ Византію, а уже изъ Византіи попали въ Угрію. О нихъ см. Karácsonyi, Kik voltak s mikor jöttek hazánkba a böszörmények vagy ismaeliták (цит. по K. Kadlec, Průdy, 1925, с. 80—81).

[287]) Joannis Cinnami, III, 8 (ed. Bonn. p. 107): „Τούτους τε οὖν Δαλμάταις συστρατεύειν ἔλεγον καὶ δὴ καὶ Πετζινάκους“. Ср. Гротъ, Угрія и Славянство, с. 163; В. Васильевскій, Изъ исторіи Византіи въ XII в., Славянскій Сборникъ, т. II, СПБ, 1877, с. 247.

[288]) Jerney I, с. 231 относилъ послѣднее упоминаніе о печенѣжскихъ отрядахъ Угріи къ 1260 г., когда въ Крессенбрунской битвѣ Белы IV съ Отокаромъ II Чешскимъ, въ войскахъ Белы упоминаются „innumeram multitudinam inhumanorum hominum Comonorum et Ungarorum et diversorum Sclavorum, Siculorum quoque et Walachorum, Bezzerminorum et Hysmahelitarum, Scismaticorum etiam, ut pote Graecorum, Bulgarorum, Rusciensium et Bosnensium haereticorum“ (письмо кор. Отокара папѣ, Font. Rer. Bohem. II, с. 315). Ерней изъ Bezzerminorum сдѣлалъ Bezzenninorum, т. е. Печенѣговъ, тогда какъ это было названіе мусульманъ „бусурманъ“, вѣроятно Хорезмійцевъ. Не надо смущаться двумя приводимыми названіями для мусульманъ и обязательно видѣть здѣсь два различныхъ народа: перечисленія эти явно стилизованы подъ библейскій параллелизмъ. Аналогичную стилизацію А. Петровъ замѣтилъ у Анонима (см. его Древн. грамоты, с. 76, пр. 3).

событій 1162 г., когда кор. Стефанъ IV послѣ неудачной борьбы съ племянникомъ Стефаномъ принужденъ былъ бѣжать въ Грецію: по Мюглену онъ бѣжалъ лишь послѣ того, какъ ему измѣнили бывшіе съ нимъ „язычники".[289]

Къ сожалѣнію, наши свѣдѣнія объ участіи Печенѣговъ въ угорскомъ войскѣ столь немногочисленны и сами по себѣ столь кратки и отрывочны, что по нимъ крайне трудно составить представленіе о значеніи Печенѣговъ въ угорскомъ военномъ дѣлѣ.

На большинствѣ угорскихъ границъ печенѣжскія поселенія были лишь вкраплены въ систему пограничной обороны; за этими приграничными поселеніями во многихъ мѣстахъ находились небольшія тыловыя группы, въ видѣ ряда поселеній, расположенныхъ уже нѣсколько болѣе вглубь страны. Такое впечатлѣніе получается при разсматриваніи южнаго и западнаго пограничья съ ихъ тыловыми печенѣжско-берендѣйскими поселеніями въ Бараньскомъ и Тольнскомъ комитатахъ, у озера Балатонъ, и въ Дьёрскомъ комитатѣ, а также и сѣвернаго, словацкаго пограничья съ его тюркскою скученностью у низовья рѣки Житавы. На границахъ Тюрки могли нести лишь сторожевую службу, опираясь на засѣки и крѣпости, можетъ быть подобно тому, какъ несли такую же сторожевую службу ихъ собратья у галицкихъ, волынскихъ или переяславскихъ князей на Руси; но на мошоно-шопронскомъ пограничьѣ или по Шарвизу, подъ Секешъ-Фейерваромъ, количество этихъ Тюрковъ было уже столь значительно, что здѣсь они представляли собою серьезную силу, на подобіе кіевскихъ Черныхъ Клобуковъ, способныхъ самостоятельно оборонять пограничье или подступы къ столицѣ. Наконецъ остальныя внутреннія печенѣжскія группы, какъ аранкская или кемейская, вѣроятно лишь поставляли въ угорское войско извѣстное количество своей легкой конницы. О количественномъ соотношеніи собственно-мадьярскаго и печенѣжскаго элемента въ угорскомъ войскѣ — у насъ нѣтъ данныхъ; можно только съ увѣренностью сказать, что въ XII—XIII вѣкахъ этихъ Тюрковъ въ Угріи было сравнительно много меньше, чѣмъ въ современной ей Руси, гдѣ черноклобуцкій элементъ бывалъ даже численно преобладающимъ въ сравненіи съ русскими княжескими дружинами.

Чрезвычайно подвижное, съ собственной общекочевнической военной тактикой, это своеобразное войско угорскихъ королей, вмѣстѣ съ другими подобными тюркскими отрядами Половцевъ, Хорезмійцевъ, пользовалось извѣстностью въ средневѣковой Европѣ и угорскіе короли посылали этихъ Тюрковъ далеко за предѣлы своего королевства въ помощь своимъ союзникамъ или обращавшимся за военной поддержкой сосѣдямъ. Къ сожалѣнію, хронисты обозначаютъ эти отряды не по народностямъ, а общимъ терминомъ „стрѣльцовъ", и нѣтъ возможности, поэтому, различать, кто именно изъ угорскихъ Тюрковъ посылался въ томъ или другомъ случаѣ.[290]

Печенѣги приходили въ Угрію со своими ханами — »duci« латинской терминологіи, и въ древнѣйшій періодъ своего пребыванія въ Угріи — втор. пол. X —

---

[289]) Гротъ, Угрія и Славянство, с. 282—3 и пр. 5. Замѣтимъ, что несчастная для Стефана IV битва произошла вблизи Секешъ-Фейервара, гдѣ какъ разъ болѣе всего было поселено Печенѣговъ.

[290]) Таковъ напр. пятисотенный или шестисотенный отрядъ, посланный въ 1158 г. Гезой II въ Италію съ импер. Фридрихомъ („600 sagittorii electi" y Rahewini, Gesta Frid. I Imper. Libr. III,

втор. пол. XI вв. — эти печенѣжскіе ханы получали очень большое значеніе[291]; имъ отдавались въ управленіе укрѣпленные городки — такъ, напр., полулегендарнымъ братьямъ Билѣ и Баксѣ князь Токсонъ отдалъ Пештъ,[292] а Пота самъ строитъ крѣпость подъ Матрою[293]; они роднились съ Арпадовичами — съ княземъ Токсономъ[294] и съ королемъ Стефаномъ[295] и въ силу такого родства одинъ изъ печенѣжскихъ хановъ, въ лицѣ Самуила-Абы, занималъ угорскій престолъ въ 1041—1047 гг.[296] Память объ этихъ ханахъ, пришедшихъ въ Угрію еще язычниками, будетъ долго сохраняться и еще была жива во времена Анонима, писавшаго на розграньѣ XII—XIII вв.[297]

Съ ростомъ и укрѣпленіемъ угорской государственности, эти тюркскіе ханскіе роды, управлявшіе Печенѣгами, замѣнялись представителями угорской королевской власти, графами — comes, подъ верховное вѣдѣніе которыхъ Печенѣги теперь передавались. Таковы: Ochus, curialis comes et comes Bissenorum (1216 г.), магистръ Mikch, банъ Славоніи »et comes Bissenorum« (1329 г.), Maróthi János, банъ Мачвы, носившій званіе: »Banus Machoviensis et comes Bissenorum« (1406 г.)[298]; такимъ былъ и палатинъ Дьюла, правитель Шопрона, comes Suproniensis, которому были подчинены арпашскіе Печенѣги,[299] жившіе въ восточной части Шопронскаго комитата, и который далъ имъ въ 1222 г. грамоту, опредѣлявшую ихъ военныя обязанности. Изъ этой грамоты мы видимъ, что кромѣ палатину, Печенѣги въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ подчинялись еще и іобадіонамъ, а непосредственно управлялись особыми »comes« и »iudices«. Эти графы и судьи были, повидимому, большею частью Печенѣгами,[300] вѣроятно ихъ родовыми старшинами. Они не только управляли и судили, но и вели Печенѣговъ въ походъ[301]; впрочемъ, по грамотѣ 1222 г., у арпашскихъ Печенѣговъ ихъ comes

cap. 26, ed. Waitz, c. 158 и „quingentis Sarracenis" y Vincencius Pragensis, Font. Rer. Bohem. II, 425. Ср. Гротъ, Угрія и Славянство, с. 234). Объ отрядѣ, посланномъ въ 1132 г. въ Италію съ германск. императоромъ и въ 1203 г. въ Тюрингію съ кор. Отокаромъ I Чешскимъ, извѣстно, что они состояли изъ Половцевъ (Jaffé, Biblioteca Rerum Germanicarum, t. V, с. 446—7; Arnoldi, Chronica Slavorum, VI, 5, M. G. SS. XXI, c. 216; см. V. Novotný, ц. с. I, 2, c. 621).

[291]) Таковы были Аба, Пота, Томай, Кемей, Ботондъ, Кульпунъ и др., упоминаемые Анонимомъ, на печенѣжское происхожденіе которыхъ указалъ G. Fehér, ц. с. особен. с., 129, 140. Таковъ былъ и уп. выше „Zultan, princeps Bissenorum", приводимый Туроцомъ (II, гл. 53), и „dux nomine Tatar" 1123 г. у того же Туроца (II, гл. 63).

[292]) Anonymus, гл. 57, с. 53; Ср. G. Fehér, c. 131 и 136. Текстъ приведенъ выше на с. 6 въ примѣч. 25.

[293]) Anonymus, гл. 32, с. 29. Ср. G. Fehér, c. 125. Текстъ см. выше, на с. 28 пр. 162.

[294]) Anonymus, гл. 57, с. 53, Ср. G. Fehér, c. 129.

[295]) Szalay, I, c. 156.

[296]) О происхожденіи Самуила-Абы — у Anonymus, гл. 32, с. 29; о печенѣжскомъ происхожденіи его рода — у Fehér, c. 125—9, 134, 137.

[297]) Напр. о Кемеѣ, Кетелѣ, Опультульнѣ и др.

[298]) Jerney I, c. 263, § 43.

[299]) „Bisseni de Arpas, ad nos uidelicet Palatinum pertinentes" (Jerney, I, c. 233; ср. Endlicher, c. 419).

[300]) Примѣромъ такого comes Byssenorum, безспорно-печенѣжскаго происхожденія, можетъ служить Печенѣгъ Григорій, имѣвшій кромѣ того еще званіе магистра: Magister Gregorius Byssenus, comes Byssenorum, уп. въ 1351 г. въ Тольнскомъ комитатѣ. Въ 1346 г. онъ уже уп. какъ „Rector Bissenorum", Jerney I, c. 236, 263.

[301] Грамота арпашскихъ Печенѣговъ 1222 г., кромѣ того — у Оттона Фризингенскаго; текстъ см. выше, с. 45, пр. 285.

обязанъ былъ идти лишь въ первый походъ послѣ своего вступленія въ эту должность; въ послѣдующіе — идти уже не былъ обязанъ.[802]

Выступать въ походъ Печенѣги должны были въ собственномъ вооруженіи, такъ, по крайней мѣрѣ, требуетъ отъ катайскихъ спикуляторовъ королевская грамота 1339 г.[803]

Очевидно эта степень самостоятельности, выражавшаяся въ правѣ имѣть своихъ судей и родовыхъ старшинъ, разбиравшихъ ихъ внутреннія дѣла, выступленіе на войну своими отдѣльными отрядами, а также освобожденіе отъ какихъ бы то ни было пошлинъ съ тѣхъ земель, кои имъ принадлежали какъ государевымъ людямъ, — и составляло тѣ свободы и привилегіи, о которыхъ такъ часто упоминаютъ мадьярскія грамоты.[804] За все это Печенѣги несли военную службу; одинаково — какъ расположенные на границахъ,[805] такъ и размѣщенные внутри страны.[806]

Однако и эта нѣкоторая самостоятельность не спасла Печенѣговъ отъ сравнительно быстрой денаціонализаціи. Тамъ, гдѣ Печенѣги жили болѣе разсѣянно, небольшими пограничными отрядами, а главное, гдѣ они не могли по условіямъ мѣстности продолжать свой полукочевой образъ жизни, не могли заниматься скотоводствомъ и коневодствомъ, а принуждены были осѣдать на землѣ или по городамъ — тамъ эта денаціонализація должна была осуществляться быстрѣе.

Въ Словакіи, странѣ по преимуществу лѣсной и гористой, гдѣ не было много простора для кочевого хозяйства, эта денаціонализація Печенѣговъ должна была начаться рано. Уже въ 1075 г. встрѣчаемъ здѣсь „(h)ortum besenendi",[807] что показываетъ на то, что Печенѣги уже осѣдали на землѣ; изъ грамотъ же 1218—1229 г. г. узнаемъ, что у Печенѣговъ въ Шомо́дьскомъ комитатѣ были виноградники.[808] Примѣромъ ославяниванія Тюрковъ въ Словакіи можетъ служить сравненіе личныхъ именъ этихъ „servientes in equo proprio, qui wlgo luosicsag (lovasság, что по-мадьярски значитъ конница) dicuntur", поселенныхъ на р. Житавѣ, по двумъ грамотамъ ок. 1165 г. и 1247 г., изъ которыхъ видно, что ок. 1165 г. эти „jobagiones equites" еще носили свои тюркскія имена, тогда какъ въ 1247 г. эти имена уже, въ большинствѣ, словацкія.[809]

---

[802]) „Comes eorum non debet ire inter eos, nisi semel, quando fit de nouo", Jerney, I, c. 234, Endlicher, c. 420.

[803]) „armati decenter incendentes", Jerney, I, c. 255.

[804]) „Quod eorum libertas ab antiquo instituta" (1222 г., Jerney, I, c. 233); „in libertate Bissenorum possidendam" (1269, тамъ же, I, c. 236). Ерней главный признакъ печенѣжской свободы видѣлъ въ наличіи у нихъ собственныхъ судей (тамъ же, I, c. 267). О бараньскихъ Печенѣгахъ грамота Белы IV 1230 г. говоритъ: „iuxta libestatem ipsorem servituros" (тамъ же, I, c. 245).

[805]) Въ мошонской пограничной линіи „predium, quod Bysseni qondam possidebant, de iure Musuniensis castri exceptum" (1203 г., Jerney, I, c. 232).

[806]) Аранскіе Печенѣги „servita que debita" (1369 г., Jerney, I, c. 237).

[807]) Monumenta Ecclesiae Strigoniensis, ed. Knauz, I, c. 56.

[808]) „Item confirmamus (кор. Андрей II) etiam sententiam definitivam nostri Palatini Nicolai, filii Borz, quam fecit contra Byssenos de Nagyhalom et Albenses Latinos; ita quidem, ut cum dicti Bysseni de patrimoniabibus suis decimam dare non repudient, imo inuiti compellantur, multo magis de vineis suis in Comitatu Simeghiensi emtitie acquisitis, vel vinis emtitie congregatis dare teneantur" (Jerney, I, c. 249: ср. Szokolay, c. 72).

[809]) Monum. Eccl. Strigon. I, c. 118—119 и 364—5; V. Chaloupecký, Staré Slovensko, c. 286, пр. 1129.

Христіанизація Печенѣговъ также означала для нихъ утрату ими ихъ тюркской самобытности. Пришли Печенѣги въ Угрію еще язычниками; язычниками они извѣстны и въ первое время своего пребыванія въ Угріи[310]; но съ середины XIII ст. въ Варадскомъ регестрѣ, относящемся къ перв. пол. XIII в., мы уже встрѣчаемъ въ районѣ Бигара „ecclesia de Beseneu" и „abbatia de Beseneu".[311]

Устойчивѣе печенѣжскій элементъ держался въ мѣстахъ наибольшей скученности Печенѣговъ — въ трехъ большихъ группахъ ихъ поселеній въ Угріи: шопроно-мошонскаго пограничья, шарвизской и чанадской (аранкской); здѣсь Печенѣговъ было особенно много, а равнинная мѣстность по рѣкамъ (Лайтѣ, Рабѣ, Шарвизу, Аранкѣ) особенно способствовала веденію здѣсь полукочевого хозяйства[312]; еще въ XIV в. въ шарвизской группѣ поселеній будутъ встрѣчаться „comiti bissenorum" изъ Печенѣговъ,[313] управлявшіе своими же собратіями[314]; права чанадскихъ Печенѣговъ, жившихъ по рѣкѣ Аранкѣ еще въ 1369—1405 годахъ, будутъ подтверждаться грамотами угорскихъ королей.[315] На лайтенскомъ пограничьѣ грамота 1339 г. рисуетъ спикуляторовъ крѣпости Каты характерными чертами кочевниковъ: кавалеристами, разъѣзжающими на быстрыхъ своихъ лошадяхъ и держащимися своимъ родомъ.[315a] Еще ярче обрисовалъ

---

[310]) Таковъ напр. полу-легендарный ханъ Кетель, о которомъ Анонимъ пишетъ, что „ipse Ketel et filius suus Tulma more paganismo sepulti sunt" (гл. 15, с. 18), а ханъ Тонузоба „in fide uanus noluit esse Christianus, sed cum uxore uiuus ad portum Obad est sepultus, ut ne baptizando ipse et uxor sua uiuerent cum Christo in eternum. Sed Urcund filius suus Christianus factus, uiuit cum Christo in perpetuum", (гл. 57, с. 54). Въ 1067 г. уп. между р.р. Сланою и Ягеромъ „sepulturae Bissenorum", очевидно курганы, поразившіе христіанъ (V. Chaloupecký, ц. с. с. 85 и пр. 340; Szokolay с. 80—81). Нѣмцы печенѣжскія поселенія въ Трансильваніи называли Heidendorf (P. Hunfalvy, Ethnographie von Ungarn, Pest, 1877, с. 231—2; см. еще V. Chaloupecký, ц. с. с. 85, пр. 340).

[311]) Jerney, с. 246; Szokolay, с. 84.

[312]) О поляхъ Лайтенскаго пограничья говоритъ Оттонъ Фризингенскій, I, гл. 33 (подъ 1146 г., ed. Waitz, с. 41); косвеннымъ указаніемъ на занятія скотоводствомъ и коневодствомъ Печенѣговъ этого пограничья является декретъ кор. Владислава (1077—1095) ed. Endlicher, Lib. II, cap. 15, с. 338 о запрещеніи пограничной стражѣ и ея „графамъ" продавать лошадей и быковъ за границу, что, очевидно, практиковалось: comites confiniorum, si eques vel boues ultra fines huius patriae, sine licentia regis, uendi permiserint, comitatus honore priuentur. Custodes ergo confiniorum, qui uulgo Ewri uocantur (объ этомъ словѣ см. выше, с. 19—20), si absque sciencia comitum tale quid consenserint, libertatem amittant, si pauperes fuerint. Illis uero custodibus, qui presunt, si in culpa eadem rei inuenti fuerint, cum omnibus quae habuerint, pereant, soli filii et filie in libertate, permaneant" (S. Ladislai Regis Decretum II, 15, ed. Endlicher, с. 338-9. Ср. Jerney, I, с. 252).

[313]) Напр. упомянутый уже выше Magister Gregorius Byssenus, comes Byssenorum, 1351 г. (см. с. 47, пр. 300).

[314]) Въ 1383 г. уп. дер. Kőrosők, которая находилась „inter bissenos"; въ 1399 г. уп. „nobiles Bisseni": „de Belch", „de Parthas-Dorag", „de Kwzepfalu", „de Thukusszeyh" (Szokolay, с. 74—75).

[315]) Грамоты приведены у Jerney, I, с. 237—243. Jerney, I, с. 237 считалъ, что эти печенѣжскія поселенія были уничтожены турецкимъ разореніемъ. Еще въ 1435 году слышимъ о благородныхъ Печенѣгахъ, которые исключались изъ-подъ вѣдѣнія судей, ихъ судилъ самъ король (Szokolay, с. 85); однако, повидимому, денаціонализироваться аранкскіе Печенѣги начали еще до турецкихъ разореній: Печенѣги мѣстности Nagy-Besenyő въ 1405 г. уп. въ королевской грамотѣ еще какъ „fideles nostri Besseni nobiles de Nagy Bessenew", тогда какъ въ грамотѣ 1495 г. тѣ же надь-бешенцы названы просто „nobiles de Nagy-Bessenew", уже безъ упоминанія ихъ печенѣжской народности. Грамоты — у Jerney, I, с. 240 и 242; на это обратила вниманіе и Szokolay, с. 86 со ссылкой на Borovsky, A honfoglalás története, с. 144.

[315a]) „Nos Laurentio, Ioanni et Nicolao, Spiculatoribus nostri de Katha de comitatu Mosoniensi ipsorum

Печенѣговъ этой поздней поры Бонфиній, писавшій въ концѣ XV в.: „ихъ обычаемъ, говоритъ онъ, является: пользоваться копьями, носить длинныя бороды, длинные усы, носить шапки со шлыкомъ и одѣваться по персидскому образцу въ развѣвающіяся шелковыя одежды“.[816] Къ концу XV в. такихъ Печенѣговъ сохранилось вѣроятно уже немного: это послѣднее подобное извѣстіе о нихъ.[817]

Потомки хановъ и болѣе мелкая родовая печенѣжская аристократія, извѣстная въ угорскихъ грамотахъ подъ именами comes и nobiles bissenorum (являющихся полной аналогіей „лѣпшимъ мужамъ въ Черныхъ Клобукахъ“ Кіевской Руси),[818] проникали на различныя государственныя и придворныя должности Угріи, достигая иногда очень высокаго положенія. Такъ въ 1342 г. Beke Bissenus былъ судьею острова Чепеля (comes Insulae maioris); Печенѣгъ Бенедиктъ въ 1329 г. уп. верховнымъ жупаномъ Бараньскаго комитата; въ 1404—6 г. г. уп. Magnificus Paulus Byssenus de Eorghede, занимавшій должность бана Далмаціи, Кроаціи и Славоніи; наконецъ Печенѣгъ Mag (Magh, Moch) занималъ одну изъ самыхъ высокихъ должностей въ Угріи — палатина и бачскаго верховнаго жупана.[819]

Отдѣльные Печенѣги проникали и къ угорскому двору. Около 1225 г. уп. Aba Bissenus (очевидно изъ рода кемейскихъ Абаевъ), который былъ „homo regius“ короля Андрея II; въ 1381 г. уп. Матфей, а въ 1386 г. Стефанъ, — Печенѣги, придворные королевы Маріи.[820] Но кромѣ этихъ лицъ, съ прямымъ указаніемъ на ихъ печенѣжское происхожденіе, существовало огромное количество родовъ (Абы, Чабаи и мн. др.), ведшихъ свое происхожденіе отъ Печенѣговъ.[821]

IV.

Переходя къ обзору разселенія Печенѣговъ, Торковъ и Берендѣевъ на Руси, надо прежде всего отмѣтить различіе источниковъ нашихъ свѣдѣній объ этихъ народахъ для Угріи и Руси. О поселенныхъ въ Угріи Тюркахъ узнаемъ главнымъ образомъ изъ грамотъ, особенно многочисленныхъ со времени короля Андрея II (1205—1235). По этимъ грамотамъ мы возстанавливаемъ картину разсленія тюркскихъ племенъ по Угріи; несравненно меньше свѣдѣній почерпаемъ изъ хроникъ. Наоборотъ, для Руси, гдѣ частно-правовая жизнь еще не достигла въ XI—XIII вв.

et totius generationis eorumdem de eodem“... и далѣе объ этихъ мошонскихъ спикуляторахъ: „ita tamen, quod iidem nostri Spiculatores eorum seruitia et officia spiculationis, vt quemadmodum eorum progenitores antiquitus exercebant, facere et exercere teneantur, more consueto absque cuiusuis temporis intervallo, equis bonis, velocibus, sepe conservatis, armati decenter incedentes“, Jerney, I, c. 254—5.

816) Illis mos est vexillationibus uti, demissas ferre barbas et labri vel maxime superioris nutrire pilos caudata cristatave secum ferre pilea, fluitantibus quoque vestibus indui, iisdemque sericeis, in Persarum morem et equorum pernicitate admodum delectari (Bonfinus, Rerum Hungaricoram Dec. II, Lib. IV, p. 220, Hanoviae, 1606).

817) Въ 1406 г. уп. Ioannes de Maroth, Banus Machoviensis et comes Bissenorum (Jerney, I, c. 263), что, какъ будто, говоритъ за то, что Печенѣги еще въ нач. XV ст. существовали въ Мачвѣ.

818) „Лѣпьшии моужи в Черныхъ Клобоуцехъ“, П. С. Р. Л., II, ст. 676. О нихъ см. ниже, с. 58.

819) Jerney, I, c. 263—264.

820) Jerney, I, c. 264.

821) G. Fehér, ц. с., особ. с. 134—140; объ Абаяхъ — у Gombocz Z., Árpádkori török személyneveink, Magyar Nyelv, XI (1915), c. 342 и слѣд.

той фиксаціи, какую знала Угрія, у насъ нѣтъ грамотъ, позволявшихъ бы прослѣдить разселеніе Тюрковъ; зато полны упоминаній о Черныхъ Клобукахъ, какъ звали здѣсь этихъ поселенцевъ, русскія лѣтописи и гл. обр. кіевская, которая раскрываетъ намъ не столько географическое разселеніе, сколько политическое значеніе Печенѣговъ, Торковъ и Берендѣевъ въ жизни Кіевской Руси.[822]

Если начать обзоръ черноклобуцкихъ поселеній на Руси съ запада, то первымъ пограничнымъ съ Угріей русскимъ княжествомъ будетъ Галицкое. Подобно тому, какъ въ Угріи, въ сѣверо-восточныхъ ея предѣлахъ, на путяхъ изъ Галиціи, встрѣчаемъ печенѣжскія, торкскія и берендѣйскія поселенія, такъ и на Руси, въ Галиціи, на западномъ ея пограничьѣ, для защиты со стороны Угріи, сидѣли, разселенные Русью — тѣ же Печенѣги, Торки и Берендѣи. Въ лѣтописи есть только одно указаніе на существованіе въ Галицкомъ княжествѣ Черныхъ Клобуковъ — отъ 1097 г. Cслѣпленный теребовльскій князь Василько[823] признается въ своихъ военныхъ планахъ: „яко приде ми вѣсть яко идут [къ мънѣ] Берендичи и Печенѣзи и Торци и се рекох въ оумѣ своемь: оже ми будут Берендичи и Печенѣзи и Торци, реку брату своему Володареви и Давыдови: даита ми дружину свою молотьшюю а сама пиита и веселитася и помыслих на землю Лядьскую наступлю на зиму ї на лѣто и возму землю Лядьскую и мьщю Русьскую землю.“[824] Изъ этихъ словъ Василька видно, что Черные Клобуки находились гдѣ-то далеко отъ него, очевидно у южныхъ окраинъ Галиціи. Что это были поселенцы на русскомъ пограничьѣ, а не степные Тюрки, явствуетъ изъ дальнѣйшихъ словъ Василька, собиравшагося затѣмъ идти, повидимому съ тѣми же Берендѣями, Печенѣгами и Торками, на Половцевъ.[825] На верховьяхъ Прута, у Коломыи, въ прежнемъ галицкомъ Понизіи, до сихъ поръ существуетъ дер. Печенѣжинъ.[826] Можетъ быть въ ней можно видѣть слѣды тѣхъ черноклобуцкихъ поселеній, о которыхъ говорилъ теребовльскій князь.

Въ районѣ Перемышля до сихъ поръ находятся деревни Берендевичи и Торки[827]; такое расположеніе нѣкогда тюркскихъ поселеній указываетъ на стремленія галицкихъ князей имѣть на-готовѣ военные отряды противъ Угріи въ случаѣ вторженія Мадьяръ черезъ ближайшіе Лупковскій или Ужокскій перевалы.

Юго-восточнѣе, на верховьѣ Днѣстра, въ 10-ти кил. на западъ отъ г. Самбора есть деревня Торчиновичи,[828] расположенная у выхода въ днѣстровскую долину изъ Карпатъ, если переходить ихъ Верецкимъ переваломъ; м. б. это торкское поселеніе и было расчитано для защиты этого пути изъ Угріи.

Наконецъ, упомянутый нами Печенѣжинъ у Коломыи могъ быть какъ заслономъ противъ степей, такъ и противъ Яблоницкаго (Татарскаго) карпатскаго перевала.

---

822) Въ настоящемъ очеркѣ мы не будемъ останавливаться на оцѣнкѣ значенія этихъ Тюрковъ для Руси, такъ какъ это разсмотрѣно нами въ спеціальной статьѣ: „О роли Черныхъ Клобуковъ въ исторіи древней Руси“, Seminarium Kondakovianum, I, 1927, с. 93—109.

823) Теребовльское княжество находилось на юго-восточной окраинѣ Галицкой Руси.

824) П. С. Р. Л. т. I, 1, ст. 266.

825) „И посем хотях проситися оу Святополка и оу Володимера ити на Половци, да любо налѣзу собѣ славу а любо голову свою сложю за Русскую землю“, тамъ же, с. 266.

826) М. Грушевскій, Історія України-Руси, II, с. 585.

827) Тамъ же, с. 585.

828) Тамъ же, с. 585.

На пограничьѣ съ Волынью, около Звенигорода находится „могила Печенѣги" (Бобрецкаго округа),[329] м. б. память о бывшемъ тюркскомъ поселеніи, которое имѣло здѣсь полный смыслъ, т. к. Звенигородъ былъ расположенъ на большомъ пути изъ Кіева въ Ургію и служилъ заслономъ со стороны Волыни къ внутреннимъ областямъ Галиціи. Недалеко отсюда, въ сосѣднемъ Перемышлянскомъ округѣ существуетъ поселеніе Печенѣя.[330]

Переходя затѣмъ къ Волынскому княжеству, мы прежде всего находимъ слѣдъ черноклобуцкаго поселенія на пути изъ Галиціи къ столицѣ княжества — Владиміру Волынскому, на южныхъ подступахъ къ нему, у Буга, гдѣ до сихъ поръ есть дер. Торки, Сокальскаго округа Галиціи.[331] Далѣе извѣстные намъ слѣды Черныхъ Клобуковъ будутъ находиться почти по прямой линіи отъ Владиміра Волынскаго на востокъ, указывая намъ на послѣдовательные заслоны, устроенные изъ этихъ поселенцевъ другъ противъ друга Волынью и Кіевомъ.[332]

Такъ, приблизительно на полъ-пути между Владиміромъ и Луцкомъ, въ самомъ центрѣ Волынскаго княжества, находился городъ Торчевъ, извѣстный въ лѣтописи съ 1231 года[333]; далѣе на востокъ, уже на пограничьѣ съ Кіевскимъ княжествомъ, въ 6-ти килом. на ю.-з. отъ Дорогобужа, также существовало торкское поселеніе, о чемъ свидѣтельствуетъ современное мѣстечко Торчинъ.[334]

Въ сосѣднемъ, Кіевскомъ княжествѣ, все на томъ же пути съ запада на востокъ, прежде всего встрѣчаемъ деревню Торчицы, гдѣ-то въ районѣ древняго Корческа (совр. Корецъ), въ бывш. Новоградволынскомъ уѣздѣ,[335] а еще западнѣе — дер. Торчинъ, Радомышльскаго уѣзда, Кіевской губерніи [336]; здѣсь же есть и рѣчка Торчанка (=Турчанка), притокъ Уши.[337]

---

[329]) М. Грушевскій, Історія України-Руси, II, с. 585.

[330]) Тамъ же, с. 585.

[331]) Тамъ же, с. 585; Молчановскій, Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ до 1434 года, Кіевск. Университ. Извѣстія, 1883, с. 68.

[332]) Очень возможно, что эти тюркскія поселенія Волыни, приграничныя съ Кіевскимъ княжествомъ, были основаны въ эпоху княженія въ Погоринѣ (восточной части Волыни) въ 80-ыхъ годахъ XI ст. Давида Игоревича. Ни передъ тѣмъ — въ 60–70-ыхъ г. г., въ эпоху перваго разселенія Торковъ на Руси, ни послѣ 80-ыхъ г. г. XI ст., врядъ ли была необходимость въ подобныхъ заслонахъ, такъ какъ тогда въ Погоринѣ сидѣли князья, находившіеся въ прямой зависимости отъ Кіева (объ этомъ см. у М. Грушевскаго, Історія України-Руси, II, с. 73—74, 363—4), что какъ разъ нельзя сказать про энергичную личность князя Давида Игоревича. Среди его приближенныхъ были Тюрки, объ этомъ см. ниже, с. 62.

[333]) П. С. Р. Л. II, ст. 767; нынѣ село бывш. Луцкаго уѣзда, Волынской губ.

[334]) На границѣ бывшихъ Острожскаго и Ровенскаго уѣздовъ, Волынской губ. — Спеціальная (10-ти верстная) карта Европейской Россіи, изд. Воен.-Топографич. Отдѣла Главнаго Штаба. Это, какъ и рядъ послѣдующихъ тюркскихъ поселеній, не указаны на прилагаемой картѣ, т. к. были ныйдены мною уже послѣ того, какъ эта карта была отпечатана.

[335]) М. Грушевскій, ц. с. II, с. 585.

[336]) Молчановскій, ц. с. с. 67, М. Грушевскій, ц. с. II, с. 585.

[337]) М. Грушевскій, ц. с. II, с. 585. П. Голубовскій, Печенѣги, Торки, Половцы, ошибочно считалъ, что черноклобуцкія поселенія Кіевскаго княжества не простирались такъ далеко на западъ и не переходили р. Гуйвы (ц. изд. № 9, с. 430 и пр. 6, и с. 434). Впрочемъ и М. Грушевскій въ Исторіи Кіевской земли, с. 32—38, описывая черноклобуцкія поселенія Кіевскаго княжества, ограничивается лишь Поросьемъ, ничего не говоря о такихъ же поселеніяхъ на кіево-волынскомъ пограничьѣ.

Но, кромѣ этихъ сѣверныхъ черноклобуцкихъ поселеній на пути изъ Волыни въ Кіевъ, существовали и южныя отдѣльныя поселенія, которыя, впрочемъ, могли имѣть значеніе и какъ пограничныхъ съ Волынью, такъ и заслоновъ отъ степныхъ кочевниковъ — Половцевъ. Таково, вѣроятно, было значеніе поселенія Торковъ на р. Сниводи, лѣвомъ притокѣ Буга, въ 15 вер. къ сѣверу отъ города Хмѣльника, Литинскаго уѣзда Подольской губ., гдѣ теперь находится селеніе Торчинъ.[838]

Еще южнѣе, на рѣчкѣ Шпаковкѣ, правомъ притокѣ Буга, въ 18 вер. на западъ отъ Брацлава (Подольской губ.) тамъ, гдѣ М. Грушевскій проводитъ приблизительную границу между Галицкимъ Понизьемъ и Кіевскими владѣніями,[839] существуетъ до сихъ поръ дер. Торковъ,[840] свидѣтельствующая о бывшемъ здѣсь поселеніи Торковъ на крайнемъ юго-западѣ Кіевскаго княжества. Впрочемъ, въ виду полной неясности здѣсь границъ, это торкское поселеніе могло находиться и во владѣніи галицкихъ князей.

Но центръ черноклобуцкихъ поселеній Кіевскаго княжества былъ еще западнѣе и составлялъ степное пространство, ограниченное съ запада — рѣчкою Гуйвою, притокомъ Тетерева и верховьемъ Десны при впаденіи ея въ Бугъ, съ востока — теченіемъ Днѣпра. Сѣверная же и южная границы черноклобуцкихъ поселеній мѣнялись здѣсь въ зависимости отъ борьбы со степью.

Послѣ Владиміра Св., которому приходилось огораживаться отъ Печенѣговъ еще подъ самымъ Кіевомъ — на Стугнѣ, Ирпени и Трубежѣ, Русь начинаетъ снова продвигаться на югъ, и ко времени первыхъ печенѣжско-торкскихъ поселеній въ Кіевскомъ княжествѣ (60—80-ые г.г. XI стол.) успѣла снова выдвинуться въ степь до Роси, закрѣпляя за собою вновь отвоеванную область постройкой городовъ, валовъ и засѣкъ и заселяя ее плѣнными.[841] Здѣсь были поселены и Торки съ Печенѣгами: въ 1084 г. впервые здѣсь упоминается „Торчскыи городъ“.[842] Но въ страшные 90-ые годы XI ст., когда напоръ Половцевъ достигъ своей наивысшей силы, эта граница вновь сметается: сжигается въ 1093 г. Торчевскъ, жители котораго уводятся въ плѣнъ, въ 1095 г. оставляютъ свой городъ юрьевцы; Половцы хозяйничаютъ подъ самымъ Кіевомъ. Граница Руси отходитъ снова къ Стугнѣ.[843]

И только съ началомъ XII в., когда вновь начинается наступленіе Руси на степи и снова отстраивается Юрьевъ, а порѣдѣвшія черноклобуцкія поселенія пополняются притокомъ новыхъ поселенцевъ, выводимыхъ изъ степей, — лишь съ этого времени Русь уже не отступаетъ отъ Роси; въ концѣ же XII столѣтія русская граница, а съ нею и пограничныя черноклобуцкія поселенія, продвинулись еще южнѣе, за Рось, къ устью Тясминя (притока Днѣпра), къ водораздѣлу Висьи и Тясминя, съ одной стороны, и Роси — съ другой, и къ среднему

[838]) Спеціальная карта Европ. Россіи, изд. В.-Т. отд. Главнаго Штаба; Молчановскій, ц. с. с. 67; М. Грушевскій, Іст. Укр.-Руси, II, с. 585.

[839]) См. карту Волынскаго и Галицкаго княжествъ во II т. Исторіи Укр.-Руси.

[840]) Цит. изд. спеціальной карты Европейской Россіи; Молчановскій, ц. с. с. 68; М. Грушевскій, ц. с. с. 585.

[841]) П. С. Р. Л. I, 1, ст. 150, 1031 г. Ср. Грушевскій, Ист. Кіевск. земли, с. 13 и 30.

[842]) П. С. Р. Л. I, 1, ст. 249 (въ Поученіи Мономаха).

[843]) П. С. Р. Л. I, 1, ст. 225, 229. Ср. Грушевскій, Ист. Кіевск. земли. с. 31.

теченію Буга.[344] Здѣсь, за Росью, слѣды Торковъ сохранились въ названіи рѣки Торча, притокѣ Тикича, Торческихъ взгорьяхъ (между с. Богатыркою и Литвинкою)[345]; гдѣ-то здѣсь находились черноклобуцкіе городки Чурнаевъ, Кульдеревъ и Куниль (Такуниль).[346] Впрочемъ, черноклобуцкія поселенія южнѣе Роси все же оставались рѣдкими, такъ какъ даже и въ концѣ XII в., когда какъ разъ начинаютъ встрѣчаться указанія на нихъ, — и тогда Половцы продолжаютъ при своихъ набѣгахъ грабить главнымъ образомъ сѣверное Поросье.[347]

Соотвѣтственно борьбѣ со степью измѣнялась и сѣверная граница черноклобуцкихъ поселеній; самымъ сѣвернымъ ихъ пунктомъ здѣсь является урочище Торчъ на Стугнѣ, недалеко отъ Триполья у Ст. Безрадичъ[348]; съ начала XII вѣка, съ установленіемъ южной границы по Роси, сѣверную границу надо полагать по р. Красной (притокъ Днѣпра) и по верховьямъ Унови (притокъ Ирпеня) и Каменки (притокъ Роси).[349]

Центромъ же черноклобуцкихъ поселеній въ Кіевскомъ княжествѣ на всемъ протяженіи съ пол. XII ст. по середину XIII ст. оставалось теченіе рѣки Роси съ ея лѣвыми притоками. Здѣсь на Роси былъ упомянутый городъ Торчевскъ, центръ и оплотъ Черныхъ Клобуковъ Поросья.[350] Память о жившихъ здѣсь Тюркахъ сохранилась въ названіи р. Торчь, притокѣ Роси, съ современной деревней Торчицы на ней,[351] Торчевскій степокъ,[352] рѣчка Кагарлыкъ, лѣв. притокъ Росавы, впадающей въ Рось, съ селеніемъ Кагарлыкъ на упомянутой рѣчкѣ того

---

[344]) П. С. Р. Л. I, 1, ст. 280. Ср. Грушевскій, Ист. Кіевск. земли, с. 13—14, 38.

[345]) Грушевскій, Іст. Укр. Руси, II, с. 385.

[346]) П. С. Р. Л. II, ст. 669, 1190 г. (Чюрнаевъ), ст. 672, 1190 г. (Кульдеревъ), ст. 396, 1150 г. (Куниль). Объ ихъ положеніи см. Грушевскій, Ист. Кіевск. земли, с. 13, 36, 38; Барсовъ, Очерки русской историч. географіи, с. 139.

[347]) Въ 1193 г. напр. Половцы воюютъ „на Оубережи" гдѣ они „поимаша Торкы", П. С. Р. Л. II, ст. 679.

[348]) Грушевскій, Ист. Кіевск. земли, с. 27, пр. 4 и его же Іст. Укр. Руси, II, с. 585.

[349]) Въ 1172 году Мстиславъ соединяется съ Черными Клобуками южнѣе Триполья, у устья Красной (П. С. Р. Л. II, ст. 548), а въ 1150 г., когда Черные Клобуки пришли къ Тумащу, сѣвернѣе Стугны, они, очевидно, были въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ своихъ вѣжъ, если сочли необходимымъ для безопасности „затворить" своихъ женъ и дѣтей въ городахъ Поросья (П. С. Р. Л, II, ст. 400); наконецъ, если считать, какъ это дѣлаетъ Грушевскій (Ист. Кіевск. земли, с. 33), упоминаемое въ лѣтописи въ описаніи событій 1146 г. „поля" за Перепетово поле, то расположенный гдѣ-то вблизи него гор. Дерновый (П. С. Р. Л. II, ст. 323) представлялъ собою тотъ крайній сѣверный пунктъ кочевій Черныхъ Клобуковъ, гдѣ они соединились съ войсками Изяслава Мстиславича. Нельзя поэтому согласиться съ Голубовскимъ (Печенѣги, Торки, Половцы, ц. изд., № 9, с. 434), считавшимъ, что на сѣверѣ черноклобуцкія поселенія во второй пол. XII — второй пол. XIII в. в. простирались до Стугны.

[350]) Мѣстонахожденіе его спорно, какъ спорно и то, на томъ ли самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ Торчевскъ, сожженный Половцами въ 1093 г. находился тотъ Торчевскъ, который послѣ этого начинаетъ снова упоминаться съ 1161 г. Одни этотъ городъ ищутъ на мѣстѣ нын. урочища Торчь, что у с. Старыхъ Безрадичъ, на Стугнѣ, другіе — въ нын. с. Торчицы на р. Торчъ, третьи полагаютъ, что Торчевскихъ было нѣсколько, и наконецъ четвертые, что онъ былъ гдѣ-то въ центрѣ Поросья, близъ Роси, на лѣвомъ ея берегу. Послѣднее мнѣніе наиболѣе вѣроятное. Объ этомъ см. у Грушевскаго, Ист. Кіевск. земли, с. 27—29, и карту ко II тому Ист. Укр. Руси.

[351]) Таращинскаго уѣзда Кіевск. губ. Грушевскій, Ист. Кіевск. земли, с. 28 и его же Іст. Укр. Руси, II, с. 585.

[352]) Тоже въ Таращинскомъ у., Грушевскій, Іст. Укр. Руси, II, с. 585.

же имени, дер. Карапыши, село Тептіевка на Роси, и рядъ др. тюркскихъ названій. Изъ лѣтописей мы знаемъ о шести берендѣйскихъ городкахъ („6 городовь Береньдицъ“),[853] расположенныхъ гдѣ-то въ центрѣ Поросья и знаемъ также, что вѣжи тѣхъ же Берендѣевъ находились на р. Рутѣ, лѣвомъ притокѣ Роси.[854]

Археологическія раскопки, ведшіяся здѣсь, обнаружили типичныя кочевническія погребенія (съ конемъ),[855] причемъ А. А. Спицынъ, въ статьѣ, подводившей итогъ этимъ раскопкамъ,[856] намѣтилъ здѣсь три вида погребеній,[857] что какъ разъ соотвѣтствовало бы тѣмъ тремъ главнымъ тюркскимъ группамъ, которыя были поселены Русью въ Поросьѣ: Печенѣгамъ, Торкамъ и Берендѣямъ.[858]

Что представляли собою черноклобуцкіе городки? Это были, повидимому, небольшіе остроги, построенные Русскими для защиты Черныхъ Клобуковъ отъ степныхъ Половцевъ; въ эти же городки Черные Клобуки „затворяли“ свои семьи, когда уходили изъ Поросья внутрь Руси на помощь какому-нибудь князю, большею частью для достиженія имъ Кіевскаго стола. Нѣкоторые такіе городки принадлежали отдѣльнымъ черноклобуцкимъ ханамъ и назывались ихъ именами.[859] Про одинъ изъ такихъ ханскихъ городковъ (Чурнаевъ) прямо сказано, что онъ имѣлъ острогъ.[860]

Но кромѣ черноклобуцкихъ городковъ въ Поросьѣ былъ цѣлый рядъ русскихъ городовъ: Зарубъ, Иванъ, Каневъ, Родня, Товаровъ, Корсунь, Богуславль, Михайловъ, Юрьевъ, Володаревъ, Растовецъ, Неятинъ, Мунаревъ, Дерновъ, Святославль.[861] Порошане-Русскіе противупоставляются Чернымъ Клобукамъ

853) П. С. Р. Л. II, ст. 603, 1177 г. Объ этихъ городкахъ см. еще у В. Б. Антоновича, въ Чтеніяхъ въ Ист. Общ. Нестора лѣт., 1889, кн. III, с. 10 и слѣд.

854) П. С. Р. Л. II, ст. 521, 1162 г.

855) Э. К. Витковскій, Раскопки кургановъ и археологическія находки въ Васильковскомъ уѣздѣ, Труды III Арх. Съѣзда, т. II, 1878, Приложеніе, с. 23–30; Н. Е. Бранденбургъ, Какому племени могутъ быть приписаны тѣ изъ языческихъ могилъ Кіевской губ., въ которыхъ вмѣстѣ съ покойниками погребены остовы убитыхъ лошадей? Труды X Арх. Съѣзда, т. I, 1899, с. 1–13, его же Журналъ раскопокъ 1888—1902 г.г. СПБ., 1908; А. Спицынъ, Курганы кіевскихъ Торковъ и Берендѣевъ, Зап. Имп. Русск. Арх. Общ. т. XI, СПБ., 1899; А. С[пицынъ], Кочевническій курганъ близъ с. Драчей, Каневскаго у., Зап. отд. русск. и славянск. арх. Имп. Русск. Арх. Общ., 1905, т. VII, вып. 1, с. 151—153. Д. Самоквасовъ, Могилы Русской земли, М. 1908, с. 222—225, 237—238; Отчеты Имп. Археол. Комиссіи за 1898 г., с. 71, за 1904 г., с. 119; В. Данилевич, Археологічна минувшина Київщини, 1925, с. 111, 127—129 и карта IX; А. А. Спицын, Татарские курганы, Изв. Таврическ. Общ. Ист., Археол. и Этнограф. т. I (58), Симферополь, 1927, с. 149; Ср. еще Дм. Анучинъ, Сани, лодья и кони, какъ принадлежность похороннаго обряда, Древности, Труды Имп. Моск. Арх. Общ. т. XIV, М. 1890, считавшій, впрочемъ, эти погребенія славянскими.

856) Цитирована въ предыдущемъ примѣчаніи: Курганы кіевскихъ Торковъ и Берендѣевъ.

857) Одинъ видъ погребеній — безъ срубовъ, второй — въ срубахъ, третій же характеризуется тѣмъ, что въ отличіе отъ двухъ предыдущихъ, курганныя насыпи въ основаніи обкладывались камнями.

858) По лѣтописнымъ извѣстіямъ невозможно опредѣлить, гдѣ жило каждое изъ этихъ племенъ, тѣмъ болѣе, что чаще всего они объединялись у лѣтописцевъ подъ общимъ именемъ Черныхъ Клобуковъ.

859) Таковы напр. городки „Коульдеревъ“, „Чюрнаевъ“, П.С.Р.Л. II, ст. 669, 672, 1190 г.

860) „Половци... всѣдоша на коня и ѣхавше изъѣхаша городъ Чюрнаевъ и острогъ взяша и дворъ зажгоша и статокъ его всь поимаша и двѣ жены его яша и челяди много яша“. (П. С. Р. Л. II, ст. 669, 1190 г.).

861) Грушевскій, Ист. Кіевск. земли, с. 33—38.

и, когда лѣтописецъ хочетъ сказать о всемъ населеніи этого края, онъ выражается такъ: „вси Клобоуци и Порошане".[362] Въ Юрьевѣ находился епископъ Поросья, носившій званіе епископа Юрьевскаго и Каневскаго. Наконецъ самый Торчевскъ, хотя и былъ главнымъ оплотомъ Черныхъ Клобуковъ Поросья, но, повидимому, лишь въ военное время, въ мирное же — представлялъ собою обычный русскій городъ, гдѣ Черные Клобуки не жили постоянно и гдѣ сидѣли русскіе князья или ихъ намѣстники.[363]

Но если Торчевскъ находился, повидимому, постоянно въ управленіи князей или ихъ намѣстниковъ, то это не всегда можно сказать про другіе, болѣе мелкіе города Поросья, которые иногда отдавались въ держаніе черноклобуцкимъ ханамъ или черноклобуцкой родовой аристократіи. О городѣ Дерновѣ есть прямое свидѣтельство, что онъ былъ отданъ въ 1192 г. въ управленіе торкскаго хана Кунтувдѣя,[364] а въ 1159 г. Берендѣи говорятъ князю Мстиславу: „аже ны хощеши любити яко же ны есть любилъ отець твои и по городу ны даси по лепшему, то мы на том отступимъ отъ Изяслава" (противника Мстислава). И Мстиславъ нашелъ ихъ предложеніе вполнѣ для себя пріемлемымъ: онъ „радъ бывъ рѣчи тои и посла к нимъ с тѣм же отрокомъ тои же ночи Олбыря Шерошевича и яса имъ по всю волю ихъ и ротѣ к нимъ ходи".[365] Изслѣдователями считалась мало вѣроятной возможность держанія черноклобуцкимъ языческимъ ханомъ русскаго города.[366] Однако, если помнить значеніе Черныхъ Клобуковъ, ихъ „лѣпшихъ людей" и ихъ хановъ въ Кіевской Руси, вспомнить, насколько съ ними

---

362) П. С. Р. Л. II, ст. 323, 1146 г.

363) Въ 1174 г. въ Торчевскѣ видимъ кн. Михаила Юрьевича (П. С. Р. Л. II, ст. 570—571), въ 1188 г Романа Мстиславича (II, ст. 662), въ 1190-ыхъ г. г. Ростислава Рюриковича (II, ст. 669, 670, 672 1190 г., ст. 677—8, 1193 г., ст. 685, 1195 г.), въ нач. XIII ст. — Мстислава Удалого (Лаврентьевск лѣт. с. 408, 1207 г., П. С. Р. Л. II, ст. 750, 1227 г.); въ 1231 г. Торчевскъ находился въ держаніи дѣтей Удалого (II, ст. 766); о намѣстникахъ княжескихъ есть упоминаніе подъ 1162 г. (II, 519) Но мы ни разу не слышимъ объ управленіи этимъ городомъ какимъ-либо черноклобуцкимъ ханомъ. Голубовскій (Печенѣги, Торки, Половцы ц. изд. № 9, с. 434 и 438) и Грушевскій (Ист. Кіевск. земли, с. 340) таковымъ считали Кунтувдѣя, котораго лѣтопись называетъ „Торцькимъ княземъ" (II, ст. 668, 1190 г.), но это лишь указаніе на его принадлежность къ торкскому племени; какъ разъ въ тотъ годъ, когда Кунтувдѣй такъ именуется въ лѣтописи, въ Торчевскѣ сидѣлъ князь Ростиславъ Рюриковичъ; наконецъ, когда тому же Кунтувдѣю „роускоѣ землѣ дѣля" дали въ держаніе городъ, то это былъ Дерновъ. Торчевскъ былъ, очевидно, слишкомъ важнымъ пунктомъ, чтобы давать его въ управленіе Черному Клобуку. Что ни Черные Клобуки, ни ихъ родовые старѣйшины не жили въ Торчевскѣ, можно видѣть изъ словъ лѣтописи: „Тое же зимы (1190 г.) сдоумаша лѣпшии моужии в Черныхъ Клобучехъ и приѣхаша в Торцькыи к Ростиславоу Рюриковичю" (П. С. Р. Л. II, ст. 670). Выраженіе же лѣтописца „Поиде Мьстиславъ из Володимиря полком своимъ с Галичьскою помочью а Рюрикъ поиде ис Торцьского с Володимеромъ съ Андрѣевичем и съ Василкомъ съ Гюргевичем и с Берендѣи и с Куи и с Торкь и с Печенѣгы и сняшас оу Котелници со Мьстиславомъ" (П. С. Р. Л. II, ст. 517, 1162 г.) — только указываетъ на мѣсто выступленія Черныхъ Клобуковъ, а не на ихъ проживаніе въ Торчевскѣ. Другое извѣстіе лѣтописи опредѣленно противупоставляетъ Торчевскъ мѣстопребыванію Черныхъ Клобуковъ: „а Андрѣевич ѣха къ Торческому *и* къ Берендѣемъ и къ Торкомъ" (П. С. Р. Л. II, с. 516, 1161 г.)

364) „А Коунтоувдѣя остави (князь Рюрикъ Кіевскій) оу себе и да емоу городъ на Рси Дверень Роускоѣ землѣ дѣля" (П. С. Р. Л. II, ст. 674).

365) П. С. Р. Л. II, ст. 501.

366) Голубовскій, Печенѣги Торки, Половцы, ц. изд. № 9, с. 435, 438 предполагалъ поэтому существованіе городовъ со смѣшаннымъ населеніемъ изъ Русскихъ и Тюрковъ, гдѣ тюркскій

считались даже самые сильные князья, то такое явленіе не должно показаться невѣроятнымъ. И позже, въ XVI ст. мы видимъ, какъ русскіе города отдавались московскими государями въ держаніе некрещеннымъ татарскимъ царевичамъ.[367] Въ Угріи (но здѣсь имѣемъ свѣдѣнія лишь о порѣ язычества самихъ Мадьяръ), печенѣжскимъ ханамъ, повидимому, также давались города въ управленіе.[368]

Порошане, видимо, мирно уживались съ Черными Клобуками, по крайней мѣрѣ лѣтопись не упоминаетъ о какихъ-либо столкновеніяхъ между ними.[369]

Несмотря на то, что поселенія Черныхъ Клобуковъ были защищены и русскими городами и черноклобуцкими острогами, Клобуки не переставали терпѣть нападенія отъ Половцевъ въ теченіе всего XII столѣтія.[370] Правда, это уже были не опустошительные приходы Половцевъ конца XI — нач. XII в. в. Половцы норовятъ теперь прокрасться больше „изгономъ", но порою имъ все же удается основательно пограбить Поросье, проникая къ самому Торчевску и опустошая его окрестности[371]; не разъ Половцы предпринимали спеціальныя нападенія на черноклобуцкія вѣжи и городки, уводя съ собою плѣнныхъ и все ихъ добро.[372]

Такія явленія надо объяснять не столько силою Половцевъ, а примитивностью организаціи сторожевой службы; повидимому, не существовало никакихъ постоянныхъ „сторожей" на кіевскомъ степномъ пограничьѣ; по всему видно, что вся охрана пограничья заключалась лишь въ фактѣ кочеванія Черныхъ Клобуковъ въ Поросьѣ. Поэтому, когда они уходили отсюда принимать участіе въ междоусобицахъ Руси, Поросье оставалось совершенно не защищеннымъ и Клобуки принуждены были, на случай нападенія Половцевъ, просто запирать свои семьи по острогамъ. Въ этомъ не было бы необходимости, если бы существовала регулярная сторожевая служба.

элементъ преобладалъ надъ русскимъ и что судъ въ такихъ городахъ творили княжескіе тіуны, а хану шли лишь доходы. Но Грушевскій, Исторія Кіевской земли, с. 341, сомнѣвался вообще въ возможности такого явленія: „довольно трудно уяснить себѣ въ чемъ заключалось это держаніе; съ одной стороны, кажется мало вѣроятнымъ, чтобы хану поручались города съ населеніемъ или чисто русскимъ или смѣшаннымъ (мнѣ кажется даже мало вѣроятнымъ самый фактъ существованія городовъ со смѣшаннымъ населешемъ). Съ другой стороны, если предположить, что ханы получали въ держанье городки, къ которымъ тянуло исключительно черноклобукское населеніе, то какъ согласить эту административную власть, получаемую отъ русскаго князя съ прирожденнымъ достоинствомъ хана и связанною съ нимъ властью?" Намъ кажется, что и нѣтъ необходимости предполагать существованіе городовъ со смѣшаннымъ населеніемъ. Это могли быть и чисто-русскіе города.

[367]) „И того же мѣсяца Сентяврія пожаловалъ князь велики Василей Ивановичь, государь самодержецъ всеа Руси, бывъшаго царя Казанскаго Шигалѣя, далъ ему Коширу да Серпоховъ со всѣми пошлинами, да и отпустилъ его съ Москвы того же мѣсяца 21" (П. С. Р. Л. т. XIII, вып. I, с. 66, 1533 г.). См. еще пожалованіе казанскому царю Абдылъ-Летиѳу города Юрьева „со всѣмъ" (тамъ же, с. 11, 1509 г.).

[368]) См. Anonymus, гл. 57, (с. 53 ed. Endlicher), о Билѣ и Баксѣ, получившихъ Пештъ отъ князя Токсона (текстъ приведенъ выше, с. 6). Объ ихъ печенѣжскомъ происхожденіи см. у G. Fehér, ц. с. с. 131, 135—6.

[369]) Ср. Грушевскій, Исторія Кіевской земли, с. 32.

[370]) П. С. Р. Л. II, ст. 479, 1155 г., ст. 520—21, 1162 г., ст. 525, 1165 г., ст. 568, 1174 г., ст. 603, 1177 г., ст. 653, 1187 г., ст. 668—69, 672—73, 1190 г.

[371]) П. С. Р. Л. II, ст. 605, 1177 г.

[372]) П. С. Р. Л. II, ст. 679, 1193 г. и упомянутыя уже нападешя 1155 г. (ст. 479) и 1162 г. (ст. 520—21).

Но и при такой примитивной защитѣ, страдая сама, черноклобуцкая колонизація все же предохраняла отъ половецкихъ разореній окрестности Кіева, задерживая Половцевъ на своей территоріи, и этимъ достигался для Русскихъ смыслъ тюркскихъ поселеній Поросья.[873]

О количествѣ черноклобуцкихъ отрядовъ въ Кіевскомъ княжествѣ говорилось уже выше (стр. 11); въ общемъ, въ Поросьѣ Черныхъ Клобуковъ надо считать нѣсколько десятковъ тысячъ, а со всѣми своими вѣжами, въ которыхъ у нихъ были не только ихъ семьи, но и рабы,[874] — ихъ было, вѣроятно, около сотни тысячъ.

Управлялись Черные Клобуки Поросья своими ханами — „князьями", по терминологіи русской лѣтописи[875]; таковы уже упоминавшіеся нами Кунтувдѣй, Кульдеръ, Чюрнай[876]; иногда знаемъ объ этихъ ханахъ лишь по упоминаніи его рода, таковы: „Ичитѣевичи", „Чагровичи", „Бастѣева чадь"[877]; кромѣ того, часто слышимъ о черноклобуцкой родовой аристократіи — „лѣпьшии моужи в Черныхъ Клобоуцехъ"[878]; они управляли Черными Клобуками и рѣшали свои дѣла: „сдоумаша лѣпшии моужии в Чернъыхъ Клобоучехъ и приѣхаша в Торцькыи к Ростиславоу Рюриковичю и рекоша емоу" объ ихъ желаніи организовать походъ на Половцевъ.[879]

Во все время существованія Кіевской Руси, т. е. на протяженіи XI—XIII ст., Черные Клобуки Поросья остаются кочевниками, со своимъ своеобразнымъ кочевымъ бытомъ и культурою; ихъ вѣжи, стада, табуны — „стады и скоты многое множество" — на луговыхъ степяхъ Поросья упоминаются не разъ въ лѣтописи,[880] такъ же остаются Черные Клобуки и язычниками, — „поганые", „свои поганые" не рѣдкій ихъ эпитетъ въ устахъ лѣтописца.[881] Объ язычествѣ свидѣтельствуютъ и ихъ могилы въ Поросьѣ, въ которыхъ мы не находимъ слѣдовъ христіанства, но за то неизмѣнно встрѣчаемъ погребенія съ конемъ.

Отдѣльно надо сказать о пребываніи Черныхъ Клобуковъ въ самомъ Кіевѣ. Въ немъ жили черноклобуцкіе „лѣпшіе мужи", тамъ были расквартированы и цѣлые отряды Тюрковъ; они состояли гл. обр. изъ Берендѣевъ.[882] Эта черно-

[873]) Грушевскій, Исторія Кіевской земли, с. 301.

[874]) Это были, гл. обр. плѣнные Половцы; напр. въ 1162 г. Черный Клобукъ захватилъ въ плѣнъ 500 Половцевъ (П.С.Р.Л. II, ст. 521); въ 1193 г. плѣнныхъ Половцевъ „не бѣ числа" (II, ст. 678); въ 1155 г. Половцы пришли въ Каневъ и просили у великаго князя кіевскаго, чтобы онъ вернулъ имъ ихъ плѣнныхъ, захваченныхъ Берендѣями. Но послѣдніе отказались выдать плѣнныхъ Половцевъ и великому князю пришлось уступить: „Дюрги же не створи имъ насилья, но Половци (степныхъ) одаривъ дары, отпусти я" (П. С. Р. Л. II, ст. 479—480). Въ 1190 г., когда Половцы захватили городъ черноклобуцкаго хана Чюрная, то въ немъ они „и челяди много яша" (П.С.Р.Л. II, ст. 669).

[875]) Такъ лѣтописцы называли и половецкихъ хановъ: „бысть же князь ихъ Искалъ" (П.С.Р.Л. I, 1, ст. 163, 1061 г.); „Осень оумре Половечьскый князь" (тамъ же, ст. 205, 1082 г.).

[876]) П.С.Р.Л. II, ст. 629, 1183, ст. 636, 1185, ст. 668—73, 1190, ст. 674, 1192 (Кунтувдѣй); ст. 629, 1183, ст. 672, 1190 (Кульдеръ); ст. 669, 1190 (Чюрнай).

[877]) П. С. Р. Л. I, 1, ст. 249, 1096 г. (Ичитѣевичи), II, ст. 536, 1169 г. (Чагровичи), ст. 540, 544, 1170—1171 г.г. (Бастѣева чадь).

[878]) П. С. Р. Л. II, ст. 670, 1190, ст. 673, 1192, ст. 676, 1193. У Берендѣевъ, тамъ же II, ст. 534, 1169.

[879]) П. С. Р. Л. II, ст. 670, 1190.

[880]) П.С.Р.Л. II, ст. 401, 1150 г., ст. 427—28, 1151 г., ст. 521, 1162 г.

[881]) П.С.Р.Л. II, ст. 323, 1146 г., ст. 373, 1149 г.

[882]) Свѣдѣнія о Черныхъ Клобукахъ въ Кіевѣ собраны мною въ цитированой уже статьѣ

клобуцкая, въ частности берендѣйская, аристократія играетъ немаловажное значеніе въ сложной политической жизни Кіева. Болѣе часто соприкасаясь съ Русскими, живя среди нихъ, эти Тюрки болѣе другихъ подпадали подъ русское вліяніе и только среди берендѣйскихъ „лѣпшихъ мужей“ встрѣчаемъ одного — съ именемъ Кузьмы, свидѣтельствующимъ о его христіанствѣ.[883]

Переходя къ обзору тюркскихъ поселеній на лѣвой сторонѣ Днѣпра, прежде всего встрѣчаемъ ихъ на той узкой, принадлежавшей Кіевскому княжеству прибрежной полосѣ между Днѣпромъ и верховьями Корани и Альты, гдѣ, въ районѣ Сакова, въ 1142 г. упоминаются Печенѣги, а въ 1150 г. — Турпѣи, въ которыхъ, по всей вѣроятности, надо видѣть родъ Печенѣговъ.[884]

Въ Переяславскомъ княжествѣ есть цѣлый рядъ свидѣтельствъ о поселеніи здѣсь Торковъ. Въ самомъ Переяславлѣ они упоминаются въ 1095 г., когда здѣсь княжилъ Владиміръ Мономахъ[885]; впрочемъ, въ данномъ случаѣ, эти Торки могли быть въ числѣ дружины Владиміра, а не переяславскими поселенцами. Нѣсколько южнѣе Переяславля, у внутренняго вала, опоясывающаго пространство на югъ отъ столицы княжества, до сихъ поръ существуютъ двѣ деревни: Малая и Великая Каратуль (кара — черный, туль — шапка = Черный Клобукъ?), вѣроятно память черноклобуцкихъ поселеній.[886] То обстоятельство, что въ 1055 г. Торки, впервые появившіеся на горизонтѣ Руси, встрѣчаются у Воиня, прижатые сюда шедшими за ними Половцами, даетъ основаніе историку Переяславскаго княжества — В. Ляскоронскому, считать что первыя торкскія поселенія именно здѣсь и возникли, когда Торки начали изъ степей проникать въ предѣлы княжества. Ихъ поселили, по предположенію Ляскоронскаго, между Воинемъ и Зарубомъ, по низовьямъ Сулы, Супоя и Трубежа, т. е. на томъ участкѣ, который былъ наиболѣе опаснымъ изъ-за того, что Половцы сюда сосредоточили свои нападенія во второй пол. XI в.[887] При Владимірѣ Мономахѣ, кромѣ уже приведеннаго свидѣтельства, Торки въ Переяславскомъ княжествѣ упоминаются еще два раза: въ 1080 г. они возстали противъ Руси и Владиміръ „шедъ, побѣди Търкы“, въ другой разъ, въ 1096 г. новая группа Торковъ, родъ Ичитѣевичей, пришли къ Мономаху изъ степей и послѣдній вышелъ ихъ встрѣчать на Сулу.[888] Ляскоронскій предполагаетъ, что эти Торки были поселены на другомъ уязвимомъ мѣстѣ переяславскаго пограничья — у верховьевъ рѣкъ Ромны, Осетра и Удая, откуда, по водораздѣлу, шелъ путь и къ Переяславлю и къ Кіеву.[889] Здѣсь же, повидимому, надо искать

„О роли Черныхъ Клобуковъ въ исторіи древней Руси“, с. 108, пр. 6 и 7. См. еще на соединеніе имени Берендичей съ Кіевлянами у лѣтописца подъ 1149 г. въ навѣтахъ вел. кн. кіевскому Изяславу на кн. Ростислава Юрьевича: „много зла бяше замыслылъ (Ростиславъ), подъмолвилъ на тя люди Берендичѣ и Кианы“ (П.С.Р.Л. II, ст. 372).

[883]) П.С.Р.Л. II, ст. 501, 1159 г.

[884]) Объ этомъ см. выше, с. 14—15.

[885]) П.С.Р.Л. I, 1, ст. 227.

[886]) А. Стороженко, Гдѣ жили Переяславскіе Торки, Кіевская Старина, 1899, II.

[887]) В. Ляскоронскій, Исторія Переяславской земли, с. 192—3, его же, Къ вопросу о переяславскихъ Торкахъ, с. 286—8.

[888]) П.С.Р.Л. I, 1, ст. 204 (1080 г.) и ст. 249 (1096 г.). Ср. выше, с. 13.

[889]) В. Ляскоронскій, Исторія Перелславской земли, с. 193—4, 299.

и городъ Баручъ, въ который князь Ярополкъ въ 1125 г. укрылъ Торковъ при приближеніи Половцевъ.[390]

О Черныхъ Клобукахъ въ Черниговскомъ княжествѣ у насъ есть только одно лѣтописное упоминаніе о „Ковуяхъ Черниговскихъ" 1185 г., о которыхъ говорится и въ Словѣ о полку Игоревѣ.[391]

Въ княжествѣ Новгородъ-Сѣверскомъ существуютъ до сихъ поръ мѣстность Торкинъ въ Стародубскомъ уѣздѣ, да дер. Печенюги около самаго Новгорода-Сѣверскаго,[392] но лѣтописныхъ извѣстій о Черныхъ Клобукахъ здѣсь нѣтъ.

Еще скуднѣе наши свѣдѣнія о Рязанскомъ княжествѣ. Здѣсь извѣстенъ лишь одинъ городъ Торческъ, перечисляемый въ спискѣ русскихъ городовъ въ приложеніи къ Воскресенской лѣтописи.[393]

Но въ отдаленной Суздальско-Ростовской землѣ находимъ снова болѣе многочисленныя свидѣтельства о нѣкогда жившихъ здѣсь Черныхъ Клобукахъ, именно — Торкахъ и Берендѣяхъ. Въ лѣтописи есть одно испорченное мѣсто, гдѣ говорится, что князь Юрій Суздальскій прислалъ въ 1146 г. князю Святославу Новгородъ-Сѣверскому въ Колтескъ „в помочь тысячю Бренидьецъ[394] дроужины Бѣлозѣрьское. Святославъ же перебравъ дроужину и хотѣ ѣхати съ Бѣлозерьци на Двдовичю къ Дѣдославлю..."[395]; испорченное слово „Бренидьецъ" понималось изслѣдователями какъ „Берендичь".[396] Но было бы все же нѣсколько рискованымъ на основаніи этого единственнаго и столь испорченнаго лѣтописнаго указанія признавать существованіе тысячнаго берендѣйскаго отряда у суздальскаго князя,[397] если бы рядъ топографическихъ данныхъ не убѣждалъ окончательно о дѣйствительно жившихъ нѣкогда въ Суздальской Руси Берендѣяхъ и Торкахъ.

Можно намѣтить три группы поселеній этихъ Тюрковъ. Первая — у верховьевъ Клязьмы и Истры, на серединѣ пути между Москвою и Дмитровымъ, нѣсколько

---

[390]) Лѣтопись по Лаврентьевск. списку, с. 280—1 и Ипат. лѣт. въ П.С.Р.Л., т. II, ст. 289—290. В. Ляскоронскій, ц. с. с. 193; Барсовъ, Очерки, с. 161—2. Ср. выше, с. 14.

[391]) П.С.Р.Л. II, ст. 638, 639, 642, 644. Ср. выше, с. 16, пр. 83.

[392]) Грушевскій, Іст. Укр. Руси, II, с. 584.

[393]) П.С.Р.Л. т. VII, с. 241. Въ Никоновской лѣтописи (П. С. Р. Л. т. IX, с. 160) подъ 1136 г. есть такая запись: „Того же лѣта въ Рязани убиша въ загонѣ богатыря Печенѣжскаго Темирьхозю". П. Голубовскій, Печенѣги, Торки, Половцы, ц. изд. № 9, с. 435 дѣлалъ отсюда выводъ, что „если вѣрить Никоновской лѣтописи, то Печенѣги служили князьямъ рязанскимъ". Но изъ того, что въ Рязани убили Печенѣга, еще нельзя дѣлать вывода о печенѣжскихъ поселеніяхъ въ Рязанскомъ княжествѣ, тѣмъ болѣе, что здѣсь очень возможно смѣшеніе этой поздней лѣтописью Печенѣговъ съ Половцами. Ср. аналогичное извѣстіе подъ 1148 г.: „Того же лѣта въ Резани тысяцкій Констянтинъ многихъ Половецъ поби въ загонѣ" (П.С.Р.Л. т. IX, с. 178).

[394]) Буквы *дь* написаны по подскобленнымъ буквамъ *ст*, слѣдующее *е* передѣлано также изъ другой буквы, а надъ нимъ надписано, кажется, *о* (прим. къ тексту Ипатьевской лѣтописи, изд. второе, 1908 г. столб. 337—8).

[395]) П.С.Р.Л. II, ст. 338.

[396]) Голубовскій, Печенѣги, Торки, Половцы, ц. изд. № 9, с. 435. Иначе объяснялъ Карамзинъ, Ист. Гос. Росс. т. I (изд. 1842 г.), ст. 129 и пр. 299, а за нимъ И. Срезневскій, Матерьялы для словаря древне-русскаго языка, т. I, СПБ., 1893, ст. 177 и 182—3, сближая это слово съ „бронистець", бронникъ, латникъ.

[397]) Въ 1927 г. въ своей статьѣ „О роли Черныхъ Клобуковъ въ исторіи древней Руси" (с. 100), я не располагалъ еще топографическимъ матерьяломъ и не рѣшался признать наличіе Черныхъ Клобуковъ въ Суздальской Руси лишь по упомянутому мѣсту лѣтописи.

западнѣе отъ этого пути; здѣсь издавна извѣстна слобода Берендѣева, центръ Берендѣевской волости или стана[398]; Берендѣева слобода уп. съ 80-ыхъ г.г. XIV ст.[399] Вторая группа — на сѣверо-востокъ отъ первой, въ районѣ озера Плещеева, гдѣ въ 15 *км* на ю.-в. отъ Переяславля Залѣсскаго находится жел.-дор. станція Берендѣево, къ сѣверу отъ которой простирается Берендѣево болото (10 *км* длины и 4—5 *км* ширины); близъ болота есть возвышенность; съ этою возвышенностью связано преданіе, что именно здѣсь былъ нѣкогда городъ Берендѣевъ, въ которомъ жилъ знаменитый сказочный царь Берендѣй.[400] Вблизи этого болота современныя поселенія носятъ явно-тюркскія названія, какъ Абашево, Бакшеево, Балакирево, Итларь. Наконецъ, третья группа — еще восточнѣе, въ районѣ Юрьева Польскаго и Суздаля. Близъ р. Нерли (притокѣ Клязьмы), въ километрахъ 15-ти на с.-с.-в. отъ Суздаля находится до сихъ поръ дер. Торчино, а въ километрахъ 15-ти отъ Суздаля на с.-з. на р. Ирмизѣ извѣстно село Торки, уп. ок. 1462 г.[401] Очень интересно съ приведенными топографическими данными сопоставить данныя археологическія. На Юрьевой горѣ у г. Юрьева Польскаго было обнаружено кочевническое погребеніе съ конемъ, которое, по манерѣ погребенія и инвентарю, представляло, по опредѣленію А. А. Спицына, ближайшую аналогію съ курганами кіевскихъ Черныхъ Клобуковъ или съ абхазскими, сѣверо-кавказскими погребеніями, и датировалось XII—XIII вѣками.[402] А. А. Спицынъ сперва склонялся отнести эту могилу „мирному обывателю сѣвернаго Кавказа, явившагося въ Суздаль хотя бы по торговымъ дѣламъ",[403] но позже перемѣнилъ свое мнѣніе и считалъ ее „несомнѣнно половецкимъ характернымъ курганомъ".[404] Покойному археологу не были извѣстны слѣды черноклобуцкихъ поселеній въ Ростово-Суздальской Руси; намъ кажется естественнѣе считать это юрьевское погребеніе — берендѣйскимъ или торкскимъ.

Вспомнимъ, что уже Владиміръ Св. ходилъ съ Торками въ 985 г. въ походъ на Волжскихъ Болгаръ[405] и что у самихъ Болгаръ былъ городъ Торчьскій.[406] Очевидно Торки, вмѣстѣ съ Берендѣями, уже въ X в. втягивались въ орбиту болгарской и русской политической жизни на средней Волгѣ,[407] результатомъ чего явились ихъ поселенія въ Ростово-Суздальской Руси.

---

398) М. К. Любавский, Образование основной государственной территории великорусской народности, 1929, с. 15, 63—65. Въ XIV в. эта слобода входила въ Дмитровское княжество.

399) Въ завѣщаніи в. кн. Димитрія Ивановича Донского, составленномъ между 1377—1389 г. г. Собраніе Государственныхъ грамотъ и договоровъ, ч. I. М. 1813, с. 59 (№ 34).

400) „Россія" подъ ред. Семенова-Тянь-Шанскаго, т. I, СПБ., 1899, с. 271.

401) Акты Историческіе, т. I, СПБ., 1841, с. 122, № 71. Ср. М. К. Любавскій, ц. с. с. 107 (въ ссылкѣ на Акты Историческіе у Любавскаго опечатка: вмѣсто т. I, с. 122 напечатанъ т. I, с. 171).

402) А. А. Спицынъ, Кочевническій курганъ близъ гор. Юрьева Польскаго, Извѣстія Имп. Археологич. Комиссіи, вып. 15, 1905, с. 78—83.

403) А. А. Спицынъ, ц. с. с. 83.

404) А. А. Спицын, Татарские курганы, Известия Таврического Общ. Истории, Археологии и Этнографии, т. I, Симферополь, 1927, с. 149.

405) П.С.Р.Л. I, 1, ст. 84. См. выше с. 7 и 10.

406) Лаврентьевск. лѣт. с. 370, 1184 г. Ср. П.С.Р.Л. II, ст. 626, 1182 г.

407) О томъ, что кочевья Торковъ еще во второй четверти IX в. доходили до средней Волги и соприкасались съ поселеніями русскихъ славянъ — см. у Фр. Вестберга, Къ анализу восточныхъ источниковъ о восточной Европѣ, Ж. М. Н. Пр. 1908, мартъ, с. 16—20 и 28.

Въ заключеніе надо еще упомянуть объ отдѣльныхъ Тюркахъ, проникавшихъ на службу къ князьямъ и занимавшихъ у нихъ различныя должности. Такъ, знаемъ изъ лѣтописей, что у вел. кн. Святополка II былъ конюхъ Сновидъ Изечевичь,[408] а „овчюхъ" (овчаръ) — „Торчинъ, именемъ Беренди"[409]; у современниковъ Святополка — князя Давида Игоревича Волынскаго былъ мужъ Турякъ,[410] и среди отроковъ — Уланъ и Колчко,[411] а у Василька Ростиславича Теребовльскаго — мужъ Кульмѣй[412]; у князей Давида и Олега Святославичей Черниговскихъ нѣкій Торчинъ сталъ даже близкимъ ихъ дружинникомъ, участвовавшимъ со своими князьями въ Увѣтичевскомъ съѣздѣ.[413] Хронологически всѣ эти извѣстія относятся къ концу XI — началу XII в. в., т. е. къ тому времени, когда Русь была особенно наводнена Печенѣгами, Торками и Берендѣями. Поэтому въ тѣхъ случаяхъ, когда перечисленные Тюрки не обозначаются по своему племенному имени, ихъ все же надо считать скорѣе всего именно Торками, Печенѣгами или Берендѣями.

Лѣтописныя свѣдѣнія о Черныхъ Клобукахъ на Руси прекращаются на грани XII—XIII в. в.: въ 1202 г. въ послѣдній разъ они упоминаются подъ этимъ общимъ для нихъ именемъ,[414] въ 1235 г. послѣдній разъ упоминаются Торки,[415] а въ 1206 г. — Берендѣи.[416] О Печенѣгахъ знаемъ лишь до 1169 г.[417] Всѣ эти свѣдѣнія относятся къ Кіевской Руси, о другихъ мѣстахъ ихъ поселеній у насъ есть лишь единичныя упоминанія XI—XII в. в. и о дальнѣйшей судьбѣ тамъ Черныхъ Клобуковъ мы ничего не знаемъ.

Въ послѣдній разъ въ исторіи кіевскіе Черные Клобуки упоминаются при нашествіи Татаръ, и не въ русскомъ источникѣ, а тюркскомъ — у Рашидъ-Эддина. Описывая разрушеніе Татарами южной Руси въ 1240 г., Рашидъ-Эддинъ сообщаетъ: „осенью года Кулькія, который есть годъ мыши... принцы Бату съ братьями Коданъ, Буру и Бюджикъ, напали на страну Русскихъ и племя Черныхъ Шапокъ и взяли въ девять дней большой русскій городъ, имя котораго Минкеръ-Фаанъ (Кіевъ), а потомъ всѣ города Уладмура (Владиміра)."[418]

Вѣроятнѣе всего, что Татары, какъ полагаетъ Грушевскій,[419] вытянули пограничныхъ Черныхъ Клобуковъ въ степи, обративъ ихъ въ своихъ рабовъ.[420]

---

408) П.С.Р.Л. I, 1, ст. 260, 1097 г.
409) Тамъ же, ст. 260.
410) Тамъ же, ст. 268.
411) Тамъ же, ст. 262.
412) Тамъ же, ст. 265.
413) Тамъ же, ст. 274. 1100 г.
414) Лѣтопись по Лаврентьевскому списку, с. 396.
415) П. С. Р. Л. II, ст. 775.
416) Лѣтопись по Лаврентьевскому списку, с. 405.
417) П. С. Р. Л. II, ст. 533.
418) И. Березинъ, Нашествіе Батыя на Россію, Ж. М. Н. П. 1855, апрѣль (ч. 86), отд. II, с. 105—106.
419) Іст. Укр. Руси, II, с. 551.
420) Недавно О. Андріяшевъ, Нарис історії колонизації Київської землі до кінця XV віку (въ Сборникѣ „Київ та його околиця в історії и пам'ятках", Кіевъ, 1926, с. 48), высказалъ предположеніе, что Черные Клобуки „бѣжали (отъ Татаръ) слѣдомъ за половецкими ордами далѣе на западъ" (въ Угрію?). Что это не могло быть такъ, видно изъ Рашидъ-Эддина, приводящаго извѣстіе о нападеніи Батыя въ 1240 г. на „племя Черныхъ Шапокъ".

Проѣзжавшій черезъ Поросье шесть лѣтъ спустя по взятіи Татарами Кіева францисканскій монахъ Плано Карпини уже не встрѣтилъ здѣсь какихъ-либо обитателей.[421] Въ современныхъ туркестанскихъ Каракалпакахъ нѣкоторые видятъ потомковъ кіевскихъ Черныхъ Клобуковъ.[422]

*

Подводя итоги и сравнивая исторію проникновенія Торковъ и Печенѣговъ въ Угрію и Русь, видимъ, какъ эти степняки были той главной силой, которая врывалась въ предѣлы обоихъ государствъ на протяженіи X—XI ст. и противъ которой и Русь и Угрія одинаково огораживались системой валовъ и засѣкъ со стражею по линіи этихъ засѣкъ. Но такъ какъ эти Тюрки все же не переставали просачиваться внутрь осѣдлыхъ государствъ и такъ какъ за ними двигались другіе кочевники, оба государства стали селить этихъ степныхъ бѣглецовъ на своихъ пограничьяхъ или въ наиболѣе важныхъ стратегическихъ мѣстахъ. Такъ возникли обѣ главнѣйшія группы Торковъ, Печенѣговъ и Берендѣевъ въ Угріи и Руси — на путяхъ съ юга къ ихъ столицамъ: стольному Фейервару и стольному Кіеву.

До середины XIII ст., до самаго конца Кіевской Руси, эти Тюрки не ассимилировались съ Русскими (да это, вѣроятно, и не входило въ расчеты кіевскихъ князей, которымъ Черные Клобуки тѣмъ и были цѣнны, что представляли своеобразное конно-стрѣлковое войско, со своей степной военной тактикой); до самаго конца Кіевской Руси мы видимъ ихъ кочующими по Поросью, въ вѣжахъ

---

[421]) Плано Карпини, пер. А. Малеина, с. 25 и 45.

[422]) Карамзинъ, Ист. Гос. Россійск. т. II, пр. 218, И. Березинъ, ц. с. с. 101, Брунъ, Черноморье, Зап. И. Новороссійск. Университ. т. 28, 1879, с. 190—191, кн. В. И. Масальскій, Туркестанскій край, въ серіи „Россія“, подъ ред. В. П. Семенова-Тянъ-Шанскаго, т. 19, СПБ, 1913, с. 390—391, Б. А. Загоровский, Очерк истории северного Причерноморья, ч. I. Одесса, 1922, с. 53. Извѣстно, какъ при Монголахъ далеко могли оказываться отъ мѣстъ своего первоначальнаго поселенія отдѣльныя, покоренныя ими народности. Другого воззрѣнія о судьбѣ Черныхъ Клобуковъ держались Н. Костомаровъ, Историческія монографіи и изслѣдованія, т. I², СПБ, 1872, с. 189, A. Jabłonowski, Etniczna postac Ukrainy w epoce zjednoczenia jej z Koroną, Kwartalnik Historyczny, 1893, с. 408—435, и рядъ др. ученыхъ, считавшихъ, что Черные Клобуки и послѣ татарскаго нашествія остались на своихъ прежнихъ мѣстахъ, ассимилировались съ мѣстнымъ русскимъ населеніемъ и положили начало казачеству. Но еще самъ Яблоновскій долженъ былъ признать (ц. с. с. 412), что послѣ татарскаго нашествія о Черныхъ Клобукахъ нѣтъ никакихъ прямыхъ извѣстій, а М. Грушевскій въ Іст. Укр. Руси II, с. 584—585 особенно подчеркивалъ всю эфемерность этой точки зрѣнія. Извѣстно лишь нѣсколько лицъ на Украинѣ — повидимому потомковъ Черныхъ Клобуковъ, носившихъ въ XVI—XVII ст. имя Берендѣй. Таковы: Берендей Пименовичь, земянинъ Кіевскій, уп. въ 1500 г., Мишко Берендеевичъ, черкасскій мѣщанинъ, уп. въ 1552 г., Жданъ Берендеевичъ, уп. въ 1582 г. (См. Н. М. Тупиковъ, Словарь древне-русскихъ личныхъ собственныхъ именъ, СПБ, 1903, с. 47, 477) и Берендѣй, сотникъ немировскій, XVII вѣка. (Акты, относящіеся къ исторіи Южной и Западной Россіи, томъ XIII, СПБ, 1885, с. 751 и 754). Въ Московской Руси памятью о Берендѣяхъ была особая шапка, носимая въ XVII вѣкѣ и называвшаяся берендѣйкой (В. Даль, Словарь живаго великорусскаго языка, s. v. берендейка). Даль еще приводитъ слово „берендейка“, бытовавшее въ живомъ великорусскомъ языкѣ его времени и обозначавшее ремень съ сумочкой для держанія въ ней фитиля, пороха или пуль при ношеніи огнестрѣльнаго оружія.

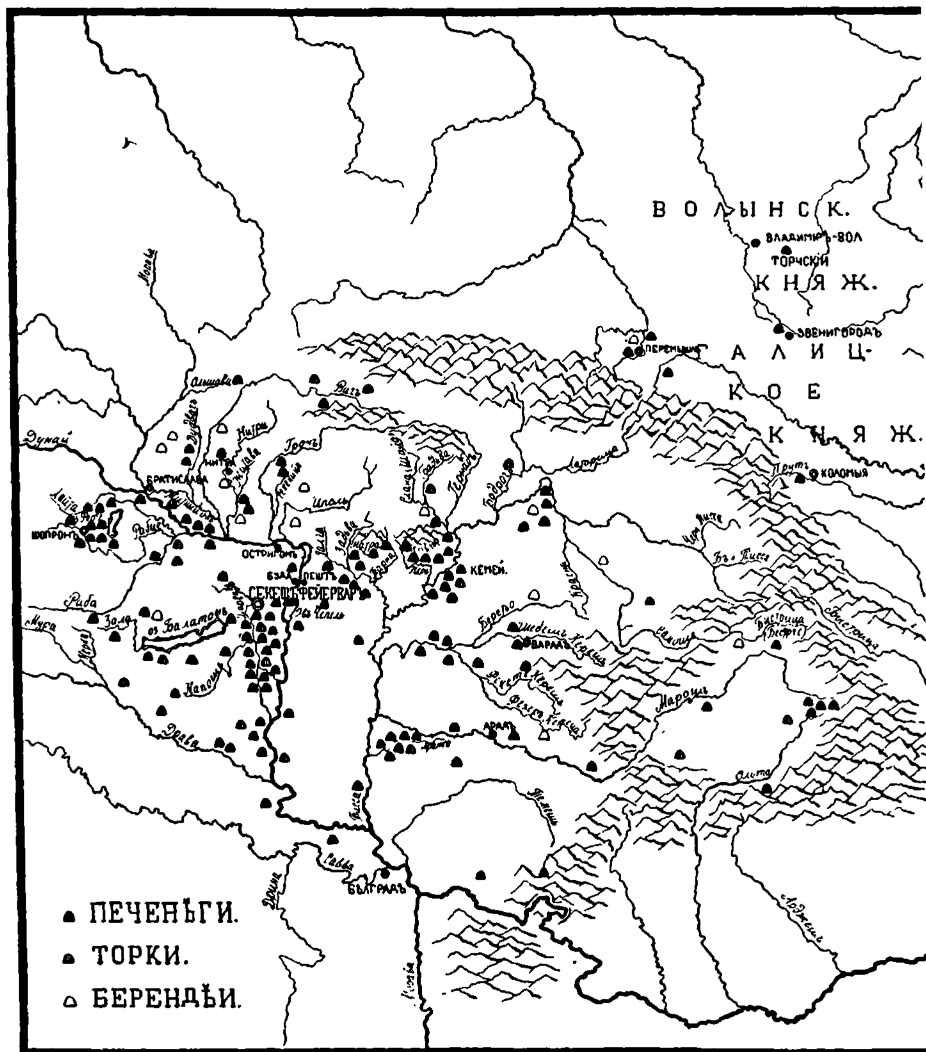
съ „жены и дѣти и съ стады и скоты многое множество“. Нѣчто подобное было и въ Угріи, гдѣ Печенѣги какъ разъ до конца XIII ст. менѣе всего ассимилировались, занимались скотоводствомъ и коневодствомъ, несли конно-стрѣлковую службу и еще въ концѣ XV ст. можно было видѣть Печенѣговъ въ халатахъ, въ оригинальныхъ своихъ шапкахъ и на быстрыхъ своихъ лошадяхъ, разъѣзжавшими по Угріи. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ свѣдѣній о томъ, что представляли собою тѣ многочисленныя villae Bissenorum, которыми пестрятъ угорскія грамоты, и многимъ ли отличались онѣ отъ поросскихъ черноклобуцкихъ становъ?

Что же касается значенія Печенѣговъ, Торковъ и Берендѣевъ въ политической жизни обоихъ государствъ, то и въ этомъ будетъ у Руси и Угріи не мало сходныхъ чертъ. Оба государства первоначально были наводнены этими Тюрками. Огромный наплывъ Печенѣговъ X—XI вв. въ Угрію былъ еще многочисленнѣе, чѣмъ печенѣжско-торкское проникновеніе въ Русь въ первой четверти XI в. Но въ Угріи Печенѣги попали въ болѣе крѣпкіе тиски государственности, чѣмъ въ Кіевской Руси, и ихъ роль, поэтому, во внутреннихъ дѣлахъ Угріи была несравненно скромнѣе, чѣмъ на Руси. На Руси Клобуки, поселенные у самаго нерва тогдашней политической жизни — Кіева, благодаря начавшимся съ 30-ыхъ годовъ XII в. безпрестаннымъ междоусобіямъ князей за столицу, были втянуты послѣдними какъ военная сила въ эту княжескую борьбу. Отсюда — и та исключительная роль Чернаго Клобука въ политической жизни южной Руси. Въ Угріи же мы ничего не слышимъ о подобной роли шарвизскихъ Печенѣговъ, расположенныхъ подъ Секель-Фейерваромъ, или какихъ-либо иныхъ печенѣжскихъ поселеній, хотя и Угрія знавала междоусобія и борьбу различныхъ претендентовъ за угорскій престолъ. Какъ мы видѣли, есть лишь одинъ смутный намекъ на подобное участіе угорскихъ Печенѣговъ: это сообщеніе Мюглена о томъ, какъ въ борьбѣ короля Стефана IV со своимъ племянникомъ Стефаномъ рѣшающую роль въ неудачѣ перваго сыграли „язычники“, отъ него отступившіе, — намекъ, очевидно, на печенѣжскіе отряды.

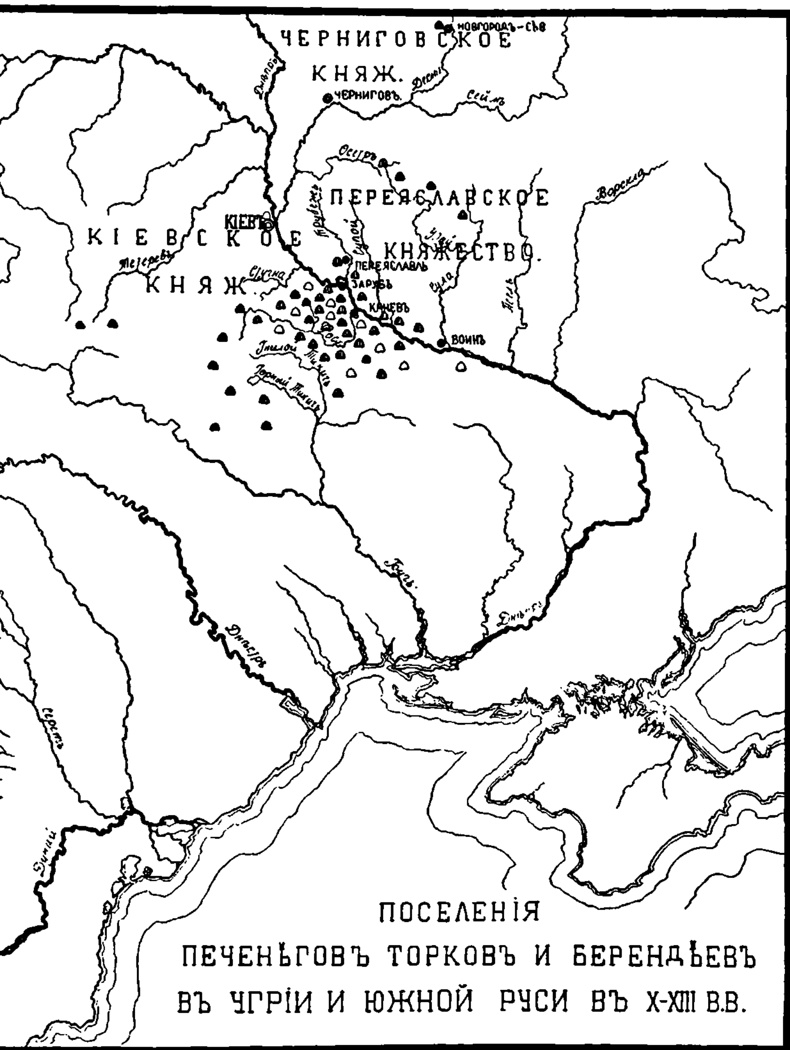
Но несмотря на то, что политическая роль печенѣжскихъ бѣглецовъ въ Угріи была менѣе значительна, чѣмъ она была на Руси, Печенѣги, до разселенія въ серединѣ XIII в. по Угріи новой волны тюркскихъ бѣженцевъ — Половцевъ, будутъ самымъ существеннымъ азіатскимъ элементомъ и безъ того имъ насыщенной Угріи, и въ этомъ отношеніи будетъ опять аналогія съ Кіевскою Русью, въ которой до татарскаго нашествія элементъ печенѣжско-торкскій (вмѣстѣ съ берендѣйскимъ) по сравненію съ другими восточными, коихъ не менѣе чѣмъ Угрія всегда знала Русь, — также будетъ наиболѣе значительнымъ.

Д. Расовскій.

Прага.

ВОЛЫНСК.
ВЛАДИМИРЪ-ВОЛ
ТОРЧСКІЙ
КНЯЖ.
ЗВЕНИГОРОДЪ
ПЕРЕМЫШЛЬ
ГАЛИЦ-
КОЕ
КНЯЖ.
КОЛОМЫЯ
БРАТИСЛАВА
ШОПРОНЪ
ОСТРИГОНЪ
ПЕШТЪ
СЕКЕШЪФЕЙЕРВАРЪ
КЕМЕЙ.
ВАРАДЪ
АРАДЪ
БѢЛГРАДЪ
Дунай
Рабъ
Балатонъ
Драва
Савва
Тисса
Маросъ
Олта
ПЕЧЕНѢГИ.
ТОРКИ.
БЕРЕНДѢИ.

ПОСЕЛЕНІЯ
ПЕЧЕНѢГОВЪ ТОРКОВЪ И БЕРЕНДѢЕВЪ
ВЪ УГРІИ И ЮЖНОЙ РУСИ ВЪ X-XIII В.В.

PÉTCHÉNÈGUES,
TORKS ET BÉRÉNDÉS EN RUSSIE ET EN HONGRIE

par

D. RASSOVSKY

Dans le présent ouvrage l'auteur étudie, en Russie et en Hongrie, les destinées de trois peuplades nomades turques: les Pétchénègues, les Torks et les Bérendés. Ces nomades, qui s'étaient établis dans les steppes des bords de la Mer Noire, furent chassés par une autre tribu nomade, les Polovetces (Comans, d'après les sources latines et bysantines). Ils furent obligés de chercher refuge dans les états voisins: la Russie, la Hongrie et l'Empire Bysantin. Les Pétchénègues, nomades qui, au IXe siècle, occupaient les steppes des bords de la Mer Noire, furent, vers le milieu du Xe siècle, progressivement refoulés de l'Ouest par les Torks (d'après la terminologie des chroniques russes; autrement dit les Uzes — d'après les sources grecques et latines). Ils prirent pour s'en aller trois chemins différents: les portes de fer du Danube, les défilés Carpatho-Transylvaniques Sud et Nord, et les vallées des rivières: Tisza, Samos, Körös et Maros, pour se diriger vers les plaines du Pannone, s'établissant surtout dans ses parties occidentales, c'est à dire ne dépassant pas la Tisza. Au milieu du XIe siècle, nous voyons les Pétchénègues déjà complètement éliminés par les Torks des steppes de la Russie méridionale: le plus important de leur masse, accoté aux frontières bysantino-danubiennes, fut définitivement mis en déroute par les Bysantins et les Torks à cet endroit. Après cela, les restes des Pétchénègues furent établis par Bysance dans les Balkans et sur les frontières danubiennes. Les nouveaux maîtres de la steppe — les Torks-Uzes — ne le restèrent pas longtemps: entre 1060 et 1065 ils furent défaits par les Comans (Polovetces). Une partie d'entre eux se sauva dans l'Etat Bysantin, mais le gros de la masse fut incorporé à la Russie et fut établi dans les principautés confinant aux steppes. Il n'y a qu'un nombre infime de Torks qui pénétra en Hongrie. Un troisième peuple — les Béréndés — fuyant les steppes devant les Polovetces, pénétrèrent, en grandes masses et en même temps que les Torks, en Russie, surtout dans la principauté de Kiev, et aussi en Hongrie.

Des trois peuplades turques dont nous venons de parler, c'étaient les Pétchénègues qui étaient les plus nombreux en Hongrie. Nous les voyons établis, en qualité de sentinelles, sur toutes les frontières de ce pays (X[e]—XIe siècles), ainsi que formant des groupes compacts à l'intérieur du royaume. Nous trouvons des établissements de Pétchénègues sur les quatre frontières de la Hongrie: à l'Est, du côté des Allemands, sur les rivières Dráva, Kerká, Zala, Rába, et surtout sur la Lajta, dans le rayon des forteresses Sopron et Moson et du lac de Fertő, où se trouvait l'un des plus anciens (milieu du Xe s.) et l'un des plus importants établissements Pétchénègues de la Hongrie; sur les frontières Nord de la Hongrie — en Slovaquie — on avait établi les Pétchénègues sur les rivières Dudvah, Vah, Nitra, Žitava, Hron, Ipol et sur la rive gauche du Danube. Ces établissements servaient de barrière contre le Royaume de Bohême; plus loin au pied des monts Matra et des monts Bucoviens (et aussi en partie derrière ces montagnes, mais plus au Nord, suivant le cours de la rivière Slana [Sajo] et Badva), et enfin, dans le triangle formé par la rivière Tisza, dans le coin Nord-Ouest de la Hongrie d'alors. Nous trouvons des postes isolés de Torks et de Pétchénègues, encore plus au Nord — comme barrière contre la Pologne et la Russie. A la frontière Ouest, sur les rivières Sebes-Körös, Fekete-Körös et en suivant le cours moyen de la Maros, les établissements des Pétchénègues deviennent plus rares. Sur les frontières comme protection contre l'Empire Bysantin, nous trouvons des établissements isolés de Pétchénègues en Sirmie, entre la Sava et le Danube; ils sont plus nombreux dans le triangle formé par le confluent de la Drava et du Danube et sur les rives gauches de la Drava. Au centre de la Hongrie, nous pouvons compter quatre groupes d'établissements Pétchénègues: le plus grand — de Fejérvar-Tolna, sur la rivière Sárvíz, près de la capitale de la Hongrie — Székes-Fejérvar; le rôle de cet établissement était probablement la défense de la capitale du royaume, contre le Sud; le second groupe — celui de Keměj.

se trouve sur la rive gauche de la Tisza, au Sud des monts Bucoviens; le troisième groupe — celui de Körös — au confluent du Sebes-Körös et du Fekete-Körös, et le quatrième — de Csanád — sur la rivière Aranka, confluent gauche de la Tisza, en aval de celle-ci. Les établissements limitrophes des Pétchénègues (en même temps que le groupe de Sárviz), surgirent probablement par l'initiative de l'Etat Hongrois (au moyen des nombreux prisonniers Pétchénègues, faits par les premiers Arpads), tandis que les groupes de l'intérieur: Kemej, Kőrős et Csanád, se formèrent probablement par suite de l'infiltration des Pétchénègues dans la partie orientale de la plaine de Pannone, au Xe—XIe siècles; c'est après cela seulement qu'ils furent incorporés au territoire du royaume de la Hongrie. Les traces des Béréndés se trouvent beaucoup plus rarement en Hongrie; leurs colonies (sous le nom de Bérend, Bérencs) sont disséminées parmi celles des Pétchénègues.

Jusqu'au XIIIe siècle les Pétchénègues avaient encore conservé leur individualité; ils étaient gouvernés par leurs chefs et leurs juges; ils étaient restés payens; mais, à partir du milieu du XIIIe siècle, de petits groupes se laissent dénationaliser et ne gardent leur nationalité que dans les contrées les plus peuplées par eux — dans le pays limitrophe de Sopron-Moson, dans les groupements de Fejérvar et de Csanád, et cela, seulement jusqu'au XVe siècle. C'est au XIe et XIIe siècles que les Pétchénègues atteignent leur plus grande importance dans l'histoire de la Hongrie; alors, ils représentaient encore une grande force militaire, comme cavalerie légère. C'était l'époque où leurs khans s'apparentaient avec les Arpads et que l'un des Pétchénègues (Samuel-Aba), monta sur le trône de la Hongrie (1041—1047).

C'est à partir de 1060 que les Torks (en même temps que les Bérendés), chassés des steppes par les Polovetces, commencèrent à pénétrer en Russie; c'est au commencement du XIIe siècle que les Russes, par suite d'expéditions heureuses, contre les Polovetces, emmenèrent avec eux une grande quantité de Pétchénègues et de Torks, qui étaient encore restés dans les steppes, esclaves de Polovetces. Enfin, en 1116, les derniers restes des Pétchénègues et des Torks, s'insurgèrent dans les steppes, contre les Polovetces, mais, battus par ceux-ci, ils furent obligés de chercher refuge en Russie. Tous ces Turques, furent établis dans les principautés limitrophes des steppes: principautés de Galicie, de Volyne, de Kiev, de Péréyaslav, de Tchernigov, de Novgorod-Sévérsky, de Riazane, ainsi que de Suzdal-Rostov. Ces Turques défendaient la Russie contre les Polovetces des steppes dans toutes les principautés du Sud de la Russie, et en Galicie ils étaient établis, outre cela, sur les frontières, contre les Hongrois. Ils étaient particulièrement nombreux dans la principauté de Kiev, sur la rivière Roce, affluent de droite du Dniepr, où ils portaient le nom collectif et spécial de »tchernye klobuki« (bonnets noirs). Comme en Hongrie, ils protégeaient ici les abords de la capitale de la Russie, du côté Sud. Leurs détachements campaient même quelquefois dans Kiev. Les Turques rocien sur lesquels on trouve le plus de renseignements dans les chroniques russes ne se sont pas assimilés aux Russes; ils sont restés payens, nomades, gouvernés par leurs chefs et leurs khans pendant toute la durée de l'existence de la Russie de Kiev (jusqu'au milieu du XIIIe s.). Les Turques, outre leur importance militaire, jouaient encore un assez grand rôle politique dans les luttes entre les différents princes qui les entraînaient dans leurs guerres civiles; souvent l'alliance des »bonnets noirs« avec l'un ou l'autre prince décidait de la prise de la capitale. Les »bonnets noirs« disparaissent lorsque la Russie de Kiev fut défaite par les Tatars.

Les Pétchénègues, les Torks et les Bérendés étaient le principal élément turc, dont les invasions inondèrent la Hongrie et la Russie méridionale aux Xe—XIIIe siècles, en imprimant à ces deux pays des traces fortement asiatiques.

ILLUSTRATIONS:

Pl. I. Carte des établissements Pétchénègues, Torks et Bérendés en Hongrie et en Russie Méridionale.

D'UNE GRAVURE RELATIVE À LA LÉGENDE DE S. JUDE THADDÉE

Je ne vois pas que les érudits qui ont écrit sur la légende d'Abgar et sur l'imago edessena aient parlé de la gravure ci-contre (pl. II, 1), qui se trouve dans l'immense collection des «Images des Saints», au Cabinet des Estampes de la Bibliothèque Nationale de Paris, où je l'ai fait photographier. — Sous l'apôtre, on lit ces mots, en grandes lettres: Sanctam Ecclesiam Catholicam, Sanctorum Communionem, suivis du nombre 11: d'où il résulte que notre gravure était la onzième d'une série de douze, représentant les Apôtres, chacun avec le verset du Credo qui lui était attribué.[1] Leur nom était écrit dans leur nimbe. Notre gravure représente s. Jude, dit aussi Thaddée, l'Addaï des Syriens, le patron de nombreux Polonais, par exemple du professeur Zielinski. Il confesse «la Sainte Eglise catholique, la communion des Saints»: dans le Rationale de Guillaume Durand, ce passage du Credo est mis dans la bouche de s. Jacques le Mineur, et s. Jude Thaddée affirme la résurrection de la chair. — Notre gravure montre s. Jude Thaddée appuyé à une grande croix: la croix est en effet, dans l'iconographie occidentale, sa caractéristique depuis le XVe s.[2] J'ignore pourquoi, ici, il tient cette croix retournée. — Debout, de face, il regarde à droite vers un auditoire invisible; la main droite, dont les trois premiers doigts sont levés et les deux autres repliés, semble plutôt compter des arguments que bénir. — La gravure paraît dater de la première moitié du XVIIe s. J'y reconnaîtrais volontiers un travail français, à en juger par la tête du Saint, qui rappelle assez celle du paysan assis, dans le Repas de Louis Le Nain, au Louvre, collection La Caze.[3] — L'apôtre apparaît dans une gloire qui dissipe les nuées: de même, la lumière de l'Evangile a dissipé les ténèbres du paganisme qui couvraient la partie de l'Asie où il l'a prêché. Les dimensions inusitées du nimbe s'expliquent, je crois, par ce passage de la Légende du Saint[4]: cum ad eum (Abgarum sc.) venisset Thaddaeus et se discipulum Jesu sibi promissum dixisset, vidit Abgarus in vultu Thaddaei quemdam mirum et divinum splendorem...

[1]) Didron, Manuel d'iconographie chrét., p. 303. — Cf. Mâle, L'art religieux après le concile de Trente: p. 367. «parfois (au XVIIe s.), les graveurs inscrivent sous les apôtres les versets du Credo que le M. A. attribuait à chacun d'eux». M. Mâle cite, comme exemples, les suites d'apôtres gravées par Ciambelino (Rome, Est. 50 H. 12) et par Martin de Vos (Paris, Est. Cc 20). Je n'ai pas vérifié si le s. Jude Thaddée appartient à l'une de ces deux suites.

[2]) Mâle, XIIIe s., p. 362.

[3]) Jamot, Les Le Nain, p. 33.

[4]) Leg. aur., p. 707 Grässe (c. CLIX de ss. Symone et Juda apostolis).

Autour du champ rectangulaire qui renferme l'image de l'Apôtre est une large bordure formant encadrement. Cette bordure porte une suite de motifs qui, d'une façon elliptique et allusive, résument l'histoire de s. Jude Thaddée, telle qu'on la lisait dans la Legenda aurea. L'histoire commence en haut à droite.

I. Une montagne aride et dénudée. Elle figure les pays montueux et déserts qui séparent la Judée, où vécut le Christ, de l'Osrhoène, où régna Abgar. L'inscription est déconcertante: post Ascensionem Dni, s. Thoma missus fuit ad regem Abagaru(m). Car le début de l'histoire ici raconté, l'échange de lettres entre Jésus et Abgar, appartient évidemment à la vie de N. S., donc est antérieur à l'Ascension. La mission de l'apôtre auprès d'Abgar aurait dû être mentionnée entre le VIe et le VIIe épisode de l'histoire figurée sur le cadre de notre gravure. — On est surpris, d'autre part, que cette estampe consacrée à s. Jude Thaddée attribue sa mission auprès d'Abgar à s. Thomas. Est-ce simplement un lapsus, Thomas au lieu de Thaddaeus? Peut-être y a-t-il autre chose. Je ne vois pas qu'on ait expliqué qu'un vitrail de Chartres[5] soit consacré à s. Thomas et à s. Jude Thaddée figurés l'un à côté de l'autre. Ces deux apôtres étaient mis en rapport par l'effet d'une réminiscence: Θαδδαῖον τὸν καὶ Θωμᾶν, lit-on dans le texte grec de la lettre de Jésus à Abgar trouvé près d'Edesse dans une des grottes des Quarante Voleurs[6]: pour les Syriens en effet, le vrai nom de l'apôtre Thomas était Judas[7]: entre Thomas qui est Judas et Judas qui est Thaddaeus, le nom de Judas a servi de moyen terme et a causé de la confusion.

II. Buste de roi oriental: grande barbe flottant au vent, turban dont le fez est entouré d'une couronne à pointes. Rien n'indique que le personnage soit atteint de la lèpre. Pourtant, c'est d'Abgar qu'il s'agit, nous sommes au moment où il écrit au Christ pour lui demander de le guérir, l'inscription le dit: rex Abagarus Deo n(ostro) Jesu Xp̄o scripsit epistolā.

III. Et voici sa lettre, fermée d'un cachet de cire, et portant cette adresse: Jesu Salvatori honos. Au dessous, cette inscription explicative: epistola regis ad Christum D(ominum) n(ostrum).

IV. Réponse du Christ à Abgar, EPISTOLA Christi ad regem. La lettre sacrée est fermée, le trigramme IHS est écrit à l'extérieur, un nimbe ovale resplendit autour de la missive. — Je n'ai pas à reproduire ici, encore moins à étudier, les deux lettres échangées par Abgar et J. C. On en trouvera la version latine dans la Legenda aurea, p. 706 Gr., et la bibliographie la plus récente dans le savant mémoire que M. Charles Picard a consacré à la version grecque retrouvée à Philippes.[8] J'en rappelerai seulement le passage capital: beatus es, écrivait le Christ à Abgar, qui credidisti in me, cum ipse non videris me. Scriptum est enim de me, quia hi, qui me non vident, credent, et hi, qui me vident, non credent. Voilà pourquoi le roi Abgar fut guéri de la lèpre: parce que, comme le Christ l'avait

[5]) Clerval, La Cathédrale de Chartres, p. 147.

[6]) Max v. Oppenheim et Hiller v. Gärtringen, dans les Sitzungsber. de l'Acad. de Berlin, 1914, p. 825 et 827.

[7]) Assemani, Biblioth. orient., I. p. 317—318.

[8]) Bull. de corresp. hell., 1920, p. 41. — La lettre de J. C. à Abgar se trouve parfois dans les Livres d'Heures (Leroquais, Livres d'Heures manuscrits de la Bibl. Nat., I, p. 318; II, p. 208, celle-ci avec ce préambule: incipit epistola D. n. Salvatoris J. C., que omnia Dominus sua manu propria scripsit ad Gabanum [sic] regem dicens etc.).

dit à Thomas: beati qui non viderunt et crediderunt! Quia vidisti me, Thoma, credidisti (Jean, XX, 29). — Mais qui donc apporta à Abgar la lettre de Jésus? Notre gravure ne le dit pas. La tradition assure que ce fut le courrier (ταχύδρομος, cursor) qui avait apporté au Christ la lettre du roi. Cet homme de confiance s'appelait Hannan, nom syriaque dont les Grecs ont fait Ananias. Une icone moscovite sur bois du XVIe s., dont mon collègue et ami M. André Grabar me communique la photographie, représente le Christ, accompagné de ses disciples, remettant à Ananias le rouleau où est sa réponse à Abgar. Le nom d'Ananias, en lettres russes, se trouve au dessus de la tête du personnage. Au dessus de l'image, sur la marge, était écrit le commencement de la version russe de la lettre du Christ. (Depuis que cet article a été écrit, l'icone en question a été publiée par un élève tchèque du professeur Okunev, M. J. Myslivec, dans Seminarium Kondakovianum, V, 1932, p. 185, pl. XVI. M. Myslivec indique plusieurs miniatures, contenues dans un ménologe grec du XIe s. et dans deux tétraévangiles, l'un géorgien du XIe s., l'autre grec du XIIe, où l'on voit représentés des épisodes de la légende relative à Abgar, au mandylion et à Edesse.)

V. Pour la suite de l'histoire, reportons-nous à la Legenda aurea: videns Abgarus quod praesentialiter Christum videre non posset, *pictorem* quemdam ad Jesum *misit*, ut *Domini imaginem figuraret*, ut sic ipsum saltem per imaginem conspiceret quem in facie videre non poterat. Sed cum ad eum pictor venisset, *propter nimium fulgorem* qui ab ejus facie procedebat, in ejus faciem *clare requibat videre* vel intendere nec ipsum, ut sibi jussum fuerat, figurare. Abgar ne pouvant se rendre à Jérusalem, y envoie un peintre lui faire le portrait de Jésus. C'était l'usage, avant l'invention de la photographie, de charger les peintres de semblables voyages: ainsi en 1428, un mariage étant projeté entre l'infante Isabelle de Portugal et le grand duc d'Occident, Philippe de Bourgogne, celui-ci envoie à Lisbonne Jean Van Eyck pour faire le portrait de l'infante[9]; en 1442, Jean IV d'Armagnac négociant avec les Anglais un mariage entre leur roi et l'une de ses filles, un peintre d'Henri VI arrive de Londres en Armagnac pour tirer la portraiture de la demoiselle[10]: on pourrait aisément citer nombre de faits analogues. Notre graveur a représenté le peintre (en buste, visage rasé, turban) et sa palette, avec cette légende: missurus quidam pictor a rege ut figuraret Christum, qui *propter nimium fulgorem nequibat clare videre.* Je souligne de part et d'autre les mots qui décèlent le rapport de notre gravure avec la Legenda aurea. Ni la Legenda, ni conséquemment la gravure ne nous disent le nom de ce peintre. Certains textes[11] assurent que c'était le même Ananias, qui comme nous l'avons vu avait servi de courrier entre Abgar et Jésus.

VI. La Legenda aurea poursuit en ces termes: quod cernens Dominus, vestimentum linteum ipsius pictoris accipiens[12] et suae faciei super-

---

[9]) Hist. de l'Art d'André Michel, III, 1, p. 180.

[10]) Petit-Dutaillis, dans l'Hist. de Fr. de Lavisse, IV, 2, p. 285.

[11]) Dobschütz, Christusbilder, I, p. 131; II, p. 131.** — Mâle (L'art rel. après le conc. de Trente, p. 366) signale une peinture italienne du XVIIe s., à Gênes, qui représente «s. Jude baptisant à Edesse Ananias, peintre du roi Abgar».

[12]) Au sens de capiens, comme plus bas (VIII) accepit au sens de cepit.

imponens, *sui ipsius imaginem* eidem *impressit*, ac *desideranti* regi Abgaro destinavit. Notre graveur a figuré, en place d'honneur, au milieu de cette sorte de frise, le mandylion, autrement dit la véronique. La Sainte Face est placée dans un cadre, autour duquel rayonne une grande gloire, fulgor nimius. L'inscription, comme la précédente, provient de la Legenda aurea: *Dominus suum vultum desideranti impressit.*

VII. A gauche du mandylion, le graveur a figuré derechef la lettre de Jésus à Abgar. Elle apparaît dans un nimbe resplendissant, devant deux armes de hast, une hallebarde et une lance de chevalier, à oriflamme, qui sont croisées, ce qui, d'une façon abrégée, signifie une bataille, et plus précisément une bataille entre cavalerie et infanterie, car la hallebarde caractérisait, au temps auquel nous avons rapporté notre gravure, les troupes à pied, et, particulièrement, les sergents d'infanterie. Pourquoi ce pictographe militaire? Et pourquoi nous montrer de nouveau la lettre de Jésus à Abgar? Parce que le graveur suit pas à pas la Legenda aurea, laquelle après avoir raconté comment N. S., en «impressionnant» [13] un linge, avait obtenu l'image de son visage, revient à la lettre de Jésus, pour en dire les vertus miraculeuses: or, la plus étonnante de ces vertus, c'est que la lettre de Jésus écartait d'Edesse les armées qui eussent voulu la prendre: il suffisait que la lettre fut lue par un enfant,[14] entre les créneaux de la porte, pour que l'armée ennemie prît la fuite ou fît la paix: illa autem epistola D. n. J. C. tantae virtutis esse dicitur, ut ... si aliquando gens aliqua armata manu contra illam civitatem insurrexerit, infans aliquis super portam stans epistolam illam legit et ea die hostes aut territi fugiunt aut pacati cum iis componunt.[15] La gloire qui entoure la lettre du Christ et derrière laquelle disparaît en partie le duel des deux hastes, signifie le pouvoir surnaturel de l'épître divine: tantae *virtutis* erat epistola Domini, dit la Legenda— epistola Christi *virtuosa*, dit l'inscription explicative. Les mots virtus, virtuosa ont ici leur sens religieux, comme dans la version latine [16] de l'Evangile selon s. Matthieu, XI, 21 (vae tibi, Corozaïn, vae tibi, Bethsaïda, quia si in Tyro et Sidone factae essent virtutes quae factae sunt in vobis), dont l'expression facere virtutes a été francisée par les clercs (Roland, 2458: Pur Karlemagne fist Deus vertuz mult granz), d'où le surnom que l'on avait donné à la Vierge miraculeuse d'Aubervillers, Notre-Dame-des-Vertus [17]: de même en grec ἀρεταί peut signifier «miracles», d'où le nom d' ἀρετάλογος,[18] qui désignait les collectionneurs et narrateurs de faits miraculeux.

---

[13]) On peut vraiment emprunter ce terme aux photographes, puisqu'ils ont pris comme patronne s[te] Véronique.

[14]) Par un enfant, «car c'est à eux qu'appartient le royaume de Dieu» (Marc, X, 13—16). Il leur appartient, parce qu'ils sont ἄφθοροι. A en croire Jamblique (Vie de Pythagore, 51), Pythagore professait que la prière des enfants est toute puissante sur les dieux. D'où le rôle dévolu à l'enfant dans la religion et la magie. Cf. Cumont, Rev. hist. relig., 1931, p. 73.

[15]) Ce passage est pris, comme l'indique Dobschütz, I, 242,* de la Passio S. Thomae (éd. Max. Bonnet, Acta Thomae, 1883. p. 159), avec cette différence que la Leg. aur. omet de spécifier qu'il s'agit d'un puer baptizatus, c'est à dire d'un enfant chrétien.

[16]) Elle rend par virtutes le δυνάμεις de l'original.

[17]) Lebeuf, Hist. de la ville et de tout le diocèse de Paris, t. I, p. 558 de la réédition récente.

[18]) Pauly-Wissowa, s. v. (Crusius).

VIII. Deuxième image d'Abgar, pareille à la première (II), avec cette inscription: Abagarus rex sanatur. A ce moment de l'histoire en effet se place la guérison du roi lépreux. Quand Ananias lui avait apporté la lettre de Jésus, cela ne l'avait pas guéri. Quand le peintre lui avait rapporté la véronique, cela non plus ne l'avait pas guéri. Il ne le fut qu'après l'Ascension de N. S., quand s. Thomas lui eut envoyé s. Thaddée et que celui-ci lui eut frotté le visage avec l'epistola virtuosa. C'est le miracle qu'a représenté Luis Borrassá, sur le rétable aujourd'hui au musée de Vich.[19] Le peintre catalan, comme notre graveur, s'inspirait de la Legenda aurea: cum Abgarus leprosus esset, Thaddaeus epistolam Salvatoris accepit[20] et de ea ejus faciem confricavit et statim plenam sanitatem recepit. D'après Bertaux,[21] Borrassá aurait représenté «Abgar recevant des mains des apôtres Simon et Jude la Sainte Face du Christ»: en réalité, le peintre nous montre les deux apôtres guérissant Abgar de sa lèpre: Simon lui dégage le cou, pendant que Jude lui frotte le visage avec le volumen déroulé de la lettre dans un va-et-vient horizontal. Par derrière, quelqu'un élève la Sainte Face, en fait l'ostension.

IX. La Legenda termine l'histoire d'Abgar à la guérison. Mais le chapitre de la Legenda où cette histoire est racontée ne s'arrête pas là. Il continue en nous relatant ce qui, après la guérison d'Abgar, est advenu de Thaddée — et aussi du frère de Thaddée, Simon le Zélote, qui entre en scène seulement à ce moment-ci (c'est donc par inadvertance que Borrassá l'a fait participer à la guérison d'Abgar). La Legenda continue donc en ces termes: Judas postea in Mesopotamia et Ponto praedicavit, Symon vero in Ægypto. Deinde in Persidem ambo venerunt et ibidem duos magos, Zaroen et Arphaxat, quos Matthaeus de Æthiopia fugaverat,[22] invenerunt. Notre graveur a représenté un livre ouvert, Evangelium, derrière lequel sont croisées en X une hallebarde et une haste. Au dessus, en buste, l'un de face, l'autre de profil, les deux mages, Zaroës et Arphaxat, avec le capuchon perse, deux noms[23] dont le premier n'apparait que dans les légendes relatives à s. Jude Thaddée, à s. Simon le Zélote et à s. Matthieu.

X. La Legenda raconte ensuite les rapports de nos deux Apôtres avec Baradach, duc de Babylone. Notre graveur a représenté ce militaire en buste, la tête à g., barbue, et casquée d'un morion à plume d'autruche. Inscription: Baradach, dux Babiloniae.

XI. Puis, la Legenda relate longuement les âpres controverses des deux Apôtres avec les prêtres des idoles. Finalement, pontifices in apostolos irruerunt et eos protinus trucidarunt ...De b. Symone pluribus locis invenitur, quod crucis patibulo sit affixus. Quant à la croix qui sert de caractéristique à s. Jude Thaddée, elle signifie qu'il a préché la religion de la croix, et, si l'on

---

19) Pl. II, 2, d'après l'Hist. de l'art d'A. Michel, III, 2, fig. 447.

20) Dans le sens de cepit.

21) Dans Michel, op. l., III, 2, p. 763.

22) Leg. aur., CXL, p. 622 Gr.: Matthaeus in Aethiopia praedicans, duos magos nomine Zaroen et Arphaxat reperit...

23) Sur ces noms, cf. Gutschmid, dans Rheinisches Museum, 1864, p. 384. Arphaxad, l'un des fils de Sem (Dutripon, Concord. bibl. sacr., p. 113) figure parmi les ancêtres du Christ (Ev. Luc., III, 36). Les habitants de la Chaldée s'appellent, dans Josèphe (Ant. jud., I, 6, 4), les Arphaxadéens. Dans Judith, I, 1—5, le roi mède mis à mort par Nabuchodonosor s'appelle Arphaxad.

veut, qu'il est mort pour la croix, mais non pas qu'il ait été crucifié. D'après notre gravure, il était mort assommé à coups de gourdins: car, après le portrait du duc Baradach, nous voyons une massue et une palme, l'instrument du martyre et la récompense. La mort par le gourdin a été si fréquente chez les chrétiens d'Orient! Que d'Arméniens, par exemple, ont été, de notre temps, décervelés de cette façon, par les Turcs et les Kurdes, en Asie et à Constantinople! L'inscription explicative de ce motif évocateur est empruntée mot pour mot à la Legenda: idolorum pontifices irruentes trucidaverunt.

XII. Les deux Apôtres ayant été occis, le roi de la ville de Perse, où l'affaire s'était passée, les fit enterrer honorablement. La Legenda le dit: rex corpora Apostolorum ad suam urbem transtulit et in honorem eorum ecclesiam mirae magnitudinis fabricavit. Notre graveur n'a pas représenté cette église, mais seulement le sarcophage où fut mis le corps de s. Jude. L'inscription explicative est empruntée à la Legenda: rex corpus Apostoli ad urbem transtulit honorifice. D'après le Martyr. hicron., les deux apôtres aurient été mis à mort in Suanis civitate Persarum, le 28 octobre. Il est remarquable que le Martyr. hicron. indique deux anniversaires de ce natale, le 28 oct. et le 1er juillet (*Delehaye*, dans Acta SS, nov. II, 2, p. 346 et 575).

En somme, on voit que les motifs dont notre image de s. Jude Thaddée est entourée, et les inscriptions qui les expliquent, proviennent de la Legenda aurea. A la même source avaient déjà puisé, quatre cents ans en çà, les clercs qui donnèrent le sujet des vitraux de l'histoire de s. Jude, dans le choeur des cathédrales de Chartres[24] et de Reims. St Jude, à Reims, devait être particulièrement honoré, depuis qu'on y avait reçu de ses reliques, et aussi des reliques du saint roi Abgar: Hugues, archevêque latin d'Edesse, †1140, en avait envoyées à l'archevêque de Reims, avec une lettre qu'on trouvera dans la Patrologie latine de Migne, CLV, 477. — Il est intéressant, à propos d'une gravure du XVIIe s., de constater la persistance tardive de thèmes iconographiques que le Moyen Age avait empruntés aux traditions apocryphes. Sur ces atavismes de l'art catholique, je renvoie au ch. VII du livre de Monsieur Mâle, L'art religieux après le concile de Trente.

Paul Perdrizet.

Strasbourg.

ILLUSTRATIONS

Pl. II, 1. Gravure de XVIIe s., représentant s. Jude Thaddée et les principaux épisodes de la légende (Collection des »Images des Saints« au Cabinet des Estampes de la Bibliothèque Nationale de Paris).

2. Détail d'un rétable du quattrocentiste catalan Borrassé: les apôtres Jude Thaddée et Simon le Zélote guérissent Abgar de la lèpre.

---

24) Clerval, La Cathédrale de Chartres, p. 157.

SANCTAM ECCLESIAM CATHOLICAM SANC
TORUM COMMUNIONEM
EPISTOLA
D.N.
Christi ad
Regem

1.

2.

=

ROM UND BYZANZ

IM KAMPFE UM DIE BILDERVEREHRUNG

(Papst Hadrian I. und das VII. Ökumenische Konzil von Nikäa)

Jede Untersuchung zur Geschichte der byzantinisch-römischen Beziehungen ist auch ein Beitrag zur Geschichte des Auseinandergehens der beiden christlichen Weltzentren. Das Auseinandergehen zwischen Rom und Byzanz vollzog sich langsam, oft unmerklich, aber auch unaufhaltsam, und auf beiden Seiten bedeutete es einen Kampf um die geistige Selbständigkeit. Denn indem sie auseinanderstrebten, formten Byzanz und Rom ihre geistige Eigenart.

Wohl haben sie im Christentum und in der Antike ihre gemeinsamen religiösen und kulturellen Grundlagen, und diese Gemeinsamkeit der geistigen Wurzeln verbürgt trotz allem eine Einheit der christlichen Welt gegenüber allen anderen Kulturkreisen, welche die läuternde Kraft des Christentums und die bildende Kraft der Antike nicht erfahren haben. Sofern jedoch die Entwicklung unter ganz verschiedenen historischen Voraussetzungen verlief, wurde das gemeinsame Urgut im christlichen Orient anders verarbeitet als im christlichen Okzident. Mag der Ausgangspunkt der gleiche gewesen sein, aber die Entwicklungslinien schlugen verschiedene Richtung ein und liefen allmählich immer weiter auseinander, wichen von einander immer stärker ab — bis schließlich eine Entfernung erreicht war, bei der das Gefühl der gegenseitigen Verbundenheit übertönt wurde durch das Gefühl der wachsenden Entfremdung, und die christliche Welt zerbrach in zwei Teile.

Dieser Bruch — die Kirchenspaltung, die Osten und Westen für immer trennte — war keineswegs ein plötzliches oder gar ein zufälliges Ereignis; er war nur das Endergebnis eines langwierigen Prozesses der gegenseitigen Entfremdung, die sich durch Jahrhunderte zurückverfolgen läßt. In welchem Zeitpunkt wir die byzantinisch-abendländischen Beziehungen auch immer betrachten, welches Problem wir auch immer herausgreifen, stets und überall stoßen wir bei näherem Zusehen auf grundlegende Verschiedenheiten der gesamten Denk- und Auffassungsweise. Dem widerspricht auch keineswegs die Tatsache, daß Konstantinopel und Rom es vermocht haben, mehr als ein halbes Jahrtausend hindurch in allen wichtigsten Glaubensfragen immer wieder Einigungen zu erzielen, daß sie dogmatische Formeln fanden, die beide Seiten befriedigten. Man sagte die gleichen Formeln her, verstand sie aber in Byzanz anders als in Rom. Die Einmütigkeit war im Grunde stets nur eine scheinbare, hinter der Scheineinigkeit verbargen sich aber ganz reale und sehr tiefgehende Gegensätzlichkeiten der gesamten geistigen Haltung.

Dies sei hier an einem Beispiel erläutert, das in die Zeit des Bilderstreites zurückreicht und die Möglichkeit bietet, die Ansichten des Ostens und des Westens über den Sinn und Zweck der religiösen Kunst zu konfrontieren. Es versteht sich von selbst, daß wir nicht etwa den Standpunkt der byzantinischen Bilderstürmer mit dem des bilderfreundlichen Papsttums vergleichen wollen und auch nicht die Position der byzantinischen Bilderverehrer mit der adorationsfeindlichen Einstellung Karls d. Gr. Denn in diesen Fällen ist das Auseinandergehen nicht nur zu deutlich, um einen Nachweis zu erfordern, sondern auch von keinem Belang für unser Problem: wurde doch der byzantinische Bildersturm von den orthodoxen Byzantinern zum mindesten ebenso entschieden verworfen wie vom Papst, während die Stellungnahme des großen Frankenkönigs zum Bilderproblem nicht nur der orthodoxen byzantinischen Auffassung widersprach, sondern auch beim Papst keinen Beifall fand. Was es zu vergleichen gilt, sind vielmehr die Ansichten derjenigen Byzantiner und Abendländer, die während des Bilderstreites zu einem Lager gehörten und nach außen hin durchaus einmütig erschienen. Zur Erörterung steht nicht etwa einer der häufigen Zusammenstöße zwischen Rom und Byzanz, sondern ein Akt der Versöhnung, und es gilt ein Dokument zu analysieren, das in seinem Hauptteil — in jenem Teil, der uns hier allein interessiert — durchaus freundschaftliche Absichten verfolgt, die Empfänger in ihrem Entschluß bestärken und ermuntern möchte.

Die Wiederherstellung der Bilderverehrung auf dem VII. ökumenischen Konzil von Nikäa, die der ersten Periode des Bildersturmes ein Ende setzte, vollzog sich bekanntlich in bester Einmütigkeit zwischen Rom und Byzanz. Sie bedeutete einen Triumph sowohl für die orthodoxen Byzantiner, die jahrzehntelang den härtesten Verfolgungen von seiten der Bilderstürmer ausgesetzt waren, wie auch für das Papsttum, das gegen die ikonoklastische Häresie hartnäckig gekämpft hatte. Dem Konzil wohnten zwei päpstliche Legaten bei, denen alle ihnen zukommenden Ehren erwiesen wurden, die als Vertreter des rangältesten Bischofstuhles das Votum stets als erste abgaben und sämtliche Beschlüsse des Konzils unterzeichnet haben. In der zweiten Konzilssitzung (am 26. September 787) wurden zwei Schreiben des Papstes Hadrians I. verlesen; das eine richtete sich an die byzantinischen Herscher Konstantin VI. und Irene,[1] das andere — weniger ausführliche und weniger interessante — an den Patriarchen von Konstantinopel Tarasius, den Vorsitzenden des Nikänischen Konzils.[2]

Das erste dieser Schreiben, das vom 27. Oktober 785 datiert, soll den Ausgangspunkt unserer Untersuchung bilden, und zwar gilt es, seinen lateinischen Originaltext mit jener griechischen Übersetzung zu vergleichen, in welcher der Brief den Konzilsmitgliedern vorgelegt wurde und ihre volle Billigung fand.

Die Entfremdung zwischen dem christlichen Osten und Westen, von der vorhin die Rede war, wurde dadurch mit bestimmt, daß im Mittelalter der Osten und der Westen keine gemeinsame Sprache mehr hatten. Es tritt eben eine Abgrenzung der beiden Welten ein — in jeder Hinsicht, u. a. auch in sprachlicher. Seit das künstliche Festhalten der byzantinischen Regierung an der lateinischen Sprache unter Heraclius ein Ende fand, wird im Osten die Kenntnis des Lateinischen eine Seltenheit, während die Kenntnis des Griechischen im Westen immer weiter zurückgeht. Daher die häu-

[1]) Mansi XII, 1055 A—1075 D.

[2]) Ibid. 1078 C—1083 D.

figen Fehler und Entstellungen bei Übersetzungsarbeiten: einerseits ganz bewußte, beabsichtigte Entstellungen, die das sprachliche Unvermögen der Umwelt ausnützen; andererseits versehentliche Entstellungen aus mangelnder Kenntnis der betreffenden Sprache und aus mangelhafter Übersetzerkunst. Entstellungen der ersten Art konstatieren wir eben in der griechischen Übersetzung unseres Hadrianbriefes; einer Entstellung vor allem infolge des Unvermögens des Übersetzers sind aber bekanntlich die gesamten Akten des Nikänischen Konzils bei ihrer ersten Übertragung ins Lateinische zum Opfer gefallen.

Die groben Fehler dieser Übersetzung, die unmittelbar nach Abschluß des Nikänischen Konzils auf Geheiß des Papstes Hadrians I. veranstaltet und Karl d. Gr. zugeschickt wurde, veranlaßten den gelehrten päpstlichen Bibliothekar Anastasius, in den siebziger Jahren des 9. Jahrhunderts eine neue Übersetzung der Nikänischen Akten vorzunehmen. Anastasius übersetzte mit großer Sorgfalt und Genauigkeit, so daß seine lateinische Übersetzung und der griechische Originaltext der Akten in der Regel einander vollkommen entsprechen. Als er jedoch an das Schreiben des Papstes Hadrians herankam, bemerkte der mit dem lateinischen Original des Briefes vertraute Anastasius, daß der griechische Text der Nikänischen Akten diesen Brief nicht vollständig wiedergibt, daß der Schluß des Briefes in der griechischen Übersetzung fehlt. Unter diesen Umständen verzichtete Anastasius darauf, den griechischen Text des Papstbriefes ins Lateinische zurückzuübersetzen, holte vielmehr das lateinische Original hervor und rückte es an dieser Stelle seiner Übersetzung ein. Dank der Wachsamkeit des Anastasius besitzen wir also den lateinischen Originaltext des päpstlichen Briefes und können ihn mit der griechischen Übersetzung vergleichen, in der er auf dem Nikänischen Konzil verlesen wurde.

In diesem Schreiben begrüßt zunächst Papst Hadrian I. die Absicht des byzantinischen Kaisers Konstantins VI. und der Kaiserin Irene, die Bilderverehrung wiederherzustellen. Falls sie diese Absicht verwirklichen, werde man sie einen neuen Konstantin und eine neue Helena nennen, zumal wenn sie, gleich Konstantin d. Gr. und seiner Mutter Helena, den Lehren der Kirche St. Petri, des Apostelfürsten, folgen. Der Apostelfürst, dem der Herr die Binde- und Lösegewalt gab, werde sie dann beschützen und ihnen alle barbarischen Nationen unterwerfen. Der hl. Petrus, der Apostelfürst, der als erster den apostolischen Thron inne hatte, habe ihn nach Gottes Befehl seinen Nachfolgern übergeben; diese lehrten aber die Verehrung der Bilder Christi, der hl. Jungfrau, der Apostel und aller Heiligen. Zur Bestätigung führt Hadrian die bekannte Silvesterlegende an: Konstantin dem Gr. waren Petrus und Paulus im Traume erschienen; der Kaiser wußte aber nicht, wer seine Traumbesucher waren, bis Papst Silvester ihm ein Bild der beiden Apostel zeigte. Folglich habe schon Silvester die Heiligenbilder anerkannt. Später habe Gregor d. Gr. darauf hingewiesen, daß die Bilder den Analphabeten die Heilige Schrift ersetzen. Leider habe aber der byzantinische Kaiser Leo III. sich von dem rechten Glauben losgesagt und gegen die Heiligenbilder den Kampf eröffnet. Die Vorgänger Hadrians, die Päpste Gregor II. und Gregor III., hätten diesen Kaiser und die Päpste Zacharias, Stephan II., Paulus und Stephan III. die folgenden Herrscher wiederholt zur Wiederherstellung der Bilder aufgefordert. Dasselbe tue nun auch er, Hadrian, indem er die Herrscher flehe am rechten Glauben festzuhalten und die Untertanen der Rechtgläubigkeit zuzuführen. Dann bringt Hadrian seine Argumente

für die Bilderverehrung und sucht zu beweisen, daß die Bilderverehrung keine Idololatrie sei, wie das die Bilderfeinde behaupten. Durch diese rein negative Argumentation — die Zurückweisung der Gleichsetzung von Bilderverehrung und Idololatrie — ist im wesentlichen das erschöpft, was der Papst von sich aus zu der Bilderfage zu sagen hatte. Er verweist hierbei auf die Tatsache, daß schon das Alte Testament Bildnisse kenne, wie z. B. die von Moses errichteten Cherubim, und zitiert dann eine Reihe von Stellen aus den lateinischen und griechischen Kirchenvätern, die seiner Ansicht nach für die Heiligenbilder sprechen. Indem er sich auf diese Zeugnisse aus der Hl. Schrift und der patristischen Literatur stützt, bittet er die Herrscher nochmals inständig, die Bilderverehrung wiederherzustellen und dadurch den Lehren der heiligen römischen Kirche die Treue zu beweisen, um in den Schoß dieser heiligen, katholischen, apostolischen und untadeligen Kirche aufgenommen zu werden. Soweit der Hauptteil des päpstlichen Schreibens, den auch die griechische Übersetzung wiedergibt.

Am Schluße seiner Ausführungen ermahnt aber der Papst die byzantinischen Herrscher, die Patrimonien St. Petri und die Provinzen, die der Bilderstürmer Leo III. der römischen Jurisdiktion entriß, dem apostolischen Stuhl zurückzugeben; ferner bringt er, indem er mit ganz besonderem Nachdruck den Primat der römischen Kirche betont, sein Befremden darüber zum Ausdruck, daß der ihm zugegangene kaiserliche Brief den Patriarchen von Konstantinopel Tarasius einen ökumenischen Patriarchen nenne: er bittet diese Bezeichnung für den byzantinischen Patriarchen nicht mehr zu gebrauchen; schließlich spricht er sein Mißfallen darüber aus, daß Tarasius aus dem Laienstande zum Patriarchen erhoben worden ist: dieser unkanonischen Erhebung stimme er nur deshalb zu, weil Tarasius dem Werke der Bilderverehrung so treu ergeben sei.

Diese ganze Schlußpartie des Papstbriefes haben die Byzantiner einfach unterschlagen: sie wurde ins Griechische nicht übersetzt und folglich der Kirchenversammlung in Nikäa auch nicht vorgelegt. Die Gründe sind ganz klar. In der Tat ist es der Bilderstürmer Kaiser Leo III. gewesen, der die päpstlichen Patrimonien in Süditalien eingezogen und die süditalienischen Provinzen wie auch das Illyricum vom römischen Kirchensprengel getrennt hatte, um sie dem Patriarchat von Konstantinopel einzuverleiben; aber auch die orthodoxen Byzantiner waren nicht geneigt, diesen von einem Bilderfeind erworbenen Besitz preiszugeben. In der Tat wurde der Patriarch Tarasius aus dem Laienstande erhoben, aber begreiflicherweise hatten die Byzantiner keine Lust, den diesbezüglichen päpstlichen Tadel den Konzilsmitgliedern bekannt zu geben, zumal er sich gegen die Person des Konzilsvorsitzenden richtete. Desgleichen konnten sie auch kein Verlangen danach verspüren, die päpstlichen Ausführungen über die römischen Primatsrechte und die Einwände gegen den Titel des ökumenischen Patriarchen, um den man sich schon seit zwei Jahrhunderten stritt, der Öffentlichkeit zu unterbreiten. So wurde denn der Schluss des Papstbriefes — wohl mit Zustimmung der päpstlichen Legaten[8] — weggelassen und hat die Konzilsmitglieder in Nikäa nicht erreicht. Trotz der Wichtigkeit der Fragen, die Hadrian I. hier berührt und die alle zur Geschichte des Auseinandergehens der beiden Weltzentren gehören, können wir bei dieser Schlußpartie des päpstlichen Schreibens nicht länger verweilen, da sie

---

[8]) Nach Verlesung des zurechtgemachten Papstschreibens haben die römischen Legaten auf Befragen der Konzilsversammlung ausdrücklich bestätigt, daß dies der Brief sei, den sie vom Papst zur Überbringung an die Herrscher erhalten hatten. Vgl. Mansi XII, 1075 D.

sich nicht unmittelbar auf die Bilderfrage bezieht. Halten wir nur die Tatsache fest, daß die Schlußpartie des Hadrianbriefes von den Griechen aus wohlerwogenen Gründen unterschlagen wurde, und wenden wir uns nun jenem Hauptteil des Briefes zu, der übersetzt und auf dem Konzil verlesen wurde. Es fragt sich, wie man ihn übersetzt und in welcher Gestalt man ihn der Konzilsversammlung unterbreitet hat.

Die Umarbeitung des päpstlichen Schreibens beschränkte sich nämlich nicht auf die Unterdrückung seiner Schlußpartie; auch in dem von den Byzantinern akzeptierten und auf dem Konzil verlesenen Teil weicht die griechische Übersetzung von dem lateinischen Originaltext mehrfach und nicht unwesentlich ab. Die Abweichungen betreffen in den meisten Fällen die Frage des römischen Primats: diese Abweichungen sind zwar noch nie eingehender untersucht, aber doch gelegentlich schon hervorgehoben worden,[4] denn ihr Sinn ist ganz klar und gemeinverständlich. Eine Abweichung oder richtiger Ergänzung bezieht sich aber unmittelbar auf die Bilderfrage und ist, soviel ich sehe, noch von niemandem notiert worden: anscheinend fand man sie der Beachtung nicht wert. Dagegen möchte ich gerade auf diese kleine Ergänzung zu der Bilderfrage die Aufmerksamkeit lenken und verweile bei den Abweichungen in der Primatsfrage nur ganz kurz und nur, um an mehreren Beispielen zu zeigen, daß die byzantinischerseits am Papstschreiben vorgenommenen Änderungen nicht zufälliger Natur waren, sondern ganz bestimmte Ziele verfolgten.

Mit welchem Nachdruck Hadrian I. in seinem Brief auf die Primatsrechte der römischen Kirche und auf das Erbe St. Petri hinwies, dürfte schon die kurze Inhaltsangabe oben gezeigt haben. In dem Hauptteil seines Briefes sind es drei Stellen, die in dieser Hinsicht besonders charakteristisch erscheinen, und sämtliche drei Stellen wurden von den Byzantinern abgeändert. So ermahnt Hadrian die Herrscher, »den orthodoxen Überlieferungen der Kirche des hl. Petrus, des Apostelfürsten« zu folgen; die griechische Übersetzung empfiehlt dagegen die Befolgung »der orthodoxen Überlieferungen der Kirche des hl. Petrus und Paulus, der Apostelfürsten«.[5] Der Papst spricht von der Binde- und Lösegewalt, die dem Apostelfürsten Petrus von Gott verliehen sei; die Byzantiner setzen aber wieder die Apostelfürsten im Plural,[6] d. h. der Papst beruft sich auf Matthäus 16, 19, die Byzantiner aber auf Matth. 18, 18, worauf sie anschließend einen längeren, der Verherrlichung des römischen Bischofstuhles dienenden Passus einfach weglassen. Weiter erwähnt der Papst nochmals »den Apostelfürsten, den hl. Petrus, der den apostolischen Thron als erster inne hatte«; der griechische Übersetzer spricht dagegen von »den hl. Apostelfürsten, die den Anfang zum rechten Glauben legten«,[7] wodurch sowohl der Hinweis auf Petrus als auch der auf

[4]) Hefele, Conciliengeschichte III (1877) 449, Anm. 1. Schwarzlose, Der Bilderstreit (1890) 123, Anm. 1.

[5]) Mansi XII, 1057 A—1058 A:

Orthodoxae fidei sequentes traditiones ecclesiae beati Petri apostolorum principis...

τῇ παραδόσει τῆς ὀρθοδόξου πίστεως τῆς ἐκκλησίας τοῦ ἁγίου Πέτρου καὶ Παύλου τῶν κορυφαίων ἀποστόλων ἐξακολουθήσῃ...

[6]) Mansi XII, 1057 B—1058 B:

Ipse princeps apostolorum, cui a Domino Deo ligandi solvendique peccata in caelo et in terra potestas data est...

τῶν κορυφαίων ἀποστόλων, οἷς ἐδόθη ἐξουσία παρ' αὐτοῦ τοῦ Θεοῦ λόγου λύειν τε καί δεσμεῖν ἁμαρτίας ἐν τῷ οὐρανῷ καὶ ἐν τῇ γῇ...

[7]) Mansi XII, 1057 C—1058 B:

Nam ipse princeps apostolorum beatus Petrus, qui apostolicae sedi primitus praesedit...

αὐτοὶ γὰρ οἱ ἅγιοι καὶ κορυφαῖοι τῶν ἀποστόλων, οἱ τὴν καθολικὴν καὶ ὀρθόδοξον πίστιν ἐναρξάμενοι...

den apostolischen Thron umgangen ist. So wird hier — lange vor der Kirchentrennung — gegen das vom Papste vertretene monarchische Prinzip der Kirchenverwaltung eine eigentümliche versteckte Polemik geführt, die den eigentlichen Ausgangspunkt der römischen Lehre angreift. In welchem Zusammenhang auch immer der Papst den Apostelfürsten Petrus erwähnt, setzen dafür die Byzantiner die Apostelfürsten im Plural; an einer Stelle zitieren sie aber ausdrücklich neben Petrus auch Paulus, was besonders interessant und deshalb besonders geschickt erscheint, weil ja der Papst selbst anschließend die Silvesterlegende erzählt, in der Konstantin dem Gr. eben Petrus und Paulus erscheinen, so daß der Hinweis auf die beiden Apostel als die zwei Pfeiler der christlichen Kirche den Hörern besonders einleuchten mußte.

Es ist somit ganz klar, daß die Änderungen der griechischen Übersetzung nicht auf irgendeinen Zufall zurückgehen, sondern wohlerwogenen Gründen entspringen und ein ganz bestimmtes Ziel verfolgen: das Papstschreiben sollte mit den Ansichten der östlichen Kirche in Einklang gebracht werden.

Wenn wir uns jetzt jener Änderung zuwenden, die der griechische Übersetzer an den Ausführungen des Papstes zu der Bilderfrage vorgenommen hat, so können wir nunmehr im voraus mit voller Gewißheit erwarten, daß auch diese Änderung oder Ergänzung nicht auf einem Zufall beruht, daß auch sie die Aufgabe hat, die päpstlichen Erörterungen über die Bilder den Lehren der byzantinischen Kirche anzupassen.

Bei Verteidigung der Bilder gegen die ikonoklastischen Vorwürfe beruft sich Hadrian auf einen seiner größten Vorgänger: Gregor I. habe gesagt, daß die Analphabeten an den Krichenwänden das lesen könnten, was sie in den Büchern zu lesen nicht vermögen.[8] Zu diesem Zitat fügt nun die griechische Übersetzung, indem sie den darauf folgenden Satz des Originals etwas kürzt, von sich aus hinzu: »und durch diese (die Bilder) werden sie (die Schauenden) emporgeführt zu dem Glauben und der Erinnerung an das Heilswerk im Fleische unseres Herrn Jesus Christus«.[9]

Nichts dergleichen steht im Originaltext des Hadrianbriefes, nirgends sagt Hadrian, daß die Bilder als Erinnerung an die Fleischwerdung Christi dienen. Vielleicht stehen aber diese Worte bei Gregor d. Gr.? Vielleicht haben die gewiessnhafetn Griechen das Gregorzitat ergänzt, da sie merkten, daß Hadrian es gekürzt hatte? In der Tat hat Hadrian aus den Ausführungen Gregors I. über die Bilder nur einen Satz herausgegriffen, aber auch das vollständige Gregorzitat enthält nichts von dem, was die Griechen ihm unterschieben. Die Einstellung Gregors d. Gr. zu den Bildern entfernte sich noch stärker von dem Standpunkt der byzantinischen Bilderverehrer des 8. Jahrhunderts als die Einstellung des ihnen zeitgenössischen Papstes Hadrians I. Als Ganzes wäre das in Frage stehende Zeugnis Gregors I. für die bilderfreundlichen Byzantiner überhaupt unannehmbar. Die berühmten Worte Gregors, auf die sich Hadrian beruft, stehen in einem Brief an den Bischof Serenus von Massilia, der die Bilder aus den

---

[8]) **Mansi** XII, 1060 D: Sicut et praecipuus pater atque idoneus praedicator beatus Gregorius huius apostolicae sedis praesul ait, ut hi qui litteras nesciunt saltem in parietibus videndo legant, quae legere in codicibus non valent.

[9]) **Mansi** XII, 1059 C: καθὼς ὁ ἅγιος Γρηγόριος ὁ διάδοχος τῶν ἀποστόλων (vgl. dagegen das lateinische Original!) ἐκήρυξε, τοῦ πάντας ἀνθρώπους ἀγραμματίστους καὶ μὴ δυναμένους ἀναγνῶναι, θεωρεῖν τὰς εὐαγγελικὰς ἱστορίας, καὶ δι' αὐτῶν ἀνάγεσθαι πρὸς δόξαν καὶ ἀνάμνησιν τῆς ἐνσάρκου οἰκονομίας τοῦ κυρίου καὶ δεσπότου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ.

Kirchen entfernen und sie vernichten ließ, weil er sah, daß viele seiner Gemeindemitglieder sie adorierten. Gregor d. Gr. lobt nun zunächst den Eifer, mit welchem Serenus gegen die Adoration menschlicher Kunstwerke eingeschritten ist. Dann fährt er aber fort: »Dennoch solltest du die Bilder nicht vernichten. Denn die Bilder werden in Kirchen angebracht, damit die Analphabeten an den Wänden sehend das lesen können, was sie in den Büchern zu lesen nicht vermögen. Du solltest, Bruder, die Bilder bewahren, das Volk aber von ihrer Adoration abhalten«.[10] In einem zweiten Brief kommt Gregor auf die Angelegenheit nochmals zurück und belehrt den Bischof Serenus wieder in demselben Sinne: »Daß Du die Adoration der Bilder verboten hattest, lobten wir durchaus, aber wir untersagten es, sie zu zerbrechen... Denn ein anderes ist es, das Bild zu adorieren, ein anderes wiederum, durch das Bild aus der Geschichte zu lernen, was zu adorieren ist. Denn das, was den Lesenden die Schrift, das bietet den Unkundigen das Bild; denn aus dem Bilde ersehen selbst die Ungebildeten, was sie befolgen müssen, nach dem Bilde lesen diejenigen, welche die Buchstaben nicht kennen. Deshalb wird auch insbesondere den Fremdvölkern das Lesen durch das Bild ersetzt«.[11]

Das ist alles, was Gregor d. Gr. zur Bilderfrage geäußert hat. Weder bei ihm noch in unserem Hadrianbrief läßt sich etwas von dem Versuch entdecken, das Bilderproblem mit dem Dogma zu verbinden. Die These, daß durch die Christusbilder der Glaube an die Fleischwerdung erhärtet werde, geht einzig und allein auf den griechischen Übersetzer des Hadrianbriefes zurück. Das Original gab nicht den geringsten Anhalt für einen solchen Satz. Es fragt sich: wie ist diese Ergänzung des Übersetzers zu erklären, worin liegt ihr Sinn?

Es ist schon angedeutet worden, daß Hadrians Beweisführung zu der Bilderfrage nicht gerade sehr kompliziert und nicht sehr reich an Argumenten erscheint. Im wesentlichen beschränkte sich der Papst darauf, unter Hinweis auf einige — nicht ganz analoge — Beispiele aus der Heiligen Schrift und auf einige — nicht durchweg beweiskräftige — Väterstellen die Beschuldigung der Bilderstürmer zurückzuweisen, nach denen die Bilderverehrung nichts anderes sei als Idololatrie.

Die Beschuldigung der Idololatrie bildete auch tatsächlich den Ausgangspunkt des bilderfeindlichen Angriffs; damit begann der Streit um die Bilder in den zwanziger Jahren des 8. Jahrhunderts, d. h. rund 60 Jahre vor der Einberufung des Nikänischen

[10]) Gregorii Reg. IX, 208 (M. G. Ep. II, p. 195, 19—23): Et quidem zelum vos, ne quid manufactum adorari possit, habuisse laudamus, sed frangere easdem imagines non debuisse iudicamus. Idcirco enim pictura in ecclesiis adhibetur, ut hi qui litteras nesciunt saltem in parietibus videndo legant, quae legere in codicibus non valent (den gesperrten Satz zitiert Hadrian I.). Tua ergo fraternitas et illa servare et ab eorum adoratu populum prohibere debuit...

[11]) Gregorii Reg. XI, 10 (M. G. Ep. II, p. 270, 9—16): et quidem quia eas adorari vetuisses, omnino laudavimus, fregisse vero reprehendimus... Aliud est enim picturam adorare, aliud per picturae historia, quid sit adorandum addiscere. Nam quod legentibus scriptura, hoc idiotis praestat pictura cernentibus; quia in ipsa ignorantes vident, quod sequi debeant, in ipsa legunt, qui litteras nesciunt. Unde praecipue gentibus pro lectione pictura est. — Gregor d. Gr. ist übrigens nicht, wie man gewöhnlich annimmt, der erste gewesen, der den Satz aufgestellt hat, daß die Bilder den Analphabeten die Schrift ersetzen. Diesem Gedanken begegnen wir vielmehr schon bei Nilus Sinaita, Ep. IV, 61 (Migne Gr. 79, 577 D): ὅπως ἂν οἱ μὴ εἰδότες γράμματα, μηδὲ δυνάμενοι τὰς θείας ἀναγινώσκειν Γραφὰς τῇ θεωρίᾳ τῆς ζωγραφίας μνήμην τε λαμβάνωσιν τῆς τῶν γνησίως τῷ ἀληθινῷ Θεῷ δεδουλευκότων ἀνδραγαθίας... (zitiert auf dem Nikän. Konzil, Mansi XIII, 36).

Konzils und der Abfassung des Hadrianbriefes. Sehr bald gelangte aber der Bilderstreit in Byzanz zu völlig anderen und viel komplizierteren Fragestellungen: man brachte hier das Bilderproblem in Zusammenhang mit den primären Grundsätzen des christlichen Glaubens. Allerdings wurde die Beschuldigung der Idololatrie von den Bilderfeinden — im 8. Jahrhundert wenigstens — nicht ganz fallen gelassen, aber sie trat doch immer stärker in den Hintergrund, und es war gar nicht diese Frage, die in Byzanz zur Zeit des Nikänischen Konzils im Mittelpunkt der Diskussion stand, sondern vielmehr jene Frage, die der griechische Übersetzer des Hadrianbriefes berührte, als er auf die Menschwerdung Christi hinwies.

Schon gegen Ende des 7. Jahrhunderts, d. h. mehrere Jahrzehnte vor Beginn des Bildersturmes, finden sich in der griechischen theologischen Literatur Hinweise darauf, daß die Christusbilder in der Menschwerdung begründet seien.[12] Nach Ausbruch des Bilderstreites wird diese Idee von den griechischen Apologeten der Heiligenbilder sofort in den Vordergrund der Erörterung gestellt. So von dem Patriarchen Germanus, so auch von Johannes Damascenus, dem bedeutendsten Denker jener Zeit. Die Gottheit könne im Bilde nicht dargestellt werden, da sie unsichtbar und unfaßbar ist; sofern aber der Sohn Gottes Mensch geworden ist, könne und müsse man ihn in seiner menschlichen Gestalt darstellen, denn solche Darstellungen bestätigen die Vollkommenheit und Realität seiner Menschwerdung. Das ist der wesentlichste Gedanke jener drei Reden, mit denen Johannes Damascenus zu Beginn des Bilderstreites als Verteidiger der Bilderverehrung hervortrat. Freilich hat auch Damascenus sich um die Widerlegung der ikonoklastischen Gleichsetzung von Bilderverehrung und Götzendienst bemüht, und zwar finden sich schon bei ihm all die Argumente, die der Brief Hadrians I. bietet: der Hinweis auf die Cherubim im Alten Testament, die Betonung des Nutzens der Bilder für die Analphabeten und v. a. m. Aber der Hauptakzent liegt für ihn auf der Verknüpfung der Christusbilder mit dem Dogma der Fleischwerdung; zugleich sucht er auch den Unterschied zwischen Anbetung und Verehrung zu klären und stellt als echter Philosoph die Frage nach der Bedeutung des Begriffes εἰκών, wie auch nach dem Verhältnis des Bildes zum Abgebildeten. Die Reden des Damasceners gegen die Bilderstürmer — das bedeutendste und originellste, obschon nicht das bekannteste von allem, was er je geschrieben hat — stellen ein geschlossenes und recht kompliziertes theologisch-philosophisches System dar. Den Kern dieses Systems bildet aber eben der Gedanke, daß das größte Weltereignis, auf dem der christliche Glaube beruht, durch das die Welt erlöst und gerettet ist, daß die Menschwerdung Gottes uns dazu ermächtige, den Heiland in seiner menschlichen Gestalt darzustellen, so, wie er der Welt erschienen ist.

Es sagt z. B. Johannes Damascenus in seiner zweiten Rede: »Hätten wir ein Bild des unsichtbaren Gottes gemacht, so hätten wir wesentlich gesündigt. Denn es ist unmöglich, das Fleischlose und Unsichtbare und Unfaßbare und Gestaltlose im Bilde darzustellen«. Aber »nachdem Gott das Fleisch annahm und auf Erden im Fleische erschien und mit den Menschen verkehrte und nach seiner unsagbaren Güte die Natur und den Umfang und das Aussehen und die Farbe des Fleisches annahm,

[12]) Näheres darüber in meinen Studien zur Geschichte des byzantinischen Bilderstreites (1929) S. 78 ff. und Seminarium Kondakovianum I, S. 35 ff. Zu dem weiteren auch Schwarzlose, Der Bilderstreit (1890) S. 187 ff.

sündigen wir nicht, wenn wir ihn darstellen, denn wir sehnen uns danach, sein Antlitz zu sehen«.[18]

Hier kommt das eigentliche und schlechterdings entscheidende dieser religiösen Einstellung mit aller Klarheit zum Ausdruck: die Sehnsucht, die menschliche Gestalt des Erlösers zu schauen, um an die vollkommene Realität seiner Menschwerdung erinnert zu werden, die Bürge ist für die Untrüglichkeit des menschlichen Heils. Wie Johannes Damascenus an einer anderen Stelle sagt: »Ich sah die menschliche Gestalt Gottes, und gerettet ist meine Seele«.[14]

Man könnte eine beliebige Anzahl von ähnlichen Aussagen aus den Reden des Damasceners anführen, wie auch aus den Schriften anderer byzantinischer Bilderverehrer. Diese Gedankengänge sind ihnen allen — vom Damascener bis zum Studiten — gemeinsam und sie werden je weiter, desto häufiger und nachdrücklicher vorgetragen. Denn in der Idee einer Verbindung der Bilderfrage mit dem christologischen Dogma liegt das eigentliche Wesen des byzantinischen Bilderstreites: ist der Sohn Gottes wirklich Mensch geworden, so läßt er sich unzweifelhaft auch im Bilde darstellen; wer seine Darstellbarkeit bestreitet, der leugnet die Realität seiner Menschwerdung und untergräbt somit die Grundlagen des Heilsglaubens. Daher die ungemeine Hartnäckigkeit des Kampfes um die Bilder und die außergewöhnliche Erbitterung der orthodoxen Byzantiner gegen die Ikonoklasten. Wenn ein Mitglied des Nikänischen Konzils sagt, daß die Bilderstürmer schlimmer seien als alle Häretiker, da sie das Heilswerk im Fleische (τὴν ἔνσαρκον οἰκονομίαν) umzustoßen suchen,[15] so ist das nicht eine polemische Phrase, sondern der Ausdruck tiefster Überzeugung. Ein anderer Verteidiger der Bilderverehrung, Georgius von Cypern, sagt, daß die Zurückweisung der Christusbilder durch die Ikonoklasten eine Lästerung Christi und eine Negierung seines Heilswerkes im Fleische (τὴν ἔνσαρκον οἰκονομίαν) bedeute.[16] Diese bedeutungsvollen Worte vom Heilswerke im Fleische, der ἔνσαρκος οἰκονομία, die in den beiden soeben angeführten Zeugnissen wiederkehren und auch sonst in der Polemik der orthodoxen Byzantiner gegen die Bilderstürmer immer wieder begegnen — das sind ja gerade die Worte, die der griechische Übersetzer in den Brief des Papstes Hadrians eingeschaltet hat, indem er darauf hinwies, daß die Bilder dem Glauben und der Erinnerung an das Heilswerk Christi im Fleische dienen, daß sie hinaufführen πρὸς δόξαν καὶ ἀνάμνησιν τῆς ἐνσάρκου οἰκονομίας τοῦ κυρίου καὶ δεσπότου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ. Dieser nach dem Empfinden der byzantinischen Bilderverehrer absolut unentbehrliche Hinweis fehlte in den Ausführungen des Papstes, und deshalb wurde er in der Übersetzung nachgetragen.

In Byzanz legten nicht nur die Bilderfreunde, sondern auch die Bildefreinde auf die Verbindung des Bilderproblems mit dem christologischen Dogma das allergrößte

[13]) Oratio II 5 (Migne Gr. 94, 1288 AB): Εἰ μὲν γὰρ τοῦ ἀοράτου Θεοῦ εἰκόνα ἐποιοῦμεν, ὄντως ἡμαρτάνομεν. Ἀδύνατον γὰρ τὸ ἀσώματον, καὶ ἀόρατον, καὶ ἀπερίγραπτον, καὶ ἀσχημάτιστον εἰκονισθῆναι... Θεοῦ γὰρ σαρκωθέντος, καὶ ὀφθέντος ἐπὶ γῆς σαρκί, καὶ ἀνθρώποις συναναστραφέντος, δι᾽ ἄφατον ἀγαθότητα καὶ φύσιν, καὶ πάχος, καὶ σχῆμα, καὶ χρῶμα σαρκὸς ἀναλαβόντος, τούτου τὴν εἰκόνα ποιοῦντες, οὐ σφαλλόμεθα. Ποθοῦμεν γὰρ αὐτοῦ ἰδεῖν τὸν χαρακτῆρα.

[14]) Or. I 22 (Migne 94, 1256 A): Εἶδον εἶδος Θεοῦ τὸ ἀνθρώπινον, καὶ ἐσώθη μου ἡ ψυχή.

[15]) Mansi XIII, 164 A und 168 D.

[16]) Νουθεσία γέροντος περὶ τῶν ἁγίων εἰκόνων, B. M. Melioranskij, Zapiski ist.-fil. Fak. imp. S. Peterb. Univ. LIX (1901) S. X. f. 146 b.

Gewicht. Protestierten doch die byzantinischen Bilderstürmer nicht nur gegen die Bilderverehrung, sondern auch gegen die Existenz der Heiligenbilder, insbesondere der Bilder Christi. Denn die Gottheit ist nicht darstellbar, Christus ist aber nicht nur Mensch, sondern auch Gott, und als solcher könne er nicht im Bilde dargestellt werden. Christus hat zwei Naturen: eine menschliche und eine göttliche. Wer nur seine menschliche Natur darstellen möchte, der verstoße gegen das Dogma der Untrennbarkeit der zwei Naturen und verfalle der nestorianischen Häresie, indem er der Heiligen Dreieinigkeit eine vierte Person anhänge. Möchte aber jemand beide Naturen Christi im Bilde darstellen, so sündige er gegen das Dogma der Unvermengbarkeit der zwei Naturen, verfalle also der monophysitischen Häresie und frevele durch das blasphemische Unterfangen, die undarstellbare Gottheit darstellen zu wollen. Folglich sei eine Darstellung Christi überhaupt nicht möglich, denn sie widerspreche den grundlegenden Glaubenssätzen. Dies ist die Hauptthese der byzantinischen Bilderfeinde, wie sie schon von Kaiser Konstantin V. angedeutet[17] und dann auf der ikonoklastischen Synode von 754 eingehend dargelegt wurde.[18]

Seinerseits erblickte das Nikänische Konzil naturgemäß seine Hauptaufgabe in der Widerlegung dieser spitzfindigen Argumentation der ikonoklastischen Synode: es galt, die Behauptung zurückzuweisen, daß die Bilderverehrung sich christologische Häresien zu Schulden kommen lasse, und dem gegenüber die Anerkennung der orthodoxen These zu sichern, nach welcher die Menschwerdung Christi seine Darstellung im Bilde rechtfertige. Das war das Hauptthema des Nikänischen Konzils; darauf waren alle Bestrebungen seiner Mitglieder gerichtet; diesen Problemen galt damals das allgemeine Interesse in Byzanz.

An diesen Problemen ging aber das Schreiben des Papstes gänzlich vorbei. Die Leiter des Nikänischen Konzils besaßen eine Möglichkeit, die ihre Gegner auf der ikonoklastischen Synode von 754 nicht hatten: sie konnten der Versammlung ein päpstliches Schreiben vorlegen; aus dem Munde des ersten Bischofs der christlichen Kirche sollte die Konzilsversammlung die Billigung des bilderfreundlichen Standpunktes vernehmen. Nun trifft aber der Brief Hadrians ein, der diese Billigung ausspricht, und es stellt sich heraus, daß der Papst vor allem um die Primatsrechte Roms besorgt ist, bei seinen Ausführungen zum Bilderproblem aber lediglich die alten Argumente gegen die Beschuldigung der Idololatrie vorbringt und kein einziges Wort darüber sagt, daß die Bilder an die Menschwerdung und das Heilswerk im Fleische erinnern sollen. Dieses in dem päpstlichen Schreiben fehlende, nach Ansicht der Byzantiner allerwichtigste und allein entscheidende Argument hat eben der griechische Übersetzer eingeschaltet, um die päpstlichen Ausführungen auf das Niveau der byzantinischen Diskussionen zu bringen. Damit die Wirkung, die von der Verlesung des päpstlichen Schreibens auf dem Konzil erwartet wurde, nicht verloren gehe, haben die Byzantiner dieses Schreiben, dessen Ideengehalt ihnen zu ärmlich erschien, in ihrem Sinne verbessert.

Wie kommt es aber, daß Hadrian I. als Apologet der Bilderverehrung so sehr versagt zu haben scheint, daß die Empfänger seines Schreibens gleichsam das Gefühl hatten, als hätte er gar nicht zum Thema geschrieben? Diese Frage läßt sich leicht beantworten,

---

[17]) Vgl. die Textausgabe in meinen Studien zur Geschichte des byzantinischen Bilderstreites, S. 38 ff.

[18]) Mansi XIII, 252—264.

denn Hadrian bildet hierin durchaus keinen Sonderfall. Es wäre ganz verkehrt, von einem persönlichen Versagen Hadrians I. zu sprechen; ein solches liegt hier überhaupt nur vom byzantinischen Standpunkt vor. Die Verbindung des Bilderproblems mit dem christologischen Dogma, auf die es der byzantinischen Kirche vor allem ankam, lag dem Abendlande überhaupt ganz fern. Der einzige abendländische Autor, der dieses Thema berührt hat, war Papst Gregor II., der Zeitgenosse des ersten Ausbruches des Bildersturmes. Diese Ausnahme bestätigt aber nur die Regel: Gregor II. war zwar ebenso wie Hadrian I. von Geburt Römer, doch stand er unter dem stärksten Einfluß des Orients. Er ist selber in Byzanz gewesen, seine sieben unmittelbaren Vorgänger waren alle entweder Griechen oder Syrer. Die geistige Entwicklung Gregors II. und seine ganze Tätigkeit vor der Übernahme des Pontifikats vollzog sich unter Leitung von Männern der byzantinischen Kultur; auch hat er in der Bilderfrage Briefe mit dem Patriarchen Germanus gewechselt. So kommt es, daß in seinen Schriften byzantinische Ideen besonders stark durchklingen und daß er bei Verteidigung der Bilder nach byzantinischem Muster auch auf die Verbindung des Bilderproblems mit der Fleischwerdung Christi hinweist.[19] Bei seinen Nachfolgern sucht man vergeblich nach solchen Ideen.

Besonders eingehend hatte sich mit der Bilderfrage eben unser Papst Hadrian I. zu befassen gehabt. Den Anlaß dazu boten außer den Ereignissen in Byzanz auch die Angriffe gegen die Bilderverehrung aus dem Kreise Karls d. Gr. Gegenüber den byzantinischen Bilderfreunden und Bilderfeinden nahm Karl d. Gr. bekanntlich eine Mittelstellung ein. Indem er sowohl die Bildervernichtung als auch die Bilderverehrung ablehnte, wandte er sich gegen die Bestimmungen des Nikänischen Konzils mit einer scharfen Polemik, die ihre letzte Fassung in den Libri Carolini fand. Papst Hadrian I., der die Beschlüsse des Nikänischen Konzils gebilligt hatte, sah sich gezwungen, den Ansichten Karls d. Gr. entgegenzutreten und die Bilderverehrung ihm gegenüber in Schutz zu nehmen.[20]

Bei seiner Entgegnung bediente sich Hadrian der Akten des Nikänischen Konzils und schöpfte aus dem hier zusammengetragenen Material seine Argumente zugunsten der Bilder. Umso auffälliger ist es, daß er auch in diesem Falle von christologischen Argumenten keinen Gebrauch gemacht hat. An Argumenten dieser Art hat es in den Nikänischen Akten wahrlich nicht gefehlt, aber anscheinend sagten sie dem Papst nichts: sie entgingen seiner Aufmerksamkeit, ebenso wie sie auch der Aufmerksamkeit Karls d. Gr. entgingen. Die Idee einer Verbindung des Bilderproblems mit dem christologischen Dogma hat im Abendlande keinen Boden gefunden, sie blieb dem Abendlande fremd und unverständlich.

Der Briefwechsel Hadrians I. mit Karl d. Gr. ermöglicht aber noch eine weitere wichtige Feststellung. Bekanntlich ging Karl d. Gr. bei seiner Polemik gegen die Nikänischen Akten von einer lateinischen Übersetzung aus, die den Sinn dieser Akten im stärksten Maße entstellte, indem sie — neben vielen anderen groben Fehlern — die nikänische Unterscheidung zwischen Anbetung und Verehrung verwischte. Dadurch entstand der Anschein, als ob die Mitglieder des Nikänischen Konzils für die Bilder die gleiche

---

[19]) Eben in einem Schreiben an den Patriarchen Germanus, Mansi XIII, 96 AC; vgl. auch Mansi XII, 963 DE.

[20]) Zu den Libri Carolini und dem Briefwechsel zwischen Hadrian I. und Karl d. Gr. vgl. jetzt Wolfram von den Steinen, Quellen und Forschungen aus den italienischen Archiven und Bibl. XXI (1929/30) S. 1ff.

Anbetung gefordert hätten wie für die Gottheit selbst, und gerade gegen diese vermeintliche Anbetung der Bilder lehnte sich ja Karl d. Gr. mit besonderem Nachdruck auf. Eine Aufklärung des Mißverständnisses hätte Karl d. Gr. sicher nicht umgestimmt, aber seltsamerweise ist ihm eine Aufklärung auch gar nicht gegeben worden. Vergebens sucht man in der Entgegnung des Papstes nach einem Hinweis darauf, daß die Nikänische Synode weit davon entfernt war, eine Anbetung der Bilder zu dekretieren, daß Anbetung und Verehrung verschiedene Dinge sind, die nur der lateinische Übersetzer aus sprachlichem Unvermögen durcheinder geworfen hat. In seinem Traktat zitiert Hadrian I. nur einige dahingehende Sätze aus den Nikänischen Akten, gibt aber keine eigenen Darlegungen zu dem Thema, ebenso wenig wie er auf die Unvollkommenheit der Übersetzung hinweist. Wie schon früher vermutet wurde und wie Wolfram von den Steinen nunmehr einwandfrei bewiesen hat,[21] ging Hadrian I. von derselben Übersetzung der Nikänischen Akten aus, der sich auch die Gelehrten Karls d. Gr. bedienten. Daß diese Übersetzung grobe Fehler enthielt, ist dem Papst gar nicht aufgefallen: die Nikänischen Akten hat er in der Fassung akzeptiert, die ihnen die lateinische Übersetzung gab und der sicherlich kein griechisches Mitglied des Nikänischen Konzils jemals seine Zustimmung gegeben hätte. Das heißt: unbekannt und unverständlich blieb dem Papst die grundsätzliche Unterscheidung der Byzantiner zwischen der προσκύνησις λατρευτική, der anbetenden Adoration, die nur Gott zukomme, und der προσκύνησις τιμητική oder σχετική, der verehrenden oder relativen Adoration, die man den Bildern erwies und bei der die Adoration nicht dem Bilde selbst galt, sondern der auf dem Bilde dargestellten Person. Diese Unterscheidung blieb dem Papst ebenso fremd, wie die Lehre von der Begründung der Bilder durch die ἔνσαρκος οἰκονομία. Aber wiederum: unzugänglich war sie nicht etwa nur dem Papste Hadrian I., sondern der abendländischen Welt überhaupt.

Das läßt sich gerade an dem Beispiel Gregors II. zeigen, der mit den byzantinischen Ideen über die Bilderverehrung, wie wir gesehen haben, noch relativ gut vertraut war. Die beiden Briefe Gregors II. an den Bilderstürmer Leo III. sind nur in griechischer Übersetzung erhalten, und in dem Text, nach welchem diese Briefe ediert worden sind, findet sich wohl ein Hinweis darauf, daß man die Bilder »nicht anbetend, sondern nur relativ« (οὐ λατρευτικῶς, ἀλλὰ σχετικῶς) adorieren soll.[22] Dieser Umstand ist der Forschung schon lange aufgefallen und diente sogar als einer der Gründe für den Zweifel an der Echtheit der in Frage stehenden Briefe Gregors II. Mit Recht wurde darauf hingewiesen, daß der Papst als Abendländer solche Finessen der byzantinischen theologischen Spekulation schwerlich erfassen konnte.[23] Nun hat aber eine Untersuchung der handschriftlichen Überlieferung dieser Briefe gezeigt, daß die Gegenüberstellung von προσκύνησις λατρευτικῶς und προσκύνησις σχετικῶς in den älteren Handschriften gar nicht vorkommt und erst in jener Handschrift des 16. Jahrhunderts auftaucht, die zufällig früher entdeckt wurde als die älteren Handschriften und deshalb unseren Editionen dieser Briefe zugrunde liegt.[24] Der Hinweis, daß man die Bilder nicht λατρευτικῶς,

---

[21]) A. a. O. 11—24, vgl. auch 53ff.

[22]) Mansi XII, 963 C.

[23]) Schwarzlose a. a. O. 118.

[24]) Vgl. L. Guérard, Mélanges d'archéol. et d'histoire 1890, 44ff und meine Ausführungen in den Mélanges-Diehl I (1930) 235ff, wo ich zu zeigen suche, daß auch die übrigen Zweifel, die gegen

sondern nur σχετικῶς verehren soll, stammt also gar nicht von Gregor II., sondern von dem Kopisten der betreffenden Handschrift, dem Griechen Palaiokappa. In diesem Fall war es also nicht der Übersetzer, sondern erst der Kopist, der die — nach Ansicht der Griechen unzulänglichen — päpstlichen Ausführungen über die Bilderverehrung im byzantinischen Sinne zurecht gemacht hat.

Nach dem Gesagten braucht wohl nicht nochmals betont zu werden, wie bezeichnend und lehrreich alle diese Ergänzungen sind, die von griechischen Übersetzern und Kopisten in den Text der päpstlichen Belehrungen hereingeschmuggelt wurden.

Zusammenfassend ist zu sagen: Nach byzantinischer Auffassung bedeutet ein Bild, das Christus in seiner menschlichen Gestalt darstellt, eine Bestätigung der Realität und Vollkommenheit seiner Menschwerdung. Dem Wesen nach ist das Bild von der auf ihm dargestellten Person natürlich grundverschieden; dennoch besteht eine reale Verbindung zwischen dem Bild und dem Abgebildeten, dem Archetyp, dessen Gestalt und Namen das Bild zeigt. Deshalb geht auch — wie die byzantinischen Bilderfreunde im Anschluß an ein Wort Basilius d. Gr. immer wieder betonen — die dem Bilde erwiesene Ehre auf den Archetyp über: durch das Bild tritt man in Beziehung zu dem Archetyp des Bildes, dem die Verehrung und das Gebet gelten.

Dem Abendlande war diese ganze Ikonosophie unzugänglich, in der abendländischen Welt fand sie keinen Boden. Denn das Bild hatte für das Abendland lediglich didaktische und ästhetische, nicht aber, wie für Byzanz, auch dogmatische Bedeutung. Denn die Bilderverehrung war für das Abendland lediglich eine fromme Sitte, nicht aber, wie für Byzanz, eines der allerwichtigsten und tiefsten Ausdrucksmittel der Religiosität.

Eine Bilderfrage im byzantinischen Sinne hat das Abendland gar nicht gekannt. Das Problem wurde ihm von Byzanz aufgedrängt, und es ist nicht zu verwundern, daß der Westen sich in ihm nicht zurecht fand; die byzantinischen Ideen blieben ihm fremd und in ihrer Fremdartigkeit unverständlich. Die eigentliche Einstellung des Abendlandes zum Heiligenbild ist schon um 600 von Gregor d. Gr. klar und eindeutig formuliert worden: die Bilder sind nützlich, aber ein Gegenstand des Kultes sollen sie nicht sein, d. h. man darf sie zwar nicht vernichten, aber auch nicht verehren. Die Ereignisse im Osten — die im 8. Jahrhundert in Byzanz begonnene Vernichtung der religiösen Kunstwerke — zwangen dann die römische Kirche, sich mit der Bilderfrage näher auseinanderzusetzen, um den ikonoklastischen Ausschreitungen entgegenzuwirken. Es war die Opposition gegen die ikonoklastische Barbarei, die den Westen in das Lager der vorbehaltlosen Bilderfreundschaft hinüberführte — bis dann Karl d. Gr. die Rückkehr zum ursprünglichen Standpunkt erzwang und den alten Grundsatz Gregors d. Gr. wieder zur Anerkennung brachte: weder Vernichtung noch Verehrung der Bilder. Mag auch die römische Kirche sich später zu den Bestimmungen des ökumenischen Konzils von Nikäa wieder bekannt haben. Es genügt, daß Papst Hadrian I., dem es nicht gelungen war, eine Sinnesänderung Karls d. Gr. herbeizuführen, sich schließlich mit Karls adorationsfeindlicher Einstellung abfand: ebenso wie im Jahre 787 auf dem

---

die Echtheit der beiden Gregorbriefe erhoben wurden, nicht ausreichend sind. Korrekturzusatz: vgl. nun die neue Ausgabe der Gregorbriefe von E. Caspar, Zeitschr. f. Kirchengesch. LII (1933) S. 76, Z. 127. Auch Caspar hält beide Gregorbriefe für echt, nimmt aber in dem ersten Schreiben stärkere Interpolationen an, als ich a. a. O. es getan habe.

Nikänischen Konzil zwei Legaten Hadrians I. im Einvernehmen mit der byzantinischen Kirche die Bilderverehrung dekretiert hatten, sanktionierten sieben Jahre später zwei andere Vertreter desselben Papstes durch ihre Anwesenheit auf der Frankfurter Synode die von Karl d. Gr. durchgeführte Verurteilung der Nikänischen Konzilsbestimmungen und die Absage an die Bilderverehrung. Wie ist das zu erklären, wenn nicht dadurch, daß die Bilderverehrung für die abendländische Kirche eine tiefere religiöse Bedeutung nicht gehabt hat. Gewiß, es war nicht leicht, sich dem mächtigen Frankenkönig zu widersetzen, aber natürlich hätte sich der Papst auch Karl d. Gr. nicht gefügt, wenn das Bilderproblem für Rom — ebenso wie für Byzanz — eine Glaubenssache ersten Ranges gewesen wäre. Das war sie aber für den Westen nicht. Es möchte vielmehr scheinen, daß der eigentlichen abendländischen Auffassung am besten jener einfache und nüchterne Standpunkt gerecht wird, den schon Gregor d. Gr. vertreten hatte und auf dem Karl d. Gr. bestand: die religiöse Kunst hat ihre — gewiß nicht unwichtigen — didaktischen und ästhetischen Funktionen, aber darin erschöpft sich auch ihre Bedeutung. Jedenfalls steht ein solcher Standpunkt nicht in einem irgendwie unversöhnlichen Widerspruch auch zu der Anschauung der bilderfreundlichen Päpste von der Art Hadrians I., und deshalb konnte sich Hadrian, obschon schweren Herzens, mit ihm abfinden. Schweren Herzens, weil dadurch seine, des römischen Papstes, ehemalige Position desavouiert wurde, nicht etwa wegen des Problems selbst, das im Grunde unverstanden blieb.

Aber wie unendlich verschieden ist dieser Standpunkt von der Auffassung der Byzantiner, die bei Verteidigung der Bilder für das Grunddogma des christlichen Glaubens kämpften, denen eine Ablehnung der Bilder nichts geringeres bedeutete, als eine Gefahr für den Glauben an die Erlösung der Welt. Muß man da nicht sagen, daß die beiden Verbündeten, die römische und die griechische Kirche, bei ihrem gemeinsamen Kampf gegen den Bildersturm um verschiedene Ideale kämpften, daß die Einmütigkeit von Rom und Byzanz auf dem Nikänischen Konzil nur eine scheinbare war?

*

Aus der grundlegenden Verschiedenheit der Auffassung vom Sinn und Zweck des Bildes ergibt sich auch die Verschiedenheit der östlichen und der westlichen religiösen Kunst. Sofern nach byzantinischer Anschauung das Christusbild eine Bestätigung der Realität seiner Menschwerdung darstellt, sofern auch jedes Heiligenbild mit der auf ihm dargestellten Person realiter verbunden ist, muß das Bild die historischen Züge des Archetyps mit aller erreichbaren Genauigkeit wiedergeben. Daher das strenge Festhalten der östlichen Ikonenmalerei an den von altersher festgelegten ikonographischen Typen, die sie ohne jede Änderung wiederholt. Wandeln kann sich der Stil, die Malart, das Farbenspiel; der ikonographische Typus bleibt dagegen unwandelbar. Die unveränderte Wiederholung der als historisch wahr geltenden Typen und Kompositionen — das ist der einzige für die Ikonenkunst der östlichen Kirche gangbare Weg, sofern diese Kunst ihren religiösen Zwecken und Ideen treu bleiben will, sofern sie eben eine Ikonenkunst ist.[25]

---

[25]) Näheres darüber in: L'art byzantin chez les Slaves I (1930) 393 ff.

Ganz anders im Abendlande, wo diese Gesichtspunkte naturgemäß zurücktreten, da die ideellen Voraussetzungen hierfür fehlen. Die Phantasie des Künstlers erhält einen viel weiteren Spielraum, das Bild wird einem menschlich näher gebracht, indem es mit dem Milieu des Künstlers und des Zuschauers zusammenwächst, indem die Personen der heiligen Geschichte in dieses Milieu hereinwachsen, nach konkreten menschlichen Vorbildern dargestellt und demgemäß auch variiert werden. Es tritt allmählich eine gewisse Säkularisierung der religiösen Kunst ein, wogegen im Osten das religiöse Bild für alle Zeiten seinen liturgischen Charakter behält und ein Element des Kirchenkultes bleibt.

Während die östliche Ikone in ihrem Wesen sowohl von der Epoche als auch von dem Milieu ihrer Entstehung unberührt bleibt und selbst die Individualität des Malers sich unterwirft, ist das abendländische religiöse Gemälde von seiner Epoche und Umgebung untrennbar und schöpft aus der Individualität des Künstlers seine eigentliche Kraft. Während die östliche Ikone gewissermaßen als Bindeglied zwischen Diesseits und Jenseits dient und ein Inbeziehungtreten zu dem Archetyp ermöglichen soll, sucht das abendländische religiöse Bild, durch die Kraft der künstlerischen Ausdrucksmittel auf das religiöse Empfinden zu wirken und eine fromme Stimmung zu erwecken.

Daher die viel größere Lebendigkeit, der Reichtum an Bewegung und Abwechslung in der religiösen Kunst des Abendlandes, in der östlichen Ikonenmalerei aber die größere Strenge und unverwischte Reinheit des ikonographischen Typus. So erzeugt die Verschiedenheit der geistigen Einstellung auch die Verschiedenheit und die Eigenart des künstlerischen Wirkens.

Georg Ostrogorsky.

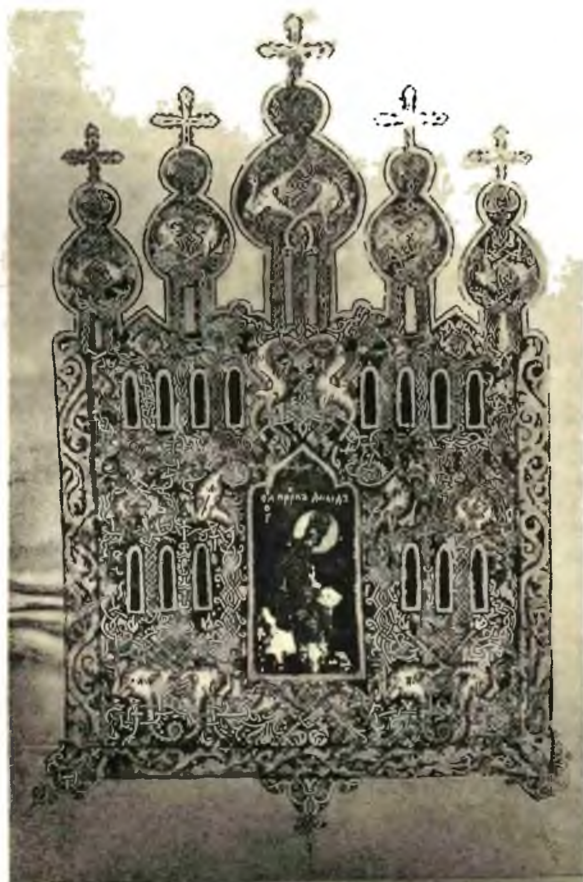
Breslau.

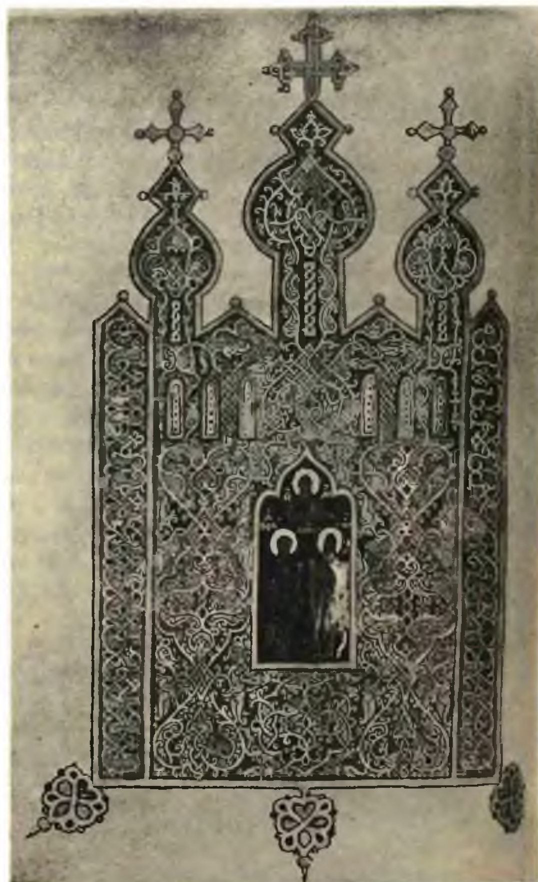
1

2

3

4

DAS TIERGEFLECHT
IN DER NORDRUSSISCHEN BUCHMALEREI

II. TEIL

1. Ausbreitung.

Das Tiergeflecht hat sich von Nowgorod allmählich nach Osten [1] und Westen bis an die Landesgrenzen [2] und sogar besonders früh im Südwesten bis auf den Balkan [3] ausgebreitet. Dabei durchsetzte es sich mit fremden Stilelementen und Motiven. Vor allem in Smolensk, das im XIV. Jahrhundert mehrere bedeutende Werke der Buchkunst hervorgebracht hat, kam es zu folgenschweren Berührungen mit der westeuropäischen Buchmalerei.

---

[1]) Vgl. I. Teil, S. 94, Anm. 120.

[2]) Vgl. W. Stassoff, L'ornement slave et oriental d'après les manuscrits anciens et modernes, St. Petersbourg 1887, Taf. LXXXIX, 22—30 und XC, 1—6, Evangeliar von Mstije (Dorf bei Wilna), Wilna, Öffentl. Bibl. Fol. Perg. Nr. 3, XIV. Jahrh. Weitere Beispiele ebendort. A. I. Nekrasow hat 1929 in der »Russischen Assoziation der wissenschaftlichen Forschungsinstitute« (Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук [РАНИОН]) in Moskau einen Vortrag über »Das weißrussische teratologische Ornament der Epoche des Feudalismus« gehalten und das Manuskript dem Verfasser freundlicherweise zu Einsichtnahme und Verwendung zur Verfügung gestellt. Im dritten und abschließenden Teil der vorliegenden Arbeit, der im Seminarium Kondakovianum Bd. VII erscheinen soll, wird im Rahmen einer Auseinandersetzung mit der einschlägigen Fachliteratur auf diesen und einen anderen, 1927 an gleicher Stelle gehaltenen wichtigen Vortrag Nekrasows über den Stil der russischen Buchmalerei näher eingegangen werden. Nekrasow berührt sich in seinem Vortrag von 1929 mehrfach mit den Ergebnissen der folgenden Untersuchung. Er beobachtet die Durchsetzung des Nowgoroder Tiergeflechts mit naturalistischen Figuren westeuropäischen Charakters im Evangeliar von Mstije, sucht aber diese Erscheinung nicht historisch oder kunstgeographisch, sondern soziologisch zu erklären. Im selben Zusammenhang behandelt er den aus Smolensk stammenden, sogenannten »Psalter von Archangelsk« und den Psalter, Leningrad, Öffentl. Bibl. I. Fol. Perg. Nr. 2 (s. im Folgenden S. 90f.), in dem er eine weißrussische Arbeit erkennt. Von dem letzteren Werk sagt er ausdrücklich, daß es bei Stasow irrtümlicherweise als nowgorodisch bezeichnet wird und betont die Eigenart seines Stiles und seiner Motive. Eine Lokalisierung nach Smolensk gibt er jedoch nicht und gelangt auch nicht zur Aufstellung einer eigenen Smolensker Schule innerhalb des Sammelbegriffs der weißrussischen Ornamentik.

[3]) Vgl. Stasow, Taf. IV, 1—24, Bulgarischer Psalter von Ochrida, Bologna, Qu. Perg.; früher irrtümlich Ende XII. Jahrh. datiert, entstanden zwischen 1230 und 1245. Siehe: V. Jagić, Словеньская псалтырь. Psalterium bononiense, Wien, Berlin, St. Petersburg 1907, S. 97/98. Dazu: В. Н. Щепкинъ, Болонская псалтырь (W. N. Schtschepkin, Der Psalter von Bologna), St. Petersburg 1906. — Stasow, Taf. XIX, 1, Serbisches Hexameron des Johann, Exarch von Bulgarien, Moskau, Syn. Bibl. Fol. Perg. Nr. 354, entstanden 1263. Weitere Beispiele ebendort.

Der sogenannte »Psalter von Archangelsk«, geschrieben 1395 in Smolensk[4] bietet die Handhabe, eine ganze Reihe weiterer Handschriften zu lokalisieren. Die Titelseite, Bl. 1 v. (Taf. III, Abb. 3), zeigt ein dekoratives Schema, das sich von dem der gesicherten Nowgoroder Beispiele charakteristisch unterscheidet. Es ist eine Fünfkuppelkirche mit doppelt geschweiften Zwiebeln gegeben, die zwar auch mit Tiergeflecht gefüllt ist, aber trotzdem deutlich die Fassade mit ihren Fensteröffnungen zur Anschauung bringt. Unverkennbar aus der gleichen Schule stammt das Titelblatt einer Apostelgeschichte[5] (Taf. III, Abb. 2). Neben ihrer engen Verwandtschaft in Umriß und Einteilung zeigen sie die gleichen ornamentalen Eigenheiten: rechtwinklige Knotenbildung (Schlingenkreuze), Engführung des Geflechts und Zweiergruppen von dickbäuchigen Vogelwesen mit überlangen, dünnen, gekreuzten Hälsen. Die Vogelgruppen treten besonders in den Kuppeln auf, während bei den typisch Nowgoroder Beispielen, wie dem Psalter von Konewski (I. Teil, Taf. V, Abb. 4) die Kuppeln nur mit Bandgeflecht gefüllt sind. Die Schlingenkreuze finden sich auf einem Seitentitel des bereits als nordwestrussisch erkannten Psalters, Leningrad, Öffentl. Bibl. I, Fol. Perg. Nr. 2, Bl. 169 v., wieder (vgl. I. Teil, S. 68, Anm. 18, sowie Taf. V, Abb. 3). Die Parallele mit dem »Psalter von Archangelsk« wird noch bedeutsamer, wenn man die figürlichen Initialen der beiden Schriftdenkmäler mit einander vergleicht (s. u. S. 91 f.). Man wird den Psalter der Öff. Bibl. um so eher der Schule von Smolensk zurechnen, als er durch Subskription als Weihegabe an »die Kirche des reinsten Erzengels Michael« zur Erinnerung an den Fürsten Gleb von Smolensk bezeichnet wird. Allerdings geschah die Übergabe erst 1431. Die Spenderin war Glebs Witwe Uljana, »als Nonne Helene genannt«. Fürst Gleb Swiatoslawitsch fiel August 1399 im Kampfe mit den Tataren. (Angaben des handschriftl. Katalogs der Öff. Bibl. S. 2). Der Psalter ist das früheste Stück der ganzen Gruppe. Aus stilgeschichtlichen Erwägungen werden wir seine Entstehungszeit auf das beginnende 2. Viertel des XIV. Jahrhunderts präzisieren (s. u. S. 97). Gestaltlich schließt sich der Smolensker Psalter unmittelbar an einen 1296 in Riasan geschriebenen Psalter (I. Teil, Taf. VI, Abb. 3) an. So wird z. B. der »Peltenvierpaß« von der kreisförmigen Bekrönung der abgebildeten Riasaner Zierleiste in der Kuppel des Smolensker Torbaues (I. Teil, Taf. V, Abb. 3) weitergebildet.[6] Aber auch die Giebelkonstruktion des Torbaues findet ihre Entsprechung in einer Zierleiste des Riasaner Psalters (Bl. 29 r., Stasow, Taf. LXXXIV, 18). Schließlich sei noch auf eine weitere mit einem Torbau versehene Zierseite des Smolensker Psalters verwiesen

---

[4]) Vgl. I. Teil, S. 68, Anm. 18. Dazu: Б.К. Богуславскій, Замѣчательный памятникъ древней смоленской письменности XIV в. и имѣющійся въ немъ рисунокъ символико-политическаго содержанія (G. K. Boguslawski, Ein bemerkenswertes Denkmal des alten Smolensker Schrifttumes im XIV. Jahrhundert mit einer Zeichnung von symbolisch-politischem Gehalt) in: Древности (Altertümer...) Bd. 21, Lieferg. 1, Moskau 1906, S. 77—88 und Taf. XII—XX. Unsere Abbildgn. Taf. III, 3 u. 4, nach Boguslawski, Taf. XII.

[5]) Leningrad, Öffentl. Bibl., I. Qu. Perg. Nr. 5, Bl. 1 verso. Stasow, Taf. LXI, 1 u. 2. Keine inschriftliche Datierung und Lokalisierung. Срезневскій, Древніе памятники русскаго письма (Sresnjewski, Alte Denkmäler russischen Schrifttumes), St. Petersburg 1898, setzt die Entstehung um 1350 an, was wohl 40 Jahre zu früh gegriffen ist. Stasows S. 22 ohne Begründung gegebene Lokalisierung nach Nowgorod und Datierung ins XIII. Jahrhundert müssen angesichts der gestaltlichen Übereinstimmungen mit dem »Psalter von Archangelsk« fallen.

[6]) Vgl. Anm. 1. Dazu im Einzelnen: Born, Östliche Einflüsse in der nordrussischen Buchmalerei, Josef Strzygowski-Festschrift, Klagenfurt 1932, S. 20 u. Abb. 10—12.

(Stasow, Taf. LXXI, 1). Diese wiederholt in ihren Kuppelkrönungen fast genau die kuppelförmigen Abschlüsse einer anderen Zierleiste aus dem Psalter von Riasan (Bl. 61 r., Stasow, Taf. LXXXIV, 17). Bei der Ausbildung des Smolensker Lokalstiles hat also Riasan zweifellos eine ausschlaggebende Rolle gespielt. Die Enstehung der Schule von Smolensk fällt (wenn wir den Smolensker Psalter zur Grundlage unseres Zeitansatzes nehmen) in die Zeit, in der das benachbarte Litauen von dem Fürsten Gedimin (1316—41) regiert wurde. Gedimin machte aus Litauen ein starkes Reich mit blühenden Städten. Er selbst war Heide, öffnete jedoch dem Einfluß der russischen Kultur und damit der orthodoxen Kirche bereitwillig sein Land. Smolensk war zwar seit dem Ende des XII. Jahrhunderts selbstständiges Fürstentum, zersplitterte sich aber bald in kleine Teilfürstentümer. Dadurch geriet es, als sich im XIV. Jahrhundert die Nachbarstaaten Litauen und Moskau zu Großmächten entwickelten, unter den Einfluß dieser beiden Staaten. Litauen trug schon um die Mitte des Jahrhunderts den Sieg davon. Der westliche Teil des Gebietes von Smolensk geriet bereits zu Ende der Fünfzigerjahre politisch an Litauen, 1395 folgte der Rest mit der Hauptstadt Smolensk selbst, so daß das Ende dieses Pufferstaates besiegelt war. Kulturell vorbereitet war die Verbindung von Smolensk mit dem Westen durch die ethnische Zusammengehörigkeit der weißrussischen Bevölkerung, die teilweise auf dem Gebiet von Litauen, teilweise auf dem von Smolensk ansässig war.[7] Unter diesen Umständen ist es einleuchtend, daß die Schule von Smolensk Züge trägt, die der gesamten weißrussischen Produktion in Litauen gemeinsam sind, andrerseits aber auch mit dem Osten in Verbindung blieb. Die grundlegende Abhängigkeit der Ornamentik vom Norden, also von Nowgorod, braucht nicht näher beleuchtet zu werden. Besonders deutliche Fäden ziehen sich nach Riasan, der Hauptstadt des gleichnamigen, südöstlichen Nachbarfürstentumes. Das Fürstentum Riasan aber grenzte damals unmittelbar an tatarisches Gebiet. Daraus erklärt sich der Reichtum an asiatischen Motiven (Palmetten und eingerollten Dreiblättern), die dem Riasaner und Smolensker Psalter ihr »barockes« Gepräge verleihen.

Der Seitentitel aus einem Fastenbuch des Basilius des Großen (Taf. IV, Abb. 2)[8] hat mit dem Torbau des Smolensker Psalters (I. Teil, Taf. V, Abb. 3) die Leiste mit den eingerollten Dreiecken, mit dem ebenfalls Smolensker »Psalter von Archangelsk« (Taf. III, Abb. 3) die Kuppelfüllung aus Vogelpaaren mit gekreuzten Hälsen gemeinsam. Beides zusammen spricht unbedingt für Smolensk als Schriftheimat.

Zweifellos gehört zu dieser Gruppe auch das Stundenbuch des Moskauer Zentralarchivs (I. Teil, S. 67 und Taf. V., Abb. 1) mit seiner fünfkuppeligen Silhouette, seiner geschlossenen Front und dem enggeführten, von kreuzartigen Knoten (Schlingenkreuzen) stark durchsetzten Tiergeflecht. Allen diesen Blättern ist das Fehlen der für Nowgorod so charakteristischen Ringe im Tiergeflecht gemeinsam (vgl. I. Teil, S. 67). Unter gewissem Einfluß dieser Schule steht der Nowgoroder Psalter der Öff. Bibl. Leningrad, I. Fol. Perg. Nr. 3, dessen Titelblatt (Taf. IV, 1) Vogelpaare in den Kirchenkuppeln aufweist (vgl. I. Teil, S. 70 und Taf. VI, Abb. 2). Nun kommen gerade in zwei

---

[7]) Platonow, a. o. I. Teil, S. 76, Anm. 53, a. O. S. 109 ff. — Ch. Schieman, Rußland, Polen und Livland bis ins XVII. Jahrhundert, I. Bd., S. 238 ff. u. 287, in: Wilhelm Oncken, Allgemeine Geschichte in Einzeldarstellungen, Berlin 1886.

[8]) Leningrad, Öffentl. Bibl. Fol. Perg. Nr. 40, Bl. 38 r. Kein inschriftlicher Hinweis auf Entstehungsort und -zeit. Laut handschr. Kat. der Bibl. im XIV. Jahrhund. entstanden.

von diesen Smolensker Handschriften, dem »Psalter von Archangelsk« und dem Psalter Öffentl. Bibl. Fol. Perg. Nr. 2, besonders viele Genredarstellungen in den Initialen vor, so z. B. im letzteren auf Bl. 250 v. (Stasow, Taf. LXXI, 4) ein Paar streitender Fischer mit Netz, über deren Köpfen sogar ihr Dialog schriftlich angegeben ist (vgl. I. Teil, S. 68, Anm. 18), oder auf Bl. 147 v. (Taf. V, Abb. 5) ein Falkner. Die bei Boguslawski (s. o. Anm. 4) abgebildeten Initialen des »Psalters von Archangelsk« zeigen Figuren von eng verwandtem Typus und sehr ähnlicher Kleidung. Alle diese Darstellungen fallen aus dem Motivenschatz des reinen Nowgoroder Tiergeflechtes heraus. Wir werden für ihre Ausbildung die Schule von Smolensk in Anspruch nehmen dürfen.

Litauen war, trotz der östlichen Orientierung seiner Herrscher in der ersten Hälfte des XIV. Jahrhunderts, schon durch seine geographische Lage der Einwirkung Mitteleuropas ausgesetzt. Deutsche Prediger verbreiteten bereits zur Zeit des russischen Einflusses den Katholizismus. 1386 erfolgte die Vereinigung Litauens mit Polen und der Übertritt der Dynastie zur römischen Kirche. Damit gelangte die westliche Unterströmung in Litauen zur Vorherrschaft.

Die Zugehörigkeit von Smolensk zu Weißrußland bedingte von vornherein den Einstrom von Kulturwerten, die durch die litauische Herrschaft zunächst über den westlichen Teil des weißrussischen Gebietes vermittelt wurden. Dadurch erklärt sich hinreichend die Übernahme fremdartiger Motive, wie der Initiales historiées. Wenn nun auch gelegentlich einzelne menschliche Figuren im Tiergeflecht der Nowgoroder Bücher auftreten, so darf man das dem Einfluß von Smolensk zuschreiben. Schon Stasow[9] empfand diese Figürchen in ihrer Zeittracht als Fremdkörper in der Tiergeflechtausstattung der russischen Bücher. Seine Annahme, es handele sich dabei um die Übernahme friesartigen Darstellungen von runden Gegenständen, blieb jedoch unbewiesen. Immerhin ließen sich Tauschierarbeiten südrussischen Stilcharakters wie das Armband aus dem Schatzfund von Twer (Taf. V, Abb. 8, XII. Jahrhund.)[10] zum Vergleich heranziehen. Dort kommen Figuren und Fabeltiere von persischem Charakter mit nordischen Doppelkonturen und Flechtbändern vereinigt vor. Es ist anzunehmen, daß diese figürlichen Elemente in die südrussischen Silberarbeiten aus der »postsassanidischen« Metallkunst gelangt sind. Die islamischen Nachbargebiete von Südrußland haben noch Jahrhunderte nach dem Fall des Sassanidenreiches den Motivenschatz und die Techniken des iranischen Kunsthandwerks beibehalten. Auf diesem Wege konnte zusammen mit Ornamentmotiven aus dem Tierreich, wie den gegenständigen Vögeln der »Kolte« (Ohrgehänge) (I. Teil, S. 70, Abb. 3 und Taf. VII, Abb. 1), auch die dekorative Verwendung der menschlichen Gestalt dem nordrussischen Buchmaler vertraut werden. In einem vom westlichen Naturalismus berührten Milieu wären diese altüberlieferten Figuren dann durch Ausstattung mit zeitgenössischer Tracht dem

[9]) Stassoff, Tableaux et compositions cachées dans les initiales des anciens manuscrits russes, St. Petersburg 1884.

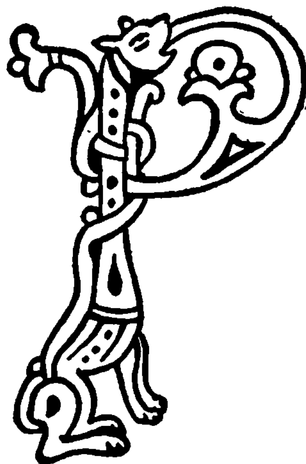
[10]) Nach Айналовъ, Тверскіе клады (Ainalow, Der Schatz von Twer), Записки отдѣленія русской и славянской археологіи (Denkschriften der Sektion für russische u. slavische Archäologie), Bd. XI, Petrograd, 1915. Dort irrtümlich XIII.—XIV. Jahrhdt. datiert. Ein fast übereinstimmendes Armband aus dem Schatzfund von 1903 im Michael-Kloster in Kiew (Moskau Hist. Mus.), ist nach mündl. Auskunft durch Prof. Oreschnikow (Орѣшниковъ), Moskau, durch eine mitgefundene Silber-Griwna ins XII. Jahrhund. datierbar.

Empfinden der Epoche nähergebracht worden. Smolensk käme als Schauplatz für eine solche Synthese am ehesten in Betracht.

Für die stil- und kulturgeschichtliche Untersuchung des Tiergeflechts dürfen wir das Ausbreitungsgebiet des Tiergeflechts zusammenfassen, soweit gestaltliche Übereinstimmungen die Abweichungen der Schulen überwiegen. Zumal die Buchmalerei von Smolensk ist durch Übergangswerke mit Nowgorod aufs engste verknüpft.

2. *Stilwandlung.*

Die nordrussische Buchornamentik bildet, stilgeschichtlich aufgefaßt, die Endphase der Entwicklung des nordeuropäischen Tierornamentes. Es ließe sich also der Entwicklungsablauf dieses Stiles durch ein volles Jahrtausend (vom V. bis zum XV. Jahrh.) verfolgen, wenn man die slavische Spätzeit im Zusammenhang mit den früheren germanischen und irischen Kunstdenkmälern betrachtet.[11] Nun setzt aber die russische Buchmalerei nicht genau da ein, wo die skandinavischen Holzschnitzer und Metallarbeiter aufgehört hatten. Wir haben uns den Vorgang so vorzustellen, daß der Nowgoroder Buchmaler die Holzschnitzereien älterer Kirchen, die ihm vor Augen standen, in die Handschriftenausstattung übertrug und daß profane Metallarbeiten ebenfalls auf die Buchornamentik einwirkten. Damit waren gestaltliche und formale Elemente von verschiedener Entstehung und Entwicklungsstufe in ihrer Verwendung einander gleichgestellt. Dazu kommt noch, daß die Übung des Abschreibens und Kopierens ein Gegengewicht gegen die Stilwandlung bildete. Endlich muß noch die Verschiedenheit der Schulen und Schreibstuben in Rechnung gestellt werden.

Abb. 1.

Tierbuchstaben mit Flechtbändern treten auf russischem Boden zuerst im Jurjew-Evangeliar (also zwischen 1119 und 1128) auf (Textabb. 1).[12] Die Tierkörper sind zwar schon ganz in den Buchstabenkörper übergegangen, aber noch nicht in Bandgeflecht aufgelöst. Die Farbe ist einheitlich rot. In der irischen Buchmalerei hat die Gleichsetzung von Tierkörper und Buchstabenkörper in der zweiten Hälfte des X. Jahrhunderts stattgefunden.[13] Im XI. Jahrhundert bildet Irland seine Tierinitialen im Sinne weitergehender Durchsetzung durch Bandgeflecht um.[14] Aus dem Jahre 1138, also kurz nach der Entstehungszeit des Jurjew-Evangeliars, stammt das irische Evangeliar London Harley 1802 mit Initialen aus eng

---

[11]) Vgl. Bernhard Salin, Die altgermanische Tierornamentik, Stockholm 1904; J. Brøndsted, Early English ornament, London, Copenhagen 1924; ders., Die Kunst des Ostens und die Entstehung der altgermanischen Tierornamentik, aus: Congressus Secundus Archaeologorum Balticorum. Rigae, 19.—23. VIII. 1930; Margaret Stokes: Early christian art in Ireland, Dublin 1928.

[12]) Nach Stasow, Taf. LIV, 22. — Vgl. I. Teil, S. 64, S. 74/75, sowie Taf. IV., Abb. 2.

[13]) Vgl. Zimmermann, Vorkarolingische Miniaturen, Berlin 1916, Taf. 212 *b)*, Fol. 69 *b*, Psalter aus St. Johns College, Cambridge.

[14]) Vgl. Zimmermann a. a. O. Taf. 214. Trin. Coll. 50, Ricemarchus-Psalter, *c)* Fol. 35 *a*, zwischen 1086 und 1096.

verflochtenen Tierkörpern.[15] Die Entwicklung lief in Irland der russischen voraus. Es handelt sich aber in Irland im Gegensatz zu Rußland um das Ende einer Stilentwicklung. Wenn sich nun zwischen beiden Gebieten gewisse formale Übereinstimmungen feststellen lassen, so bedeutet das keineswegs eine künstlerische Abhängigkeit Rußlands von Irland, sondern eine für ganz Nordeuropa geltende Gemeinsamkeit des stilistischen Ablaufs. Diese Gemeinsamkeit klingt allerdings mit der Überflutung des Nordens durch die Formenwelt des romanischen Stiles im Laufe des XII. Jahrhunderts mehr und mehr ab.

Die nächste Entwicklungsstufe ist mit dem Dobrilo-Evangeliar von 1164 gegeben (Textabb. 2).[16] Das Geflecht hat den Tierkörper bereits so stark durchsetzt, daß sein Bau nicht mehr klar zum Ausdruck kommt. Die Initialen bleiben dabei noch rot. Fortschreitende Vereinheitlichung von Tierkörper und Bandgeflecht zeigt ein Messebuch aus dem Ende des XII. Jahrhunderts (Textabb. 3).[17] Einen entscheidenden Schritt weiter geht der Schreiber eines Prophetologions aus dem Jahre 1271 (Taf. V, Abb. 1).[18] Die Körper gehen nicht nur unmittelbar in Flechtbänder über, sondern sie sind aus grünem Grunde ausgespart und haben grünliche Binnenzeichnung. Wieder einen Grad weiter in der Auflösung der Tiere geht ein Apostelbuch (Taf. V, Abb. 2).[19] Die farbige Haltung ist die gleiche. Mit dem Psalter aus Riasan v. Jahre 1296 (Taf. V, Abb. 3. Vgl. Anm. 5) ist der für die Blütezeit der nordrussischen Buchmalerei charakteristische Farbklang festgelegt: Rote Umrisse, gelber Innenrand, grünliche Binnenmusterung, blauer Grund. Wesentliche Bereicherung bringt der Smolensker Psalter (Taf. V, Abb. 4).[20] Mit diesem Schriftdenkmal sind wir in das zweite Viertel des XIV. Jahrhunderts gelangt. Das Ornamentsystem ist ausgereift. Alle Einzelglieder sind zu einem neuen, von einheitlichem Rhytmus durchströmten Organismus verschmolzen. Die farbige Erscheinung ist aufs feinste ausgewogen. Die nowgorodische Fassung dieses Initialentypus, die in der

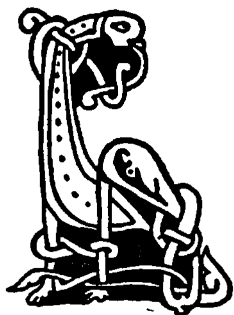

Abb. 2.

Abb. 3.

[15]) Zimmermann a. a. O., Taf. 216 *b)*, Fol. 10 *a*.

[16]) Nach Stasow, Taf. LVII, 12. VgL. I. Teil, S. 64. — Prof. I. Swenzizkyj (Lemberg) vertritt in einem an den Verfasser gerichteten Brief die Ansicht, daß nach neuen etymologischen Untersuchungen die Schriftheimat des Dobrilo-Evangeliars in Nowgorod zu suchen sei. Der Mischcharakter der Ausstattung des Werkes spricht allerdings mehr für ein südliches Ausbreitungsgebiet, als für den nordischen Herd des Tiergeflechtes. Immerhin wäre es möglich, daß bei einem solchen Frühwerk auch in Nowgorod noch starke auswärtige (südliche) Einflüsse mitspielen könnten.

[17]) Nach Stasow, Taf. LI, 12; Leningrad, Öffentl. Bibl. I, Qu. Perg. Nr. 518 (ehem. Bibl. der geistl. Akad.), Bl. 35 recto. Nowgorod oder Pskow. Lokalisierung nach sprachlichen, Datierung nach paläographischen Indizien laut mündl. Auskunft von Dr. Heimann, Bibliothekar an der öffentl. Bibl. Leningrad.

[18]) Leningrad, Öffentl. Bibl. I. Qu. Perg. Nr. 13, Bl. 15 r. Nowgorod. Laut späteren Inskriptionen Bl. 73 v. u. 91 v. für die Kirche der Hlgn. Boris und Gleb von Matigorie (im Gebiet der Dwina) 1271 in Nowgorod geschrieben. Schreiber: Onuphrios, Priester von St. Demetrius und sein Sohn Zacharias.

[19]) Leningrad, Öffentl. Bibl. I. F. Perg. Nr. 22, Bl. 13 r. Geschrieben laut Subskription im Kloster des Hlgn. Josef in Wolokolamsk. (Dieses gehörte im XIII. Jahrhundert zu Nowgorod.) Paläographisch ins XIII. Jahrh. datiert. Stilkritisch ins letzte Viertel desselben zu setzen.

[20]) Bl. 1 v. — Vgl. I. Teil, S. 68 und Taf. V Abb. 3.

zweiten Hälfte des XIV. Jahrhunderts herrscht, ist uns bereits in einem Psalter des Auferstehungsklosters (I. Teil, Taf. III, Abb. 4 und 6) und einem Psalter der Leningrader Öffentl. Bibliothek (ebendort, Abb. 5) begegnet. Das Schema ist das gleiche, die Formgebung weniger »barock«, als in Smolensk. Schwanz und Flügel werden zu Bändern ausgedehnt, die den Körper umwickeln, zersetzen und zu einer Art ornamentalem Knoten verknüpfen. Für die optische Wirkung ist der blaue Grund des »Tiefendunkels« ausschlaggebend.[21]

Die Vorstellung die wir uns vom Ablauf der Stilentwicklung an der Hand einzelner Initialen machen konnten, bereichert und vertieft sich angesichts der Zierleisten. Die Zierleiste des wahrscheinlich 1157 entstandenen Nowgoroder Stichirars (I. Teil, Taf. VII, Abb. 6),[22] enthält bereits Bandgeflecht von nordischer, asymmetrischer Linienführung. Zu dem Rot der Umrisse und des Grundes tritt eine Binnenzeichnung von schwarzen Strichen und Punkten. In der ersten Hälfte des XIII. Jahrh. entstanden ist ein Evangeliar der Leninbibliothek in Moskau (Textabbild. 4).[23] Hier treten als Neuerung gegenständige Vögel auf, deren verlängerte Schwänze in Tierköpfe ausgehen ein Motiv, das schon auf dem armenischen sogenannten »Lemberger« Evangeliar von 1198 vorkommt[24] und auf russischem Boden eine bedeutende Entfaltung erfahren hat. Es übernimmt entwicklungsgeschichtlich die Rolle, ornamentale Neubildungen aus den fragmentarischen Resten der aufgelösten Tierkörper zu ermöglichen. Die farbige Ausstattung ist noch auf Rot und Schwarz beschränkt. Das Nowgoroder Evangeliar von 1270 (I. Teil, Taf. VII, Abb. 5; vgl. o. Anm. 23) geht darüber

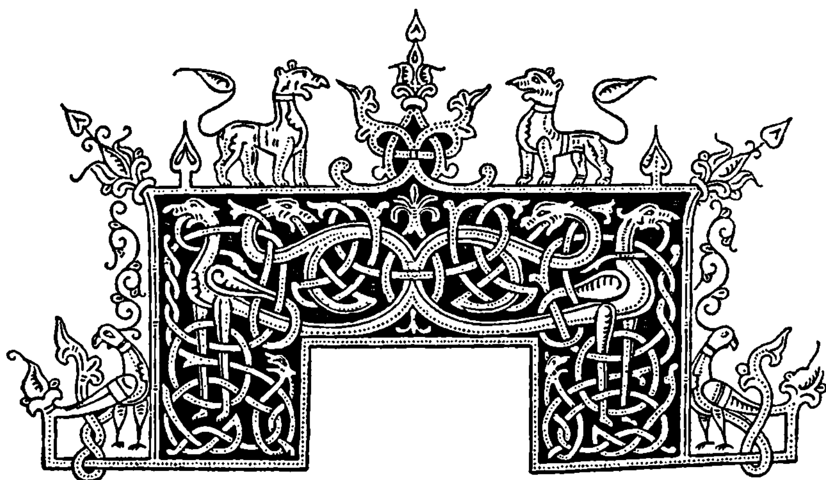

Abb. 4.

---

[21]) Vgl. I. Teil, S. 73.

[22]) Vgl. I. Teil, S. 92.

[23]) Fol. Perg. Nr. 104, nach Butowski, I. Bd. Taf. XXVII. — Vgl. I. Teil, S. 86 Anm. 95. Die bei Wostokow gegebene Datierung: Ende XII. oder Anfang XIII. Jahrh., die auch im handschriftl. Katalog der Leninbibliothek übernommen ist, werden wir auf das 1. Viertel des XIII. Jahrhunderts präzisieren. Stilistisch gehört das Blatt nach Nowgorod. Bei Sabas, episcopus Mojaisky, Specimina palaeographica codicorum graecorum et slavonicorum bibliothecae Mosquensis Synodalis saec. VI—XVII, Moskau 1863, findet sich auf Taf. 24, eine Zierleiste aus einem Trypologion (Nr. 895, 1 r.) des Jahres 1252 abgebildet, die einen ähnlichen und sogar einfacheren Typus vertritt. Diesem wiederum ist die Zierleiste von 1270, I. Teil, S. 90, sowie Taf. VII, Abb. 5 so eng verwandt, daß ich sie wenigstens in der Zeichnung a. a. O. Anm. 95 als Kopie eines Originals aus der Jahrhundertmitte aufgefaßt habe. — S. auch Nekrasow, Studien... S. 3, 22, 49, 50. Ders., Ursprung .. S. 177—190 und pass.

[24]) Vgl. I. Teil, S. 70 Anm. 27

durch die Einführung gelben und grauen Grundes, sowie grünlicher Binnenzeichnung hinaus. An die Stelle der flächenhaften Auffassung tritt — zunächst unsicher — das tiefenhafte Sehen. Klarer kommt der neue Stilwille bei dem oben erwähnten Nowgoroder Apostelbuch (vgl. Anm. 19) zum Ausdruck. Die Zierleiste Bl. 1 v. (Taf. V, Abb. 7) zeigt das ausgebildete Tiergeflecht auf einheitlich graugrünem Grund mit roten Umrissen und grüner Binnenzeichnung. Heftige Bewegung erfüllt die Zeichnung. Die Entstehung ist zwischen das Evangeliar von 1270 und den Riasaner Psalter von 1296 zu setzen. Der letztere hat bei verwandtem Bewegungsstil bereits den blauen Grund, der die »schattenlose Tiefe«[25] der angestrebten Raumwirkung versinnlicht. Anzuschließen ist der Smolensker Psalter aus dem beginnenden 2. Viertel des XIV. Jahrhunderts (vgl. die Zierleiste Bl. 8 r. bei Born, Vor- und frühgeschichtliche Voraussetzungen... Taf. VIII, Abb. 2) mit seiner üppigen und eleganten Ornamentik. In unmittelbare stilistische Nachbarschaft mit diesem Schriftdenkmal gehört ein Nowgoroder Messebuch (Taf. V, Abb. 9),[26] das durch seine minutiöse Durchbildung und gewisse Einzelheiten, wie die ombrierten Streifen der Binnenmusterung, eine Sonderstellung unter den übrigen verhältnismäßig derben Erzeugnissen seiner Schule einnimmt (gegen 1350 anzusetzen). In den Beginn der zweiten Hälfte des XIV. Jahrh. gehört der Nowgoroder Psalter (I. Teil, Taf. VI, Abb. 2), den wir unserer Formuntersuchung zugrundegelegt haben.[27] Das Schema ist einfacher. Die Ornamentfiguren setzen sich als scharfe Helligkeit gegen das tiefe Blau ab. Das Titelblatt (1 v., Taf. IV, Abb. 1) enthält figürliche Motive, die sich teilweise auf der Kopfleiste eines Nowgoroder Evangeliars von 1362 (Taf. V, Abb. 10)[28] wiederfinden: zwei halbmenschliche Wesen, die einander gegenüberstehen und durch wagerechte, unter ihren Achseln laufende Bänder verknüpft sind. Dasselbe Motiv wird in der Zierleiste eines i. J. 1389 ebenfalls in Nowgorod enstandenen Messebuches (I. Teil, Taf. VI, Abb. 4)[29] verwendet. Die Figuren sind gegenüber dem vorigen Blatt bedeutend weiter zerfallen, die Symmetrie ist sichtlich unterbrochen. Wir werden also im dritten Viertel des XIV. Jahrhunderts den Höhepunkt des Verflechtungsprozesses anzusetzen haben. Um 1400 macht sich eine Gegenbewegung geltend. Die Kopfleiste des Nowgoroder Prologs von 1400 (I. Teil, Taf. III, Abb. 8; vgl. ebendort S. 67) zeigt die menschliche Figur wieder vollständig und im Flechtwerk ausgeprägte Symmetrie. Zu beachten ist, daß sich die Proportion des Rahmens ändert. Er wird höher. Die Kopfleiste nimmt bei großformatigen, zweispaltig geschriebenen Büchern die Hälfte der Spiegelbreite ein. In dem Pskower Evangeliar von 1409 (vgl. I. Teil, S. 65, sowie Taf. VI, Abb. 1) findet sich auf Bl. 35 v. eine Zierleiste (Taf. IV, Abb. 4), die den Endpunkt der Entwicklung zeigt. Sie hat fast quadratischen Umriß. Die flutende Bewegung ist zu einer geradezu „klassischen" Ruhe der Linienführung gedämpft. Im XV. Jahrh. verliert Nowgorod seine politische Selbständigkeit (endgültige Unterwerfung der Stadt durch Iwan III. 1478). Die altnordische Buchausstattung wird durch den synkretistischen Stil der moskowitischen Reichkunst abgelöst (vgl. Stasow, Taf. XCVI ff.).

[25]) Vgl. I. Teil, S. 73.

[26]) Moskau, Hist. Mus., Syn. Bibl. Qu. Perg. Nr. 605, Bl. 2 r. Nekrasow, Studien... S. 56, setzt das Werk aus paläographischen und sprachlichen Gründen nach Nowgorod bzw. ins XIV. Jahrhdt.

[27]) Vgl. I. Teil, S. 71 ff.

[28]) Leningrad, Öffentl. Bibl. I. Qu. Perg. Nr. 3 (ehem. Bibl. der Geistl. Akademie). Laut Subskription datiert und lokalisiert. Schreiber: der »junge Mikula«.

[29]) Vgl. I. Teil, S. 70.

1

2

3

4

5

In das so gewonnene Entwicklungsschema ordnen sich die Titelblätter mit den Kuppelkirchen zwanglos ein. Auf dem Titelblatt des Jurjew-Evangeliars (1119—28, I. Teil, Taf. IV, Abb. 2) ist der Kirchenumriß noch mit geometrischen Flächenmustern ausgefüllt. Das Dobrilo-Evangeliar (1163) zeigt den Abbau des alten Ornamentsystems (Taf. III, Abb. 1): nationalrussisch ist die — übrigens mit byzantinischem Illusionismus gegebene — Baugestalt der Zwiebelkuppel. Die Durchsetzung des Kirchenumrisses mit Tiergeflecht wird um das Jahr 1300 herum stattgefunden haben. Beispiele für den Übergang sind allerdings bisher nicht bekannt geworden. Immerhin bringt der Psalter von Riasan (1296) einige Zierleisten aus Flechtwerk mit Kuppeln und Fensterreihen (vgl. Stasow, Taf. LXXXIV, 17, 16 und 18) von denen die ersten zwei Vogelwesen mit Menschenköpfen, die dritte zwei Tierköpfe sowie zwei Masken aufzuweisen hat. Der von diesem Schriftdenkmal abhängige[80] Smolensker Psalter darf ins beginnende 2. Viertel des XIV. Jahrhunderts gesetzt werden. Der Nowgoroder Psalter (Taf. IV, Abb. 1) vertritt die Stilstufe der sechziger Jahre. Der Buchmaler schaltet frei mit seinen Motiven. Die Bewegung steigert sich über das Fastenbuch des hl. Basilius (Taf. IV, Abb. 2), das wir in die siebziger Jahre setzen werden, bis zu dem unlösbaren Gewirr auf dem Stundenbuch (I. Teil, Taf. V, Abb. 1). Damit stehen wir aber auch bereits vor dem Umschwung des Kunstwollens. Wir sind hier sichtlich in die achtziger Jahre gelangt. Das Titelblatt der Smolensker Apostelgeschichte (Taf. III, Abb. 2) bereitet den »Psalter von Archangelsk« (Taf. III, Abb. 3) unmittelbar vor. Da der letztere 1395 datiert ist, wird der erstere kaum vor 1390 anzusetzen sein. Beide bedeuten den Sieg der Symmetrie und der Geometrie über die dynamische Komposition. Auf einem anderen Seitentitel des Psalters von Archangelsk[81] ist das Tiergeflecht bereits reinem Arabeskenwerk gewichen. Eine gewisse Verwandtschaft mit dem Dekorationssystem des fast gleichzeitigen Kiewer Psalters (1397, vgl. I. Teil, S. 75, sowie Taf. IV, Abb. 3—4) ist unverkennbar und bezeugt eine erste Wiederanknüpfung des nordischen Kreises an den Stilablauf des byzantinischen Südens.

Bei der Parallelität der Entwicklung in der Epoche der Paläologen zwischen Byzanz und Italien bedeutet diese Beobachtung bis zu einem gewissen Grade auch den Beginn eines, wenn auch nur ganz lockeren, Gleichlaufs mit dem Süden Europas. Das gotische Nordeuropa bleibt trotz der Handelsverbindungen zwischen Nowgorod und den baltischen Städten ornamentgeschichtlich für die nordrussische Buchmalerei unwirksam. Dort vollzieht sich erst im XV. Jahrhundert die Übersteigerung der Bewegung in der Spätgotik. Die Umkehr setzte hundert Jahre später ein, als in der nordrussischen Buchornamentik. In Nowgorod selbst bildet ein Messebuch aus d. J. 1400 (Taf. IV, Abb. 3)[82] den sprechendsten Beweis für die stilistische Wendung. Gestaltlich

[80]) Vgl. oben S. 90—91.

[81]) Bl. 2 r., Taf. III, Abb. 4; vgl. im I. Teil, S. 68, Anm. 18.

[82]) Moskau, Hist. Mus. Syn. Bibl. Qu. Perg. Nr. 600, Bl. 1 v. Vergl. auch: Buslajew, Paläographische und philologische Materialien zur Geschichte der slavischen Schrift, gesammelt aus XV Handschriften der Moskauer Synodalbibliothek (Палеографическіе и филологическіе матеріалы для исторіи письменъ славянскихъ, собранные изъ XV-ти рукописей Московской Синодальной Библіотеки) in: Materialien zur Geschichte der Schrift der Orientalen, Griechen, Römer und Slawen, Moskau 1855 (Матеріалы для исторіи письменъ восточныхъ, греческихъ, римскихъ и славянскихъ), Taf. XV und Nr. VIII, S. 39—40. — Nekrasow, Studien... Taf. VI und S. 57. Die Buchausstattung zeigt, abgesehen von dem Goldgrund des hl. Chrysostomus auf dem Titelblatt, in der Ornamentik Spuren von Gold.

sind die Tierfiguren gegenüber geometrischen Elementen (Rahmen und Scheiben) zurückgedrängt. Formal zeigt sich durchgehends die Neigung zu übersichtlicher Gliederung und Ruhe. Der ungefähr gleichzeitige Psalter von Konewski (I. Teil, S. 65, sowie Taf. V, Abb. 4) geht noch nicht so weit im Verzicht auf Tiergestalt und Dynamik, und selbst das späteste Denkmal des nordrussischen Tiergeflechts, das Pskower Evangeliar von 1409 (I. Teil, Taf. VI, Abb. 1 u. II. Teil, Taf. IV, Abb. 4) behält den überlieferten Motivenschatz in aller Reinheit bei. Aber in der Durchsichtigkeit der Komposition, in der Lockerung der Flächenverteilung, in dem strengeren Rhytmus setzt sich das neue Stilprinzip fühlbar durch. Wir stehen an einem jener Wendepunkte, wo das Sehen (um mit Wölfflin[83] zu reden) vom »Atektonischen« zur »Tektonik«, von der »Einheitlichen Einheit zur vielheitlichen Einheit«, von der »Verunklärung« zur »Klarheit« umspringt.

3. *Symbolgehalt.*

Das Tiergeflecht tritt in den nordrussischen Handschriften an den gleichen Stellen auf, an denen in der Buchmalerei des christlichen Ostens allgemein religiöse Sinnbilder stehen. Dieser Umstand legt die Auffassung nahe, daß auch dem russischen Tiergeflecht sinnbildliche Bedeutung innewohnt. Der Wandel der angewendeten Gestaltelemente setzt allerdings einen Wandel der Bedeutungsvorstellungen voraus, dessen Kenntnis aber gerade über das innere Verhältnis der alten Russen zum byzantinischen Christentum Aufschluß geben würde. Auch ließen sich daraus Schlüsse auf die vorchristlichen mythologischen Vorstellungen der Ostslaven ziehen.

Zur Deutung des Symbolgehaltes der russischen Tierornamentik geben nicht die Initialen den geeigneten Anhaltspunkt, sondern die Zierseiten. Dort steht das Tiergeflecht im Zusammenhang mit der Kirchenfassade und der Ikonostastür. Die Zarentür der Ikonostasis trägt in Rußland gewöhnlich die Bilder der vier Evangelisten, und zwar meist so, wie sie in Byzanz als Autorenbilder in der Handschriftenmalerei auftreten: schreibend und inspiriert. Der russische Buchmaler ersetzt die Menschengestalt durch Ornamentik. Wo sie — als Fremdkörper — im Rahmen des Tiergeflechts auftritt, ist sie von dem »heiligen Bogen« der Kirchenarchitektur überwölbt. Die Gleichsetzung der Ikonostastür und der Kirchenfassade mit den Bild des heiligen Autors bedeutet in der russischen Buchmalerei ganz allgemein die Heiligung, und damit den höheren Schutz des Buches.[84]

Zur speziellen Deutung der Tierornamentik wird man sich jedoch nicht an das fertig ausgebildete Schema halten, sondern an Entwicklungsstufen, die durch gewisse Übereinstimmungen mit Kunstdenkmälern von zugänglicher Bedeutung »lesbar« werden.

Laut Subskription S. 72 auf Befehl des Nowgoroder Erzbischofs Iwan i. J. 1400 geschrieben. Schreiber: Theodoros Chytin, Priester in der Erlöserkirche.

83) Kunstgeschichtliche Grundbegriffe, München, 1915, vgl. besonders S. 246 ff.: »Das Problem des Neuanfangens«.

84) Den Bogen als Sinnbild der Heiligkeit verfolgt Strzygowski, Asiens bildende Kunst, Augsburg 1930, S. 501 ff, bis in die altiranische mazdaistische Kunst zurück. — Die 4 Evangelisten wurden den vier Weltgegenden zugeordnet, so daß sie an Stelle der vier Welthüter (Lokapalas im Buddhismus) stehen. F. Piper, Mythol. d. christl. Kunst, Weimar 1847—51, I, 2, 471. (Nach frdl. Hinweis von Prof. Spieß.)

A. Der Torbau mit den Dreigesichtern.

Der Psalter von Smolensk (I. Teil Taf. V, Abb. 3) zeigt einen Torbau, der sich grundsätzlich von einer Ikonostastür unterscheidet. Er hat rechtwinklige Türflügel, während die Türflügel der Ikonostasis stets in Kielbogen ausgehen, so auch auf dem Psalter von Konewski (I. Teil, Taf. V, Abb. 4). Während aber auf dem Psalter von Konewski an die Stelle der Evangelistenbilder auf der Zarentür Rosetten getreten sind, zeigt die Tür des Smolensker Psalters ein eigenartiges Tiergeflecht, das durch Schlingenkreuze in der Mitte charakterisiert ist.

Zum Vergleich mit dem Torbau auf dem russischen Psalter ziehen wir ein verwandtes Beispiel aus der romanischen Architektur Deutschlands heran: das Nordportal der Regensburger Schottenkirche (1189—90). Richard Wiebel hat dem Knoten und Bandwerk in der plastischen Ausstattung dieses Werkes eine eigene Untersuchung gewidmet.[85] Nach seinen Darlegungen handelt es sich bei ihm um dämonenabwehrende Zeichen. Knoten und Schlingenwerk sind »Fallstricke« für ungebetene Gäste aus der Hölle.[86] Das Psalterblatt und das Schottenportal stehen sich um so näher, als in beiden Fällen zu dem Bandornament Tiergestalten treten. Wiebel hat u. a. die Löwen auf dem Schottenportal als Sinnbilder des Todes gedeutet, betont aber gleichzeitig die Vieldeutigkeit gerade dieser Tiergestalt.[87] Es soll deshalb hier nicht versucht werden, die Tiergestalten auf den Türflügeln des Smolensker Psalters einzeln zu erklären. Gewiß ist nur, daß die Drachen Unheil bringende Wesen sind.[88] Sie sind teuflischer Herkunft, Feinde des Christentumes. Die bildnerische Verstrickung

[85]) Das Schottentor, Kulturhistorische Auslegung des Portalbildwerkes der St. Jakobskirche in Regensburg, Augsburg o. J., S. 18 u. S. 55 ff. Dort weitere Literaturangaben zur Bedeutung des Bandgeflechtes.

[86]) Ich verdanke der Güte des Herrn Prof. Spieß noch folgende Belege über die hindernde Kraft des Knotens. — Geburt. Vor der Geburt eines Kindes müssen alle Knoten im Hause gelöst werden. Nachweise für Norwegen, Schottland, Weißrussen bei Sartori, Sitte u. Brauch, Leipzig 1910—14, I, 22, 2. Des Herakles Geburt wird über Weisung Heras durch die Moiren dadurch verhindert, daß diese die Finger beider Hände ineinandergreifen lassen und die Daumen überkreuzen. Da die Moiren, durch List verleitet, den durch die Finger gebildeten Knoten lösen, kann Alkmene gebären. Aehnlich im Volksmärchen, s. R. Köhler in L. Gonzenbach, Sizilianische Volksmärchen zu Nr. 12, Leipzig 1870, und in der englischen und dänischen Volksballade (Child, Nr. 6, Grundtvig II, 415). — Tod. Der Tote darf an dem Leichenkleide keine Knoten haben, da er dadurch nach ursprünglicher Auffassung verhindert wird, die Schwelle zur anderen Welt zu überschreiten. Sartori, a. a. O. I, 133, 15. — Aussaat. Knoten im Saattuche verhindern das Gedeihen der Saat. Sartori, a. O. II, 63, Bändigung des wilden Wunderpferdes im Märchen. Ch. Schneller, Märchen a. Welschtirol, Innsbruck 1867, S. 71, Nr. 27. Der Held macht das wilde Pferd durch dreimaliges Schlagen mit einem Stäbchen voll Knoten gefügig. (Der Knoten bereits im übertragenen Sinne gebraucht, aber deutlich erkennbar auf den wirklichen Knoten zurückgehend.) — Im mythischen Bereiche zeigt der Knoten Beziehung zur Zeit. Wenn der letzte Knoten eines Knotengefüges gelöst wird, bricht die neue Zeit an. Knotenkalender. Daher Knoten auf Glückwunschschreiben zum Neuen Jahre. Vgl. Spieß in Jahrb. f. histor. Volkskunde II, 97 und Fig. 5, Tf. 10, ferner Bauernkunst, Wien 1925, S. 205, Jahresknoten. Man denke auch an den gordischen Knoten. In Gordion, dem alten phrygischen Königssitz, befindet sich an heiliger Stätte ein Knoten. Wer ihn löst, wird Herrscher über die ganze Welt. Alexander, der ihn durchhaut, erfüllt die Forderung einer alten Weissagung.

[87]) Wiebel, a. a. O. S. 38 f.

[88]) Wiebel, a. a. O. S. 21 f.

dieser dämonischen Wesen in das dämonbannende Netz- und Knotenwerk entspringt dem Glauben, daß man auf magischem Wege die bösen Geister von der geweihten Stätte abhalten könne. Heidnischer Zaubersegen und Heiligung durch die Religion fließen zusammen.

Die Pfosten des Smolensker Torbaues tragen je einen männlichen Kopf, dessen Wangen zu Profilköpfen ausgearbeitet sind. Nur der in Vorderansicht gegebene mittlere Kopf ist voll ausgebildet. Den Profilköpfen fehlen die Augen und Münder. Die Frage bleibt offen, ob ein »Dreigesicht« gemeint ist, oder ob man sich auf der Rückseite noch ein viertes Gesicht zu denken hat. Für beide Möglichkeiten gibt es Vergleichsobjekte.

Nimmt mann den Pfosten als von vier Gesichtern bekrönt an, so ergibt sich ein ähnliches Gebilde, wie der Stein von Husjatin (I. Teil, S. 70, a. Anm. 32 a. O., S. 55). Man hat in diesem Denkmal den slawischen Kriegs- und Regengott Swantowit erblickt,[39] den sich die Slawen vierköpfig dachten.[40] Doch sind zum Unterschied von dem Smolensker Psalter vier völlig ausgebildete Gesichter gegeben, deren Hinterhäupter zusammengewachsen erscheinen.[41] Faßt man den Kopf auf dem Pfosten als Dreigesicht auf, so findet man zahlreiche Vergleichsbeispiele in Darstellungen der Dreieinigkeit. Spieß[42] stellt diesen christlichen Dreigesichtern eine mit einem Dreigesicht versehene Figur aus einer Pariser Handschrift des XIV. Jahrhunderts gegenüber, die inschriftlich als »Zeit« bezeichnet ist. Der Kopf dieser Figur steht dem russischen Gesichterpfosten dadurch besonders nahe, daß hier auch nur das mittlere Gesicht Auge und Mund besitzt. Spieß führt das Dreigesicht auf im Mythos begründete Zeitvorstellungen zurück, aus denen es in die christliche Ikonographie übergegangen ist. Für uns ist der Nachweis entscheidend, daß das Dreigesicht jedenfalls vorchristlichen Ursprung hat.

Abb. 5.

Eine germanische Parallele findet sich auf dem einen der beiden (heute verlorenen) Goldhörner von Gallehus auf Jütland, das nach dem Fundjahr als das Goldhorn von 1734 bezeichnet wird (Textabb. 5).[43] Auf der zweiten Reihe der Darstellungen sehen wir eine männliche Gestalt mit drei auf drei Hälsen sitzenden Köpfen. Sie führt an der linken Hand einen Bock und hält in der rechten ein Beil. Das Horn wird in die Zeit von 400—425 gesetzt.[44] Die dreiköpfige Gestalt wird allgemein als heidnische Gottheit gedeutet.

---

[39]) Louis Leger, La mythologie slave, Paris 1901, S. 99 ff.

[40]) Saxo Gramaticus, Gesta Danorum, ed. A. Hölder, S. 578.

[41]) I. R. Aspelin, Antiquités du Nord Finno-Ougrien. Helsingfors 1877—84, bildet als No. 643 einen in diesen Zusammenhang gehörigen Metallgegenstand ab. Er besteht aus vier an den Hinterhäuptern zusammengewachsenen männlichen Köpfen, die eine Schale tragen. Der Fund stammt aus Perm.

[42]) Dr. Karl v. Spieß: »Trinitätsdarstellungen mit dem Dreigesichte«, in: Werke der Volkskunst, II. Bd., Wien 1914.

[43]) Sophus Müller, Nordische Altertumskunde, Bd. II, S. 155 ff., Abb. 99.

[44]) Erik Salvén, Bonaden fran Skog. Undersökning aven nordisk Bildvärnad fran tidig Medeltid, Stockholm 1923, S. 105.

Im Zusammenhang mit dem Goldhorn von Gallehus macht Spieß darauf aufmerksam daß auch auf dem Stein von Husjatin ein dreiköpfiges Wesen dargestellt sei, und zwar auf dem untersten Stockwerk des auf einer Seite bildlosen dreigeschossigen Denkmales.[45] Der weit verbreitete Göttername Triglav bezeugt, daß den Slaven die Vorstellung eines dreiköpfigen Gottes vertraut war.[46] In der christlichen Buchmalerei der Westslawen und der späteren slawischen Volkskunst kommen zwar dreiköpfige Trinitätsdarstellungen vor,[47] doch kannte man in Rußland zur Zeit der Entstehung des Smolensker Psalters die persönliche Darstellung der Trinität, wie sie in Westeuropa üblich war, noch gar nicht. Sie kam in der russischen Ikonenmalerei erst in der zweiten Hälfte des XVI. Jahrhunderts auf.[48] Wir dürfen also in dem mehrgesichtigen Pfosten unserer Handschrift eine heidnische Götterdarstellung erblicken. Das ist um so einleuchtender, als ja Litauen erst im XIV. Jahrhundert christianisiert worden ist.[49] Von den Söhnen Gedimins (s. oben, S. 91) blieb Keistut, der die von Litauern bewohnten Gebiete beherrschte, überhaupt Heide, während der andere, Olgerd, der den weißrussischen Osten regierte, religiös indifferent war. Erst unter Jagiello, dem Sohn Olgerds, wurden die heidnischen Tempel, das heilige Feuer (Znicz) und die sonstigen Attribute des Kultus vernichtet.[50]

Die Bauart des slawischen Tempels ist für den Swantowit-Tempel in Arkona auf Rügen als hölzerner Vierstützenbau bezeugt.[51] Es liegt nahe, von dem baltischen Vorposten des Slaventums auf ein ebenfalls nordwestliches Ausstrahlungsgebiet, wie Weißrußland, zurückzuschließen und sich die Bauart der dortigen Tempel ähnlich vorzustellen. Dazu ist die Nachricht zu halten, daß auch in einem altslawischen Nowgoroder Tempel ein ewiges Feuer gebrannt habe.[52] Jedenfalls waren die heidnischen Tempel der Slawen in der bodenständigen Art des Holzbaues errichtet, außen geschnitzt und bemalt und mit Kuppeln gedeckt.[53] Im Allerheiligsten des Swantowittempels auf Rügen befand sich das vierköpfige Kultbild.

Der Torbau auf dem Psalter von Smolensk weist starke Berührungen mit den Beschreibungen des altslawischen Tempels auf. Das ganze Gebilde ist sichtlich eine Holzkonstruktion. Wie die Balken ineinandergefügt sind, erkennt man am Giebel. Seitlich ragen zwei Tierköpfe über das Dach. Dieses Motiv findet sich schon bei den

---

[45]) Zeichnung der vier Seiten des Steines nebeneinander bei Leger, a. a. O. S. 222 nach: Archiv für Anthropologie, Braunschweig, Bd. XI.

[46]) Spieß, a. a. O. S. 47; Leger, a. a. O. S. 78, Anm. 2. — Carl Schuchhardt, Arkona, Rethra, Vineta, Berlin 1926, S. 23, wo auch, Abb. 7, eine keltische Gottheit mit 3 Gesichtern abgebildet und besprochen wird.

[47]) Spieß, a. a. O., S. 36 ff.

[48]) Bis dahin wurde die Trinität durch Abrahams Bewirtung der drei Engel (Ангельская трапеза) dargestellt. Louis Réau, L'art Russe des origines à Pierre le Grand, Paris 1921, S. 143. Den Wendepunkt bildet das Kirchenkonzil (Стоглавый Соборъ) von 1554. Vgl. Alpatov, Geschichte der altrussischen Malerei und Plastik, S. 353 ff. in: Geschichte der altrussischen Kunst, Augsburg o. J. (1932).

[49]) Julius Lippert, die Religionen der europäischen Culturvölker, der Litauer, Slaven, Germanen, Griechen und Römer in ihrem geschichtlichen Ursprunge, Berlin 1881, S. 68 ff.

[50]) Platonow, a. a. O. S. 111.

[51]) Saxo, a. a. O. S. 565. Vgl. Schuchhardt, a. a. O. S. 20 ff. u. Abb. 6 (Tempelgrundriß).

[52]) Leger, a. a. O., zitiert darüber ein 1578 erschienenes Werk: »Sarmatiae europaeae descriptio«.

[53]) Halle, a. a. O. S. 52 und Strzygowski, Die altslavische Kunst, Augsburg 1929, S. 47. Vgl. dazu N. Brunov, Geschichte der altrussischen Baukunst, S. 3, in: Geschichte der altrussischen Kunst, Augsburg o. J. (1932).

ältesten norwegischen Stabkirchen.[54] Es ist unzweifelhaft heidnisch. Wir kennen es z. B. von den Tierkopfbekrönungen an den Ecken der Bettstatt des Osebergfundes.[55]

Die Tür des slawischen Tempels hatte kultischen Sinn.[56] Sie bildet den einzigen Zugang zum Heiligtume. Die in Eichenwäldern angelegten Heiligtümer der an der Ostsee lebenden Slawen waren von einem hölzernen Zaun umgeben, der durch zwei Türen zugänglich war. Der Eintritt war den Priestern vorbehalten und den Laien nur zwecks einer Opferhandlung oder als Zuflucht in Todesgefahr erlaubt.[57] Von dem Tempel in Rhetra heißt es, daß man ihn über eine hölzerne Brücke betrat. Nur diejenigen wurden herübergelassen, die opfern oder ein Orakel befragen wollten.[58] Aus allen diesen Zeugnissen geht hervor, daß die Tür im altslavischen Kultbau heilige Bedeutung besaß.

Diese Vorstellung hat in christlicher Zeit bedeutungsvoll nachgewirkt. Muratow[59] leitet die Ikonostasis der russischen Kirchen aus der Holzbaukunst des Nordens ab — im Gegensatz zu der herkömmlichen Anschauung, daß sie aus den steinernen Schranken der byzantinischen Kirchen entstanden sei.[60] Er errinnert u. a. daran, daß der byzantinische Kirchenbau mit der Ausstattung des Innenraumes durch fortlaufende Fresken, bzw. Mosaiken-Zyklen rechnet. Es sei vom Standpunkt dieser Anlage widersinnig, mitten durch die einheitliche Komposition eine trennende Wand zu ziehen. Für den Holzbau kommen Fresko und Mosaik aus technischen Gründen von vornherein nicht in Betracht. Das Tafelbild übernahm in der Holzkirche die kultische und dekorative Rolle, die im Steinbau der Wandmalerei zufiel. Die Darstellung von zyklischen Erzählungen, vor allem des Lebens Christi, führt von selbst zur Reihung einzelner, thematisch zusammenhängender Tafelbilder. Die Sichtverhältnisse sind bei einem Tafelbilde grundsätzlich anders als bei einem Wandbild. Durch ihr kleineres Format verlangt die Ikone bereits ihre Aufstellung in möglichster Nähe und Parallelität zum Betrachter, also zur Gemeinde. Aus diesen Voraussetzungen entwickelt sich folgerichtig die Bilderwand.

Die Absperrung des Allerheiligsten hatten wir bei den Slawen ebenso kennen gelernt, wie sie bei vielen anderen Völkern bezeugt ist. Daß sie bei den Slawen aus Holz war, versteht sich angesichts einer Bevölkerung nordeuropäischer Waldgegenden von selbst. Die liturgische Bedeutung der Ikonostastür in der christlichen Kirche entspricht der kultischen Bedeutung der Tür im altslawischen Heiligtum (Zugänglichkeit nur für Priester und für Meßopfer, bzw. heidnische Opferhandlung). Es ist daher anzunehmen, daß solche Torbauten, wie wir sie im Psalter von Smolensk vor uns haben, die

---

[54]) Rolf Mowinckel, De eldste norske stavkirker, in: Universitets Oldaksamlings Skrifter, Bind II, Oslo 1929, Fig. 1. Garmo-Kirche bei Maihaugen, S. 383 ff.

[55]) Osebergfundet, Bd. II, Abb. 40 und Taf. VII (Rekonstruktion).

[56]) Saxo, a. o. a. O.

[57]) Leger, a. a. O. nach Helmold, Chronica Slavorum I, 83.

[58]) Leger, a. a. O. S. 191. — Vgl. dazu Schuchhardt, a. a. O. S. 27 ff.

[59]) P. Muratoff, L'ancienne peinture russe. Trad. par André Caffi, Rom, Prag, 1925, S. 104. — Vgl. zur Ergänzung Strzygowski, Asiens bildende Kunst, S. 505 ff., wo die Urgestalt der Ikonostasis im mazdaistischen Feuertempel gesucht wird. Das von 4 Stützen umgebene Quadrat, in welchem das heilige Feuer brannte, wäre durch Vorhänge vom Gemeinderaum getrennt gewesen.

[60]) Eine Ableitung der Ikonostasis aus der Deïsis von Byzanz aus versucht Alpatow, a. a. O. S. 312 ff., gibt aber angesichts des Mangels an erhaltenen Belegen den hypothetischen Charakter seiner Darlegungen zu.

heidnische Urgestalt der Türanlagen in der Ikonostasis der russischen Kirchen darstellen. Nur der Kronleuchter, der von dem Torgiebel herunterhängt, ist dem Portalbau des Smolensker Psalters mit der Innenarchitektur der christlichen Kirche gemeinsam. Er bildet die gestaltliche Verknüpfung zwischen heidnischer und christlicher Vorstellungswelt.

B. Die Kuppelkirche mit den »reißenden Tieren«.

Auf der Zierseite des Nowgoroder Psalters (Taf. IV, Abb. 1) nimmt den untersten Teil der Kirchenfassade eine Darstellung von illustrativem Charakter ein, die sonst in der nordrussischen Buchausstattung nicht vorkommt. Zwei reißende Tiere von löwenähnlichem Bau stürzen sich auf einen halb tierisch gebildeten, kriechenden Menschen. In die Schwänze der reißenden Tiere verbeißen sich Flügeldrachen. Über dem Kopf des rechten Tieres ist eine Schlingenkreuz angebracht. Auf den Kreuzen der Kuppeln sitzen drei Hähne. Links oben am Rande schwebt ein Ring, in dem ein menschenköpfiger Vogel steht. Die seitliche Mitte des Kirchenrahmens nehmen zwei menschliche Gestalten ohne Beine ein, die in erhobenen Händen verzierte Rahmen halten.

Zum Verständnis des Motivs der »reißenden Tiere« auf der Kirche ziehen wir einen Bildteppich des Nationalmuseums von Stockholm heran. (Taf. IV, Abb. 5). Er ist in Skog (Hälsingland) 1912 gefunden und stammt wahrscheinlich aus dem südlichen Norrland.[61] Entstanden ist er in der »Übergangszeit vom Heidentum zum Christentum« zwischen der Mitte des XI. und XII. Jahrhunderts. Das Stück ist nicht vollständig erhalten, doch scheint nicht viel zu fehlen. Innerhalb eines ornamental gerahmten Streifens befindet sich als Mitte die Darstellung einer Kirche, deren Bauart an die norwegischen Stabkirchen erinnert. Ihr Giebel endet in Tierköpfen und trägt einen Dachstuhl mit einer Glocke. Der Chor ist durch eine Wand mit einer Tür vom Gemeinderaum abgeteilt. Neben der Kirche erhebt sich ein Glockenturm von ähnlicher Konstruktion mit zwei Glocken. Der Priester steht betend am Altar und hält ein Buch in der Hand. Außen sieht man Menschen, die Äxte halten. Von beiden Seiten kommen Tiere an, die teilweise als Löwen, Pferde und Hunde gekennzeichnet sind. Sie werden von menschlichen Gestalten geführt. Über dem Dach erscheinen Vögel. Links stehen mit erhobenen Händen drei gekrönte Männer. Vor dem ersten Löwen links steht eine menschliche Gestalt mit drei Köpfen, die derjenigen auf dem Horn von Gallehus sehr ähnelt und zweifellos auf eine verwandte mythologische Figur zurückgeht. Das Ganze stellt nach Salvén den Kampf zwischen Heidentum und Christentum dar. Ein übernatürliches, dem Christentum feindlich gesinntes Wesen — die Gestalt mit den drei Köpfen — überfällt gemeinsam mit den Tieren — den bösen Mächten — die christliche Kirche. Die Christen halten bewaffnet die Wacht vor dem Tore und läuten die Glocken, um den Feind zu verjagen. Der Priester fleht um Beistand von oben. Die drei gekrönten Figuren stellen nach Salvéns Ansicht die heiligen drei Könige dar. Sie kommen jedenfalls den bedrängten Gläubigen zu Hilfe. In unserem Falle sind sie aber die christlichen Gegenstücke zum heidnischen Dreikopf. Es liegt nahe, in ihnen die Trinität zu erblicken. Drei männliche Gestalten, vollkommen gleich, gibt schon Herrad von

[61]) Vgl. diese und die folgenden Angaben: Salvén, a. a. O., passim.

Landsberg in ihrem Hortus deliciarum (1165—1175), als Trinität an. Im vorliegenden Falle ist diese Bedeutung um so eher anzunehmen, als im Mittelalter der Teufel in der Eigenschaft des Gegenspielers Gottes dreiköpfig dargestellt wurde.[62]

Die Kirche auf dem Teppich von Skog steht architektonisch dem Torbau des Smolensker Psalters mit seinen Tierköpfen am Giebel nahe. Der Vergleich des Psalters von Konewski mit der Kirche von Urnes (I. Teil, S. 66 ff.) hatte bereits bewiesen, daß dem nordrussischen Buchmaler Holzkirchen von skandinavischem Typus bekannt gewesen sein müssen. Schließlich gibt auch die volkstümliche russische Stickerei Vergleichsbeispiele mit dem Teppich von Skog ab. Stasow,[63] veröffentlicht das Randmuster eines Handtuches aus dem Gouvernement St. Petersburg, das als Hauptmotiv eine Kirche mit drei, von Kreuzen bekrönten Kuppeln zeigt (Textabb. 6). Auf dem Boden des Innenraumes stehen fünf Frauen mit gebogenen Armen. Über ihnen und auf dem Dach je zwei gleiche. Von der Decke hängt ein Doppeladler herab. Doppeladler in Verbindung mit Vögeln (Hähnen ?) und Schiffe mit Vögeln (Hähnen ?) auf den Mastspitzen rahmen freischwebend die Kirche ein. Das Gebäude selbst sendet seitlich unten baumartige Fortsätze aus.

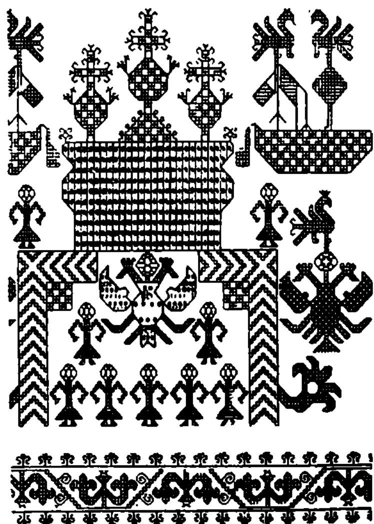

Abb. 6.

Trotz aller Abweichungen und Mißverständnisse, die bei der Überlieferung von einer Generation zur andern vorkommen, ist die Verwandtschaft der Stickerei einerseits mit dem Teppich von Skog, anderseits mit der russischen Buchmalerei deutlich. Die wichtigsten Unterschiede von Skog bestehen in der weitergehenden Stilisierung der Architektur, in der Stellvertretung der Glocken durch einen Doppeladler und der Einführung der Schiffe unter die Rahmengestalten. Die geometrische Eigenart der Stilisierung ist Folge der Technik. Der Doppeladler entspricht in seinem Umriß dem Kronleuchter mit den zwei Kerzen auf dem Psalter von Smolensk, während die Anregung zur tierhaften Ausgestaltung dieses Ziergliedes durch die Vögel über der Kirche von Skog gegeben war. Das Schiff endlich kommt in Verbindung mit Tieren auf einem zweiten schwedischen Wandteppich der gleichen Gruppe vor, dem »dritten Teppich« von Overhogdal (Salvén, Taf. I d). Das dekorative Schema der Kuppelkirche mit den baumartigen Fortsätzen unten seitlich und der Umrahmung durch Vögel haben wir bereits bei der Swiatoslaw-Sammlung (I. Teil, Taf. IV, Abb. 1) und dem Juriew-Evangeliar (ebendort, Abb. 2) kennen gelernt.[64]

Wenden wir die so gewonnenen Erkenntnisse auf das Blatt des Nowgoroder Psalters (Taf. IV, Abb. 1) an, von dem wir ausgegangen sind, so kommen wir dem Sinn der Darstellung schon näher. Die »reißenden Tiere« verkörpern hier die Macht des Bösen. »Die Kirche galt als Gottesburg, die von Dämonen belagert und bestürmt wird. Um

[62]) Vgl. Spieß, Trinitätsdarstellungen... S. 22, Fig. 32.

[63]) Vladimir Stassoff, L'ornement russe national, Première livraison, St. Petersburg 1872, No. 194, Taf. LXV.

[64]) Zur Entstehung desselben vergl. I. Teil, S. 74—75.

1

2

3

4

5

6

7

9

8

10

die Türme derselben zieht der Wind, die wilde Jagd der ruhelosen Geister, von denen viele Sagen berichten; der Teufel und unerlöste Seelen schwirren um die Kirche..., suchen zum Tor einzudringen«.[65]

Eine solche unerlöste Seele ist das Opfer der beiden reißenden Tiere in der Mitte unseres Blattes. Der Umstand, daß die kriechende Gestalt teilweise tierisch gebildet ist, soll zum Ausdruck bringen, daß dieser Mensch bereits der Sünde verfallen ist. Das Schlingenkreuz über dem Kopf des rechten Tieres hat hier seine Stelle als Abwehrmittel gegen die bösen Geister.

Die beiden (beinlosen) Menschengestalten, die rahmenähnliche Gegenstände in die Höhe halten, dürfen nach Analogie des Priesters mit der Bibel auf dem Teppich von Skog als russische Priester angesprochen werden. Sie wehren mit erhobenen Ikonen die Mächte der Finsternis ab.

Die Turmhähne, die zu dreien dargestellt sind, erinnern an die dreimalige Verleugnung Christi durch Petrus. Ihr Krähen beendet die Nacht und damit die Zeit, in der die bösen Geister mächtig sind.[66]

Der Vogel mit dem Menschengesicht kommt in der russischen Kunst häufig vor. Er ist zwar gestaltlich mit der Sirene des Physiologus[67] verwandt, aber seine gegenständliche Bedeutung ist anders. In Ägypten bedeutet der Vogel mit dem Menschengesicht die Seele des Verstorbenen. Die Griechen übernahmen ihn in dieser Bedeutung und übertrugen darauf ihre Vorstellung von der Seele des Toten als eines blutgierigen Vampyrs (Harpÿe, Sirene). Der Seelenvogel wurde als tönerne Grabbeigabe den Toten mitgegeben und erschien später über der Erde als Schmuck des Grabmales. Allmählich verliert der Seelenvogel bei den Griechen seinen finsteren Charakter und wird als den Menschen wohlgesinnt betrachtet.[68] Während die byzantinische Kunst den Vogel mit dem Menschengesicht in seinem homerisch mythologischen Sinn als »Sirene« verwendet, kommen in Rußland andere Bedeutungsvorstellungen in Frage. Die ursprüngliche Beziehung des Seelenvogels zum Jenseits tritt wieder in den Vordergrund.

»Parallel mit den ägyptischen Darstellungen von Vögeln mit Menschenköpfen existierten in der antiken Kunst Mesopotamiens Wundertiere, halb Vogel und halb Mann, welche wahrscheinlich in Beziehung zum jenseitigen Dasein standen; es ist interessant, daß in der Vorstellung der alten Mesopotamier die Toten sich wie Vögel mit Federn bedeckten«.[69]

Dazu trat[70] der alte Mythos von einem unbekannten Vogel, der im Orient wohnt. Erst im Mittelalter tritt in der Kunst des Ostens der »Paradiesvogel« - Typus auf, der uns in den russischen Handschriften so häufig begegnet. Es ist ein Vogel mit männlichem oder weiblichem Gesicht und Krone. Das früheste russische Beispiel findet sich im Jurjew-Evangeliar.[71] Ein späteres Beispiel s. Taf. V, Abb. 6.

Der Chronograph des Fürsten P. Wjasemski[72] erzählt vom Pardies im Orient: »Dort

---

[65]) Wiebel, a. a. O. S. 50.

[66]) Viktor Hehn, Kulturpflanzen und Haustiere in ihrem Übergang aus Asien nach Griechenland, Italien sowie in das übrige Europa, Berlin 1902, S. 321 ff.

[67]) Vgl. Strzygowski, Der Bilderkreis des griechischen Physiologus, Wien 1889.

[68]) G. Weicker, Der Seelenvogel in der alten Literatur und Kunst, Leipz. 1902.

[69]) Graf A. A. Bobrinsky, Volkstümliche russische Holzarbeiten, Leipzig 1913, S. 43, Anm. 3.

[70]) Kondakow, Geschichte und Denkmäler des byzantinischen Emails, Frankfurt a. M., 1892, S. 365.

[71]) Stasow, Taf. LIV, 5, Bl. 147 verso.

[72]) Zitiert nach Kondakow, a. Anm. 68 a. O. S. 372.

lebt ein schön singender Vogel, der zeitweilig auch auf Erden weilt. Er heißt Sirin, und seines süßen Gesanges wegen nennt man ihn den Paradiesvogel...«. In der Unterschrift eines Sirin-Bildes[73] heißt es: »Paradiesvogel, genannt Sirin, laut erklingt seine Stimme, wenn er singt; er wohnt im Morgenlande im Paradies und läßt beständig seinen Gesang ertönen, verkündet den Seligen künftige Freuden und fliegt zeitweilig auch auf die Erde... Kein Mensch vermag seinen Gesang zu hören, denn wer ihn vernimmt, scheidet von hinnen...« Die Anordnung zweier Paradiesvögel zu Seiten eines Lebensbaumes, die sich auf russischen »Kolten«[74] findet bezeugt gestaltlich die Zugehörigkeit des Sirin zum Paradies. Durch Nymben ist ihre Heiligkeit noch ausdrücklich betont.

Wenn also der Paradiesvogel auf dem Titelblatt (Taf. IV, Abb. 1) in einem ringförmigen Gebilde über der Kirche schwebt, so wird damit in Anknüpfung an seine Bedeutung als Seelenvogel die Erlösung der Seele gemeint sein. Sie ist »in die Sterne versetzt«. Der Sirin kehrt, wie es in den russischen Quellen heißt, zeitweilig zur Erde zurück. Er erscheint in einem ringförmigen Nymbus vor dem Himmel, in dem er wohnt.

Auch von dieser Darstellung läßt sich mit Salvén sagen, sie stehe auf dem »Übergang vom Heidentum zum Christentum«.

Es ist die Furcht vor bösen Geistern, die sich im Zurückgreifen des christlichen Buchmalers auf die heidnische Tierornamentik äußert. Das »böse« Tier wird im Geflecht gebannt. Die Heiligung durch die Kirche genügt nicht. Man fügt zum Gebet die Zauberformel.

C. *Zusammenfassung.*

»Griechisches Christentum und slavisches Heidentum gingen in Rußland eine bis heute noch nachwirkende Mischung ein. Die große Masse des Volkes blieb trotz äußeren Christentumes und kirchlicher Formen heidnisch und lebte einen »Doppelglauben« (двоеверие): es beobachtete die christlichen Riten und hielt dabei fest an den überkommenen Gebräuchen«.[75]

Dieses zwiespältige Verhalten des russischen Volkes zwischen Heidentum und Christentum liegt geistig der Gestaltenwelt der nordrussischen Buchmalerei zugrunde.

W. Born.

Wien.

---

[73]) Д. А. Ровинскій, Русскія народныя картинки (D. A. Rowinski, Russische Volksbilderbogen), St. Petersburg 1881, I, S. 484.

[74]) Ханенко, Древности Приднѣпровья (Khanenko, Altertümer des Dnjeprgebietes), a. o. I. Teil, S. 69, Anm. 25 a. O. V. Livr. Taf. XXVII, vgl. Bd. I, Textabbildg. 3. Das zentrale Ornament ist aus der Vereinfachung des Lebensbaumes hervorgegangen. Vgl. Kondakow, a. o. Anm. a. O. S. 3720/71.

[75]) Goetz, a. O. I. Teil, S. 75 Anm. 52 a. O. S. 65. »Aus diesem Doppelglauben« sind nach Goetz, S. 13, »auch die Abfälle des Volkes, z. B. in Nowgorod Ende des XI. Jahrhunderts zu den dort auftretenden Zauberern verständlich.«

ABBILDUNGSVERZEICHNIS

BERICHTIGUNGEN

Im I. Teil (Seminarium Kondakovianum Bd. V):

S. 64, Zeile 7, statt: 1118 lies: 1119
S. 94, statt: Abbildungsverzeichnung lies: Abbildungsverzeichnis
S. 94, Im Text: 2., statt: XI lies: IX.
S. 94, Anm. 120 Zeile 1, statt: 1926 lies: 1296.
Nicht im Sonderdruck, sondern nur im Jahrbuch unter Опечатки и справленія am Schluß des Bandes nach S. 348,
Страница 67, 19 сн., statt Meger lies: Meyer.
Страница 67, 17 сн., 5 сн. und 27, 10 сн. statt Osebergfundes lies: Osebergfundet

THE FOUNDING OF THE SHOGUNATE BY MINAMOTO-NO-YORITOMO

INTRODUCTION

It is commonly known that there existed a supreme suzerain of all feudal Japan, popularly called shōgun; and that this shōgun was not the same person as the sovereign of the nation, tennō, but, on the contrary, wielded his powers under the sanction of the latter. What is less known is the juridical relation between the two. The tennō was not, like the German emperor of the Middle Ages, the Richter of both common law, Landrecht,[1] and feudal law, Lehnrecht, but of Landrecht only; the shōgun was the summit of Lehnrecht. Japanese Lehnrecht had not, however, been born directly of Landrecht, but had in its origin been nurtured by a third law, Hofrecht, the law of the private domains of land, which had already been well formed; but the Hofrecht, itself, had been created by custom by an adaptation of the old Landrecht, from which it had then largely freed itself. The Landrecht was the mother from whose womb the Hofrecht sprang, and the Lehnrecht was a grandchild nourished by the Hofrecht.[1b] This inchoate Lehn-

---

1) The word Landrecht is here used in the sense of the originally comprehensive law of the country from which domanial and feudal laws were derived; the extent and the competence of Landrecht gradually diminished, as the other two laws more and more divided with it the juridical control of society. We know no appropriate term in English for Landrecht. Nor should the word be taken in its strict German sense, for the German Landrecht had its own history of varying meaning, but only in the sense of an old law once prevalent over the entire nation. The term "common law" which we have used should not be understood in its English sense, but as a provisional equivalent for Landrecht. The following examples, among others, may be cited as illustrations of this same usage: the phrases lex patriae and droit commun are found in Norman documents of the 13th century (Summa de legibus, c. 115, 4, and Warnkoenig, Franz. Staats- u. Rechtsgeschichte, II, UB, p. 24), the former in the sense of a judicial combat and the latter in that of rights based upon seisin, and therefore both within the prevalent customary law of the land, and both opposed to a special judicial procedure introduced by the duke or the king by means of a writ; and likewise, justum et commune judicium appears in a German document of 1278 in the sense of judgment in accordance with Landrecht (M. G. H., Const., I, no. 205). In later medieval France, droit commun seems often to mean the coutumes, but such definitions as the following also occurs: Bouteiller, Somme rural, liv. I, tit. 1, "Droict commun est, comme les sages dient, un droict qui s'accorde au droit escrit et à coutume de pays..."

1b) The different process of evolution which the German Hofrecht and Lehnrecht followed is neatly, if somewhat ideally, discussed by Heusler in his Institutionen d. deut. Privatrechts, I, 23—24. Cf. Seeliger, Soz. u. pol. Bedeutung d. Grundherrschaft, 173—193.

recht suddenly expanded its scope, greatly eclipsed the Hofrecht, and annexed to itself a partial but effective portion of the Landrecht, at the time of the first shōgun, Minamoto no Yoritomo; and then in the course of centuries, Lehnrecht steadily advanced, till it absorbed nearly all Hofrecht, and so much more of Landrecht that the latter finally seemed to be a mere custody of the non-feudal offices and honors and of the precious theory of imperial succession. These bare statements will perhaps suggest to the trained student how different a feudal system from the European must result from such a strange combination of rights. It is the purpose of this paper to explain the character and the genesis of the peculiar Lehnrecht of the Japanese shogunate.

The general evolution[2] down to the time of Yoritomo may be briefly sketched as follows. The native Landrecht was, on its political side, largely one of a patriarchal state, for the tennō was conceived to be the house-father of the conquering tribe of Japan. In the late seventh and early eighth centuries, however, a bold venture was made to reorganize the polity upon Chinese principles of centralized bureaucracy and state socialism: the new state which the tennō personified ruled over the people through a system of official delegation, and asserted its superior rights over the economic land of the nation by means of a periodical allotment of rice-land. But such drastic reforms could hardly endure. The new Landrecht began at once to provoke the rise of private domains; these increased in number and in magnitude, and steadily nullified the direct control of the state upon private land, and, besides, won a measure of private jurisdiction, and even created its own military defense, all in the manner of a slowly developing custom. The domains, whose essential character had been well matured by the eleventh century, were popularly called shō, and the profitable offices and tenures in them which could be vested in persons had come to be generally known as shiki.[3] The chief domanial lords of the shō were the court nobility and religious institutions. As the régime reformed in the eighth century became gradually paralyzed, largely by the very growth of shō and shiki, social order was disturbed more and more, until the decaying system of public soldiery could no longer cope with the general unrest. So arose private warriors, armed for self-defense, and, once armed, capable of either repressing or themselves creating disorder. The warriors were little organized at first; but, as nobles from Kyōto the Capital came to local districts

---

[2]) For a fuller treatment of the developaments sketched in the three following paragraphs, we take liberty to refer to our Early institutional life of Japan, 1903; "The origin of the feudal land tenure in Japan", in the American historical review for October 1914; "The life of a monastic shō", in the Annual report of the American historical association for 1916, I; "Some, aspects of Japanese feudal institutions", in the Transactions of the Asiatic society of Japan, vol. XLVI, 1918; "Agriculture in Japanese history", in the Economic history review, 1929; "The early shō and the earl manor", in the Journal of economic and business history, no. 2, 1929; "Japanese feudalism" under the article "Feudalism", in the Encyclopaedia of the social sciences, vol. VI, soon to be published. James Murdoch's History of Japan, vol. I, touches more or less on the subject.

[3]) Shō, or chuang in Chinese, meant at one time, like manerium or manoir in Europe, the rural residence of the domanial owner; shiki, chih in Chinese, like the word honor at one stage of the history of its meaning, properly signified an office. Again, like manerium and honor, shō and shiki were also used, respectively, for the domain itself and the land or an income from it with which the office was identified.

and shō as their officials, the warriors learned to attach themselves to them by way of commendation. The progress of vassalage thus begun was greatly facilitated during the civil wars which occurred in the middle of the twelfth century[4]; there now appeared a more or less hierarchy of grades of personal dependence under the chiefs of a few great families of the new military nobles.

Within the proper sphere of vassalage, rules of a Lehnrecht were gradually evolved by custom; but this primitive Lehnrecht could, so far as its landed relations were concerned, only be built upon the Hofrecht of the great domains which had already been firmly established through practice of centuries. This fact was all the more inevitable because of a singular situation of the warrior-vassal as regards lords of both Hofrecht and Lehnrecht. After the Landrecht of the state, the Hofrecht had been the first to develop, and had advanced so far as to assimilate to itself even tenures of public offices of local administration and of the public lands under its diminishing jurisdiction. It was only then that the private warrior came upon the scene, and still later that he became a vassal of a military chieftain. Both vassal and lord could only hold land and shiki under a domanial lord or under a local administrator, that is, under the original or the assimilated Hofrecht. Few military lords could give fiefs out of their own allods, for there existed few large allods which had not been comprised within the domanial law; most vassals, on their part, held tenures under non-military lords of the Hofrecht, whether by reprise or by grant, and received protection from military chiefs, paying pecuniary dues to the former and doing armed service to the latter.

Of the great families of military lords, the most powerful and successful were the Taira and the Minamoto, both descended from the imperial house. Men of these families held important tenures in shō and in local government. After some two hundred years of friendly rivalry, men of these families were abruptly drawn by political events of the middle of the twelfth century into sharp struggles for ascendency; finally the war of 1159 gave the Taira a complete victory.[5] Since the faction of the imperial court whose cause they espoused had won the war, the defeated Minamoto, who had upheld a rival party, were proscribed as public enemy, and were nearly exterminated, save a few survivors in remote corners of the country or in exile. The Taira, on the other hand, under their able chief Kiyomori, proceeded to amass in their own and in their vassals' hands public official posts in the central and local government, as also hundreds of shiki in all parts of Japan; and, with the irresistible force of these vast resources, to dominate the imperial court at Kyōto.

It was one of the survivors of the Minamoto, Yoritomo, thirty-three years of age, who rose in rebellion in 1180 from his exile in Idzu, and, through a marvellous series of events, succeeded within six short years to oust the mighty Taira, to win the grace of the imperial government, to lord over the greater part of the warrior class of all Japan, to wield important public powers, to use in the interest of his vassals large resources of domains which did not belong to him, and so to lay a firm foundation

---

[4]) The wars of 1156 and 1159—1160 are narrated, respectively, in the historical tales Hogen monogatari and Heiji monogatari. The former has been translated in an incomplete form by E. R. Kellogg, in the Transactions of the Asiatic society of Japan, 1917.

[5]) See the last note.

of the shogunate and the feudal régime which, with further evolution, was to control the political destiny of Japan for nearly seven hundred years. History has seldom seen so swift and so brilliant a success in changing the polity of a state under the guiding hand of one man. The result, as we shall see, was in no small measure due to an interplay of personalities and to events some of which few could foresee or control. But, translated in institutional terms, Yoritomo's success signified a great extension of Lehnrecht at the expense of Landrecht and Hofrecht, which he achieved at first as a rebel and then under the sanction of the sovereign.

Our problem is, then, how did Yoritomo win public powers in the Landrecht, and how did he come to utilize for his Lehnrecht the material benefits of the Hofrecht alien to him. We shall essay to solve the problem by analyzing, in utmost brevity, the institutional evolution of the eventful and critical years between 1180 and 1186.

The chief sources for our study are mainly of two kinds. First are the Adzuma-kagami, "mirror of the east", the remarkable diary of the feudal government at Kamakura from 1180 to 1266[6]; and the diaries of a few court nobles at Kyōto, one of whom, Kanezane, was a minister of state and, from 1186 to 1196, a chief councillor of the throne.[7] The feudal and the civil diaries fortunately supplement and check each other. To these may be added a couple of annals and memoirs solidly based on contemporary documents or on personal knowledge.[8] Besides, there are two historical romances, the Hei-ke monogatari[9] and Gen-Pei sei-sui ki,[10] the former originally a sort of chanson de geste narrating the fortunes of the Taira and the Minamoto, and the latter a result of its gradual extension[11]; these are not altogether purely imaginative, but have preserved for us occasional documents and data which cannot be seen elsewhere, and in many ways confirm and supplement records in the diaries. The second body of sources are contemporary acts of the

[6]) Adzuma-kagami, anonymous. The best edition is the one by K. Takakuwa and others, 15 vols., 1896—1899; a convenient edition is that of 1915, in 3 vols. (Hereinafter abridged as AK.)

[7]) Gyoku-yō or Gyokkai, 1164—1199, by Fujiwara no Kanezane; edition 1906—1907, in 3 vols. (Hereinafter abridged as GY.) — San-kwai ki, 1151—1191, intermittent, by Fujiwara no Tadachika. We have used the manuscript copy owned by Yale University Library. (Hereinafter abridged as SK.) — Kikki, 1172—1185, intermittent, by Fujiwara no Tsunefusa; exists only in manuscript. (Hereinafter abridged as KK.) — Mei-getsu ki, 1180—1236, intermittent, by Fujiwara no Sada-ié; ed. 1911—1912, in 3 vols. (Hereinafter abbridged as MG.) — Other courtiers' diaries of this period give little for our subject.

[8]) Hyaku-ren shō, anonymous; first three chapters are missing; covers 968—1259; ed. 1901, in the Koku-shi tai-kei, vol. XIV. (Hereinafter abbridged as HR.) — Gu-kwan shō, anonymous; ed. 1901 in the same as above; and 1900, in Shiseki shū-ran, vol. II. (Hereinafter abridged as GU.) — Hō-reki kan-ki and others are either too late compilations or afford little data for our study.

[9]) Heike monogatari, anonymous. The Nagato codex edited in 1906. The edition of the next work mentioned below gives in parallel passages quotations from various manuscripts of this work. Translation by A. L. Sadler, in the Transactions of the Asiatic society of Japan, 1918 and 1921; and in part, into French, by F. Turrettini. (Hereinafter abridged as HM.)

[10]) Gen-Pei seisui ki, anonymous. The best edition is that of Mito, with the added title Sankō (collated), printed in the Shi-seki shū-ran series, 1901—1902, in 3 vols. (Hereinafter abridged as GP.)

[11]) See the Heike monogatari kō, by Yamada Takao, edited by the Koku-go chō-sa i-in kwai, 1911, chaps. 4 and 5.

imperial government, of feudal jurisdiction, and of private transactions of juridical nature, found in various archives; many of these have been printed in the two great series of collected original sources edited by the Historiographical Institute, the Dai Nihon ko mon-zho[12] and the Dai Nihon shi-ryō.[13]

EVENTS

IT is first necessary to give a short narrative of events which occurred before Yoritomo's death in 1199, for the institutional evolution of the age may be discussed intelligently only in reference to these happenings. They fall into five distinct periods of uneven lengths: period I, from the rise of Yoritomo as a rebel to the flight of the Taira from Kyōto; II, Yoritomo's struggle with Yoshinaka in Kyōto; III, the complete defeat and extinction of the Taira in the west; IV, Yoritomo's chastisement of his brother Yoshitsune, and his annexation of Mutsu and Dewa; and V, Yoritomo's winning of the title shōgun and his enjoyment of the fruits of all his successes.

Period I, 1180-1183.

Yoritomo was a boy of barely thirteen years of age, when he was captured as he fled with his father after the latter's defeat in the war of 1159, and, being spared from death by the intervention of a sympathetic Taira lady, was sent in exile to Idzu, not far from Kamakura. Here he spent twenty years of a straitened existence under the meager support given by a few friends. What manner of man he grew to be can only be inferred from his actions after 1180; and they bear an ample testimony to his extraordinary qualities as a leader of man and as a creative statesman. "With a large head and short in stature, but of an elegant appearance, and of clear articulation in speech," is the description of his person said to have been given to the sovereign by his emissary returned from Kamakura three years later.[14] More significant is the impression of the man which about the same time the courtier Kanezane recorded in his diary, long before he saw him in person: "of great dignity, a powerful will, and clear and reasoned judgment," "Yoritomo is destined to rule the world."[15] These qualities, and much besides, are fully illustrated in his daily conduct

[12]) Of the collections of documents already published in the great series Dai Nihon ko monzho (hereinafter abridged as DNK), the following contain more or less documents of this period: Iwashimidzu, Kongō-zhi, Kōya-san, Kwanshin-zhi, Tō-zhi (incomplete), the Mōri, and the Sagara. — There are archives which have not yet been printed in this series. Some of them are quoted in the work mentioned in the next note; others which we have used will be cited with the names of the archives.

[13]) Of the Dai Nihon shiryō, material for our period is in series IV, vols. I—IV, 1902—1907. (Hereinafter abridged as DNS.) — Of the many books and articles by modern writers, those which may be usefully referred to will be mentioned in the following notes.

[14]) HM, xv; GP, xxxiii.

[15]) GY, 1183. X. 9, and intercallary X. 18. (A lunar calendar was in use, in which the first day of a year would fall in the January or February of the Gregorian solar year. Hereinafter, in our text, we shall reduce the lunar dates to the solar; but, in our notes, the lunar dates will be retained, for convenience of reference and verification, and only the years will be changed to the solar year of the Christian era, the major part of which corresponded thereto. In the notes, the year, the lunar month, and day, are consistently given as in this note; thus, 1183. X. 9, means the ninth day of the

recorded in the simple language of the annals of Kamakura. There we find him stern in self-control; rigorous in the discipline of his retainers, though always solicitous of their interest and appreciative of their loyalty; jealous of his place as suzerain; and so constant in his larger aims and so clear in his political vision as to be swayed neither by prospects of lesser gains, however important in themselves, nor by the fear of the enemy, who was the very government of the nation. Yet his responsive nature and his piety and filial affection expressed themselves at times in acts of sympathy, gratitude, or humility which move us by their true spontaneity. And he was an accomplished archer and no mean writer of verses and epistles.

When, however, he raised his banner in Idzu, in September 1180, with the bold intention to confront the Taira, Yoritomo commanded only a handful of followers,[16] while the Taira were, though generally unpopular, at the height of their power, and dominated, the imperial court at Kyōto. Quickly defeated[17] in a battle with local vassals of the Taira, Yoritomo fled,[18] but soon established himself at Kamakura,[19] in the heart of the region in which his forefathers at the time of their great renown had won a large number of vassals. The native respect for birth and family ties was so deep, and the hatred of the rule of the Taira was so widespread, that, within a few months, local warriors flocked to the Minamoto scion at Kamakura and gave him an increasingly formidable army.[20] Moreover, his example inspired other remnants[21] of the clan and other malcontents to rise in revolt, in Shinano and further north,[22] in Kii,[23] in Shikoku,[24] and in Kyūshū[25]; and disorder infected even the vicinity of the imperial Capital itself.[26] The vaunted power of the Taira waned rapidly; their expeditions toward the east[27] either failed or miscarried[28]; and, as Yoritomo's control steadily pushed westward, the Taira were compelled to admit in March 1181 that their forces were too small and that their provisions had been exhausted east of Kyōto.[29] Then followed general suspension of arms[30] for more than two years after the end of April, during which all parties husbanded their resources. Yoritomo, hitherto and still technically a rebel against the government, already opened a secret channel of communication with the imperial court[31] chafing under the yoke of the Taira. In the middle of 1183, the

tenth lunar month of the year which mostly corresponded to A. D. 1183. One may readily convert the lunar dates to the solar by the use of E. W. Clement's "Comparative chronological tables," in the Transactions of the Asiatic society of Japan, 1910.

16) AK, 1180. VIII. 17, 20, 23 (three hundred mounted).
17) AK, 1180. VIII. 23, 24.
18) AK, 1180. VIII. 29.
19) AK, 1180. X. 6, 15.
20) See note 134.
21) HM, vii, p. 247.
22) AK, 1181. V. 4, 15, 18, IX. 7, X. 9, etc.
23) AK, 1180. X. 6; GP, 1181. II. 17; there are entries also in HR and GY.
24) GP, 1181. II. 17; AK, 1181. intercallary II. 12; also in Yo-shō ki.
25) GY, 1181. II. 11, 29, etc.; AK, 1181. II. 29, IV. 14, VIII. 3, etc; also in HM, GP, KK, and HR.
26) AK, 1180. XII. 11, 25; also in GY and HM.
27) See note 111. Also GY, 1181. intercal. II, 15; HM, xii, p. 419; GP, xxiii, p. 5.
28) AK, 1180. X. 20; 1181. I. 20; HR, 1180. X. 3; GP, xxvi, 14; AK, 1181. III. 10.
29) GY, 1181. intercallary II. 6.
30) GY, 1181. X. 4, 10, 13, 27; 1182. VII. 13, VIII. 25.
31) GY, 1181. VIII. 1.

Taira's great army sent north against Yoshinaka, a Minamoto, was cut to pieces and retired to Kyōto with a terrific loss.[32] Yoshinaka with his ally Yuki-ié, another Minamoto, pursued the enemy to the Capital, and the entire clan of Taira precipitately fled west, carrying with them the infant emperor Antoku, and setting on fire their more than five thousand houses in the city.[33] Yoshinaka and Yuki-ié entered Kyōto in triumph on 17 September, and at once received a mandate of the court to repress the Taira as rebels.[34] The latter's offices were revoked,[35] while Yoritomo's humble rank of which he had been deprived when he was exiled twenty-three years before was restored.[36] Since Yoritomo regarded Yoshinaka as his own agent,[37] he, who had been a public enemy, was now in a position to say that, "although as an exile in Idzu he had not received a special imperial command," he had succeeded by good fortune in sweeping away the enemy and "in restoring the country to the sovereign.[38]"

Period II, 1183—1184.

The city of Kyōto saw during the half-year betveen the middle of September 1183 and early March 1184 an abrupt rise and fall of Yoshinaka. A dashing warrior with no vision of statesmanship, he had of a sudden found himself in the commanding position at the Capital vacated by the Taira; he was hardly capable of holding the glory which he only partially merited, but tried hastily to consolidate his power over the imperial court, neglecting to carry out the commission to pursue the Taira in the west,[39] or to give due regard to the justice which he owed to Yoritomo.[40] For, it should be remembered, it was Yoritomo's control of the east that had crippled the Taira and had made possible Yoshinaka's recent victory over them in the north. Yoshinaka, however, should not be held solely responsible for the events that ensued, for the sovereign at Kyōto with whom he had to deal was the ex-emperor Go-Shirakawa,[41] whose notorious fickleness was a cause of many a political woe at this and other junctures.[42] The drama which now rapidly unfolded itself was largely an interplay between these two personalities acting under the mild but unerring pressure exerted by Yoritomo from the distant Kamakura. Go-Shirakawa respected and would befriend him,[43] but feared the menaces from Yoshinaka close at hand[44]; the sovereign's intrigues finally goaded the impatient warrior to compel him with violent force to dismiss his ministers and to form a court friendly to his own interest,[45] and to wrest from it, on

32) GY, 1183. IV. 23, 26, V. 3, 11, VI. 5; HM, xiii, p. 451ff.
33) GY, 1183, VII. 25; HM, xiv, p. 491; GP, xxxi, p. 40f. Cf. Munemori's letter in AK, 1184. II. 23.
34) HR, 1183. VII. 28; GP, xxxii, p. 13f.
35) HR, 1183. VIII. 6.
36) HR, 1183. X. 9; Ku-ge bu-nin, in Koku-shi tai-kei, vol. IX, 1899, p. 519.
37) AK, 1184. III. 1; Yoritomo to Enryaku-zhi, in HM, xv, p. 546.
38) AK, 1185. XII. 6, Yoritomo to the imperial court.
39) AK, 1183. X. 15, intercallary X. 15.
40) Cf. HR, 1183. VIII. 10, 16; GY, X. 23.
41) Go-Shirakawa, born 1127; emperor 1155—59; continued to reign as ex-emperor till his death in 1192.
42) Characterization in GY, 1184. III. 16; 1185. X. 25; etc.
43) HR, 1183. VII. 28; GY, VII. 30; X. 2, 4, 6, 9, 13; intercallary X. 13, 20, 22; XI. 4. Cf GY, 1183. IX. 5.
44) GY, 1183. X. 15, 22; intercallary X. 13, 17, 20, 23; XI. 17, 18.
45) GY, 1183. XI. 19, 21, 28; XII. 3. HR and most diaries refer to the events.

24 January 1184, a mandate to open war with Yoritomo.[46] A month later, Yoshinaka was even raised to the exalted office of shōgun.[47] Here was a singular spectacle: Yoritomo had been stigmatized as a public enemy, but the overwhelming forces,[48] which he had already sent toward Kyōto under the command of his two brothers, were welcome to the harrassed court that tacitly hoped for their success[49] against the detested northerner. In the face of this formidable army, Yoshinaka was but a candle before a wind; he was immediately defeated and died a solitary death, on 5 March 1184.[50]

Period III, 1184—1185.

The history of these fourteen months was enacted in a wider sphere and charged with events that profoundly stirred the popular imagination. The flight of the Taira westward in September 1183 was effected with the obvious intention to gather their forces there with a chance of regaining Kyōto; for, even as the ancestoral sphere of influence of the Minamoto was the region around Kamakura, so the real strength of the Taira lay in the immense vassalage which the clan had long commanded in territories bordering the Inland Sea.[51] Yoritomo would at one time have been content with an unquestioned command of the east, and to leave to the Taira the control of the west.[52] But the Taira sought no compromise[53]; moreover, they had profited from Yoshinaka's dilatory tactics against them, and succeeded in consolidating their power, despite the fact that they had been divested of their landed possessions by the imperial government,[54] and in establishing their headquarters close to Kyōto.[55] Yoritomo and the Taira were no longer reconcilable with each other; their further success might possibly imperil his position even in the east. The great army which he had sent against Yoshinaka was, therefore, in reality designed for concluding a decision with the Taira.[56] On 20 March 1184 the Taira sustained a crushing defeat at their stronghold at Ichinotani,[57] and retired to the coast of Sanuki, in Shikoku.[58] In a second campaign a year later, the remainder of the once glorious clan was driven out of this retreat,[59] and soon later, on 25 April 1185, was nearly exterminated in a naval battle at Dannoura,[60] most of the men gallantly falling the sword in hand, and the others sinking into the sea together with the young emperor Antoku, and leaving but a few as captives in the hands of the enemy. The meteoric rise of the house of Taira and its chivalrous end, made doubly poetic by the marks of refinement and culture which

---

46) HR, 1183. XII. 10, 16.
47) AK, 1184. I. 10.
48) AK, 1184. I. 20, II. 5. The numbers given there are exaggerated, as may be inferred from GY
49) GY, 1183. XI. 21.
50) AK, 1184. I. 20; and all diaries and HR.
51) See Yamaji Yakichi, Minamoto no Yoritomo, 315ff.
52) GY, 1181. VIII. 1.
53) The same reference.
54) GY, 1183. VII, 30; HR GP, xxxii, p. 51; HR, 1183. XI. 25, XII, 2; GY, XII. 3.
55) AK, 1183. II. 4; full narratives in HM and GP.
56) GY, 1183. IX. 25, X. 9.
57) AK, 1184. II. 7; GY, the same date.
58) Cf. AK, 1184. IX. 19, XII. 7.
59) AK, 1185. II. 16, 18, 19, 21, III. 8.
60) AK, 1185. III. 22, IV. 4.

many of its members evinced to the last moment, have afforded unending themes for epic literature.

Period IV, 1185—1189.

Jealousy of power is one fault attributed to Yoritomo.[61] The brilliant victories at Ichinotani, Yashima, and Dannoura, had been achieved solely by the unrivalled military genius of the young Yoshitsune. But the difference between him and his elder brother Yoritomo had become evident before that war was concluded,[62] and widened ominously soon after; for the suspicion once born in Yoritomo's heart that Yoshitsune harbored personal ambitions at his expense, many events and personalities contributed tragically to estrange them beyond all hope of reconciliation.[63] Deprived of his fiefs which he had won by his distinguished services,[64] Yoshitsune at Kyōto was at last impelled to cast in his lot with Yuki-ié;[65] the latter had once been allied with the late Yoshinaka and was now an open enemy of Yoritomo. Again Go-Shirakawa's inconstancy came into play: fancying that Yoritomo, whom he feared more than any other, might once more forgive his temporizing policy, the ex-emperor sought to defer more immediate difficulties by yielding to Yoshitsune's demand[66] and granting him, on 11 November 1185, an order to make a punitive war upon his brother.[67] Yoritomo had already mobilized a tremendous army of his vassals,[68] and himself set out toward Kyōto.[69] Yoshitsune and Yuki-ié were immediately reduced into a position[70] similar to that of their late kinsman Yoshinaka, for they lacked all feudal authority, while their intimidation of the court had alienated popular sympathy,[71] even for Yoshitsune, who had till yesterday been the idol of warriors and a favourite of Kyōto. The two men hastily fled the Capital with a few hundred knights,[72] and, being shipwrecked, scattered into obscure corners.[73] Go-Shirakawa, as he had done two years before with the Taira, deprived Yoshitsune and Yuki-ié of their offices,[74] ordered the local governors to search and arrest them,[75] and made futile attempts to placate Yoritomo.[76] The latter's conduct at this juncture was calm and respectful, but revealed a strong hand before which the feeble court af Kyōto would have no choice but to yield: returning to Kamakura[77] on hearing of the rebels' flight, Yoritomo ordered a part of his army

---

61) Kōda Rohan, Yoritomo, 1908, attempts a psychological study of Yoritomo's character and its development.

62) AK, 1184. VIII. 17: Yoshitsune had received official appointments and rank from the imperial court without consulting his brother.

63) AK, 1184. IV. 21, V. 4, 5, 7, 15, 23, VI. 9.

64) AK, 1185. VI. 13.

65) AK, 1185. X. 13.

66) AK, 1185. X. 18.

67) AK, 1185. X. 18, XI. 7.

68) AK, 1185. X. 24, 25, 29.

69) AK, 1185. X. 29.

70) AK, 1185. XI. 5.

71) GY, 1185. XI. 3.

72) AK and GY, 1185. XI. 3.

73) AK, 1185. XI. 6.

74) AK, the following day.

75) AK, 1185. XI. 6.

76) GY, 1185. XI. 9, XII. 12, 14, 17, 1186. I. 28; AK, 1186. I. 5.

77) AK, 1185. XI. 8.

to proceed to Kyōto,[78] the presence of which would be more eloquent than words; moved the court to issue another general order to capture the fugitives;[79] and suggested to the court, through his special envoy Hōjō Tokimasa, that the suzerain be permitted to install his own vassals in all public dislands (kō) and all private domains (shō) as police agents and as collectors of the taxes and dues.[80] This last petition was granted with great reluctance but with all meekness, on 22 December 1185, the day after it had been tendered.[81] The profound significance of this momentous measure, which conferred upon Yoritomo as a feudal lord the right to exercise partial public authority over the public and private lands of the greater part of the country, and so for the first time in the history of Japan established on a firm basis her peculiar feudal régime, will be discussed later.[82]

Yuki-ié was captured and executed in June 1186.[83] But Yoshitsune's movements eluded search;[84] the revolt or the presence of his sympathisers was suspected from time to time in widely scattered places.[85] It was this continual uncertainty, and finally the discovery of Yoshitsune's presence in Mutsu,[86] that led to Yoritomo's conquest of the islands of south Kyūshū and of the two great provinces in the extreme north. These regions, especially Mutsu and Dewa, were thus at last brought more or less effectively within the orbit of imperial rule, an unforseen service rendered to the state by the feudal forces.

The conquest of the southern islands, which was easily accomplished with a small army in the middle of 1189,[87] had been due to a mere suspicion of their having sheltered Yoshitsune's partisans; and otherwise these islands were of too small value in men and resources to add much to Yoritomo's power as a suzerain.

Mutsu and Dewa presented a wholly different aspect. They had been dominated for three successive generations by the lords Fujiwara, who, in this vast and little known region, had amassed great wealth and built an enormous vassalage, and enjoyed practical independence from both imperial and feudal control.[88] Their preponderant position in the far north would at all events have been incompatible with the new power that had risen at Kamakura. Yoritomo had already subdued the Taira, and had completed the control of all feudal Japan but the spehere of the Fujiwara. A decisive grip between the two became inevitable when Yoritomo learned that the northerners were harboring the rebel Yoshitsune: the latter's supreme military talent, if it should lead the immense resources of the Fujiwara, would prove the most formidable challenge of his suzerainty that Yoritomo had ever met. He at first, between

---

78) AK, 1185. XI. 19.

79) AK, 1185. XI. 11; GY, XI. 12; AK, XI. 15.

80) AK, 1185. XI. 28; cf. XI. 12. On the reluctance of the court, see GY, 1185. XI. 28, XII. 8; GP, xlvi, p. 635, 638; HM, xix, p. 719.

81) AK, 1185. XI. 29.

82) See Institutions, II, B, below.

83) AK, 1186. V. 25.

84) AK, 1185. XI. 17, 1186. IV. 20, V. 13, intercallary VII. 22, IX. 15, 29, X. 10, 16, XII. 15.

85) AK, 1186, VI. 28, IX. 22, XI. 5, 29.

86) AK, 1187. III. 5; still doubted, IV. 4, 1188. I. 18.

87) AK, 1187. IX. 22, 1188. II. 21, III. 5, V. 17.

88) See Ōmori Kingorō, *Buke zhidai no kenkyū*, II, 1929, p. 1—75.

the close of 1187 and early March 1189, begged the imperial government to order the Fujiwara to punish Yoshitsune[89]; but the northern lords returned only evasive answers.[90] It was only after the latter date that Yoritomo began to urge that a mandate be granted directly to himself to lead a punitive expedition against the rebel and his abettors.[91] After having failed to persuade the reluctant court to yield,[92] and even though Yoshitsune had recently fallen under an attack by the Fujiwara,[93] who had at length carried out the imperial order, Yoritomo set out north with a great army, on 1 September 1189.[94] This was the only campaign that Yoritomo led in person and, as it proved, the greatest expedition in the whole Kamakura period (1185—1333). The feudal annals record that the army numbered 284,000 mounted,[95] and that, according to the word of a former vassal of the Fujiwara, the latter could command 170,000 knights.[96] If one would hesitate to accept these numbers as accurate, one may none the less say that a sanguinary duel impended between two-thirds and a third of the feudal forces of Japan. But it seems that the real energy of the Fujiwara either had been largely wasted by long isolation and idleness or was directed with small ability. After repeated losses[97] within a half month before 14 October,[98] their power was utterly broken, and all Mutsu and Dewa fell into the hands of the conqueror, and were definitively incorporated into his feudal system.[99] It was only then that he received an imperial mandate[100] to suppress the Fujiwara, dated on the day of his leaving Kamakura but really written nearly a week later[101]; such was the impotent jealousy of the court at Kyōto.

Period V, 1190—1199.

By 1190, Yoritomo had made himself the center of political Japan, and had created her history at one of its few momentous turns of events; he had subdued all the great obstacles in his path, mastered all the feudal forces of the land, and become the benefactor of the imperial court and the protector of the realm. For the remaining nine years of his life, he was able quietly to enjoy the fruit of his marvellous successes and the profound respect of all classes. He made two short visits to Kyōto, in 1190—1191 and 1195. In 1192, he was at length bestowed the coveted title of shōgun,[102] a fact which, as we shall see later, meant little real addition to his political power,[103] but without doubt enhanced his prestige in the eyes of all people. When he died rather prematurely, on 9 February 1199, at an age of fifty-two, the

---

89) AK, 1187. III. 5, IX. 4, 1188. IV. 9. X. 25, XII. 11.
90) AK, 1189. II. 26, III. 20, 22.
91) AK, 1189. II. 22, intercallary IV. 21, VI. 25, VII. 12.
92) AK, 1189. IV. 22, VI. 8, VII. 16.
93) AK, 1189. intercallary IV. 30.
94) AK, 1189. VII. 19; cf. VI. 30.
95) AK, 1189. IX. 4.
96) AK, 1189. IX. 7: Yuri's remark.
97) AK, 1189. VIII. 9 and 10, 13, 22.
98) AK, 1189. IX. 3.
99) See Institutions, II, B, below.
100) 101) AK, 1189. IX. 9.
102) AK, 1192. VII. 26.
103) See Institutions, II, B, b, below.

courtier-poet Sada-ié recorded in his diary: "No more important event to the state could have occurred."[104] Immediately, the government conferred upon his heir Yori-ié the title of shōgun, with the significant command: "Succeeding to the estate left by the Sei-i tai shō-gun Minamoto no ason, you shall, as heretofore, make his retainers and vassals serve as guardians of all the districts."[105] After Yoritomo, the suzerain of feudal Japan became the Hereditary Protector of the State.

*

We append below a chronological table of the chief events of Yoritomo's life.[106]
Minamoto no Yoritomo, third son of Yoshitomo, once governor of Shimotsuke.
Born 1147.
19 April 1160: exiled to Idzu.
8 Sept. 1180: rises from Idzu.
27 Oct. 1180: settles at Kamakura.
14 Sept. 1183: flight of the Taira from Kyōto.
5 March 1184: death of Yoshinaka.
20 Mar. 1184: battle of Ichinotani.
25 Apr. 1185: battle of Dannoura.
Late Nov. 1185: flight of Yoshitsune from Kyōto.
22 Dec. 1185: permission to install shugo and jitō.
3 Feb. 1188: Yoritomo is raised to the upper second rank.
14 Oct. 1189: death of Fujiwara no Yasuhira, in Mutsu.
5 Dec. 1190 to 11 Jan. 1191: Yoritomo's first visit to Kyōto.
21 Aug. 1192: the title of shōgun granted.
23 Apr. to 2 Aug. 1195: Yoritomo at Kyōto and Nara.
9 Feb. 1199: death.
22 Feb. 1199: Yori-ié appointed the second shōgun.

INSTITUTIONS

The general survey of events which we have completed should serve as an introduction to our analysis, which follows, of the institutional evolution of Yoritomo's powers as a shōgun. That evolution consisted, in a word, in a very rapid and very extensive growth of Lehnrecht, and in its successful though partial imposition upon Landrecht and Hofrecht; and in the fact that this imposition was effected by Yoritomo largely under imperial sanction, and yet in his capacity as a feudal suzerain, and not as a public servant of the state. The result was the peculiar shogunate which with further control of the non-feudal rights, as we have said, continued to form the basic factor of the Japanese feudal régime. And of this enduring régime in its early

104) MG. 1199. I. 18.
105) AK, 1199. II. 16; HR, 1199. I. 25, is similar.
106) Based on Ku-ge bu-nin and Son-pi bun-myaku.

but powerful structure, Yoritomo was the founder.[107] None other before him, not even Taira no Kiyomori (d. 1181), had to so wide an extent gathered rights in the three laws in the capacity of a suzerain and with imperial permission. Kiyomori, it is true, had made a large use of domanial lands, but to a smaller extent than Yoritomo, and without a general official authorization: Kiyomori's use of the resources of Hofrecht had been made either by private understanding[108] with their owners or by arbitrary usurpation. Kiyomori had also exercised wide public powers, but not as a pure feudal overlord, but by virtue of the official positions which he and his vassals held in the imperial system of government. On the contrary, Yoritomo's employment of his vassals, after 1186, as police agents and tax collectors in districts and domains was, as we have seen, authorized by the imperial court; and yet these men were charged with these public duties, not as officials of the government of Kyōto, but as vassals responsible to their lord at Kamakura, from whom they were to receive the benefits which attended the discharge of these duties as fiefs granted them for their services to him.[109] Otherwise, these vassals, as well as their suzerain, accepted few posts in the Landrecht, but bore occasional official titles whose character was honorary rather than really administrative.[110] To Yoritomo, therefore, legitimately belongs the name of the creator of Japan's political feudal rule.

Now we shall devote the remainder of this essay, in so far as we can with our present knowledge and within the space at our disposal, to a study of the character of the rights in the three laws which fell into Yoritomo's hands in successive cumulation and of the juridical grounds upon which he achieved these results.

---

107) For a contrary opinion, see K. Kuroita, Koku-shi ken-kyu, ed. 1918, II, 266f.

108) Many of the lands and tenures of the men who had fallen in the wars of 1156 and 1159 were confiscated by the government, and the Taira gained entry into them, not by virtue of any official order permitting the act, but by receiving secondary tenures from the imperial consort, a Taira lady, whom the court had invested with the escheated lands. The Taira's possession of the lands of those courtiers who were degraded in 1181 at Kiyomori's instance may have been an example of arbitrary usurpation: see HM, xii, p. 426ff; GP, xxvii, p. 11ff.

109) See Institutions, II, B, b and c, below.

110) When the lands and tenures controlled by the Taira were confiscated after their flight from Kyōto, it was said generally that they numbered more than five hundred: HM, xvii, p. 616; GP xxxii, p. 51; cf. AK, 1184. III. 6. The Taira and their vassals also had held a great many official posts in the central and local government (cf. HM, iii, p. 105; GP, vi, 294) in accordance with the normal method of appointment in the Landrecht; the chief Kiyomori had attained the office of the first minister of state, and his daughter had married an emperor and given birth to a prince, who under his influence had become the emperor Antoku. — Yoritomo was given the office of a councillor of state, Gon dai nagon, and a commander of the imperial guard, U-konnoé no taishō, on his visit to Kyōto in 1190—1191, but promptly returned them: AK, 1190. XI. 9, 22, 24, XII. I, 3. As for the title of shōgun, which he had desired and at last received in 1192, its honorary character will be discussed in Institutions, II, B, b, s. 5, below. A few vassals, on his recommendations, were made district governors in the east. This post was in the Landrecht and was really administrative, but its incumbents were responsible for its conduct, not to Kyōto, but to Yoritomo, who was the general administrative chief presiding over the east; see, further, Institutions, II, B, a, s. 1. below. — Yoritomo established the general rule that no vassal should receive an official appointment from Kyōto without his own recommendation. The violation of this rule was a cause of his difference with Yoshinaka, and later with Yoshitsune (note 62 above). He reproved in stinging words others who had disobeyed him likewise, and inflicted on them severe penalties: AK, 1185. IV. 15. Cf. Institutions I, 3, end, below.

Our study should begin with that of the gains made by Yoritomo during Period I, for two reasons: in the first place, his juridical status was in these three years, and never again, thoroughly abnormal; and, in the second place, it was precisely because of this abnormal state that he was enabled to lay a secure foundation of his feudal and political career and to mark out broad lines of its advance through the following years.

I. Powers gained before 14 September 1183.

An amazing fact of this period is that Yoritomo remained the arch-enemy of the state placed under the most serious form of public proscription, namely, the rebel against whom punitive armies of the land were repeatedly mobilized[111]; and that he, whose profound reverence of the imperial house amounted to a religion,[112] nevertheless, in full consciousness of his extra-legal position, dared not only persistently to resist the imperial forces with private arms,[113] but also to reap from the situation immense powers which he was to relinquish only in part after his reconciliation with the imperia court, and which he made the solid basis of all his later gains.[114]

The powers which he attained almost completely in this period were twofold: as the feudal chief of the vast region east of the Capital, and as the general administrator of a large part of it. What necessitated these arrogations was, according to his view, his duty to subdue the Taira, whom he openly called the enemy of the emperor (chō-teki) and of the state (koku-teki).[115] If he thus viewed his enterprise in the light of a military service which he should render to the state, and if he justified thereby his control of the eastern warriors and of the administration of some eastern districts as the necessary instruments of his effective service, the question arises as to whether and whence he had received a mandate for the performance of the alleged public service.

Yoritomo claimed that he had been commissioned to make war upon the Taira by an order (rei-shi) of Prince Mochihito, son of the ex-emperor Go-Shirakawa. The promulgation of the rei-shi is true; and it is also true that a crown prince, and possibly a shinnō, namely, a prince of a specially exalted rank, as well as an imperial consort, had, according to the law of the state, the authority to issue orders of this name.[116] Mochihito had ordered other men of the Minamoto[117] and the powerful Buddhist monastery Onzhō-zhi[118] to rise with their vassals against the Taira; and the

---

[111]) Cf. note 27 above. Further see AK, 1180. VI. 1; HR, 1180. IX. 5; GY, 1180. IX 11; SK, 1180. IX. 13; GP, xxiii, p. 5; HR, 1180. XI. 7; SK, 1180. XI. 30; GY, 1180. XII. 2, 1181. intercallary II. 15, V. 1; HM, xii, p. 419; AK, 1181. VIII. 13; HR, VIII. 14.

[112]) Cf. 1185. I. 6; etc. Yoritomo's reverence of the imperial house was deep and sincere, and is for the modern reader of the annals one of the most moving features of his character.

[113]) AK, 1180. X. 18, 20, 1181. II. 20, intercallary II. 17, III. 10, etc.

[114]) See Institutions, II, B, a, s. 1.

[115]) See note 181 below.

[116]) Ryō no gige, chap. 14, art., 66; chap. 21, art. 6. For a rei-shi of an imperial consort, see GY, 1192. I. 8.

[117]) AK, 1180. IV. 27. Cf. HM, xii, p. 426ff.

[118]) Cf. AK, 1180. V. 27; HM, viii, p. 263ff.

warriors in the east in general, to do likewise[119]; and seems to have specially commanded Yoritomo, who was legitimately the heir-general of his clan,[120] to lead "the Minamoto and the official soldiers [that is, in fact, the native warriors] of the eastern districts" as "their supreme commander."[121] Thereafter, Yoritomo steadily claimed, not only that he should lead the eastern warriors and punish the Taira, but also that he, by virtue of the rei-shi, was in possession of the east,[122] an assertion supported by no extant order of Mochihito.

But Mochihito was neither the crown prince nor a shinnō[123] and had no authority to issue a rei-shi; nor could even a crown prince ever have been empowered to promulgate documents of such ominous import. The fact is that Mochihito's orders, even as their language proved,[124] connoted his intention to organize a general upheaval against the government, dominated as it was by the Taira, with aspirations to ascend the throne. He was an open rebel, and was soon driven out of Kyōto and fell in war.[125] This occurred three months before Yoritomo started on his bold venture from his exile in Idzu, in September 1180, with the illegitimate rei-shi tied aloft upon his banner.[126] It is possible to argue that there were special circumstances which had more or less forced him to rise at that particular moment, when, it would seem, he was yet hardly ready to embark upon so hazardous an enterprise; but the fact remains that thereafter he always justified his rebellion as his faithful execution of Mochihito's command. It has even been suggested that the persistently recurrent rumor that the late prince was still alive in the camps of the Minamoto was studiously cultivated by Yoritomo.[127] However that may be, he himself was now the chief object of public expeditions.[128] Let us follow the broad lines of Yoritomo's subsequent acts committed in defiance of law and state.

1. Extension of vassalage.

As the rei-shi commanded, Yoritomo presumed to summon and lead local warriors in his armed service, and this directly meant, in his interpretation, receiving all or most of them into his own vassalage.[129] This was begun before his departure, and went apace with marvellous rapidity. The progress was greatly facilitated by the

---

[119]) AK, 1180. IV. 27; there are obvious later interpollations in the text. Other orders referred to in these notes are extremely irregular, even in form.

[120]) Yoritomo was a third son of the chief Yoshitomo, but the two elder brothers had died.

[121]) GP. xiii, p. 22, 24; HM, vii, p. 249. HM, x, p. 336, cites a mandate of the ex-emperor to Yoritomo to repress the Taira, but it can hardly be genuine; Yoritomo never referred to it in justifying his opposition to the Taira; on the contrary, he said explicitly that he had not received any imperial command: AK, 1185. XII. 6. See Miura Hiroyuki's article in the Shigaku zasshi, vol. V. Some think that the ex-emperor may not have been without some relation with Mochihito's revolt.

[122]) AK, 1180. VIII. 19, X. 27; GY, 1181. VIII. 1.

[123]) Cf. GY, 1196. I. 15.

[124]) AK, 1180. IV. 27. Rebels even referred to Mochihito's order as an imperial rescript, choku.

[125]) AK, 1180. V. 15, 26, 27.

[126]) AK, 1180. VIII. 23.

[127]) GY, 1180. IX. 23, X. 8, 19, XI. 22, 23; 1181. III. 7, IX. 7, X. 27. H. Hoshino inferred that the rumors were encouraged by Yoritomo (his Shi-gaku sōsetsu, II, 191ff, and in the Kamakura bun-mei shi-ron, 325ff); and K. Ōmori repeats the same view (his Buke zhidai no kenkyū, II. 268ff).

[128]) See notes 111 and 113 above.

[129]) AK, 1180. VI. 24, VII. 5, VIII. 24, IX. 3, 8, 15, 20, 28, X. 18, 20.

important fact that his ancestors down to his father had long been established in the east as district officials[130] and domanial agents, and that children of their former vassals loyal to their memories of Minamoto lords were numerous in this region.[131] Prominent warriors everywhere joined him with their own retainers,[132] some with thousands, it is said, or tens of thousands of them.[133] Men of whole villages and districts ran to him; and the movement, once under way, seems to have gone forward with an irresistible rate of acceleration.[134] Henceforth all his warlike acts, in this and the following periods, were done with the forces of his vassalage, whether old or new.

The relations of vassalage involved the enforcement of a feudal law; and it was rigorous and severe at Yoritomo's hands: sanctions against vassals' failure In obligations or breach of faith were the suspension of their service,[135] confiscation of their holdings,[136] banishment,[137] or war unto death.[138] His later wars upon Yoshinaka,[139] Yoshitsune,[140] and the Fujiwara,[141] though they all were later sanctioned by the government, were each begun as a simple application of the same feudal law. Perhaps in these matters Yoritomo was conducting himself as something more than a suzerain, as a dictator in time of war, but the actual practice in this important formative period of feudal rules could only redound to the strengthening of the lord's power over the vassal. Since the precedents established by Yoritomo were profoundly respected in the later ages, the fact just referred to should be borne in mind if one would understand the character of the Japanese feudal contract on its personal side. For want of space, we must refrain from entering upon this large subject. As for those aspects of the feudal contract which touched the fief, as distinguished from purely personal relations, they followed quite a different path of development, for, in the peculiar organization of the early Japanese fief, the question did not lie simply between lord and vassal, but between Lehnrecht and Hofrecht; upon this we shall have later occasions to touch.[142]

---

130) See Yamaji Yakichi, Minamoto no Yoritomo, 1901, p. 56ff, 111ff.

131) AK, 1180. VII. 5.

132) AK, 1180. VI. 27, VIII, 2, 6, 17, 22, IX. 4, 17, 19, 20, 29; 1181. intercallary II. 17.

133) AK, 1180. IX. 19, 29, X. 18.

134) AK, 1180. VIII, 23 (300 mounted); IX. 13 (more than 300 mounted); IX. 29 (more than 27,000 mounted); X. 2 (more than 30,000 mounted); X. 18 (200,000 mounted). (Some of the larger numbers would seem exaggerated.) At the time of the Taira's northern expedition in 1183, it was said that nearly all men in the east and north had followed the Minamoto: HM, xiii, p. 447; GP, xxviii, p. 22f.

135) AK, 1181. II. 18.

136) AK, 1180. X. 23, XI. 8, 20; 1181. II. 28, III. 27, IV. 30, IX. 18, X. 28.

137) AK, 1181. II. 18.

138) AK, 1180. X. 3, 17, 21, XI. 4, 5, 12, 26; 1181. I. 6 and 19, intercallary II. 17, IX. 7, 16, 18. Cf. AK, 1184. I. 10.

139) AK, 1184. I. 20. In this and the other two cases mentioned, Yoritomo acted without any authorization from Kyōto.

140) AK, 1185. X. 24, 25, 29.

141) AK, 1189. VI. 30. The later war on Kanetō, a vassal of the late Fujiwara was from beginning to end a purely private act: AK, between 1190. III. 25 and IX. 9.

142) See the next section, and Institutions, II, b, c, and C, below.

2. Administration of the east and interference with the domanial law.

On the very day of his open use of arms, 10 September 1180, Yoritomo issued an order to the inhabitants of a domain over which he had no proprietary rights.[143] This was followed by many acts of similar character: he sent from Kamakura charters of gifts [144] or confirmations [145] of lands and tenures, private and public; incorporated private lands into the public, and then gave them away as his gifts [146]; commanded public administrative officials,[147] as if he were the governor-general of the eastern districts, even on his household business [148]; granted exemptions [149] and immunities [150] to vassals and religious institutions, and otherwise regulated the affairs of the latter [151]; and exercised judicial power over disputes relating to land.[152] Yoritomo went so far as to appoint temporary military governors of whole districts (kuni) from among his vassals,[153] in one instance even in Tosa far from the east.[154]

In extenuation of these acts, some of which must be characterized as usurpation of public powers, Yoritomo might point to the fact to which we have alluded, that is, his ancestors had been public administrators [155] and domanial agents in some of these places. But that was a thing of the past; no government could countenance such general powers of an unauthorized heir as were assumed by Yoritomo. In fact, the court of Kyōto ordered warriors of the very east to be commanded by the Taira in their wars with Yoritomo,[156] and appointed governors in some of its districts.[157] None the less it was a stern reality that Kyōto lost in this period nearly all control of the whole of the east [158]; already in the spring of 1181 the Taira, harrassed as they were by minor uprisings in other places as well, declared that they no longer could command men or provision in the east [159]; and the court seriously deliberated means of conciliating the enemy.[160] Then, as we narrated above, intervened long months of practical armistice on both sides, followed in the middle of 1183 by a re-

---

143) AK, 1180. VIII. 19.
144) AK, 1180. IX. 10 and X. 18; IX. 11; X. 8; X. 16, 20, 23, XI. 12; 1181. III. 12, X. 12; 1182. IV. 20.
145) AK, 1180. X. 8, 23, XII. 14; 1181. IV. 20; 1182. VII. 5, XII. 2, 30; etc.
146) AK, 1186. IX. 30; earlier cases are not recorded, but may be suspected.
147) AK, 1180. IX. 1, 4; 1181. II. 10, V. 19, 23, 28.
148) AK, 1181. V. 23.
149) To vassals: AK, 1181. VII. 20, VIII. 27, XI. 29; to religious institutions: AK, 1181. II. 10; 1182. VIII. 5.
150) AK, 1184. VII. 16 (betsu-nō); there may have been earlier cases, though not recorded.
151) AK, 1180. VIII. 24, XI. 14; 1181. II. 10, III. 12, VII. 8, VIII. 29; 1182. II. 8, VIII. 11.
152) AK, 1182. IV. 20; 1182. V. 25.
153) AK, 1180. X. 21; cf. 1190. VI. 29.
154) AK, 1182. XI. 20.
155) Note 130 above.
156) HR, 1180. IX. 5; SK, 1180. IX. 5; HR, XI. 7; GY, 1181. I. 8; AK, II. 15; HM. xii, p. 419; GY, VI. 15; HR, X. 14; HM, xiii, p. 447.
157) HR, 1181. I. 8; GY, I. 16; GY, 1183. X. 23.
158) GY, 1181. intercallary II. 6; Yoritomo's words to Yuki-ié in GP, xxviii, p. 432; letter of the Taira to Mt. Hiei, HM, xiv, p. 476.
159) GY. 1181. intercallary II. 6; cf. HM xii, p. 418.
160) GY, 1181. intercallary II. 6.

newed campaign in the north that ended disastrously for the Taira. During this interval, Yoritomo's control of the east must have been further consolidated.

It is most notable that Kyōto made little effort in the later years to dispute Yoritomo's claims in the east, but tacitly admitted them as an established fact.[161] In the meantime, he had become the indispensable mainstay of the imperial government, and had found himself in a position, as we shall observe, to forsake his earlier defiant attitude but to comport himself as the loyal protector of the east,[161] though never once renouncing his substantial control of the vast area, but on the contrary adding thereto the administration of the great northern provinces of Mutsu and Dewa.[161]

Yoritomo's rule of the east during the period of his rebellion necessarily involved a wide infringement of the established rights of the domanial lords. His acts of granting[162] or confirming[163] lands and tenures, of confiscating[164] them and freshly investing his vassals with them,[165] of altering the character of tenures or creating new ones,[166] and of issuing writs forbidding disseisin or of judicially trying its cases, were all flagrant encroachments upon Hofrecht. Since he was in no position to mediate with domanial lords or with the government, he could only act in simple usurpation and in an arbitrary manner, when he desired to reward the services of a vassal or to benefit a religious house. Under such circumstances, it is idle for us to seek in this period any rules which may have been developed in the method of making use of domanial resources in the interest of the feudal law; there were few rules, save the one long since in practice that investitures and confirmations should be in writing and that these documents, as well as the writs to forbid disseisin,[167] should assume certain established forms. It was only in the later periods, when the suzerain was able to treat with the proper guardians of Hofrecht, that some of those notable rules[168] of the Japanese fief, a knowledge of which should be a matter of interest to the student of comparative feudal institutions, were enabled slowly to formulate themselves. But before that more orderly process of development could begin, precedents of general intervention with the domanial customs had been established by Yoritomo in the first lawless period. What was begun then was later continued in regulated forms, but none the less at the real expense of Hofrecht.

3. Motives of Yoritomo.

Students should never forget that juridical institutions possess no innate vital force that would enable them to propagate or transform themselves; it is the ever changing social needs and personal motives that cause human institutions to develop or decay or alter their character.[169] Since it is our aim to understand the marvellous fact that Yoritomo built in a few years the foundations of the peculiar feudal régime of Japan

---

161) See Institutions, II, B, a, s. 1, below.
162) See note 144 above.
163) Note 145 above.
164) AK, 1180. X. 23, XI. 8, 20; 1181. II. 28, IV. 30, IX. 18, X. 28.
165) AK, 1180. XI. 8; 1181. II. 28, III. 27, IX. 7, 13, X. 28.
166) AK, 1182. III. 5, VII. 5.
167) AK, 1180. VIII. 19.
168) See Institutions, II. C, below.
169) A good illustration is the treatment by various jurists and historians of the history of the Roman and the Frankish precarium.

that was to endure and grow, it seems necessary for us, not only to examine what institutional elements he found at his disposal, but also to consider what needs and what motives impelled him to utilize these juridical factors in the ways which he pursued. How should we interpret his attitude of determined defiance of the imperial government during the three years after 1180, — the government which he otherwise revered with sincere devotion?[170] Did he not succeed in winning the vassalage and the administration of the east precisely because of this defiant attitude?

It is evident that Yoritomo in 1180, an humble exile that he was, boldly took his decision to choose the more difficult of the two alternatives which presented themselves to him, namely, whether to continue to subsist on the meager support given by his few friends and to spend the rest of his life in idle confinement, or to rise and challenge the power of the all-puissant Taira. To this decision he may well have been encouraged by the orders of Mochihito which he received, and may even have been impelled by other special circumstances. The decision was none the less momentous for Yoritomo, for he must at once have seen that in the direction to which he pointed nothing but success or death faced him. He must also have clearly known that a success could be achieved, if ever, only by making local warriors his personal vassals and by controlling the government of the east; for, in spite of the fact that the first of these two enterprises was not explicitly permitted and the second was not even remotely contemplated in the prince's orders,[171] Yoritomo from the outset proclaimed that the one and the other privileges had been granted to him. Such an assertion was no doubt an expression of Yoritomo's hope to count upon the memory which still lived of the similar achievements on a smaller scale that his forefathers had attained in this region. Here, then, a war with the Taira was the prime object, and the gaining of the vassalage and the government of the east were its two necessary conditions. In the meantime, Mochihito and his partisans had perished as rebels, and Yoritomo had succeeded to their place as the arch-enemy of the state. Our problem, therefore, is reduced to this: what justifications did Yoritomo conceive in his mind for so resolutely and so consistently defying the constituted government of the emperor, of whom he otherwise proved throughout to be a most loyal servant? Illegitimate orders of a rebel prince already killed could be but a hollow pretext.

For the solution of this problem, one needs not be thrown back upon mere conjectures, for we possess several declarations by him and other Minamoto,[172] above all Yuki-ié's[173] prayer and Yoritomo's[174] own to the deity of Ise, the ancestress of the imperial house; and the ideas expressed in these documents were repeated also by others[175] than the Minamoto, a fact which proves their general currency among all who would justify their espousal of Yoritomo's cause.

---

170) Note 112 above.

171) Cf. GP, xiii, p. 22, 24; HM, vii, p. 249.

172) Yoshinaka's prayer to Hakusan, HM, xiii, p. 451 ff; to Haniu, ibid., p. 455 f; letter to Yoshinaka from Mt. Hiei, ibid., xiv, p. 475 f; Yoritomo's letter to Mt. Hiei, ibid., XV, p. 546.

173) Dated 1181. V. 19, in HM, xii, p. 426ff, or GP, xxvii, p. 11ff; Kanezane's criticism of the same, in GY, 1181. IX. 7.

174) AK, 1182. II. 8.

175) See the third reference in note 172 above; and letter to Yoritomo from Onzhō-zhi, AK, 1184. XI. 23.

In short, said the prayers, the house of Minamoto, exactly in the same way as that of Taira, had descended from the imperial family, and the two had for centuries been the protective arms of the court and the state.[176] It was a blind fortune of war that had reduced the Minamoto to their present state of grief;[177] and this had, moreover, been inflicted upon them more or less unjustly by the vindictive Taira.[178] And after their rise to an exclusive ascendency, the Taira had abused their power in the most disloyal fashion, persecuting and imprisoning an ex-emperor, dismissing his ministers, elevating upon the throne an infant son of their own daughter, and grasping hundreds of public official posts[179] and still more hundreds of domanial tenures.[180] By these acts, in all public opinion, the Taira had made themselves the enemy of the state and emperor.[181] The Minamoto forces had therefore risen as "righteous warriors" (g i - h e i)[182] with the mission to "restore the country to the sovereign."[183]

These ideas were hardly an after-thought, for they were already in evidence in Mochihito's orders of 1180[184]; if these helped to propagate the ideas, they could not have spread so widely and swiftly as they did, if the orders had not expressed the very thought which had been tormenting many souls. The hatred of the high-handed rule of the Taira was in fact universal, and was perceptibly deepened when they attacked and destroyed the great Buddhist monasteries of Mii and Nara in early 1182; the Taira were now enemy of both the "law of the state" and the "law of the Buddha,"[185] the two which, as the people had been taught for ages, should support each other and should together sustain the country. The feeling was shared by the imperial court at Kyōto, as was fully evidenced by its conduct after the defeat of the Taira in the north in 1183; almost automatically they were proscribed, and Yoritomo and his allies were received into graces, a fact which can hardly be explained by the mere fickleness of an ex-emperor.

No one would dare measure the extent of Yoritomo's ambition when he rose from Idzu in 1180; but in a letter which he is said to have secretly presented to Go-Shirakawa a year later, when the Taira though weakened still retained their hold upon the Capital, the writer of the message expressed the wish that he be permitted to remain as the protector of the east, while the Taira should hold the west.[186] How much further Yoritomo's designs advanced when the Taira retired westward in 1183, is a matter for speculation; but it is certain that, after that date, the actual steps which

[176]) Prayers of Yoritomo, Yuki-ié, and Yoshinaka, and letters of Yoritomo, Hiei, and Onzhō-zhi, noted above; also Yoshitsune's letter from Koshigóe, AK, 1185. V. 23. The same thought expressed by the Taira: GY, 1178. XII. 24: AK, 1184. II. 20. III. 28; HM, xiv, p. 476; xvii, p. 615, or GP, xxxviii, p. 174 ff.

[177]) Yoritomo: note 174.

[178]) Yoritomo: note 174.

[179]) Yuki-ié: note 173.

[180]) Yuki-ié: note 173.

[181]) Yoritomo's prayer, and Hiei's letter; AK, 1180. VIII. 2; GY, 1181. VIII. I.

[182]) AK, 1180. VIII. 2; Yoshinaka's prayer. GY, 1183. VII. 30, puts this expression even in the mouth of Go-Shirakawa.

[183]) Yuki-ié; Yoshinaka; Yoritomo to Hiei; Yoritomo to the imperial court, GY, 1183. X. 4; AK, 1185. XII. 6.

[184]) AK, 1180. IV. 27.

[185]) Yoshinaka, Yuki-ié, Yoritomo.

[186]) GY, 1181. VIII. 1.

Yoritomo took one by one in a progressive assumption of Landrecht and Hofrecht were largely determined, as we have shown in the narrative given above and as we shall see still more, by events many of which no one could have foreseen. What was constant was Yoritomo's indomitable will-power and his remarkable ability to meet things as they came. As for the motives which guided his conduct, at least after his successes down to 1183, they were, we would infer, his determination to hold the east; upon this firm basis of his power, to be a protector of the state and an executor of imperial orders, including possibly an order to subdue the Taira in the west; and to do these great tasks purely in the capacity of a feudal suzerain, and not as a minister of state like a Taira. Of these three points, the first two will be elaborated in later sections,[187] but it behoves us here to add a word to the last point.

To Yoritomo, Kyōto, with its own organization and tradition, must have always appeared as a force capable of neutralizing the rigor of his feudal discipline. While he remained receptive to the benefit of some phases of the culture of the court, and was even anxious to avail himself of the counsel of men versed in its usages, Yoritomo knew well that he was after all a chieftain of warriors, and that his proper sphere was that of his own vassals. Their code of morals and their whole view of life, based as they were upon a keen sense of personal honor and loyalty to principles, were hardly compatible with the refinements of Kyōto, which were largely modal and non-moral in their conception and decidedly enervating by their effects. Nor could Yoritomo tolerate that his vassals should freely accept official appointments from the imperial government[188] and otherwise establish an intimate relation with it, any more than a Charlemagne would be pleased with a Tassilo of Bavaria being closely associated with the Langobardian royalty, or a Hohenstaufen emperor would encourage a Henry the Lion to accept favours from the Byzantine court or from the Papacy. Yoritomo would not take court offices for himself,[188] much less mingle with the courtiers in their own circles. Nor would he change the seat of his feudal government, but stay in Kamakura, far from the immediate influence of Kyōto and at the heart of his ancestral sphere. Not the least proof of his wisdom was this determination to abide as the great suzerain of the east, subservient to imperial command but independent in the mastery of his own world of vassalage. Herein he had learned from the disastrous experiences of the Taira and Yoshinaka, and struck out a new line of political conduct, which was later ignored to their cost by the Ashikaga and followed to their great advantage by the Tokugawa shōgun.

Now that, in 1183, Yoritomo was at last in a position to carry out the intentions which we have ascribed to him, we shall try to see how successive events led him gradually to solidify this position, and to conceive further ambitions and to reap more extensive powers.

K. Asakawa.

New Haven, U. S. A.

---

[187]) See Institutions, II, B, a, s. 1; and b; below.

[188]) See note 110 above.

DER WAGERECHTE STANGENABSCHLUSS AN DER NORDCHINESISCHEN GRENZE UND IN CHINA

Bronzehülsen chinesischer Herkunft, die in Tiere oder Tierköpfe ausgehen, pflegt man als Stangenbekrönungen zu bezeichnen und dem Einfluß des eurasischen Steppengürtels zuzurechnen. Mit diesen Feststellungen ist ihr Entstehungsgebiet gegeben. Der Übergang der eurasischen Formen in chinesische vollzog sich an der Nordgrenze des Reiches, dort wo Barbaren tungusischen, türkischen und mongolischen Stammes im Chinesentum aufgingen. Daß schon die Skythen, die ersten in der eurasischen Steppe feststellbaren Metallgießer, die Stangenbekrönung aus dem vorderen Orient entlehnten und selbständig weiter entwickelten, hat neben anderen besonders M. Rostovtzeff nachgewiesen.[1] Er zählt auch ihre verschiedenen Verwendungsmöglichkeiten auf, nämlich für militärische Zwecke als Feldzeichen, für Bestattungszwecke als Standarte oder als Baldachinträger. Ist damit schon der Typus als zum nordasiatischen Kunstkreis gehörend erkannt, so gilt ein Gleiches für die Ausschmückung mit Tiermotiven. Man hat aber schließlich die Gruppe zu weit gefaßt und übersehen, daß sie von einer chinesischen überschnitten wird. Der Untersuchung dieser Tatsache wurde der Weg gewiesen durch eine früher in der Sammlung J. Sauphar, jetzt im Louvre, Paris aufbewahrte Bronze (Taf. VII, Abb. 1). Man hat sie häufig und zwar stets stehend abgebildet und eine Stangenbekrönung genannt.[2] Dadurch, daß die Aufnahme nicht ein genaues, sondern ein leicht gedrehtes Profil wiedergibt, macht sich das Auge von dem zur Gewohnheit gewordenen Irrtum nicht leicht frei. Gegen die bisherige Bestimmung sprechen verschiedene Umstände. Die Röhre trägt einen Wildesel, von dessen stilistischer Einordnung noch die Rede sein soll. Die beiden Öffnungen in der Mitte seiner Hinterschenkel können kaum dem sonst wahrscheinlichen Zweck, der Durchführung eines den Holzschaft haltenden Querpflocks, gedient haben. Immerhin besteht eine solche Möglichkeit. Widersinnig ist aber die senkrechte Stellung des Tieres. Man findet den Esel als flache Plakette in Sibirien und zwar im Minussinsk-Kreis.[3] Dort ist auch die Verbindung von wohlbeobachteten und geometrischen Bildungen an einunddemselben Tier die Regel. Die Schöpfer dieser so besonderen Kunst verlieren aber vor dem Ende des nachchristlichen Jahrtausends niemals die Beziehung zur Wirklichkeit. Weshalb

[1]) M. Rostovtzeff, «Iranians and Greeks in South Russia», Oxford 1922, p. 56. — Derselbe, «The Animal Style in South Russia and China», Princeton 1929, p. 99.

[2]) Rostovtzeff «Animal Style», pl. XXXI, 5. — O. Sirén, «Histoire des Arts Anciens de la Chine», vol. II, Paris 1929, pl. 21.

[3]) F. R. Martin, «L'âge du bronze au Musée de Minoussinsk», Stockholm 1893, pl. 29, 3.

der Esel früher angesetzt werden muß, wird man noch sehen. Wäre er tatsächlich aufrecht abzulesen, so säße er auf der Hinterhand, eine unmögliche und daher sicher nicht beabsichtigte Stellung. Dreht man nun die angebliche Standartenbekrönung um 45°, so ergibt sich ein ganz anderes Bild, für das zunächst Erklärung und Parallelen zu suchen sind.

Eine Hülse vom Umfang der Taf. VII, Abb. 1 kann in wagerechter Lage ein Deichselende beschlossen haben. Kleinere Wiederholungen, zu denen Taf. VI, Abb. 6 zu rechnen wäre, sind dann an den Querstangen von Fuhrwerken geringeren Ausmaßes zu vermuten. Im eurasischen Steppengürtel gibt es aber bisher aus keiner der geographischen und zeitlichen Gruppen ein einziges Beispiel einer solchen Verwendung. Auch die alten Beschreibungen der Chinesen und Griechen erwähnen für dieses Gebiet niemals Wagenschmuck. Ganz anders steht es um den ins Auge gefaßten Gebrauchszweck, wenn man China in Betracht zieht. Die Funde sind da so aufschlußreich, daß man die zahlreichen Textbelege außer Acht lassen kann.

In der Sammlung David-Weill, Paris, befindet sich eine chinesische Bronze, deren Form ohne weiteres für ein Deichselende spricht (Taf. VI, Abb. 1—2). Sowohl das Profil wie die Aufsicht lassen erkennen, daß eine senkrechte Stellung unmöglich wäre. Das gilt auch für die drei folgenden Abbildungen, bei denen sonst ein geöffnetes Maul nach oben, ins Leere schnappen müßte, während diese Bewegung doch nur in der gleichen Ebene, gegen einen eingebildeten Gegner möglich ist. Die Durchbohrung von oben nach unten fehlt zwar gewöhnlich, spricht aber nicht gegen unsere Annahme der Anbringung, auch nicht die Öse am unteren Rand, die Bänder oder anderen Schmuck getragen haben kann. Die deutlich abgesetzte Schlußkapsel ist in Form eines Tigerkopfes gebildet. Dabei lösen sich alle Einzelheiten in kleinteilige Muster, Punktfelder, Spiralen und gestrichelte Bänder auf. Sie sind in der gleichen Weise behandelt wie an den gewöhnlich Ts'in genannten Bronzen.[4] Selbst wenn man diese Gruppe in Anbetracht der zahlreichen Vertreter nicht auf knapp 50 Jahre festlegen will und sie auch über die erste Hälfte der Han-Zeit reichen läßt, das letzte Viertel des nachchristl. Jahrtausends kann jedenfalls als Entstehungszeit des besonderen Stils und auch der Bronze der Sammlung David-Weill angenommen werden. Sowohl der Gegenstand wie sein Muster sind damit als rein chinesisch nachgewiesen. Obwohl die Gerätkunst der folgenden Epoche bisher wenig beachtet wurde, kann man dem Typus weiter nachgehen. Eine durch den Kunsthandel verschlagene Bronze zeigt als Abschluß den Drachenkopf, der zwischen seinen Reißzähnen die Perle faßt (Taf. VI, Abb. 3). Die eingerollte Oberlippe und das nach rückwärts entwickelte einzige Horn bringen eine Weiterbildung des bekannten Han-Motivs. Mehrere Parallelen zu dem abgebildeten Stück sind in Korea zu Tage gekommen.[5] Sie bestätigen unsere Datierung in die Zeit der Sechs Dynastien. Aus der gleichen Epoche muß die Bronze des Metropolitan-Museums, New-York, stammen (Taf. VI, Abb. 4). Bei dieser erscheinen die Hörner wie in Korea als Paar. Das geöffnete Maul und die vorstehende Zunge bilden Abwandlungen der Darstellung, die zu einer späteren Bestimmung keinen Anlaß geben. Diese Bildungen erscheinen auch an einem besonders prächtigen Kopf, der statt des Drachens den Tiger ins Phantastische umbiegt, aber in Einzelheiten das Drachenmaul genau wiederholt, eine Neuerwerbung der Freer-

---

[4]) O. Sirén, op. cit. vol. I, pl. 78 u. folg.

[5]) Chosen Koseki zufu, vol. IX, pl. 1266.

Gallery, Washington (Taf. VI, Abb. 5). Die Größe des Gegenstandes macht eine andere als die hier und auch in der Freer-Gallery selbst angenommene Verwendung unwahrscheinlich, doch ist in diesem besonderen Falle auch mit wagerechter Anbringung an einer Architektur zu rechnen. Die chinesische Zweckbestimmung wie die chinesische Ausschmückung werden damit mindestens über ein halbes Jahrtausend verfolgt. Daneben gibt es aber auch eine unchinesische Fassung. Das Verschluß-Stück des Museums für ostasiatische Kunst, Köln, kann gleichfalls nur in wagerechter Lage verstanden werden (Taf. VI, Abb. 6). Es trägt auf der Röhre im Relief, auf der eingerollten Spitze in voller Plastik ein China fremdes Motiv, den Tierkampf. Es handelt sich dabei um zwei Lebewesen ganz gleicher Bildung, offensichtlich um Tiger. Der eine greift von unten kommend über, beißt in die Oberlippe des Gegners und hält sie hart unter den Augen mit beiden Pranken fest. Der andere liegt langgestreckt auf der Oberfläche und erscheint durch die unter den Schultergelenken des erhobenen Tieres ansetzenden Tatzen als der schwächere, unterliegende Teil. Das Motiv des Tierkampfs kommt aus dem Steppengürtel. Die Zusammenstellung von zwei Tigern findet sich hingegen dort nicht, man kennt dort auch nicht die plastische, in allen Teilen naturalistische Durchmodellierung der Körper. In Sibirien hätte man das Tier wenigstens in Einzelheiten formelhaft umgebildet. Eine solche Naturnähe der Darstellung, eine solche leidenschaftliche Herausarbeitung des dramatischen Vorgangs entspricht vielmehr der stilistischen Haltung der Han-Zeit, deren Bekanntschaft mit nordasiatischen Motiven ja zur Genüge bekannt ist. Mehr als das Thema hat China in diesem Falle also noch nicht übernommen.

Wenn die Kölner Bronze noch als rein chinesische Arbeit der Han-Zeit gelten kann, so verschiebt sich das Mischungsverhältnis mit der bereits erwähnten Bronze des Louvre (Taf. VII, Abb. 1). Gewiß zeigt der Kopf in der Gesamtbildung noch einen kaum zu übertreffenden Naturalismus. Aber die unter dem Körper zusammengelegten Läufe, die Betonung der Gelenke durch Spitzoval und Kreis, die Zacken der Mähne und die durchbrochenen Augen sind formelhafte Lösungen der Naturwiedergabe. Die Gelenkmuster können als allgemein sarmatisch gelten, die leeren Augen hingegen weisen auf ein ganz bestimmtes Einflußzentrum, auf den Minussinsk-Kreis. Sie gehören dort zu den Merkmalen einer Epoche, der Teplooukhov das erste Viertel des nachchristl. Jahrtausends zugewiesen hat.[6] Die Übernahme des sibirischen Motivs mag an der chinesischen Grenze bis zur Jahrtausendmitte hinaufreichen. Sie erfolgt jedenfalls an einem Gegenstand chinesischer Herkunft. Auch der die Röhre beschließende Ring ist an einer Querstange durchaus denkbar. Die Übertragung importierter Muster auf einen einheimischen Zweck steht nun keineswegs allein da. Die bei dem Esel noch möglichen Zweifel an einer wagerechten Anbringung entfallen völlig, wenn man eine Bronze des British Museum, London, heranzieht (Taf. VII, Abb. 3). Wieder modelliert der Künstler auf der Röhre im Relief, während er die Spitze vollplastisch verlaufen läßt. Diesmal bildet ein Wildschaf das Schmuckmotiv. Sollte die Öffnung in der Mitte des Schädels nicht durch den Verlust des Gehörns entstanden sein, so würde es sich um ein weibliches Tier handeln. Für diese Annahme spricht auch eine Wiederholung im Besitze der Kunsthandlung Loo, Paris, bei der das Loch fehlt. Das Wildschaf könnte als wohl beobachtet gelten,

[6]) S. Teplooukhov, «Essai de classification des anciennes civilisations métalliques de la région de Minoussinsk», Materialy po Ethnographii, IV, 2, Leningrad 1929, p. 61.

wenn nicht der Kopf übertrieben groß wäre. Die Brustbehaarung entspricht der Wirklichkeit. Die heraushängende Zunge soll vermutlich das Verenden der Jagdbeute deutlich machen. Formelhaft wirken wie bei dem Esel die unter dem Leib zusammengelegten Läufe. Im Vergleich zu diesem scheint das Naturvorbild weniger deutlich wiedergegeben. Es fehlen die soeben besprochenen Gelenkformeln, aber auch die belebenden Hell-Dunkel-Effekte der Durchbrechungen. Eine so summarische Durchmodellierung und eine so unproportionierte Aufteilung zwingen zu einer späteren Datierung, etwa in die zweite Hälfte der Tang-Zeit. Die Behauptung, daß an der chinesischen Grenze barbarische Motive unberührt vom chinesischen Kunstgeschehen abklingen, kann hier im Einzelnen nicht durch Beweise gestützt werden. Man wird sie als richtig erkennen, sobald man der Entwicklung des Tierstils in seinem eigentlichen Heimatgebiet nachgeht.

Daß an Stelle des Tieres der Tierkopf treten kann, läßt sich sowohl im Steppengürtel wie in China beobachten. Unter den in Korea gefundenen Querstangenverschlüssen mit Drachenkopf[7] gibt es auch einen der leicht nach oben gebogen ist; chinesische Beispiele birgt die Sammlung Eumorfopoulos, London.[8] An der nordchinesischen Grenze wird diese Form mit einem Tiermuster des Steppengürtels bekleidet. Die Bronze der Sammlung Rutherston, jetzt im Victoria- und Albert- Museum, London (Taf. VII, Abb. 2), endet in den Kopf eines Steinbocks, also eines oft dargestellten Jagdtiers der Bewohner des Steppengürtels. Das schwach entwickelte Doppelhorn läßt auf ein Jungtier schließen. Für die herausgestreckte Zunge ist auf die bereits gegebene Erklärung zu verweisen. Betrachtet man nun die völlig unmodellierte Schnauze, das wie ein kreisförmiger Napf eingetiefte Auge und die naturwidrig gleichmäßigen Ringe der Hörner, so muß man feststellen, daß es sich hier um eine völlig formelhafte, mit der Wirklichkeit durch keine Beobachtung mehr verbundene Darstellung handelt. Zeitlich geht dieses Stück demnach noch über das des British Museum hinaus, der Datierungsversuch lautet daher Ende Tang. Ohne Kenntnis des soeben betrachteten Kunstwerks läßt sich ein Bruchstück der Sammlung Hardt, Berlin (Taf. VII, Abb. 4), kaum erklären. Es hat wohl in gleicher Weise den gebogenen Abschluß einer Röhre gebildet. Abermals sieht man einen Steinbock, bei dem ähnlich wie bei dem Drachen der Abb. 3, Taf. VI, das Hornpaar zu einem einzigen Gebilde zusammengefaßt wird. Wieder ist das Tier verendet. Modellierung und Musterung nehmen diesmal auf die natürliche Erscheinung Rücksicht. Die Nüstern sind nicht vergessen und in eine gewölbte Schnauze gebettet, die Einkerbungen des Horns klingen ab und lassen die Spitze glatt. Der Künstler erinnert sich also besser wie der von Taf. VII, Abb. 2 seiner Vorlage oder seines lebenden Modells. Damit rückt die Bronze der Sammlung Hardt zwischen die des British Museum und die der Sammlung Rutherston.

Die Nebeneinanderstellung der chinesischen und der sibirischen Motive an einem ausschließlich chinesischen Gegenstand beweist, wie stark der Einbruch Nordasiens in die ungleich höhere Kunst des ostasiatischen Kulturzentrums ist. Von der Vielfältigkeit der Verbindungen und Überschneidungen macht man sich freilich keinen Begriff, wenn

---

[7]) Chosen Koseki zufu, vol. IX, pl. 1266.

[8]) W. P. Yetts, «The George Eumorfopoulos Collection, Catalogue of the Chinese and Corean bronzes, sculpture, jades, jewellery and miscellaneous objects», vol. II, London 1930, pl. LIV, Nr. B 219 und B 220.

man den Dingen einfach die Bezeichnung skythisch, sibirisch oder eurasisch anhängt. Erst bei einer eingehenden Untersuchung und beim Vergleich mit den Schöpfungen des Steppengürtels ergibt sich das wirkliche Mischungsverhältnis, das nicht nur nach dem Gegenstand, sondern auch nach der Zeit verschieden sein kann.

A. Salmony.

Köln.

VERZEICHNIS DER ABBILDUNGEN.

Taf. VI. 1—2. Bronze, grün patiniert, Länge 10·2 *cm*. Letztes Viertel des vorchristl. Jahrtausends, Sammlung David Weill, Paris.

3. Bronze, vergoldet und patiniert, III.—VI. Jahrhundert nach Chr., früher Kunsthandlung M. Keezer, Amsterdam.

4. Bronze, vergoldet und patiniert, III.—VI. Jahrhundert nach Chr., Metropolitan-Museum, New-York.

5. Bronze, stark vergoldet, die Augen aus blauer Glaspaste, Länge 25·5 *cm*, III.—VI. Jahrhundert nach Chr., Freer Gallery of Art, Washington.

6. Bronze, grün patiniert, Länge 14 *cm*. Erstes Viertel des nachchristl. Jahrtausends, Museum für ostasiatische Kunst, Köln.

Taf. VII. 1. Bronze, grün patiniert, Länge 16 *cm*. Mitte des nachchristl. Jahrtausends, Louvre, Paris.

2. Bronze, grün patiniert, Länge 16 *cm*. VIII.—X. Jahrhundert, Sammlung Rutherston, im Victoria und Albert Museum, London.

3. Bronze, grün patiniert, Länge 17·4 *cm*. VII.—VIII. Jahrhundert, British Museum, London.

4. Bronze, grün patiniert, Höhe 6·9 *cm*. VII.—VIII. Jahrhundert, Sammlung H. Hardt, Berlin.

1

2

3

4

5

6

1

2

3

4

О БЕЗМЕНѢ ВЪ ИНДІИ

Употребленіе безмена въ Египтѣ относится къ сравнительно позднему періоду — римскому.[1] Долгое время считалось, что Сумеръ и Вавилонъ также не знали безмена.[2] Послѣднія раскопки, относящіяся къ періоду расцвѣта Сумерійской культуры, показали что это не такъ, и теперь можно считать доказаннымъ, что сумерійцы пользовались безменомъ, т. е. неравноплечимъ рычагомъ съ перемѣнной точкой подвѣса, и что для безмена существовала особая шкала, т. н. Ниппурская.[3] Ни раскопки въ Эламѣ,[4] ни въ долинѣ Инда[5] не дали намъ до сихъ поръ образцовъ безмена соотвѣтствующаго періода; но существованіе и въ настоящее время въ Индіи, на Малабарскомъ берегу, безмена сумерійскаго типа,[6] и широкое примѣненіе безмена въ Китаѣ[7] даютъ основаніе думать, что

---

1) "Ancient Weights and Measures", by Sir Flinders Petrie. London, 1926 (Chapt. XIV, Steelyards, p. 28; также "Oriental Steelyards and Bismars", by H. Ling Roth. Journ. Roy. Anthrop. Inst. 1912, v. XLII, pp. 200—233.

2) H. Ling Roth, "Oriental Steelyards", ibidem, p. 228.

3) „О сумерійскомъ безменѣ", Seminarium Kondakovianum, 1932, V, 165. Кромѣ двухъ образцовъ безмена, описанныхъ мною въ этой статьѣ (B. M. 113.897 и B. M. 121.642), Британскій музей въ прошломъ году обогатился третьимъ экземпляромъ (B. M. 122.186) изъ урочища Diddiqqeh, относящагося по опредѣленію Mr. Sidney Smith'a, къ періоду III-ей Урской династіи. Этотъ послѣдній образецъ длиною около 34 *cm*, т. е. около 20 Ниппурскихъ пальцевъ; по наружному виду онъ напоминаетъ Ниппурскій рычагъ Унгера, съ тѣмъ отличіемъ, что крюкъ на легкомъ концѣ лучше сохранился и болѣе отчетливъ, чѣмъ у другихъ образцовъ.

4) Раскопки въ Сузіанѣ, производящіяся миссіей де Моргана, дали большое количество разновѣсковъ, относящихся къ III-му тысячелѣтію до Р. Хр. P. Scheil и M. de Mequenem предоставили мнѣ этотъ матеріялъ для классификаціи и обработки и въ скоромъ будущемъ онъ долженъ появиться въ печати въ трудахъ миссіи. Среди разновѣсковъ имѣются вѣсы, но безменъ пока отсутствуетъ.

5) "Mohenjo-Daro and the Indus Civilization". Edited by Sir John Marshall, late Director-General of Archaeology in India. 3 volumes. (Arthur Probsthain, London, 1932). См. также *S. K.*, II, 1928, p. 219.

6) "Oriental Steelyards and Bismars", Ibidem, p. 222. — Рычагъ безмена дѣлался изъ твердаго дерева, подобно русскому и оркнейскому безменамъ (*S. K.*, II, 1928, pp. 219—222); толстый конецъ его снабжался латуннымъ противовѣсомъ, на тонкомъ концѣ имѣлся крюкъ. Подвижнымъ подвѣсомъ служила петля изъ фибры кокосоваго орѣха. Общій видъ такого безмена напоминалъ какъ безменъ таблицы VIII-ой, такъ и сумерійскіе рычаги, описанные въ предыдущей статьѣ (*S. K.*, V, 1932, 165) и въ выноскѣ 3.

7) "Oriental Steelyards etc.", Ibidem, p. 200. — »Traité des Monnaies, Mesures et poids de l'Inde et de la Chine« p. Decourdemanche. Paris, 1913. — "Ancient Weights and Measures" by Sir F. Petrie, Ibidem, Chapter XIII, pp. 27—29. — „Введеніе въ Японіи мѣръ, вѣсовъ и монетъ и сравненіе ихъ съ русскими", И. В. Маховъ. Извѣстія Импер. Археолог. Общества, Спб., 1863, IV, 206 — „О Царской Сумерійской Минѣ, о Дарикѣ и о Золотникѣ", Н. Т. Бѣляевъ. *S. K.*, 1931, IV, 186.

безменъ долженъ былъ существовать въ этихъ странахъ за долго до нашей эры.

Если сумерійскую культуру и культуры Инда и нельзя считать тождествеными,[8] то, во всякомъ случаѣ, связь между ними и цѣлый рядъ аналогій являются несомнѣнными,[9] также какъ несомнѣнными являются и широко-развитыя торговыя

[8]) Осенью 1921 года R. D. Banerji отъ Индійской Археологической Комиссіи (Archaeological Survey) началъ раскопки буддійской часовни (Stupa), находившейся на правомъ берегу р. Инда, между Гейдерабадомъ и Суккуромъ, въ провинціи Синдъ, у Mohenjo-Daro. Подъ фундаментомъ часовни были обнаружены кирпичныя постройки значительнаго протяженія. Въ нихъ были найдены печатки, ставшія теперь всемірно извѣстными, съ изображеніями буйволовъ, носороговъ, слоновъ и различными надписями гіероглифнаго характера, на неизвѣстномъ языкѣ. Подобныя же печати стали поступать и изъ Harappa, въ Пенджабѣ, верстахъ въ 600 отъ Mohenjo-Daro. Сэръ Джонъ Маршаллъ сейчасъ же отдалъ себѣ отчетъ въ значеніи этихъ находокъ, отнесъ ихъ, по сличенію съ находками въ Урѣ, къ до-саргонскому періоду, и началъ раскопки въ Mohenjo-Daro, гдѣ скоро было найдено до 1.000 такихъ печатей. Первая статья Маршалла появилась въ Illustrated London News 20-го сентября 1924; за нею, тамъ же 8-го октября появилась статья С. Смита и С. Гадда, хранителей Британскаго музея, указывавшихъ на сумерійскій характеръ этой культуры. 27-го сентября въ томъ же журналѣ, патріархъ восточной археологіи, профессоръ A. H. Sayce, указалъ на связь между индскими печатями и прото-эламитскими таблицами, изданными P. Scheil'емъ въ 1905 году въ Мемуарахъ Моргановской Археологической Миссіи. Такимъ образомъ, съ самаго же начала становилось яснымъ необычайное историческое и археологическое значеніе ново-открытой цивилизаціи (см. также, *S, K.*, II, 1928, 219), которой Маршаллъ далъ названіе индо-сумерійской. Въ 1926 году въ Mohenjo-Daro были начаты обширныя раскопки, описанныя Маршалломъ въ Ill. L. News за 27-ое февраля 1926 года. Большой матеріалъ, накопившійся за 1927 годъ, заставилъ однако Маршалла нѣсколько видоизмѣнить свое отношеніе, и въ статьѣ въ Ill. L. News за 7 января 1928 года, онъ говоритъ, что „по мѣрѣ расширенія раскопокъ стало очевиднымъ, что связь съ Мессопотаміей выражается не полной тождественностью культуръ, но тѣсными торговыми и иными связями между обѣими странами; ввиду этого терминъ «индо-сумерійскій» отбрасывается и, вмѣсто него принимается обозначеніе «индскій»“ (p. 32). Этотъ послѣдній терминъ и вошелъ теперь во всеобщее употребленіе и имъ обозначается до-историческая культура бронзоваго (мѣднаго) вѣка, развитая въ долинѣ р. Инда въ третьемъ тысячелѣтіи до Р. Хр., распространившаяся къ востоку въ Раджпутану, на сѣверъ — въ Пенджабъ, на западъ, черезъ Белуджистанъ, на Иранское плоскогорье и Эламъ.

[9]) Эти аналогіи были впервые отмѣчены Sidney Smith'омъ и C. J. Gadd'омъ въ Illustrated London News, 1924 и въ Discovery, 1924, pp. 325—327 и 345. Онѣ заключаются во 1) въ характерѣ изображеній на печатяхъ, во 2) въ письменныхъ знакахъ, ибо до 9 знаковъ являются общими, а 7 — близкими; 3) въ числовыхъ знакахъ, 4) общій характеръ частныхъ и общественныхъ построекъ. За послѣднее время много трудовъ было посвящено дешифровкѣ индскаго алфавита: полный словарь знаковъ съ ихъ фонетическимъ значеніемъ по сумерійскому произношенію составленъ С. Смитомъ и Гаддомъ для труда Маршалла. Профессоръ Лангдонъ полагаетъ, что древній индійскій алфавитъ Brahmi произошелъ отъ индскихъ гіероглифовъ. Профессоръ Sir F. Petrie ("Mohenjo-Daro", Ancient Egypt, 1932, June, p. 33) дѣлаетъ попытку чтенія знаковъ, по сличенію ихъ съ египетскими идеографическими гіероглифами и приходитъ къ выводу, что индскіе знаки, подобно египетскимъ, сумерійскимъ и китайскимъ, являются идеографическими знаками, но въ столь ранней степени развитія, что, весьма часто, ихъ первоначальная форма легко узнается. Изъ первой группы въ 100 знаковъ ему удалось „прочесть“ 35, относящихся къ организаціи путей сообщенія, лѣснаго дѣла, ирригаціи и т. п.; эти знаки указываютъ на развитую гражданскую жизнь, что вполнѣ соотвѣтствуетъ характеру ихъ жилищъ, планировкѣ городовъ, канализаціи и т. д., а также высокому уровню скульптуры и изобразительныхъ искусствъ вообще. Интересно отмѣтить, что въ концѣ прошлаго года Парижской Академіи былъ сдѣланъ докладъ извѣстнымъ археологомъ Pelliot отъ лица молодого венгерскаго ученаго Hevesy о найденной послѣднимъ аналогіи между нѣкоторыми знаками индскаго письма и соотвѣтству-

сношенія; а, при наличности такихъ сношеній, способы взвѣшиванія должны были быть одни и тѣже, или, по крайней мѣрѣ, методы одной страны должны были быть извѣстны въ другой. Археологическій матерьялъ Синда и Пенджаба недостаточно изслѣдованъ для того, чтобы по отсутствію безменовъ въ Мохенджо-Даро и Хараппѣ можно было бы съ увѣренностью судить о незнакомствѣ ихъ обитателей съ этимъ способомъ взвѣшиванія. Съ другой стороны, несомнѣнная консервативность всѣхъ древнихъ восточныхъ цивилизацій заставляетъ предполагать, что слѣды употребленія безмена могли сохраниться въ послѣдующіе культурные періоды Индіи. Въ настоящее время исторія Индіи, между третьимъ тысячелѣтіемъ до Р. Хр., т. е. временемъ развитія цивилизаціи Индскаго бассейна, и періодомъ возникновенія буддизма, т. е. V—VI столѣтіемъ до Р. Хр., намъ чрезвычайно мало извѣстна,[10] поэтому съ особымъ вниманіемъ приходится отно-

ющими знаками, найденными около 60 лѣтъ тому назадъ, на таблицахъ твердаго дерева на островахъ Пасхи. — Послѣ выхода въ свѣтъ монументальнаго труда Маршалла, раскопки въ Месопотаміи пролили новый свѣтъ на связь индской и сумерійской культуръ. Такъ раскопки въ Tell Asmar'ѣ (Ill. L. News, Oct. I, 1932, pp. 502—510), производимыя Dr. H. Francfort'омъ, дали рядъ предметовъ, печатей, черепковъ посуды и т. д. вполнѣ „индскаго характера". Эти предметы были найдены въ слоѣ, относящемся къ періоду Аккадской династіи Саргона и датированному таблицей послѣдняго царя этой линіи, Shu-dur-ul'я. Такимъ образомъ, мы знаемъ теперь съ несомнѣнностью, что около 2600 года до Р. Хр. предметы индской культуры проникали въ Мессопотамію.

[10]) Нашествіе Александра Македонскаго на Индію въ концѣ IV столѣтія до Р. Хр. впервые ввело Индію въ кругозоръ античнаго міра. Еще ранѣе, Бактріана, Согдіана, Парѳія и Гандара (*S. K.*, IV, 1931, 198—191 и 201), т. е. сѣверо-западная часть страны отъ р. Инда (Дарій Великій, 521—485 до Р. Хр. въ Хамаданской надписи говоритъ: „Имперія, коей я владѣю отъ Скиѳіи, лежащей за Согдіаной, и отъ Инда до Сардъ", *S. K.* Ibidem, 201) входили въ составъ царства, Ахеменидовъ. Отъ этого періода, въ сѣверо-западной Индіи, сохранилось употребленіе особаго письма, т. н. карошти (Kharōchṭi). Bühler ("Indian Studies", III, 1898, p. 93; его же „Indische Paläographie" въ „Grundriss der indo-arischen Philologie", Strassburg, 1896) выводитъ его изъ арамейскаго алфавита, употреблявшагося персидскими писцами въ той части Индіи, которая составляла сатрапію Ахеменидовъ. Въ Индіи это письмо имѣло мѣстное значеніе и не распространилось за предѣлы Афганистана и Пенджаба, но въ этихъ предѣлахъ сохранилось въ постоянномъ употребленіи по крайней мѣрѣ до середины IV столѣтія нашей эры. Въ эпоху появленія „карошти", въ Индіи письмо „брами" уже существовало прочно. Бюлеръ выводитъ его изъ сѣверно-семитическихъ алфавитовъ, но высокая степень развитія этого письма и всей индусской цивилизаціи въ эпоху, предшествовавшую Чандрагуптѣ и Асокѣ, а также его несомнѣнно національный характеръ, заставляютъ полагать, что „брами" должно быть мѣстнаго, т. е. коренного индусскаго происхожденія. Какъ отмѣчено въ выноскѣ 9, Лангдонъ выводитъ брами изъ индскаго письма III-го тысячелѣтія до Р. Хр. Небольшое число надписей дошло до насъ отъ III-го и IV-го столѣтія до Р. Хр., т. е. отъ періода, непосредственно предшествовавшаго Чандрагуптѣ, современника Александра Великаго и основателя Имперіи Маурья, но главное число памятниковъ относится къ царствованію его великаго внука Асоки (Асока, или Ашока, Aśōka; царствовалъ отъ 264 до 227 года до Р. Хр.), много потрудившагося надъ распространеніемъ буддизма и внутри, и внѣ своихъ владѣній. Свои эдикты Асока вырѣзалъ на каменныхъ монолитахъ и на столбахъ, и до насъ дошелъ рядъ такихъ надписей отъ 257 до 232 года. Среди нихъ находятся знаменитые эдикты 256 года о покореніи царства Калинга и объ обращеніи Асоки, гдѣ онъ говоритъ, что „сразу послѣ присоединенія Калинги, началась ревностная защита Его Священнымъ Величествомъ Закона Благочестія... что было вызвано раскаяніемъ въ покореніи страны Калинга, ибо покореніе страны, бывшей прежде независимой, вызываетъ избіенія, смерти и плѣненіе народа" (Aśōka, by J. M. Macphail, London, 1928, 12; эдикты Асоки изданы Cunningham'омъ въ 1877 въ Corpus Inscriptionum Indicarum, v. I.). — Въ эдиктахъ Асоки употребляются оба алфавита,

ситься къ древнѣйшимъ дошедшимъ до насъ памятникамъ, которыми являются, съ одной стороны, памятники буддійскаго искусства, а, съ другой, монеты періода Маурья, т. е. Чандрагупты, Асоки и ихъ преемниковъ. Начнемъ съ первыхъ.

Наиболѣе интереснымъ памятникомъ, съ занимающей насъ точки зрѣнія, является стэтитовый горельефъ гандарскаго періода, находящійся въ Британскомъ Музеѣ (табл. VIII). Слѣва изображена сидящая фигура царя; лицо его выражаетъ страданіе, но страданіе уже преодолѣнное волей и покорностью тому, что совершается; у ногъ его слуга съ ножемъ въ рукахъ, у подножія видно изображеніе голубя, а надъ нимъ, склоненная женская фигура, съ простертой рукой, съ выраженіемъ нѣжности и состраданія на лицѣ. Въ центрѣ стоитъ другой слуга, съ безменомъ въ рукахъ, готовый взвѣсить то, что ему дадутъ; рядомъ съ нимъ съ благословляющей рукой богъ Индра и еще далѣе спутникъ Индры. Фигуры и выраженія лицъ у всѣхъ полны глубокаго, сосредоточеннаго благоговѣнія; чувствуется, что они присутствуютъ при какомъ-то великомъ испытаніи, и эта напряженность чувства прекрасно передана неизвѣстнымъ авторомъ горельефа.

Положеніе фигуръ, слуга съ безменомъ, голубь внизу, а наверху очертаніе другой птицы — сокола, съ несомнѣнностью указываетъ, что здѣсь изображена очень древняя индійская легенда, легенда о царѣ Çivi и о его испытаніи Индрой. Легенда эта сохранилась до нашихъ дней и еще около 1884 года была записана въ Белуджистанѣ.[11] Около 400 года нашей эры, китайскій паломникъ Фасянъ (Fa-hsien), проходя изъ Удіаны въ Гандару, слышалъ ту же самую легенду[12]; ей же посвящена и 197 глава III-ей книги Магабараты.[13] Наконецъ, въ наиболѣе полномъ видѣ, она имѣется въ китайскомъ переводѣ буддійскаго сборника Jātakamālā,[14] т. е. „Гирлянда Джатакъ", иначе „Сборникъ легендъ о перерожденіяхъ Будды, предшествовавшихъ его послѣдней земной жизни".[15]

и карошти, и брами. — Въ эпоху Гуптской династіи также помѣщались надписи на столбахъ, и на колоннахъ, и наиболѣе извѣстной изъ нихъ является надпись Чандрагупты II-го, высѣченная около 415 года нашей эры на знаменитой желѣзной колоннѣ около Дели (см. „О Булатѣ и Харалугѣ", Recueil Kondakov, 1926, p. 165).

[11]) "Note on Gandhāra Relief representing the story of King Şivi", By M. L. Dames and T. A. Joyce. Man, 1913, No. 11, pp. 17—19.

[12]) "The Travels of Fa-hsien (399—414 A. D.), or record of the Buddhistic Kingdoms", Retranslated by H. A. Giles, Cambridge, 1923, pp. 1—92. — Фа-сянъ такъ излагаетъ эту легенду: „Нѣкогда Индра, богъ неба, дабы испытать Бодисатву (коимъ Будда тогда былъ), послалъ какъ бы сокола преслѣдовать голубя. Бодисатва отрѣзалъ отъ себя кусокъ тѣла, чтобы выкупить голубя... и на этомъ мѣстѣ жители той страны воздвигли пагоду, украшенную золотомъ и серебромъ" (Ibidem, p. 12). — О маршрутѣ Фа-сян'а см. *S. K.*, IV, 1931, 188 и карту табл. X.

[13]) "Note on Gandhāra Relief", Ibidem, p. 17.

[14]) „О Китайскомъ переводѣ буддійскаго сборника Jātakamālā", А. О. Ивановскій. Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Археол. Общества, т. VII, 1896, вып. I—IV, СПБ., стр. 265—292. Въ этомъ сборникѣ находится 14 джатакъ, составляющихъ первыя 4 главы сборника; прочія 12 главъ содержатъ богословскій комментарій („лунь"). Авторомъ текста джатакъ и комментарія названъ Āryaçūra, жившій въ эпоху китайской династіи Сунь (960—1279). Санскритскій текстъ джатакъ, по мнѣнію С. Ольденбурга (см. ниж. прим. 15), относится къ періоду 550—650 по Р. Хр. — Джатака о царѣ Çivi въ сборникѣ стоитъ вторымъ номеромъ.

[15]) „Буддійскій сборникъ «Гирлянда Джатакъ» и замѣтки о джатакахъ", С. Ольденбургъ. Записки В. О. И. Р. А. О., VII, 1893, вып. I—IV, 205—264; также "On the Budhist Jātakas" Journ. Roy.

Самая легенда заключается въ слѣдующемъ: нѣкогда жилъ великій царь Çivi,[16] отличавшійся всѣми добродѣтелями. Однажды, когда онъ предавался созерцанію, онъ увидѣлъ голубя и преслѣдовавшаго его сокола; голубь, прося царя о защитѣ, залетѣлъ подъ мышку царя, но соколъ, потребовалъ его возвращенія, говоря, что онъ голоденъ, что голубь его добыча, и что онъ долженъ накормить своихъ дѣтей. Тогда царь рѣшаетъ выкупить жизнь голубя своимъ тѣломъ. Соколъ требуетъ по вѣсу. Отрѣзаютъ мясо отъ обоихъ лядвій — мало; отъ рукъ, отъ реберъ — все недостаточно. Царь ослабѣваетъ, но, очнувшись, весь ложится на чашку вѣсовъ. Происходитъ землетрясеніе, радость небожителей — соколъ и голубь принимаютъ свой настоящій видъ, также и тѣло царя. Въ буддійскомъ варіантѣ испытываетъ царя Çakradevendra,[17] въ позднѣйшей мусульманской версіи — архангелы Гавріилъ и Михаилъ,[18] но замѣчательной является

Asiatic 30., 1893, pp. 301—356. — Въ санскритскомъ текстѣ Āryaçūra (прим. 14) имѣется 34 джатаки; сходны съ санскритскими и 34 джатаки тибетскихъ сборниковъ, стоящія въ началѣ 101 джатаки, Hodgson (»Játaka-málá«, London, 1874) упоминаетъ о большомъ сборникѣ въ 565 разсказовъ. См. также „Нѣсколько словъ о буддійскихъ джатакахъ“, И. Минаева, Ж. М. Н. П., 1872, № 6; на французскомъ языкѣ имѣется переводъ джатакъ съ санскритскаго, „Avadâna — Çataka“ въ Annales du Musée Guimet, v. XVIII.

[16]) Ольденбургъ и Ивановскій принимаютъ транскрипцію Çibi и Ṣibi; французская транскрипція (напр. у Foucher, »L'Art Gréco-Budhique«, p. 270). — Çivi; англійская транскрипція — Ṣivi; по-русски Ивановскій въ другой джатакѣ пишетъ: Ши-пи; такимъ образомъ французская транскрипція изъ трехъ санскритскихъ шипящихъ звуковъ выбираетъ нёбный, англійская — язычный. — Страна, гдѣ жилъ царь Çivi названа въ текстѣ Аріасуры (прим. 14) — Jambudvīpa. а столичный городъ: Tu-no-du; въ другой джатакѣ, гдѣ Çivi отдаетъ свои глаза соколу, говорится о Бенаресѣ; наконецъ, Фа-сянъ (прим. 12) говоритъ о странѣ къ югу отъ Удіаны, т. е. о Гандарѣ. Классическіе авторы, Страбонъ, Арріанъ и другіе, также помѣщаютъ страну „Сибовъ“ въ Гандарѣ, къ сѣверу отъ „оксидреевъ“ и къ западу отъ р. Гидаспа.

[17]) „О Китайскомъ переводѣ буддійскаго сборника Jātakamālā“, Ibidem (прим. 14), стр. 268. — Въ буддійскомъ сборникѣ изложеніе обѣихъ джатакъ о царѣ Çivi начинается съ описанія счастья и благоденствія его подданныхъ. „Отъ его ничего не жалѣющей щедрости заколебался дворецъ Çakradevendra“ (стр. 284; джатака о соколѣ); „Его приближенный Пи-шоу-тянь-цзы... проситъ испытать его. Çakradevendra велитъ Пи-шоу обратиться въ голубя, а самъ обращается въ сокола, причемъ (для успокоенія Пи-шоу) произноситъ Гату въ 4 полустиха:

„У меня собственно нѣтъ дурного намѣренія:
Какъ огнемъ испытываютъ настоящее золото,
этимъ я испытаю бод'исатву,
узнаю, настоящій онъ или нѣтъ“

(стр. 268; джатака о царѣ Çivi, соколѣ и голубѣ). Наиболѣе древнюю часть джатаки составляютъ стихи (Ольденбургъ, Ibidem, стр. 207), и въ этомъ есть нѣкоторая аналогія между конструкціей джатакъ и древнимъ скандинавскимъ эпосомъ, напр. пѣснью объ Инглингахъ, Inglinga-tal, легшей въ основу Inglinga-saga (*S. K.*, III, 1929, 218). Послѣ гаты слѣдуетъ разсказъ о голубѣ и соколѣ, изложеный у насъ въ текстѣ по Ивановскому. Послѣ того, какъ тѣло царя принимаетъ прежній видъ, и царь Çivi привѣтствуется какъ Будда-Çакьямуни, слѣдуетъ обращеніе Брамы къ Буддѣ. Это обращеніе не связано съ самой джатакой, и Ивановскій видитъ въ немъ указаніе, что легенда „выхвачена откуда-либо“. Ольденбургъ (Journ. Roy. As. So., Ibidem, p. 306) считаетъ, что въ ней слиты воедино браминскій разсказъ о царѣ Çivi и Джайнская легенда о принесеніи въ жертву глаза.

[18]) Въ статьѣ Е. Э. Бертельса: „Нур-ал-'улум. Жизнеописание шейха Абу-л-Хасана-Харакани“, Иран, III, 1929, 211—212, приводится разсказъ, какъ „какъ-то разъ Муса, миръ надъ нимъ, предаваясь тайной молитвѣ, услышалъ онъ обращеніе: «О Муса! охрани того, кто молитъ о по-

на протяженіи вѣковъ устойчивость легенды,[19] что въ сильной степени должно объясняться моральной силой и красотой ея основного содержанія. Возвращаясь къ интересующему насъ вопросу, мы должны отмѣтить древность легенды, ея извѣстную „каноничность", а, слѣдовательно, и весьма вѣроятную древность аксессуаровъ ея сопровождающихъ и облекающихъ, т. е., въ данномъ случаѣ, безмена какъ средства для взвѣшиванія и притомъ не въ обыкновенной житейской, а въ исключительно торжественной обстановкѣ.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію художественныхъ особенностей и мѣстонахожденія горельефа (таблица VIII). Подобно цѣлому ряду аналогичныхъ скульптурныхъ произведеній, находящихся въ Британскомъ музеѣ и въ музеяхъ Индіи, онъ былъ найденъ въ мало-доступной гористой части сѣверо-западной Индіи, въ долинѣ рѣки Свата, впадающей въ р. Кабулъ, недалеко отъ г. Пешавера.

Рѣка Сватъ (Swat), по-санскритски Suvāstu и Σόαστος у Мегасѳена,[20] начинается альпійскимъ потокомъ на южномъ склонѣ Гинду-Куша, недалеко отъ Читрала; сначала онъ течетъ почти прямо на югъ, узкой горной долиной, между Кунаромъ (другимъ притокомъ Кабула) и Индомъ; прорѣзая горный массивъ Торвалъ,[21] Сватъ, около Чакдара поворачиваетъ на западъ, огибая гористый массивъ Бунáра и впадаетъ въ Кабулъ выше Пешавера. Верхняя часть долины, т. н. верхній Сватъ, имѣетъ совершенно Альпійскій характеръ, но ниже г. Торвáла горы снижаются и разступаются, и Сватъ, на протяженіи около 100 верстъ, течетъ въ сравнительно широкой и необычайно плодородной долинѣ, отличающейся притомъ и здоровымъ, умѣреннымъ климатомъ. Эта долина издревле славилась своимъ плодородіемъ и получила названіе Udyana, т. е. *садъ*.[22] Показателемъ цвѣтущаго состоянія страны въ прежнія времена служитъ обиліе развалинъ

щадѣ!» когда онъ закончилъ молитву, прилетѣлъ голубь... Муса открылъ рукавъ, голубь влетѣлъ. Далѣе прилетаетъ соколъ, Муса готовъ вырвать ему «кусокъ мяса изъ ляжки». Соколъ отказывается отъ мяса пророка; они оба съ голубемъ начинаютъ кружиться надъ его головой, и слышится голосъ, что соколъ былъ «Джибра'ил», а голубь «Мика'ил», и что они хотѣли испытать пророка, какъ онъ держитъ обѣтъ". — Указаніемъ на статью Бертельса я обязанъ Н. П. Толлю и пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы поблагодарить его за оказанное любезно содѣйствіе.

[19]) Какъ указывалось выше (прим. 17), легенда имѣлась и у браминовъ, и у джайновъ, и въ Магабаратѣ. Изъ Индіи она проникла въ мусульманскій міръ (прим. 18) и извѣстна въ Белуджистанѣ (прим. 11). Dames и Joyce (прим. 11) продполагаютъ, что она проникла въ Европу, подобно многимъ другимъ восточнымъ легендамъ и послужила основаніемъ для „Венеціанскаго купца". Мнѣ кажется, что мотивъ искушенія праведника небожителями имѣетъ извѣстныя аналогіи и съ книгой Іова.

[20]) Посолъ Селевка при дворѣ Чандрагупты въ 302 году до Р. Хр.; Мегасѳенъ первый познакомилъ грековъ съ настоящей Индіей, по ту сторону Пенджаба; его сочиненія сохранились въ рядѣ выдержекъ у Арріана, Плутарха, Плинія и др. Недавно Mc Crindle издалъ въ отдѣльномъ сочиненіи всѣ мѣста классическихъ писателей, которыя могли имѣть своимъ источникомъ потерянныя сочиненія Мегасѳена.

[21]) Torwal — мѣстное названіе южнаго Кохистана. Экспедиція Sir Aurel Stein'a весной 1926 года въ Баджауръ, Кохистанъ и Бунаръ подробно описана въ рядѣ корреспонденцій въ The Times, отъ 27 мая, 15 іюня, 26 и 27 октября 1926 года.

[22]) Отъ Санскритскаго названія долины Свата — Uḍḍiyāna, см. также *S. K.*, 1931, 190. Интересно отмѣтить, что сумерійское названіе Месопотаміи Гу-Эддинна, давшее большинству Европейскихъ языковъ названіе Эдема для земного рая, имѣетъ нѣкоторое звуковое созвучіе съ „Удіана".

городовъ и селеній, б. ч. относящихся къ раннему буддійскому періоду. Какъ мы только что видѣли, китайскій пилигримъ Фа-сянъ проходилъ здѣсь около 400 года нашей эры. Пройдя верхней долиной Инда и перейдя на правый, западный, берегъ, Фа-сянъ и его спутники оказались въ Удіянѣ. „Преданіе гласитъ, что Будда", такъ повѣствуетъ Фа-сянъ, „придя въ сѣверную Индію, дабы посѣтить эту страну, оставилъ оттискъ своей стопы... также можно видѣть и камень, гдѣ онъ сушилъ свои одежды.[23]" Со временъ Фа-сяна, долгое время продолжался притокъ поклонниковъ къ этимъ священнымъ для буддизма мѣстамъ. Долгое время, вся долина Свата оставалась закрытой для европейцевъ, лишь изрѣдка, какъ 1856 г. или въ 1895, военныя экспедиціи не надолго проникали въ эти твердыни горцевъ Кохистана, но сколько-нибудь подробное обслѣдованіе, особенно съ археологической точки зрѣнія, было немыслимо, и только съ 1926 года, когда энергичный вали Свата Міангул-Гул-Шахзадэ окончательно замирилъ свои владѣнія, смогъ Sir Aurel Stein[24] начать систематически обслѣдованіе этихъ мѣстъ. Одной изъ первыхъ его находокъ въ верхней долинѣ Свата оказался камень, съ оттискомъ стопы Будды,[25] упомянутый Фа-сяномъ, а также и другой монолитъ, на поверхности котораго буддійскіе паломники видѣли оттиски одежды своего учителя.

Чрезвычайно интереснымъ является то обстоятельство, что трудно-доступный горный раіонъ Торвала явился своего рода убѣжищемъ для коренного дардійскаго населенія, занимавшаго всю долину Свата до нашествія патановъ, и, отступивъ въ горныя тѣснины, дарды,[26] не только сохранили свой языкъ, но и свое искусство, и это искусство, напр. рѣзныя по дереву украшенія домовъ и мечетей, сохранило до нашихъ дней ясные слѣды т. н. греко-буддійскаго стиля, характернымъ представителемъ коего является нашъ горельефъ.

Впервые греческое вліяніе могло появиться въ долинѣ Свата съ Александромъ Македонскимъ. Выступивъ изъ Бактры весной 327 года до Р. Хр., Александръ пересѣкъ Гиндукушъ горными проходами, ведущими къ верховьямъ р. Кабула. Главную часть своихъ силъ онъ направилъ внизъ въ долину Пешавера, въ Гандару,[27] а самъ, черезъ р. Панжкора,[28] притокъ Свата, направился на ассакеновъ; послѣдніе, не ожидаясь атаки македонянъ, бросились къ своимъ прибрежнымъ городамъ Базира и Ора, гдѣ они надѣялись получить помощь отъ царя Абисара.[29] Сэръ Аурель Стейнъ полагаетъ, что оба эти города лежали на лѣвомъ берегу Свата, и помѣщаетъ Базиру на мѣстѣ развалинъ древнихъ укрѣпленій Bir-kot'a, а Ору — выше верстъ пятнадцать по теченію Свата у селенія Ude-gram'a,

---

[23]) Ibidem, p. 11.

[24]) The Times, 15. IV. 26 и 26. X. 26.

[25]) The Times. "Sir Aurel Stein's Discoveries", 15. VI. 1926.

[26]) Δάρδαι Мегасѳена, иначе дарады.

[27]) Гандарой (Gandhāra; Gandaritis классическихъ авторовъ) называлась плодородная Пешаверская долина. Въ болѣе широкомъ смыслѣ слова подъ Гандарой понималась и Удіяна, а также и сосѣднія долины р. Кабула (часть теперешняго Афганистана) и Инда. См. также: A. Foucher, «Notes sur la géographie ancienne du Gandhāra», Bull. de l'École Française d'Extrême-Orient, I, pp. 322—369.

[28]) Guraios Appiana; по-санскритски — Gaurī.

[29]) Abisares, по-санскритски Abhisāra; его владѣнія лежали въ гористой мѣстности между Сватомъ и Гидраотомъ.

гдѣ также обнаружены стѣны весьма древней крѣпости.[80] Прежде чѣмъ направиться къ Инду, Александръ укрѣпилъ Базиру и оставилъ гарнизонъ въ Орѣ[81]; съ этихъ поръ греческое вліяніе начало пускать корни въ Удіанѣ и Гандарѣ; своего максимума оно достигло тамъ въ римскую эпоху и дожило до ранняго средневѣковья. Послѣ взятія Оры, Александръ, долинами Горбанда и Чаксара перешелъ въ долину Инда и, взявъ орлиное гнѣздо — Аорнъ,[82] на плоскогорьѣ Пир-Сар'а, перешелъ р. Индъ, около Аттока. Тамъ его уже ждало посольство Амби, царя Таксилы, и, прежде нежели двинуться на Пора, Александръ рѣшилъ въ богатой Таксилѣ дать отдыхъ своимъ войскамъ. Таксила, инд. Takshasila, находилась на пол-пути между Аттокомъ и Равальпинди у подножія Муррейскихъ холмовъ. Какъ показали недавнія раскопки Сэра Джона Маршалла,[83] въ эпоху Александра существовалъ т. н. второй городъ Bhir Mound'а; отъ этого города сохранились фундаменты домовъ, такъ что можно отдать себѣ общее впечатлѣніе о величинѣ и расположеніи города; но самой интересной находкой является кладъ изъ 1167 монетъ, б. ч. мѣстной чеканки, и среди нихъ двухъ великолѣпно сохранившихся тетрадрахмъ Александра и статера его своднаго брата Филиппа Аридэя. Находка эта имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что большинство историковъ и археологовъ полагаетъ, что недолгое присутствіе грековъ въ Пенджабѣ при Александрѣ Македонскомъ не могло имѣть сильнаго вліянія на эти области[84] и что то вліяніе, которое было, имѣло скорѣе непрямой характеръ и выражалось оживленіемъ политическихъ и торговыхъ связей между собственно Индіей и эллинистическимъ востокомъ.[85]

Въ маѣ 326 года, узнавъ въ Таксилѣ о военныхъ приготовленіяхъ Пора, Александръ двинулся къ Гидаспу, теперешній Jhelum, и перешелъ его въ ненастную ночь у Джелалпура.[86] Разбивъ Пора, Александръ двинулся дальше къ Акезину (Chenab) и Гидраоту (Ravi). Отсюда трехдневный форсированный маршъ привелъ Александра къ Гифазису.

За Гифазисомъ начиналась уже собственно Индія, и „срединное“ Индійское царство Магада,[87] гдѣ какъ разъ шли междоусобицы и раздоры, а одинъ изъ претендентовъ на престолъ, молодой царевичъ Чандрагупта,[88] искалъ убѣжища

---

[80]) “Alexander's the Great. Indian Frontier campaign” by Sir A. Stein. The Times, 26th October 1926; также Ill. London News, 1926, p. 831.

[81]) Arrian. Anabasis, IV, главы XXIII—XXVIII.

[82]) “The Stronghold of Aornos”, The Times, 15. VI. 26; “Rock of Aornos”, Ibidem, oct. 1926; Ill. L. News, 1926, 831. См. также, *S. K.*, 1931, 190.

[83]) “Where Alexander halted in India before attacking Porus”, by Sir John Marshall, The Ill. L. N., 1926, 1104—1106; подробный отчетъ см.: “Excavations at Taxila” Archaeological Survey of India, 1918, и того-же автора, “A Guide to Taxila”, Calcutta, 1918. См. также, *S. K.*, 1931, 190 (64).

[84]) Такъ A. Foucher (Monuments et Mémoires, 1900, VII, 59) сравниваетъ походъ Александра 326—327 года до Р. Хр. на Индію съ нашествіемъ 1812 г. Наполеона и говоритъ, что это была та же Россія, но съ пескомъ, вмѣсто снѣга и съ жарой, вмѣсто холода.

[85]) Sir John Marshall, Ibidem, p. 1104.

[86]) “Alexander's fight with Poros”, by Sir Aurel Stein, The Times, 15. IV. 32.

[87]) „Центральная Индія, это то, что они называютъ «Срединное Царство».“ Fa-hsien, Ibidem, p. 11.

[88]) Греки называли его Sandrakottos. Отождествленіе Сандракотта грековъ съ Чандрагуптой впервые дало возможность найти точный исходный пунктъ для индійской хронологіи. Cambridge

при дворѣ Александра. Что произошло далѣе, мы въ точности не знаемъ, извѣстно только, что никакія силы не могли заставить измученное греческое войско перейти Гифазисъ и углубиться въ „Дезертумъ". Александру пришлось повернуть назадъ, вернуться къ Гидаспу, спуститься по нему, и далѣе, по Инду, внизъ и черезъ Гедрозію (Белуджистанъ) двинуться обратно.

А между тѣмъ, Чандрагупта поднялъ возстаніе и съумѣлъ овладѣть престоломъ. Съ 321 года, онъ началъ царствовать въ Паталипутрѣ[39] и постепенно сталъ могущественнѣйшимъ владыкой востока. Съ помощью горцевъ Гандары и Удіяны онъ началъ систематически вытѣснять изолированные гарнизоны македонянъ и захватывать въ Пенджабѣ одинъ рубежъ за другимъ. Въ этой борьбѣ ему пришлось, въ концѣ концовъ, столкнуться съ Селевкомъ, которому между 312 и 305 годомъ удалось захватить Вавилонъ и главную часть восточныхъ владѣній Александра. Въ 305 году Селевкъ перешелъ Индъ и двинулся на Чандрагупту; но, къ этому времени, царь Магады могъ выставить въ поле, какъ говорятъ, до 600.000 бойцовъ и 9.000 слоновъ — танковъ того времени. До сраженія дѣло не дошло, Селевкъ призналъ недостаточность своихъ силъ, далъ свою дочь Чандрагуптѣ въ жены, а за 500 слоновъ, уступилъ ему греческія владѣнія въ Пенджабѣ и Афганистанѣ[40] и послалъ Мегасѳена особымъ посломъ и представителемъ (20).

Въ 297 году Чандрагуптѣ наслѣдовалъ его сынъ Биндусара; онъ поддерживалъ дружественныя отношенія съ Селевкомъ и его сыномъ Антіохомъ Сотеромъ. Птоломей Филадельфъ (285—247 до Р. Хр.) также посылалъ миссіи въ Паталипутру, и его посолъ Діонисій, подобно Мегасѳену, также оставилъ описаніе Индіи, которое еще существовало во времена Плинія. Въ 274 году Биндусара умеръ и на престолъ вступилъ Асока (10), третій и величайшій императоръ изъ династіи Маурья.

History of India, vol. I, 1927, p. 59, см. также Vincent A. Smith, The Early History of India, Oxford, 1904.

[39]) Palimbothra Мегасѳена, около нынѣшней Патны, въ южномъ Бихарѣ. Паталипутра лежала нѣсколько къ югу отъ Патны, на сѣв. берегу р. Сонъ, около ея впаденія въ Гангъ. Недавнія раскопки Сэра Джона Маршалла ("Chandraguptas Palisaded Capital," Ill. L. N., 1928, 477) подтвердили во всѣхъ деталяхъ описаніе Мегасѳена; были отрыты значительные участки деревяннаго палисада, который во время Чандрагупты простирался въ длину, окружая городъ, на 30 верстъ, имѣлъ 64 воротъ и былъ увѣнчанъ 570 башнями.

[40]) Онъ уступилъ провинціи Арію, Арахозію, Гедрозію и Паропанисадъ, т. е. теперешній Сѣверо-Западный Военный Округъ, Белуджистанъ и значительную часть Афганистана. По размѣру имперія Чандрагупты приближалась къ теперешнимъ Британскимъ владѣніямъ въ Индіи, ибо, хотя она не распространилась ни на Ассамъ и Бирму и не доходила до Мадраса, но зато, на сѣверо-западѣ простиралась гораздо далѣе Британской Индіи. Армія не была личнымъ созданіемъ Чандрагупты, онъ ее наслѣдовалъ отъ предшествовавшей династіи Нанда, но несомнѣнно, что въ его царствованіе она была значительно усовершенствована. Кромѣ 600.000 пѣхоты, она заключала 30.000 кавалеріи, а спеціальный корпусъ „на слонахъ" состоялъ изъ 36.000 человѣкъ. Организація и снабженіе арміи стояло на большой высотѣ. Къ сѣверо-западу отъ Магады (Magadha) лежало царство Косала, нынѣшній Аудъ (Oudh). Около 600 лѣтъ до Р. Хр. главнымъ царствомъ было это послѣднее, но затѣмъ первенство перешло къ Магадѣ. Къ югу отъ Ауда, на Джуленѣ лежало царство Вамзасъ и еще далѣе на юго-западъ — царство Аванти (въ Мальвѣ и Гваліорѣ) со столицей Уджейн'омъ (Ujjain, прежде Ujjayinī). Въ эпоху Будды (563—483 до Р. Хр.) четыре перечисленныхъ царства были главными во всей Индіи между Гималаями и Виндійскими горами. При Чандрагуптѣ они всѣ вошли въ составъ его имперіи.

Еще при жизни своего отца, Асока былъ намѣстникомъ въ Таксилѣ, а потомъ въ Ujjayinī,[41] въ теперешнемъ Гваліорѣ. Пребываніе въ Таксилѣ и войны съ горцами и съ греческими гарнизонами должны были довольно рано привести Асоку въ соприкосновеніе съ греческой культурой и искусствомъ.[42] Когда впослѣдствіи, въ концѣ своего царствованія, въ 261 или 260 году до Р. Хр., Асока принялъ буддизмъ, сталъ „проповѣдывать" его и распространять помощью своихъ знаменитыхъ эдиктовъ (10), то на значительномъ протяженіи его владѣній, новому ученію пришлось считаться не только съ индуизмомъ, но и съ эллинизмомъ.[43] Какъ мы увидимъ ниже, монеты и общій характеръ цивилизаціи Магады въ эпоху Асоки, не позволяетъ допустить въ это время сильнаго вліянія запада, но почва для такого вліянія несомнѣнно была. Какъ только при слабыхъ преемникахъ Асоки національные импульсы стали ослабѣвать, сейчасъ же сказался нажимъ эллинистическаго запада и политически, и культурно. Если походы Александра и Селевкидовъ и не оставили особенно прочнаго вліянія въ Магаддѣ, то, съ другой стороны, чѣмъ ближе къ Инду, тѣмъ это вліяніе было чувствительнѣе, а Бактрія была уже прочно эллинизирована, и на нѣкоторое время греческая культура и греческій языкъ пріобрѣли тамъ главенствующее положеніе.[44] Благодаря ряду энергичныхъ правителей, Дмитрію,[45] Евкратиду[46]

[41]) Оба намѣстничества имѣли большое значеніе, т. к. каждое охватывало область еще недавно бывшую самостоятельнымъ и значительнымъ государствомъ (40). Кромѣ того Уджейнъ былъ однимъ изъ семи священныхъ городовъ Индіи и важнымъ торговымъ городомъ.

[42]) Отецъ Асоки, Биндусара очень желалъ научиться греческой философіи; существуетъ разсказъ, что онъ просилъ Антіоха „купить" ему философа и послать его въ Паталипутру (вмѣстѣ съ фигами и виноградомъ), чтобы научить его искусству діалектики. Антіохъ послалъ ему фиги и вино, но выразилъ сожалѣніе, что не могъ, по греческимъ обычаямъ, „продать" ему учителя. Тѣмъ не менѣе, мы можемъ заключить, что въ эпоху молодости Асоки греческое вліяніе было весьма чувствительно въ Паталипутрѣ. Еще сильнѣе должно оно было чувствоваться въ Таксилѣ.

[43]) Въ 256 году Асока заключилъ договоръ съ внукомъ Селевка, Антіохомъ II. — Въ т. н. XIII-мъ эдиктѣ, посвященномъ подробному изложенію покоренія Калинги и обращенія самого Асоки (прим. 10), упоминаются Антіохъ и Птоломей и говорится, что и въ ихъ владѣніяхъ „послы Его Священнаго Величества", который желаетъ, чтобы „все живущее наслаждалось покоемъ душевнымъ, безопасностью и радостью духа" (›Asoka‹, Ibidem, p. 74) одержали „величайшую побѣду", проповѣдію Закона Благочестія. Несомнѣнно, что, проповѣдуя основы буддизма, по указаніямъ и по пониманію Асоки, его послы и представители, по возвращеніи въ Индію, являлись у себя дома проводниками эллинизма.

[44]) Въ предыдущей работѣ, „О Дарикѣ и Золотникѣ„ (*S. K.*, 1931, 188—191), мы указывали, какимъ образомъ это вліяніе можно было прослѣдить „метрологически", и какъ цѣлыя столѣтія золотникъ оставался эталономъ эллинизма. Слѣдуетъ отмѣтить также и обратное вліяніе другой стороны и постепенное вытѣсненіе греческихъ надписей — другими алфавитами Брами и Карошти, греческихъ статеровъ — четыре-угольными монетами индусскаго типа и, наконецъ, аттическаго эталона золотника — мѣстнымъ индскимъ эталономъ.

[45]) Demetrius (190—150 до Р. Хр.), сынъ царя Эѳидема, подобно Александру, перейдя Гиндукушъ, покорилъ Пенджабъ и долину Инда до Гуджерата, заключивъ предварительно миръ съ Антіохомъ Великимъ. О немъ повѣствуютъ Полибій, Арріанъ, Птоломей и Страбонъ. На нѣкоторыхъ изъ его монетъ имѣются надписи карошти, а одна изъ монетъ даже четырехъугольна, мѣстной индусской формы. Принялъ титулъ „Царя Индійцевъ".

[46]) Eucratides (175—129 до Р. Хр.). Велъ войны съ парѳянскимъ царемъ Митридатомъ; возмутившись противъ Димитрія (45), завладѣлъ Бактрійскимъ царствомъ, Гандарой и Пенджабомъ. При немъ произошло нашествіе юе-чи. Въ концѣ царствованія былъ принужденъ оставить „аттическій" эталонъ, и его послѣднія монеты бились по индусской шкалѣ. Постепенно юе-чи

и Менандру,[47] эллинистическій сѣверо-западъ въ теченіе второго столѣтія до Р. Хр. неоднократно распространялъ свое вліяніе вглубь Индіи до самой Паталипутры. Даже когда около 100-го года до нашей эры нашествіе Юе-чи вытѣснило грековъ изъ Бактріи, то подъ именемъ Yavanas (Іонянъ) они съумѣли еще на два поколѣнія задержаться въ Сѣверной Индіи и способствовать тамъ укрѣпленію эллинистическаго вліянія.[48]

Но нашествіе юе-чи имѣло и еще одно, нѣсколько неожиданное, послѣдствіе: открывая сѣверные пути, оно давало возможность вступить въ непосредственныя сношенія съ Римомъ, и, когда послы Кадфиза II извѣщали Траяна о покореніи Кушанской династіей Пенджаба, то, этимъ самымъ, они открывали дорогу въ Индію римской культурѣ и, съ этихъ поръ, просачиваясь и распространяясь черезъ Бактріану, Удіяну и Гандару, римское вліяніе вливается опредѣленной струей въ эллинистическую культуру индійскаго сѣверо-запада.[49]

Столкновеніе греко-римской цивилизаціи съ мѣстной индійской, главные внѣшніе этапы коего мы только-что разсмотрѣли, пріобрѣло особое значеніе и вылилось въ своеобразныя формы потому, что оно по времени совпало съ распространеніемъ буддизма. Какъ разъ въ это время буддизмъ инстинктивно искалъ новыхъ формъ для внѣшняго выраженія своего ученія и для воплощенія въ осязательную форму своихъ легендъ. Мѣстное искусство имѣло и могло дать эти формы, но новое ученіе стремилось влиться въ новые мѣха, и эту новую форму оно нашло частью въ традиціяхъ эллинистическаго міра, частью въ греко-римской и (черезъ нее) въ ранне-христіанской иконографіи.[50]

Въ первыхъ произведеніяхъ буддійскаго искусства, въ Барутѣ (Bhârhut), въ Санчи (Sanchi), еще нѣтъ изображеній Будды, — ихъ замѣняютъ символы, какъ напр. стопа — pâdukâ или древо Godhi, но въ Amarâvati[51] и въ скульптурахъ

завладѣли всей собственно Бактріей, Согдіаной (Бухарой) и Дрангіаной (Сеистаномъ) и въ рукахъ преемниковъ Евкратида осталась лишь Гандара.

[47]) Menander, Milinda, индуссовъ. Послѣ распаденія царства Евкратида удержался въ долинѣ Кабула и въ Пенджабѣ; царствованіе его было довольно продолжительно, ибо до насъ дошли его монеты съ изображеніями его и въ юности, и уже пожилымъ; можно думать, что онъ еще царствовалъ около 80-года до Р. Хр. По мѣстной индусской традиціи Menander принялъ буддизмъ. Въ индійской литературѣ сохранилось сочиненіе, т. н. Milinda Pañho, т. е. „Вопросы царя Милинда", относящееся къ II-му вѣку нашей эры и рисующее Менандра какъ своего рода Асоку. Та же традиція считаетъ его выдающимся завоевателемъ и приписываемъ ему покореніе Паталипутры, бывшей столицы Чандрагупты и Асоки. (См. V. A. Smith, "The Indo-Parthian Dynasties", Z. D. M. G., 1906, p. 69. Также P. Gardner, "Catalogue of Indian Coins in the British Museum", 1886; Cambridge History of India, vol. I, Chapt. XXII & XXIII).

[48]) О юе-чи, см. *S. K.*, 1931, 188; юе-чи отбросили къ югу саковъ и пароянъ, а также „іонянъ"; при Кадфизѣ I (послѣ 25 года нашей эры), изъ племени Кушанъ, они заняли долину Кабула; его преемники закончили покореніе с.-з. Индіи, и юе-чи стали извѣстны подъ именемъ индоскиѳовъ. Наиболѣе знаменитымъ государемъ Кушанской династіи былъ Канишка (начало его царствованія Rapson, въ Cambridge History of India, I, 583, относитъ къ 78 году нашей эры), послѣ Асоки наиболѣе почитаемый буддистами монархъ.

[49]) J. Burgess, Journ. Indian Art, 1900, v. VIII, p. 25.

[50]) "The Gandhara Sculptures", J. Burgess, Ibidem, pp. 25, 26.

[51]) Сохранившаяся часть скульптурныхъ украшеній изъ Amarāvatī находится теперь въ Британскомъ и Мадрасскомъ музеяхъ. J. Burgess, "Buddhist Stūpas of Amarāvatī", 1887. Недавно въ Мадрасскомъ президенствѣ была открыта другая „ступа" (часовня), подобная Амараватской;

Гандары изображенія Будды являются уже самымъ зауряднымъ явленіемъ. Такъ какъ между скульптурами Амаравати и Гандары имѣется несомнѣнная внутренняя связь, а т. к. кромѣ того, всѣ гандарскія скульптуры сильно проникнуты эллинистическимъ вліяніемъ, то естественно возникаетъ предположеніе, что именно западное искусство дало толчокъ къ созданію изображеній Будды, и что первыя изображенія Будды были созданіемъ греко-индійскаго художника гандарской школы.[52]

„Естественно", говоритъ Фуше,[53] „что обѣ традиціи" (т. е. греческая и индійская) лучше всего могли воплотиться въ творческомъ воображеніи евразійца, художника — по отцу эллину, и буддійца — по индійской матери; также какъ и подъ его рѣзцомъ естественнѣе всего сочетались бы и оба рода техники".

То же сліяніе лучшихъ элементовъ традиціи и техники востока и запада мы видимъ во всѣхъ произведеніяхъ гандарской школы.[54] Сначала, въ наиболѣе

она относится къ тому же періоду, т. е. къ II—III столѣтію по Р. Хр. Мѣсто гдѣ открыта эта ступа носитъ названіе Nagarjunakonda; по характеру постройки она напоминаетъ ступы эпохи Асоки, но общій планъ ея и стиль скульптурныхъ украшеній тотъ же, что у Амаравати.

[52]) Burgess (Ibidem, p. 26) пишетъ: "It cannot be questioned that the iconography of Buddha, as it appears definitely consecrated at Amarāvatī, is derived from the North-West and from western influences". Мысль, что изображенія Будды были впервые созданы гандарской школой, принадлежитъ проф. Грюнведелю ("Buddhist Art in India", Engl. transl., 1901). Въ 1907 году Грюнведель напечаталъ въ Зап. В. О. И. Р. Арх. О., XVIII, Вып. I. „Краткія замѣтки о буддійскомъ искусствѣ въ Турфанѣ", гдѣ развиваетъ мысль, что исходной точкой турфанскихъ скульптуръ является гандарская школа. — Вопросу о происхожденіи изображеній Будды посвященъ популярный очеркъ A. Foucher, »L'Origine grecque de l'image de Bouddha«.

[53]) A. Foucher. »L'Art gréco-bouddhique du Gandhâra«, v. II, p. 2, Paris, 1923, p. 467; см. также того же автора: »La Madonne bouddhique«, Mont. et Mém., 1909, XVII, p. 255—275; здѣсь Фуше развиваетъ идею, что »...dans l'Asie antérieure, sur le tronc décadent de l'art hellénistique, se greffent deux vigoureux rejets, l'un qu'on appelle gréco-bouddhique, l'autre qu'on pourrait bien nommer greco-chrétien«.

[54]) Капитальными изслѣдованіями по гандарскому искусству на французскомъ языкѣ являются: вышеупомяругое изслѣдованіе Foucher, »L'Art gréco-bouddhique du Gandhâra«, v. I, 1905; v. II, p. 1, 1918, p. 2, 1923. (Publications de l'Ecole Française d'Extrême-Orient, vol. V et vol. VI); также, »Sculptures Gréco-Bouddhiques au Musée du Louvre«, Mon. et Mém., VII, 1900, pp. 44—63. По Англійски: 1) V. A. Smith, "Graeco-Roman Influence on the Civilisation of Ancient India", 1889. London; 2) J. Burgess, "The Gandhâra Sculptures", Journ. Indian Art, 1900, v. VIII, pp. 23—30 and 31—40. По нѣмецки: 1) A. Weber, »Die Griechen in Indien«, 1890 и 2) M. A. Grünwedel, Buddhistische Kunst in Indien« (выше упоминается англійское изданіе этого труда, а также, въ выноскѣ 52-ой, его статья по-русски въ Записк. Вост. Отд. Имп. Русскаго Арх. Общества за 1907 г.). Вслѣдствіе того, что долгое время вся область гандарской культуры оставалась закрытой для европейцевъ (прим. 33), количество произведеній гандарскаго искусства извѣстныхъ въ Европѣ было весьма незначительно. Только въ 1926 году замиреніе Сѣв.-Зап. погр. округа позволило Сэру Ауріелю Стейну проникнуть въ долину Свата, въ Удіяну и, приблизительно въ то же время французской миссіи A. Foucher было разрѣшено въ теченіе трехъ лѣтъ (1923—1926) обслѣдовать долину Кабула. О первыхъ изслѣдованіяхъ мы писали выше, имъ обязанъ Британскій музей своими „Гандарами", одной изъ лучшихъ изъ коихъ является нашъ горельефъ. Вторыя обогатили Лувръ и, особенно, музей Guimet необычайными скульптурами изъ Гадды и Баміана; онѣ описаны A. Foucher, въ статьѣ »Buste provenant de Haḍḍa« въ Monuments et Mémoires, XXX, 1929, pp. 101—110; въ изданіяхъ Musée Guimet, напр. »Exposition de récentes déconvertes ...en Afghanistan«, 1925 и въ Guide-Catalogue того же музея за 1923 годъ, составленнымъ хранителемъ музея J. Hackin. Превосходный снимокъ долины Баміана съ нишей будды напечатанъ въ Ill. L. News, 1923, 1; въ томъ же журналѣ за 1929 годъ (стр. 300, 301)

раннихъ произведеніяхъ, относящихся къ I столѣтію до нашей эры, мы видимъ лишь греческіе мотивы, напр. троянскаго коня[56] или Аѳину-Палладу; потомъ начинаютъ появляться изображенія Будды, первыя — въ видѣ Аполлона, по-

помѣщены снимки съ наиболѣе разительныхъ скульптуръ, привезенныхъ французской миссіей въ 1925 году и нынѣ выставленныхъ въ новомъ залѣ музея Guimet. Съ конца восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія начали различными путями просачиваться изъ оазисовъ китайскаго Туркестана рукописи, написанныя алфавитами brahmi и kharoṣṭhi (10) на неизвѣстномъ языкѣ, впослѣдствіи оказавшемся однимъ изъ западной группы индо-европейскихъ языковъ и теперь часто называемымъ тохарскимъ. Иногда, вмѣстѣ съ ними, проникали и обломки скульптуръ гандарскаго типа. Императорскій Россійскій Генеральный Консулъ въ Кашгарѣ Н. Ф. Петровскій заинтересовался этими находками и собралъ скоро значительную коллекцію (коллекція Петровскаго, переданная въ Императорскій Эрмитажъ, описана С. Ф. и Е. Г. Ольденбургъ въ „Записках Коллегии Востоковедов при Азиатском Музее Академии Наук", т. V, 1930, 145—186, въ статьѣ „Гандарские Скульптурные памятники Государственного Эрмитажа"; указаніемъ на эту статью я обязанъ Д. А. Расовскому и пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы поблагодарить его за это и за другія указанія). Оцѣнивъ значеніе находокъ, наша Академія Наукъ снарядила экспедиціи Клеменца, за которыми послѣдовали нѣмецкія Grünwedel'a и v. Le Coq'a, англійскія sir Aurel Stein'a и другія. Надписи, написанныя Карошти, были собраны Стейномъ въ 1906 и 1907 и 1908 г. и изданы въ 1920 и 1927 годахъ; отчетъ объ экспедиціи изданъ имъ въ 1921 г. (»Serindia«, vol. I—V). Передъ самой войной въ 1914 году появился отчетъ Непр. Секретаря Академіи Наукъ С. Ѳ. Ольденбурга, „Русская Туркестанская Экспедиція". Этотъ отчетъ и выставки предметовъ, привезенныхъ полк. П. К. Козловымъ изъ Кара-Хото и другихъ мѣстъ, открыли глаза широкой русской публикѣ на исчезнувшую „западную" культуру срединной Азіи и на вліяніе на нее эллинистическаго искусства. Однимъ изъ незабываемыхъ впечатлѣній моей жизни остается эта выставка, необычайныя по экспрессіи скульптуры эллинистическаго типа и долгія бесѣды съ Петромъ Кузмичемъ Козловымъ о самомъ Кара-Хото, м. б. таинственномъ Etzina Марко-Поло, о его стѣнахъ, о много- и разно-язычныхъ рукописяхъ, чудомъ сохранившихся въ пескахъ, о пурпурныхъ тканяхъ, украшенныхъ пальметками и греческими грифонами, о казавшемся тогда такимъ таинственнымъ „звѣриномъ стилѣ" и о многомъ другомъ. Между 1923 и 1926 Козловъ снова работалъ въ Кара-Хото и около Урги, въ Уланъ-Хади („Монголия и Амдо и мертвый городъ Кара-Хото", П. К. Козлова, Москва-Петроград, 1923; также Ill. L. News, Aug. 1925 and Oct. 1926). Затѣмъ, недавно Кара-Хото былъ посѣщенъ экспедиціей Свенъ Хедина, которая вывезла оттуда и изъ другихъ монгольскихъ могильниковъ богатый археологическій матеріалъ ("Across the Gobi Desert", by Sven Heddin, London, 1931 и Ill. L. News, Apr. & Nov. 1931). Результаты этихъ экспедицій, а также экспедицій Pelliot et Bacot (Bull. Arch. du Musée guimet, II, 1921), турфанской экспедиціи Ле-Кока (A. v. Le Coq, "Chotscho", Kgl. Preuss. Turfan Exp., 1913) и др. показали съ несомнѣнностью, что всѣ вост.-туркестанскія скульптуры происходятъ изъ гандарской школы. Въ наиболѣе раннихъ изъ нихъ чувствуется преимущественно эллинистическое вліяніе; далѣе съ V—VI вѣка примѣшивается вліяніе индійское и иранское; около VII столѣтія развивается мѣстный, „тохарскій" стиль и „древне-тюркскій"; наконецъ послѣдній, подъ китайскимъ вліяніемъ, переходитъ въ „уйгурскій" стиль и далѣе, между VIII и XI столѣтіями пріобрѣтаетъ окончательно китайскія формы (A. Grünwedel, »Bericht über archaeologische Arbeiten in Idiqutschari«, München, 1906); при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что это сѣверно-китайское искусство эпохи династіи Вей, продолжаетъ сильно отличаться отъ археическаго китайскаго искусства эпохи Ханъ, и гандарскіе мотивы продолжаютъ въ немъ чувствоваться. Сама Гандара была окончательно разорена бѣлыми гуннами въ V столѣтіи; монастыри Капицы въ Афганистанѣ уцѣлѣли до арабскаго нашествія VII столѣтія. Средняя Азія сохранила гандарскій стиль еще на нѣсколько столѣтій, и передала его буддійскому искусству Китая. Такъ, зерна эллинистической культуры, павшія на благодарную почву Индіи, „вспаханную" походами Александра, дали пышные плоды у себя на родинѣ, а рядомъ отпрысковъ протянулись на сѣверъ и на востокъ и, подобно Византіи, на тысячу лѣтъ продолжили культурное вліяніе Греціи.

[56]) "The Buddha Image born in Peshawar", By A. H. Longhurst, Ill. L. News, 1929, 394—395; fig. 1 (The Trojan Horse) and fig. 2 (A statue of Athene).

томъ — въ болѣе условныхъ позахъ[56]; около I—II-го столѣтія нашей эры, въ перiодъ наибольшаго развитія гандарскаго искусства, появляются въ безконечныхъ варьянтахъ легенды изъ жизни Будды, а также, изъ его прежнихъ воплощеній, для чего джатаки (15) даютъ богатый матерьялъ.

Обращаясь опять къ разсмотрѣнію нашего барельефа (табл. VIII), мы видимъ въ немъ выраженіе всѣхъ лучшихъ элементовъ гандарской школы: сильное вліяніе классическаго искусства въ гармоническомъ расположеніи фигуръ, въ драпировкахъ; необычайную живость выраженія и напряженность чувства — эллинистической школы; богатство и разнообразіе типовъ человѣческихъ фигуръ — мѣстное индійское вліяніе, и, наконецъ, римско-христіанское вліяніе — въ нимбахъ Индры и его спутника.[57] Періодъ нашего барельефа не можетъ быть далекъ отъ времени наибольшаго развитія гандарской школы, т. е. отъ I—II-го вѣка.[58] По опредѣлѣнію Британскаго музея оно относится къ рубежу II—III столѣтія.

Къ этому времени, слѣдовательно, относится изображеніе безмена въ индійскомъ искусствѣ. Къ которому же, изъ многочисленныхъ культурныхъ вліяній слѣдуетъ его отнести; другими словами, нашъ евразіецъ-художникъ откуда почерпнулъ его? Нашелъ ли онъ его въ эллинистической традиціи, заимствовалъ ли онъ его у Рима, или, что какъ будто было бы всего естественнѣе, сохранилъ его изъ мѣстнаго канона?

Изображеніе той же легенды о царѣ Сиви имѣется, какъ мы уже упоминали, на барельефахъ Амаравати и на болѣе позднихъ, относящихся къ V-му вѣку фрескахъ Аянты.[59] Характеръ изображенія изъ Амаравати совершенно гандарскаго типа; за то аянтскія фрески уже значительно болѣе индійскаго стиля. На фиг. 1, табл. IX мы воспроизводимъ, съ любезнаго разрѣшенія Директора Индійскаго Музея, часть фрески изображающую нашу легенду. Фреска эта сильно пострадала отъ времени, но вѣсы сохранились достаточно. И вотъ, мы видимъ, что вмѣсто безмена появились настоящіе вѣсы съ равноплечимъ коромысломъ. Какъ будто-бы между II и V вѣкомъ произошло нѣчто, что подсказало художнику-индусу изобразить вѣсы, а индо-греку — безменъ. Первой мыслью является объяснить эту перемѣну наличностью болѣе сильнаго западнаго, и,

---

[56]) Ibidem, p. 394. — Longhurst опубликовалъ чрезвычайно интересную таблицу, гдѣ данъ рядъ изображеній Будды въ хронологическомъ порядкѣ и показано постепенное усиленіе мѣстной традиціи и вліянія. Такъ, въ первыхъ изображеніяхъ Будды можно ясно узнать классическія черты Аполлона, а »ushnīsha« (шишка мудрости) скрыта подъ прической; постепенно черты лица измѣняются. Мочки ушей оттягиваются и самая поза становится застывшей (52).

[57]) »Nimbus und Strahlenkranz«, Stephani, Mém. Acad. de St. Pétersbourg, v. IX, 6me Série; также "The Gandhara Sculptures", Ibidem. p. 26.

[58]) "Gandhara Sculptures", Ibidem, p. 24, гдѣ Burgess относитъ гандарскую школу къ сравнительно позднему періоду между 200—350 годомъ. Раскопки и современныя изслѣдованія расширяютъ предѣлы гандарскаго періода въ обѣ стороны, т. е. внизъ до I-го вѣка до нашей эры и вверхъ, приблизительно до 450 года. См. также (54).

[59]) Описаніе фресокъ Аянты, см. "The Ajanta Cave Paintings", by J. Griffith, Journ. Indian Art, VIII, 1898. — Въ 1931 году вышелъ въ свѣтъ 1 вып. новаго роскошнаго изданія, подъ редакціей G. Yazdani, Директора Археолог. комиссіи Низама Гейдерабадскаго, во владѣніяхъ котораго находятся знаменитые Аянтскія пещеры. Въ Ill. London News, Nov. 1931 воспроизведена одна изъ фресокъ „черная принцесса".

именно, римскаго вліянія во II—III вѣкѣ; тогда появленіе безмена въ гандарской скульптурѣ являлось бы явленіемъ наноснымъ, пришлымъ и индійскій способъ взвѣшиванія, подобно египетскому, былъ бы связанъ съ вѣсами. Но здѣсь намъ на помощь приходитъ нумизматика. До насъ дошелъ цѣлый рядъ монетъ мѣстнаго индійскаго происхожденія, отъ времени династіи Маурья, съ различными выбитыми на нихъ клеймами и знаками, и въ числѣ этихъ изображеній нерѣдко встрѣчается безменъ (фиг. 2 и 3, табл. IX).

Древнѣйшія изъ этихъ монетъ принадлежатъ къ типу прямоугольныхъ или круглыхъ жетоновъ. Въ англійской нумизматикѣ онѣ извѣстны какъ "Punch-marked coins", въ санскритской же литературѣ онѣ называются Purāṇas или Dharaṇas („древнія"). Матеріаломъ для нихъ служила большею частью листовая мѣдь, иногда же и листовое серебро низкой пробы. На заготовкахъ отштамповывались нужные знаки, а затѣмъ онѣ обрѣзались начисто до желаемаго вѣса. На лицевой части выбивался рядъ знаковъ или буквъ; въ древнѣйшихъ монетахъ оборотная сторона оставалась свободной и на ней выбивались лишь специальныя клейма; впослѣдствіи обѣ стороны стали покрываться надписями или группами символовъ. Послѣдніе весьма разнообразны: попадаются изображенія солнца, слоновъ, быка, рыбъ, свастика и т. д. На рядѣ монетъ Британскаго музея имѣется, какъ упомянуто выше, и безменъ. Бюлеръ[60] впервые высказалъ предположеніе, что эти знаки чеканились различными гильдіями, и это тѣмъ болѣе вѣроятно, что долгое время правители и государства присваивали себѣ исключительное право лишь на чеканку золотой и высоко-пробной серебряной монеты, оставляя за различными торговыми организаціями право на выпускъ особыхъ знаковъ и жетоновъ.[61]

Распространенность и многочисленность пуранъ въ индійскихъ кладахъ III и IV вѣка до Рождества Христова указываютъ, что онѣ являлись вполнѣ установившейся формой денежныхъ знаковъ этого періода; кромѣ того; ихъ форма и вѣсъ свидѣтельствуютъ о мѣстномъ происхожденіи и объ отсутствіи какого бы то ни было иноземнаго вліянія.[62] Особенно интересными съ метрологической точки зрѣнія являются: монета изъ Таксилы (33), изображенная на фиг. 2 и, другая, изъ Ауда (40), фиг. 3 (табл. IX). Первая принадлежитъ къ болѣе древнему типу четырехъ-

[60]) »Grundriss der Indo-Arischen Philologie und Althertumskunde«, Strassburg, 1897. Глава "Indian Coins" написана англійскимъ археологомъ и нумизматомъ E. J. Rapson'омъ. Имъ же написаны соотвѣтствующія главы въ Cambridge History of India, vol, I, Chapt. XXII, XXIII. — Еще болѣе древней формой денежныхъ знаковъ въ Индіи, подобно тому, какъ и въ Лидіи, были небольшіе серебряные слитки съ клеймами, а также болѣе тяжелые слитки вогнутой формы, напоминающіе наши русскія гривны. Въ вышеупомянутомъ кладѣ 1167 серебряныхъ монетъ, найденномъ Sir John Marshall'омъ въ Таксилѣ, большую часть составляютъ пураны, но были также и серебряные слитки и три монеты времени Александра Македонскаго (S. K., IV, 1931, 190 и вын. 33) и персидскій дарикъ.

[61]) Rapson, Ibidem; также A. Cunnigham, "Coins of Ancient India", 1891 и C. J. Brown, "The Coins of India", 1922. — Интересно отмѣтить, что выпускъ жетоновъ гильдіями и торговыми корпораціями дошелъ до нашихъ дней, напр. въ выпускахъ франковыхъ жетоновъ франц. торговыми палатами. То же самое долгое время практиковалось и въ Англіи, и, напр., при Кромвелѣ, единственные выпуски монетъ — это жетоны гильдейскіе и корпорацій. ("A Guide to the Department of Coins & Metals in the British Museum", 1922, 55.

[62]) Rapson, "Indian Coins", Ibidem, p. 2; Brown, "Coins of India", Ibidem, p. 16.

угольныхъ пуранъ; она вырѣзана изъ мѣднаго листа и на обѣихъ сторонахъ выбиты надписи: на лицевой сторонѣ, алфавитомъ брами (10) написано NIGAMA, что, по Коннингаму, значитъ „обычай, употребленіе“[63]; на оборотной сторонѣ, письмомъ карошти (10) написано Доjака и изображенъ безменъ. Такой же безменъ[64] изображенъ на круглой монетѣ изъ Ауда (фиг. 3), а на оборотѣ знакъ свастики и рыба. По опредѣленію пом. хранителя нумизматическаго отдѣла Британскаго музея, G. C. Brooke'а, которому я обязанъ указаніемъ на эти монеты, первая относится къ 300 году до Р. Хр., а вторая ко второму столѣт. до Р. Хр.

Такимъ образомъ, мы находимъ изображеніе безмена на мѣстныхъ индійскихъ монетахъ III—IV столѣтія до Р. Хр. Далѣе, это изображеніе связано съ торговлей, оно выбито на гильдейскихъ значкахъ и сопровождается словомъ нигама, удостовѣряющимъ его употребленіе при взвѣшиваніи. Поэтому мы можемъ сдѣлать выводъ, что художникъ-евразіецъ, авторъ гандарской скульптуры о царѣ Сиви (табл. VIII), въ поискахъ мѣстныхъ символовъ для взвѣшиванія нашелъ ихъ на монетахъ — пуранахъ, и принялъ безменъ какъ одинъ изъ мѣстныхъ атрибутовъ священныхъ изображеній. Далѣе, мы видимъ, что употребленіе безмена много древнѣе гандарскаго періода и уходитъ вглубь, по крайней мѣрѣ къ Чандрагуптѣ, а вѣроятно и къ предшествовавшей династіи Нанда. Наконецъ, вѣса пуранъ могутъ намъ дать еще нѣкоторыя дальнѣйшія указанія на эталонъ, бывшій въ употребленіи въ Индіи до походовъ Александра и, при этомъ, судя по изображенію, связанный съ безменомъ.

Вѣсъ четырехъ-угольной монеты изъ Таксилы 6,93 грамма, а круглой, изъ Ауда, — 2,33 грамма; эти два вѣса находятся въ отношеніи 3 къ 1-му и, слѣдовательно, принадлежатъ къ одной и той же шкалѣ. Но къ какой? Это не можетъ быть сумерійская система дарика, ибо наименьшая изъ единицъ этой системы, шекель *Д I*, равняется 8,19 граммамъ[65] и между нимъ и таксильской монетой лежитъ вся группа Peyem'а.[66] Въ египетской „золотой“ системѣ beqa[67] высшіе члены группы уже довольно близко подходятъ по вѣсу къ таксильской монетѣ, но раскопки Sir John Marshall'а въ Мохенджо-Даро и Хараппѣ (8) даютъ прямой и исчерпывающій отвѣтъ на нашъ вопросъ.

Двадцать девятая глава II-го тома цитированнаго мною монументальнаго труда "Mohenjo-Daro and the Indus Civilization" посвящена описанію и классификаціи найденныхъ A. S. Hemmy въ большомъ количествѣ разновѣсковъ. Разновѣски эти б. ч. кубической формы, изъ твердаго камня и отличаются большой точ-

---

[63]) Cunnigham, Ibidem, переводитъ: "custom, habit, use"; Dr. Barnett — гильдія.

[64]) Надъ безменомъ имѣется знакъ Nandipada (лунный символъ); подобныя монеты изъ Ауда были впервые описаны Coll. Rivett-Carnac въ 1880 году въ J. A. S. B., XLIX, 139, гдѣ онъ безменъ принималъ за „Молотъ Тора“; опредѣленіе знака какъ безмена было сдѣлано Vincent A. Smith'омъ въ Каталогѣ Монетъ Индійскаго Музея въ Калькутѣ, т. I, 1906. На стр. 148 и 149 каталога описаны двѣ монеты, №№ 12 и 13, со знакомъ безмена. См. также описаніе аналогическихъ монетъ, у Surendra Kisor Chakrabortty, 1931. Calcutta, pp. 169, 170.

[65]) Seminarium Kondakovianum, 1928, II, 215.

[66]) Seminarium Kondakovianum, 1928, II, 203.

[67]) Терминъ Beqa предложенъ Sir Flinders Petrie какъ сокращеніе названія beth-qof-'ayn. На многихъ разновѣскахъ этой системы имѣется гіероглифъ золота (Petrie, Ibidem, p. 18). Это одна изъ наиболѣе древнихъ египетскихъ системъ.

1

2

3

ностью отдѣлки. Изъ общей массы было отобрано 120 разновѣсковъ, находившихся въ полной сохранности, составившіе основную группу съ единицей въ 0,856 грамма. Далѣе идутъ разновѣски въ 2, 4, 8, 16, 32 и 64 единицы; еще выше имѣются группы въ 160, 200, 320 и 1600 единицъ. Наконецъ, между группами въ двѣ и четыре единицы стоитъ промежуточная группа въ $^8/_3$. Наибольшее число разновѣсковъ группируется около 8, 16 и 32 единицъ. Одна изъ этихъ группъ и представляетъ настоящую, т. е. болѣе крупную, класса шекеля, единицу; по всей вѣроятности, особенно по сличенію съ эламскими единицами,[68] ею будетъ группа *E* индской шкалы съ 8-ю единицами и среднимъ вѣсомъ 6,85 грамма; слѣдующая группа въ $^8/_3$ будетъ представлять одну треть отъ 6,85 граммъ и по индской шкалѣ равняется 2,28 грамма, съ предѣлами отъ 2,24 до 2,33 грамма.[69] Такимъ образомъ и таксильская монета, и аудская принадлежатъ къ шкалѣ Мохенджо-Даро. Мы видѣли выше, что цѣлый рядъ серьезныхъ соображеній заставляетъ считать, что и система пуранъ, и система письма брами, уходятъ корнями въ сѣдую древность. Метрологія подсказываетъ намъ прямой отвѣтъ: шкала пуранъ — это шкала Мохенджо-Даро; и между Индіей Чандрагупты и Индіей Хараппы и Мохенджо-Даро протягивается пока еще тонкая, но все же непрерывная нить. Эта, непрерывная на протяженіи тысячелѣтій нить, непрерывная, не смотря на смѣну расъ и цивилизацій, — система вѣса таинственной индской цивилизаціи; она основана на простѣйшемъ сочетаніи основной единицы, умножая ее на — 2, 4, 8, 16, 32 и 64, т. е. на 2^n. Число десять появляется лишь въ высшихъ сочетаніяхъ, и тогда 320 *М. Д.* равняется полу-ансырю, а 640 — полному ансырю. Такъ сплетается русская система вѣса черезъ ансырь — съ древней системой Индіи и, въ свою очередь, даетъ индской системѣ, черезъ золотникъ, связующее звено съ сумерійской системой.[70]

Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы принести глубокую благодарность Директору и хранителямъ Британскаго Музея за разрѣшеніе воспроизвести Гандарскій горельефъ съ изображеніемъ легенды царя Сиви и идійскія монеты, а Директору Индійскаго Музея — за разрѣшеніе воспользоваться снимкомъ изъ Аянты, дающимъ другую трактовку той же легенды.

Н. Т. Бѣляевъ.

11 Марта 1933 года, Парижъ.

---

[68]) Экспедиція имени де-Моргана, во главѣ которой состоятъ Père V. Scheil и R. de Mecquenem, въ числѣ другихъ богатѣйшихъ матеріаловъ изъ Сузіаны, привезла за періодъ 1921—1930 года весьма обширный матерьялъ по мѣрамъ и вѣсамъ, который былъ любезно предоставленъ въ мое распоряженіе для обработки. Въ числѣ найденныхъ разновѣсковъ имѣется значительное количество принадлежащихъ къ системѣ Мохенджо-Даро; имѣются другія серіи, связанныя съ системой *М. Д.*, имѣется и довольно значительная сумерійская группа дарика. Такимъ образомъ, на Эламъ оказывала воздѣйствіе и сумерійская система, и индская; можетъ быть, имѣющійся матерьялъ можно будетъ изъяснить и въ томъ смыслѣ, что изъ предгорьевъ Элама вышли и та, и другая система. Пока мы можемъ только сказать, что въ Сузіанѣ встрѣчаются и системы дарика, и система *М. Д.*, а въ долинѣ Инда лишь послѣдняя.

[69]) "Mohenjo-Daro and the Indus Civilization", Ibidem, Chapter XXIX (System of weights at Mohenjo Daro, by A. S. Hemmy), p. 590, Table I.

[70]) Объ Ансырѣ см. „О древнихъ и нынѣшнихъ русскихъ мѣрахъ протяженія и вѣса", Seminarium Kondakovianum, 1927, I, 271.

СПИСОКЪ ИЛЛЮСТРАЦІЙ

Табл. VIII. Гандарскій горельефъ съ изображеніемъ легенды царя Сиви. British Museum. Воспроизводится съ любезнаго согласія Директора и Хранителя Музея. (× 1.)

Табл. IX, фиг. 1. Легенда царя Сиви. Фрески Аянты. V вѣкъ послѣ Р. Х. Воспроизводится съ разрѣшенія Директора Индійскаго Музея въ Лондонѣ.

фиг. 2. „Пурана", четырехъ-угольная мѣдная индійская монета III—IV ст. до Р. Х. изъ Таксилы. На лицевой сторонѣ изображенъ безменъ и надпись карошти; на оборотѣ — брами — Nigama. № 2 каталога Британскаго музея. Вѣсъ 6,93 грамма = 1 MD. (× 2.)

фиг. 3. „Пурана" изъ Ауда, II ст. до Р. Хр.; № 3 каталога Британскаго Музея. Вѣсъ 2,33 грамма = $^1/_3$ MD. На лицевой сторонѣ — безменъ и Nandipada. На оборотной — знакъ свастики надъ рыбой. (× 2.)

ON BISMAR IN INDIA

by

Colonel N. T. BELAIEW, C. B., M. R. I.

The existence of the bismar on the Malabar coast (E. Thurston, Bull. Madras Gov. Museum, 1901, v. IV, N° 2, p. 125) makes it highly probable that this method of weighing has existed in India for many centuries. The trading relations between Sumer and the Indus valley (Sidney Smith, "The Early History of Assyria"; Ill. London News, 1924, Oct., and, Ibidem, 1932, Febr. and Oct.) introduced to Messopotamia several elements of the Indus culture and, likewise, were bound to influence the latter's civilisation. As the bismar was known and used in Sumer (Seminarium Kondakovianum, 1932, V, pp. 165—180), it ought to have found its way eastwards, and further excavations in the Indus valley may reveal its existence there.

An interesting representation of the bismar is found on the Gandhara relief from the Swat valley now in the British Museum, depicting the legend of king Çivi (Man, 1913, N° 11, pp. 17—19). King Çivi is seated on a stool; beside him are a woman and a kneeling man with a knife; further to the right stands an attendant with a bismar and then the god Indra (Plate VIII).

The bismar corresponds wery closely to the Malabar specimen and to the Danish steelyard; a similar bismar also occurs on the Amaravati tope. The same legend appears on one of the frescoes at Ajanta (Plate IX), but the bismar is replaced there by the usual scales. Thus, between the IInd or the IIIrd cent. A. D. (the dates of the Amaravati tope and the Gandhara relief) and the Vth century A. D. (Ajanta), a change occurred in the iconography of the legend, and whereas the "Eurasian Artist" (to use Foucher's expression from his "L'Art grécoboudhique du Gandhara", 1918, v. II, p. 2) of the Gandhara school considered the bismar as the most appropriate symbol of weighing, the Indian Artist of the Ajanta frescoes reverted to the use of scales.

As by the IInd century A. D. the influence both of the Hellenistic and of the Roman art was considerable in Udyana and Gandhara, it may seem at first, as if the use of the bismar was to be traced as resulting from the Western influence in Indian art. However, the study of ancient Indian coins proves that this assumption is incorrect and shows that bismar in India was in use in the days of the Mauria dynasty and even in the days of the Nanda kings.

Among the many "Punch-marked coins" (Purāṇas) at the British Museum, there are several with the sign of the bismar. These purāṇas ("Ancient") are rectangular (fig. 2) or circular (fig. 3) pieces, cut from a hammered sheet of copper and clipped to the proper weight. On the rectangular purāṇa from Taxila (fig. 2, British Museum Catalogue. Coins of Ancient India, by J. A. Allen, 1933. "Taxila, N° 2") on the obverse is the sign of the bismar and the inscription "DOJAKA" in Kharoshthi script. On the reverse side is the Brahmi inscription "NEGAMA", which Cunningham ("Coins in Ancient India", p. 63) explains from the Gandharian Nekama, as Custom, habit or use. Dr. L. D. Barnett kindly informed me that he considers that Negama can be equated with "Guild" and that "Dojaka" seems to be a personal name; he also thinks that the dash over G (fig. 2) has no phonetical value. This last consideration is of importance, as on metrological grounds the weight of "Taxila, N° 2" must be considerd as a unity and, therefore, the stroke may have the same meaning.

According to Bühler ("Indian Studies", III, 49) purāṇas are guild-tokens and were struck by communal guilds or by goldsmiths and silversmiths. Rapson ("Indian Coins" in »Grundriß der Indo-Arischen Philologie und Altertumskunde«, Strassburg, 1897, II, H. 3) considers these tokens to be of "an ancient form and designs, of purely native art, unmodified by any foreign influence". Thus we can say, that somewhere about 300 B. C. the bismar was selected as an emblem of the act of weighing by the guilds and crafts of ancient India.

Another token or coin with the sign of bismar on it is that from Ayodhya (fig. 3; B. M. Catalogue, Ibidem, N° 3); it bears on the reverse the sign of the Svastica over fish. (The coins from Ayodhia were first published by col. Rivett-Carnac in J. A. S. B., 1880, XLIX, 139; he described the bismar

as "Thor's hammer" Cunningham took it to be an axe. But Vincent A. Smith's identification with a Steelyard seems to be the correct one and is accepted by the leading authorities; see V. A. Smith, "Catalogue of the Coins in the Indian Museum Calcutta", v. I, Oxford, 1906; coins of Ajodhyā, pp. 148, 149; J. Allan, B. M. Catalogue, Coins of Ancient India, 1933; Surendra. Kisor Chakrabortty. "Ancient Indian Numismatics", Calcutta, 1931.)

Very interesting results arise from the consideration of the weights of these "Bismar" coins. The weight of the "Taxila" coin is 107 grains, or 6·93 grammes; the weight of that from Ayodhya is 36 grains (2·33*g*). Thus they stand in relation of 1 to 3 and, obviously, belong to the same system. This system cannot be the Messopotamian system of the "Daric", as even DI=8.19*g* ("On the Sumerian Mina", Trans. Newcomen Society f. 1927/8, vol. VIII, 1929; S. K., 1928, II, pp. 187—222) and is much heavier than 6·93*g*, and the whole Egyptian system of the Peyem (from 7·38 to 8·10*g*; Petrie, "Ancient Weights and Measures, 1926, p. VI) is heavier too. The Egyptian gold-standard BEQA (from $6{\cdot}09 \times 2$ to $6{\cdot}81 \times 2g$) is closer, but still to light. On the other hand, the Mohenjo-Daro and Harappa weights, published by Sir John Marshall ("Mohenjo-Daro and the Indus Civilisation"; chapter XXIX by A. S. Hemmy on the System of weights at Mohenjo-Daro, pp. 589—596; vol. II, London, 1931) belong to the same system as our purāṇas. The M. D. weights are of uniform shape, rectangular or cubical and are made of a hard chert. The system is binary in smaller weights and then decimal. The most frequently discovered weights (32 out of 120) stand in ratio of 16 to the smallest specimen and have a mean value of 13·71*g*; the next class, ratio 8 (22 out of 120), has a mean value of 6·82, with limits from 6·31 to 7·27*g*. It is to this class that belongs the Taxila coin.

In spite of the fact that the system is binary, there appears a rather numerous class between the ratios of 2 and 4, the class C of Mr. Hemmy, which he puts at $1/3 \times 8$, with a medium weight of 2·28*g*. Among the numerous weights from Suza brought by the de Morgan expedition and now handed over to me for examination, there are several specimens of that weight, belonging to a special Suzian scale, which I would like to call provisionally the "Insect Standard". It is interesting to note that they found it expedient at Mohenjo-Daro to include the Suzian weight into their system. The Ayodhya coin of 2·33*g* belongs to that class. Thus' metrology supplies us with one more link between the Indus civilization of the IIIrd milennium B. C. and that of the Mauria kings of the IVth and IIIrd century B. C.

I would like to acknowledge my indebtedness to the Director and the Trustees of the British Museum for their permission to reproduce the Gandhara relief and the punch-marked coins and to the Authorities of the Albert Victoria and the India Museum — for the Ajanta fresco. I am particularly indebted to Mr. Sidney Smith, Keeper of the Department of Assyrian and Egyptian Antiquities, to Dr. Barnett, Keeper of the Department of Oriental Manuscripts, to Mr. John Allan, Mr. G. C. Brooke and Mr. E. S. G. Robinson, of the Department of coins and Medals, and to Mr. K. de B. Codrington, Director of the India Museum, for their kind assistance and information on many points of archaeological and numismatical interest. It is my pleasant duty to put on record my sincerest thanks to Colonel P. K. Kozlov, to whom I owe my first initiation to the Gandhara culture.

LIST OF PLATES

Pl. VIII. The Gandhara relief with the legend of King Çivi. British Museum. (× 1.)

IX, fig. 1. The Legend of King Çivi. Ajanta.

fig. 2. "Punch-marked" coin from Taxila. British Museum Catalogue N° 2. On the obverse the sign of the Bismar and "Dojaka" in Kharoshthi script; on the reverse "Negama" in Brahmi. Weight 107 grains or 6·93 grammes. 1 M. D. (× 2.)

fig. 3. "Punch-marked" coin from Ayodhya;
B. M. Catalogue N° 3. O. — The sign of the Bismar and Nandipada; R. — Svastika over Fish. P = 36 grains = 2·33 grammes = 1/3 M. D. (Mohenjo-Daro). (× 2.)

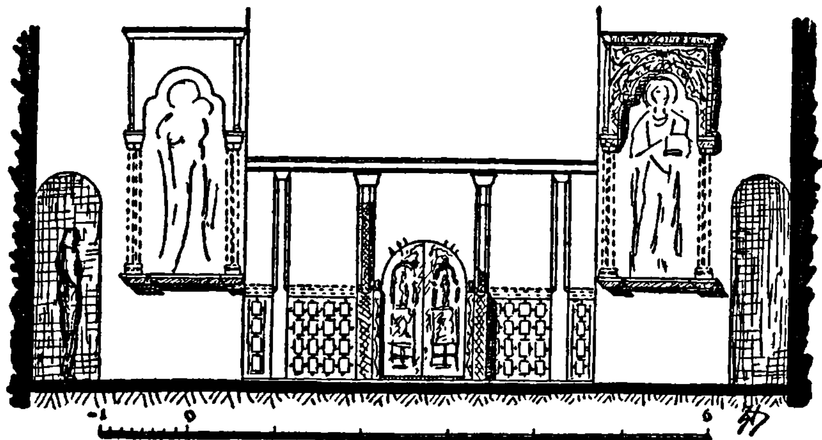

Fig. 1.

LA RESTAURATION RÉCENTE DE L'ICONOSTASE À L'ÉGLISE DE NEREZI

La restauration du merveilleux iconostase de l'église de Nerezi a été exécutée en 1930 et 1931. Les autorités ecclésiastiques ne voulurent pas se contenter d'une simple anastylose et exigèrent impérativement la reconstruction intégrale de l'iconostase. Elle fut réalisée, d'après les indications que je lui avais fournies, par un sculpteur de Skoplje, M. Nestor Aleksijević. Malheureusement, je me suis trouvé dans l'impossibilité de surveiller continuellement le travail, si bien que le résultat n'en est point irréprochable.

La restauration a été rendue possible grâce à un grand nombre d'éléments conservés de l'iconostase originale. L'arcade trilobée du côté Sud était presque intacte. Il ne lui manquait, en effet, que la colonnette gauche et un morceau de la corniche qu'elle portait. D'ailleurs, ce dernier morceau se trouvait encore en place à l'époque où M. Millet prenait ses photographies de l'iconostase de Nerezi.[1] Manquaient également les colonnettes géminées qui supportaient l'archivolte: on n'en retrouva qu'une trace sur le crépi. Contrairement aux autres parties de l'iconostase, qui sont en marbre, celle qui nous intéresse en ce moment a été ciselée dans du stuc frais: des traces des doigts imprimés dans le stuc s'y reconnaissent encore aujourd'hui.

Kondakov,[2] puis M. G. Millet[3] supposèrent que cette arcade appartenait à un ambon contemporain de l'église. C'est ce qui me semble peu probable. La composition architecturale de l'arcade, de sa corniche, des colonnettes et des doubles chapiteaux, suppose

---

[1]) G. Millet, L'ancien art serbe. Paris, 1919, fig. 152.

[2]) Н. П. Кондаковъ, Македонія. St-Pétersbourg, 1909, p. 176.

[3]) Millet, op. cit., fig. 152.

une construction adossée à un mur. L'emploi d'une matière si fragile, comme le stuc, ne pouvait permettre à cette construction de se tenir par ses propres moyens. En outre, des traces visibles sur la fresque derrière l'arcade (et qui remonte à l'époque de la construction), prouvent que le montage de l'arcade avait été terminé avant l'exécution des peintures murales. Enfin, une arcade symétrique avait été adossée primitivement au pilier Nord: quoique entièrement disparue, elle a laissé des traces sur le crépi du pilier.

De l'iconostase proprement dit (c'est-à-dire de la cloison qui se trouvait entre les deux arcades) on ne retrouva in situ que des fragments des deux piliers du milieu; celui de droite était brisé en deux morceaux (fig. 1). Le beau chancel qui était encore intact lorsque M. Okunev l'avait photographié,[4] est aujourd'hui brisé en une dizaine de morceaux, conservés au Musée de Skoplje. Personne n'a pu nous dire quand et comment il a été mis dans cet état. Des fragments de deux autres chancels ont pu être trouvés dans le pavement de l'église (Pl. X, fig. 1. 2, 3). Enfin, plusieurs morceaux de piliers (Pl. X, fig. 4 et fig. 2), de chapiteaux et de la corniche complètent cette série de fragments de l'iconostase.

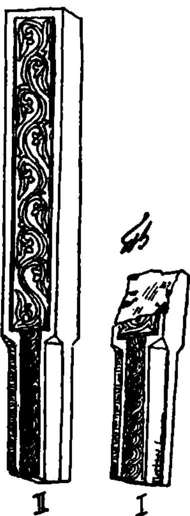

Fig. 2.

D'ailleurs nous avons pu relever d'autres indications sur son aspect primitif. Du côté du sanctuaire, on adossa au parapet (pour le consolider probablement) un mur en pierre, avec un mortier maigre et boueux. Le parapet fut enlevé par la suite, mais ses empreintes restèrent moulées dans le mortier du mur (Pl. X, fig. 5). Elles nous permettent de juger de la disposition originale des chancels et des piliers. Cette disposition se trouve confirmée par des traces incisées dans le pavement et par les dimensions des fragments.

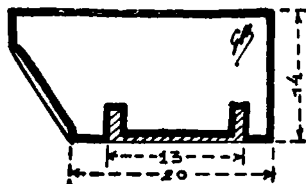

Fig. 3.

En réunissant toutes les données, on a pu tenter une reconstitution (fig. 1), où les parties restées in situ sont ombrées, les parties reconstruites avec preuves absolues d'exactitude, se trouvent dessinées au trait continu, tandis que les reconstitutions hypothétiques sont indiquées au pointillé.

Pour restaurer l'iconostase, on n'avait, par conséquent, qu'à remettre en place les fragments des deux piliers du milieu et à rajuster les fragments de la corniche qui, quoique brisée en plusieurs morceaux, est conservée dans toutes ses parties. Pour fixer ces fragments on n'avait qu'à pratiquer deux cannelures sur leur côté inférieur et les poser sur les planes d'une poutre de fer, en forme de ⊔ N° 13 (fig. 3), qui elle-même reposerait sur les chapiteaux des piliers.

La hauteur des piliers latéraux est déterminée par la hauteur de ceux du milieu, et leurs formes et leurs ornements nous sont connus, par les fragments qui nous en sont parvenus (Pl. X, fig. 4 et fig. 2, I). Il faut remarquer pourtant que ces piliers ne portaient pas de chapiteaux en corbeille, mais se terminaient par un simple renflement, dont l'épaisseur ne dépassait pas celle du pilier. S'il n'en avait pas été ainsi, on aurait dû trouver, à l'extrêmité du fragment conservé (Pl. X, fig. 4) le trou de la cheville

4) Н. Окуневъ, Алтарная преграда XII вѣка въ Нерезѣ, Seminarium Kondakovianum III, 1929, pl. II.

1

2

3

5

4

6

7

d'assemblage, qu'on voit par exemple entre les piliers du milieu et leurs chapiteaux (Pl. X, fig. 4). Quoique facile, la restauration des piliers latéraux n'a pourtant pas été exécutée convenablement. Au lieu de prolonger l'ornement de la partie inférieure, dont le commencement se voit sur l'un des fragments (fig. 2, I, II), M. Aleksijević cisela un entrelac semblable à celui qui existe sur les piliers du milieu, en interposant entre celui-ci et l'ornement du haut une vignette dont le dessin ne répond point aux traces conservées (Pl. X, fig. 6).

Nous avions déjà remarqué que le chancel original, photographié naguère par M. Okunev a été brisé depuis. Il fallait donc en ciseler un nouveau qui soit identique à l'original (Pl. X, fig. 6). Quant à son pendant (Pl. X, fig. 7), il fut composé à l'aide des fragments conservés (Pl. X, fig. 1, 2), qu'on compléta — pour les parties qui manquaient — par les ornements du chancel trouvé intact. Les faces des deux chancels sont presque en tout différentes. Au contraire, les côtés tournés vers le sanctuaire offrent des compositions très semblables. On y retrouve pourtant de légères variantes qui montrent l'emplacement primitif des deux chancels. Sur le chancel conservé en fragments (Pl. X, fig. 1), le cercle formé par l'entrelacement des rubans ornementaux est laissé en plat, tandis que sur le chancel photographié par M. Okunev, c'est une palmette qui occupe la même place. Et les traces de cette palmette se retrouvent sur la moulure du mur de renforcement (Pl. X, fig. 5). L'emplacement respectif de chacun des deux chancels se trouve ainsi parfaitement déterminé: celui avec la palmette était à droite (en regardant l'iconostase du côté de la nef), l'autre lui faisait pendant du côté gauche. Or, au cours de la restauration on leur a fait changer inutilement de place, et on cisela une palmette sur le chancel qui n'en a jamais eu.

Seuls trois fragments (Pl. X, fig. 2, 3) nous sont conservés des chancels latéraux; ils sont décorés d'une étoile, d'une fleur, d'un soleil tournant et d'une croix. Le revers ne porte pas d'ornements. M. Aleksijević n'y cisela que des croix (Pl. X, fig. 6, 7), quoiqu'il eût reçu des dessins de détail, grandeur naturelle.

Les chancels furent surmontés d'une corniche moulurée, d'après celle de Staro-Nagoričino. Cette partie de la restauration reste tout à fait hypothétique. La restauration des arcades trilobées était facile. Du côté Sud, on n'avait qu'à remettre en place les fragments qui étaient tombés (fig. 1). Du côté Nord, il s'agissait de ciseler en marbre une arcade identique. Mais là encore le travail ne fut point irréprochable Ainsi, les colonnettes latérales restaurées n'ont ni bases ni enthasis qui existent pourtant sur les colonnettes originales. De même, les doubles colonnettes placées sous les deux arcades sont mal proportionnées. Leur aspect original étant tout à fait incertain, faute de données, on n'aurait pas dû en exécuter le montage. Notons enfin que le nouveau relief a moins de profondeur, qu'il est plus dur et sensiblement moins souple que le relief original.

Quoique j'eusse exposé toutes ces remarques à la Commission pour la Protection des Monuments Historiques, le travail fut accepté sans aucune objection.

Georges Bošković,
architecte, conservateur au Musée National de Belgrade, membre de la Commission pour la Protection des Monuments Historiques.

Beograd.

1

3

2

4

6

5

7

8

SOME NEW ASPECTS OF IRANIAN ART

The heroic or epic Art of Iran.

In a special article published in Artibus Asiae I endeavoured to give a new interpretation of some monuments of Sarmatian and Sino-Sarmatian art. My purpose there was to show that these monuments must be regarded as reflecting the Central-Asiatic epic poems and as embodying in plastic forms some of the leading ideas and leading motives of the Central-Asiatic epic poetry. Since this article was written I have collected new and important information on the same subject which I was unable to incorporate in this paper and I have come to some new conclusions. This is the reason for my return to the subject and for limiting it this time to the study of some epic motives in Iranian art.[1]

[1]) M. Rostovtzeff, The Great Hero of Middle Asia and his exploits, Artibus Asiae, 5 (1932). This paper has been written and sent to the editor of Artibus Asiae in 1929. The difficult conditions in which we still live prevented the editor from printing my paper earlier. Since the article was written both N. P. Kondakov in his "Essays and notes on the history of medieval art and civilization" (Н. П. Кондаковъ, Очерки и замѣтки по исторiи средневѣковаго искусства и культуры), 1929, p. 1 ff. Ch. I. The antiquities of the Eastern Nomads and of South Russia (in Russian), and A. Alföldi, Die theriomorphe Weltbetrachtung in den hochasiatischen Kulturen, Jahrb. d. d. Arch. Inst., Arch. Anz., 1931, p. 394 ff., and Forschungen u. Fortschritte, 7 (1931), N° 20 (the last has not consulted the excellent book of Kondakov — "rossica sunt non leguntur" is valid even for the books of so great a scholar as Kondakov) have pointed out how closely connected is the Middle-Asiatic animal style with the religious ideas of both the Iranian and the Turkish-Mongolian residents of Middle Asia. Cf. the interesting sketch of O. Waldhauer, Skythische Kunst, in Pantheon, 1932, p. 29 ff. and id., Die besonderen Züge der antiken Kunst im Schwarzmeergebiete, Forsch. u. Fortschr., 1 (1931), p. 406 ff., and A. M. Tallgren, Inner Asiatic and Siberian Rock Pictures, Eurasia Septentrionalis Antiqua, 8 (1932), p. 174 ff. With great acumen both Kondakov and Alföldi have shown that the animals which were most popular with the artists who practised the animal style were mostly clan and tribe totems. Furthermore Alföldi made it very probable that the motive of two or more animals fighting each other, a motive so popular in the Greco-Scythian and in the Neo-Scythian or Sarmatian art, must be explained in many cases as a pictural illustration of the legend of the origin of a tribe or clan. These legends appear also in the epic poems of some nomadic Middle-Asiatic tribes. Thus the animal style appears as the first attempt of the nomadic tribes to illustrate their heroic or mythical past. I have not seen the paper of Mr. Anderson of Stockholm: The Hunting Magic in the Animal Style, in Bulletin Ostasiatska Samlungarna, 1932, which according to the title also connects the animal style of Middle Asia with the Shamanic rites and beliefs of the Asiatic Nomads. On the composition of the products of the animal style C. Hentze, Beiträge zu den Problemen des eurasischen Tierstiles, Ostas. Zeitschr. 6 (1930), p. 150 ff. New evidence on the animal style is supplied by the discovery in the Altai at Pazyryk (or Pazuruk) of a rich royal grave with intact bodies of horses, see S. R., A Scythian grave in the Eastern Altai, Communications of the Academy of Mat.

I.

Achemenian and early Scythian Art.

The term Iranian art is not generally used in the current histories of art. The manuals of the history of ancient art know and illustrate Persian art in two stages of its development: the art of Achemenian Persia and that of Persia of the Sassanian period. The intervening period — that of the Hellenistic monarchies and of the Parthian Empire — is regarded as a blank, as a period when the Iranian world dropped its own art and adopted Greek forms and styles, creating for its own use a barbarized, degenerate form of Greek art.

This manner of treating Iranian art is both incomplete and unfair. First and foremost it does not take into account the fact that the Persian Empire never incorporated in itself all the branches of the Iranian nation. Those Iranian nomadic tribes which were known to the Greeks under the names Scythians (and Sakians) and Sarmatians were never conquered by the rulers of the Persian Empire but kept their complete political independence both before and after the fall of the Achemenian Persian Empire. Some of these independent Iranian tribes lived in close communication with the Chinese of the Choo and Han period, some others advanced far into the West and formed a powerful state on the N. shore of the Black Sea, in the N. Caucasus and on the banks of the lower Danube. These last were the tribes known to the Greeks as Scythians.

It would be useless to repeat here the well known facts about the Scythians and the rôle which they played in the history of both Greece and Eastern Europe in general. Suffice it to draw the attention of the reader to the well known fact that the Scythians were a nation with highly developed artistic dispositions and endowed with great artisic creative power. They came to South Russia with an ornamental style of their own which was foreign both to Greece and to Egypt and was but slightly represented in the Babylonian and Assyrian art, I mean the animal style of decoration, and they developed it and kept it for centuries. On the other hand in S. Russia they came into close contact with the Greeks of the Black Sea, and through their eagerness to buy the beautiful objects of Greek art (provided that this art was attractive to them and that they would understand it) induced the Greeks to create for them a curious mixture of Greek and Iranian art in the fields of both ornamental and figural art. Of this last I shall speak presently.

It is evident therefore that any treatment which identifies Iranian art with its Persian version is both incomplete and misleading.

Equally misleading is it to speak of a gap between the Achemenian and Sassanian art, the last being a renaissance of the first. First and foremost it is hard to understand

---

Civiliz., 1931, p. 25 ff.; M. P. Griaznov, The Pazirik Burial of Altai, Am. Journ. of Arch., 37 (1933), p. 30 ff. (with rich illustration); M. Rostovtzeff, Skythien und der Bosporus, p. 544, note 1 (with bibliography); some pictures in the Illustr. Lond. News, 1932, Aug., p. 205 ff. The grave belongs to the same time (1st cent. A. D.) as the similar graves of Shiba in the Altai dated by Chinese lacquers of the Han period and by the identity of the motives of decoration with those of Noin Ula.

how an art which lay dead and buried for six centuries could inspire Persian artists of the Sassanian period in their task of creating a brand new art for their kings and masters. Such a phenomenon would be unique in the history of art. Moreover new interpretations of monuments which had been known to scholars from time immemorial and new evidence derived from many monuments recently discovered have given us decisive proof that the break in the development of Iranian art is wholly imaginary. There was no such break. We are able to follow a gradual development of Iranian art from the time of Alexander in all centres of its cultivation: in the Scythian and Sarmatian steppes of S. Russia, in the plains and mountains of Siberia, in the Altai and in Mongolia, in Iranized N. India and in Seistan, in the Iranian kernel of the Parthian Empire and, last but not least, in Semitic, Hellenized Mesopotamia. In all these lands we meet a vigorous Iranian, not a degenerate Greek art.' I do not deny some Greek influences on this art, but the kernel, the core of it is Iranian.

Let us, however, come back to the Persian art as treated in most of the manuals. I am afraid that the treatment of Persian art in its splendid isolation is incomplete and therefore misleading. It is well known that this treatment is based on a very restricted number of monuments. Persepolis and Susa with their beautiful palaces and decorative sculptures are regarded as being typical of Persian art in general and from analysis of them is derived the general characterization of Persian art. Now the monuments of Persepolis and Susa represent to me only one aspect of Persian art. The same aspect is seen on the majestic fronts of the graves of the Achemenids. This aspect may be called political or imperial. It illustrates in architecture and sculpture what the Behistun inscription says in words: the relations of the Great King to the Supreme God, the spiritual Ahuramazda, the exaltation of his power by his officers and his army, the faithful service of his provinces and the submission of his vanquished enemies.

There is not the slightest doubt that Persepolis, Susa and Behistun give but an incomplete picture of Persian art. The real Persian art was not so grand and majestic, not so elegant and refined as we may think it to be after a careful study of its political aspect alone. Even the scanty supply of other monuments of Achemenian art which we possess shows how much richer in motives and how much more dynamic the Achemenian art really was.

When the Luristan bronzes first appeared on the market, we were expecting to find in them a reflection of the true early Iranian art, the art of the people, not of the kings. In this we were disappointed. Save for some local motives the Luristan art is a provincial reflection of Elamite, Sumerian, Babylonian, Assyrian and Hittite art. The few motives which might have been not borrowed from the neighbours may be a reflection of Median art, but we are still looking for real (and not imaginary) characteristic features of this art in Luristan bronzes. The Iranian elements penetrated into this art late in its development, when Luristan became a province of Persia. Most of these Iranian elements are reflections of the great political art of Persepolis, Susa and Ecbatana.

However, even without Luristan we have sufficient evidence of other aspects of Achemenian art not represented in the capitals. The treasure of the Oxus, masterfully illustrated by O. M. Dalton, shows how close was the connection of Persia with

the regions which delighted in the animal style. The same treasure of the Oxus and with it some sculptures of Asia Minor and the well known so-called Greco-Persian gems of the Vth and IVth cent. B. C. — the last products of an art which, though influenced by Greek forms, remained faithful to Persian ideas and Persian traditions, show that Achemenian Persia alongside its political art had an impressive religious art which liked to reproduce religious acts, priests and priestesses of the Mazdaean religion and sometimes even gods an goddesses of the pre-Mazdaean Pantheon.

Politics and religion were, however, not the only fields of human life from which the Iranian art at the Achemenian period took its inspiration. The same treasure of the Oxus and the Greco-Persian gems show that scenes of a secular character were as current in the Persian art of the Achemenian period as they were in the art of the neighbours and later subjects of Persia: the Elamites, Babylonians, Assyrians, Hittites, Phoenicians and Egyptians on one side, and of the Greeks on the other. Scenes which represent combats and hunts will be found on many a Greco-Persian gem and on two of the objects of the Oxus-treasure: the umbo and the scabbard.

Similar is the aspect of Iranian art in S. Russia. Here of course the figural art has been created for the Scythians by the Greeks. It is Greek in style and forms. However, the motives which it used and the ideas which were behind these motives are purely Iranian and so too in most cases is the composition.

I shall not repeat here what I have said about art of S. Russia in many of my books and articles.[2] Let me just summarize my ideas on this subject. All the aspects of Persian art are represented in the Greco-Iranian art of S. Russia. We find the political art represented by the well known scenes of the investiture of the King by a God or a Goddess. It is curious to note, however, how different are the compositions in which the political ideas of the Scythians found their expression from those of the Achemenian Persians. The leading ideas were the same in both countries: King by the mercy of God, King the conqueror of evil, King the representative of God on the earth, but the forms of expression of these ideas as we find them in S. Russia never appear in Achemenian Persia: anthropomorphic Gods giving the holy communion to the King. We must wait until the Parthian and the Sassanian period to meet again the S. Russian way of expressing the old Iranian political and religious ideas. Rich is the set of motives which illustrate the religious life of the Scythians. Pictures which show sacred ceremonies like the rite of mutual holy communion described by Herodotus, or figures of gods and goddesses are frequent on gold and silver vessels, on arms and weapons and on metal adornments for dresses found in the Scythian royal graves. Here again though the religious ideas are Iranian the artistic forms which express these ideas never occur in the art of Achemenian Persia.

Most popular, however, in S. Russia was the secular art. The leading motives of this art are the same as in the Persian Achemenian art: battle and hunting scenes. But there are more variations of these motives in S. Russia than in Persia and Asia Minor: conference between king and his assistants before the battle, capturing and saddling the horses in the steppe, victorious duel between the king and his enemy, mass battle scene of Greek type, scenes in the camp after battle, hunting phantastic

[2]) I gave a selection of monuments which illustrate the political and religious aspect of the Greco-Iranian art in an article which will soon appear in the Revue des Arts Asiatiques.

and real animals. All of these highly picturesque scenes illustrate in detail the warlike aspect of Scythian life and the great hunting exploits of the Scythian leaders.[3]

Let me add some further considerations to my remarks about these motives in my paper in Artibus Asiae and some other papers. The beautiful scene of the gold comb of Solokha (IVth cent. B. C. according to my dating, V[th] according to the dating of other scholars) is one of the earliest and most beautiful objects of the Greco-Iranian secular art.[4] It looks Greek in every respect. And yet there are no contemporary Greek monuments of art which show a combat between two mounted warriors and there is none which would represent the fighting rivals with such a painstaking ethnographical accuracy (quite different are the half-conventional figures of Persians and Thracians on contemporary Greek vases).[5] With regard to this accuracy suffice it to say that each piece of the victorious hero's military equipment finds its parallel and illustration in the finds made in contemporary graves: the Greek helmet, the scale-armour, the light shield, the short lance, the gorytos and the short sword of both his assistant and his enemy. And finally the pathos of the slain horse! No such realistic figure will be found in contemporary Greek art: we must descend far into the Hel-

---

[3]) See the above quoted article in the Rev. d. Arts Asiatiques. Cf. my Skythien und der Bosporus, I, 1931 p. 387ff. I may add the following remark to the history of the motive of two men in conference. Like other motives of Oriental art the motive of two men in conference had a long life. As late as at the time of the Arabs we find a similar scene painted on a wall of one of the rooms of a house of Samarra, E. Herzfeld, Die Malereien von Samarra, 1927, p. 38 ff., fig. 23. In his comments Herzfeld gives a very interesting survey of the history of the motive of squatting men in Oriental art. The pebble of Philadelphia and the Scythian monuments which form the nearest parallels are, however, not mentioned. Cf. the curious description of a noble of the court of Abgar of Edessa in the Syriac treaty "The doctrine of Addai, the Apostle" (transl. by G. Philipps, London 1876), p. 6: "and one of the nobles of Abgar whose name was Abdu, the son of Abdu, one of those who sat with bended knees before Abgar".

[4]) M. Rostovtzeff, Iranians and Greeks in S. Russia, p. 98, pl. XIX, cf. Skythien und der Bosporus, p. 368 f. The question of the date of the Solokha grave and of similar graves in S. Russia (esp. Kul-Oba and Chertomlyk) has been recently discussed once more by Gisela M. A. Richter, A Greek sword sheath from South Russia, Metropol. Museum Studies, 4 (1932), p. 109 ff., and by K. Schefold, Attische Silberschale, Röm. Mitth., 46 (1931), p. 118 ff., esp. p. 127, note 1. Both Miss Richter and Mr Schefold come to the conclusion that Kul-Oba, Solokha and Chertomlyk must be dated in the late V[th] cent. B. C. The problem cannot be discussed here again. It is quite possible that single objects found in the above mentioned graves belong to or show the style of the Vth cent. B. C. Things might have been kept in one and the same family for generations before being buried and molds for objects like the sword-sheath or the gorytos of Chertomlyk might have been in use for scores of years. Such single objects, however, cannot date a grave. The grave is dated by the latest things found in it and by those which were first produced at the time when the grave was made. From this point of view the gold plaques sown on the garments which often reproduce coin types are more convincing than the more beautiful and ambitious gold and silver objects. These little plaques point to the IVth not to the Vth cent. B. C. A recent find made in Russia (now in Serbia) gives new and important evidence on the relations between the coins and the above mentioned gold plaques. On the other hand the sometime brutal realism of the Greco-Iranian art of S. Russia and as contrast to it the Ephorean idyllic idealism of it are in my mind out of place in the Greece of the Vth cent. B. C.

[5]) Different (more realistic) are the b. f. vases, see E. Buschor, Griechische Vasenmalerei, 2 ed., 1914, p. p. 103, 107 and 115, cf. E. Herzfeld, Sakastan, Arch. Mitth. aus Iran, 4 (1931), p. 9, who identifies the horsemen with pointed caps of the vases, E. H. Minns, Scythians and Greeks, fig. 8—12, with Sakians (Saka tigraxauda) not with Kimmerians.

lenistic period to find similar figures of dying animals. On the other hand the Oriental art in Assyria and especially in Iran both delighted and excelled in the representation of dead and dying animals. There is no doubt therefore that the comb of Solokha reflects as much the Greek as the Iranian secular art of its time.

The second point which I want to emphasize in this connection is as follows. In my paper in Artibus Asiae I drew attention to the curious similarity between a gold plaque of S. Russia which shows two wrestling Scythians and two belt-clasps of China which give the same group in a landscape setting (Pl. XI, figs. 1 and 2): the two rivals are wrestling in a forest; their horses stand near them awaiting the outcome of the fight of their masters. To this group of objects, one of which must be dated in the IVth cent. B. C. the other perhaps in the IInd or III[d] cent. A. D. (perhaps even later), I may now add another piece of evidence of still later times. It is a shallow silver drinking bowl found at Kotzky Gorodok in the district of Tobolsk (W. Siberia) and now in the Hermitage and, according to Smirnov, to be dated in the VIIIth—X[th] cent. A. D.[6] On the rim of this bowl are hunting-scenes in repoussé work (Pl. XI, fig. 3). The hunters are Asiatic nomads. The place of honour — the space beneath the handle — however, is occupied by a different scene: two nomads, one older, the other younger are wrestling; behind them stand their horses each hitched to a kind of manger. In trying to explain this wrestling scene I suggested a sacred ritual fight for the royal power. However, we must not forget that wrestling was one of the Iranian hero's ways of fighting. In the Shāhnāma the heroes resort to wrestling repeatedly, especially when other ways of fighting bring no decision. To quote a few examples: in the famous episode of Rustam and Suhrab the heroes resort to wrestling after all the other manners of combat are exhausted (V 499 ff. — Kai Kaus part III, #20—21), and the same is done by Rustam in his fight with Pūlādwand (V 1041 — Kai Khusrau, part III, #25); Kai Khusrau, the great Iranian king wrestles with Shida the son of the Turanian king Afrasiab (V 1302 ff. — Kai Khusrau, part VII, #8—9) etc. The descriptions of these wrestling matches may serve as excellent illustrations to the pictures quoted above. Thus Shida suggests wrestling to Kai Khusrau. They dismount and wrestle. Kai Khusrau finally kills Shida. Note that the horses look on during the wrestling match.[7]

While Achemenian written documents like the Behistun inscription and the early religious books of the Persians give good literary parallels to the political and religious art of Persia proper and help to explain the same aspects of art as found in S. Russia, the secular Iranian art apparently stands alone with its scenes of battles and hunting expeditions. Did this secular art take its inspiration exclusively from actual life and was realism its only aim? Are the figures which appear in the battle and hunting scenes all figures of living men, companions or chiefs of the artists?

Long ago Herzfeld suggested for one of the motives of Persian, especially Sassanian art — the duel between two men, one of whom (the Iranian) is victorious — another much more probable explanation, the same which I gave to another set of monuments and motives in the above quoted article in Artibus Asiae, without being familiar at the time with the suggestion of Herzfeld. He thinks that the battle scenes

---

6) J. Smirnov, Argenterie Orientale, 1909, N° 92, pl. LVIII.

7) Cf. Alföldi, Arch. Anz., 1931, p. 417. He quotes in this connection an interesting song of the Minussinsk Tatars which describes such a wrestling match.

may illustrate, not real life but the Iranian epic poems. »Die iranische Heldensage«, he says, »erzählt so oft von Zweikämpfen ihrer Herrscher und Helden, daß man den Zweikampf oder .... das Turnier als die Form bezeichnen kann unter der die Sage die großen geschichtlichen und kriegerischen Entscheidungen zum dichterischen Ausdruck bringt«. Herzfeld realizes, of course, how difficult it is to compare the monuments of plastic art of Iran with the Iranian epos since »(die iranische Heldensage) ist nicht erforscht wie die Ilias und die Odyssee, wie die Niebelungen und der Gral, sie soll erst erforscht werden«.[8]

Without going into details I must state that I am in full agreement with Herzfeld on this point. Most of the secular motives in the Iranian art, as they appear both in Persia and in Scythia, are not essentially realistic. They illustrate epic episodes, the life of great national heroes, their exploits and achievements. Since the life of all the epic heroes consists mostly of fighting and hunting no wonder that these motives loom large in the Iranian secular art. More details on this point will be found in my article in Artibus Asiae.

When, where and how the Iranians first came to the idea of replacing the animal symbols of their early heroic art with human figures is unknown. We may suggest S. Russia and the Greek artists who worked for Scythian chieftains or we may look to Mesopotamia and Persia and Assyro-Babylonian painters and sculptors as the place of origin and the authors of the scenes of heroic art illustrated above. Or even we may think of both S. Russia and Persia and suggest that two branches of heroic art were developing simultaneously and were influencing each other.

II.

Sarmatian art.

Thus in the earliest Iranian art known to us, alongside the religious and political art existed a semi-secular art which I am inclined to call heroic or epic. When the Achemenian Empire fell under the blows of Alexander the Great only to come to life again in the Parthian Empire and when the Scythians of S. Russia retreated before the Sarmatians, the heroic or epic art did not die nor disappear. To the art of the Parthian Empire in general and to its heroic art in particular I am devoting another article and I have already spoken of the Sarmatian heroic or epic art in my article in Artibus Asiae.

The conclusion to which the study of the material collected in these papers brings me is that all the motives of the early heroic art of Iran not only survived in the Parthian and Sarmatian periods but actually flourished. Most conspicuous among them are, of course, the motives of battles against men, evil monsters and animals. Other motives, however, are not missing. I may mention the motive of love and death as shown in the famous gold plaque of the Hermitage found in Siberia (Pl. XI, fig. 4). To what I have said about it in the Artibus Asiae I may add one remark. It is curious to note that the same composition (man resting or lying dead in the lap of his companion and sur-

---

[8]) E. Herzfeld, Am Tor von Asien, 1920, p. 44, cf. p. 47 and p. 51, see also Sakastan Arch. Mitth. aus Iran, 4, 2 (1932), p. 113ff.

rounded by his servants) will be found to have been used by the Persian artists as late as in the XIVth cent. for illustrating the Shāhnāma. In this way the death of Dara in the arms of Iskander in represented in the well known manuscript of the Shāhnāma of the Inengol school now in the Freer Gallery at Washington (Pl. XI, fig. 5).

To the Sarmatian objects adorned with various scenes of heroic character which I collected and studied in the article in Artibus Asiae, let me add here one more which was unknown to me at the time I wrote that paper. The object which I have in mind is now in the Museum of the University of Pennsylvania. It was acquired by the Museum in 1930 along with a group of various objects from S. Russia which formed part of Collection Canessa (Paris). This group is characterized in the Sale Catalogue as belonging to a single find made in 1912 at Maikop in the Kuban region.[9] A careful analysis of the objects of the Philadelphia Museum shows, however, that they cannot belong to one grave. There are three distinct sets included in the Canessa objects. One which belongs to a rich find (the largest part was acquired by the Berlin Museum and some objects by the Metropolitan Museum of New York) must be dated in the Vth cent. B. C. and shows a great similarity with the objects found in the famous tumuli of the Seven Brothers in the Kuban region.[10] A second can hardly belong to a single find or grave. It consists of miscellaneous objects of the IVth—III[d] cent B. C. which may come from different graves, presumably of the Dnieper region. And finally, the third group exhibits all the peculiarities of the objects regularly found in Sarmatian graves of the Kuban region of the I[st]—II[d] cent. A. D. In all probability these things were found near Maikop, perhaps in a later grave of the same kurgan, in the earlier grave of which the objects of group 1 were found.

All the objects of the last group are typical of the Kuban graves of the Sarmatian period: an open torc of pale gold (d. 0,14); three bronze bracelets with ends formed as animal heads (d. 0,05; 0,07—0, 065; 0,067—0,06); one bracelet of blue glass (d. 0,069); six mirrors of the peculiar alloy typical of the mirrors of the Sarmatian graves with a button-like handle on the back (d. 0,15; 0,107; 0,065; 0,05 and 0,03 [two]); a bronze earring (circle of bronze wire) with three pendants: one a ball of agate enclosed in a gold wire case and two gold balls with hangers for suspension; a set of beads of various sizes and materials: shell, carnelian, crystal, lapis lazuli, glass (partly Egyptian) and Egyptian fayence (two Egyptian scarabs and two little figures of lions). It is not necessary to insist upon the typically Sarmatian character of this set of objects. The exact date of the grave is unknown. However, the general character of the set points to the period of the early Roman Empire.[11]

There is not the slightest doubt that the same find belongs the most peculiar, nay unique, object of the group — a large (1. 0,085) bronze fibula (safety pin) plated with gold (Pl. XI, figs 6 and 7). The fibula has the form of the bust of a man shown in front view with the right arm stretched to the right and bent at the elbow, thus forming

---

[9]) The Ercole Canessa Collection, American Art Association, Sale Catalogue, New York, 1930, N° 120, esp. L., M. and P.

[10]) A full publication of this group is prepared by Prof. R. Zahn, see meanwhile my Skythien und der Bosporus, p. 367 ff.

[11]) On the Sarmatian graves of the later period in the Kuban region and on the Volga see my Iranians and Greeks, p. 122ff., and Skythien und der Bosporus, p. 555ff. and p. 586ff.

1

2

3

4

5

a triangle; in the right hand the man holds a cut off human head. The left arm of the bust was not represented. The head of the victorius hero is beardless, with short hair, very large eyes, a flat nose and fleshy lips; on his neck a double torc. The head which the hero holds is of the same type as his own, beardless and with short hair. The hero wears a kind of kaftan with plated sleeves.

Fibulae of this type have never been found in Sarmatian graves. The Sarmatians did use fibulae, but the fibulae which are found in Sarmatian graves are Greco-Oriental, or late La-Tène fibulae, or else like the contemporary fibulae of the Roman world.[12] The only parallels to fibulae of the peculiar type described above will be found in the East. I refer to the triangular fibulae typical of the Persian strata of the ruins of Syrian, Mesopotamian and Palestinian cities. Very often the end of these fibulae which holds the pin shows the form of a human hand. The origin of this form of fibula is unknown. The earliest examples belong in Mesopotamia to the Neo-Babylonian, perhaps to the Kassite period. It is quite probable that from Mesopotamia the fibula migrated to both the West and the East and came to be used by various Iranian tribes.[13]

The motive of a man holding the head of his slain enemy, which was used by the artisan who made the fibula, is the same as that described at length in my article in Artibus Asiae. The nearest parallel is presented by the two gold tassel-mountings which were found in the tumulus of Kurdžips and belong probably to the III[d] cent. B. C. (Pl. XI, fig. 8). On them is shown a scene of the sacred oath taken by two men one of whom holds a sword and the other a human head. The figure of our fibula shows without doubt a similar ritual act and must be regarded as the figure of a famous hero, one of whose great exploits was the killing of one of his adversaries. Cut off heads of slain enemies play an important part in the life of all the Asiatic peoples. Witness the evidence produced in my paper of Artibus Asiae. It may add to it many passages of the Shāhnāma, where in the last act of a duel between two heroes is the cutting off of the head of the slain enemy by his victorious adversary.

III.

The Greco-Iranian art.

The so-called Gandhara art, this curious mixture of Greek and Indian forms used for giving expression to Buddhist and pre-Buddhist Indian religious ideas, is familiar to everyone interested in the history of Oriental art. For this art Buddha is the chief hero and its artists were busy finding adequate forms both in Greece and in India for representing Buddha himself and the episodes of his life. The influence of Iranian forms and ideas in this art is slight and it is therefore perfectly justifiable to call it Greco-Indian.

---

12) M. Ebert, Article Südrussland in Reallexicon der Vorgeschichte, 13, p. 99 ff.

13) On these Oriental fibulae see P. Thomson, Reall. d. Vorg., 3, p. 315, D. # 4, and B. Meissner, ibid., E, cf. Br. Mus., A Guide to the Exhibition illustr. Greek and Roman life, 2 ed., 1920, p. 132, N° 36, fig. 147. This type of fibula is especially typical for the Persian strata of the ruins of the Syrian cities, see e. g. Neirab (four pieces), B. Carrière et A. Barrois O. P., Syria, 8 (1927) p. 209, N° 92; Qadesh, M. Pézard, Qadesh, 1931; Qatna (found by Comte Du Mesnil du Buisson).

The Greco-Indian art of Gandhara was probably the creation, first of some late Greek dynasts of N. India converted to Buddhism, and later and to a greater degree of the Kushan kings who became masters of the Kabul valley and of the Punjab in the early I[st] cent. A. D. We must not forget, however, that the Kushans, the Ye-chi of the Chinese sources, were not the first Iranian masters of the Kabul valley. When in the middle of th IInd cent. B. C. the Hiung-nu formed their strong empire on the Northern confines of China and drew away the Ye-chi, these last pressed hard on the Sakians of the Turkestan and drew them far away from their homeland in the plains of the Oxus into Northern India and as far as the modern Seistan (probably the Ki-pin of the Chinese sources). Here they settled and remained for many centuries to come, first vassals of the Parthian kings, later independent monarchs who extended their sway into N. India and occupied both the Gandhara region and the region of Taxila. This happened probably in the I[st] cent. B. C. and lasted until the Sakians were driven out from Gandhara and Taxila by the Ye-chi led by the Kushan kings (middle of the I[st] cent. A. D.?). However, even then princes of Sakian blood still ruled as vassals of Parthia and of the Kushans both in Sakastan and N. India.[14]

Taxila has recently been made the object of systematic excavations. We owe to Sir John Marshall a fine study of its ruins and the objects found in them. It is well known that the earliest antiquities discovered at Taxila belong mostly to the period of the Sakian rule.[15] In three papers I have endeavoured to show that the Indo-Iranian art of Taxila as revealed by the recent excavations does not stand alone.[16] Various homogeneous groups of antiquities found in S. Russia are seen to be related to it, some of them as the early beginnings of this art (going back to the III[d] cent. B. C.), some as parallel development of the Greco-Iranian art contemporary to its development at Taxila. In the papers quoted in note 16 in which I have analyzed the products of ornamental and of figural art of both N. India and S. Russia, I came to the conclusion that the art which is responsible for these objects is Greco-Iranian with very few Indian elements and must therefore be distinguished from the Greco-Indian Buddhistic art of Gandhara. I suggest calling it «Greco-Sakian» or «Greco-Iranian».

This Greco-Sakian art is chiefly ornamental. Its leading feature is a peculiar deve-

---

14) On the history of the Sakians see W. W. Tarn, Parthia, in Cambr. Anc. Hist., IX, 1932 p. 582 ff., and E. Herzfeld, Sakastan, Arch. Mitth. aus Iran, 4, 1 (1931) and 4, 2 (1932). Cf. A. Foucher, L'art greco-bouddhique de Gandhara, II, 503 ff., and O. M. Dalton, The treasure of the Oxus, 2. ed., p. LXII ff. The chronology of the events which happened in Central Asia and especially in Parthia and in the Sakastan in the IInd cent. B. C. may be derived from some Chinese sources contemporary to the events. However, the date of the Sakian conquest of N. India and of their defeat by the Kushans and the chronology of the Kushan rulers is still under debate (see the bibliography in Tarn's chapter). It seems to be an ascertained fact that the chief heroes of the Shāhnāma are the mythical alter egos of the historical kings of Sakastan of the Parthian period, while the overlords of the Sakian heroes Sam, Zab and Rustam are the Parthian kings. Note also that in the description of Čang-K-ien who first made China acquainted with Parthia the country Kipin appears as prominent in the craft of chiselling metals (E. Herzfeld, 1. 1., 4, 1, p. 32).

15) Bibliography in my papers quoted in the next note.

16) The god on horseback in the South of Russia, in Indo-Scythia and in China (in Russian), Seminarium Kondakovianum, 1 (1927) p. 141 ff.; Sarmatian and Indo-Scythian Antiquities (in Russian with a French resumé), Recueil-Kondakov (Prague, 1926), p. 239 ff.; Bronzeschnallen aus Südrussland. Praehist. Zeitschr., 22 (1931), p. 47 ff. Cf. Skythien und der Bosporus, p. 540 ff. and p. 582 ff.

lopment of certain types of Greek plant ornaments in the spirit of, and with some borrowings from the Iranian Achemenian art. The earliest examples of this style are certainly connected with Bactria and with the development of an Iranian version of Greek art in this country. The best examples of this Greco-Bactrian or Greco-Iranian art are some gold and silver vases and phalarae of the Hermitage. Most magnificent is the massive gold bowl of pure Hellenistic style from Western Siberia (Smirnov, Arg. Or., N° 20). It is adorned with a peculiar acanthus rosette at the bottom and some Hellenistic scrolls on the body. Above the scroll is a typical Hellenistic garland and on the rim a Lesbian kymation; between the garland and the rim an Aramaic inscription. The ornamentation is confined to the exterior of the bowl.

More Iranized is the gold dish, Smirnov N° 22, probably also from Western Siberia. The rosette of this dish is very near to some rosettes of the ornamental art of Taxila. The Greek inscription: ζεῦ(γος) χρυσ(οῦ) σκζ' (?) (227) points to the nationality of the artist who made the dish. Very similar to this gold dish is a silver dish of the same type and workmanship, Smirnov N° 23, probably also from W. Siberia. The rosette of this dish is a little more stylized than the similar rosette of Smirnov N° 22. The inscription — in characters almost identical with those of Smirnov N° 22 — gives also the weight: ζεῦ(γος) ἀργ(υρίου)ρβ' (102). Less ornamented is the gold cup with foot, Smirnov N° 21, which certainly belongs to the same group.

To Bactria point also three famous phalarae of the Hermitage — Smirnov pl. CXX, fig. 47 (a pair of plaques showing a Hellenistic war elephant with a tower and Macedonian soldiers in it on its back in repoussé work) and Smirnov, pl. CXXIV, fig. 56 (phalarae adorned with a curled figure of a stylized eagle-griffin in repoussé work, a figure which must be regarded as a precursor of the Chinese so-called hydrae; on the rim — good Hellenistic kymation and astragals).

All these metal objects certainly belong to the Hellenistic period and were probably made in Bactria by Greek artists. This has been recognized and stated by Smirnov in his short introduction. I have pointed out in a special memoir (see note 16) that the phalarae described above lead to the figured phalarae of S. Russia (of which more below) while the ornaments of the bowls, cups and dishes must be regarded as precursors of the peculiar plant ornamentation of the purely ornamental phalarae of S. Russia which I illustrated in the memoir quoted above.

This set of Bactrian monuments has recently been enriched by two silver cups, which with the cups of the Hermitage mentioned above must be regarded (with respect to form and decoration which is always confined to the exterior of the cups) as the prototypes of the silver cups which I will illustrate in this chapter. These silver cups were probably found shortly before the war near Nihawand in Persia and originally belonged, according to the attractive hypothesis of E. Herzfeld, to a rich treasure of the Karen Pahlavs, the feudal lords of the region around Nihawand in Parthian times.[17]

The coins which were probably found with the other objects of the treasure are Roman and all belong to the early Imperial period (I[st] and IInd cent. A. D.). The treasure therefore was buried sometime in the IInd cent. A. D. However, the cups

[17]) E. Herzfeld, The hoard of the Karen Pahlavs, Burlington Magazine, 52 (1928), pp. 21 ff. figs A—B and D—E.

are certainly earlier. They show such striking similarities whith the Hermitage cups described above that they must belong to the same time i. e. to the Hellenistic period of Bactrian history, presumably to the IInd cent. B. C. (the later part of the IIIrd cent. B. C. is also a possible date for the two cups).[18]

This date is confirmed by the similarities between these cups and the ornamental phalarae of S. Russia which I have discussed above. It is also supported by the fact that the treasure contained, beside the silver cups and the coins, one gold plaque in open work showing an eagle-griffin holding an ibex in its claws. This plaque is a duplicate of one which from the collection of Pierpont Morgan passed into that of the Metropolitan Museum at New York. This last was found probably with another gold plaque of the same style showing two tigers killing two ibexes. I have illustrated these plaques in some of my recent articles and books and have shown that they are contemporary with the well known Siberian gold plaques, which were found in the XVIIIth cent. and are now in the Hermitage. They certainly are creations of artists who cultivated a peculiar style which I have called Neo-Iranian or Sarmatian. It is well known that quite recently two magnificent finds — one at Noin-Ula in Mongolia and the other at Pasyryk in the Altai — have demonstrated how popular this style was in Central Asia and have helped us to date the style, since the grave of Noin-Ula must be dated with certainty in the early I^st cent. A. D.[19]

All the many relationships of the find of Nihawand as stated above were not mentioned by prof. Herzfeld in his short article devoted to the find of Nihawand. He ignores also my contributions to the interpretation of the gold plaques of the Metropolitan Museum.

However, the ambition of the Greco-Iranian artists was not confined to creating a new form of ornamental art. For the ornamentation of the products of their handicraft they used also figures both of animals and men, and this not with an exclusively ornamental purpose, but in order to illustrate their own religious ideas and beliefs. Their purpose seems to have been the creation of anthropomorphic images of their own gods, a Greco-Iranian Pantheon and a Greco-Iranian iconography.

Witness the many phalarae of Greco-Iranian style with some North-Indian affinities which come from Southern and Eastern Russia, from Siberia and from Bulgaria, e. g. the phalara of the Siverskaja Staniza (Pl. XII, fig. 1) which shows two episodes of the gigantomachy: the figures of Dionysos and Athena conquering their enemies.[20] This phalara

---

[18]) In a letter which Prof. R. Zahn was kind enough to write me when I made some inquiries concerning the cups of the Berlin Museum he insists upon the purely Greek character of the two cups from Nihawand. One of them has a Greek inscription and shows a strict similarity with the so-called Megarian bowls.

[19]) The two plaques have been published by myself in Arethuse, 1924, p. 5 (cf. note 7) and pl. XV, 5 (eagle) and p. 12 (cf. note 18) and pl. XVI, 4; cf. my book The Animal style in S. Russia and China, 1929, p. 92, pl. XXIX, 2, and my paper in Seminarium Kondakovianum I, pl. 16. The eagle on the plaque of Pierpont Morgan finds its nearest parallel in the famous eagle found in Siberia (E. Minns, Scythians and Greeks, p. 273, fig. 192) and in other similar eagle-griffins of the Siberian plaques and of the textiles of Noin-Ula. It is known that the grave of Noin-Ula belongs to the beginning of the I^st cent. A. D. On Noin-Ula and Pasyryk see my book Skythien und der Bosporus, 1931, p. 544, note 1, cf. art. Noin-Ula in M. Ebert, Reallexicon der Vorgeschichte. It is probable that the two plaques of the Metropolitan belong to the same treasure as the Herzfeld's plaque.

[20]) The phalara of the Siverskaja Staniza will be found reproduced in my Iranians and Greeks,

finds striking parallels in the well known silver dish from Badakhshan adorned with the picture of the triumph of Dionysos, a subject which became fashionable in the Greco-Roman art of the early Roman Empire but goes back to Hellenistic originals.[21] The similarity, not only in composition but also in style, of the dish of Badakhshan to a recently discovered fresco of Palmyra gives it an approximate date — not later than the III[d] cent. A. D.[22] Other examples are two peculiar phalarae of Yantchokrak (Pl. XII, fig. 2), one adorned with the figure of an Iranian solar god, the other with that of a solar griffin.[23] The griffin of Yantchokrak is strikingly similar to the well known solar griffins of the famous Parthian palace of Hatra, while almost the same solar deity as that of Yantchokrak appears on some silver bowls (with Arsacid Pehlevi inscriptions) found in Sogdiana and in E. Russia (Pl. XII, fig. 3) and now in the British Museum and the Hermitage.[24] These few examples will suffice here. They give the date of the first attempts of Greco-Sakian art to create an anthropomorphic religious art: the late Hellenistic and the early Roman Imperial period.

The Greco-Sakian beginnings were taken up by the Kushan kings who succeeded the Greco-Sakians in the valley of Kabul and at Taxila. Witness the Greco-Iranian Pantheon which appears on the coins of the Kushans. The gods and goddesses of this Pantheon assume the forms of Greek gods and goddesses but retain their Iranian names written on the coins mostly in Greek letters.[25]

I would call attention to the opinion I still hold that the gods and goddesses of the famous patera of Petroasa are near relations of the Greco-Iranian gods of the Kushans. Stylistically they are very similar to some early sculptures of the Gandhara art which exhibit rows of mythical figures mostly of Dionysiac character.[26]

But it was not alone in the region of Gandhara that the Sakian tradition remained alive. We may expect some startling revelations along this line from the publication

---

p. 138, pl. XXVII, together with its Ponto-Iranian and Ponto-Celtic parallels. On these last see my article in Artibus Asiae. A better reproduction of the Siverskaja phalara (from a photo) is printed in the Recueil-Kondakov, pl. XXV.

[21] The patera of Badakhshan, O. M. Dalton, The treasure of the Oxus, 2 ed., 1926, N° 196, pl. XXVII; Recueil-Kondakov, p. 254, fig. 2.

[22]) H. Ingholt, Quelques fresques recemment decouvertes à Palmyre, Acta Archaeologica, 3 (1932), p. 14ff. and pl. IV. I cannot discuss here the most vexed question of the history of the Indian triumph of Bacchus both in literature and art, see B. Graef, De Bacchi expeditione Indica monumentis expressa, 1886.

[23]) Recueil-Kondakov, pl. XXV, cf. Skythien und der Bosporus, p. 582ff. The solar character of the god of the phalara of Yanchokrak is evident. At Tak i Bustan the bas-relief which shows the investiture of Ardashir II by Auramazda and Mithras Auramazda and the king stand on vanquished enemies while Mithras is supported by a large solar rosette (Sarre, Die Kunst des alten Persiens, p. 44, fig. 11). Note that the reliquary of Kanishka (Arch. Survey of India, Ann. Rep. 1907—1908, p. 50, pls. XII, XIII, cf. L. Bachhofer, Die Frühindische Plastik, 1929, pl. 148) shows the king between the gods Müro or Miaro (i. e. Mihira—Mithra), the sun-god, and Mao, the moon-god.

[24]) O. M. Dalton, The treasure of the Oxus, 2 ed., N° 203, pl. XXXII, and J. Smirnov, Argenterie orientale, N° 42, 43 and 44; two — 42 and 44 — found at Kovina in the district of Perm, formerly in the coll. Stroganov (now in the Hermitage?), one of unknown origin in the Hermitage.

[25]) See my paper Statuette d'un cavalier de la coll. de Mme John Rockefeller, Mon. et Mem. Piot, 28 (1927), p. 6. Cf. on the image of Mithras H. Haas, Bilderatlas z. Religionsgeschichte, 15 (1931): Die Religion des Mithra.

[26]) Foucher, L'art greco-bouddhique de Gandhara, I, p. 253, fig. 131; Bull. of the Worcester Art Museum, 16 (1926), N° 4, p. 74ff.; Bull. of the Cleveland Mus. of Art, 17 (1930), p. 190ff. and p. 197.

of the frescoes discovered at Kūh i Kwādja, the "burg of Gundofarr" by E. Herzfeld,[27] which find their nearest parallels in the famous frescoes of Bamyian and Dokhtar i Nochirvan discovered by M. and Mme Godard and by M. Hackin and now in the Musée Guimet at Paris (they range from the III[d] to the VIth cent. A. D.).[28]

The purpose of this chapter is, however, not to anticipate the publication and the analysis of the frescoes of Kūh i Kwādja by E. Herzfeld, the leading authority in the field of Iranian art. My modest aim is rather to draw the attention of my fellow scholars to a group of monuments, which, like the frescoes of the Seistan, represent in my mind a branch of the Greco-Sakian art and which treat subjects of the heroic or epic art. I refer to six silver bowls in the form of almost perfect hemispheres found in Asia and in Eastern and Southern Russia. All these bowls are adorned on the outside with relief figures forming a broad frieze around a central medallion. Two of the bowls — one found allegedly on the bank of Swat river now in the British Museum, another found at Wereino in the district of Perm formerly in the Stroganov collection at Petersburg (now in the Hermitage?) — are adorned with hunting scenes. Three others — one found near Kustanai in the province of Turgai now in the Hermitage, the second of unknown origin formerly in the collection Stroganov in Petersburg (now in the Hermitage?), the third bought at Bukhara now in the Antiquarium of Berlin — show mythological scenes. The last of unknown origin (Hermitage) shows a hunting scene again. I do not venture, not being a specialist in this field, to describe the technical processes by which the bowls and their relief decoration were made. I did not examine the Hermitage cups when they were accessible to me with this purpose in mind and Dalton gives no definite statement about the British Museum bowl. No other competent scholars have dealt with this problem.

Let me begin the description and analysis of the cups with the study of the three which show a mythological decoration. They are to my mind the earliest of the group.

The easiest one to class and to date is the bowl of the Antiquarium of Berlin (Pl. XIII, fig. 3, 4).[29] Its classical prototypes are evident: the upper band of kymation is typical of the late Hellenistic and Roman metal vases and the same must be said of the five medallions formed by vine branches, four of which contain Bacchic figures: two Menads, one Satyr and one Pan. It is difficult to say whether or not the figure of the Satyr is associated with the figure of an eagle (in which case it might be Ganymede). Such Bacchic figures surrounded by vine branches occur frequently in the art of the Hellenistic and especially of the early and late Imperial period. It is useless to quote many parallels: they are innumerable. I may cite just two examples which are familiar to all scholars: the pillars of the Basilika at Leptis Magna and the chalice of Antioch. These late examples go back to much earlier originals.[30] The figure of the fifth medallion, however, shows

[27]) On the "burg of Gundofarr" E. Herzfeld, Sakastan, Arch. Mitth. aus Iran, 4, 2 (1932), p. 115.

[28]) See the remarks of R. Grousset, L'Iran extérieur: son art (Publ. de la Soc. des Et. Iraniennes et de l'Art Persan, Nº 2), 1932, p. 9 and pl. II; A. Godard, Y. Godard, J. Hackin, Les Antiquités Bouddhiques de Bamyian, 1928, pl. XXII.

[29]) J. Smirnov, Argenterie orientale, Nº 283. The cup is no more in the Berlin Museum. It has been stolen some time ago and since that time disappeared.

[30]) Prof. R. Zahn in a letter of Dec. 28 makes the following illuminating remark on the decorative scroll with figures of the Berlin cup: ›Sie scheint mir zu den abstrakten Spiralranken mit den Figuren in den Einrollungen das Silberflakon des Esquilinschatzes (O. M. Dalton, Early Christian Antiquities,

no Greek affinities: it is a man, body in front view, bearded(?), head turned to the r., leaning with the r. on a heavy spear, the l. bent in the elbow and stretched to the l. The dress of the man is the typical dress of the Kushan kings, as it appears on their coins, on the famous reliquary of Kanishka found at Taxila, on statues and on many bas-reliefs of both the Gandhara region and Hadda. I have dealt with this dress in another paper. The typical features are: a kaftan of a heavy stuff, trousers of the same stuff and high boots.[31] The central medallion shows a very faint portrait(?) head (cf. the heads of the frescoes of Miran, see note 41). The classical character of the decoration of the bowl and especially the figure of the man of the fifth medallion determine the date of the bowl. It must be dated in the first three centuries after Christ, presumably in the IInd cent. A. D., rather than in the IIIrd. It is the work of a local artist and is related to the dish of Badakhshan. The figure of the man in the Kushan dress might be taken for the figure of the owner of the dish. I would prefer, however, to regard the figure as that of a god or a hero, a kind of Kushan Dionysos-Alexander.

Much more difficult is the interpretation and the dating of the bowl from Kustanai (Pl. XIII, fig. 1, 2).[32] Its central medallion shows two seated figures facing each other in lively discussion. The man turned to the l. is dressed in a girdled tunic, trousers and shoes. The woman turned to the r. wears a Greek dress but Oriental shoes.

Round the rim of the cup is a narrow band of ornament: plastic degenerate astragals. Between this rim and the central medallion the surface of the cup is covered with four groups of figures. The first is separated from the others by two large trees whose branches overshadow the group. In the center of the group is a woman, seated in front view, dressed in the Greek fashion with a crown(?) on her head and the typical Iranian tresses so often described in the Shāhnāma hanging down her temples. In her l. hand she holds a cornucopia. It is certainly a goddess. Smirnov compared her with the goddess Ardokhsho of the Kushan coins.[33] Similar are also the figures of Hariti in the Gandhara art.[34] The woman is seated on an altar or a stone bench. To the r. a naked Satyr with a pedum in his l. leans with the elbow of his r. arm on the bench of the goddess, while another Satyr dressed in a chlamys offers to the goddess or to the child a fruit or an egg and a flat cup of the same type as the shallow bowl under discussion. The chief personnage of the scene is, however, the

---

S. 66f., N° 306) eine gute Parallele zu bieten. Eine spätere Weiterentwickelung zeigen Syrische Mosaiken, wie Reinach, Rep. d. peintures, S. 352 und 365, 2«. He quotes also the Hellenistic-Sassanian bronze dishes of which I speak later in this paper.

[31]) See my paper quoted in note 24; on p. 10 of this paper I treat the problem of the Kushan dress. Cf. A. Foucher, L'Art greco-bouddhique, II, p. 102ff., figs 386—389 and 367, 369, 370. No general, treatment of the costume of the Nomads exists. Some fine remarks on the riding kaftan of the Nomads will be found in N. Kondakov, Les costumes orientaux à la cour byzantine, Byzantion, 1 (1924), p. 19ff., and id., Sketches and notes on the history of medieval art and civilization, Prague, 1929, p. 239ff., cf. F. Cumont, L'uniforme de la cavalerie orientale et le costume byzantin, Byzantion, 2 (1926) p. 181ff.

[32]) J. Smirnov, Argenterie orientale, N° 284.

[33]) Comp. the figure of the same goddess on the silver phalara of the British Museum, O. M. Dalton, The treasure of the Oxus, 2 ed., N° 198, pl. XXVIII; Rec. Kondakov, pl. XXVIII. On the tresses E. Herzfeld, Die Malereien von Samarra, 1927, pl. II and p. 10.

[34]) A. Foucher, La Madonne Bouddhique, Mon. et Mém. Piot, 17 (1910), p. 255ff.; The Beginnings of Buddhist Art, 1917, p. 271ff., cp. p. 139ff.

small naked boy who sits on the ground in profile view to the r. He is apparently talking to the Satyr. The figure is well executed and full of movement.

To the r. of the group stands a heroic figure: a half naked young man, in front view, his head turned to the r., looking upward to the sky; upon his shoulders a chlamys. In his r. hand he holds a round shield, with his l. he leans on a long spear. The figure reminds one of the figures of the heroised Alexander and his successors the Hellenistic kings. It looks like a statue. With this figure must be connected the figures of two bearded men to the r. of the standing hero. One is dressed in the local fashion: he wears like the man of the medallion a girdled, sleeved tunic, a chlamys, high boots (no trousers?) and a flat cap. His body is turned to the r., his head, however, back and to the l.: he gazes with amazement at the young man. With his r. he seizes the r. hand and with his l. the shoulder of his companion: a bearded, half naked man, dressed in a chlamys which covers his back, his l. hand and his legs and wearing high boots. The figure is much like those of the river gods of classical art. The first man without doubt draws the attention of the second to the young hero and the second looks at him with the same amazement as his companion.

The next group consists of three figures. A beautiful, proud woman in Greek dress is advancing slowly and solemnly to the r. Behind her, her girl-servant moves in the same direction, equally in Greek dress, with a cup in her l. hand. The two women are met by a naked Satyr with a chlamys on his shoulders who comes out of a door and offers a flower to the visitor. The epistyle of the door shows an acanthus scroll.

The fourth and the last group consists of four figures. In the centre stands the same young man who appeared in the second group, half naked, in front view. His head shows long hair arranged in the fashion typical of the statues of Dionysos and is turned to the l. His knees and his l. arm are covered by a chlamys. In his l. hand he holds a scepter or a thyrsus. The r. arm is stretched to the r. and rests on the shoulder of the figure who stands opposite him. It is a woman, of the same appearance as the woman of the third group. She wears the same costume but her chlamys is drawn over her head. With her r. hand she removes the veil from her face and shows it to the young man, her l. hand is stretched towards the young man. Behind her stands a naked Satyr with a pedum in his r. hand; his l. hand he holds above the head of the woman. Behind the young man stands his servant: a young man dressed in a tunic. He looks at the pair and lifts his r. hand as if greeting the woman.

The Dionysiac character of the four groups is obvious. The chief figure looks in one scene like Alexander the Great, in another like Dionysos. I do not hesitate to recognize in the sequence of the scenes a story: the early years of a hero spent under the protection of the goddess of fertility and of Satyrs, just like Dionysos' early years; his epiphany as a young hero before a king or a god; his bride advancing towards his royal palace, and the ἱερὸς γάμος of him and his bride.

The style of the figures is classical-Hellenistic. It would be easy to quote classical parallels to each of the groups. And yet the cup was made by a Greco-Iranian not by a Greek: the trees show a Greco-Iranian form, the dress is Iranized, especially that of the servants and of the group shown in the medallion. It is evident that our

1

3

2

4

cup is the product, and rather an early one, of the Greco-Iranian art of the Ist, perhaps of the early IInd cent. A. D.[85]

The interpretation of the sequence of scenes is not easy. The Bacchic setting suggests an Iranian version of the story of Dionysos. The frequent use of Bacchic motives in the Gandhara art is familiar to all. The phalara of the Siverskaja Staniza, the dish of Badakhshan and the dish of Pundjab, finally the cup of the Antiquarium of Berlin described above, show that the story of the god was not unknown to the Hellenized Iranians of Sakastan. I may remind the reader again of the popularity of Dionysos at Palmyra and of the well known story of the presentation of the head of Crassus to the Parthian king like that of the head of Pentheus in the Bacchic settings of a performance of Euripides' Bacchae. There is no doubt therefore that in the Iranian world of the Parthian period the story of Dionysos, probably under the influence of the widely spread story of his conquest of India and of his triumph over India, both of which were celebrated in many a Hellenistic and Roman poem, played an important part. He was no doubt Iranized like Alexander in the Iranian epos and was accepted at least in N. India as an Iranian hero and king.[86]

It is well known that the story of Dionysos' conquest of India is a reflection of the conquests of Alexander. Alexander himself was another adopted child of Iran. The Iskander romance and the Shāhnāma made him a scion of the Iranian royal house and a hero of the national epos. The figure of the chief hero of our bowl looks exactly like Alexander.

We may therefore suggest that the story told by the reliefs of the bowl is the story of Dionysos — Alexander which ends with the wedding, the story of Dionysos and Ariadne, of Alexander and Roxane.

And yet inspite of the Hellenistic Dionysiac and Alexandrian aspect of the story, I am inclined to think that these settings are a mere tribute to the fashion of the time and that the story of the bowl is one of the Iranian stories about their great heroes. The first scene without doubt shows the hero exposed in the wilderness of rocks and

[85]) A later version of the same style is represented by many silver vases of the Sassanian period of the so-called Hellenistic style (see Sarre, Die Kunst des alten Persiens, pl. 129 and 124 [best representatives], cf. 118, 119). The nearest to our cup is the silver dish Smirnov, Arg. or., N° 36 (found in the Perm district) which shows in the central medallion the figure of Dionysos or a menad riding on a tiger or a lion (influenced by Hellenistic groups of the same type of which the best known and earliest examples are the two mosaics of Delos, both early Hellenistic) and around it men fighting animals which are shown as if emerging from medallions (influenced by the scenes representing the Roman venationes?).

[86]) It is well known that Dionysos appears, parallel to Herakles, as conqueror and civilizer of India in the account of Megasthenes of India (fr. 38 and 39 [F. H. G. II, p. 404 f.]), cf. on Megasthenes in general O. Stein, Megasthenes und Kautilya, Sitzb. der Wien. Ak., 191 (1922), p. 5 ff.; W. Otto, Phil. Woch., 1927, p. 1217 ff. (recent bibliography, no discussion of the two myths). Quite different is the detailed account on the conquest of India by Dionysos and of his struggle with Deriades, the Indian king, in the epic of Nonnos of Panopolis (Christ, Schmid, Stähelin, Gesch. der gr. Literatur, 6 ed., II, 2, 1924, p. 965 ff.). Some new fragments of the poem of Dionysios, Bassarica, which was one of the sources of Nonnos were recently deciphered and published by Kenyon and after him by H. I. M. Milne and U. von Wilamowitz, Arch. f. Papyrusf., 7 (1929), p. 3 ff., cf. W. Morel, ibid., 9 (1930), p. 222 and Keydell, Philol. Woch., 49 (1929), p. 1001. In these poems Dionysios and Nonnos and probably also the authors of the originals which they followed show very little genuine knowledge of India.

forests. The great goddess of motherhood, however, takes the child under her protection and the local gods feed and amuse him. Exposure of the hero by someone who is afraid of him is a trait peculiar and common to many stories of gods and heroes all over the world. The Iranian epos has used it many times: Zal the father of Rustam was exposed by his father Sam on the Mount Alburz and was brought up here by the genius loci, the mythic bird Simargh; Kai Kubad, the first king of the Kaianian dynasty was brought by Rustam from the same Mount Alburz where he had been exposed at birth and was found and adopted by Zav, the ninth Shah (Tabari); similar was the early youth of the great Shah Kai Khusrau (the story of Kai Khusrau is almost the same as that of Astyages, Mandane and Cyrus); and finally another version of the story is applied to Darav, the father of Dara, the brother and victim of Iskander. The scene of epiphany on the bowl reminds us of the scene in Shāhnāma when Sam, who came to Mount Alburz in search of his son, sees his grown up boy Zal brought down by Simargh in all his beauty: "he, gazing on the youth from head to foot, adjudged him fit for crown and throne; he had a lion's breast and limbs, a sunlike face, the heart of paladins, a hand to seek the scimitar" etc. (V 140).[87] The love story of the hero as represented on the bowl reminds again of the same story of Zal: his love for and wedding to Rudaba, the beautiful daughter of Mihrab of Kabul. The lady entering the palace may be thought to be Sindukht who pays a visit to Sam (Shahnama, V 200 ff.) and the wedding scene looks like a Hellenistic or Roman version — the Roman sarcophagi very often represent the scene of wedding in the same style — of the great wedding of Zal and Rudaba in the palace of Mihrab.[88]

The third cup of the group (Pl. XII, fig. 4, 5)[89] has again an ornamented rim: kymation and degenerate pearls or astragals. The central medallion shows a terrifying mask — a combination of a Gorgon-head and a Slienus or Satyr mask. A Pehlevi inscription is scratched between the figures of the two fighting men.

The reliefs of the bowl can be easily divided into three groups of scenes. The first group consists of two men. A majestic, half naked, bearded man is seated on a stool. He is turned to the r. His r. arm bent in the elbow he leans on a rock?; with the r. hand he supports his head. With his l. hand he leans on a rustic mace, really the branch of a tree without leaves. His back and his loins are covered by a chlamys which flies out behind his neck. The figure is very similar to that on the preceding bowl: the bearded man gazing on the young hero. The man is listening with interest to the story which is told him by a little, bearded, apparently old, man seated on a kind of anvil and turned to the l. He is talking and making excited gestures, probably giving important news to the reclining man.

To the l. of the group a fight is represented. The half naked, bearded man of the first group, with the chlamys floating behind him is attacking with his mace a young man,

---

[87]) Shahnāma, Minuchihr, # 3 (transl. of A. G. Warner and E. Warner).

[88]) Shahnāma, Minuchihr, # 22 and # 28.

[89]) J. Smirnov, Argenterie orientale, N° 67, cf. Gerhard, Arch. Zeit., 1843—44, p. 161 ff. and pl. 10; S. Reinach, Rep. d. rel., III, p. 520, N° 2; E. Herzfeld, Die Malereien von Samarra, 1927, p. 43, calls the bowl Sogdian. He probably bases his statement on the inscription. The place of origin of the bowl is unknown.

dressed in a girded tunic who points his short sword at his aged enemy as if defending the corpse of an enormous wild boar, apparently previously slain by himself.

The last scene shows a banquet. Upon a round rich carpet a man and a woman are seated in the Oriental fashion. The man is beardless; his long straight hair is cut in the Russian fashion; he is shown in front view; he wears a short girded kaftan with lapels, trousers and soft shoes and holds in his r. hand a goblet. He apparently drinks a toast to his consort. His consort is gorgeously dressed. She wears a tunic and over it a wide embroidered coat with lapels, beautiful earrings with enormous pearls and an embroidered cap, the modern "tubeteika" of the nomads. In her r. hand she holds a mirror, with her l. she makes a gesture, probably a greeting to her consort. Between the two in the air floats a monster: a bird with the forelegs of a lion and the head of an eagle-griffin. This messenger of heaven — a creature which appears often on Sassanian bowls[40] — bears in his beak a torc or a crown, the well known Sassanian symbol of royal power.[41] To the left of the lady a servant is seen offering

---

[40]) See Smirnov, Arg. or., N[os] 49, 70, 82, 83, 84, 126, 128, cf. Sarre, Die Kunst d. a. P., pls 94, 95, 102, 120, 321.

[41]) The torc or ring as sign of royal power is very often represented in the scenes of "coronation" where Auramazda is handing over this sign to the king or a king is giving it to his son or wife (Sarre, l. l., pls 70, 71, 78, 81; Smirnov, l. l., N° 39, and Dalton, l. l., N° 208). Dalton in his description of the British Museum dish gives a very instructive note on the meaning of the torc or ring and quotes some other monuments which represent the ceremony of "coronation", cf. Sarre note to pls 70—83 who quotes L. Müller, Undersogelse af et gammelt persisk symbol, Kjøbenhavn, 1865, and two memoirs of mine: The idea of the royal power in Scythia and the Bosporus, Bull. de la Comm. Imp. Arch. de Russie, 1913, and Iranism and Ionism in S. Russia, Petersburg, 1913. Cf. the curious dish which shows the king handing over a torc or necklace to his wife, Sarre, l. l., pl. III. Is it also a coronation scene? The motive of a winged being bringing from the heaven a crown or diadem to the victorious king or to the god who helped to obtain a victory was borrowed by the Iranian art from the Greeks. The earliest instance is the Gotarzes' bas-relief (E. Herzfeld, Am Tor von Asien, pls XXI—XXIII, p. 36 ff.; Sakastan, p. 45 and p. 58 ff.), then many paintings in Dura which show Iranian composition and represent certainly an aspect of Iranian art (Excav. at Dura Europos, Prel. Rep. V in course of publication) and finally the Sassanian bas-reliefs (e. g. Sarre, l. l., pl. 77 — victory of Shapur over Valerian and pl. 91 — the great grotto of Tak-i-bustan). The messenger of heaven is in these cases the Greek Nike. However, the Iranian artists replaced very early the Nike by an angel, a naked winged boy who fullfils the same mission. Such an angel appears in the scene of the paradise in the so-called Stassov grave at Panticapaion (Rostovtzeff, Anc. dec. wall painting, pls 76, 77, 80, and p. 344; Iranians and Greeks, pl. XXVIII, 2) and since that time very often on monuments of Iranian art: it is such an angel who brings e. g. the diadem to the king in the scene of the coronation of the king by Auramazda of the British Museum dish quoted above (Dalton, N° 208) or hands over a necklace to the king in a scene of banquet of a post-Sassanian dish of the Hermitage (Sarre, l. l., pl. 110 and his note to it), which, however, certainly reproduces an earlier original. This boy is probably the heavenly angel, the Surush of the Shāhnāma. Since the griffin-bird of our dish plays the same part of a messenger I am inclined to regard it also as one the forms in which Surush appeared to the mortals. I may note in this connection that the same heavenly angel appears in the dado of the painting which adorned the walls of the cella of one of the stupa's at Miran (MIII) discovered and illustrated by Sir Aurel Stein. The dado in question is reproducing the well known motive of the Gandhara art: a garland supported by naked putti (A. Foucher, L'art greco-bouddhique du Gandhara I, p. 329, figs 116—118). However, at Miran in the lunettes formed by the garland appear instead of the putti winged busts of sexless young beings, who are almost exactly similar to the painted putti of the so-called Stassov grave of Panticapaion. There is no doubt that the Miran busts represent the Iranian good angel — Surush. See Sir

her a goblet. He is beardless; his dress consists of a long girded kaftan without lapels which covers his body and his legs. On his feet he wears high boots each fastened by a strap about his ankle. In his l. hand he holds two jugs. Behind him a little man, not unlike the man who tells the news to the bearded hero, a peasant or countryman with a crooked shepherd staff in his l. brings a full skin on his shoulders. To the scene of the banquet belong also, though they look r. not l., two monkeys: the orchestra of the banquet. One plays a flute the other a "harmonica".

The style of this bowl is quite different from that of the bowl described above, though the shape, the size and the ornaments of the rim of our bowl are exactly the same as those of the first two bowls. The only classical figure is that of the reclining Herakles-like hero. The rest is not classical and at the same time not Sassanian.[42] The dress is the typical dress of the nomads and at the same time that of the Sarmatians and the Kushans. Smirnov compares it with the dress of the horseman of his bowl N° 46, which I have described and illustrated elsewhere.[43] I still hold the opinion that this bowl belongs to the III[d] cent. A. D. rather than to the VIIth to which it was assigned by Smirnov. Our bowl supports this view. It cannot be much later than the two previous bowls and yet the leading figures wear the same dress as the horseman of Smirnov's N° 46.[44]

The date of the bowl must be sought for between that of the two previous bowls and the Sassanian silver plate. It represents a further step in the evolution of the Greco-Sakian art: its almost complete emancipation from the forms and traditions of Greek art, its Iranization, but an Iranization quite different from the evolution of Parthian art in the atmosphere of Sassanian Persia.

Aurel Stein, Serindia I, 1921, p. 492 ff., esp. p. 506 ff.: The dado of the "Angels" and pls XL—XLIV. The same angels appear also on the dado of the enclosure wall of the stupa MV (Serindia I, p. 512 ff., fig. 133). The frieze above the dado shows here a putto fighting a griffin. This motive reappears in the Syrian textiles found at Noin Ula in Mongolia, M. Rostovtzeff, The Animal Style in S. Russia and China, 1929, pl. XXIV A, 1, cf. Kozlov, Short account of the Expedition for the investigation of Northern Mongolia, Leningrad, 1925, fig. 8, and esp. fig. 9 (a griffin exactly like that of Miran and those of the well known frieze of Hatra), and Ausstellung Chinesischer Kunst, 2 ed., p. 438 ff. Note that the king on the Hermitage dish (Sarre, pl. 110) holds in his left hand a cup exactly like those which form the subject of this chapter.

[42]) Prof. R. Zahn in his letter of Dec. 28, 1932 draws my attention to the fact that monkeys as musicians at banquets are not unfamiliar to the classical art. He says: »Zu der Darstellung auf der Schale Stroganoff (Smirnov, Taf. XXXVIII, N° 67), Gelage mit dressierten musizierenden Affen zeigt eine Sigillatafeldflasche mit der Signatur des Apollinaris (Froehner, Musées de France, pl. 3; Dechelette, Vases ornés etc., II, S. 307 f., pl. IV) ein geradezu auffallendes Gegenstück. Ich glaube, diese Zusammenstellung dürfte auch für die zeitliche Ansetzung der Silberschalen nicht ohne Bedeutung sein. Im Antiquarium befinden sich Scherben eines Reliefgefässes, etwa des 2. Jahrh. n. Chr., mit braunem Firnissüberzug, aus Rhodos. Auch hier scheint es sich um ein ausgelassenes Gelage gehandelt zu haben, bei dem wieder Affen erscheinen (Inventar 30914, Scherbe a). Auch sonst findet sich der Affe in der gallischen Sigillatakeramik: Knorr-Sprater, Die westpfälzischen Sigillatatöpfereien von Blickweiler und Eschweiler Hof, Taf. 78, 1, 2, S. 63«.

[43]) My paper quoted in note 21, p. 10, and above note 26.

[44]) It is a pity that the inscription of the bowl cannot be deciphered. According to Prof. Ch. C. Torrey of Yale University who had the great kindness to give me his advice as regards the date and the character of the letters of the inscription, the letters (at least those of the second line) "seem plainly Pehlvi; and the last two letters have forms usual in the Arsacid, but not found in the Sassanian script". This statement supports my view on the date of our cup.

An exact interpretation of the reliefs of the bowl is impossible. It is, however, evident that we have again a story of a hero in three acts: the message about him delivered to an aged hero by a peasant, the fight with this aged hero connected in one way or another with the killing of an enormous boar, and finally the triumph of the hero, a victory banquet with his spouse and his coronation by Ormuzd. I must confess, however, that I have found no such story in the epic poetry of the Iranians.

The nearest parallel to the drinking cup above illustrated is presented by another cup of the Hermitage the origin of which is unknown (it was acquired from a resident of the city Hrozny of the Tersk district in the Caucasus).[45] The form and size of the cup are exactly the same as those of the previous cups (Pl. XIV, fig. 1, 2). The upper rim is adorned with a band of astragals and a frieze of hanging leaves (or shells?). The central medallion shows the same griffin-bird which was illustrated above. On the body of the cup a hunting scene is seen: two hunters, both on foot, attack with their long spears a bear and a lion respectively. The scene takes place in a forest represented by four trees of a very peculiar stylization for which I have no parallels. The dress of the hunters is peculiar. Each wears a combination of short trousers and shirt. The checker ornaments of this dress remind one of a coat of mail. The legs are bare. On the feet — high shoes. Both hunters wear short beards. The features of the faces are unique: I know of no parallels. One is bare-headed, the other wears a curious flat cap. I would not be surprized if we had before us representatives of one of the mountain-tribes of the Caucasus. As regards the date of the bowl I would be inclined to see in this Caucasian (?) cup an imitation and partial reproduction of an early Sassanian or rather Greco-Sakian cup of the Sassanian period. Chronologically it forms a transition between the bowls illustrated above and those which I will illustrate in the following pages.

The two remaining bowls of my list bring us back to the old traditions of the Iranian heroic art. In form and decoration both of them are almost identical with the three bowls described above. The subject, however, which is treated on them is different. Both show mounted Iranians hunting various animals. I cannot describe them here in detail. A good accurate description of the British Museum bowl will be found in Dalton's book. On the Stroganov bowl (Pl. XIV, fig. 3, 4)[46] three hunters are shown. One galopping to the r. and killing with his lance a fierce tiger which runs to the r. and turns his head towards the hunter: a wonderful beast full of life and pathos. Two other horsemen — one galopping to the r., the other to the l. — are attacking with their bows two lions which stand crosswise on their hind legs and assail the horsemen. Between this pair and the tiger-hunter stands a tree. The rim of the bowl is adorned by a band of astragals. The central medallion shows a peculiar double rosette of four petals.

The British Museum bowl[47] shows a much larger central medallion with a bust of a man in profile supported by two wings. This inner medallion is surrounded by three stylized palmette-like phoenixes. The rim shows a deformed and overstylized scroll. Four hunters are shown on the bowl hunting various animals. One with a crown on his head is galopping to the r. With his lance he kills a wild boar running l., while

---

45) Smirnov, Arg. or., N° 70, pls XLII, XLIII ano CXXV.

46) Smirnov, Arg. or., N° 68 pl. XXXIX; C. r. de la Comm. Imp. Arch., 1878, Atlas, pl. 7, 3; Kondakov, Tolstoi, Reinach, Ant. de la Russie Merid., p.426; Reinach, Rep. des reliefs, p. 521, 2.

47) O. M. Dalton, The treasure of the Oxus, 2 ed., N° 201; Sarre, Die Kunst d. a. P., pls 114, 115.

another boar is running away to the r. The boars are shown in the true Iranian fashion in a marsh which is indicated by an incised reed plant. The second hunter, also crowned, is riding to the l. He is assailed from behind by a lion and turns back to meet this attack with his long sword. In his l. hand he holds a bow. The lion who attacks him is shown standing on his hind legs. A lioness stands with him in the crosswise attitude; beneath the lion and the lioness the forepart of a slain lioness is seen. A tree divides the pair of crowned hunters from the next pair who are bare-headed. These two hunters are represented in the steppe, which is indicated by a stylized plant, as on the Chertomlyk vase. The first hunter is shooting an arrow at a herd of antelopes, three of which are shown, one slain and two running away. By his r. side hangs an enormous quiver. The second hunter is riding to the l. He turns back, however, in order to shoot an arrow at a lion which attacks him from behind. Again the lion is shown with his mate in the crosswise scheme. The hunter wears a very long sword on his l. side.

The two bowls certainly belong to the group of the Greco-Sakian monuments. This has been shown by Smirnov and Dalton whose comparison of the style of these two bowls with the style of those discussed above and with that of the dishes or phalarae which show figures of solar deities, is convincing.

One glance at the friezes of the two bowls suffices to class them as monuments of Iranian art. Everything in them is Iranian: the composition, the style, the dress, the arms and weapons, the horse-trappings. There is a straight line which leads from such monuments of Iranian art (strongly or slightly influenced by Greek art) as the bowls of the Solokha tumulus (V—IVth cent. B. C.), the umbo of the Oxus treasure (the same date), the Greco-Persian gems (idem), through the Siberian gold plaque with a hunting scene (I[st] cent. A. D.), the paintings of some Panticapaean graves (I[st]—IInd cent. A. D.) and some Dura graffiti (III[d] cent. A. D.) to the friezes of the bowls of the British Museum and of the Stroganov collection. They are thoroughly Iranian. No Indian and very little Greek influence can be detected in them. Were it not for the central medallions of the British Museum bowl which shows Indian elements and the above mentioned stylistical affinities with Iranian monuments from N. India, we should be perfectly justified in classing our bowls as Parthian or Sarmatian if not Sassanian.

This statement raises the question of date, a problem which is both difficult and complicated.

Dalton dates the British Museum bowl in the IVth—V[th] cent. A. D. His date is based on the general similarity of the hunting scenes of the bowl to those of the well known Sassanian dishes and especially on the character of the winged bust and of the phoenix-like birds which adorn the central medallion. His comparison of the medallion with the Ajanta frescoes is very convincing.[48] The inscription of the bowl in letters

---

[48]) I may note in this connection that the latest bowl or cup of our set not listed above because of its different style is the bowl of the British Museum, Dalton, l. l., N° 205; Smirnov, l. l., N° 310, pl. CXXV. The striking similarity of the heads of this bowl with some figures of the paintings of the Ajanta cave makes the date of the bowl — VIIth cent. A. D. — and its affinities very probable. It must be noted, however, that the Ajanta heads are descendants of the portraits of Miran (Sir Aurel Stein, Innermost Asia, I, 1928, p. 169 ff., figs 114, 115, and cf. Serindia, p. 516 ff., esp. figs 133—143). Note the the similarity of these heads to the portraits of the well known Palmyra painted grave and to the products of the Gandhara art like those published by A. Foucher, L'art greco-bouddhique de Gandhara, I, p. 239, figs 116—118.

which are described by Mr. J. Allan as being letters of the north-western variety of the Brahmi alphabet points to the same date.

The Stroganov bowl, howerer, must be assigned to an earlier date. The stylization of the tree of the bowl is quite different as compared with that of the tree of the British Museum bowl. It is very similar to the stylization of trees which we find in S. Russia in painted graves of the IInd cent. A. D.[49] The composition of the Stroganov bowl is organic and beautiful. The animals are full of life and are utterly dynamic. The crosswise scheme in the composition of the group of the two lions is justified by the attack of the two hunters. The horses are spirited and take an active part in the hunt. The relief is high and the modelling excellent.[50]

On the other hand, the British Museum bowl is flat and lifeless. The animals are conventional, the horses immobilized in their movement. The composition is poor. The crosswise scheme of the groups of lions is just a traditional motive. The decoration of the bowl is without doubt an imitation of a much earlier original which may have been similar to the Stroganov bowl.

Nevertheless the Stroganov bowl cannot be earlier than the early period of Sassanian rule. The central rosette and the trousers of the riders are both Sassanian.[51]

However that may be, it appears certain to me that the two bowls, as far as the composition and style of their sculptural decoration are concerned are not creations of Sassanian art. They are, to my mind, copies of much earlier originals, of bowls which were made by Greco-Sakian artists in the Parthian period. There are no figures in the large repertory of Sassanian dishes which can parallel the vigour and brio of

---

[49]) M. Rostovtzeff, Anc. dec. wall-painting, pls 64, 76, 77, 78 and 80 and my discussion p. 323 ff.; Iranians and Greeks, pls. XXVIII, XXIX. I pointed out in my discussion of the type of trees in the Bosporan grave the similarity between this type and that represented on the second rhyton of the Karagodeuashkh find (cf. my Skythien und der Bosporus, p. 325).

[50]) The type of the horses of the Stroganov bowl may be compared with the beautiful horses which adorn the silver cup of the Hermitage found in the Perm district (Smirnov, Arg. or., N° 69). The cup has the same form as the cups illustrated above. However, the ornamented rim is absent and the central medallion (a rosette) is smaller. I wonder if this bowl is not a comparatively early representative of our class. The treatment of the horses is so similar to that of the Chertomlyk vase and of some Hellenistic coins of Olbia, especially as regards the careful treatment of the racial peculiarities of the horses and the endeavour to show the typical steppe vegetation that I hesitate to assign the bowl to the Sassanian period. Never was the Sassanian art able to represent horses with such love and such wonderful realism. The horses on the Stroganov bowl though conventionalized more than those of the bowl under discussion stand nearer to the last than the horses of the Sassanian art. I would therefore tentatively date the bowl Smirnov, N° 69 in the early Imperial period and regard it as a genuine derivate of the Greco-Iranian art created by great artists at Panticapaeum in the IVth—IIId cent. B. C. This date is supported by the fact that quite similar horses appear on the woollen rug found at Noin Ula in Mongolia, Kozlov, Short account of the Expedition for the Investigation of Northern Mongolia, 1925, fig. 9; Ausstellung Chinesischer Kunst, 2 ed., p. 438ff.; M. Rostovtzeff, The Animal Style in S. Russia and China, 1929, pl. XXIVa, 2. It is known that the graves of Noin Ula belong to the first years of the Ist cent. A. D. The representation of the horses may suggest that the cups of the form which we are dealing with might have served for drinking "kumiss", the well known sour milk drink of the Nomads.

[51]) The rosettes of this type are rare. I know only one — the large rosette which forms the sole adornment of the bowl Smirnov, Arg. or., N° 99. Smirnov assigns the bowl to the Sassanian period.

the figures of both hunters and animals of the Stroganov bowl. The Sassanian hunters are much more conventional and show a certain refined elegance which is foreign to the Stroganov bowl. And last but not least, the dress and the equipment of the horsemen of the two bowls are not Sassanian, save for some minor details — the trousers of the Stroganov bowl and the balloon-like tassels of the British Museum bowl; they are Parthian and Sarmatian: the long swords e. g. are typical of the Sarmatians and never occur on Sassanian monuments. Equally Sarmatian are the heads of the hunters. Note that no one of them wears a beard.[52]

I am inclined, therefore, to think that both these bowls are copies of earlier originals, these originals being in the last item products of the genuine Iranian art of the Parthian period made originally probably outside the Sakastan and brought to the Sakastan by the Sakians from their homeland. These originals were then imitated by Sakian artists.

The artists who made and decorated these bowls in copying their originals were conscious of reproducing scenes of the heroic art of their race: some famous hunting exploits of the Iranian heroes. This idea was still alive in the IV—Vth cent. as shown by the royal crowns which two of the hunters of the British Museum bowl are wearing.

To sum up. The art of the Sakians as illustrated above shows three faces, three aspects. On one hand it was practising the ancient Iranian art in reproducing e. g. traditional scenes of hunting so dear to the Iranian art from its very beginning. On the other hand it was trying with the help of Greek art to create a series of plastic and painted images of the pre-Zoroastrian gods and goddesses. And finally it made a strong effort towards telling by plastic means stories of the life of their gods and heroes. Such efforts were not new in the history of Iranian art. We know that from Ktesias and Chares of Mitylene. These two Greek writers tell us that the love story of Zariadres and Odatis was very popular in Achemenian Persia and was reproduced by painting on the walls of Iranian temples, palaces and private houses.[53] Our bowls may by regarded as plastic reproductions of such frescoes. However, the Greek element in them is new and new too is the gradual elimination of this element and the return to Iranian traditions.

In any case, since no monuments of painting or sculpture such as would illustrate the paintings which were inspired by the epos of the Iranians, have been yet discovered,

---

[52]) The crosswise scheme of the lions belongs certainly to the original and is not a Sassanian creation. Although it occurs on Sassanian monuments (the jug of the Bibliothèque Nationale, Sarre, 1. l., pl. 128) the motive is much earlier, as early as the Sumerian period (cp. L. Curtius, Studien zur Geschichte der altorientalischen Kunst, Sitzungsb. der Bayr. Akad., 7 [1912]) and never died out. In a modified form it recurs in S. Russia on one of the best specimens of the Greco-Iranian art of S. Russia, the bowls of Solokha adorned with hunting scenes.

[53]) The story of Zariadres and Odatis will be found in Jacoby, F. Gr. Hist., II, B., 125, F. 5 (p. 660), cf. II, B. D., p. 434. Similar to this love story was the story of Styangaios and Zarina. It is probable that the first to convey the story to the Greek world was Ktesias (Diod. II, 34; Demetr. de elocut. 213; Nicolaus of Damascus, Jacoby, F. Gr. Hist., II, A, 90, F. 5). The story of Zariadres and Odatis is somewhat similar to the story of Gushtasp and Katayn in the Shāhnāma (Luhrasp # 8). This shows that Jacoby is right in regarding the story as Oriental and in rejecting the theory of Schwartz who maintains the Milesian origin of the story.

1

2

3

4

the Greco-Sakian bowls are the first to show us what aspect these products of Iranian art may have presented in one of the periods of their existence. I have no doubt that our bowls will help to build a bridge which will connect the Achemenian secular epic art with the beautiful paintings of Moslem Persia which are so familiar and so dear to us.[54]

M. Rostovtzeff.

New Haven.

[54]) My ideas about the Greco-Iranian art in N. India and Seistan do not coincide with those of the best specialist in the Gandhara art — A. Foucher. In his L'art greco-bouddhique de Gandhara, II, p. 499 ff., after having stated his opinion about the rôle of the Parthians in the transmission of Greek artistic influence into N. India he proceeds as follows: «Que pour le reste, Çakas et Pahlavas n'aient jamais joués dans le Penjab que le rôle de spectateurs et, jusqu'à un certain point de beneficiaires de l'influence hellenistique, la preuve en est donnée par leur monnayage, monument de servile imitation. Nous n'irons pas davantage chercher dans le gout personnel des rois ou satrapes scytho-parthes la raison d'être des motifs iraniens qui entrent dans la composition des sculptures gandhariennes, alors que nous les avons vu s'introduire dans l'Inde des les temps d'Açoka. Encore moins nous attarderons nous à discuter le paradoxe qui substituerait — pour Gandhara — l'épithète d'indo-iranien à celle d'indo-grecque.» I have tried to show in the preceding pages that the Sakians were not sterile in the field of art and were not servile imitators of Greek art, in this exactly like their cousins — the Parthians. Whether or not their art has influenced the development of the art of Gandhara is a different question. Some features are common to the Gandhara art and to the Sakian and Parthian art e. g. the scenes of sacrifices (see my paper on the Parthian art in the Am. J. of Arch.). We must not forget that in the early periods of the history of the Greco-Indian and Greco-Sakian art the two developments were parallel and probably were influencing each other.

LIST OF PLATES

РУСЬ И ХАЗАРІЯ ПРИ СВЯТОСЛАВѢ

I

Вопросъ объ отношеніяхъ Руси на зарѣ ея историческаго существованія съ Востокомъ въ послѣднее время все сильнѣе привлекаетъ вниманіе историковъ русской культуры. Въ этомъ вопросѣ приходится прежде всего считаться съ той ролью, которую играла въ жизни древней Руси ея юго-восточная сосѣдка, Хазарія, носительница еще очень слабо изученной, но, несомнѣнно, весьма любопытной цивилизаціи, возникшей изъ соединенія элементовъ кочевнической — тюркской культуры съ традиціями византійскими, иранскими, арабскими и, особенно, еврейскими. Нужно признаться, что въ области изученія русско-хазарскихъ отношеній мы ходимъ еще въ потемкахъ: внѣшне-политической стороной этихъ отношеній ученые интересовались мало, а для изслѣдованія культурнаго взаимодѣйствія Руси и хазаръ почти совсѣмъ ничего не сдѣлано, если не считать лишь нѣсколькихъ догадокъ.[1]

Однако, нельзя спорить противъ того, что именно Хазарія положила первыя основы государственности среди восточныхъ славянъ въ южной Россіи. Вспомнимъ, что уже первыя страницы начальной лѣтописи относятъ начало хазарской власти надъ Кіевомъ къ легендарной древности (по смерти основателей города — Кія, Щека и Хорива); что историческій разсказъ лѣтописи о началѣ русской земли подъ первымъ своимъ, 859-мъ, годомъ начинается съ упоминанія о раздѣленіи Восточной Европы на двѣ политическія области: сѣверную, платящую дань варягамъ, и южную, подчиненную хазарамъ; что одно изъ древнѣйшихъ произведеній русской письменности надѣляетъ кіевскаго князя Владиміра титуломъ кагана; что въ серединѣ X-го вѣка Кіевъ еще былъ извѣстенъ въ Ви-

[1]) Какъ примѣръ такой, ничѣмъ не аргументированной, гипотезы позволю себѣ привести утвержденіе В. Пархоменко, якобы ролью хазарскаго капитала „въ значительной мѣрѣ обусловливался весь строй Кіевскаго государства съ его ростовщичествомъ, рабовладѣніемъ, безпощаднымъ отношеніемъ власти и верховъ соціальной лѣстницы къ народнымъ массамъ — смердамъ и эксплуатаціей ихъ, съ отчужденностью власти отъ населенія и т. п. Этотъ капиталъ, интернаціональный по существу и испытывавшій время отъ времени національную модификацію, не могъ создать національнаго государства, и неудивительно, что Кіевская держава была такъ плохо спаяна, такъ непрочно стояла и такъ легко пала подъ ударами татаръ, литовцевъ и поляковъ“. (В. Пархоменко, Кіевская Русь и Хазарія. Slavia VI, 1927—28, с. 387). Съ одинаковымъ правомъ, т. е. столь же бездоказательно, можно было бы высказать это утвержденіе о роли, скажемъ, печенѣжскаго, а, во всякомъ случаѣ, съ большимъ правомъ о значеніи греческаго или варяжскаго капитала. При отсутствіи достаточныхъ предварительныхъ знаній объ экономической конструкціи хазарскаго быта, во-первыхъ, и о внѣшней сторонѣ русско-хазарскихъ связей, во-вторыхъ, высказываніе утвержденій, вродѣ приведеннаго, нужно считать еще преждевременнымъ.

зантіи подъ своимъ хазарскимъ именемъ „Самбатъ“ (т. е. городъ-крѣпость, Вышгородъ); что въ самомъ Кіевѣ существовала часть города, называвшаяся „Козаре“, гдѣ, повидимому, находилась усадьба хазарскаго намѣстника „пашенга“ (Пасынге);[2] что свидѣтельствуютъ о хазарскомъ культурномъ вліяніи на Русь (хотя бы только объ одной сторонѣ этого вліянія) и древняя религіозно-полемическая литература, и проникновеніе въ среду кіевскаго монашества ветхозавѣтно-исторической идеи и, наконецъ, слѣды вліяній агадическихъ и талмудическихъ легендъ на нашу письменность.

Однако, свѣдѣнія наши въ этой области до сихъ поръ остаются чрезвычайно туманными. Прежде всего потому, что и сама Хазарія, а въ особенности ея культура, представляетъ еще почти нерѣшенную загадку: археологія еще только-только набрела на нѣкоторыя хазарскія древности; литературныхъ произведеній, возникшихъ въ Хазаріи, кромѣ извѣстной, такъ назыв. „хазарской переписки“, до сихъ поръ не найдено, хотя нѣтъ ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что среди еврейскихъ рукописей каирской генизы или персидскихъ библіотекъ можетъ находиться не мало такихъ, которыя могли возникнуть въ Итилѣ. Во-вторыхъ, источники не даютъ намъ почти никакихъ данныхъ для возстановленія картины внѣшнихъ отношеній Хазаріи съ Русью. Кое-что сообщаютъ объ этомъ восточные писатели, но эти сообщенія очень трудно использовать, такъ какъ совершенно неизвѣстно къ *какой* Руси относится каждое данное свидѣтельство: вѣдь русью называли себя и тѣ сѣверные витязи-торговцы, которые въ IX-мъ вѣкѣ шли на Волгу прямо изъ Скандинавіи, а также и дружинники тѣхъ немалочисленныхъ „русскихъ“ — варяжскихъ центровъ, которые образовывались на территоріи Восточной Европы въ широкомъ процессѣ норманской колонизаціи IX—X вѣковъ.[3]

Наша же лѣтопись, какъ это ни странно, очень мало говоритъ о кіево-хазарскихъ отношеніяхъ.

Упомянувъ о томъ, что вскорѣ послѣ смерти Кія, Щека и Хорива Кіевъ попалъ подъ власть Хазаріи, и что въ 859-мъ году „Козари имаху (дань) на Полянѣхъ, и на Сѣверѣхъ и на Вятичѣхъ, имаху по бѣлѣй вѣверицѣ отъ дыма“, лѣтописецъ говоритъ, что Аскольдъ и Диръ, придя къ Кіеву, и узнавъ, что поляне платятъ дань хазарамъ, „остаста въ градѣ семь“. О какомъ бы то ни было столкновеніи съ хазарами не упоминается. Еще любопытнѣе отношенія при Олегѣ. Послѣ завоеванія Кіева и наложенія дани на древлянъ „иде Олегъ на сѣверяне, и побѣди Сѣверяны и възложи на нь дань легку, и не дастъ имъ Козаромъ дани платити, рекъ: „азъ имъ противенъ, а вамъ нечему“. Въ слѣдующемъ году тоже повторяется съ радимичами. „Посла къ Радимичемъ, рька: «кому дань даете?» Они же рѣша: «Козаромъ». И рече имъ Олегъ: «не дайте Козаромъ, но мнѣ дайте», и въдаша Ольгові по шьлягу, якоже и Козаромъ даяху. И бѣ обладая Олегъ Поляны и Деревляны и Сѣверены и Радимичи, а съ Уличи и Тѣверцы имаше рать.“ Далѣе разсказывается о походѣ угровъ, о войнахъ съ греками,

[2]) Упомянуто въ Ипат. лѣтоп. подъ 6553 (945) годомъ. См. *Бруцкусъ*, Письмо хазарскаго еврея отъ X вѣка. Берлинъ, 1924, с. 20. Ср. соображенія *Младенова* о словѣ „пашенога“ (Vestiges de la langue des Protobulgares touraniens... въ Revue des études slaves I, 1921, f. 1—2, p. 50).

[3]) См. *мою* статью „Норманы въ Восточной Европѣ“ въ Byzantinoslavica, III, 1931.

о бунтахъ славянскихъ племенъ при Игорѣ, приходѣ печенѣговъ, черноморскихъ походахъ Игоря; потомъ о мести Ольги древлянамъ, о ея путешествіи въ Царьградъ. До принятія власти Святославомъ, втеченіе всей первой половины X-го вѣка хазары совсѣмъ не упоминаются: ни Олегъ, ни Игорь, ни Ольга съ ними не воюютъ.[1] Правда, можно догадываться, что послѣ несчастій, постигшихъ Игоря, восточныя племена отложились изъ-подъ власти кіевскаго князя и снова подпали подъ власть хазаръ, такъ какъ Святославъ въ началѣ своего правленія долженъ былъ отвоевывать ихъ отъ хазаръ. Однако, до него лѣтопись не упоминаетъ о какихъ бы то ни было столкновеніяхъ съ хазарами, какъ будто хазары, до середины IX-го вѣка владѣвшіе южной Россіей, начиная со второй половины этого столѣтія, не имѣли возможности бороться съ Кіевомъ за господство надъ восточными племенами славянъ. Предположеніе это покажется совсѣмъ естественнымъ, если вспомнить, что какъ разъ въ IX-мъ вѣкѣ для южной Россіи начинается бурный періодъ угорскихъ и печенѣжскихъ передвиженій, которыя широкой и трудно проходимой полосой отдѣлили Кіевское княжество отъ Пріазовья. И, въ связи съ этимъ, въ высшей степени любопытно, что политическія отношенія Кіева съ Хазаріей возобновляются лишь при Святославѣ, который самъ, перейдя южныя степи, вошелъ въ хазарскіе предѣлы: до него, повидимому, Кіевская Русь втеченіе всей первой половины X-го вѣка, дѣйствительно, была отдѣлена отъ Хазаріи.

Но въ такомъ случаѣ, къ какой же „Руси" относятся показанія восточныхъ источниковъ, разсказывающихъ о большихъ военныхъ экспедиціяхъ руссовъ въ Каспійское море? Откуда были родомъ тѣ руссы, которые подолгу жили въ Итилѣ, имѣя тамъ свою постоянную колонію и даже особаго хазарскаго судью?

Въ настоящей статьѣ я хотѣлъ обратить вниманіе на то, что и вопросъ объ отношеніяхъ Руси къ Хазаріи при Святославѣ заключаетъ въ себѣ очень много темнаго и загадочнаго и нуждается въ основательномъ пересмотрѣ всего матеріала. Позволю себѣ начать изслѣдованіе разборомъ тѣхъ данныхъ, которыя сохранила лѣтопись о войнѣ этого князя съ хазарами.

II

Лѣтопись слѣдующимъ образомъ описываетъ эти событія:

„Въ лѣто 6472 (964) ... И иде (Святославъ) на Оку рѣку и на Волгу, и налѣзе Вятичи и рече Вятичемъ: «кому дань даете?» Они же рѣша: «Козаромъ по шьлягу отъ рала даемъ»."

„Въ лѣто 6473 (965). Иде Святославъ на Козары; слышавше же Козари, изидоша противу съ княземъ своимъ каганомъ, и съступишася битися, и бывши брани, одолѣ Святославъ Козаромъ и градъ ихъ Бѣлу Вежю взя. И Ясы побѣди и Касогы."

---

[1]) Если не видѣть указанія на войну съ хазарами въ словахъ Олега: „азъ имъ противенъ" и не считать похода былиннаго Вольги на Индійское царство хазарской войной Олега, какъ думаетъ Л. Лавровскій, „Олег и Хельгу Хазарського документу..." (Київській Збірник історії й археології І, Київ, 1931).

„Въ лѣто 6474 (966). Вятичи побѣди Святославъ и дань на нихъ възложи.“[5]
Въ настоящее время можно считать доказаннымъ, что въ связи съ этими походами Святослава стоятъ событія, описанныя въ такъ называемой „Запискѣ готскаго топарха“. Въ ней какой-то неизвѣстный сановникъ, управлявшій крымской областью Готіей, разсказываетъ, что какіе-то варвары, отличавшіеся ранѣе мягкостью и справедливостью, въ его время стали уничтожать подвластные города, такъ что въ областяхъ, сосѣднихъ съ Готіей, опустѣло болѣе десяти городовъ и не менѣе 500 селеній. Когда варвары приблизились къ области топарха, крымскіе готы сами рѣшили начать войну, дабы предупредить непріятелей. Варварская конница и пѣхота опустошила область топарха и разрушила стѣны главнаго города, но топарху удалось отбить непріятелей и до нѣкоторой степени возстановить укрѣпленія. Пользуясь наступившимъ перерывомъ, онъ сталъ дѣятельно готовиться къ войнѣ и, отправивъ вѣстниковъ къ своимъ „сторонникамъ“, собралъ ихъ „лучшихъ людей“ на совѣтъ, чтобы рѣшить, у какихъ государей искать помощи противъ варваровъ. Собравшіеся лучшіе люди „либо потому, что никогда не были причастны къ царскому благорасположенію и пренебрегали болѣе греческими порядками, а болѣе всего домогались автономіи; либо потому, что они были сосѣдями съ государемъ, царствующимъ на сѣверъ отъ Истра, могучимъ многочисленнымъ войскомъ и гордымъ боевою силою, а отъ тамошнихъ нравовъ они не были отличны въ своемъ образѣ жизни, — они постановили заключить съ ними договоръ и передаться, причемъ всѣ сообща подали голосъ, чтобы и я совершилъ таковое“. Топархъ отправился къ сѣверному государю и легко убѣдилъ его оказать готамъ помощь. Владыка сѣвера, сочтя этотъ вопросъ очень важнымъ, вернулъ топарху власть надъ „климатами“, подарилъ еще цѣлую сатрапію и опредѣлилъ ему большіе доходы въ своей землѣ. Съ большими опасностями, черезъ непріятельскую землю пустился топархъ въ обратный путь. На этомъ документъ обрывается. При описаніи бури, застигшей посольство на возвратномъ пути, записка упоминаетъ, что въ то время „Сатурнъ какъ разъ находился въ началѣ своего прохожденія черезъ Водолея, въ то время, какъ солнце пробѣгало зимніе знаки“. Благодаря этому астрономическому указанію удалось точно установить, что описанный случай имѣлъ мѣсто около начала января 962-го года.[6]

Во всемъ источникѣ ни разу не упоминаются имена тѣхъ племенъ, которыя участвуютъ въ описанныхъ событіяхъ. Кромѣ крымскихъ готовъ здѣсь выступаютъ еще четыре народа. Въ „варварахъ“, нападавшихъ на крымскіе „климаты“, почти всѣ изслѣдователи соглашаются видѣть хазаръ. Государь, „царствующій на сѣверъ отъ Истра (Дуная), могучій многочисленнымъ войскомъ и гордый боевою силою“, для посѣщенія котораго нужно переправляться черезъ Днѣпръ, — Святославъ. Третьи участники событій — несимпатизирующіе грекамъ, независимые сосѣди крымскихъ готовъ, родственные обычаями и образомъ жизни съ подданными Святослава, могутъ быть только какими-то русскими, не входившими въ составъ Кіевской Руси. Наконецъ, послѣднихъ „непріятелей“, черезъ землю которыхъ топархъ долженъ былъ возращаться изъ Кіева въ Крымъ, повидимому, нужно считать печенѣгами.

[5]) Повѣсть временныхъ лѣтъ по Лавр. списку. СПб. 1910, стр. 63—64.
[6]) См. Вестбергъ въ Визант. Временникѣ, XV (1908), 73—84.

Такимъ образомъ, по наиболѣе правдоподобному толкованію А. А. Васильева, описанныя событія представляются въ слѣдующемъ видѣ. Въ 962-мъ году хазары, желая возстановить свое преобладаніе въ Крыму, стали опустошать крымскія области, и лишь съ большимъ трудомъ были выгнаны изъ крымской Готіи. Не надѣясь болѣе на помощь прежней покровительницы готовъ, Византіи, занятой въ то время дѣлами на востокѣ, правитель Готіи обратился къ сосѣднимъ дружественнымъ русскимъ, также терпѣвшимъ отъ хазаръ. Эти руссы совѣтовали искать помощи у могущественнаго кіевскаго князя, къ которому топархъ и отправился въ началѣ зимы 962-го года. Заручившись обѣщаніемъ русскаго князя помочь готамъ, топархъ въ началѣ января 963-го года отправился въ обратный путь, терпя лишенія отъ стужи и бурь и съ трудомъ уклоняясь отъ столкновеній съ враждебными печенѣгами.[7] Какова была причина такого благоволенія Святослава къ готскому топарху? Приведенное выше извѣстіе лѣтописи о восточныхъ походахъ Святослава даетъ на это ясный отвѣтъ.

Повидимому, въ моментъ прибытія къ нему крымскаго посольства, Святославъ уже думалъ о борьбѣ съ хазарами за господство надъ вятичами; предлагаемая помощь непосредственныхъ сосѣдей Хазаріи, крымскихъ готовъ и ихъ таинственныхъ союзниковъ (вѣроятно, черноморской руси), была ему очень полезна. И, дѣйствительно, вскорѣ послѣ этого Святославъ идетъ на вятичей, а затѣмъ на хазаръ и побѣждаетъ ихъ. При этомъ А. А. Васильевъ, учитывая неточность лѣтописной хронологіи и исходя изъ даты возвращенія топарха изъ Кіева въ Крымъ въ январѣ 963-го года, считаетъ возможнымъ отнести хазарскій походъ Святослава къ тому же 963-му году (вмѣсто лѣтописнаго 965-го). Мнѣ это исправленіе хронологіи не представляется необходимымъ. Вспомнимъ, что Святославъ только что передъ этимъ принялъ власть въ свои руки; что хазарское государство должно было представляться ему сильнымъ и опаснымъ противникомъ; что въ указанное время Хазарія далеко отстояла отъ Кіевской Руси, отдѣленной отъ нея безконечною, населенной печенѣгами, степью; что передъ началомъ войны слѣдовало заранѣе убѣдиться въ отношеніяхъ къ Хазаріи подвластныхъ ей славянскихъ племенъ, изъ-за обладанія которыми Святославъ и готовился къ борьбѣ, — и намъ не покажутся странными его долгія приготовленія къ походу на востокъ.

III

Обычно съ лѣтописнымъ извѣстіемъ о хазарской войнѣ Святослава ставится въ связь разсказъ арабскаго писателя второй половины X-го вѣка Абуль-Касима-Мухаммеда, прозваннаго Ибнъ-Хаукалемъ. Въ сочиненіи, написанномъ около 976—977-го года, онъ сообщаетъ:

„Рѣка Итиль выходитъ восточною стороною изъ окрестностей Хирхиза, течетъ

[7]) См. А. Васильевъ, Готы въ Крыму (Изв. Рос. Акад. Матер. Культуры, V, 1927, стр. 235—249). О запискѣ готскаго топарха существуетъ большая литература, разобранная Вестбергомъ въ Mém. de l'Acad. de S. Pb. VIII série, V и въ Визант. Временникѣ XV (1908). О новыхъ трудахъ см. Пархоменко, Новые толкования записки готского топарха (Извест. Таврич. общ. истории, археологии и этнографии, II, 1928).

между Каймакіей и Гуззіей, затѣмъ идетъ къ западу по верхней части Булгара, возвращается вспять къ востоку и проходитъ по Русу, затѣмъ по Булгару, потомъ по Буртасу, пока не впадаетъ въ Хазарское море.[8]

Буртасъ есть имя страны, также точно какъ Русъ и Хазаръ...

„Между внутренними булгарами находятся христіане и мусульмане. Въ настоящее же время не осталось и слѣда ни изъ булгаръ, ни изъ буртасовъ, ни изъ хазаръ, ибо русы истребили всѣхъ ихъ, отняли у нихъ всѣ эти области и присвоили ихъ себѣ. Тѣ же, которые спаслись отъ ихъ рукъ, разсѣяны по ближайшимъ мѣстамъ изъ желанія остаться вблизи своихъ странъ, и надѣясь заключить съ ними миръ и подчиниться имъ.

Булгаръ есть небольшой городъ, не имѣющій многихъ владѣній; извѣстенъ же былъ онъ потому, что былъ гаванью этихъ государствъ. Но руссы ограбили его, Хазранъ, Итиль и Самандаръ въ 358 (969) году и отправились тотчасъ въ Румъ и Андалусъ...

Что касается Хазара, то это имя этихъ людей, столица же есть городъ называемый Итиль, по имени рѣки протекающей черезъ него въ Хазарское море. Городъ этотъ не имѣетъ ни многихъ селеній, ни пространнаго владѣнія. Страна эта находится между Хазарскимъ моремъ, Серихомъ, Русомъ и Гуззіей.

Хазары имѣютъ также городъ, называемый Самандаромъ, который находится между нимъ (Итилемъ) и Бабъ-аль-Абвабомъ (Дербендомъ). Въ этомъ городѣ было много садовъ, говорятъ, что онъ содержалъ около 40.000 виноградниковъ. Я распрашивалъ о немъ въ Джурджанѣ по свѣжести памяти о немъ. Его населяли мусульмане и другіе; они (мусульмане) имѣли въ немъ мечети, христіане — церкви и евреи — синагоги. Но руссы напали на все это, разрушили все, что было по рѣкѣ Итиль, принадлежавшее хазарамъ, булгарамъ и буртасамъ, и овладѣли имъ. Жители же Итиля убѣжали на островъ Бабъ-аль Абвабъ, а часть ихъ живетъ на островѣ Сіа-Ку въ страхѣ.“[9]

Кромѣ того Ибнъ-Хаукаль сообщаетъ и нѣкоторыя данныя о русскихъ: о раздѣленіи Руси на три племени — Кіевскую область, Славію и Артанію; о томъ что русскіе торгуютъ съ Хазаріей и съ Византіей, и что изъ ихъ страны вы-

[8]) Какъ видно изъ этого описанія, Ибнъ-Хаукаль считаетъ рѣкой Итилемъ нижнюю Волгу отъ устья до впаденія Камы, Каму и Бѣлую. Любопытно упоминаніе здѣсь „Руси“ на Камѣ (между верхней и нижней частью Булгара). Очень важно, что и Ибнъ-Фадланъ (въ началѣ X-го вѣка) также говоритъ, что рѣка Итиль течетъ къ Хазарамъ „изъ Руса и Булгара“. Очевидно, что подъ этой „Русью“ на Камѣ слѣдуетъ разумѣть какую-то особую „Русь“, не находившуюся въ связи съ Новгородско-Кіевскимъ княжествомъ, вѣроятнѣе всего какую-нибудь норманскую колонію въ области между Волгой и Ураломъ. Тотъ же Ибнъ-Фадланъ въ другомъ мѣстѣ ясно различаетъ эту „Русь“ отъ Кіевской, говоря, что пища хазаръ привозится къ нимъ изъ Руса, Булгара и Куяби (Кіева). Обычно при толкованіи даннаго мѣста не принимается во вниманіе вопросъ — что разумѣлъ авторъ подъ рѣкой Итилемъ. (См. Соболевский, Записка Ибн-Фадлана. Доклады Ак. Наук СССР. 1929, № 12; ср. А. Погодинъ, Варяги и Русь. Зап. Русск. Научн. Инст. въ Бѣлградѣ, вып. VII, 1932, стр. 119). М. б. упомянутая здѣсь Камская Русь и есть та, привлекавшая скандинавовъ Біармія, которую обычно отождествляютъ съ Пермской областью. (Впрочемъ недавно А. Талльгренъ очень убѣдительно доказывалъ, якобы подъ Біарміей слѣдуетъ разумѣть Приладожье. См. Eurasia Septentrionalis Antiqua, VI, Helsinki, 1931).

[9]) Гаркави, Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ. СПб. 1870, стр. 218—220.

возятся лучшіе мѣха, которые до 969-го года продавались въ Булгарѣ и Хазеранѣ; о „русской рѣкѣ“, извѣстной подъ именемъ Итиль, единственной, которая соединяетъ Хазарское море (Каспійское) съ другими морями (вѣроятно, имѣя въ данномъ случаѣ въ виду рѣчной путь по нижней Волгѣ, волжско-донскому волоку и нижнему Дону въ Азовское море); объ одеждѣ и нѣкоторыхъ обычаяхъ руссовъ.

На первый же взглядъ бросаются въ глаза серьезныя расхожденія въ разсказахъ Ибнъ-Хаукаля и русскаго лѣтописца.

Во-первыхъ — въ содержаніи извѣстія. Ибнъ-Хаукаль разсказываетъ о появленіи руссовъ на Волгѣ, гдѣ они опустошили все нижнее Поволжье (земли болгаръ, буртасовъ и хазаръ), и о походѣ ихъ въ Каспійское море, гдѣ они разрушили Самандаръ, — второй по величинѣ городъ и прежнюю столицу Хазаріи, находившуюся на сѣверо-западномъ берегу Каспія. Это, слѣдовательно, былъ морской грабительскій походъ на корабляхъ: во внутренніе области Хазаріи руссы не заходили и отъ воды не удалялись, ибо Ибнъ-Хаукаль прямо указываетъ, что жители скрылись въ сосѣднихъ краяхъ, гдѣ руссы не могли ихъ преслѣдовать.

Лѣтопись свидѣтельствуетъ о совершенно иномъ фактѣ. Какъ извѣстно, первые русскіе князья, начавъ объединеніе славянскихъ племенъ, ранѣе всего подчинили племена, жившія въ бассейнѣ волховско-днѣпровскаго пути. Обезпечивъ этотъ центральный районъ, Рюриковичи обращаютъ вниманіе на юго-западныя племена тиверцевъ и уличей, жившихъ въ придунайскихъ и подкарпатскихъ земляхъ — важной транзитной зонѣ для русской торговли съ Царьградомъ и Придунайской Болгаріей. Долѣе всего сохраняли свою независимость восточныя племена. Колонизуя необозримые финскіе лѣса центральной Россіи, и будучи достаточно удалены отъ главныхъ водныхъ торговыхъ артерій Восточной Европы, эти славяне въ то время еще не играли въ ея экономической жизни столь важной роли, какъ ихъ западные (приднѣпровскіе) и восточные (приволжскіе) сосѣди. Закончить объединеніе Руси присоединеніемъ этихъ, наиболѣе отдаленныхъ, восточныхъ славянъ, составляло задачу, оставленную Святославу его предками. Дѣйствительно, онъ, принявъ власть отъ матери, прежде всего обращается на востокъ. Въ 964-мъ году, вѣроятно зимою (когда вообще князья путешествовали по Руси, собирая дань съ подчиненныхъ племенъ), Святославъ идетъ въ приокскіе лѣса и, „найдя тамъ“ вятичей, требуетъ отъ нихъ дани. Тамъ узнаетъ, что вятичи признаютъ власть хазаръ, и что ему придется освободить вятичей отъ хазарской зависимости. Въ слѣдующемъ году Святославъ предпринимаетъ экспедицію въ Хазарію, по всей вѣроятности отправившись туда тѣмъ прямымъ путемъ, который велъ изъ Кіева къ Дону и по нему къ Азовскому морю, гдѣ при впаденіи въ него Дона стояла хазарская крѣпость Саркелъ, — по славянски Бѣлая Вѣжа.[10] Разбивъ хазарское войско и взявъ

[10]) Крѣпость Саркелъ — *ἄσπρον ὁσπίτιον* („бѣлая гостиница“) выстроили греческіе инженеры, посланные императоромъ Θеофиломъ по просьбѣ хазарскаго государя. Хотя однажды было высказано мнѣніе, якобы Саркелъ находился на среднемъ Дону, однако сейчасъ господствуетъ убѣжденіе о его мѣстонахожденіи или при самомъ устьѣ Дона или вблизи устья, м. б. вблизи станицы Цымлянской, гдѣ раскопки открыли слѣды кирпичныхъ стѣнъ. Константинъ Багрянородный

Саркелъ, Святославъ поворачиваетъ на югъ въ области осетинъ и черкесовъ, а не идетъ во внутреннія хазарскія области, можетъ быть, отправивъ туда только вспомогательный отрядъ печенѣговъ или торковъ, которыхъ онъ могъ встрѣтить по пути въ верховьяхъ Дона, гдѣ они обитали.[11] Почему Святославъ не пошелъ на востокъ по направленію къ хазарской столицѣ — трудно угадывать, но во всякомъ случаѣ походъ въ степи сѣвернаго Кавказа съ несомнѣнностью доказываетъ, что русское войско состояло главнымъ образомъ изъ пѣхоты и конницы, и не было привязано къ кораблямъ.

Такимъ образомъ, хазарская война Святослава и походъ руси въ Каспійское море совершенно различны и по своимъ цѣлямъ, и по выполненію, и по результатамъ. Святославъ предпринимаетъ войну противъ хазаръ съ цѣлью освободить вятичей отъ ихъ зависимости. Поэтому онъ разрушаетъ Саркелъ – главную стратегическую базу хазаръ на западной границѣ, обходитъ съ восточной стороны Азовское море и, оттѣснивъ такимъ образомъ хазаръ отъ Дона и Азовскаго побережья, возвращается домой въ Кіевъ. Въ слѣдующемъ году онъ снова идетъ въ область вятичей и подчиняетъ ихъ. Онъ, слѣдовательно, ведетъ борьбу за объединеніе восточно-славянскихъ племенъ, за пріобрѣтеніе новыхъ богатыхъ мѣховымъ товаромъ районовъ и за открытіе новыхъ торговыхъ центровъ.[12] Ибнъ-Хаукаль же разсказываетъ о появленіи на Волгѣ и на Каспіѣ разбойничьей русской флотиліи, опустошавшей прибрежныя области, грабившей села и торговые города и, наконецъ, отплывшей въ Средиземное море съ намѣреніемъ продать тамъ награбленное добро. Нельзя не подчеркнуть въ данномъ извѣстіи того факта, что русскіе совершенно разорили какъ главный городъ волжскихъ болгаръ, такъ и хазарскую столицу Итиль, большой торговый центръ и важнѣйшій транзитный пунктъ въ торговлѣ Восточной Европы съ арабами. Считая эти сообщенія современника достовѣрными, совсѣмъ нельзя понять, какъ бы могла русская лѣтопись, не забывъ разсказать о разрушеніи Саркела и о походѣ въ область кавказскихъ племенъ, умолчать о столь важномъ событіи какъ завоеваніе хазарской столицы.

Второе расхожденіе между арабскимъ и лѣтописнымъ извѣстіемъ — въ хронологіи. По словамъ Ибнъ-Хаукаля русскій походъ въ Волжскую Болгарію и въ Хазарію имѣлъ мѣсто въ 358-мъ году мусульманской эры (968—969), то-есть послѣ 25 ноября 968-го года. Такъ какъ путешествіе Волгой

говоритъ, что въ его время (середина X вѣка) Саркелъ защищалъ хазарскую границу отъ печенѣговъ, и что тамъ сидѣли хазарскіе намѣстники, мѣняясь съ года на годъ. Въ 913—914-мъ году саркельскій гарнизонъ не пропустилъ торковъ переправиться черезъ Донъ „въ область хазаръ". Въ томъ же году флотилія руссовъ, шедшая изъ Азовскаго моря Дономъ и Волгой въ Каспійское море, должна была ожидать передъ Саркеломъ пропускъ отъ хазарскаго царя. Изъ новой литературы о Саркелѣ см. Manojlović, Studije o spisu De admin. imperio, IV. Rad jugoslav. Akademije 187, Zagreb, 1917, стр. 25 и сл.; Васильевъ, Изв. Рос. Акад. Мат. Культ. V, 1927, стр. 220—225.

[11]) Это предположеніе Вестберга основывается на извѣстіи Ибнъ-эль-Атира о походѣ въ Хазарію въ 965-мъ году какого-то тюркскаго племени, отбитаго съ большимъ трудомъ хазарскими мусульманскими войсками — ларсіей или м. б. союзнымъ ховарезмійскимъ отрядомъ. (См. „Къ анализу восточныхъ источниковъ о Восточной Европѣ" Журн. Мин. Нар. Просв. 1908, III, 6).

[12]) См. Знойко, О походахъ Святослава на Востокъ. Журн. Мин. Нар. Просв. 1908, XII.

въ декабрѣ немыслимо, то описанныя событія могутъ быть датированы только 969-мъ годомъ. Лѣтопись же датируетъ хазарскую войну Святослава 965-мъ годомъ — двумя годами раньше похода въ Дунайскую Болгарію, относимаго лѣтописью къ 967-му году. Если исправить дату болгарской войны на 968-й годъ (какъ указываютъ византійскіе источники), все же хазарскую войну Святослава нельзя передвинуть позднѣе 966-го года, такъ какъ въ промежуткѣ между хазарской и болгарской войной (т. е. въ такомъ случаѣ въ 967-мъ году) Святославъ велъ вторую войну съ вятичами. Такимъ образомъ, хазарская война Святослава на 3—4 года была раньше русскаго похода, описываемаго Ибнъ-Хаукалемъ. Его же дата стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія, т. к. Ибнъ-Хаукаль былъ современникомъ этихъ событій и узналъ о нихъ какъ разъ въ томъ же самомъ 969-мъ году во время своего путешествія по Закавказью, гдѣ ему приходилось разговаривать съ очевидцами. Такимъ образомъ, обѣ эти даты исключаютъ возможность отождествленія русскихъ походовъ, описанныхъ лѣтописью и Ибнъ-Хаукалемъ. Единственное возраженіе противъ этого вывода заключается въ указаніи, что и лѣтописецъ и Ибнъ-Хаукаль разсказываютъ только объ одномъ походѣ руси въ Хазарію, а расхожденія въ хронологіи и въ описаніи подробностей похода объясняются слабой освѣдомленностью обоихъ авторовъ.[13] Это объясненіе черезчуръ натянуто. Какъ бы слабо ни былъ лѣтописецъ освѣдомленъ о походѣ Святослава, но перепутать пограничную крѣпость съ хазарской столицей и Хвалынское море съ сѣверо-кавказской степью все-таки не могъ. Приводить въ качествѣ довода то соображеніе, что лѣтопись говоритъ только объ одномъ походѣ, можно лишь при томъ условіи, если бы въ X-мъ вѣкѣ никакой другой Руси, кромѣ Кіевской, не существовало, что не соотвѣтствуетъ истинѣ. Что же касается Ибнъ-Хаукаля, то его молчаніе о походѣ Святослава вполнѣ естественно, т. к. слухи объ этой войнѣ на западной границѣ Хазаріи и о разореніи русскимъ княземъ далекой пограничной крѣпости могли и не дойти до него.

---

[13]) См. Знойко, 264. Недавно Бартольдъ доказывалъ, что хронологическое противорѣчіе между арабскими, греческими и русскими источниками — „только кажущееся и возникло подъ вліяніемъ неясности выраженій Ибнъ-Хаукаля: указанная имъ дата 969 г. относится къ тому времени, когда онъ въ Джурджанѣ узналъ о погромѣ, и только по небрежности въ другихъ мѣстахъ отнесена имъ къ самому погрому". Достаточно прочесть текстъ, чтобы убѣдиться, насколько это утвержденіе Бартольда неосновательно. Не убѣдительно и утвержденіе, якобы „изъ словъ самого Ибнъ-Хаукаля видно, что между погромомъ и тѣмъ временемъ, когда онъ о немъ узналъ, прошло нѣсколько лѣтъ", т. к. „бѣжавшіе изъ Приволжья думали туда вернуться и жить тамъ подъ властью русскихъ, которую они, повидимому, считали прочно установленной" (История изучения Востока в Европе и России, 2-е изд. Ленингр. 1925, стр. 166). Изъ словъ Ибнъ-Хаукаля совсемъ нельзя заключить, что между походомъ и сообщеніемъ о немъ прошло нѣсколько лѣтъ: наоборотъ, текстъ свидѣтельствуетъ о небольшомъ промежуткѣ времени, упоминая о растерянности разбѣжавшагося населенія, не знавшаго, когда вернутся ихъ завоеватели „изъ Рима и Андалуза", куда они повезли на продажу награбленное добро. Да и самъ Бартольдъ, сейчасъ же вслѣдъ за этимъ указываетъ на фактическія противорѣчія въ разсказѣ русскихъ источниковъ и Ибнъ-Хаукаля. Какъ упоминалось, примирить эти противорѣчія можно лишь съ очень большими натяжками, и только въ томъ случаѣ, если считать доказаннымъ, что уже въ X вѣкѣ Восточная Европа была Россіей, т. е. единымъ великимъ государствомъ, а не совокупностью варяжскихъ княжествъ, частью совсѣмъ независимыхъ, а частью соподчиненныхъ Кіеву, но, вѣроятно, связанныхъ съ нимъ въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ въ удѣльный періодъ (объ этомъ см. ниже).

Было, впрочемъ, высказано и другое предположеніе, что въ 969-мъ году Святославъ могъ предпринять противъ Хазаріи второй походъ, не упомянутый лѣтописью (Грецъ, Гаркави). Вестбергъ доказываетъ невозможность этого. Въ 968-мъ году Святославъ, оставивъ войско въ Болгаріи, спѣшитъ съ коннымъ отрядомъ въ Кіевъ — освободить свою столицу отъ печенѣговъ, осадившихъ городъ въ его отсутствіи. Въ 969-мъ году онъ торопится вернуться въ Болгарію и остается въ Кіевѣ только по усиленнымъ просьбамъ матери, ожидавшей скорой кончины, что и случилось въ томъ-же 969-мъ году. По словамъ лѣтописи, Святославъ остался въ Кіевѣ до конца 970-го года, занимаясь государственными дѣлами и готовясь къ войнѣ съ Цимисхіемъ. Трудно предполагать поэтому, чтобы великій князь, въ то время, когда его мать лежала на смертномъ одрѣ, а войско на югѣ завоевывало Болгарію, смогъ отправить новое значительное войско въ далекую экспедицію на Волгу и въ Каспійское море противъ волжскихъ болгаръ и хазаръ. Наконецъ, совершенно невѣроятно предположить, чтобы лѣтописецъ, разсказавъ о разрушеніи Святославомъ въ 965-мъ году пограничной хазарской крѣпости, совсѣмъ не упомянулъ о другомъ, значительно болѣе важномъ походѣ 969-го года, закончившимся разгромомъ Хазаріи.

Приведенныя соображенія привели Вестберга (а за нимъ Маркварта и Манойловича) къ убѣжденію, что война Святослава съ хазарами не имѣетъ никакого отношенія къ русскому походу на Волгу и въ Каспійское море 969-го года, и что послѣдній былъ предпринятъ „русью“ изъ Скандинавіи — норманами, которые вернулись домой окружнымъ путемъ черезъ Румъ и Андалузъ, т. е. Средиземнымъ моремъ и Атлантическимъ океаномъ.[14]

Вполнѣ соглашась съ тѣмъ, что походъ „руси“ 969-го года, въ Хазарію не былъ предпринятъ изъ Кіева, не могу повѣрить, чтобы въ немъ участвовали скандинавскіе норманы. Противъ этого говоритъ прежде всего тотъ фактъ, что ни одинъ источникъ не называетъ скандинавскихъ нормановъ X-го вѣка — русью. Признáемъ ли мы, что въ Скандинавіи вообще никогда не существовало никакой „руси“, и что это имя было создано только въ Восточной Европѣ, или, повѣривъ лѣтописной традиціи, согласимся, что Рюрикъ съ братьями, переселяясь изъ Швеціи къ славянамъ, „пояша всю русь“ — (м. б. свой родъ),[15] все-таки останется несомнѣннымъ фактъ, что въ теченіе X-го вѣка, никакихъ слѣдовъ „руси“ на скандинавскомъ полуостровѣ найти невозможно. И для византійцевъ, и для славянъ, и для востока тамъ живутъ Βάραγγοι, варяги, варанги. Если же встрѣчается имя „руси“ въ значеніи normannigena, то оно всегда означаетъ нормана по происхожденію, живущаго въ Восточной Европѣ.[16]

---

[14]) Westberg, Beiträge zur Klärung der orient. Quellen. 1901, 230 и сл. то же по-русски въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1908, III, 5. — Marquart, Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge, 1903, 474. — Manojlović, Studije o »De adm. imperio« (Rad. Jugosl. Akad. 1917, кн. 187, 25).

[15]) См. новую работу А. Погодина „Варяги и Русь“ въ Зап. Русск. Научн. Института въ Бѣлградѣ, VII, (1932), 116—117.

[16]) Правда, Вестбергъ пытался доказать, якобы въ серединѣ X-го вѣка Масуди называетъ Балтійское море „Русскимъ моремъ“, ибо „по нему плаваютъ только корабли руссовъ“, т. е. скандинавскихъ нормановъ (Къ анализу вост. источниковъ. Журн. Мин. Нар. Просв. 1908, II, 381). Однако, это утвержденіе основано на явномъ недоразумѣніи. Цѣлый рядъ другихъ источниковъ, да и самъ Масуди, прямо указываютъ, что подъ „моремъ руссовъ“ нужно разумѣть Понтъ —

Во-вторыхъ: Ибнъ-Хаукаль ясно говоритъ, что послѣ разгрома Хазаріи русскими бѣглецы живутъ въ сосѣднемъ краю, надѣясь на возвращеніе на родину въ качествѣ подданныхъ руссовъ. Эти слова никакъ нельзя отнести къ скандинавскимъ норманамъ, въ особенности, разъ уже они отплыли въ Римъ и Испанію. Если мѣстное населеніе все-таки расчитываетъ вернуться на старыя мѣста въ качествѣ русскихъ подданныхъ, значитъ, оно знало, что эти руссы послѣ продажи добычи въ средиземноморскихъ портахъ вернутся въ ихъ края и тамъ и останутся. Слѣдовательно, необходимо предполагать, что „русь", опустошившая Хазарію въ 969-мъ году, жила гдѣ-то въ Восточной Европѣ, и притомъ, вѣроятно, неподалеку отъ Хазаръ.

IV

Мнѣ думается, что для опредѣленія мѣстожительства этой руси, разгромившей Хазарію по словамъ Ибнъ-Хаукала въ 969-мъ году, нужно прежде всего обратить вниманіе на тѣ данныя, которыя заключены у самого Ибнъ-Хаукаля. Самъ онъ о русскихъ слышалъ мало. Повидимому, только то, что они „торгуютъ съ Хазаріей и съ Румомъ"; что раздѣляющаяся на два рукава и соединяющая Черное море съ Каспійскимъ рѣка носитъ имя „Русской рѣки"; что гдѣ-то на Камѣ, въ верхней части Волжской Болгаріи находится какой-то „русскій" центръ. Впрочемъ и относительно этихъ данныхъ нужно оговориться, что они почти буквально повторяются въ сочиненіи современника Ибнъ-Хаукаля, арабскаго географа Истахри, который давалъ Ибнъ-Хаукалю для исправленія свой трудъ. Нельзя угадать, кто изъ нихъ заимствовалъ отъ другого приведенныя данныя.

Черное море (напр. Ибнъ-эль Варди: „Море Нейтешъ — Черное, — которое есть море руссовъ", см. Frähn. Ibn-Fosclan, SPb. 1827, 188; Масуди: „Море Майотасъ и Найтасъ — Азовское и Черное, — которое есть море болгаръ и руссовъ", см. Гаркави, Сказанія мус. пис. 134, ср. 127; Димашки: „Описаніе моря Трапезунтскаго и моря руссовъ, которое также называется Нейтесъ и Черное море", см. Frähn, 28; и Русская лѣтопись говоритъ: „Понетьское море, еже море словеть Русское"). Поэтому Вестбергу приходится допускать, что Масуди предполагалъ существованіе двухъ „русскихъ" морей: Балтійскаго, „по которому плаваютъ только корабли руссовъ" и Чернаго, получившаго это прозваніе только въ началѣ X-го вѣка, послѣ завоеванія Олегомъ и Игоремъ угличей и тиверцевъ. Однако, самъ Масуди нигдѣ не дѣлаетъ ни одного намека на различеніе этихъ „русскихъ морей". Наоборотъ, разсказывая о набѣгѣ на Испанію разбойничьяго флота язычниковъ, которыхъ Масуди считаетъ русью, онъ предполагаетъ, что эти руссы проникли туда изъ Чернаго моря, „ибо никто кромѣ нихъ не путешествуетъ по этому морю, которое соединяется съ моремъ Укіянусъ" (см. Вестбергъ, Журн. Мин. Нар. Просв. 1908, II, 308), предполагая въ данномъ случаѣ связь по Средиземному морю, т. е. тотъ же путь, по которому руссы съ Черноморья путешествовали въ Константинополь и Испанію. При этомъ онъ прибавляетъ, что объ этомъ народѣ руссовъ онъ много разсказываетъ въ своемъ трудѣ, т. е., такимъ образомъ, позволяетъ оріентировать его мѣстожительство на основаніи другихъ мѣстъ въ его сочиненіи, относящихся къ руссамъ. Больше же всего онъ разсказываетъ о русскомъ племени Лудзана (Кудкана?), корабли котораго плаваютъ по Черному морю и „путешествуютъ съ товаромъ въ землю Андалузъ, Румію, Кунстантинію и Хазаръ" (см. Гаркави, Сказанія мус. пис., 130; Дополненія къ сказаніямъ мус. пис., 31). Никакого основанія для провозглашенія этихъ руссовъ скандинавскими норманами нельзя найти.

Возможно, что они оба взяли матеріалъ изъ какого-нибудь общаго источника, напримѣръ — Джейхани (не сохранившагося), сочиненіе котораго Ибнъ-Хаукаль, по собственному признанію, постоянно держалъ въ рукахъ во время своихъ путешествій. Что же касается извѣстія о раздѣленіи руси на три племени (также буквально повторяющагося у Истахри), то оно несомнѣнно заимствовано изъ болѣе ранняго письменнаго источника, вѣроятнѣе всего отъ аль-Балхи (умершаго въ серединѣ X-го вѣка), хотя не исключена возможность, что и онъ почерпнулъ свои свѣдѣнія изъ сочиненія какого-нибудь изъ своихъ предшественниковъ. Но во всякомъ случаѣ очевидно, что, помѣстивъ это свидѣтельство о руси рядомъ съ разсказомъ о русскомъ набѣгѣ на Хазарію 969-го года, Ибнъ-Хаукаль отождествилъ нападавшихъ съ однимъ изъ упомянутыхъ русскихъ племенъ. При этомъ совершенно ясно, что по его мнѣнію эта русь жила гдѣ-то въ Восточной Европѣ: или на „Русской рѣкѣ", или въ одной изъ упомянутыхъ племенныхъ областей.

Ввиду того, что толкованіе интересующаго насъ отрывка Ибнъ-Хаукаля тѣснѣйшимъ образомъ связано съ извѣстіемъ о раздѣленіи руси на три племени, а также, принимая во вниманіе большой интересъ къ этому источнику, проявившійся въ рядѣ новыхъ изслѣдованій,[17] я не считаю возможнымъ въ данномъ случаѣ просто сослаться на мою статью объ этомъ вопросѣ,[18] а позволю себѣ вкратцѣ повторить изъ нея нѣсколько моихъ наблюденій.

Извѣстіе это сохранилось въ нѣсколькихъ варіантахъ у ряда восточныхъ писателей: аль-Балхи, Ибнъ-Хаукаля, Истахри, Ибнъ-эль-Варди, Димашки, Идриси и другихъ. Первый по времени писатель, аль-Балхи, разсказываетъ, что „Русь состоитъ изъ трехъ племенъ. Одно — ближайшее къ Болгаріи и его царь живетъ въ столицѣ по имени Куяба; городъ этотъ больше Булгара. Второе племя, которое отъ нихъ удалено, называется Салавія. Третье племя называется Артанія и его государь живетъ въ Абаркѣ. Приходятъ люди (къ нимъ ради торговли) до Кербая. Что же касается Абарки, то не разсказываютъ, чтобы когда-нибудь пришелъ туда иностранецъ, ибо они убиваютъ каждаго иностранца, который приходитъ въ ихъ землю. Сами же они приходятъ водою для торговли; и они не разсказываютъ ничего о своихъ дѣлахъ и своей торговлѣ; также и не пускаютъ никого сопровождать ихъ и приходить въ ихъ землю. Изъ Арфы вывозятъ они черныхъ соболей и свинецъ." Затѣмъ описываются обычаи вообще всѣхъ русскихъ, при чемъ упоминается, что „руссы торгуютъ съ Хазаріей, Византіей и Великой Болгаріей, что живутъ они къ сѣверу отъ Византіи и что они столь многочисленны и храбры, что налагаютъ дань на сосѣднія области."[19] Почти дословно повторяется этотъ разсказъ у Ибнъ-Хаукаля[20] и Истахри,[21] а у позднѣйшихъ авторовъ осложняется примѣсью изъ разныхъ легендъ, ходившихъ на

[17]) А. И. Соболевский, Третье русское племя (Доклады Академии наук СССР, 1929, № 4), С. Н. Быховский, К вопросу о трех древнейших центрах Руси (Труды Вятского Педагогического Института, 1928), Погодинъ, Варяги и Русь, Зап. Русск. Научн. Ист., VII. Бѣлгр. 1932.

[18]) Treće rusko pleme, Slavia, V (1927), стр. 763—781.

[19]) Хвольсонъ, Извѣстія... Ибнъ-Даста... СПБ, 1869, 170—171; Гаркави, Сказанія мус. писателей, 276.

[20]) Гаркави, 220.

[21]) Гаркави, 193.

востокѣ о руси.[22] Необходимо при этомъ обратить вниманіе на путаницу мѣстныхъ и племенныхъ именъ, встрѣчающихся въ этомъ разсказѣ.

Первое племя названо по имени только въ позднѣйшихъ источникахъ: Кркбанъ, Керкіанъ, Керакертія — странныя имена, не дающія никакого матеріала для опредѣленія географическаго положенія этого племени. Но зато въ древнѣйшихъ источникахъ точно обозначается столица этого племени — Куяба = Куява = Кіевъ. Такимъ образомъ подъ первой русской областью необходимо разумѣть Приднѣпровскую Русь, въ чемъ единогласно сходятся всѣ изслѣдователи этого вопроса.

Второе русское племя названо Селавія, Салавія, въ персидскомъ переводѣ Истахри — Дж-лаба, у Ибнъ-эль Варди и Ибнъ-Аяса — Атлавія со столицей Тлуя (или Тлава, Талва, Талу), у Димашки К-лабія. Относительно этого племени ученые (за небольшимъ исключеніемъ) также соглашаются, что подъ именемъ С-лавія слѣдуетъ разумѣть Ильменско-Волховскую область славянъ въ сѣверной Россіи. Непонятнымъ остается только имя Тлуя, которое должно было бы означать Новгородъ. Впрочемъ болѣе вѣроятно, что оно сдѣлалось обозначеніемъ столицы лишь у позднѣйшихъ авторовъ, въ основномъ же источникѣ относилось къ государю второго племени, такъ какъ у Ибнъ-Хаукаля эта фраза гласитъ: „Другое племя выше перваго, оно называется Славія, а царь ея . . .“ Послѣднее слово здѣсь пропущено, такъ какъ, повидимому, Ибнъ-Хаукаль не понялъ, что оно обозначаетъ въ основномъ источникѣ.

Больше всего варіантовъ имѣетъ третье имя: Артанія съ городомъ Абаркой или Артой, Арзанія съ Арзой, Аусани съ Эрзой, Арсанія, Арти. Можемъ допустить и другія чтенія, напр. Арани, Эрни, Эрени, Эрти.

Какъ я упомянулъ, при всей путаницѣ въ именахъ двухъ первыхъ племенъ ученые сходятся въ опредѣленіи ихъ мѣстонахожденія. Но зато имя третьяго племени вызвало многочисленныя толкованія. Видѣли въ этой области и финскую мордву (Эрзяне), и Пермскую область (Біармія), и славянскую область „Антанію“ (имя образовано отъ древняго названія одной вѣтви славянъ — антовъ), и область вятичей по Окѣ (Рязанія), и городъ Оршу, и древнее названіе рѣки Кубани — Варданъ, Вартанъ, и область уличей вблизи днѣпровскаго устья (— аль Аутсани = аль Лудзана у Масуди = Λενζενίνοι Константина Багрянороднаго = уличи лѣтописи). Нѣкоторые историки уклонялись отъ лингвистическаго анализа именъ Арты и Артаніи и старались опредѣлить мѣстоположеніе третьяго племени на основаніи другихъ данныхъ, заключающихся въ арабскомъ извѣстіи. Кромѣ приведенныхъ гипотезъ нужно отмѣтить три главныя теоріи. Первая (Щеглова) — связываетъ третье племя съ упомянутой Ибнъ-Хаукалемъ русью въ верхней части Булгара и потому помѣщаетъ Артанію въ среднемъ Поволжьѣ. Вторая (въ послѣдній разъ аргументированная Вестбергомъ) — помѣщаетъ Артанію въ Скандинавіи на томъ основаніи, что только оттуда могли идти тѣ товары, которые по словамъ источника продавали русскіе купцы. Третья — указываетъ на мѣстонахожденіе Артаніи между Византіей, Хазаріей и Болгаріей и отождествляетъ ее съ Азовско-Черноморской Русью. Однако эти аргументы весьма не сильны. Камская Русь Ибнъ-Хаукаля и Ибнъ-Фадлана не упоминается другими источни-

---

[22]) Frähn, Ibn Fosclan... 266, 143; Гаркави, 198—202.

ками, и, слѣдовательно, врядъ ли была настолько значительной областью, чтобы ее можно было принимать въ расчетъ при сравненіи съ Кіевской и Новгородской Русью. Товаръ, который развозятъ руссы, также не даетъ данныхъ для заключеній объ ихъ мѣстожительствѣ, т. к. источникъ не говоритъ, якобы руссы вывозятъ олово и собольи мѣха изъ своей земли, а наоборотъ — называя главный городъ Артаніи Абаркой (или Артой въ позднѣйшихъ источникахъ), говоритъ, что русь привозитъ названный товаръ изъ Арфы, т. е. изъ другого мѣста. Да и другіе источники (Ибнъ-Хордадбехъ и др.) свидѣтельствуютъ, что руссы были торговцами-транзитерами, ѣздившими за своимъ товаромъ въ отдаленнѣйшіе края. Упоминаніе же о томъ, что руссы торгуютъ съ Византіей, Болгаріей и Хазаріей, во-первыхъ, не доказываетъ, что они должны были жить на Черноморьѣ или, въ частности, на Таманскомъ полуостровѣ, а, во-вторыхъ — оно относится не къ Артаніи, а вообще ко всѣмъ руссамъ, т. е. ко всѣмъ тремъ племенамъ. Мнѣ думается поэтому, что единственнымъ способомъ для опредѣленія мѣстонахожденія „третьяго“ племени остается разборъ приведенныхъ именъ.

Принявъ во вниманіе чрезвычайную сбивчивость географической номенклатуры въ параллельныхъ текстахъ, я высказалъ предположеніе,[23] что существовалъ какой-то плохо понятный первоначальный источникъ, которымъ пользовались Арабы X вѣка. Для одного названія третьяго племени имѣемъ варіанты: Артанія, Арсанія, Арзанія, Аусани, Арани, Эрени, Арза. Какъ образовались всѣ эти измѣненія? Откуда взялась Кербая, куда пріѣзжаютъ русскіе купцы? Это во всякомъ случаѣ не Кіевъ, ибо Куяба упомянута особо. Что это за удивительное имя Тлуя для обозначенія Новгорода или его государя? При допущеніи возможности существованія мало понятнаго арабамъ источника можно было бы объяснить эти загадки. Учитывая, что арабы IX—X-го вѣка получали всѣ свѣдѣнія о Восточной Европѣ черезъ хазаръ, и что втеченіе этого времени наиболѣе образованнымъ слоемъ въ Хазаріи были евреи, находившіеся въ непрестанныхъ сношеніяхъ съ соплеменниками, проживавшими въ калифатѣ, я предположилъ, что основной источникъ извѣстія о трехъ племенахъ руси былъ написанъ по-еврейски. При транскрипціи нѣкоторыхъ еврейскихъ словъ арабами легко могли произойти ошибки, объясняемыя какъ большимъ сходствомъ нѣсколькихъ еврейскихъ буквъ, такъ и отсутствіемъ діакритическихъ знаковъ для обозначенія гласныхъ.

Такимъ образомъ получилось имя Тлуя. Это слово по-еврейски означаетъ понятіе „зависимый“, „зависитъ“ (см. напр. V кн. Моисея, гл. 28, ст. 66). Въ источникѣ очевидно стояло: „Другое племя выше перваго, оно называется Славія,

[23]) См. Tréce rusko pleme, Slavia V, 1927, гдѣ приведена предшествовавшая литература. С. Н. Быховский, „К вопросу о трех древнейших центрах Руси“ и А. И. Соболевский, „Третье русское племя“ помѣщаютъ „третье племя“ на Тьмутараканскомъ островѣ (Таманскомъ полуостровѣ), отождествляемомъ съ „Русскимъ островомъ“ арабскихъ писателей, но въ отличіе отъ моей гипотезы имя Артаніи ставятъ въ связь съ древнимъ названіемъ Кубани — Варданъ, Вартанъ, а имя ея столицы Абарка, А. И. Соболевскій читаетъ какъ Аркаба и сопоставляетъ съ Птоломеевскимъ Ἔρκαβον на р. Каркинитѣ. В. Новицкій „Давне Лукомор'я“ (Зап. істор.-филол. відділу Всеукр. Акад. Наук, кн. XXIV. У Київі, 1929) помѣщаетъ Артанію на „Русскомъ островѣ“, но послѣдній находитъ вблизи днѣпровскаго устья, и Артанію отождествляетъ съ уличами.

а царь ея зависитъ“ (отъ перваго, т. е. кіевскаго князя), что дѣйствительно отражаетъ политическое положеніе Новгорода въ концѣ IX-го и въ X-мъ вѣкѣ.

Имя третьяго племени было написано въ источникѣ „арцейну“, что значитъ „наша земля“. Это, слѣдовательно, означаетъ только то, что третья русская область была основана на хазарской территоріи, или находилась въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Хазаріи. Есть много основаній предполагать, что такая область существовала и находилась на Таманскомъ полуостровѣ, тамъ, гдѣ въ концѣ X-го и въ XI-мъ вѣкѣ было Тмутороканское русское княжество.

Имя города, куда пріѣзжаютъ русскіе купцы, было въ источникѣ написано К-рк, и вслѣдствіе большого сходства буквъ кафъ и бетъ (постоянныя ошибки въ еврейскихъ источникахъ) прочитано какъ К-рба. Означаетъ же оно большой хазарскій городъ Керчь, лежащій на западномъ берегу Керченскаго пролива противъ Таманскаго полуострова, куда по свидѣтельству другихъ источниковъ приходили сосѣднія племена для торговли съ греками и хазарскими евреями.

Арфа, откуда русскіе купцы привозятъ соболей и свинецъ — невѣрная транскрипція еврейскаго слова, которое, будучи написано безъ діакритическихъ знаковъ, могло быть прочитано, какъ Арфа, Рафа или Рефа. Несомнѣнно, что въ данномъ случаѣ слѣдуетъ принять послѣднее чтеніе, т. к. Рефа или Рефаа — обычное обозначеніе въ восточныхъ источникахъ далекой сѣверной страны, вѣроятнѣе всего Норвегіи.[24] Оттуда со Скандинавскаго полуострова — должны были русскіе купцы везти пушной товаръ и свинецъ на каспійскіе и черноморскіе рынки.

Что же касается столицы третьяго племени — „Абарка“ — я не смогъ подыскать для этого имени удовлетворительнаго толкованія. Думаю сейчасъ, что оно получилось вмѣсто неясно написаннаго имени М-т-р-к-а, т. е. Матраха — Тмуторокань, главный центръ Таманской Руси. Такимъ образомъ я предлагаю слѣдующую реконструкцію первоначальнаго еврейскаго извѣстія о „трехъ русскихъ племенахъ“, послужившаго основаніемъ для разсказовъ арабскихъ писателей X-го вѣка.

„Русь состоитъ изъ трехъ племенъ. Одно — ближайшее къ Болгаріи и его царь живетъ въ столицѣ по имени Куяба; городъ этотъ больше Болгара. Второе племя, удаленное отъ нихъ, — „Славія“, и его царь зависитъ (отъ перваго). Третье племя — наша земля, и его государь живетъ въ Матрахѣ. Приходятъ люди (къ нимъ ради торговли) до Керчи. Что же касается Матрахи, то не разсказываютъ, чтобы когда-нибудь пришелъ туда иностранецъ, ибо они убиваютъ каждаго иностранца, который приходитъ въ ихъ землю. Сами же они приходятъ водою для торговли; и они не разсказываютъ ничего о своихъ дѣлахъ и своей торговлѣ; также и не пускаютъ никого сопровождать ихъ и приходить въ ихъ землю. Изъ Рефаа (Скандинавіи) вывозятъ они черныхъ соболей и свинецъ...“

Третья русская область является, по этой гипотезѣ, Тмутороканскимъ, Азовско-Черноморскимъ русскимъ княжествомъ, что, какъ упомянуто, предполагалось и ранѣе цѣлымъ рядомъ изслѣдователей на основаніи другихъ соображеній.

---

[24]) О Рефаа см. Вестбергъ, Ж. М. Н. П. 1908, II, 401, 402.

Не имѣя возможности въ данной статьѣ подробно остановиться на доказательствахъ существованія Азовско-Черноморской Руси въ Х-мъ вѣкѣ, позволю себѣ вкратцѣ напомнить главные аргументы въ пользу этой гипотезы. Прежде всего нужно констатировать, что „руссы" на Черномъ морѣ являются уже въ самомъ началѣ IX-го вѣка. Житіе Св. Стефана Сурожскаго описываетъ опустошительный походъ руссовъ по Крымскому побережью „отъ Корсуня до Керчи" въ концѣ VIII или въ началѣ IX-го вѣка. Житіе Св. Георгія Амастридскаго, составленное до 842-го года, разсказывая о нападеніи руси на Амастриду (городъ на южномъ берегу Чернаго моря) называетъ руссовъ народомъ „хорошо всѣмъ извѣстнымъ". Бертинскіе анналы подъ 839-мъ годомъ разсказываютъ о прибытіи въ Ингельхеймъ изъ Константинополя руссовъ, которые изъ Чернаго моря окружнымъ путемъ хотѣли пробраться въ Скандинавію. Ибнъ-Хордадбехъ разсказываетъ о путешествіяхъ руссовъ къ Черному морю въ первой редакціи своего труда, датируемой временемъ до 846-го года. Эти руссы — норманы: они — „шведскаго рода"; ихъ скандинавскіе обычаи арабскіе современные источники сравниваютъ съ обычаями славянъ, подвергающихся непрестаннымъ нападеніямъ руссовъ и служащихъ имъ въ качествѣ рабовъ. Естественно предположить, что, проникая и на черноморское побережье, норманы основывали здѣсь свои гарды — укрѣпленныя факторіи, подобныя тѣмъ, которыя въ это самое время основывались въ земляхъ балтійскихъ славянъ, литовцевъ, финновъ (на Ладожскомъ озерѣ, Бѣломъ озерѣ, на средней Волгѣ и др.) и восточныхъ славянъ (въ Новгородѣ, Изборскѣ, Полоцкѣ, Кіевѣ, на Припяти и т. д.)[25]

Слѣды варяжской колонизаціи на Черноморьѣ сохранились въ топографическихъ именахъ, приводимыхъ итальянскими периплами XIII—XVII в.в. на сѣверномъ берегу Чернаго моря и Азовскаго побережья; Rossa (островъ Тендра), Varaegia, Varangolimena, Varangico, Rossofar, Rossoca, Rossi, Rosso, Русія. Цѣлый рядъ данныхъ заставляетъ предполагать, что тѣ же варяги образовали и русскую (норманскую) колонію на Таманскомъ полуостровѣ (въ то время бывшемъ островомъ), и что къ ней относятся показанія восточнаго источника первой половины IX-го вѣка (Муслима аль Джарми?), дошедшаго въ компиляціи Ибнъ-Ростеха о „Русскомъ островѣ". Этотъ источникъ разсказываетъ, что „русь" живетъ на низкомъ влажномъ островѣ, окружностью въ три дня пути. Во главѣ этой разбойнической колоніи стоитъ государь, котораго источникъ титулуетъ хазарскимъ титуломъ „кагана"; онъ — военный вождь. Отряды руссовъ-островитянъ производятъ нападенія на сосѣднія славянскія области, полонятъ людей и возятъ ихъ на продажу въ прикаспійскіе торговые города. Внутреннее устройство княжества примитивно: въ юридическомъ быту господствуетъ право мести; народное хозяйство не развито, — пашень и луговъ русь не имѣетъ.

[25]) Подробнѣе я старался развить эту мысль въ статьѣ „Норманы въ Восточной Европѣ" (Byzantinoslavica III, 1931). Одновременно съ ней вышло блестящее изслѣдованіе проф. Фасмера »Wikingerspuren in Rußland« (Sitzungsb. der Preussisch. Akad. der Wissensch. Phil. Hist. Klasse 1931, XXIV), въ которомъ авторъ съ присущей ему эрудиціей систематически пересматриваетъ вопросъ о норманской колонизаціи въ Россіи. Особый интересъ представляетъ анализъ географическихъ именъ варяжскаго происхожденія на территоріи Восточной Европы. Новыя данныя открываетъ и проф. Погодинъ въ своей послѣдней статьѣ въ «Slavia», 1932, гдѣ приведены варяжскія поселенія по Великому водному пути.

Эти данныя восполняются показаніями нѣсколькихъ позднѣйшихъ источниковъ. Мукаддеси опредѣляетъ численность русской колоніи въ 100.000 человѣкъ. Аль-Бекри, называя руссовъ „островитянами“, помѣщаетъ ихъ на Черномъ морѣ. Димашки говоритъ о семи русскихъ островахъ на Черномъ морѣ, при чемъ на островахъ находятся уже села и города съ развитымъ хозяйственнымъ бытомъ. Мирхондъ разсказываетъ, что до появленія „руси“ эти острова принадлежали Хазаріи и были подарены русскимъ разбойникамъ каганомъ. Аль-Ауфи и Шабангарей свидѣтельствуютъ, что около 900-го года на Русскомъ островѣ начало распространяться христіанство, но что тамъ было и много мусульманъ.[26]

Вопросъ о „Русскомъ островѣ“ имѣетъ обширную литературу. Искали его и въ Даніи, и въ Скандинавіи, и на Днѣпрѣ, и на Волгѣ, и на Ладожскомъ озерѣ, и на Волховѣ, и въ озерной области на югъ отъ Ильменя, и на Джарылгачской косѣ у Днѣпровскаго устья. Большинство же изслѣдователей (Гедеоновъ, Куникъ, Иловайскій, Голубинскій, Пархоменко и др.), ставя извѣстіе Ибнъ-Ростеха въ связь съ показаніями другихъ источниковъ, отождествили „Русскій островъ“ съ Таманскимъ полуостровомъ, вблизи котораго находится „русская рѣка“ — Донъ и городъ Русія при устьѣ Дона. Указывалось, что въ изучаемую эпоху Таманскій полуостровъ представлялъ собою группу острововъ, о чемъ говорятъ Константинъ Багрянородный и Кіево-Печерскій Патерикъ. Обращалось вниманіе на соотвѣтствіе географическихъ условій этого мѣста арабскимъ описаніемъ Русскаго острова, а также на то, что политическая обстановка въ сѣверо-восточномъ углу Чернаго моря въ теченіе VIII—XI в.в. не противорѣчитъ этой гипотезѣ. Въ VIII-мъ вѣкѣ городъ Матраха на Таманскомъ полуостровѣ принадлежитъ Хазаріи; въ IX—X вѣкахъ нѣтъ извѣстій о его политической жизни; въ самомъ же началѣ XI-го вѣка онъ выступаетъ въ роли политическаго центра восточной окраины Руси. По словамъ Голубинскаго, существованіе княжества Тмутороканскаго представляетъ нерѣшенную загадку, такъ какъ нельзя понять, съ какой цѣлью русскіе утвердили свою власть на столь удаленномъ отъ нихъ кускѣ земли. Если предположить, что на Таманскомъ полуостровѣ руссы нашли колонію своихъ сородичей — отвѣтъ становится яснымъ.[27]

Вмѣстѣ съ тѣмъ получаютъ естественное объясненіе многія неясныя свидѣтельства источниковъ о черноморской руси въ IX-мъ и X-мъ вѣкѣ.

Если повѣрить разсказу Мирхонда о томъ, что хазарскій каганъ подарилъ руссамъ островъ, на которомъ они устроили свое княжество, становится понятнымъ, какъ могъ подъ вліяніемъ сосѣдей-хазаръ явиться у русскаго князя тюркскій титулъ кагана; почему хазарскій источникъ конца IX-го вѣка называетъ область „третьяго“ русскаго племени наша земля. Естественнѣе всего заключить, что отсюда былъ произведенъ набѣгъ на Амастриду въ первой половинѣ IX-го вѣка, а въ 860-мъ году предпринята осада Константинополя (какъ доказывалъ Голубинскій), закончившаяся распространеніемъ христіанства среди рус-

---

26) О всѣхъ этихъ источникахъ см. Вестбергъ, Къ анализу... (Журн. Мин. Нар. Пр. 1908, III) и Mošin, Ruski otok (Jugoslovenska Njiva, 1925, II, № 2—4, Zagreb).

27) Голубинскій, Исторія русской церкви. Первая половина I-го тома, гл. 1.

совъ.[28] Отсюда легко было этой руси нападать на славянскія села на сѣверѣ и отвозить свой товаръ Дономъ и Волгой на каспійскіе рынки. Отсюда, вѣроятнѣе всего, исходила въ 913-мъ году та большая экспедиція руси въ Азербейджанъ, которую подробно описываетъ Масуди: русскій флотъ съ разрѣшенія кагана Дономъ и Волгой прошелъ въ Каспійское море и, опустошивъ его юго-западное побережье, пытался вернуться тѣмъ же путемъ на Черноморье, но былъ по пути уничтоженъ мусульманами. Масуди приписываетъ этотъ походъ тому мощному племени эль-Лудзана, корабли котораго путешествуютъ въ Константинополь, Римъ и Испанію, и по мѣстонахожденію котораго на Черноморьѣ это море получило названіе „Русскаго моря". Нельзя не отождествить это имя „Лудзана" съ областью Лузаніей (Лузнинъ), которую еврейско-хазарскій анонимъ Х-го вѣка называетъ непосредственной сосѣдкой Хазаріи.[29] Здѣсь у Тмутороканскаго князя, по словамъ Льва Діакона, могъ въ 941-мъ году искать помощи Игорь, бѣжавшій послѣ пораженія у Константинополя къ Киммерійскому Босфору. Этого русскаго (таманскаго) князя могъ имѣть въ виду договоръ Игоря съ греками 945-го года, обязывавшій его оборонять крымскія владѣнія грековъ отъ нападеній черныхъ болгаръ, жившихъ на восточномъ берегу Азовскаго моря. Только къ этой, Таманской Руси, можетъ относиться разсказъ хазарскаго анонима о русско-византійско-хазарской войнѣ 943—944 г., закончившейся пораженіемъ русскихъ и неудачнымъ походомъ русскаго князя въ Азербейджанъ, послѣ чего „русскіе снова подпали подъ власть хазаръ".[30] Наконецъ само собою напрашивается предположеніе, что упомянутые готскимъ топархомъ его союзники, родственные съ поданными Святослава, жившіе вблизи Крыма и независѣвшіе отъ сосѣднихъ государей, были черноморскими руссами.

Въ одной изъ моихъ послѣднихъ работъ — „Норманы въ Восточной Европѣ" — разсматривая процессъ норманской колонизаціи на востокѣ, я обратилъ вниманіе на вѣроятность существованія цѣлаго ряда независимыхъ варяжскихъ колоній,

28) Ист. русск. церкви, 1-ая полов. І-го тома; см. также мою статью „Питање о првом покрштењу Руса" въ журналѣ „Богословље" 1930, I—II, Београд.

29) См. Mošin, Tréce rusko pleme (Slavia, V). Недавно А. Я. Лавровскій возражалъ противъ этого отождествленія на томъ основаніи, якобы, встрѣчающаяся въ „Золотыхъ Лугахъ", форма Лудзана ошибочно создана переписчиками вмѣсто имени Кудкана, приведеннаго въ „Китаб-ат-Тенбихѣ", которое должно обозначать кіевлянъ (Олег і Хельгу хазарського документу. Київській Збірник Історії й археології... I, Київ 1931). Позволю себѣ обратить вниманіе уважаемаго оппонента, что изъ всѣхъ формъ этого имени именно форма Kûdkâna встрѣчается рѣже всего, и притомъ она стоитъ далеко отъ предполагаемаго имени Куябана. Вслѣдствіе этого даже Вестбергъ, не вѣрившій въ существованіе другой руси кромѣ кіевской и скандинавской, не рѣшился присоединиться къ этому толкованію, и скорѣе былъ склоненъ видѣть въ данномъ имени норвежцевъ (N-rvêgîa). Содержаніе же разсказа Масуди о походѣ этой Лудзана въ Табаристанъ совершенно исключаетъ возможность видѣть въ ней кіевскую русь. Какъ могла лѣтопись забыть объ этомъ походѣ 15-20.000-го войска на востокъ? Да и событія, относимыя лѣтописью къ данному времени (914 г.), не могли позволить Игорю послать большое войско въ далекую экспедицію. Наконецъ, какъ объяснить прибытіе этого войска въ Хазарію изъ Чернаго моря, а не Донцомъ и Дономъ, если этотъ походъ предпринятъ кіевской русью? (См. Slavia V, 776—779).

30) См. мои статьи: „Еще о новооткрытомъ хазарскомъ документѣ", Сборникъ Русск. Археол. Общ. въ Корол. С. Х. С., Бѣлградъ, 1927, «Les Khazares et les Byzantins d'agrès l'Anonyme de Cambridge, Byzantion, VI, 1931, а также рецензію на книгу Бруцкуса въ «Seminarium Kondakovianum» III, 1929.

основывавшихся вблизи всѣхъ большихъ рѣкъ Сарматской низменности, ея торговыхъ путей. Намѣтивъ длинный рядъ такихъ предполагаемыхъ скандинавскихъ центровъ, я высказалъ и нѣсколько предположенiй относительно процесса постепеннаго объединенія этихъ независимыхъ варяжскихъ центровъ, вмѣстѣ съ окружающими ихъ данническими областями, въ бóльшія области — варяжскія княжества. Этотъ, происходившій на зарѣ русской исторіи, процессъ, хотя и очень туманно, но все-таки замѣтенъ въ южной, Приднѣпровской, Руси. Труднѣе угадываемъ онъ на сѣверѣ, въ Новгородской области. Но во всякомъ случаѣ, даже въ серединѣ X-го вѣка эти области еще не потеряли характеръ болѣе или менѣе самостоятельныхъ государственныхъ образованій: Багрянородный противопоставляетъ Новгородскую, „внѣшнюю Русь" Святослава, Кіевской. А какъ происходилъ этотъ процесъ расширенія Кіевскаго княжества, путемъ включенія самостоятельныхъ областей, на востокѣ — совсѣмъ не извѣстно. Все же нѣкоторые намеки источниковъ (Левъ Діаконъ, договоръ Игоря съ греками 945-го года, Кембриджскій Анонимъ, Записка Готскаго топарха) позволяютъ предполагать, что въ серединѣ X-го вѣка вліяніе Кіевской Руси уже ощущалось въ Приазовьѣ, хотя Таманская Русь въ это время была еще самостоятельна. Константинъ Багрянородный, описывая сѣверное Черноморье, не упоминаетъ о протяженіи власти Кіевской Руси до Азовскаго моря, а, наоборотъ, описываетъ Таманскіе острова какъ особую область — Матраху съ главнымъ городомъ Таматархой-Тмутороканью, наряду съ Зихіей и другими самостоятельными кавказскими княжествами.[81]

VI

Такимъ образомъ, смѣю думать, что восточные писатели, разсказывающіе о раздѣленіи руссовъ на три племени, подразумѣваютъ подъ третьимъ русскимъ племенемъ, Артаніей, русское княжество, основавшееся въ началѣ IX-го вѣка на Таманскомъ полуостровѣ. и постепенно подчинившее своему вліянію или власти сосѣднія норманскія колоніи на Черноморьѣ, подобно тому, какъ Новгородская Русь объединила варяжскіе центры въ области Ильменскихъ славянъ, кривичей, чуди и веси, а Кіевская — приднѣпровскія племена. Говоря о раздѣленіи Руси на три области, источникъ конца IX-го или начала X-го вѣка отразилъ реальную политическую обстановку современной ему Восточной Европы. При этомъ, конечно, нельзя упускать изъ виду, что не только въ концѣ IX-го, но и въ теченіе всего X-го, а м. б. даже и въ XI-мъ вѣкѣ существовали и другіе, независимые или полу-независимые варяжскіе центры, разбросанные въ разныхъ углахъ Восточной Европы (вродѣ извѣстныхъ намъ княжествъ Рогволода и Тура и неизвѣстнаго центра на Камѣ, о которомъ упоминаетъ Ибнъ-Хаукаль). Однако очевидно, что во второй половинѣ X-го столѣтія въ сравненіи съ тремя главными областями — Кіевской, Новгородской и Черноморской Русью — эти центры были малозначительными образованіями и въ политической жизни Восточной Европы сколько нибудь видной роли играть не могли.

---

[81]) De adm. imp. cap. 42.

Откуда же исходилъ разбойничій походъ Руси въ Хазарію 969-го года? Вполнѣ очевидно, что разрушить нѣсколько большихъ городовъ и опустошить наиболѣе богатыя области государства, обладающаго войскомъ въ нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ,[82] могла лишь очень сильная разбойническая флотилія. Слѣдовательно, походъ 969-го года могъ быть предпринятъ только изъ какого-нибудь большого варяжскаго центра. Выше приводились аргументы, доказывающіе, что эти руссы не могли быть ни норманами изъ Скандинавіи, ни войскомъ кіевскаго князя Святослава. Еще невѣроятнѣе было бы предположеніе, что походъ въ Хазарію предпринятъ изъ Новгорода. Во-первыхъ, Новгородъ въ это время былъ тѣсно связанъ съ Кіевской Русью и его отряды должны были въ то время быть вмѣстѣ со Святославомъ въ Болгаріи. Во-вторыхъ, если бы оставшіяся на сѣверѣ дружины и рискнули пойти въ 969-мъ году на Волгу, врядъ ли онѣ могли быть достаточно многочисленными для разгрома Волжской Болгаріи и Хазаріи. Въ-третьихъ, если бы имъ и удалось разгромить эти государства, онѣ, конечно, вернулись бы домой прямой дорогой по Волгѣ, и врядъ ли бы рѣшились идти обходнымъ путемъ черезъ Римъ и Испанію, почти навѣрное расчитывая на то, что византійскій флотъ не пропуститъ черезъ Босфоръ и Дарданеллы подданныхъ Святослава, съ которымъ греки въ это самое время вели войну. Наконецъ, было бы совершенно непонятно, какъ могла русская лѣтопись забыть о такомъ важномъ фактѣ, какъ полный разгромъ русскими войсками сосѣдняго сильнаго государства, съ которымъ кіевскій князь велъ войну за четыре года передъ этимъ.

Такимъ образомъ, остается предположить, что въ 969-мъ году походъ въ Хазарію былъ предпринятъ Азовско-Черноморской Русью.

VII

Попытаемся возстановить гипотетическую картину взаимоотношеній Хазаріи, Кіева и Тмуторокани въ интересующій насъ періодъ.

Въ 945-мъ году Игорь, старавшійся усиленной данью съ подвластныхъ племенъ возмѣстить расходы, вызванные двумя походами противъ Византіи, палъ въ землѣ древлянъ, оставивъ престолъ ребенку Святославу и вдовѣ Ольгѣ. Отомстивъ за смерть мужа взбунтовавшемуся племени рядомъ жестокостей, Ольга обращаетъ все вниманіе на правовое и экономическое благоустройство Руси и на возобновленіе прежнихъ оживленныхъ торговыхъ связей съ Византіей. Въ это время Таманская Русь, предоставленная своей судьбѣ и ослабленная тремя неудачными войнами 943—944-го года съ хазарами, греками и съ калифатомъ, должна была попасть въ сильнѣйшую зависимость отъ Хазаріи, о чемъ, какъ упоминалось выше, свидѣтельствуетъ Хазарскій Анонимъ.

Новыя условія создались въ Восточной Европѣ съ восшествіемъ на кіевскій престолъ храбраго Святослава. Въ теченіе двадцатилѣтняго правленія Ольги, которое лѣтописецъ называетъ мудрымъ, волненія успокоились, взбунтовавшіяся

[82]) Хазарское войско составляли: 1) мусульманская гвардія — „ларсія“ въ 12.000 воиновъ, 2) феодальныя дружины, приводимыя „богатыми людьми“ пропорціонально количеству доходовъ, 3) вспомогательные отряды, выставляемые подчиненными племенами (напримѣръ 10.000 буртасовъ).

племена тяжело заплатили за свое возстаніе, точно опредѣленные „уставы и уроки“ вернули, вѣроятно, государству экономическое благосостояніе, и пришло время для рѣшенія вопроса о присоединеніи послѣднихъ, оставшихся независимыми, славянскихъ племенъ, а м. б. и о поискахъ новыхъ рынковъ, которые освободили бы Кіевъ отъ экономической зависимости отъ Византіи. Выше упоминалось, какъ Святославъ пытался завершить, начатое въ IX-мъ вѣкѣ, объединеніе славянскихъ племенъ присоединеніемъ вятичей, жившихъ по Окѣ и верхнему Дону. Въ 965-мъ году Святославъ идетъ на Донъ, расчитывая уничтожить хазарскую власть въ Подоньѣ и Приазовьѣ. Отодвинутая къ самой Волгѣ и Каспію, Хазарія не могла представлять собою опаснаго соперника, и это было причиной, почему Святославъ не пошелъ въ Поволжье, а напалъ на Саркелъ, самую сильную базу хазарской власти въ Подоньѣ. Разрушивъ его и разбивъ хазарское войско, онъ пошелъ на югъ по восточному берегу Азовскаго моря, имѣя, повидимому, единственную цѣль — отодвинуть хазаръ къ Волгѣ и Каспію. Такимъ образомъ, Святославъ дошелъ до кавказской степной полосы, гдѣ побѣдилъ аланскія племена, и затѣмъ вернулся на сѣверъ, а въ слѣдующемъ году окончательно упрочилъ свою власть надъ вятичами.

Завладѣлъ ли Святославъ въ теченіе этой войны Тмутороканью? Лѣтопись объ этомъ ничего не говоритъ, но нужно думать, что идя, по азовскому берегу, онъ не могъ не обратить вниманія на это княжество, которое, находясь при выходѣ изъ Мэотиды, держало въ своихъ рукахъ торговлю Подонья съ Чернымъ моремъ и которое, по всей вѣроятности въ союзѣ съ готами, помогало ему въ хазарской войнѣ. Поэтому приходится спросить: почему Святославъ, имѣя въ рукахъ черноморскій портъ на Таманскомъ полуостровѣ, не задержалъ его, а, вернувшись въ Кіевъ, обратилъ все свое вниманіе на западъ, къ Дунаю?

Пройдя огромное пространство отъ Кіева до Тмуторокани, Святославъ понялъ, что земли по этому пути богаты тѣмъ же сырьемъ, которое имѣло и его Приднѣпровье; что продавать это сырье на востокъ при существующихъ отношеніяхъ съ Хазаріей онъ не могъ и, слѣдовательно, долженъ былъ слать его своему старому кліенту — Византіи. Благодаря этому вся область по Дону и Донцу должна была бы слать свои товары кратчайшимъ путемъ въ Матраху, а Кіевъ потерялъ бы большую область, которая до того тянула къ Днѣпровскому пути. Расширеніе торговыхъ операцій Тмуторокани могло ослабить доходы Кіева и потому Святославъ, какъ кіевскій князь, могъ пожертвовать Матрахой въ пользу своей столицы. Съ другой стороны, Тмуторокань въ данное время не могла представлять для Кіева большого интереса съ точки зрѣнія транспортированія восточныхъ товаровъ: арабская торговля съ Поволжьемъ въ это время чрезвычайно ослабѣла, да и отношенія Руси съ Хазаріей были прерваны.[88] Наконецъ, новый торговый путь нуждался для защиты отъ кочевниковъ въ значительной военной силѣ, а оттягиваніе отрядовъ съ Днѣпра уменьшило бы безопасность путешествій по днѣпровскому торговому пути. Эти, а можетъ быть и другія соображенія, заставили Святослава оставить Тмуторокань, но, судя по всему, послѣ 965-го года онъ ею не владѣлъ. Уходя въ Болгарію, онъ размѣстилъ своихъ

[88]) См. Знойко, Ж. М. Н. Пр. 1908, XII.

дѣтей по областямъ на волховско-днѣпровскомъ пути (Ярополка въ Кіевѣ, Олега въ Древлянской землѣ, Владиміра въ Норгородѣ), что указываетъ на его заботы только о пути „изъ Варягъ въ Греки".

Однако, война Святослава съ хазарами должна была имѣть важныя послѣдствія для Тмутороканской Руси. Можно предполагать, что въ теченіе двадцати лѣтъ, протекшихъ отъ неудачнаго азербейджанскаго похода до войны Святослава, Азовское княжество возстановило свои силы. Именно къ этому промежутку времени (957 г.) относится свидѣтельство Масуди о могуществѣ черноморскихъ руссовъ и объ ихъ путешествіяхъ въ Средиземное море. Съ другой стороны, и условія политической жизни Хазаріи въ это время были тяжелыми. Экономическій кризисъ въ связи съ замираніемъ арабской торговли, давленіе мощныхъ сосѣдей и внутренняя борьба между евреями, съ одной стороны, и мусульманами и христіанами, съ другой, ослабили ея мощь. Можетъ быть и руссы вмѣшивались при случаѣ въ эти внутренніе раздоры Хазаріи и помогали ея противникамъ (напр. крымскимъ готамъ въ 962 г.), ожидая подходящаго момента для окончательнаго освобожденія отъ хазарскаго суверенитета. Такой поводъ дала война Святослава. Послѣ взятія Саркела, уничтоженія хазарскаго войска и отхода хазаръ отъ Азовскаго побережья Таманское княжество должно было сдѣлаться независимымъ. Весьма вѣроятно, что послѣ ухода Святослава оно быстро распространилось по восточному берегу Азовскаго моря и, возстановивъ изъ развалинъ разоренный Саркелъ, претворило его въ знаменитую впослѣдствіи „Русію". Можетъ быть, попытки Хазаръ вернуть эту крѣпость, а, можетъ быть, и простое желаніе руссовъ обогатиться на счетъ ослабленнаго сосѣда, вызвали походъ руси на Волгу въ 969-мъ году. Старой извѣстной дорогой, вверхъ по Дону пошли они къ Волгѣ, поднялись по ней до Булгара, разгромили его; затѣмъ пошли внизъ по рѣкѣ, опустошая прибрежныя села буртасовъ и хазаръ; дошли до Итиля, разрушили его и, пройдя въ Каспійское море, ограбили сѣверо-западное побережье, разгромивъ и второй по величинѣ хазарскій городъ — Самандаръ. Тѣмъ же путемъ вернулись они на Черноморье и отправились продавать награбленное добро на европейскіе рынки.

Отъ 969-го года до послѣдняго десятилѣтія X-го вѣка снова нѣтъ никакихъ извѣстій о русско-хазарскихъ отношеніяхъ. Святославъ послѣ 965-го года не интересовался дѣлами на Востокѣ, также какъ и его сыновья, междоусобная распря которыхъ помѣшала имъ задержать даже власть надъ радимичами и вятичами. Лишь Владиміру удалось снова подчинить эти племена, и къ его же времени относится первое извѣстіе о подчиненіи Кіеву Тмуторокани. Смѣю думать, что только при этомъ князѣ Тмуторокань присоединилась къ Кіеву (по всей вѣроятности во время корсунскаго похода Владиміра), но, къ сожалѣнію, разросшійся объемъ статьи не позволяетъ мнѣ подробно остановиться на этомъ вопросѣ.

В. Мошинъ.

Панчево, Югославія.

IC
XC
О
Ѡ
Н

ИКОНА СПАСИТЕЛЯ ИЗЪ СОБРАНІЯ К. Т. СОЛДАТЕНКОВА

Икона Спасителя, принадлежавшая извѣстному собирателю Кузьмѣ Терентьевичу Солдатенкову, издавна приписывалась рукѣ Андрея Рублева, считалась чудотворной и пользовалась, особенно среди старообрядцевъ, исключительной славой. „Солдатенковскій Спасъ" былъ хорошо извѣстенъ иконникамъ, не разъ упоминался въ литературѣ, но никогда еще не былъ ни изданъ, ни описанъ. Н. П. Кондакову не пришлось увидѣть образа.[1]

Послѣднимъ упоминаетъ его И. Грабарь въ своемъ очеркѣ, посвященномъ Андрею Рублеву.[2]

Происхожденіе иконы неясно. Н. П. Лихачевъ,[3] а за нимъ и И. Грабарь могли установить только, что „во времена К. Т. Солдатенкова въ этой иконѣ видѣли ту самую, которую Рублевъ написалъ для Спасо-Андроникова монастыря, — работа, за которой изобразилъ его миніатюристъ лицевой рукописи Троице-Сергіевой лавры.[4] Разсказывали, будто во время одного изъ очередныхъ ремонтовъ икона была подмѣнена, куплена какимъ то огородникомъ, у котораго пріобрѣлъ ее уже Солдатенковъ. Н. П. Лихачевъ справедливо замѣчаетъ, что эта «легенда могла бы претендовать на достовѣрность, если бы не распалась на нѣсколько редакцій», ибо освѣдомленные люди увѣряли, что все дѣло происходило не въ Спасо-Андрониковомъ, а въ Саввиномъ Сторожевскомъ

---

[1]) „Къ крайнему сожалѣнію, мы не имѣли возможности видѣть въ оригиналѣ извѣстной (по слухамъ) всѣмъ любителямъ иконописи иконы Спаса письма Рублева, принадлежавшей нѣкогда извѣстному русскому меценату прошлаго вѣка К. Т. Солдатенкову и перешедшей (по слухамъ) въ Рогожскій монастырь. Образъ этотъ славился, вѣроятно, не даромъ... Отсюда понятный интересъ иконы К. Т. Солдатенкова, собравшаго рядъ первоклассныхъ иконъ, и желаніе, чтобы она была издана въ точномъ снимкѣ". Н. П. Кондаковъ. Русская Икона IV, стр. 228—229. Исполняя желаніе учителя, даемъ краткое предварительное описаніе иконы, вполнѣ сознавая, что настоящее изслѣдованіе Солдатенковскаго Спаса во всемъ его значеніи можетъ быть осуществлено только послѣ расчистки и раскрытія образа. Настоящая статья имѣетъ лишь предварительный характеръ.

[2]) И. Грабарь. Андрей Рублев. Очерк творчества художника по данным реставрационных работ 1918—1925 гг. Вопросы Реставрации. I. Сборник центр. гос. рест. маст. М. 1926. Стр. 16.

[3]) Н. П. Лихачевъ. Манера письма Андрея Рублева. О. Л. Д. П. CXXVI. 1907. Стр. 54 сл.

[4]) Миніатюра изъ рукописнаго житія св. Сергія Радонежскаго XVI вѣка, изданная у И. Грабаря, изображаетъ Андрея Рублева за работой на лѣсахъ въ Спасо-Андрониковомъ монастырѣ и пишущаго на стѣнѣ ликъ Спасителя, представляющій, насколько можно различить, скорѣе Нерукотворный Образъ, чѣмъ оплечную икону Христа.

монастырѣ. Высказывалась даже догадка, что самое появленіе легенды было обязано тому обстоятельству, что безъ нея скупой К. Т. Солдатенковъ не заплатилъ бы весьма крупной суммы за образъ, несмотря на его необыкновенно высокое письмо. Старые иконники опредѣленно утверждаютъ, что этотъ «Спасъ» дѣйствительно былъ выкраденъ въ свое время изъ Звенигородскаго монастыря, будучи подмѣненъ во время реставраціи. Это подтверждается тѣмъ, что и тамъ по сіе время находится точная копія съ него, относящаяся по характеру письма къ серединѣ XIX вѣка.[5] Такъ это или нѣтъ, но Солдатенковскій «Спасъ» — единственная икона, не противорѣчащая нашему сегодняшнему представленію о Рублевѣ".[6]

Съ несомнѣнностью можно установить лишь одно, что Солдатенковскій Спасъ былъ купленъ Кузьмой Терентьичемъ въ 60-хъ годахъ и водворенъ въ моленную при его домѣ на Мясницкой.

Размѣръ иконы — 88,8 *см* × 70,5 *см.* Толщина доски — 3,3 *см.* Ковчегъ глубиною 5 *мм.* Ширина полей боковыхъ — 7,5 *см,* верхняго и нижняго — 9,6 *см.* Доска липовая, склеенная изъ трехъ кусковъ и скрѣпленная двумя поперечными дубовыми шпонками и шестью дубовыми скрѣпами. Дубовыя шпонки имѣютъ фигурный профиль. Концы шпонокъ, приблизительно на 11—12 *см,* сглажены. Дерево совершенно цѣло, въ прекрасномъ состояніи, нѣтъ никакихъ слѣдовъ червоточины или тлѣнія. Задняя поверхность доски зачернена жидкой краской. На боковыхъ сторонахъ (на толщинѣ доски) отверстія — слѣды гвоздей, когда-то прикрѣплявшихъ къ иконѣ окладъ или ризу. На верхнемъ и нижнемъ торцѣ изъ подъ левкаса выходитъ холстъ, подклеенный къ доскѣ; холстъ льняной, плотный и не толстый. Между склеенными досками съ задней стороны въ настоящее время щели. На лицевой сторонѣ трещинъ нѣтъ, за исключеніемъ небольшой (длиною 3 *см*) трещинки въ правомъ нижнемъ углу на стыкѣ досокъ.

Икона представляетъ оплечный образъ Спасителя (табл. XV, XVI)) съ крещатымъ нимбомъ и надписями по сторонамъ:

ГДЬ ВСЕДЕ РЖИТЕЛЬ

Наверху въ углахъ: **ІС** и **ХС**, и на нимбѣ: **Ѿ О Н**.

Письмо покрыто слоемъ закопченой олифы и трудно различимо въ деталяхъ и въ тонахъ. Насколько можно судить по отдѣльнымъ мѣстамъ, гдѣ олифа стерта или повреждена, ликъ писанъ очень свѣтлой охрой, волосы тоже охрой, но болѣе темнаго тона. Охренье лика кажется ровнымъ, безъ высвѣтленій и безъ тѣней, насколько это можно различить подъ слоемъ темной олифы. Глаза, носъ, ротъ и борода прорисованы тонкимъ, увѣреннымъ, но нѣсколько схематическимъ рисункомъ коричневыхъ линій, и только подъ глазами — у зрачка и около носа —

---

[5]) Другая версія утверждаетъ, что Спасъ былъ подмѣненъ и взятъ изъ несуществующей нынѣ часовни у Каменнаго моста (?).

[6]) И. Грабарь. Андрей Рублевъ, стр. 16—17.

чуть тронуты бѣлыя оживки. Въ общемъ письмо поражаетъ своей графичностью, мѣстами (какъ напр., борода) доходящей до чистой схемы. Нѣкоторое исключеніе составляетъ только болѣе живописная трактовка волосъ.

Опись глазъ построена почти исключительно на графическомъ сочетаніи линій. Верхнее вѣко подчеркнуто темно-коричневой толстой чертой, сходящей по концамъ на нѣтъ. Бѣлокъ почти той же силы охры, что и на ликѣ: чуть свѣтлѣе, подъ олифой почти не отличимъ отъ тона лика. Овальная радужница коричневая, съ темнымъ коричневымъ контуромъ, утолщеннымъ въ лѣвой нижней части; зрачекъ черный. Глазное яблоко отъ нижняго вѣка не отдѣлено замѣтной линіей а лишь болѣе темное вохренье съ большимъ трудомъ даетъ различить въ настоящее время границу. На самомъ нижнемъ вѣкѣ двѣ морщинки, написанныя темной охрой, сходящіяся къ угламъ глаза, подчеркнуты внизу еще легкимъ штришкомъ бѣлилъ. На бѣлкѣ съ лѣвой нижней стороны радужницы — блики бѣлилами. У лѣваго глаза двѣ или три параллельныхъ бѣлыхъ движки, идущія почти горизонтально подъ наружнымъ угломъ. У праваго глаза — двѣ или три бѣлыхъ движки, подчеркивающія нижнее вѣко и протянутыя отъ наружнаго угла глаза внизъ къ носу. Оживки какъ бы подчиняются общему движенію — налѣво внизъ. Двѣ бѣлыхъ черточки отмѣчаютъ внутренніе углы глазъ. Глазная впадина, насколько это можно разсмотрѣть сейчасъ, не темнѣе остального лика. Брови нарисованы тонкими коричневыми линіями, разбѣгающимися отъ носа и слегка поднимающимися вверхъ. Два тонкихъ штришка надъ каждой бровью усиливаютъ ихъ выраженіе. Носъ, имѣющій легкій наклонъ вправо, очерченъ двумя линіями, идущими отъ бровей, постепенно сходясь внизъ и образуя маленькое расширеніе на переносицѣ, затѣмъ съужаясь, и, наконецъ, расширяясь въ мягкій овалъ у самаго конца. Правая линія темнѣе и рѣзче лѣвой, и усилена еще легкой тѣнью съ обѣихъ сторонъ. Лѣвая линія оттѣнена внизу у кончика носа, внутри — легкое высвѣтленіе бѣлиломъ. Ноздри обрисованы круглыми коричневыми контурами, соединяющимися съ линіей, обводящей конецъ носа. Правая ноздря нѣсколько меньше лѣвой. Ротъ нарисованъ изогнутой линіей съ опускающимися внизъ концами, подъ которой красноватый тонъ опредѣляетъ нижнюю губу. Короткая верхняя губа — красная, надъ ней бѣлая движка. Семь или восемь коричневыхъ линій рисуютъ маленькіе, опущенные книзу усы, надъ которыми подъ лѣвой ноздрей — бѣлая оживка. Волосы, обрамляющіе ликъ, отдѣлены темно-коричневой линіей, остро сходящейся наверху, гдѣ двѣ тоненькія черточки, опущенныя внизъ, передаютъ едва замѣтно обычную прядку волосъ, спускающуюся на лобъ. Волнистая линія волосъ, обрамляющая лицо, расширяется ниже висковъ, образуя полукруги, условно передающіе полузакрытое волосами ухо. Съ лѣвой стороны контуръ волосъ увѣренной кривой спускается къ шеѣ, съ правой стороны соотвѣтственно выгнутая наружу линія характерно и напряженно подчеркиваетъ шею. Борода намѣчена только чисто графическимъ пріемомъ рядами штриховъ, образующими внизу двѣ группы концентрическихъ завитковъ, условно передающихъ раздѣленную по серединѣ бороду. Волосы, обрамляющіе ликъ, напротивъ, написаны чрезвычайно широко въ совершенно иной манерѣ. По темной охрѣ идутъ волнистыя мягкія пряди, прописанныя коричневымъ тономъ разной силы. Шея такого же ровнаго вохренья, безъ слѣдовъ

обрисовки мускулатуры. Хитонъ темно-красный, обильно покрытый ассисткой, гиматій — празелень (или голубецъ?) съ пробѣленными схематическими прямыми складками.

Фонъ — свѣтло-желтой охры, значительно свѣтлѣе всей остальной иконы, нимбъ тоже желтый, но чуть темнѣе фона. Надписи и крестъ — красная киноварь. Голова оконтурена тонкой линіей золота, не вездѣ, впрочемъ, сохранившейся. На самомъ краю иконы рамка изъ коричневой и красной полосъ.

Таковъ общій видъ иконы въ настоящее время.

Даже при первомъ осмотрѣ бросается въ глаза разнохарактерность и разновременность письма. Постараемся предположительно разрѣшить, какія части иконы сохраняютъ старое письмо. Совершенно несомнѣнно, что доска иконы новая, слегка пожелтѣвшее дерево совершенно цѣло, крѣпко и не имѣетъ ни малѣйшихъ слѣдовъ поврежденій, связанныхъ съ временемъ. Такъ же легко замѣтить, что весь фонъ иконы и нимбъ переписаны вновь. Краска свѣтлая, плотная и ровная. Нѣтъ никакихъ выпаденій и выемокъ, кромѣ двухъ совершенно свѣжихъ царапинъ, обнаживших левкасъ на нижнемъ полѣ. Поверхность фона у нимба чуть выше остальной поверхности иконы, что, несомнѣнно, указываетъ на позднѣйшую прописку фона съ подкладкой новаго левкаса. Слой олифы здѣсь тоньше и прозрачнѣе.

Труднѣе значительно разобраться въ исправленіяхъ и реставраціяхъ письма самого лика уже потому, что грязный слой олифы плотно закрываетъ письмо. Весь ликъ покрытъ сѣтью мелкихъ трещинъ, совершенно отсутствующихъ на фонѣ. Поверхность не совсѣмъ ровная, есть припухлости, но не вслѣдствіи отставанія левкаса. Наиболѣе замѣтный рубецъ проходитъ почти горизонтально черезъ ротъ.

Черезъ потемнѣвшій слой олифы почти невозможно установить слѣды исправленій и новой прописки, но все же по красноватому тону и неровной поверхности можно предположить о дополненіяхъ или исправленіяхъ на нижней части лика, на бородѣ и, можетъ быть, надъ правой бровью. Все остальное въ письмѣ лика какъ будто принадлежитъ одному времени и не содержитъ видимыхъ слѣдовъ починки. На волосахъ отсутствуетъ та сѣть мелкихъ трещинъ, которая покрываетъ ликъ, что даетъ возможность предполагать позднѣйшую прописку.

Болѣе значительныя данныя дало дальнѣйшее изученіе иконы съ помощью лучей Рентгена, которое, впрочемъ, по отсутствію у Института средствъ, не могло быть доведено до конца.[7] Предварительное просвѣчиваніе сразу же дало очень важныя указанія, показавъ границу между старой иконой и позднѣйшими дополненіями, связанными съ укрѣпленіемъ ея на новой доскѣ (см. рис. 1). Съ лѣвой стороны почти на всю ширину доски (лѣвой) — все новое. Съ правой стороны граница идетъ вкось наверхъ и вправо, внизу — ломанной линіей въ 3 сантиметрахъ отъ рубца ковчега. Эта нижняя граница легко прощупывается

[7]) Приношу глубокую благодарность Д-р П. М. Скулари, взявшему на себя большую и трудную работу по просвѣчиванію и фотографированію иконы.

и видна на поверхности иконы. Вся средняя часть иконы оказалась значительно темнѣе, чѣмъ боковые края. Далѣе, на лѣвомъ плечѣ гиматій въ предѣлахъ старой иконы имѣетъ болѣе четко прочерченныя складки, обрывающіяся на грани новаго письма, то же, но не такъ ясно было замѣтно и на правомъ плечѣ. На самомъ ликѣ можно было замѣтить темныя полосы, изъ которыхъ одна проходила горизонтально черезъ глаза, другая подъ угломъ къ ней внизъ по правой щекѣ, и третья — почти горизонтально черезъ нижнюю часть рта, вполнѣ соотвѣтствуя отмѣченной выше припухлости, наблюдаемой простымъ глазомъ.

Сфотографирована была только средняя часть лика. Какъ и слѣдовало ожидать, фотографія дала значительно болѣе ясное представленіе. Прежде всего, четко обнаружилась фактура холста, рѣдкаго и грубаго, на которомъ написана икона. Можно предположить, что средняя часть иконы, казавшаяся при просвѣчиваніи болѣе темной, соотвѣтствуетъ древней иконѣ, написанной на холстѣ и перенесенной на новую доску. Темная полоса, проходящая черезъ глаза, связана съ разрывомъ холста и, вѣроятно, съ позднѣйшими исправленіями этого мѣста. Главные контуры лика, выступившіе на фотографіи съ помощью лучей Рентгена, оказались какъ будто совершенно отвѣчающими видимому слою живописи. Слѣдуетъ думать, что позднѣйшая прописка совершенно точно совпала съ основными контурами древней иконы.

Ясно видны всѣ бѣлильныя оживки, абсорбирующія лучи и дающія на фотографіи бѣлыя пятна, онѣ даже лучше видны, чѣмъ на самой иконѣ. Четыре лучеобразныхъ движки идутъ отъ лѣваго глаза и три бѣлыхъ штриха подчеркиваютъ правый глазъ. Хорошо замѣтны: высвѣтленія подъ глазницами и рѣзкіе блики лѣвѣе зрачковъ, пробѣлка по лѣвому краю носа, черточка надъ лѣвымъ усомъ и рѣзкая движка на верхней губѣ. Легкое высвѣтленіе надъ бровями на самой иконѣ не различимо. Явственно выступаютъ болѣе темныя глазницы, тѣнь вдоль носа и круглые зрачки. На иконѣ глазницы кажутся писанными охрой того же тона, что и остальной ликъ.

Фотографія съ помощью рентгеновскихъ лучей кромѣ того очень ясно показываетъ множество мелкихъ трещинъ, покрывающихъ ликъ. Сѣть этихъ трещинъ совершенно не соотвѣтствуетъ трещинкамъ, видимымъ на поверхности иконы простымъ глазомъ. Очевидно, что онѣ образовались не на томъ слоѣ, который сейчасъ находится на поверхности иконы, но на болѣе глубокомъ старомъ слоѣ левкаса.

Постараемся построить предположительную схему возможныхъ наслоеній и исправленій, скрывающихся подъ потемнѣвшей олифой. Прежде всего слѣдуетъ констатировать, что всѣ позднѣйшія прописки точно повторяли контуры первоначальной иконы. Нѣтъ никакихъ свѣдѣній объ реставраціи иконы послѣ того, какъ она была установлена въ моленной К. Т. Солдатенкова, но слѣдуетъ предположить, что при покупкѣ иконы могли быть сдѣланы исправленія и икона была закрыта ризой. Во всякомъ случаѣ, послѣднюю реставрацію вѣроятнѣе всего отнести къ серединѣ XIX вѣка, ко времени, когда икона перешла въ собственность К. Т. Солдатенкова. Несомнѣнно, что при этой послѣдней реставраціи былъ исправленъ весь фонъ иконы и прописаны охрой поля и нимбъ, причемъ съ

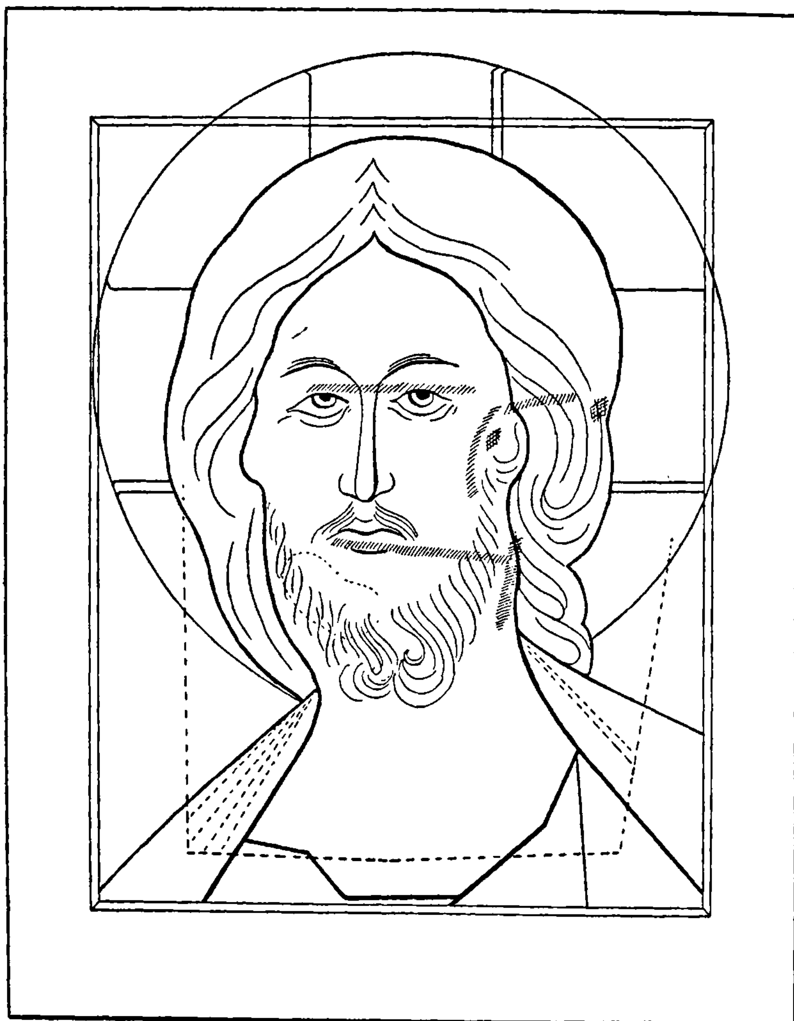

Рис. 1.

явнымъ разсчетомъ на то, что они будутъ закрыты окладомъ. Можетъ быть, къ этой послѣдней реставраціи можно отнести и переносъ иконы на новую доску — настолько хорошо состояніе дерева. При этомъ переносѣ были обрѣзаны, вѣроятно, пострадавшіе отъ тлѣнія, нижніе края образа и добавлены новыя части по бокамъ иконы. Въ такомъ случаѣ должны были быть прописаны заново одежды и шея, но разная толщина и окраска слоя олифы какъ будто противорѣчитъ этому предположенію. Во всякомъ случаѣ, основное письмо лика при этой послѣдней реставраціи не было затронуто. Въ отличіе отъ полей и одежды, ликъ покрытъ сѣтью мелкихъ трещинъ, безспорно свидѣтельствующихъ объ относительно бóльшей древности этой части письма.

Замѣтныя для глаза исправленія на подбородкѣ, отличающіяся болѣе красноватымъ тономъ охры и обнаруженный при просвѣчиваніи разрывъ холста указываютъ, по крайней мѣрѣ, на двоекратное исправленіе старой живописи.

За счетъ второй, болѣе ранней реставраціи, время которой не можетъ быть точно установлено (предположительно можно говорить о XVII вѣкѣ), должно быть отнесено письмо лика, видимое въ настоящее время. Между этой пропиской и послѣдней реставрацией происходила починка частей иконы — подбородка и бороды. Обнаружившійся при фотографированіи растрескавшійся слой левкаса подъ ликомъ — долженъ быть отнесенъ къ еще болѣе древнему времени. Трудно объяснить происхожденіе разрыва основного холста, особенно потому, что горизонтальное направленіе этой трещины указываетъ на явленіе не связанное съ ссыханіемъ дерева. Можетъ быть слѣдуетъ предполагать еще одинъ, болѣе древній переносъ левкашеннаго холста на новую доску, при которомъ и произошелъ указанный разрывъ.

Кое какія указанія можно будетъ, вѣроятно, извлечь изъ фотографій двухъ нижнихъ угловъ иконы, но, повторяю, окончательный отвѣтъ дастъ лишь полное раскрытіе и расчистка иконы.

Съ именемъ Андрея Рублева[8] всегда связывалось представленіе о высшихъ достиженіяхъ русской иконописи; но постепенно среди иконниковъ сложилось основанное на сомнительныхъ оригиналахъ а потому невѣрное и расплывчатое опредѣленіе его манеры и школы. Подлинный обликъ его мастерства начинаетъ выясняться только теперь, въ связи съ открытіемъ и расчисткой древнихъ иконъ. Работа Лихачева, имѣющая большое значеніе для изученія русской иконы вообще, даетъ очень мало для характеристики творчества самого Рублева; впервые только въ очеркѣ Игоря Грабаря, обоснованномъ большимъ и новымъ матеріаломъ, проясняется до нѣкоторой степени вопросъ о „Рублевскихъ" письмахъ, но все же манера Рублева и техническіе пріемы его письма до сихъ поръ еще не изслѣдованы. По общимъ условіямъ русскаго иконописанія никакихъ подлинныхъ подписанныхъ Рублевымъ иконъ не сохранилось. Съ большей или меньшей достовѣрностью ему приписывается рядъ иконъ, но пока не возбуждаютъ сомнѣнія въ авторствѣ Рублева только фрески Успенскаго собора во Владимірѣ и икона святой Троицы въ Троице-Сергіевой Лаврѣ. Всѣ иконы частныхъ собраній, претендовавшія на имя Рублева, давно уже разоблачены. Еще Ровинскій писалъ, что „ни одну изъ нихъ (видѣнныхъ мною), по моему мнѣнію, невозможно отнести къ началу XV вѣка".[9] Подписная икона Умиленія изъ собранія Солдатенковыхъ тоже оказалась Строгановской иконой XVI вѣка.[10]

Единственный образъ, приписываемый Рублеву и не вызывающій большихъ

---

[8]) Н. Собко. Словарь русскихъ художниковъ. I. — М. и В. И. Успенскіе. Замѣтки о древнерусскомъ иконописаніи. СПб. 1901. — В. П. Гурьяновъ. Двѣ мѣстныя иконы Св. Троицы. Москва 1906. — Н. П. Лихачевъ. Манера письма Андрея Рублева. О. Л. Д. П. СПб. 1907. — Ю. А. Олсуфьев. Опись икон Троице-Сергиевой лавры. Изд. Ком. по охране пам. иск. и старины Троице-Серг. лавры, 1920 (цит. по И. Грабарю). — И. Грабарь. Андрей Рублев. Очерк творчества художника по данным реставрационных работ 1918—1925 гг. Вопросы Реставрации. I. Сборн. Центр. Гос. Рест. Мастерских. М. 1926. — А. Щербаков и А. Свирин. К проблеме творчества А. Рублева. Сергиев 1927 (цит. по M. Alpatov-N. Brunov. Gesch. d. altrus. Kunst).

[9]) Д. А. Ровинскій. Обозрѣніе иконописанія въ Россіи до конца XVII вѣка. Изд. Суворина 1903, стр. 40.

[10]) Д. А. Ровинскій, стр. 41. — Н. М. Бѣляевъ. Икона Божіей Матери Умиленія изъ собранія Солдатенковскихъ. Ζωγραφικα II. Прага 1932.

сомнѣній — Солдатенковскій Спасъ. Игорь Грабарь, видѣвшій икону, склоненъ отнести ее или непосредственно къ Рублеву, или къ его кругу. „Почти все перечисленные иконы" (приписываемыя Рублеву) „нам приходилось видеть и мы полагаем, что единственная из них, действительно близкая к Рублеву, или во всяком случае к кругу Рублева — большой „Спас" Солдатенковского собрания."[11] „Приходится признать, что то, что мы представляем себе под живописью Рублева сейчас, после восьмилетней работы над реставрацией фресок и икон, более или менее достоверно связанных с именем Рублева, не имеет ничего общего со всеми прославленными оригиналами, кроме Солдатенковского." [12]

Въ средѣ старообрядцевъ, иконниковъ и собирателей, Солдатенковскій Спасъ издавна пользовался славой подлинной иконы Рублевскаго письма и служилъ образцомъ. „Письму Рублева приписывались иконы, на основаніи сходства въ рисункѣ или въ охреньи съ этой прославленной иконой."[13] До расчистки иконы преждевременны окончательныя сужденія: подлинное письмо Рублева или его ученика закрыто отъ насъ записями и починками, неизбѣжными при 500-лѣтней жизни образа. При попыткахъ сравненія съ иконами, относимыми къ работамъ Рублева, мы вправѣ пользоваться только общимъ контуромъ и рисункомъ иконы, но отнюдь не красками. По рисунку Солдатенковскій Спасъ долженъ быть отнесенъ къ „Рублевскому" типу, но не слѣдуетъ забывать, что „Рублевскій" типъ Христа устанавливался очень часто именно по сходству съ иконой К. Т. Солдатенкова.

Недавно найденная въ Спасо-Сторожевскомъ монастырѣ икона Спасителя, которую И. Грабарь приписываетъ рукѣ А. Рублева, расписывавшаго между 1408 и 1425 г. г. въ Звенигородѣ соборъ Успенія на Городкѣ,[14] доказываетъ, что Солдатенковскій Спасъ не безъ основанія пользовался громкой славой иконы письма Андрея Рублева. Сходство этихъ двухъ иконъ поразительно, а, если принять версію Спасо-Сторожевскаго-Звенигородскаго происхожденія Солдатенковскаго образа, то по времени обѣ иконы должны быть недалеки другъ отъ друга.

Воспроизведеніе иконы у Грабаря[15] даетъ лишь самое общее представленіе. Болѣе или менѣе хорошо сохранилась верхняя часть лица, рисунокъ бороды на репродукціи не различимъ. Прежде всего бросается въ глаза почти полное сходство линіи волосъ, обрамляющей лики. Почти тождественна постановка головы и рисунокъ глазъ и носа. Линіи, выдѣляющія носъ, на Солдатенковскомъ Спасѣ кажутся рѣзче и графичнѣе. Очень близки по рисунку линіи рта и усовъ. Отличіе, прежде всего, въ высвѣтленіяхъ, подчеркивающихъ условную моделлировку надбровныхъ дугъ, скулъ и носа Звенигородскаго Спаса и совершенно отсутствующихъ на иконѣ К. Т. Солдатенкова; затѣмъ рисунокъ не имѣетъ той

[11]) И. Грабарь. Андрей Рублев, стр. 16.

[12]) Тамъ же, стр. 19, далѣе см. стр. 95 и стр. 110.

[13]) Лихачевъ, стр. 56.

[14]) „В одном из последних (сараевъ), под грудой дров, Г. О. Чирикову удалось найти три доски с остатками уцелевшей живописи, которым было суждено стать тремя знаменитейшими памятниками. Это — поясные иконы „Спаса", „Архангела Михаила" и „ап. Павла", несомненно из древнего деисусного чина Успенского на Городе собора..." „их создателем мог быть только Рублев..." И. Грабарь, стр. 95, далѣе стр. 99 и 109.

[15]) И. Грабарь. Андрей Рублев. Рисунокъ на стр. 99.

графичности и схематизма, которые такъ характерны для Солдатенковскаго Спаса. Шея оформлена также посредствомъ высвѣтленій. Рисунокъ волосъ, къ сожалѣнію, на репродукціи не различимъ. Всѣ эти отличія дѣлаются вполнѣ понятными при условіи, что нынѣшній Солдатенковскій Спасъ, какъ мы уже указывали, нѣсколько разъ переписывался и исправлялся, и, наоборотъ, незначительность расхожденія въ самомъ рисункѣ, удивительное сходство основной прориси, сохранившейся въ Солдатенковскомъ Спасѣ, несмотря на позднѣйшія передѣлки, доказываютъ близость его къ Звенигородской иконѣ и дѣлаютъ вполнѣ вѣроятнымъ авторство Рублева, приписываемое традиціей иконѣ Спаса К. Т. Солдатенкова.

Н. П. Толль.

Прага.

ИЛЛЮСТРАЦІИ

Табл. XV. Икона Спасителя изъ собр. К. Т. Солдатенкова.
XVI. Ликъ Спасителя — съ той же иконы.
Рис. 1 (стр. 214). Схематическій рисунокъ иконы.

THE ICON OF OUR SAVIOUR IN THE SOLDATENKOV COLLECTION

by

N. TOLL

Andrew Rublev (died c. 1430) is the central figure in the history of Russian Icon-painting. Besides the icon of the Trinity in the Lavra of the Trinity and S. Sergius, and the frescoes in the Uspenski (Dormition) Cathedral at Vladimir, which are incontestably his work, there have been attributed to him (as it now appears, without reason) a whole number of icons in private possession.

Among icons in private hands the only one which it is really possible to regard as due to Rublev is an icon of Our Saviour in the collection of K. Soldatenkov. It has been very famous among specialists and connoisseurs and for a long time was taken as the very model of Rublev's manner. It is mentioned in the works of Likhachev, Kondakov and Grabar' (I. Grabar', Andrey Rublev) but to this day has never been described or published.

The icon, a large one (89 × 70), is a half-length of Our Saviour. In its present state, uncleaned, it is covered by a coat of old dark varnish (olifa) under which it is difficult to distinguish the painting. A preliminary investigation of the icon by means of X rays has shown that in spite of two or three restorations and the transfer of the icon to a new panel, the lowest layer of the icon retains the ancient painting. In the character of its drawing our icon is closely comparable and almost identical with the icon of Our Saviour recently discovered at Zvenigorod and assigned by Grabar to Andrew Rublev. The comparison of the two icons confirms the correctness of the tradition that makes the Soldatenkov icon a work of Rublev. Final confirmation that Rublev was its painter must await the removal of the blackened varnish, and the cleaning of the icon by taking away the repainting.

Praha.

LIST OF PLATES

Pl. XV. The Icon of Our Saviour in the Soldatenkov collection.
XVI. The Face of Our Saviour of the same icon.

DER VOLKSNAME БЕРЕНДѢЙ

Die in den russischen Annalen vorkommenden, auf den Volksnamen *Берендѣй* bezüglichen Daten hat bereits D. A. Rasovsky in dem vorliegenden Bande zusammengestellt.[1] Er hat die ungarischen Ortsnamen *Berény*, beziehungsweise *Beren*, *Berend*, *Berencs*, sowie größtenteils auch die ältesten urkundlichen Angaben, die sich auf diese Ortsnamen beziehen,[2] sorgfältig aufgezählt. Er geht von der Hypothese aus, daß der Volksname *Берендѣй* und die erwähnten ungarischen Ortsnamen irgendwie zusammenhängen, ähnlich wie diese Idee bereits Kossányi in der ungarischen Literatur geäussert hat.[3] Bevor wir uns mit dieser Frage beschäftigen, ist es notwendig, den Namen *Берендѣй* auch linguistisch zu untersuchen.

Es scheint zweifellos, daß der Name *Берендѣй* ein türkisches Volk bezeichnet. Das beweisen folgende in den russ. Annalen erhaltene berendische Personennamen:

A) Basty. Im J. 1170—72: *Бастий (Бастии, Берендичи Бастѣева чадь)*[4] < türk. *basty* 3. Sg. Praet. Def. < türk. *bas-* ,drücken, pressen' und in übertragener Bedeutung ,besiegen, beherrschen'. Daß der Name *Basty* die Bedeutung *,er hat besiegt'*, oder ,er hat unterjocht' besitzt, beweist eine Mitteilung der Chronik des Hezārfenn im Anschlusse an die Vorfälle der Seldschukengeschichte im XII. Jh.: »zogen die Ungläubigen dem Melik Gazi und Emir Süleiman entgegen ... wurden geschlagen. In derselben Nacht wurde dem Melik Gazi ein Sohn geboren, den er Jagibassan یاغی بصان nannte, weil die Rebellen an jenem Tage geschlagen wurden (یاغی باصلدی)«.[5]

---

[1]) Zu den russischen Angaben vgl. noch die folgenden: im J. 1745: *Берендњевъ* russ. Familienname (Изв. Общ. Арх. Ист. Этн. Каз. Унив. XIV, 543; unter mehreren FN. türkischen Ursprungs | tschuw. *Берендей* (Магницкій, Чув. языческ. им. 33). — Auch bei den Rumänen kommt genug oft vor, z. B. im J. 1434—36, 1442: „пана Берендѣа столника" (Hurmuzaki, Documente I/2, 860, 867, 878; Uricariul XVIII, 518). Später entstand ein rum. FN. daraus: im J. 1502: „дел нѣг *бериндею*" in Târgovişte (Ghibănescu, Surete şi izvoade I, 306, 310) | im J. 1743: Sosie *Berindeĭ* (Jorga, Stud. şi doc. XVII, 53) | im J. 1866: *Berendeĭ* (Uric. XVII, 436). — In Ortsnamen: im J. 1507: *Berindeștiĭ* (Jorga, Stud. şi doc. V, 395) | im J. 1609: *Berendieşti* (Bogdan, Documente lui Ştefan cel Mare I, 515; Erdélyi Irodalmi Szemle III, 133).

[2]) Auf die zitierten ON. beziehen sich noch viele Angaben auch in den neueren großen Urkundenbüchern, die viel verläßlicher als der Cod. Dipl. von Fejér sind (Cod. Dipl. Arpadianus Continuatus I—XII, Cod. Dipl. Andegavensis I—VII, Cod. Dipl. Patrius I—VIII usw.). Außer diesen sind noch zerstreut auf diesen Namen bezügliche Publikationen erschienen, z. b. Szentpétery, Az almádi monostor alapító oklevele: MNyelv XXIII, 362, 368 (im J. 1117/1420: *Buren* im Kom. Somogy); J. Banner, Jászberény. MNy. XVIII, 178—9 usw.

[3]) In der Zschr. Századok, LVIII, 429. (Zitiert auch von Rasovsky.)

[4]) ПСРЛ. II¹, 99, 101—102; VII, 84.

[5]) Mordtmann, Die Dynastie der Danischmende. ZDMG. XXX, 471.

Der Name *Basty* ist im ganzen türkischen Sprachgebiet verbreitet: im J. 1223: князь великий Половецький *Басты*[6] | im J. 1300: Sejfeddīn *Basty*, ein Mamlūke[7] | im XIII. Jh.: kiptsch. البصى *Elbasty*[8] | im J. 1344: *Jaɣybasty*, ein Čobānīde in Āzerbajdžān[9] | kirg. *Бастыбай*[10] | kirg. *Иэбасты*[11] | tschuw. *Постубай*.[12]

Auch andere Ableitungen des Verbums *bas-* sind außerordentlich verbreitete PN. Diese werde ich in einem anderen Artikel über den Namen und Ursprung der Dynastie Basaraba anführen.

B) Satmaz. Im J. 1159: Тудоръ *Сатмазовичь*,[13] < türk. *sat-*[14] ‚verkaufen, handeln'.

Auch solche negative Partizipien finden wir häufig unter den türkischen PN.[15]; am verbreitesten ist eben der Name *Satmaz*. So z. B. im J. 1160—75: seldsch. ستماز Izzeddīn *Satmaz*[16] | seldsch. سعماز بن قيماز *Satmaz* ibn Qajmaz[17] | im J. 1213: ung. *Zotmaz, Zotmoz* (lies Sotmaz)[18] | ung. *Szatymaz*, ON. im Komitat Csongrád[19] | kiptsch. شطماز[20] *Satmaz.*

C) Qaraköz. Im J. 1159: *Каракозъ* Мнюзовичь,[21] *Каракозъ* Міюзовичь[22] < *qara* ‚schwarz' + *köz* ‚Auge'.

Das Wort *qara* spielt sowohl selbständig, als auch in Wortzusammensetzungen — besonders in Verbindung mit den Namen von Körperteilen — in der türkischen Namengebung eine sehr bedeutende Rolle,[23] und eben der Name *Qaraköz* wird am meisten

---

[6]) ПСРЛ. I¹, 21/; II¹, 164; VII, 130.

[7]) Makrīzī ed. Quatremère IV, 140.

[8]) Houtsma, Ein türk.-arab. Glossar. 31, 3 كبس الابلم اوكبس البلد. Infolge technischer Schwierigkeiten werden die Seitenhinweise zu den arabischen Publikationen durch gewöhnliche Seitenzahlen ersetzt (Anmerkung der Redaktion).

[9]) Zambaur, Manuel de Généalogie 255.

[10]) Матер. Семирѣч. Обл., Копальскій у. 184.

[11]) Киргизск. Хозяйство въ Акмолинск. Обл., Петропавловск. у. 126.

[12]) Магницкій, op. cit.

[13]) ПСРЛ. II, 85; VII, 69.

[14]) Sehr viele Ableitungen davon werden als PN. gebraucht, so: *Satuš, Satym, Satmyš, Satypaldy, Satylyan, Satylmyš*, z. B. im J 1608: mordw. (< tat.) *Сатушъ* Тураевъ (Нижегородск. Платежницы. Ред. С. Веселовскій, Ss. 62, 116, 120, 217, 228 | im J. 1624: Байгора *Самымо*въ (Покровскій, Бортничество... близъ Казани въ XVI—XVII вв. Изв. Общ. Арх. Этн. XVII, 70 | im Jh. VIII: uig. *Satmyš* tarχan (F. W. K. Müller, Zwei Pfahlinschr. 12) | kirg. *Сатуналды* (Справочн. кн. Самаркандск. Обл. VIII, 221—3) | im J. 1503: krm. *Сатылганъ* (Смирновъ, Крымское Ханство 288); im J. 1750: *Саталганъ* Ишѣевъ, ein Kosak von Orenburg (ПСЗ. XIII, 211) | im J. 1293: امر سلمش بيك Emir *Satylmyš*-big (Dorn, Auszüge 133, 136); im Jh. XV: *Satylmyš*-χatun, Frau des Äsän-buɣa, chan von Ostturkestan (Tárikh-i-Ráshidí. Transl. Denison Ross, S. 6).

[15]) Z. B. kom. *Bolmaz, Tepremez* (Gombocz, 147—48) | rum. Lup *Bulmaz* (Réthy, Az oláh nyelv és nemzet megalakulása², 198) | im J. 1094: seldsch. *Sormaz* Bilgäbäg, »šihne« in Isfahān (Ibn al-Aθīr X, 163, 198, 220) | kiptsch. *Ölmäz, Qačmaz, Qajmaz, Qorqmaz* (Houtsma, op. cit. 30).

[16]) Ar-Rāwandī ed. Muh. Iqbāl (Gibb Mem. New Ser. II), Ss. 275, 277 ff.

[17]) Al-Bondārī ed. Houtsma (Recueil de textes rel. à l'hist. des Seldj. II), Ss. 243, 248, 253, 286.

[18]) Regestrum Varadinense, ed. Karácsonyi u. Borovszky, Ss. 169, 177.

[19]) Vgl. Gombocz, op. cit. 148.

[20]) Houtsma, op. cit. 3.

[21]) ПСРЛ. II, 85.

[22]) ПСРЛ. VII, 69.

[23]) So z. B. *Qarasaqal*, ein baschkirischer Aufrührer im J. 1740 (Витевскій, Неплюевъ 151, 164 ff.;

gebraucht. Vgl. nur die folgenden Belege dafür: im XII. Jh.: seldsch. قراکز *Qaraköz*, Kammerherr des Sultans Toγrul II.[24] | im XV. Jh. قراکوز بیکم *Qaraköz Bigim* aus d. Stamme Arlat[25] | kirg. *Qarakös Sulu*[26] | als Stammesname: kirg. *Каракöзъ*, eine Unterabteilung des Уакъ-Stammes.[27]

D) Mijüz. Im J. 1159: *Міюз-, Миюз-, Миюз-* (Vgl. Qaraköz). Vielleicht kann er mit den folgenden kirgisischen Namen zusammengestellt werden: *Мизбай* (lies Mīzbaj), *Менсъ, Мейзбай,*[28] *Мінзгуль.*[29]

E) Im J. 1159: *Карасъ* КокѢй, *Кара* съ КокѢй, *Карасъ* и КокѢй.[30] Wahrscheinlich haben wir es hier mit zwei selbständigen Namen zu tun. Es ist zweifelhaft, welches die Form des ersten Namens ist. Wenn das Lautbild *Qara* ist, dann ist seine Bedeutung klar. Und wie die Farbnamen[31] im allgemeinen, so paßt auch der Name *Qara* selbständig sehr gut in das türkische Namenbuch hinein.[32] Es ist jedoch möglich, daß wir mit einer Form *Qaras* rechnen müssen. Diese wage ich jedoch kaum mit dem Worte (barabatat. uig.) *qoras* ‚der Hahn' ~ kirg. *qoraz* ‚der Stutzer; geziert, von gutem Herkommen'[33] zusammenzustellen, weil die unten folgenden PN.-Analogien aus Quellen stammen, die die türkischen Namen in sehr unverläßlicher Umschreibung wiedergeben: im J. 1755: baschk. *Карась* Тахтаралиевъ (= Toqtarali)[34] | im J. 1668-96: *Коразко (Кураска, Куразъ)* Кучюмовъ[35] | im XVIII. Jh.: Куразбекъ.[36]

F) Im J. 1159: *Кокѣй* (vgl. Карасъ).

Das russische Suffix -й, -ѣй, -ей, -ій, -ий kommt in den russ. Annalen bei außerordentlich vielen türkischen Namen vor. Aller Wahrscheinlichkeit nach gehört hierher

---

Ч. Валихановъ, Сочиненіе 201; Howorth, Hist. of the Mongols II, 644) | im J. 1616: soj. *Qarasaqal* (Radloff, Aus Sib. I. 162) | im XVII Jh.: *Карабашъ*-Салтанъ (Витевскій, op. cit. 722, 764, 784, 794); im J. 1850: kirg. *Карабасъ* (Коншинъ, Матеріалы для ист. Степного Края, ч. V: Зап. Семипал. подотд. ЗСОИРГО. I, 103) | kkirg. *Qaračač* (Proben d. Volkslitt. d. nördl. Türk-Stämme V, Text 36) | kirg. Карашашъ-сулу (ИОАИЭ. XX, 224).

[24]) Ar-Rāvandī, op. cit. 331, 339 usw.

[25]) Bābernāme ed. Beveridge (Gibb Mem. Ser. I), S. 168; Le Coq, Türk. Namen und Titel in Indien. Sonderabdr. aus d. Garbe-Festgabe, S. 3.

[26]) Proben d. Volkslitt. III, Text 332, Übs. 402.

[27]) Коншинъ, Замѣтка о происхожд. родовъ Средн. кирг. орды. Пам. кн. Семипал. Обл. г. 1900, Ss. 122, 125: „отъ Сармана произошли роды „*Каракöзъ* и *Кокчакöзъ*".

[28]) Матер. Семирѣч. Обл., Джаркентскій у. 58, 124, 132.

[29]) Гродековъ, Киргизы и Каракирг. I, 98.

[30]) ПСРЛ. II, 85; VII, 69.

[31]) Z. B. im J. 1699: tat. *Кызылбай* (ПСЗ. III, 562—3) | kirg. *Qara Sary* (Proben III, Text 47) *Aq Sulṭān* ibn Muhammad χwārizmšāh (Džuwainī II, 131) | kkirg. *Qoŋurbai* (Proben V, Übs. 4, 64) usw.

[32]) Vgl. *Qara*, ein kirg. Fürst im J. 1616 (Radloff, Aus Sib. I, 182) | قراخان *Qara-xan*, nach der Chronik Nešrī's ein Urvater der Osmaniden (Nešrī-Nöldeke: ZDMG. XIII, 190) | قرا خان spielt eine hervorragende Rolle auch in der türk. Ursprungssage (Rašīdeddīn, перев. И. Н. Березинъ I, 5, 12 ff.).

[33]) Schon früh aus dem Persischen entlehnt. Vgl. Horn, Neupers. Etymologie 106.

[34]) Вельяминовъ-Зерновъ, Источники для изуч. тарханства. Прилож. къ IV-му тому Зап. И. Ак. Наукъ. № 6, S. 15.

[35]) Курдюмовъ, Описаніе актовъ. 1. Акты Кунгурск.; 2. Акты Соликамск., Ss. 16, 25; Кузнецовъ, Кунгурскіе Акты XVII вѣка. Ss. 12, 232.

[36]) Витевскій, op. cit. 809—13.

auch der Name *Kokѣй,* von dem wir den PN. *Kök* abstrahieren[87] können. Dieser ist auch in seiner Stammform und seinen Ableitungen ein sehr bekannter PN. Ich führe nur einige Beispiele an: nach der in den Geschichtswerken von Rašīdeddīn und Abulγāzī überlieferten türkischen Ursprungssage ist كوك *Kök* einer von den Söhnen des Oγuz-χan[88] | am Anfange des XIII. Jh. ist ein كوك خان Emir des χwārizmšāh Muhammad[89] | ein Seldschuke, mit Namen كوك الپ *Kök Alp* (vgl. *alp* ,Held') spielt im XII. Jh. eine Rolle[40] | hierher gehört vielleicht auch der Name des Nogajen *Кекѣй* aus d. J. 1649[41] | um 1500: كوكچه سلطان قازار *Kökčä* sultān-i Qāžār[42] | im J. 1318-19: *Кокча, Кокчя* посолъ татарскій[43] | im J. 1424: „*Когчю* багатыря Татарскаго", *Кохча*[44] | kirg. *Кокъ* (lies *Kök*) eine Unterabteilung des Qoŋrat-Stammes.[45]

Die oben erklärten Namen zeigen deutlich das türkische Wesen des Берендѣй-Volkes. Der Name Берендѣй selbst kann nur aus dem Türkischen erklärt werden. Seine ursprüngliche Form zeigt ein PN.[46] der Frühzeit aus d. J. 1097: „Торчинъ, именемъ *Беренди (Береньди)* овчюхъ Святополчь".[47]

Am Ende des Volksnamens Берендѣй steht bereits das außerordentlich häufige russ. Suffix -й, -ѣй, wie z. B. in den folgenden Namen, im J. 1183-92: *К[о]унт[о]увдѣй,* im J. 1185: *Кунгтугдый,* im J. 1190: *Конд[о]увдый*[48] < *Küntoγdy* | im J. 1350: *Могучей*[49] < *Moγuč* | *Батый*[50] < *Baty* | im J. 1408: *Тегребердѣй, Тегриберди*[51] < *Täŋriberdi* | im J. 1447, 1451: *Керимбердѣй*[52] | im J. 1649: *Бердѣйко* Удековъ[53] < *Berdi* (schon mit zwei russ. Suffixen versehen).

Der Name *Berendi* ist die 3. Person der Einzahl des Praet. definit. des aus dem gemeintürk. *ber-* ~ kas. *bir-* ~ osm. *ver-* ,geben' entstandenen reflexiven Verbums *beren-*. Die Bedeutung des *beren-*[54] ist ,sich ergeben, s. darbieten', der Volksname *Berendi* bedeutet also: »er hat sich ergeben«. Die Zahl der von dem Verbum *ber-* gebildeten PN.

---

[37]) Zum Gebrauch des -ѣй vgl. aus d. J. 1668: tat. Акбашко *Кик*баевъ, (Кузнецовъ, op. cit. 9) und tat. Азикъ *Кикь*евъ (ebda 15).

[38]) Rašīdeddīn-Березинъ I, 6ff.

[39]) Džuwainī ed. Mirza Muhammad (Gibb Mem. Ser. XVI), I, 80, 82.

[40]) Ibn Bībī ed. Houtsma (Rec. de textes rel. à l'hist. des Seldj. III), S. 218.

[41]) Акты Истор. IV, 123.

[42]) Dorn, Auszüge 255, 413.

[43]) ПСРЛ. X, 181; XXIII, 99 usw.

[44]) ПСРЛ. XI, 239; XX, 232; Русск. Хроногр. I, 426.

[45]) Коншинъ, Замѣтка 122, 126: „*Кокъ,* синый, голубой, небо".

[46]) Die richtige Form des Namens des »Berende Bachschi« (aus d. J. 1289) kenne ich nicht (Hammer, Gesch. d. Ilch. I, 382; Howorth, op. cit. III, 331), so wage ich sie nicht hierher zu ziehen. — Übrigens spielen wie überall im Türkischen, so auch bei den Türken der russ. Annalen aus Volksnamen entstandene PN. eine große Rolle, z. B. *Башкордъ, Башкъртъ* (ПСРЛ. I, 167, II, 85) | im J. 1184: *Емякъ* [(= *Imäk*) ПСРЛ. I, 164—5] | im J. 1096, 1103: *Куманъ* (ПСРЛ. I, 108—9, II, 118—9) | im J. 1219: *Узъ* (ПСРЛ. II, 162).

[47]) ПСРЛ. I, 111; VII, 13.

[48]) ПСРЛ. II, 126—7, 129, 139—141.

[49]) ПСРЛ. II, 184.

[50]) ПСРЛ. I, 225, II, 176 usw.

[51]) ПСРЛ. VI, 136; VIII, 82f.

[52]) Акты Истор. I, 76, 99.

[53]) Ebda IV, 101.

[54]) Vgl. kas. *birin-* (Radl., Wb.).

und SN. ist sehr groß; aus meinem in Vorbereitung befindlichen Onomastikon könnte ich 4—500 solche Namen zitieren: *Berdi,*[55] *Bergen,*[56] *Bermiš,*[57] *Berim,*[58] *Beriš,*[59] *Bergü*[60].

Wenn wir die Wortbildungskategorie des Namens *Berendi* einer Prüfung unterziehen, bemerken wir, daß der Gebrauch der 3. Sg. Praet. def. als PN. und SN. häufig ist. Wir haben bereits die Verbreitung des Namens *Berdi* festgestellt; ich könnte viele Angaben auch zu anderen Namen dieser Bildung liefern, wie z. B.

Čyqty[61] ‚er ist herausgegangen', *Geldi~Keldi*[62] ‚er ist gekommen', *Turdy*[63] ‚er ist stehengeblieben', *Qajdy*[64] ‚er ist gekrochen', *Ajtoldy*[65] ‚es ist Vollmond', *Küntoγdy*[66] ‚es ist Sonnenaufgang' (wörtl. ‚die Sonne ist geboren', *Ildi*[67] ‚er hat angehängt', *Qaldy*[68] ‚er ist geblieben' usw.

Ähnlich wie der Name *Berendi,* sind die 3. Personen, oder die Partizipien des Praeteritums vom Reflexivum die folgenden[69]: *Iländik* < uig., bar., kas. *ilän-* ‚erregt sein,

---

55) Im J. 1227: خان بردی *Xan berdi* (Nasawī ed. Houdas 138) | *Бердибекъ,* Chan der Goldenen Horde, †1359 (ПСРЛ. IV, 63; V, 228; VIII, 10) | بردی بیك *Birdi,* ein Heerführer Timür's (Inb Arabš. ed. Manger II, 454) | unter den Geschichtsquellen der Mamlukenperiode kommen allein bei Ibn Ijās 19 *Berdibek* vor. | بردی بای *Berdi-baj* (Н. Веселовскій, Кирг. разсказъ о русск. завоев. 54, 93) | *Берди,* Unterabtenung des kirgisischen Stanımes Qypčaq (Тилло, Перв. народн. перепись въ кирг. степи. Изв. ИРГО. IX, 82) | *Бердыке,* Unterabteilung des Stammes Najman (Тынышпаевъ, Матер. къ истор. кирг.-каз. народа 71 | *Азбердѣй, Малбердѣй, Елбердѣй, Ермоклуберди, Хозюмбердѣй, Тегрибердѣй* (ПСРЛ.) | *Худайберды,* Unterabteilung des Stammes *Kerej* (Тынышпаевъ, op. cit. 70) usw.

56) Vgl. Rásonyi Nagy in der Zschr. Nyelvtudományi Közlemények XLVI, 464 f. — Auch in PN.: kirg. *Аянбергенъ, Ходжабергенъ, Таныpбергенъ* Unterabteilungen des Arγyn-Stammes (Тынышпаевъ, op. cit. 68).

57) Z. B. im J. 1366/67: برمش (Ibn Ijās I, 22.) | Ταγγιπερμῆς < *Täŋribermiš* (Anna Comnena ed. Reifferscheid) | uig. *Kün birmiš tarχan* (F. W. K. Müller, Zwei Pfahlinschr. 23) | uig. *Kün bärmiš säŋün* (Radloff-Malov, Uig. Sprachdm. 52).

58) Z. B. kirg. *Беремкулъ* (Матер. Семипал. Обл. Джаркентск. у. 66) | *Берембекъ* (op. cit. 68) | *Бырымъ* (op. cit. 86).

59) Im J. 1421: برش *Beriš* (Ibn Ijās II, 11, 92) | *Токберишъ,* ein kirg. Geschlecht (Тилло, op. cit. 82).

60) برکا *Bergü,* im XIII—XIV. Jh. ein kiptschakischer Stamm (Dimašqī, ed. Mehren 264).

61) Z. B. *Шикты,* ein kirgisischer Stamm (Диваевъ, Кирг. пѣсня. ЗВОИРАО. X, 96).

62) Im J. 1361: *Килдибекъ,* Chan d. Gold. Horde (ПСРЛ. IV, 64; V, 229; VIII, 11 usw.) | tschuw. *Килдибей* (Магницкій, op. cit.) | im J. 1525: kas. *Бахты-Килдей* (ПСРЛ XIII, 44) | kirg. *Ескельды,* eine Unterabteilung des Dulat-Stammes (Тынышпаевъ, op. cit. 65) usw.

63) Kirg. *Turdu Bek* (Proben III, Text 43, 47) | ostturk. *Turda Xodža* (M. A. Stein, Sand-buried ruins of Khotan 247, 271, 277) | im J. 1433: *Турдѣ*евы врагы (Русск. Хроногр. I, 432).

64) Vgl. K Cs A. I, 239.

65) Vgl. Qutadγu Bilig.

66) Vgl. *Кунтувдѣй.* Siehe oben.

67) Vgl. tschuw. *Илди, Илдикъ* (Магницкий op. cit.).

68) *Кочкалдѣевы,* ein Geschlecht des kysyltat. Qamlar-Stammes (Яриловъ, Кизилцы 39) kirg. *Калдыбай,* (Гродековъ, Кирг. Прилож. 82) usw.

69) In der Bildungsweise der türk. SN. und PN. gibt es — abgesehen von einigen älteren SN. — keinen wesentlichen Unterschied; darum sind in der Forschung der SN. die analogen PN., und in der Untersuchung der PN. die analogen SN. gut zu benützen.

anflehen' Radl.,[70] *Sävindük* < *säv-* ,lieben',[71] *Qujandyq*,[72] *Düländi* < *dilä-* ,wünschen',[73] *Qondy* und *Qonduq* < *qon-* ,s. niederlassen'.[74]

Hinsichtlich der Bedeutungskategorie gehört der Name *Berendi* jener alten Gruppe der Stammesnamen an, deren Namen »auf einen mit der Stammesentwicklung des betreffenden Volkes und dem ersten Erscheinen vor anderen Völkern zusammenhängende Umstand und auf ein bedeutungsvolles Ereignis im Leben des Volkes hinweisen« (J. Németh, A honfoglaló magyarság kialakulása 36). Volksnamen solcher Art sind *Jazar*, *Qačar*, *Qazar*, *Sabyr*, mit der Bedeutung »der Flüchtling, der Irrende«; *Bulγar* und *Qurama*, mit der Bedeutung »das Gemisch«; *Qabar* und *Avar* mit der Bedeutung »der Aufrührer«; und endlich der Name *Šāhseven* ,den Šāh liebende', welcher zu einigen türkischen Stämmen gehört, die sich dem Šāh unterworfen hatten.[75]

Mit welchem Geschehnis die Bildung des Namens *Berendi* zusammenhängt, ist kaum festzustellen. Vielleicht hat das betreffende Volk diesen Namen darum bekommen, weil es sich einem anderen türkischen Volke oder den Russen ergeben hat.

*

Die Hypothese, daß die ungarischen *Berény*-Namen mit dem Volksnamen *Berendi* zusammenhängen, entbehrt eigentlich jeder positiven Grundlage. Wir können jedoch mit dieser Annahme rechnen, da die Verbreitung und die geographische Verteilung dieser Namen — größtenteils an der Peripherie des von den Ungarn zuerst besiedelten Gebietes — ganz klar den Eindruck machen, als ob die Namen *Berény*, *Berend*, *Berencs* usw. Denkmäler eines türkischen Volkes[76] seien, das als späteres Ansiedlervolk, irgendwie mit dem Grenzschutze zu tun hatte.

Die in Ungarn vorkommenden Ortsnamen *Kazár*, *Kovár-*, *Besenyő*, *Úz*, *Kumán*, *Tatrang*[77] sind Reflexe der Einwanderung verschiedener Türkvölker aus dem heutigen

---

[70]) *Илендикъ*, *Илендукъ* (Магницкий, op. cit.).

[71]) Vgl. oben *Sevinč.* سوندك (Le Coq, op. cit. 4) | *Сююндыкъ*, eine Unterabteilung des kirg. Stammes Dulat (Тынышпаевъ, op. cit. 65) | *Сююндыкъ* und *Куандыкъ* zwei große Unterabteilungen des Arγyn-Stammes (Тынышпаевъ, op. cit. 68; »*Куандыкъ*-которому очень обрадовались, очень радостный, *Сююндыкъ*-радостный« Коншинъ, Замѣтки 120, 123; Потанинъ, Казакъ-кирг. и алтайск. преданія. Жив. Стар. XXV, 62).

[72]) Siehe oben.

[73]) دولندی Frau des Emirs Čoban, Schwester der Saty-big. † im J. 1321. (Šerefnāme ed. Veljaminof-Zernof II, 28; trad. Charmoy II/1, 380; II/2, 366).

[74]) Vgl. kirg. *Кондыбай* (Матер. Семипал. Обл. Джаркентск. у. 50) | *Кондукпай* (op. cit. Копалск. у. 134) | kirg. *Qondybaj* (Proben III, Text 47) | *Кондубай*, ein kirg. Geschlecht (Потанинъ, Очерки Сѣверо-зап. Монголіи III, 3) | *Кондњевы*, ein kysyltat. Geschlecht (Яриловъ, Кизилцы 39).

[75]) J. Németh, op. cit. 36—39, 105.

[76]) Vgl. J. Németh, Maklár. M. Nyelv XXVII, 147.

[77]) Mit dem im Igor-Lied vorkommenden Stammesnamen *Татраны*, dem bei Anna Comnena (Alexias, ed. Reifferscheid I, 257) erwähnten petschenegischen PN. Τατράνης stellen wir den siebenbürgischen Bach- und Dorfnamen *Tatrang* (im Kom. Brassó, jetzt in Rumänien), und die folgenden zentralasiatischen ON. zusammen: *Tatran*, Ruinen an d. sw. Rande des Tarim-Beckens (S. Hedin, Southern-Tibet. Maps. Sh. IV, E 6; M. A. Stein, Maps of Chin. Turk. 22, D 4) | *Tatran*, ein Dorf bei Čarqlyγ im Tarim-Becken (Stein, Maps 26) | *Tatran*, ein Fluß ebendort (ebda. 30) | kirg. *Татранъ*, урочище im Kopaler District (Кирг. Хоз. въ Акмол. Обл. Копалск. у. 42).

Südrußland. Wenn auch das zum Namen *Beren* gehörige Volk in ähnlicher Weise aus dem türkischen Hexenkessel jenseits der Karpathen eingewandert ist, dann ist es klar, daß wir an die Berendiern denken können.

Das sehr frühe Auftreten der *Beren*-Namen weist darauf hin, daß das Volk des Namens *Beren* möglicherweise schon von den Ungarn, spätestens aber von den Petschenegen mitgerissen worden ist.[78] Es gibt nämlich schon in der vor d. J. 1002 abgefaßten und im J. 1109 übersetzten griechischen Stiftsurkunde von Veszprémvölgy ein *Beren:* Σαγαρβρὲν, Σαγαρβριὲν[79] (lies: *-brĕn, -brin),* im lateinischen Texte *Zaarberin.*

Das Magyar Etymologiai Szótár (Ung. Etym. Wb. Von J. Melich u. Z. Gombocz) führt sämtliche Variationen:[80] *-brĕn, -brin, Berin, Beren, Buren, Bwren, Boren, Birin, Bereyn* — auf die Form *Beren* zurück.

Falls die ON. *Beren*[81] (und *Berend*[82]) tatsächlich Denkmäler eines Volkes sind und wirklich mit dem Берендѣй-Volke etwas zu tun haben, können wir uns dies in linguistischer Hinsicht so vorstellen, daß die Ungarn die Silbe *-di* des Namens *Berendi* als das im X.—XIII. Jh.[83] sehr häufige und ausserordentlich vielen PN. und ON. angehängte ungarische Diminutivsuffix *-di*[84]) empfanden.[85] So wie auch bei den mit dem

---

[78]) Meine frühere Ansicht war es, den Volksnamen *Berendi* für ungarisch zu halten, und die Berendier in Rußland als die zurückgebliebenen Bruchteile eines unmittelbar vor der ungarischen Landnahme zersprengten ungarischen Stammes aufzufassen. Also:

ung. *Beren* { → ung. *Berendi* { → russ. *Берендѣй*, → ung. *Berend.* }; → ung. *Berenč* }

Es ist aber auch möglich, daß der Name *Beren* mit den Berendiern nichts zu tun hat, und einfach das Participii Imperfectum des Verbums *ber-* ist, wie ich diesen Namen im J. 1927 auffaßte (Nyelvtud. Közlem. XLVI, 465).

[79]) Σαγαρ > *Zaar-* (lies *Sār*) > *szár* ist ein bulg.-türkisches Lw. Vgl. alttürk. uig. kiptsch. *jaγyz* ‚dunkel, dunkelbraun, *braun*' (wahrscheinlich auch ‚rotbraun'). Es ist nicht zu verwechseln mit dem anderen (‚kahl' bedeutenden) ung. Worte ‚*szár*', welches gleichfalls bulg.-türk. Ursprungs ist.

[80]) Auch auf einen einzigen Namen, nämlich auf den Namen des heutigen Jászberény beziehen sich die folgenden zahlreichen Variationen: im J. 1357: *Beren*; 1438: *Berensallas;* 1472: *Baren;* 1473: *Beryn;* 1478: *Bwlen;* 1492: *Belenzallasa, Bewlenzallasa;* 1533: *Jaz-Berin;* 1578: *Berin;* 1580: *Jazberem;* 1622: *Bereny;* 1635: *Beriny;* 1637: *Berein;* 1640: *Jász-Berény;* 1657: *Jaszbirin;* 1685: *Jászbrin;* 1686: *Jaszbiríny;* 1736: *Jászberény* (Banner, Jászberény. MNyelv. XVII, 179).

[81]) Da der kkirg. Stamm *Bešberen* sehr entfernt und sein Ursprung hypothetisch ist, so wage ich das zweite Glied seines Namens *-beren* mit dem ung. *Beren* nicht zusammenzustellen. Wenn *Bešberen* ein ursprünglicher karakirgisischer Name wäre, so könnten wir daraus das sehr isolierte, nur aus dem Kkirg. nachgewiesene Wort *berän* ‚der beste Stahl' Radl. entnehmen. Dieses Wort verbirgt sich vielleicht auch in dem PN. eines Kirgisen von Kopal: *Беренеи* (Матер. Семирѣч. Обл. Копалск. у. 100).

[82]) Der Meinung Géza Nagy's nach *Berend* < kom. *berindi* ‚das Geschenk' (Turul, IX, 115).

[83]) In dieser ursprünglichen (?) ungarischen Form ist es nur als PN. nachweisbar. Im J. 1138 kommt unter den *servi* der Propstei von Dömös nebst *Besenudi, Scerecin, Koaliz* und *Turcu* auch ein *Berendi* vor (Mon. Strig I. 91).

[84]) E. Jakubovich. A tihanyi alapítólevél olvasásához. MNyelv. XX, 10—17; er bietet ein genaues Bild der Geschichte des Suffixes *-di* im X.—XIII Jh.

[85]) Vom Namen *Keleds,* des Gespans von Bács (im J. 1102: *Cladia;* im J. 1124: *Cledinus* Smičiklas Cod. Dipl. II, 10, 22, 24, 37; κελαδῆς Kinnamos ed. Bonnae 11) schreibt E. Jakubovich, daß »die zeitgenössischen Ungarn, obgleich dieser Name kein mit Diminutivsuffix versehener ungarischer Name ist, ihn doch für einen derartigen Namen hielten, gleich vielen anderen ungarisch gewordenen Personennamen und daraus entstandenen Ortsnamen fremden Ursprungs mit der Endung *-di, -d.*« (Op. cit. 11.)

ursprünglichen ungarischen *-di-* Suffix versehenen Namen zuerst der Gebrauch des *-di* schwankt,[86] später allmählich seine Rolle als lebendiges Suffix einbüßt und nur bei einigen ON. erhalten bleibt, so abstrahiert sich auch aus dem Namen *Berendi* schon früh die Form *Beren*, und nur hie und da erhält sich nach dem im XII.—XIII. Jh. stattfindenden allgemeinen Schwinden des Stammendvokales die Form *Berend.*

Als vorzügliche Stütze dieser Hypothese dient die Geschichte der ungarischen Wörter *medve* und *jegenye*: altbulg. *medvêdĭ* ~ slov. *médved* ~ serb. *mèdved* > ung. **medvéd* (in ON. kommt noch im J. 1232 und 1273 in der Form *Medwed*) > ung. *medve* ‚der Bär' | altbulg. *jagnędu* ~ slov. *jágned* ~ skr. *jàgnjêd* > ung. **jagnyéd* > ung. **jagnye* > ung. *jegenye.*[87] — Nebst mehreren anderen Namen faßt D. Pais auch den ung. Namen *Tiba* als eine solche Abstraktion auf: *Tiba* (im J. 1211: *Thyba*) und *Tibó* (im J. 1240: *Thybo*) < *Tibád, Tibód* < *Tibold.*[88]

Der Name *Beren*[89] wurde also nach der Analogie der zitierten Beispiele abstrahiert. Aus *Beren* ist dann mit dem oft gebrauchten Suffix *-č* die Form *Berenč*,[90] und mit dem Suffix *-ta, -te* die Form *Berente* ganz regelmäßig gebildet worden.[91]

Durch regelrechte Lautentwicklung ist aus *Beren* auch der Name *Berény* entstanden.

László Rásonyi Nagy.

Budapest.

[86]) So kommen z. B. in der Stiftsurkunde von Dömös aus dem J. 1138 die Namen *Bulsu* und *Bulsudi, Bulsoudi* gleichzeitig vor (Mon. Strig. I, 90—92).

[87]) D. Pais, Medve és jegenye. MNyelv. X, 268—70.

[88]) D. Pais, A Teobald keresztnévből származó személy-és helyneveink. MNyelv. IX, 32.

[89]) D. Pais erwähnt auch eine Entwicklung *Peren* > *Perény* (MNyelv. XXIV, 174).

[90]) Vgl. aus d. J. 1360: *Assunch* < *asszony* ‚Frau' (Melich: MNyelv. XV, 3) | im J. 1210: *Fioch* < *fiú* ‚Sohn, Knabe' (Pais: MNyelv. XVIII, 30) | *Bayač* (heute *Bács*) < türk. *baya* ‚ein Würdename' (Németh: MNyelv. XXIV, 149).

[91]) Vgl. K. Szily: MNyelv. XIV, 210.

ИКОНА ІОАННА ПРЕДТЕЧИ ИЗЪ СОБРАНІЯ ЗОЛОТНИЦКАГО

Однимъ изъ новѣйшихъ пріобрѣтеній извѣстнаго собранія Золотницкаго въ Парижѣ является интересная икона Св. Іоанна Предтечи въ пустынѣ, къ которой мы и имѣемъ въ виду привлечь вниманіе читателей.[1]

Размѣры этой иконы невелики — 0.315×0.278 *м.*, внутренняго поля безъ обрамленія — 0.220×0.195 *м.* Обрамленіе покрыто тисненой басмой, серебряной и позолоченой. Орнаментальныя формы этой басмы и способъ ея исполненія характерны для XVI и XVII столѣтій.

Въ это какъ разъ время, подъ западнымъ, несомнѣнно, вліяніемъ, рама иконы получаетъ значительно большее декоративное значеніе, чѣмъ это было раньше. Въ русской иконописи, какъ извѣстно, рама никогда не имѣла функціи технической — соединять между собою доски, на которыхъ писалось изображеніе. Эту функцію исполняли такъ называемыя „шпоньки“, а „поля“, которыя возникали въ связи съ углубленіемъ средней части иконы, такъ называемаго „ковчега“, были лишь подражаніемъ рамѣ и вслѣдствіе этого сами по себѣ являлись элементомъ исключительно декоративнымъ.

О вліяніи запада особенно свидѣтельствуетъ орнаментика басмы, которая украшаетъ иконныя рамы. Она отражаетъ въ себѣ обыкновенно орнаментальныя формы итальянскаго ренессанса, примѣняя ихъ то безъ всякихъ измѣненій, то подвергая ихъ извѣстнаго рода русификаціи. Басма на рамѣ нашей иконы, почти точную аналогію которой можно найти на иконѣ „Преображенія“ въ притворѣ Троицкаго собора Успенскаго монастыря въ Александровѣ,[2] заключаетъ въ себѣ элементы ренессанснаго орнамента — виноградныя гроздья, „натурализованная“ розетка и гранатовое яблоко, обрамленные аканѳовыми листьями, все очень близко повторяющее западные оригиналы. Пути проникновенія въ Россію этого орнамента мы можемъ легко прослѣдить по металлическимъ произведеніямъ художественной промышленности временъ первыхъ Романовыхъ, когда привозные предметы домашняго обихода (столовые приборы) вызывали подражаніе въ русскихъ издѣліяхъ того же рода.

---

[1]) Приношу свою благодарность владѣтелю иконы г. А. Золотницкому, какъ за предоставленіе мнѣ права опубликовать икону, такъ и за свѣдѣнія о ней; благодарю также профессора Н. Л. Окунева за любезную помощь мнѣ въ моей работѣ.

[2]) А. И. Успенскій, Царскіе иконописцы и живописцы XVII в. Москва, 1916, томъ III, табл. при стр. 440.

Такъ какъ подобнаго рода рамы рѣдко бываютъ исполнены одновременно съ иконами, которыя онѣ украшаютъ, то это обстоятельство лишаетъ ихъ всякаго значенія при опредѣленіи даты самой иконы.

Икона, о которой идетъ рѣчь, представляетъ св. Іоанна Предтечу, молящагося въ пустынѣ. Онъ изображенъ стоящимъ въ правой части иконы и обращеннымъ молитвенно влѣво и вверхъ, т. е. къ лѣвому верхнему углу иконы, гдѣ представленъ въ облакахъ являющійся ему Ангелъ. Подобнаго рода помѣщеніе фигуры на иконѣ является характернымъ для иконописцевъ такъ называемой строгановской школы.

Сильно вытянутая фигура святого опирается на обѣ составленныя вмѣстѣ ноги, верхняя часть тѣла слегка склоняется впередъ, лѣвая рука вытянута впередъ и въ ней онъ держитъ одновременно развернутый свитокъ и дискосъ, на которомъ лежитъ совершенно обнаженный Младенецъ-Христосъ. Свитокъ съ евангельскимъ текстомъ явно былъ переписанъ кромѣ буквъ надписи и пространства между ними. Правая рука Іоанна согнута въ локтѣ и поднята съ благословляющимъ жестомъ въ двуперстномъ сложеніи. Голова на довольно толстой шеѣ сильно откинута назадъ, всклокоченные волосы, усы и сравнительно рѣдкая борода исполнены безъ отклоненія отъ установившихся образцовъ. Изъ спины святого выростаютъ два большіе крыла. Одежду его составляетъ одна только милоть изъ кожи шерстью наружу, подпоясанная узкимъ орнаментированнымъ пояскомъ и покрывающая ноги ниже колѣнъ. Короткіе рукава закрываютъ руки до локтей.

Въ лѣвомъ верхнемъ углу иконы, куда обращается Іоаннъ, изображенъ Ангелъ въ облакахъ. Облака, по всей видимости, были позднѣе переписаны и при этомъ, возможно, подверглись поновленію и прилегающіе къ нимъ мѣста иконы. Ангелъ одѣтъ въ простой подпоясанный хитонъ и въ развѣвающійся по вѣтру гиматій. Онъ какъ бы опускается на правое колѣно, правой рукой благословляетъ Предтечу, а въ лѣвой держитъ мѣрило. Вокругъ головы Ангела изображенъ звѣздообразный нимбъ, составленный изъ двухъ квадратовъ, чѣмъ указывается на присутствіе самого Господа въ лицѣ Ангела.

Наиболѣе интересную часть иконы представляетъ пейзажъ. Почва, на которой стоитъ Іоаннъ, образуетъ рядъ мелкихъ уступчатыхъ утесовъ, среди которыхъ растетъ низкій, но густой кустарникъ. Въ лѣвомъ нижнемъ углу вытекаетъ изъ небольшого озера потокъ, поросшій по берегамъ буйными кустами. Пейзажъ этотъ оживленъ животными и птицами — скачущими оленями, львомъ, терзающимъ оленя, львомъ лежащимъ, отдыхающимъ; внизу олень пьетъ воду изъ потока, лебедь клювомъ чиститъ свои перья на спинѣ, а по водѣ плаваютъ мелкія птицы такъ же, какъ и по верхнему озеру. Этотъ пейзажъ на заднемъ планѣ переходитъ въ лѣсъ, находящійся на довольно высокомъ холмѣ. Лѣсъ образуютъ густыя лиственныя деревья, напоминающія по своей формѣ молодые дубы или буки. На вершинѣ холма изображенъ городъ, который безъ всякаго сомнѣнія долженъ представлять русскій городъ или даже самое Москву. Фигура Іоанна раздѣляетъ этотъ городъ на двѣ части, которыя, какъ кажется, не были написаны одновременно. Правда, въ обѣихъ частяхъ повторяется та же стилизація архитектоническихъ элементовъ, но пространственное и красочное пони-

маніе ихъ иное. Въ правой половинѣ группируются храмы, башни и колокольни въ вертикальномъ направленіи, одни надъ другими, подымаясь круто въ гору, что, какъ увидимъ ниже, вполнѣ отвѣчаетъ общему взгляду сверху, принятому на иконѣ; всѣ зданія здѣсь представлены въ свѣтлыхъ тонахъ, какъ мы привыкли издавна видѣть въ иконной архитектурѣ; стѣны бѣлыя и розовыя съ кирпично-красными крышами. Лѣвая часть архитектуры развернута горизонтально и низы зданій полузакрыты верхушкой холма; зданія окрашены красно-кирпичной краской и оживлены золотыми линіями контуровъ и рефлексовъ. Надъ этой частью города и надъ холмомъ летитъ стая птицъ, довольно условно написанныхъ. Стая эта заполняетъ пространство между Іоанномъ и облакомъ.

Технически икона написана хорошо. Несмотря на небольшіе размѣры иконы, анатомическая моделировка выполнена довольно совершенно, какъ при помощи плоскостнаго письма, такъ и путемъ шрафировки бѣлилами. Особенно хорошо моделированы правая рука Іоанна и фигуры нѣкоторыхъ звѣрей, напримѣръ, пары оленей и льва въ центрѣ иконы. Положеніе тѣла Іоанна схвачено въ сгибѣ правильно и можетъ быть наблюдаемо въ дѣйствительности. Это особенно становится яснымъ при сравненіи съ аналогіями, которыя въ этой частности бываютъ выполнены много грубѣе. Наоборотъ, моделировка лица и шеи исполнена съ извѣстной манерностью, о которой лучше всего свидѣтельствуетъ горизонтальный рефлексъ на шеяхъ обѣихъ фигуръ.

Въ исполненіи фигуръ звѣрей мы наблюдаемъ два способа, которые происходятъ отъ двухъ разныхъ образцовъ или указываютъ на два разныя вліянія. Одна часть звѣрей просто покрашена бѣлой краской, почти безъ всякой моделировки и это свидѣтельствуетъ о связи съ болѣе древними новгородскими иконами, на которыхъ обыкновенно писали животныхъ совершенно плоско или даже однимъ тономъ. Наоборотъ, другая часть звѣрей исполнена въ зеленоватомъ, коричневомъ и желто-красномъ тонѣ, а моделировка ихъ тѣлъ, иногда даже слишкомъ мелкая, указываетъ на тенденціи натуралистическія. Типичнымъ здѣсь является поворотъ назадъ влѣво головы убѣгающаго животнаго, что повторяется на иконѣ четыре раза; это свидѣтельствуетъ о выученной манерѣ, которая себя не оправдываетъ, когда это же движеніе приходится исполнить въ обратную сторону, какъ это видно у лебедя въ лѣвомъ нижнемъ углу иконы.

Колоритъ иконы свидѣтельствуетъ о полномъ разложеніи новгородскихъ и ранне-московскихъ стилистическихъ тенденцій. И въ этомъ можно видѣть сознательную натуралистическую тенденцію, которая, однако, разбивается компромиссомъ съ установленной традиціей. Небо свѣтло-зеленое, оливковаго оттѣнка, лѣсъ темно-зеленый на черномъ фонѣ съ бѣлыми рефлексами, скалы свѣтло-желтыя и зеленыя, также съ рефлексами, хитонъ и гиматій Ангела бѣлые съ мелкими золотыми складками, облака и крылья Ангела оттѣнены краснымъ, нимбъ Ангела грязно-зеленый, а сегментъ неба за его спиной темно-оливковый, такъ же, какъ и стая летящихъ птицъ. Одежда Іоанна темно-краснаго цвѣта и также вся покрыта золотыми линіями, изображающими волосъ верблюжьей шерсти. Крылья Іоанна также прописаны золотомъ, которое вообще играетъ большую роль на иконѣ. Нанесенное легко выполнимой хлѣбной техникой, оно

обильно употреблено во всѣхъ частьяхъ иконы. Только нимбъ Предтечи исполненъ листовымъ золотомъ и потомъ отполированъ.

Сравнительный анализъ стиля облегчается намъ тѣмъ, что намъ извѣстны двѣ иконы, которыя, если и не являются произведеніями одного и того же мастера и одного и того же времени, всеже чрезвычайно близки по стилю нашей и при томъ имѣютъ то же, лишь съ незначительными измѣненіями, содержаніе.

Одна изъ нихъ — извѣстная икона Остроуховскаго собранія, неоднократно изданная,[3] которую Муратовъ безъ какихъ бы то ни было основаній приписываетъ Назарію Савину и датируетъ временемъ около 1610 года. Другой является менѣе извѣстная икона лѣтняго храма Рогожскаго кладбица, даръ К. Т. Солдатенкова, которую мы привлекаемъ съ извѣстной оговоркой, такъ какъ не убѣждены въ томъ, что она не поддѣльна.[4]

Хотя стилистическія различія не позволяютъ приписать всѣ эти три иконы одному и тому же мастеру, все же и иконографическая схема и цѣлый рядъ иныхъ особенностей являются аналогичными: взглядъ сверху, вертикальное построеніе задняго плана, фигура святого, доминирующая надъ миніатюрнымъ пейзажемъ. И какъ разъ опять пейзажъ и здѣсь образуетъ настоящій живописный центръ произведенія, т. к. его разработка свидѣтельствуетъ о значительно болѣе глубокомъ пониманіи пейзажа и о болѣе высокой его цѣнности, чѣмъ простого фона или почвы, необходимой для того, чтобы помѣстить на нихъ фигуру святого. Однимъ словомъ, здѣсь появляется въ русской живописи новый элементъ, до того неизвѣстный и умышленно пренебрегаемый — пейзажная живопись. Если же мы сравнимъ въ этомъ отношеніи нашу икону съ иконой собранія Остроухова, то убѣдимся, что на нашей иконѣ мы имѣемъ дѣло уже съ пейзажной живописью высшаго порядка. На иконѣ Остроухова деревья на заднемъ планѣ разставлены совершенно отдѣльно одно отъ другого на одинаковомъ приблизительно другъ отъ друга разстояніи, характеръ деревьевъ повсюду почти одинъ и тотъ же, всѣ они одинаковой высоты и вѣтви на нихъ группируются въ тѣхъ же линейныхъ формахъ. Преобладаніе орнаментальнаго характера всего пейзажа выражено здѣсь и въ стилизованныхъ золотыхъ цвѣтахъ, которые за фигурой Іоанна растутъ по берегу Іордана.

Трудно сказать, которая изъ этихъ трехъ иконъ можетъ претендовать на оригинальность подобной концепціи; во время ея возникновенія уже повсемѣстно употреблялись „прориси“ — знаемъ мы даже и прориси этой композиціи (въ Сійскомъ подлинникѣ и др.), такъ что мы должны попросту считаться только съ тѣмъ фактомъ, что нѣкогда во время расцвѣта строгановской школы возникла такого рода композиція и удержалась въ употребленіи на дальнѣйшее время.

Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что иконографическое содержаніе сюжета разсматриваемыхъ иконъ много старше всѣхъ этихъ памятниковъ, т. к. основывается на апокрифическихъ повѣствованіяхъ, которыя только обогащаютъ подробностями два отрывка изъ Евангелія (Лука I, 80; III, 2), гдѣ говорится о томъ,

[3]) Н. П. Кондаковъ: Русская Икона I, Прага, 1928, табл. LXIV.

[4]) Снимки древнихъ иконъ и старообрядческихъ храмовъ Рогожскаго кладбища въ Москвѣ, S. l. et a., табл. 62.

что Іоаннъ нѣкоторое время пребывалъ въ пустынѣ. На основѣ подобнаго апокрифическаго разсказа построены первые два извѣстные примѣра этого сюжета — на миніатюрахъ Евангелія Гелатскаго монастыря и Евангелія Парижской Національной Библіотеки № 914. Апокрифическому тексту въ большей мѣрѣ вѣрна скорѣе икона Остроухова, чѣмъ наша, т. к. заключаетъ въ себѣ двѣ подробности, связанныя съ этимъ текстомъ — на ней мы видимъ мальчика Іоанна, котораго ангелъ ведетъ въ пустыню, и Іоанна-юношу, пьющаго воду изъ Іордана. Однако, съ этой иконографіей соприкасается сторона стилистическая. Воображеніе живописца, инспирированное апокрифическимъ текстомъ, работаетъ дальше и заполняетъ пустыню растительностью, животными и больше даже, чѣмъ просто животными — звѣринымъ жанромъ. И это собственно второстепенное явленіе на нашей иконѣ превращается въ самостоятельный элементъ творческаго пониманія: событія изъ жизни Іоанна исчезаютъ, а пейзажъ, который раньше служилъ рамой для этихъ событій, становится самостоятельнымъ элементомъ картины. Кромѣ того, въ природу вводятся и произведенія человѣческихъ рукъ — архитектура. Измѣненія происходятъ и въ животномъ мірѣ; въ то время, какъ на иконѣ Остроухова звѣри живутъ каждый отдѣльно, безъ связи другъ съ другомъ, на нашей иконѣ они образуютъ группы, живутъ общей жизнью.

Одно остается на обѣихъ иконахъ общимъ: доминирующая фигура Іоанна, которой пейзажъ служитъ фономъ. Такое пониманіе иконы единоличной, и притомъ иконы характера репрезентативного, а не дѣйственнаго, что надо особенно подчеркнуть, не имѣетъ образцовъ въ русской иконописи.

Уже много разъ было указано на то, что такъ называемая строгановская иконопись, а также и московская иконопись вообще, находилась подъ вліяніемъ иностраннымъ, какъ восточнымъ, такъ и западнымъ. Намъ кажется, что здѣсь какъ разъ мы встрѣчаемся съ однимъ изъ такого рода западныхъ вліяній. Вліяніе это ограничилось только импульсомъ, остальное все было дѣломъ мѣстнаго художественнаго творчества, но импульсъ этотъ былъ такъ силенъ, что вызвалъ замѣтное измѣненіе пониманія моленной иконы. Наша мысль обращается въ этомъ случаѣ къ художественной дѣятельности одного изъ основателей пейзажной живописи въ собственномъ смыслѣ слова, къ Іоахиму Патениру. Во всѣхъ своихъ произведеніяхъ онъ вырабатываетъ особенное, ему только свойственное, отношеніе главной фигуры, въ иныхъ случаяхъ цѣлаго изображаемаго событія, — къ пейзажу. Формально центромъ картины всегда остается главная фигура или дѣйствіе, но въ живописномъ отношеніи такимъ центромъ является пейзажъ. Соотношеніе это въ разныхъ произведеніяхъ разно. Святое семейство въ „Бѣгствѣ въ Египетъ“ (триптихъ Кауфмана)[5] входитъ какъ особое жизненное явленіе со всѣми своими околичностями въ жизнь села, которое изображено на заднемъ планѣ, хотя помѣщеніе Богородицы въ центрѣ перваго плана обезпечиваетъ формально доминирующее положеніе на картинѣ. Напротивъ, изображеніе св. Іеронима на картинахъ въ Мадридѣ и въ Бойценбургѣ уходитъ еще глубже въ пейзажъ, хотя фигура святого и сохраняетъ свое мѣсто на первомъ планѣ.[6]

[5]) Max. J. Friedländer, Die altniederländische Malerei IX. Bd., Berlin 1931, табл. LXXXIX.
[6]) Ibid., табл. XCVII и XCVIII.

Дальнѣйшій шагъ въ этомъ направленіи и полное сліяніе съ пейзажемъ, въ которомъ главный сюжетъ является лишь простымъ интереснымъ декоративнымъ элементомъ, представляютъ картины, на которыхъ изображено Вознесеніе св. Маріи Египетской въ Бойценбургѣ и въ Миланѣ.[7] При этихъ различныхъ соотношеніяхъ обоихъ элементовъ мы можемъ указать и на такія произведенія Патенира, въ которыхъ, при наличіи очень развитого пейзажа и общаго жанроваго характера картины, осталась неизмѣнной центральная фигура, для которой пейзажъ служитъ лишь обрамленіемъ. Такого рода произведеніемъ является картина, представляющая св. Христофора въ Эскуріалѣ,[8] на которой фигура святого сохранила свою значимость настолько, что ее не могъ заслонить уже пейзажъ съ его близкими и болѣе отдаленными отъ зрителя, но четкими, деталями. Мы могли бы указать еще и на произведенія Герри Блесса, но можемъ съ полнымъ правомъ ограничиться только Патениромъ, какъ образцомъ. Мы не будемъ, конечно, утверждать, что произведенія Патенира непосредственно оказывали вліяніе на московскихъ иконописцевъ начала XVII в., но воздѣйствовать на послѣднихъ могли лишь гравюры съ этихъ произведеній, которые были такъ распространены въ Россіи, что слѣды ихъ даже отчасти покуда еще нельзя систематически выяснить. Съ другой стороны, могла оказывать воздѣйствіе и традиція, передаваемая выучкой, т. к. уже въ началѣ XVI в. работаютъ въ Москвѣ, въ качествѣ царскихъ живописцевъ, мастера нѣмецкаго происхожденія, которымъ внѣ всякаго сомнѣнія художественная дѣятельность Патенира была извѣстна. Выше мы уже сказали, что по нашему мнѣнію отъ Патенира исходилъ лишь импульсъ, въ остальномъ проявлялась мѣстная традиція; этимъ объясняется то обстоятельство, что безъ всякаго подражанія въ Россіи осталась одна важная особенность произведеній Патенира — его особенно ярко выраженное стремленіе передать глубину изображаемаго пространства. Мастера, авторы иконъ, о которыхъ мы здѣсь говоримъ, ограничиваются традиціонными двумя измѣреніями; пейзажъ, ими изображаемый, не имѣетъ перспективной глубины, а подымается на плоскости вверхъ; входящіе въ составъ пейзажа предметы и фигуры не уменьшаются при удаленіи отъ перваго плана, но сохраняютъ повсюду одинаковые миніатюрные размѣры, и, такимъ образомъ, фигура святого и пейзажъ представляютъ два совершенно различныя явленія, не подчиненныя никакой общей мѣркѣ пропорціональности.

Возникаетъ вопросъ — изъ чьей мастерской вышла наша икона? Поза святого, его обращеніе въ лѣвую сторону, молитвенный жестъ и являющійся ему въ лѣвомъ верхнемъ углу небесный вѣстникъ — все вмѣстѣ взятое представляетъ типическія черты произведеній строгановской школы и нѣтъ поэтому нужды доказывать принадлежность иконы къ этой именно школѣ. Мы знаемъ цѣлый рядъ иконописцевъ, относящихся къ этой школѣ, отчасти по ихъ произведеніямъ, но еще болѣе по именамъ. Наиболѣе, повидимому, прославленный изъ нихъ, Прокопій Чиринъ, оставилъ намъ нѣсколько подписныхъ произведеній, по которымъ мы можемъ составить себѣ представленіе о стилѣ его работъ. Сравнимъ нашу икону съ двумя извѣстными единоличными иконами Чирина, на одной изъ которыхъ

[7]) Ibid., табл. CI и CII.

[8]) Ibid., табл. C.

изображенъ св. Іоаннъ воинъ (быв. собранія Лихачева),[9] а на другой св. Никита (быв. собранія Остроухова).[10] Основное различіе между ними заключается въ томъ, что Чиринъ, оставаясь вѣрнымъ традиціи, ограничивается изображеніемъ на иконѣ одной только фигуры и этимъ достигаетъ сильнаго впечатлѣнія. Пейзажъ, о которомъ мы выше говорили, ему совершенно чуждъ. Лучше всего мы это видимъ на иконѣ св. Никиты, гдѣ скала, на которой стоитъ святой, такъ мала, что на ней только можетъ помѣститься фигура и вооруженіе святого. Въ томъ же мѣстѣ, гдѣ почвы для этого больше не требуется, представлена только ровная плоскость земли. Противоположное явленіе мы видимъ на нашей иконѣ: въ одномъ случаѣ декоративное обрамленіе для фигуры святого, въ другомъ — конструктивная необходимость.

Характерной особенностью произведеній Чирина является золотой контуръ, который мы находимъ на всѣхъ, исполненныхъ имъ иконахъ, какъ, напримѣръ, кромѣ уже ранѣе указанныхъ, на лѣвомъ крылѣ триптиха Рябушинскаго,[11] на иконѣ св. Іоанна Предтечи въ московскомъ Историческомъ Музеѣ[12] и т. д.

Уже этихъ двухъ доводовъ достаточно для того, чтобы отвергнуть принадлежность нашей иконы кисти Чирина. Прекрасное исполненіе иконы заставляетъ насъ искать ея творца между другими наиболѣе выдающимися современниками Чирина. Прежде всего необходимо обратиться къ цѣлому роду иконописцевъ, носившихъ фамилію Савиныхъ. Знанія наши, касающіяся этого рода довольно ограничены. Только на основаніи нѣсколькихъ записей, указаній грамотъ и надписей на иконахъ мы можемъ выяснить нѣкоторыя хронологическія данныя. Истома Савинъ, напримѣръ, работалъ дла Никиты Григорьевича Строганова (ум. въ 1619 г.) и исполнилъ для него семейный образъ, который находится сейчасъ въ собраніи Русскаго Музея въ Петербургѣ. Изъ надписи на иконѣ Донской Богородицы въ Сольвычегодскомъ Благовѣщенскомъ соборѣ мы узнаемъ, что тотъ же мастеръ исполнилъ ее для Никитина дяди, Семена Аникіевича. Въ этой надписи Истома именуется „иконописецъ Государевъ." Въ 1629 г. сынъ Семена Андрей вмѣстѣ съ внукомъ Димитріемъ заказали для этой иконы кіотъ съ серебрянымъ басменнымъ окладомъ, что извѣстно изъ надписи на этомъ окладѣ.[13] Икона сама, къ сожалѣнію, такъ переписана, что невозможно сдѣлать себѣ правильное представленіе объ ея стилистическихъ особенностяхъ. Среди потомковъ Истомы намъ извѣстны два выдающіеся мастера, служившіе въ царскихъ мастерскихъ. Первый изъ нихъ былъ Никифоръ, приходившійся сыномъ Истомѣ, какъ можно заключить по надписи на задней сторонѣ триптиха съ изображеніемъ Владимірской Божіей Матери собранія Рахманова.[14] Болѣе подробныя біографическія данныя этого мастера остаются неизвѣстными. Другого сына Истомы звали Назаріемъ. Утвержденіе Муратова, что послѣдній былъ сыномъ Истомы

---

[9]) Выставка древнерусскаго искусства. Москва, 1913, № 87.

[10]) P. Muratov, La pittura russa antica, Roma—Praga 1925, стр. 163.

[11]) Н. П. Кондаковъ, Русская Икона I, табл. LVIII—LX.

[12]) M. Alpatov, N. Brunov, Geschichte der altrussischen Kunst. Augsburg, 1932, рис. 313.

[13]) Н. Макаренко, Искусство древней Руси у Соли Вычегодской, Петроградъ s. a., стр. 57 рис. 18.

[14]) П. Муратовъ, Иконопись при первомъ царѣ изъ дома Романовыхъ. „Старые годы" 1913, іюль—сентябрь, стр. 29.

и братомъ Никифора, мы можемъ подкрѣпить письменнымъ свидѣтельствомъ.[15] Въ 1650 г. просится на мѣсто царскаго иконописца извѣстный другъ Симона Ушакова Степанъ Григорьевичъ Рязанецъ и въ своемъ прошеніи указываетъ на то обстоятельство, что Назарій Истоминъ умеръ и его мѣсто освободилось. Зная, что Назарій въ 1621 г. работалъ вмѣстѣ съ Прокопіемъ Чиринымъ при расписке палатъ царя Михаила Федоровича, мы можемъ заключить, что нѣкоторый періодъ дѣятельности его относится къ промежутку между этими двумя датами.

Изъ старшаго поколѣнія Савиныхъ мы знаемъ Федора, который отъ мая до августа 1600 г. вмѣстѣ со Степаномъ Арефьевымъ выполнилъ роспись Благовѣщенской церкви въ Сольвычегодскѣ.[16] Лѣтописное свидѣтельство объ этомъ событіи называетъ обоихъ мастеровъ московскими иконописцами. Родственникомъ Никифора и Назарія былъ, повидимому, Ивашка Савинъ, который былъ моложе первыхъ. Въ Архивѣ Оружейной Палаты сохранилось о немъ извѣстіе, относящееся къ 1640 г., когда въ его домѣ подвергся оскорбленію какой-то Сидоръ Поспѣевъ.[17] Встрѣчается въ записяхъ неоднократно имя Бажены Савина, но изъ помѣтки подъ 23 мартомъ 1642 г. явствуетъ, что это былъ не иконописецъ, а кузнецъ, работавшій, между прочимъ, и надъ слюдяными дверьми Успенскаго Собора.[18] Ровинскій[19] упоминаетъ еще о Петрѣ Савинѣ.

Благодаря подписямъ, находящимся на иконахъ, мы можемъ создать себѣ довольно ясное представленіе о творчествѣ Истомы Савина и его сына Никифора. Упомянутая семейная икона Никиты Григорьевича Строганова въ Русскомъ Музеѣ, опредѣленно указываетъ, что, во-первыхъ, фигуры у Истомы имѣютъ гораздо болѣе короткія пропорціи, чѣмъ Чирина, хотя и не лишенныя стройности, во-вторыхъ, что драпировка фигуръ много свободнѣе, величественнѣе Чиринскихъ. Колоритъ Истомы на этой иконѣ рѣзко отличается отъ колорита ранне-московскихъ иконъ и совершенно не употребляетъ синей краски. Надъ немногими полутонами преобладаетъ киноварь и темная зелень, которыя вмѣстѣ съ празеленью фона создаютъ черезчуръ острую и сильную гармонію, скупящуюся на золотые эффекты.

Его сынъ Никифоръ оставилъ намъ рядъ подписныхъ иконъ, которыя даютъ намъ достаточное представленіе объ его техникѣ и композиціи. Возьмемъ, напримѣръ, извѣстную „Двурядицу"[20] изъ бывшаго собранія Рябушинскаго. Отъ отца Никифоръ перенимаетъ здѣсь небольшія фигуры, которыя онъ дѣлаетъ еще болѣе широкими, круглыя головы съ выпуклыми лбами и глаза, исполненные черными точками. Особенно интересенъ колоритъ, который значительно отличается отъ колорита Истомы. Рядомъ съ яркой киноварью и зеленью находимъ рядъ полутоновъ сѣрыхъ, коричневыхъ и желтовато-охреныхъ. Это ясно указываетъ на вліяніе Новгорода, иконопись котораго достигала такого высокаго

---

[15]) А. И. Успенскій, Царскіе иконописцы и живописцы XVII в., Москва 1913. Томъ III, стр. 106, № 19.

[16]) Н. Макаренко, Искусство древней Руси у Соли Вычегодской. Петроградъ, s. a., стр. 47.

[17]) А. И. Успенскій, Царскіе иконописцы и живописцы XVII в., Москва 1913, III, стр. 4.

[18]) Ibid., стр. 39, 70, 76, 81, 84, 102.

[19]) Обозрѣніе иконописанія въ Россіи до конца XVII вѣка. (Изд. Суворина, 1903), стр. 43.

[20]) Н. П. Кондаковъ, Русская Икона I, табл. LVII.

искусства въ оттѣнкахъ охренія. Примѣняя золото, Никифоръ держится тѣхъ же правилъ, что и его отецъ, употребляя его только для раздѣлки узоровъ одеждъ; кромѣ того сплошь золотомъ прописываются крылья ангеловъ и обувь; но у Никифора мы видимъ совершенно иную технику рефлексовъ: у Истомы рисунокъ складокъ сохраняетъ насколько возможно свою графичность, его рефлексы неглубоки и исполнены всегда болѣе свѣтлымъ оттѣнкомъ той же краски. Никифоръ, наоборотъ, постоянно пользуется бѣлилами при моделировкѣ ликовъ и въ рефлексахъ драпировки; бѣлилами же прописаны и круги нимбовъ, такъ что его икона, несмотря на тонкій колоритъ, пріобрѣтаетъ сильно выраженный характеръ народнаго творчества. Въ этомъ стилѣ, но только еще грубѣе, написана „Боголюбская Богородица" (собр. Рябушинскаго),[21] также подписанная, какъ и предыдущая икона. Тѣ же низкія фигуры, тѣ же головы и глаза, тѣ же характерныя черты и въ подписной иконѣ Никифора „Погребеніе Іоанна Богослова", Рогожскаго кладбища.[22] На этихъ двухъ иконахъ мы можемъ изучить способъ трактовки скалъ у Никифора, которыя имѣютъ видъ большихъ массивныхъ грановитыхъ утесовъ. Тотъ же способъ изображенія скалъ находимъ и у Семенки Бороздина.[23]

Характеризуя письмо Никифора по триптиху бывшаго собранія Рябушинскаго, Муратовъ оказался въ нѣсколько затруднительномъ положеніи. Лѣвое крыло триптиха имѣетъ подпись „Чир", безъ сомнѣнія — остатокъ имени Прокопія Чирина, потому что высокая техника письма не допускаетъ мысли о работѣ Василія Чирина (создателя складня Третьяковской Галлереи),[24] среднюю же часть триптиха и правую створку Муратовъ, а за нимъ и Бѣляевъ[25] относятъ къ Никифору Савину на основаніи подписи на оборотной сторонѣ. Но гдѣ именно помѣщена подпись — на средней створкѣ или на правой — ни одинъ изъ упомянутыхъ авторовъ не говоритъ. Муратовъ, чтобы выйти изъ затрудненія, возникающаго вслѣдствіе полнаго различія стилей, высказываетъ предположеніе о двухъ манерахъ Никифора.[26] При сравненіи съ точки зрѣнія стиля обѣихъ створокъ триптиха, приписываемыхъ рукѣ Никифора, выясняется полная невозможность опредѣлить ихъ, какъ одновременную работу одного и того же мастера. Преднамѣренная и ни въ коемъ случаѣ не случайная совмѣстная работа двухъ современныхъ мастеровъ Прокопія Чирина и Никифора Савина, заставляетъ насъ предположить, что триптихъ былъ созданъ одновременно и при этомъ условіи немыслимо, чтобы одинъ и тотъ же иконописецъ могъ имѣть двѣ столь различныя манеры.

Правое крыло съ фигурами Іоанна Крестителя, архангела Гавріила и апостола Павла повторяетъ въ размѣрахъ чиринскій канонъ, однако, гóловы у нихъ нѣсколько меньше, чѣмъ у Чирина; несмотря на оживки бѣлилами, лики лучше

[21]) Выставка древнерусскаго искусства, Москва 1913, № 103.

[22]) Снимки древнихъ иконъ и старообрядческихъ храмовъ Рогожскаго кладбища въ Москвѣ. S. l. et a, табл. 42.

[23]) Выставка древне-русскаго искусства, Москва 1913, № 145.

[24]) И. Грабарь: Исторія русскаго искусства, Москва, s. a., VI., стр. 384—385.

[25]) Н. П. Кондаковъ, Русская Икона I, Описаніе таблицъ, составл. Н. М. Бѣляевымъ, стр. XIII.

[26]) P. Muratov: La pittura russa antica. Roma—Praga 1925, стр. 160.

оттѣнены. Характерною, однако, особенностью является узкій разрѣзъ глазъ, смотрящихъ на зрителя, чего никогда не встрѣчаемъ на иконахъ Чирина. Другая особенность — кудрявыя, какъ бы вѣтромъ отброшенныя назадъ и прибитыя къ горлу, бороды Іоанна и Павла. Въ отличіе отъ чиринской манеры, складки отличаются особою мелочностью, проработанностью и наличіемъ плоскихъ золотыхъ рефлексовъ. Единственная деталь, не дающая право считать ее совершенной — неуклюжія, какъ бы вырѣзанныя изъ дерева, ноги. Если сравнимъ стиль и технику этой боковой створки со средней, то мы ясно увидимъ громадную разницу. Все личное письмо мало проработано, пробѣла рѣзки и поверхностны, здѣсь нѣтъ и слѣда любви къ драпировкѣ, черезъ которую какъ бы просвѣчиваетъ тѣло, и которая такъ ясно выступаетъ въ золотыхъ рефлексахъ на фигурахъ въ правой створкѣ. Употребленіе золота ограничено здѣсь декоративною частью одеждъ, крыльями ангеловъ и нимбами; какъ исключеніе находимъ золото на хитонѣ Спаса Эммануила. Этотъ способъ использованія золота намъ уже извѣстенъ изъ разбора техники Никифора. Колоритъ тотъ же, что и на иконахъ Никифора. Хотя красочная гамма здѣсь весьма ограничена, все же съ перваго же взгляда въ сѣроватыхъ одеждахъ Саваоѳа мы узнаемъ особенную любовь Никифора къ этой краскѣ, которую мы могли констатировать на „Двурядицѣ“. Безошибочнымъ свидѣтельствомъ авторства Никифора является неизмѣнно встрѣчаемая во всѣхъ его работахъ особая манера письма глазъ — черная точка подъ длинной тонкой линіей бровей. На основаніи этого анализа можемъ сказать, что только средняя часть триптиха принадлежитъ рукѣ Никифора. Правое же крыло написано другимъ художникомъ, имя котораго мы не знаемъ и который по своей техникѣ стоитъ выше самого Чирина, несомнѣннаго автора лѣваго крыла триптиха.

Вернемся теперь къ нашей иконѣ и попытаемся сравнить манеру ея письма съ письмомъ праваго крыла триптиха. Пропорціи здѣсь нѣсколько длиннѣе, но всѣ особенности въ рисункѣ фигуры можно найти и здѣсь. Прежде всего мы видимъ здѣсь ту же любовь къ выявленію, какъ бы просвѣчивающаго черезъ одежду, тѣла. Власяница, охватывающая нижнюю часть тѣла, виситъ сзади свободной складкой. Маленькія ноги крѣпко поставлены, но голени лишены всякой мускулатуры, напротивъ, руки — очень хорошо моделированы. Занимательно сходство въ подчеркиваніи выступающихъ колѣнъ, изъ которыхъ правое гораздо выше чѣмъ лѣвое (ср. архангела Гавріила на триптихѣ). Очень похожа манера моделлировки ликовъ, схематическая пробѣлка на шеѣ, съ двумя параллельными черточками. Здѣсь также повторяется характерный изгибъ бороды къ горлу. Недостаетъ только особенности этой манеры — постановки глазъ, смотрящихъ на зрителя, которую мы видѣли на триптихѣ; впрочемъ, это обстоятельство легко объясняется общей концепціей иконы, въ которой Іоаннъ съ молитвой обращается къ небу, какъ бы бесѣдуя съ слетающимъ Ангеломъ. Правда, что мы могли бы ожидать той же постановки глазъ въ изображенномъ на триптихѣ Деисусѣ, но, принявъ во вниманіе, что иконописецъ работалъ здѣсь только на одномъ крылѣ триптиха, психологически легко объяснить это отклоненіе отъ первоначальной — концентрической по формѣ и содержанію — концепціи Деисуса въ стремленіи создать самостоятельный репрезентативный образъ.

Выводомъ нашего разбора иконы является предположеніе, что авторомъ ея такъ же, какъ и праваго крыла триптиха собранія Рябушинскаго, былъ неизвѣстный намъ иконописецъ, современникъ Никифора Савина и Прокопія Чирина, работавшій вмѣстѣ съ ними на рубежѣ XVI—XVII столѣтій.

І. І. Мысливецъ.

Прага.

IKONE DES »JOHANNES IN DER WÜSTE« AUS DER SAMMLUNG ZOLOTNICKIJ

von

J. MYSLIVEC

Die auf Tafel XVII abgebildete Ikone stellt eine von den neuesten Erwerbungen der berühmten Sammlung Zolotnickij in Paris dar. Das ikonographische Thema »Johannes der Vorläufer in der Wüste« ist der russischen Ikonenmalerei seit dem Anfang des XVII. Jhts nicht fremd. Die Konzeption der einzelnen, in die Landschaft gestellten links gerichteten betenden Gestalt bietet die Möglichkeit einer Einreihung der Ikone in die s. g. Stroganov-Schule, die Ende des XVI. und Anfang des XVII. Jhts blühte. Viele berühmte Meister dieser Zeit, z. B. Prokopij Čirin, Istoma, Nikifor und Nazarij Savin gehörten dieser Schule (oder Richtung) an; dennoch ist die Zuschreibung unserer Ikone dem einen oder dem anderen von ihnen nicht möglich. Analysieren wir aber den Stil des bekannten Tryptichons der vorm. Sammlung Rjabušinskij, dessen linker Flügel Prokopij Čirin, der mittlere und rechte Nikifor Savin zugeschrieben werden, so kommen wir zu dem Schluß, daß Nikifor nur den mittleren Flügel gemalt hat, während der rechte von einem unbekannten Meister stammt, dessen Kunst unermesslich höher stand als die des Nikifor. Diesen Meister können wir auf Grund der stilistischen Analyse auch als den Autor unserer Ikone bezeichnen.

Praha.

ПАМЯТИ А. В. ОРѢШНИКОВА

4 апрѣля 1933 года, въ Москвѣ, скончался виднѣйшій русскій нумизматъ Алексѣй Васильевичъ Орѣшниковъ.

Покойный происходилъ изъ купеческой среды и среднее образованіе получилъ въ Московской Практической Коммерческой Академіи, но затѣмъ, вопреки желанію отца, сталъ заниматься нумизматикой и археологіей, самъ пополняя свое образованіе. Въ 1883 г. онъ печатаетъ свою первую работу по нумизматикѣ Киммерійскаго Босфора и рядомъ дальнѣйшихъ работъ по античной нумизматикѣ Черноморья завоевываетъ себѣ имя первѣйшаго знатока въ этой области.

Въ 1887 г. А. В. поступаетъ хранителемъ въ Московскій Историческій Музей и на этой должности прослужилъ 45 лѣтъ. Можно сказать, что вся его жизнь прошла въ Музеѣ, который онъ такъ любилъ и весь инвентарь котораго зналъ въ совершенствѣ. А сотрудники А. В. говорили про него, что онъ „не отдѣлимъ отъ Музея". Въ Историческомъ музеѣ А. В. сталъ заниматься музейной коллекціей древнихъ русскихъ монетъ, результатомъ чего явился его капитальный трудъ „Русскія монеты до 1547 г.", изданный въ 1896 году. Этой и рядомъ послѣдующихъ работъ онъ далъ прочное основаніе древнѣйшей русской нумизматикѣ. Не менѣе важны работы А. В. и по древне-русской сфрагистикѣ, именно — о печатяхъ великихъ князей московскихъ и тверскихъ.

Наконецъ, удѣлялъ вниманіе А. В. и археологіи, интересуясь преимущественно русскими древностями; сюда относятся его работы о древне-русскихъ крестахъ, перстняхъ, чашахъ и большое изслѣдованіе объ аптекарской посудѣ времени Петра Великаго.

Много труда отдалъ А. В. Московскому Археологическому Обществу, гдѣ онъ былъ одно время секретаремъ и состоялъ предсѣдателемъ Редакціонной Коллегіи Общества. Былъ онъ также редакторомъ изданій Московскаго Нумизматическаго Общества.

Насколько А. В. любилъ свою работу, свидѣтельствуютъ послѣдніе мѣсяцы его жизни. 78-и лѣтнимъ старикомъ, больной ракомъ, онъ все еще бодро подымался для занятій въ Музей, а когда слегъ, то не переставалъ интересоваться своимъ любимымъ дѣломъ: еще за два дня до смерти его помощникъ пріѣзжалъ къ нему съ монетой и А. В. опредѣлилъ ее.[1]

Д. Р.

---

[1]) Приношу свою искреннюю благодарность дочери покойнаго А. В. — В. А. Зайцевой и Т. В. Бакуниной за предоставленіе мнѣ нѣкоторыхъ свѣдѣній объ А. В.

БИБЛІОГРАФІЯ

Demetrius Ainalov. Geschichte der russischen Monumentalkunst der vormoskovitischen Zeit. Berlin und Leipzig 1932. Walter de Gruyter & Co. XII + 96 S., 20 Textabbildungen, 64 Tafeln.

Книга Д. В. Айналова, появившаяся въ серіи — Grundriss der slavischen Philologie und Kulturgeschichte, издаваемой R. Trautmann и M. Vasmer, представляетъ собою первую часть четырехтомной „Исторіи русскаго искусства“, давно задуманной авторомъ и нынѣ приготовленной къ печати на нѣмецкомъ языкѣ. Являясь цѣнной сводкой изслѣдованій и синтезомъ взглядовъ Д. В. Айналова въ области русскаго искусства, работа эта примѣчательна не только для спеціалистовъ, но въ то же время можетъ служить и въ качествѣ прекрасно освѣдомленнаго критическаго введенія въ исторію искусства Россіи. Въ этомъ отношеніи очень полезное значеніе имѣетъ уже предисловіе (Vorrede и Einleitung), гдѣ авторъ даетъ сжатый очеркъ изученія русскаго искусства и намѣчаетъ схему связи между развитіемъ политической и художественной жизни Россіи. (Въ дальнѣйшемъ изложеніи читателю постоянно напоминается общій ходъ политическо-культурнаго развитія страны.)

Первая глава сообщаетъ сводныя, большей частью — за отсутствіемъ памятниковъ — предположительныя данныя по вопросу о томъ, какіе виды художественныхъ отраслей нашли себѣ мѣсто на Руси въ языческую эпоху, при чемъ авторъ считаетъ возможнымъ особенно указать на скульптуру той поры (рельефъ на рѣкѣ Бушъ; гранитный столбъ, изображающій человѣческую голову, изъ Малой Топорной, Новгор. губ.) и высказать даже гипотезу о воздѣйствіи на тогдашнихъ русскихъ мастеровъ античныхъ образцовъ.

Интересные выводы приноситъ подробно изложенная глава объ искусствѣ въ Кіевѣ. Здѣсь авторъ различаетъ двѣ школы — какъ въ архитектурѣ, такъ и въ живописи и въ мозаикахъ. Къ работамъ первой школы, сложившейся на чисто византійской традиціи и перенесенной на русскую почву непосредственно византійскими мастерами, призванными Владиміромъ въ концѣ X вѣка, относятся Десятинная церковь и Святая Софія, архитектура и стѣнныя росписи которой носятъ несомнѣнный цареградскій характеръ. Въ мозаикахъ Св. Софіи отмѣчаетъ авторъ наличіе не только греко-эллинистической традиціи, но и вліянія восточныя, сасанидо-персидскія. Къ работамъ второй школы, создавшейся съ прибытіемъ на Русь въ XI вѣкѣ новыхъ византійскихъ мастеровъ, относятся главный храмъ Кіево-Печерской лавры, Златоверхо-Михайловскаго монастыря, церковь Святой Троицы въ Кирилловскомъ монастырѣ, Трехсвятительская церковь и храмъ Спасителя въ Берестовѣ. Византійско-кіевскія формы видитъ авторъ и въ черниговскихъ церквахъ, оговаривая, впрочемъ, наличность здѣсь сильной примѣси западно-европейскихъ художественныхъ воздѣйствій.

Въ обширной главѣ о Новгородѣ устанавливается тѣсная художественная зависимость новгородскаго искусства отъ византійско-кіевской традиціи, осложнившейся очень скоро западными вліяніями. Въ особенности характерно проявилось это соединеніе элементовъ въ строительномъ искусствѣ, создавшемъ, въ концѣ концовъ, собственную новгородскую школу (церковь св. Николая 1113 г., Рождества Богородицы въ Антоніевскомъ монастырѣ, св. Георгія въ Юрьевскомъ монастырѣ и т. д.). Вырабатывается — отчасти въ связи съ климатическими условіями края — характерный типъ новгородскаго храма: кубическій, одно-купольный, съ одной апсидой, со строгими пропорціями, съ восьмискатнымъ покрытіемъ (св. Николай въ Липнѣ, Θеодоръ Стратилатъ и др.). Изъ старой новгородской стѣнописи внимательно разбирается Нередица, изъ болѣе новой

— подробно характеризуется живопись Волотова, Θеодора Стратилата, Ковалева, причемъ, согласно автору, эта болѣе новая живопись, съ одной стороны, тѣсно связана съ художественными канонами изображеній Кахріе-Джами, а, съ другой, сильныя отклоненія отъ нихъ даютъ право предполагать о вліяніи на Византію въ ту пору (XIV в.) итальянскаго Ренессанса. Дополняетъ главу описаніе архитектуры Пскова (гдѣ указывается на явныя нѣмецкія воздѣйствія), Полоцка и Витебска.

Послѣдняя глава касается искусства Владиміра, Суздаля и Рязани, которое, по мнѣнію автора, истоками своими связано со второй кіевской школой. При этомъ своеобразіе стиля и формъ въ этой области опредѣляется, въ значительной мѣрѣ, употребленіемъ на постройки бѣлаго камня и сильнымъ западнымъ вліяніемъ (въ порталахъ, колоннахъ, рельефныхъ орнаментахъ, изображеніяхъ аллегорическихъ животныхъ и т. д.). Особенное вниманіе отдаетъ авторъ анализу декоративной пластики и обнаруживаетъ здѣсь, между прочимъ, слѣды сербскихъ источниковъ.

Книга написана съ большой отчетливостью и сжатостью, снабжена цѣнными библіографическими указаніями, отлично издана и единственно, о чемъ, быть можетъ, слѣдуетъ пожалѣть, это, оговоренный, правда, самимъ авторомъ, отказъ отъ стилистическаго разбора памятниковъ, отсутствіе котораго особенно ощущается въ главѣ о двухъ кіевскихъ школахъ. *Ник. Андреевъ.*

M. Alpatov — N. Brunov. Geschichte der altrussischen Kunst. Textband: Insgesamt X + 423 S. mit 95 Abbildungen. Tafelband: Insgesamt XII + 137 S. mit 345 Abbildungen. Dr. Benno Filser Verlag G. M. B. H. Augsburg. 1932.

Книга М. Алпатова и Н. Брунова, распадающаяся на объемистый томъ текста и отдѣльный томъ воспроизведеній, изъ которыхъ нѣкоторыя появляются въ печати впервые, оказывается, до извѣстной степени, событіемъ въ области изученія русскаго искусства, т. к. представляетъ собой не частное монографическое изслѣдованіе, но попытку общаго систематическаго построенія исторіи древнерусской архитектуры (Н. Бруновъ), живописи и пластики (М. Алпатовъ).

Авторы стремятся, учитывая работы прежнихъ изслѣдователей и — что особенно важно — результаты изысканій послѣдняго времени, представить развитіе русскаго искусства, не ограничиваясь какой-либо одной стороной изученія его (только археологической, стилистической или культурно-исторической). Какъ и всякая попытка такого рода, работа московскихъ ученыхъ не избѣжала нѣкоторой непропорціональности въ размѣрахъ (такъ — архитектурѣ, и въ текстѣ и въ изображеніяхъ, удѣлено мѣста больше, чѣмъ живописи), неточности въ принципѣ распредѣленія матеріала внутри отдѣловъ и мелкихъ ошибокъ въ частностяхъ (напримѣръ, въ датахъ и т. д.). Но, въ основныхъ чертахъ, книга даетъ ясно построенную схему развитія (до XVII вѣка включительно) искусства въ Россіи, и читатель получаетъ огромный, хорошо отобранный матеріалъ.

Не имѣя возможности, по условіямъ мѣста, дать подробное изложеніе содержанія книги, отмѣтимъ только, что авторами постоянно, съ большой наглядностью, примѣняется при описаніи памятниковъ сравнительный методъ; изъ отдѣльныхъ проблематическихъ вопросовъ — подчеркивается (въ отдѣлѣ живописи) значеніе русскихъ примитивовъ и тѣмъ самымъ большая самостоятельность русской иконописи, признается возможнымъ говорить о наличіи въ XIII—XIV в.в. нѣкоего „протеста противъ византинизма“, руководящая роль въ развитіи искусства XV вѣка приписывается, въ конечномъ счетѣ, Москвѣ, владимірско-суздальская живопись считается находящейся подъ непосредственными константинопольскими вліяніями и т. д. Наиболѣе спорными являются заключительныя части каждаго изъ отдѣловъ — Allgemeiner Teil, пытающіеся дать истолкованіе, весьма свободное, идейнаго и формальнаго содержанія русскихъ художественныхъ памятниковъ.

Несомнѣнное значеніе труда Алпатова и Брунова заключается, главнымъ образомъ, въ суммированіи изысканій послѣднихъ лѣтъ и въ отличномъ знаніи всего новаго матеріала, — именно съ этой стороны работа должна считаться важнымъ явленіемъ въ спеціальной литературѣ. Конечно, вызоветъ книга вниманіе и среди болѣе широкихъ круговъ иностранныхъ читателей, для которыхъ она въ первую очередь предназначена. Исходя изъ этой увѣренности, позволяемъ себѣ усумниться въ цѣлесообразности одной технической детали: вся р у с с к а я библіографія приложена только в ъ н ѣ м е ц к о м ъ пере-

водѣ; врядъ ли такая мѣра можетъ облегчить читателю пользованіе указанными пособіями, —наоборотъ, вызоветъ одни излишнія затрудненія. *Н. А—въ.*

Dr. F. Volbach, G. Duthuit, et G. Salles Art Byzantin. Paris. A. Lévy.

Изданіе даетъ многочисленныя воспроизведенія лучшихъ памятниковъ византійскаго искусства, собранныхъ на Парижской выставкѣ 1931 г. Представлены: скульптура (преимущественно въ раннихъ памятникахъ IV—VI вѣка), слоновая кость (особенно хорошо и обильно), камеи и рѣзной хрусталь, торевтика (въ томъ числѣ и антіохійская чаша), эмаль, монеты, керамика, миніатюры, ткани (подборъ которыхъ хотя и большой, но случайный). Воспроизведенія снабжены хорошими описаніями, датировками и указателями литературы. Небольшое введеніе G. Salles даетъ общую характеристику византійскаго искусства, а каждый отдѣлъ памятниковъ кромѣ того снабженъ спеціальными характеристиками, составленными G. Duthuit. Книга эта, вѣроятно, надолго займетъ мѣсто настольнаго собранія памятниковъ византійскаго искусства и будетъ полезна не только спеціалистамъ, но и болѣе широкому кругу.

Позволю себѣ только высказать сомнѣніе въ подлинности тканей изъ коллекціи B. Blis (табл. 83 и 84). *Н. Т.*

Кр. Миятевъ, Кръглата църква въ Преславъ, София, 1932, стр. 257+24, съ 3 табл. и 285 рис. въ текстѣ и франц. резюме. Изданіе Національнаго Археологическаго Музея.

Настоящая монографія посвящена описанію одной изъ церквей эпохи царя Симеона, въ столицѣ этого царя — Преславѣ. Остатки церкви были открыты раскопками, произведенными Сифійскимъ Національнымъ Музеемъ въ 1927—8 г. г.

Книга раздѣлена на двѣ части. Въ первой, называющейся „Нынѣшніе остатки церкви“, описываются: 1) мѣстоположеніе церкви и исторія раскопокъ, 2) планъ церкви, 3) строительная техника и матеріалъ, 4) базы, колонны и капители, 5) карнизы, 6) инкрустированныя украшенія, 7) стѣнная каменная облицовка, 8) цвѣтныя мозаическія и керамическія украшенія стѣнъ, 9) эпиграфическій матеріалъ и 10) предметы быта.

Церковь была круглой постройкой съ нишами вокругъ, одной абсидой, нартексомъ, фланкирующими башнями, атріумомъ съ портиками и фіаломъ. Центральный куполъ опирался на двѣнадцать мраморныхъ колоннъ, передающихъ тяжесть стѣнамъ, усиленнымъ контрофореными утолщеніями, расчленяющими церковь извнѣ на живописныя плоскости. Интересной оказалась богатѣйшая внѣшняя декорація церкви съ высѣченными изъ камня и инкрустированными карнизами, колоннами, наличниками иконъ и дверей. Еще большее впечатлѣніе церковь производила внутренними формами, особенно живописной колоннадой, украшеніями пола инкрустаціей opus sectile, стѣнной мозаикой и богатѣйшей расписной керамичной облицовкой, изображающей, кромѣ обычныхъ иконографическихъ сюжетовъ, необычайную геометрическую и растительную орнаментику. Интересно отмѣтить, что при раскопкахъ не найдено и слѣда фресковой росписи. Керамичная облицовка удивляетъ богатстомъ рисунка и гармоническимъ и сильнымъ колоритомъ. Значеніе ея становится еще большимъ отъ того, что керамика не была случайнымъ произведеніемъ единоличнаго мастерства, а открываетъ, вмѣстѣ съ керамикой монастыря Патлейна (св. Пантелеймона), около Преслава, найденной еще въ 1909 г., интересную главу по исторіи восточной и византійской поливы, на что уже указано A. Grabar, Recherches sur les influences orientales dans l'art balkanique, D. Talbot Rice, Byzantine glazed pottery и въ The Burlington Magazine, december 1932 — Byzantine polychrome pottery.

Въ главѣ о найденномъ эпиграфическомъ матеріалѣ читатель найдетъ нѣсколько интересныхъ свѣдѣній по вопросу о кириллицѣ и глаголицѣ и узнаетъ, что во-имя церкви — Св. Іоаннъ Креститель.

Вторая часть книги озаглавлена „Художественно-историческія проблемы.“ Отдѣльныя главы опредѣляютъ, на основаніи эпиграфическаго и археологическаго матетіала, время церкви, ея архитектурный типъ, анализируютъ формы отдѣльныхъ частей церкви и архитектурныхъ украшеній и стѣнныя декораціи. Раздѣливши центрально-купольныя постройки на три основныхъ типа — армянскій, средиземноморской и армяно-римскій, авторъ ищетъ отношенія и связи между ними и круглой церковью. Онъ приходитъ къ заключенію, что „преславскій памятникъ представляетъ... геніальный синтезъ болѣе старыхъ художественно и кон-

структивно законченныхъ и осмысленныхъ строительныхъ элементовъ и формъ.“ Поиски аналогичныхъ памятниковъ-ротондъ, съ расчлененными снаружи и оживленными внутри стѣнами, приводятъ къ старо-христіанскимъ и византійскимъ традиціямъ, въ частности къ церкви св. Виталія въ Равеннѣ и константинопольскому Хризотриклинію. На эллинистическій міръ указываетъ и каменная пластическая декорація церкви съ ея растительнымъ орнаментомъ, варіирующимъ пальмету и аканѳовый листъ. Къ еще болѣе интереснымъ выводамъ долженъ былъ бы привести анализъ содержанія и стиля керамической облицовки церкви, но авторъ намѣренно не включилъ его въ книгу, вполнѣ справедливо считая матеріалъ заслуживающимъ спеціальнаго изслѣдованія.

Книга заканчивается главой, ставящей интересный вопросъ о „мѣстной традиціи и національныхъ элементахъ въ Преславской церкви.“ Указывая на мнѣніе проф. Филова, видящаго (Б. Филовъ, Старобълг. църковна архитектура, стр. 22) въ Круглой церкви римскую строительную традицію, перенесенную въ болгарскую столицу при посредствѣ старо-христіанскихъ памятниковъ римскихъ центровъ Болгаріи — Nicopolis ad Istrum и Mareianopolis, авторъ находитъ на мѣстной почвѣ и конкретный памятникъ — извѣстную Круглую церковь около Перущицы Пловдивскаго округа, VI—VII в., всю въ эллинистической и ранневизантійской традиціяхъ и по плану и конструкціи близкую къ нашей Круглой церкви. Объясняя эклектизмъ и нѣкоторую „устарѣлостъ“ послѣдней литургическими нуждами только что крещенаго народа, авторъ видитъ въ живописномъ портикѣ атрія, декоративныхъ нишахъ ротонды, подчеркнутой кривизнѣ плоскостей, пластическихъ и колористическихъ украшеніяхъ „барочный игривый стиль“ просвѣщенной эпохи Симеона. *С. Покровскій.*

Известия на Българския Археологически Институтъ, томъ VII, 1932—1933 съ 184 образа въ текста и 10 таблици. София, 1933, стр. 486.

Очередной томъ этого прекраснаго и содержательнаго ежегодника открывается обширной работой покойн. нумизмата L. Ružička, „Die Münzen von Pautalia“; далѣе слѣдуетъ статья Б. Филова „Новооткрытыя ѳракійскія гробницы въ Дувангли“, въ которой дается отчетъ о раскопкахъ погребенія съ очень богатыми и интересными греческими находками VI—IV вв. до Р. Х.; Г. И. Кацаровъ, „Новыя находки Месемврійскаго некрополя“ — описываетъ открытыя имъ греческія гробницы IV—II в. до Р. Х.; Д. П. Дмитровъ, „Античные памятники Ст. Загоры и ея окрестностей“ даетъ описаніе памятниковъ римскихъ колоній III в. по Р. Х въ районѣ Ст. Загоры; Мл. Тоневъ въ замѣткѣ „Эпиграфическія добавленія и поправки“ даетъ нѣкоторыя новыя конъюнктуры къ чтенію надписей на рельефахъ изъ Софійскаго Музея съ изображеніемъ т. наз. „ѳракійскаго конника“; В. Иванова, „Староболгарская надпись изъ с. Теке-Козлуджа“ (въ с.-в. Болгаріи) описываетъ неизвѣстную доселѣ небольшую болгарскую надпись на камнѣ, XI—XII вв., повѣствующую объ основаніи церкви во имя св. Власія; Д. Дечевъ, „Рукопись Отвѣтовъ папы Николая I“ изслѣдуетъ, какъ списки этого знаменитаго памятника 866 года, такъ и обстановку созданія памятника въ папской канцеляріи и выдачи его болгарскимъ эмиссарамъ. Н. А. Мушмовъ, „Бронзовая печать царя Михаила Шишмана (1323—1330 г.)“, описываетъ найденную въ Шуменскомъ округѣ печать.

Очень интересны отдѣлы „Археологическія Новости“ и „Археологическія открытія въ Болгаріи въ 1931—32 гг.“. Въ концѣ тома приложены отчеты Института за 1931 и 1932 года. *Д. Р.*

Въ области изученія такъ называемыхъ „коптскихъ“ тканей должно отмѣтить рядъ замѣчательныхъ работъ, появившихся за послѣдніе годы и принадлежащихъ R. Pfister. Базируясь главнымъ образомъ на матеріалѣ, собранномъ Gayet въ Антиноѣ и хранящемся нынѣ въ Musée Guimet въ Парижѣ, R. Pfister выставилъ цѣлый рядъ новыхъ положеній, помогающихъ разобраться и въ хронологіи, и въ путяхъ возникновенія или, вѣрнѣе, сложенія богатаго запаса орнаментальныхъ формъ „коптскихъ“ тканей. Основная мысль работъ R. Pfister'a — зависимость тканей Антинои отъ сасанидской Персіи. Ясная и логическая аргументація выводовъ автора построена на остромъ анализѣ формъ узора и стиля и на внимательномъ изученіи техники и окраски.

R. Pfister. La Décoration des Étoffes d'Antnoë, Revue des Arts Asiat. V—1928.

Часто встрѣчающіяся на коптскихъ тканяхъ изображенія эллинистическихъ дѣтскихъ фигу-

рокъ, играющихъ среди нильскаго пейзажа («ткань Сабины», M. Guimet, Парижъ), составляютъ особую группу узоровъ. R. Pfister опредѣляетъ характерныя особенности этихъ узоровъ, идущихъ изъ древне-египетской традиціи, но сильно измѣненныхъ въ эллинистическій періодъ. Переходя къ вопросу о датахъ, R. Pfister намѣчаетъ картину проникновенія персидскихъ вліяній, сказавшихся и въ орнаментаціи, и въ покроѣ одеждъ, и заканчиваетъ свою статью разборомъ цвѣтной гаммы и красокъ.

R. Pfister. Gobelins Sassanides du Musée de Lyon. Revue des Arts Asiat. Paris 1930.

Статья цѣнна тѣмъ, что на примѣрѣ нѣсколькихъ фрагментовъ Ліонскаго музея раскрываетъ въ узорахъ антинойскихъ тканей — не только шелковыхъ, но и шерстяныхъ, гобеленовой техники — несомнѣнное присутствіе сасанидскаго элемента.

R. Pfister. Nil, Nilomêtres et l'orientalisation du paysage hellénistique. Revue des Arts Asiat. VII, Paris 1932.

Развивая уже ранѣе высказанное положеніе, R. Pfister съ большимъ вниманіемъ разбираетъ группу коптскихъ тканей, сюжетами которыхъ служатъ представленія, связанныя съ Ниломъ; олицетвореніе самого Нила (ткань изъ Эрмитажа), изображеніе нилометра и, наконецъ, идиллическія сценки съ плавающими среди лотосовъ и ловящими рыбъ и птицъ дѣтскими фигурками. Авторъ устанавливаетъ наличіе сасанидскаго вліянія, сказывающагося въ новомъ принципѣ построенія пейзажа, въ стремленіи къ заполненію пространства, къ отказу отъ перспективности.

R. Pfister. Les débuts du vétement copte. Études d'orientalisme, publ. par le Musée Guimet à la mémoire de R. Linossier, 1932, p. 433.

Авторъ ставить себѣ задачей прослѣдить возникновеніе узорной „коптской" туники. R. Pfister возстанавливаетъ начальныя формы орнаментаціи узорныхъ одеждъ, основываясь преимущественно на погребальныхъ портретахъ и оболочкахъ антинойскихъ мумій. Пурпурные узоры II и III вѣка орнаментированы или эллинистическимъ растительнымъ орнаментомъ, имѣющимъ свои аналогіи въ пальмирской скульптурѣ, или сложнымъ геометрическимъ плетеніемъ, происходящимъ, повидимому, изъ месопотамской орнаментики. По мнѣнію автора, „коптская" туника съ ея характернымъ узоромъ возникла въ Египтѣ въ серединѣ III вѣка подъ вліяніемъ Сиріи.

R. Pfister. Les premières soies sassanides. Études d'orientalisme, publ. par le Musée Guimet à la mémoire de R. Linossier. 1932, p. 461.

Первая удачная попытка классификаціи и датировки раннихъ сасанидскихъ тканей, основанная и на изученіи техники, и на анализѣ орнаментальныхъ формъ. Работа имѣетъ большое значеніе для исторіи сасанидскаго искусства и опровергаетъ мало обоснованную, но очень распространенную, хронологическую концепцію O. Falke. R. Pfister дѣлитъ сасанидскія ткани изъ Антинои на три группы; 1. Ткани китайской техники, 2. Ткани, исполненныя примитивной техникой, похожей на sergé, 3. Ткани типа sergé. Техника sergé, какъ утверждаетъ авторъ, была изобрѣтена въ Сиріи и перенесена арамейскими ткачами въ Персію въ серединѣ III вѣка при Шапурѣ I, и позже проникла въ Китай. Обнаруживающіяся въ этой третьей группѣ тканей эллинистическія черты принесены вмѣстѣ съ техникой ткачами изъ Сиріи.

Кромѣ этихъ сравнительно небольшихъ, но очень цѣнныхъ и для исторіи поздне-эллинистическихъ тканей Египта и для исторіи сасанидскаго искусства работъ, R. Pfister издалъ прекрасный каталогъ луврскаго собранія коптскихъ тканей, происходящихъ въ большей своей части также изъ Антинои.

R. Pfister. Tissus coptes du Musée du Louvre, Paris, 1932, in folio, 48 цвѣтн. табл.

Короткое, но хорошо и ясно написанное введеніе объясняетъ: происхожденіе коптской туники, технику тканья и окраски, хронологическую послѣдовательность и смѣну стилей. Опредѣляя время отдѣльныхъ фрагментовъ, авторъ очень осторожно избѣгаетъ слишкомъ опредѣленныхъ датъ и располагаетъ матеріалъ въ хронологической послѣдовательности отъ III до VIII вѣка, руководясь измѣненіями стиля и характера узора. Далѣе слѣдуетъ разборъ сюжетовъ орнаментаціи: человѣческія фигуры, животныя, геометрическій и растительный орнаментъ. Небольшой экскурсъ посвященъ персидскому вліянію. Цвѣтныя таблицы, исполненныя по раскрашеннымъ фотографіямъ, даютъ достаточно хорошую, хотя, конечно, нѣсколько условную, передачу оригиналовъ.

Н. Т.

G. Duthuit. La sculpture copte. Paris. Les Éditions G. Van Oest. 1931. In gr. 4°. 63 стр. 72 табл.

Книга имѣетъ характеръ каталога. Прекрасныя воспроизведенія памятниковъ (преимущественно изъ коптскаго отдѣла Лувра) подобраны очень умѣло, съ цѣлью дать наиболѣе полное представленіе объ коптской скульптурѣ. Матеріалъ раздѣленъ на слѣдующія группы: портретная скульптура, христіанскіе и миѳологическіе сюжеты, охота и цирковыя сцены, декоративная скульптура, фронтоны, пилястры, конхи, капители, фризы, орнаментальныя композиціи, стелы и фигуры животныхъ. Каждый отдѣлъ снабженъ, кромѣ описаній памятниковъ съ подробной библіографіей, спеціальными очерками и разборомъ отдѣльныхъ темъ и сюжетовъ. Въ большомъ (20 стр.), ярко и хорошо написанномъ введеніи авторъ даетъ характеристику коптскаго искусства, преимущественно коптской скульптуры, съ оригинальной и занимательной эстетической оцѣнкой. Подборъ матеріала собственно выходитъ за предѣлы коптской скульптуры, включая въ себя памятники эллинистическаго Египта, въ частности, погребальные портреты I—III вѣка.

Н. Т.

J. Németh. Die Inschriften des Schatzes von Nagy-Szent-Miklós. Mit zwei Anhängen: I. Die Sprache der Petschenegen und Komanen. II. Die ungarische Kerbschrift. Bibliotheca Orientalis Hungarica II. Budapest. 1932. 84 стр., 6 таблицъ, рядъ рисунковъ въ текстѣ.

Въ настоящемъ изслѣдованіи, посвященномъ надписямъ миклошскаго клада, виднѣйшій венгерскій тюркологъ J. Németh пересматриваетъ вопросъ о происхожденіи и датировкѣ этого замѣчательнаго памятника посасанидо-кочевнической культуры. Авторъ обосновываетъ и развиваетъ гипотезу, высказанную имъ еще въ 1922 г. въ статьѣ „Zur Kenntnis der Petschenegen“ (Kőrösi Csoma-Archivum, I, стр. 225), о томъ, что миклошская торевтика должна быть не болгарскаго происхожденія (какъ полагалъ Н. П. Кондаковъ и другіе историки средневѣковаго искусства), но печенѣжскаго, и относитъ кладъ ко времени 900—920 г. г.

Надписи образуютъ 3 различныя группы: 1) греческая; 2) греческими буквами, но на тюркскомъ языкѣ, причемъ авторъ считаетъ эту надпись печенѣжской и принимаетъ Τζοπόν = Чабанъ; 3) руническая (die Kerbinschriften). Послѣднюю авторъ расшифровываетъ по методу, указанному Thomsen'омъ, т. е. основываясь на количествѣ и чередованіи знаковъ, такъ какъ считаетъ методологической ошибкой продѣланные рядомъ изслѣдователей опыты сближенія миклошскихъ письменъ съ буквами извѣстныхъ алфавитовъ. Считая, что имя B°jla Čabⁿn, изъ второй группы, должно также скрываться въ этихъ надписяхъ, авторъ находитъ его на чашѣ № 8 (стр. 17, рис. 1). Исходя изъ этого предположенія и принимая во вниманіе аттрибутивный характеръ тюркскихъ надписей, изд. Радловымъ и др., авторъ соотвѣтственно расшифровываетъ и остальныя, которыя въ переводѣ съ тюркскаго означаютъ: чаша, дессертное блюдо Буилы Чабана, даръ, сосудъ для питья, имя Ilbäk, княгиня (Fürstin) Sävinüg, сосудъ съ широкимъ отверстіемъ, сосудъ для питья Turum'a и др.

Доказательства печенѣжскаго происхожденія клада авторъ сводитъ къ четыремъ положеніямъ: надписи клада содержатъ въ себѣ печенѣжско-половецкія особенности; имя Ботаулъ Чабанъ, „Бота сынъ [изъ племени] Чабанъ“, сопоставляется съ Βατά, именемъ хана печенѣжскаго племени Τζοπόν = Чабанъ; литературные источники свидѣтельствуютъ объ обиліи золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ у печенѣговъ; мѣстонахожденіе клада находится въ сферѣ разселенія печенѣжскихъ племенъ въ Венгріи во времена Арпада.

Заключительная (III-ья) глава разсматриваетъ историческія свидѣтельства о печенѣгахъ. Къ монографіи приложены изслѣдованія автора объ „языкѣ печенѣговъ и половцевъ“ и о „мадьярскомъ руническомъ письмѣ“.

Интересная работа авторитетнаго тюрколога направляетъ проблему происхожденія миклошскаго клада по новому пути, хотя, все же, не лишена нѣкоторой проблематичности — особенно, напр., въ методѣ расшифровки рунической надписи.

Е. Мельниковъ.

Отвѣтъ на рецензію В. А. Мошина на мою работу „Рорикъ Ютландскій и Рюрикъ Начальной Лѣтописи".

Въ прошломъ году, В. А. Мошинъ, на страницахъ этого ежегодника написалъ пространную рецензію на мою работу „Рорикъ Ютландскій и Рюрикъ Начальной Лѣтописи", напечатанную въ 1929 году въ III-ьемъ томѣ »Seminarium Kondakovianum«. Въ своемъ изслѣдованіи о Рюрикѣ я выдвигалъ три основныхъ положенія: 1) образованіе русскаго государства какъ результатъ норманскаго проникновенія, 2) отождествленіе Рюрика и Рорика и 3) роль Фризіи въ образованіе русскаго государства. Мой рецензентъ съ первымъ моимъ выводомъ (съ оговорками) согласился; второй выводъ — считаетъ не невѣроятнымъ, но недостаточно обоснованнымъ, а третій, о роли Фризіи, — невѣрнымъ. Критическія замѣчанія В. А. Мошина колеблютъ не только нѣкоторые изъ моихъ основныхъ выводовъ, но, что для меня очень важно, по нѣкоторымъ вопросамъ возвращаютъ полемику снова назадъ, къ эпохѣ Крузе, Куника и Погодина. Вотъ почему я считаю необходимымъ отвѣтить моему рецензенту.

Итакъ, прежде всего нужно упомянуть тѣ замѣчанія Мошина, съ которыми я соглашаюсь, вполнѣ, или отчасти. Я вполнѣ признаю, что пробѣломъ у меня является незнакомство или недостаточное использованіе нѣкоторыхъ работъ Щепкина, Шахматова, А. Погодина и Тіандера; также я вполнѣ признаю, что не коснулся трудностей о долгомъ княженіи Игоря. Такъ же Мошинъ справедливо указалъ, что походъ викинговъ на Константинополь въ 860 г. мной разобранъ недостаточно подробно; признаю тоже, что вопросъ о степени проникновенія фризовъ и времени этого проникновенія въ Прибалтійскія страны — вопросъ трудный, во многомъ спорный и неясный. Такъ же признаю, что значительное большинство компетентныхъ историковъ — противъ связи между именемъ фризовъ и русью.

Съ другой стороны, мнѣ хотѣлось бы, чтобы нѣкоторые основные вопросы, на которые уже много лѣтъ я пытаюсь обратить вниманіе моихъ коллегъ, не колебались бы, если они признаются, а если не признаются, то подверглись бы спеціальному разсмотрѣнію, чтобы ихъ установить разъ на всегда. Такимъ вопросомъ, прежде всего, я считаю личность Рорика (Ютландскаго, какъ его назвалъ я, слѣдуя традиціи Крузе, или Датскаго, какъ его называетъ T. D. Kĕndrick, и, пожалуй, съ большимъ, по нашимъ теперешнимъ знаніямъ, основаніемъ).

Въ началѣ прошлаго вѣка (когда писалъ Карамзинъ, когда начиналъ свои работы Бутковъ и даже въ серединѣ вѣка, когда выступалъ съ первыми работами Куникъ), намъ было извѣстно сравнительно небольшое число цитатъ изъ лѣтописей съ именемъ Рорика; поэтому, тогда можно было придавать значеніе различію въ эпитетахъ и характеристикахъ, какъ то: Nordmannus, king, nepos Herioldi и т. п.; исторія Даніи этого періода была мало извѣстна, и археологія не приходила ей на помощь. Поэтому тогда Бутковъ могъ „очень солидно" (S. K. V, стр. 335) опровергать „единственность" Рюрика; поэтому и Куникъ, въ началѣ своего поприща, могъ становиться на эту точку зрѣнія; могъ, съ основаніемъ, намекать на нее характеромъ своихъ цитатъ и Карамзинъ.

Но съ тѣхъ поръ число извѣстныхъ текстовъ анналовъ, упоминающихъ Рорика, возрасло во много разъ, а, главное, прибавились многіе, ранѣе неизвѣстные документы, какъ напр. письмо къ Рорику Гинкмара Реймскаго, переписка о немъ того же Гинкмара съ Гунгеромъ Утрехтскимъ, дарственная запись Лотаря II, переписка папы Николая II-го съ Карломъ Лысымъ о Теобургѣ, женѣ Лотаря, гдѣ упоминаются земли Гиллетруды, переданныя норманамъ (Рорику), и т. п.; всѣ эти новые матеріалы, а также и прежніе, были за послѣдніе годы разобраны рядомъ историковъ, занимавшихся IX вѣкомъ и викингами, и, въ результатѣ ихъ работъ, личность Рорика стала вполнѣ „осязательной", и далѣе стало совершенно очевидно, какую исключительную роль Рорикъ игралъ въ жизни имперіи между 840 и 860 годами. Такъ, напр., въ 850 г. Рорикъ силой принуждаетъ Лотаря I вернуть ему ленныя земли, становится „защитникомъ государства", и, одновременно, его племянникъ Годфридъ, становится „соправителемъ" Карла Лысаго. Здѣсь уже намѣчается водвореніе норманновъ въ имперію и выкраиваніе ими своихъ „Нормандій", что завершилось въ началѣ X-го вѣка образованіемъ Нормандіи Роллона.

Въ 863 году Юдиѳь, дочь Карла Лысаго и вдова англо-саксонск. короля Этельвульфа, бѣжитъ съ Балдуиномъ Фландрскимъ. Карлъ опасается, что они найдутъ убѣжище у Ро-

рика (S. K. III, 262); черезъ Гинкмара Реймскаго Рорику посылается письмо, составленное въ самыхъ лестныхъ, если не льстивыхъ, выраженіяхъ, которыя ясно показываютъ какъ принуждены были съ нимъ считаться.

Въ предшествующемъ, 862 году, когда Рорикъ возвращается изъ своихъ датскихъ владѣній, его фризскія земли въ имперіи увеличиваются Лотаремъ всѣмъ удѣломъ Геллетруды (сестры Лотаря), вдовы графа Беренгара, и до насъ дошли, какъ я упоминалъ, письма папы Николая объ этихъ земляхъ — такое значеніе придавалось во всей имперіи этому дару.

Наконецъ, въ 870 году, послѣ смерти Лотаря II (S. K. III, 269), Карлъ Лысый въ первую голову стремится заручиться согласіемъ и содѣйствіемъ Рорика на присоединеніе владѣній Лотаря, и спѣшитъ въ Нимвегенъ, навстрѣчу ему.

Такимъ образомъ, перефразируя слова В. А. Мошина, я могу только сказать: да, „западно-европейскіе императоры обратили вниманіе на мощь своего вассала, и современные источники упомянули объ этомъ“ (S. K. V, 338).

Для правильной оцѣнки роли и значенія Рорика недостаточно одного разбора и сличенія цитатъ; нужно внимательно прочесть хроники, для того чтобы отдать себѣ отчетъ насколько значительную роль въ судьбахъ имперіи игралъ именно Рорикъ и, притомъ, одинъ только онъ (въ разсматриваемомъ періодѣ) и его ближайшіе родичи, а не другіе викинги, какъ напр. полулегендарный Гастингсъ, большая часть походовъ коего намъ извѣстна изъ Roman du Rou Vace'a, или Рагнаръ Лодброкъ, исторія котораго, несмотря на много посвященныхъ ему изслѣдованій, далеко не ясна. Не только современники приписывали ему (Рорику) львиную долю въ организаціи набѣговъ на западную Европу (Ruod. Fuld. Ann., ad. a. 850; Prud. Trec. Ann.; Ann. Xaut., ad a. 850; Hist. Rem. Eccl. III, c. 23) въ тѣ періоды его жизни, когда онъ былъ съ имперіей въ открытой враждѣ, но, съ другой стороны, указывали также, что та же имперія находила въ немъ надежнаго защитника отъ враговъ въ періоды мирныхъ отношеній (Prud. Trec. Ann., Anno D. 850; Ann. Fuld. ad. a. 873). Такую же значительную роль въ жизни имперіи въ 40-хъ годахъ игралъ старшій братъ Рорика Гаральдъ, а въ 70-хъ и 80-хъ его племянникъ Годфридъ. Эти три Скіюльдунга играли значительную роль въ жизни имперіи на протяженіи десятилѣтій, а не появлялись на ея горизонтѣ случайными метеорами какъ другіе викинги. Да и положеніе ихъ какъ владѣтелей части Ютландіи и претендентовъ на тронъ у себя дома, а иногда (какъ то было съ Гаральдомъ и Рорикомъ) и обладателей этого трона — было совершенно особеннымъ и не похожимъ на положеніе выходцевъ изъ Норвегіи, какъ большинство другихъ викинговъ.

Таковы факты, которые сохранили намъ современники. Какъ еще въ свое время отмѣтилъ Крузе, анналы говорятъ о томъ, что ихъ интересовало и поражало, а не о томъ, что было бы интересно знать намъ. Поэтому свѣдѣнія ихъ отрывочны и неполны; и все же этихъ свѣдѣній достаточно, чтобы отвести личности Рорика то мѣсто въ исторіи періода, которое ему даютъ всѣ безъ исключенія историки викинговъ и Каролинговъ, какъ Keary, Howorth, Kendrick, Depping, Bohl, Holwerda и др., не говоря о Vogel'ѣ, изслѣдованіе котораго, до труда Kendrick'a, было наиболѣе полнымъ, а Vogel, какъ я неоднократно указывалъ, далъ Рорику необычайно образную и живую характеристику.

Что касается похода на Бирку (ок. 852), то, т. к. имени Рорика житіе Ансгарія не упоминаетъ, „мы и не можемъ сказать былъ ли онъ среди тѣхъ дановъ, которые послѣдовали за Онундомъ“ („Рорикъ“, S. K. III, 236). Но, т. к. именно къ этому періоду относится разцвѣтъ „викингской“ дѣятельности Рорика, а житіе указываетъ, что экспедиція была снаряжена въ Даніи, и кромѣ Онунда, въ ней участвовали даны, то мной и было высказано предположеніе, что „и эта экспедиція ... если и не была имъ самимъ организована, то, во всякомъ случаѣ не ускользнула отъ его вниманія.“ Такъ какъ Бирка находилась въ непосредственныхъ торговыхъ отношеніяхъ съ Даніей черезъ Гаддеби и Дорестадъ а оба эти города были владѣніями Рорика, то я не могу считать своего предположенія „совершенно бездоказательнымъ“ (S. K., V, 335).

Такъ же не могу согласиться, что „нѣтъ основаній“ (S. K., V, 336) видѣть въ городѣ In finibus Slavorum Новгородъ. Основанія есть, и слѣдующія: про этотъ городъ намъ извѣстны слѣдующіе факты, а именно: 1) этотъ городъ находился на окраинѣ славянскихъ земель, 2) это былъ богатый торговый городъ, 3) на этотъ городъ было произведено нападеніе норманами изъ Швеціи ок. 852, 4) изъ Бирки туда вело 2 пути, ближній и дальній.

Про Новгородъ мы можемъ сказать слѣдующее: 1) этотъ городъ находился на окраинѣ славянскихъ земель, 2) во второй половинѣ того же вѣка городъ былъ настолько извѣстенъ „за моремъ“, что посылалъ туда пословъ; слѣдовательно, сношенія около 850 г. должны были существовать, а почвой для сношеній тогда служила торговля и, сопутствовавшее ей, богатство, 3) на этотъ городъ было произведено нападеніе норманами ок. 852 г., какъ свидѣтельствуетъ Начальный лѣтописецъ, подъ 859 годомъ, но который въ дѣйствительности былъ 859 минусъ 6, т. е. 853; со шведской стороны объ этомъ свидѣтельствуетъ рѣчь Горгни Олафу Скотконунгу на сеймѣ въ Упсалѣ (S. K. III, 255). Birger Nerman считаетъ, что походы „на востокъ“ Эрика относятся именно къ 850—860 годамъ, 4) изъ Бирки въ Новгородъ велъ „прямой“ морской путь и „кружный“, галоголандскій, въ обходъ Ботническаго залива (S. K. III, 235).

Такимъ образомъ основаній для этого предположенія достаточно, также останавливается на Новгородѣ Крузе, а Куникъ, имѣя меньше данныхъ для рѣшеній этого вопроса, чѣмъ теперь имѣемъ мы, тѣмъ не менѣе считалъ Новгородъ однимъ изъ вѣроятныхъ городовъ.

Послѣ личности Рорика, слѣдующимъ по важности вопросомъ представляется мнѣ та роль, которую Фризы и Фризія играли въ первые вѣка нашей государственной жизни въ самомъ образованіи русскаго государства. Независимо отъ того, вѣрна или невѣрна окажется моя гипотеза о возможной связи между именемъ Фризовъ и Руси, вопросъ о наличности или отсутствіи вліянія Фризіи и ея колоній и факторій на Русь представляется мнѣ чрезвычайно важнымъ, и мнѣ было бы очень прискорбно, если бъ споръ о сравнительно второстепенныхъ деталяхъ заслонилъ этотъ основной вопросъ.

Роль фризовъ въ исторіи ранняго средневѣковья въ послѣднія столѣтія забывалась; забывалась потому, что, раздѣленная на западную и восточную части, Фризія стала исчезать съ карты; въ западной части ее заслонила Голландія, въ восточной — Германія. Съ Фризіей, до извѣстной степени, произошло то же, что съ западными славянами: послѣднихъ Европа давно уже не видитъ подъ ихъ онѣмеченнымъ лицомъ; первыхъ, хотя въ отличіе отъ бодричей и лютичей они дожили до нашего вѣка, сохранивъ языкъ, нравы и обычаи, — тоже не видятъ — за голландцами или нѣмцами.

Тѣмъ не менѣе, старыя карты и исторія сразу вскрываютъ истину, и тогда становится яснымъ, что въ IX вѣкѣ фризы были однимъ изъ наиболѣе важныхъ факторовъ европейской жизни, также какъ и въ предшествовавшихъ VIII, VII, VI и V столѣтіяхъ (см. Boeles, »Friesland tot de elfde eeuw«; Wadstein »Norden och Väst-Europa«; Belaiew, »Frisia and its relations with England, etc.). Занимая все побережье отъ устья Шельды и Рейна, до Эльбы и Эйдера, они, съ одной стороны, являлись хозяевами морской и рѣчной торговли, между континентомъ и Англіей и Скандинавіей, съ другой — своими торговыми колоніями и факторіями они проникали и вглубь Балтійскаго моря, и, по рѣкамъ (Рейну и Дунаю), вглубь материка.

Въ эпоху переселенія народовъ они принимали значительное участіе въ завоеваніи саксами Англіи (Wadstein), а потомъ, помогали своимъ родичамъ готамъ, геруламъ, лонгобардамъ и др. поддерживать отношенія съ тѣми, кто оставались дома. Отзвуки этого сохранились въ сагахъ, а археологія за последніе годы ярко освѣтила фактъ пересылки большихъ сокровищъ золотомъ, оружіемъ и утварью изъ византійскихъ предѣловъ на сѣверъ. Параллельно съ этимъ шла и передача мѣръ и вѣсовъ, мотивовъ звѣринаго стиля (какъ примѣръ этого — много разбирались фризскія и англо-саксонскіе шатты — sceattas).

При этихъ условіяхъ фризы должны были быть наиболѣе освѣдомленными изъ всѣхъ сѣверо-германскихъ племенъ о томъ, что творилось и въ Византіи, и на южно-русской равнинѣ. Прибавимъ къ этому, что по своему географическому положенію фризы сосѣдили не только съ франками, саксами и данами, но и со славянами; съ послѣдними они вступили въ непосредственный контактъ съ 804 г., когда массовыя передвиженія населенія Карломъ Великимъ поставили глинянъ (г. бодричей) въ непосредственное соприкосновеніе съ населеніемъ южной Ютландіи и съ вустеръ-фризами и положили основаніе Вагирской маркѣ. Какъ говоритъ М. И. Погодинъ (см. также S. K., III, 253) „чуть ли не въ этомъ углу Варяжскаго моря заключается ключъ къ тайнѣ происхожденія варяговъ и руси. Здѣсь соединяются вмѣстѣ и славяне, и норманы, и вагры, и датчане, и варяги, и ріустры, и росенгау“. На пространствѣ въ нѣсколько десятковъ кв. верстъ встрѣчается здѣсь и **Holmia** (такъ напоминающая варяжскій Holmgard —

для Новгорода), и р. Ilmenow, созвучная Ильменю, и цѣлый рядъ озеръ — „мерей“, тоже созвучныхъ старинному окончанію имени Ильменя — Ильмерю.

Отсюда и до далекаго Новгорода шла уже хотя и дѣвственная, но сплошная славянская земля, и фризы, познакомившись съ сосѣдями на Ilmenow'ѣ, не могли не почувствовать себя дома на Ильменѣ. Моремъ торговыя сношенія были самыми оживленными. Отъ Гаддеби — Шлезвига, и изъ Дорестада шли въ Сканію, оттуда, въ 5 дней, въ Бирку; отъ Бирки до Новгорода, какъ впослѣдствіи замѣчалъ схоластъ Адама Бременскаго, было уже только 5 дней.

Прибавимъ къ этому слѣды былыхъ торговыхъ сношеній въ языкѣ и въ мѣрахъ у насъ (бирка, бирючь, берковецъ), а у нихъ — счетъ на русскія куны въ Рустрингенѣ; рядъ историческихъ фактовъ, подтверждающихъ торговыя сношенія въ столѣтія, близкія еще къ IX-ому, какъ напр. въ IX ст. бѣгство Гиды черезъ Данію въ Россію, въ XII-омъ — замужество рустрингенской принцессы за русскимъ княземъ; генеалогическія воспоминанія о „решскихъ“ предкахъ многихъ нашихъ родовъ, воспоминанія, которыя, относясь къ эпохѣ Рюрика, могли относиться лишь къ Каролингской имперіи, — наконецъ сопоставленія ряда перипловъ, гдѣ имя Руси неоднократно появляется на фризскомъ берегу — совокупность этихъ фактовъ и замѣчаній по крайней мѣрѣ достаточна, чтобы оправдать необходимость пристальнаго и внимательнаго изученія роли Фризіи въ образованія русскаго государства.

Характеръ проникновенія торговцевъ и скупщиковъ мѣховъ, а, попутно, и сборщиковъ дани, хорошо описанъ въ сагѣ объ Эгилѣ; тамъ разбирается вопросъ о проникновеніи галлоголандцевъ въ Финляндію и Карелію черезъ Гельсингке и Ботнію, но то, что происходило тамъ, характерно для колонизаціи и торговли со всей Прибалтикой; такъ же проникали и фризы, такъ же проникали и норманы и, въ результатѣ, къ серединѣ IX в. образовался рядъ факторій и торговыхъ поселеній; факторомъ исключительнаго значенія явилось то обстоятельство, что торговые и политическіе интересы фризовъ и Скіольдунговъ, въ лицѣ Рорика, соединились и поддержали другъ-друга (S. K. III, 230 и слѣд.), поэтому и явилась возможность временнаго объединенія огромной области отъ Шельды и Эйдера до Ладожскаго озера — подъ единымъ руководительствомъ; только отнюдь не слѣдуетъ представлять рядъ торговыхъ факторій и укрѣпленныхъ блокгаузовъ, разбросанныхъ на огромномъ пространствѣ — государствомъ (S. K. V, 338) въ нашемъ смыслѣ слова.

Государства не было, оно только зарождалось въ этой огромной области вліянія Рюрика и его сородичей и, когда оно зародилось, то однихъ морскихъ сообщеній черезъ Бирку и Гаддеби, между Приладожьемъ и Фрисландіей, оказалось недостаточнымъ, и эта связь скоро порвалась. И, когда она порвалась, начался закатъ Бирки, закатъ Гаддеби и закатъ Дорестада.

Пока же была эта связь и цвѣла торговля между ними, цвѣли всѣ эти города; и настолько чувствовалось вліяніе съ востока и Скандинавіи въ это время, напр. въ Гаддеби, что Швантесъ, производящій въ настоящее время раскопки (въ Гаддеби), пришелъ къ заключенію, что образованіе викинговской колоніи въ Гаддеби въ IX вѣкѣ было одновременнымъ съ образоваліемъ русскаго государства, было дѣломъ однѣхъ и тѣхъ же рукъ и привело къ образованію „Гардарика“ и перенесенію торговыхъ путей къ самому преддверію Востока (Z. f. Ethnol., 1931). Такимъ образомъ, и археологія начинаетъ давать рядъ подтвержденій наличію политическихъ и торговыхъ связей между фризскими и датскими городами и Гардарикомъ въ началѣ и въ серединѣ IX в. А если это такъ, то и роль Фризіи, и роль ея владѣтелей, не можетъ не привлекать нашего вниманія. *Н. Т. Бѣляевъ.*

Списокъ лицъ и учрежденій, приславшихъ книги и оттиски въ Институтъ съ 1 августа 1932 по 1 августа 1933 г.

Liste des personnes et institutions qui ont envoyé des ouvrages à l'Institut du 1 Août 1932 jusqu'au 1 Août 1933.

Аврамовъ В. (Софія).
Анастасіевић Д. (Бѣлградъ).
Бешевлиевъ В. (Софія).
Боровскій И. (Прага).
Бѣляевъ Н. Т. (Парижъ).
Васильевъ А. А. (Мадисонъ, САСШ).
Гаккель А. Г. (Берлинъ).
Гессенъ С. І. (Прага).
Грабаръ А. Н. (Страсбургъ).
Заволоко И. Н. (Рига).
Златарскій В. Н. (Софія).
Иванова В. (Софія).
Кандыба О. (Прага).
Коротковъ К. Г. (Прага).
Лихарева С. А. (Краковъ).
Лукъянова Е. С. (Каиръ).
Лукъяновъ Г. И. (Каиръ).
Мельниковъ Е. И. (Прага).
Миятевъ Кр. (Софія).
Мутафчіевъ П. (Софія).
Никовъ П. (Софія).
Острогорскій Г. А. (Бреславль).
Поповић П. (Бѣлградъ).
Протичъ А. (Софія).
Расовскій Д. А. (Прага).
Ростовцевъ М. И. (Нью-Хэвенъ, САСШ).
Рязановскій В. А. (Харбинъ).
Савицкій П. Н. (Прага).
Смирновъ С. Н. (Бѣлградъ).
Струве П. Б. (Бѣлградъ).
Толль Н. П. (Прага).
Флоровскій А. В. (Прага).
Францевъ В. А. (Прага).
Шмурло Е. Ф. (Прага).
Яворскій Ю. А. (Прага).
Appleton H. (Бостонъ, САСШ).
Balş G. (Бухарестъ).
Blauensteiner K. (Вѣна).
Chaloupecký V. (Братислава).
Grivec F. (Любляны).
Jerphanion de G. (Римъ).
Kahle P. (Боннъ).
Martínez Santa-Ollala J. (Мадридъ).
Minns E. H. (Кэмбриджъ).
Moravcsik Gy. (Будапештъ).
Morper J. (Мюнхенъ).
Myslivec J. (Прага).
Neubert V. (Прага).
Perdrizet P. (Страсбургъ).
Rypka J. (Прага).
Seifert A. (Прага).
Soteriou G. A. (Аѳины).
Studer E. (Цюрихъ).
Tylor R. (Будапештъ).
Walicki M. (Варшава).
Werner J. (Берлинъ).
Wulff O. (Берлинъ).
A M. Kir. Ferencz József-Tudományegyetem Archaeologiai Intézete (Сегедъ, Венгрія).
Българска Академия на Науките (Софія).
Българския Археологически Институтъ (Софія).
Comité Organisateur du IIIme Congrès International d'études byzantines (Аѳины).

Народния Музей въ София (Софія).
Römische-Germanische Komission des Deutschen Archaeologischen Instituts (Франкфуртъ н./М.)
Slovanská Knihovna M. Z. V. (Прага).
Slovanský Ústav (Прага).
Acta Archaeologica (Копенгагенъ).
Analecta Bollandiana (Брюссель).
Archaeologia Hungarica (Будапештъ).
Archaeologiai Értesitő (Будапештъ).
Archiv Orientální (Прага).
Arta şi Archeologia (Яссы).
Biuletyn Naukowy Zakładu Architektury Polskiej (Варшава).
Buletinul Comisiunii Monumentelor Istorice (Бухарестъ).
Bulletin de la section historique de l'Académie Roumaine (Бухарестъ).
Bulletin of the American Institute for Persian Art and Archaeology (Нью-Іоркъ).
Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquites (Стокгольмъ).
Byzantinische Zeitschrift (Мюнхенъ-Лейпцигъ).
Byzantinoslavica (Прага).
Byzantion (Брюссель).
Dolgozatok A M. Kir. Ferencz József-Tudományegyetem Archaeologiai Intézetéből (Сегедъ, Венгрія).
Échos d'Orient (Парижъ).
Ἐπετηρὶς Ἑταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν (Аѳины).
Eurasia Septentrionalis Antiqua (Гельсингфорсъ).
Известия на Българския Археологически Институтъ (София).
Indo-Tibetica (Римъ).
Memoriile Secţiunii Istorice ale Academiei Române (Бухарестъ).
Mitteilungen des Deutschen Archaeologischen Institut, Römische Abt. (Римъ-Мюнхенъ).
Orientalia Christiana (Римъ).
Památky Archeologické (Прага).
Przegląd Archeologiczny (Познань).
Rivista di Archeologia Christiana (Римъ).
Revue des études Slaves (Парижъ).
Revue d'histoire ecclésiastique (Лувенъ).
Ročenka Slovanského Ústavu (Прага).
Römische Quartalschrift für Christliche Altertumskunde und für Kirchengeschichte (Римъ-Фрейбургъ).
Slavia (Прага).
Slavia Occidentalis (Познань).
Slavische Rundschau (Прага).
Современныя Записки (Парижъ).
Speculum (Кэмбриджъ, САСШ).
Старинар (Бѣлградъ).
T'Oung Pao (Парижъ-Лейденъ).
The Christian East (Лондонъ).
Труды V Съѣзда Русскихъ Академическихъ организацій за границей (Софія).
Vjesnik za archeologiju i historiju dalmatinsku (Сплитъ).
Wiadomości Archeologiczne (Варшава).
Записки Русскаго Научнаго Института въ Бѣлградѣ (Бѣлградъ).

Всѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, приславшимъ свои изданія, Институтъ приноситъ глубокую благодарность.

ОГЛАВЛЕНІЕ — TABLE DES MATIÈRES

PUBLICATIONS

DE

L'INSTITUT KONDAKOV

SLUNNÁ 10, PRAGUE XVIII.

TCHÉCOSLOVAQUIE

N. P. KONDAKOV

L'ICONE RUSSE

ÉDITION COMPLÈTE. (Deux albums de planches et deux volumes de texte). Prix $ 100·—

I. PREMIER ALBUM (65 pl. en couleurs) grand in-folio (32 × 42), Prague, 1928. Prix $ 50·— *Ép*

Description des planches en français. anglais, allemand, tchèque et russe. Ne se vend qu'en complet.

II. SECOND ALBUM (136 planches en phototypie), petit in-folio (24 × 32), Prague, 1929. Prix $ 30·—

Description des planches en français, anglais, allemand, tchèque et russe.

III. TEXTE, TOME Ier (192 p. p., 8 pl. en phototypie et 1 en couleurs), petit in-folio (24 × 32) Prague, 1931 . . Prix $ 10·—

En russe, avec résumés français.

IV. TEXTE, TOME IIe (200 pp., 4 pl. en phototypie et 2 en couleurs), petit in-folio (24 × 32), Praha, 1933 . . . . Prix $ 10·—

ZΩΓΡΑΦΙΚΑ

Série d'études de la peinture religieuse sur bois en particulier sur les icones orthodoxes de l'Orient. Le texte est publié en deux langues. (Fascicules grand in 4°, 27 × 34½ *cm.*)

sé. Выпускъ I. А. И. АНИСИМОВЪ. Владимiрская Икона Божiей Матери (русское изданie). Прага, 1928. 48 стр., 6 таблицъ черныхъ и 2 въ краскахъ . . Цѣна $ 5·—

Fascicule Ier. A. J. ANISIMOV. Our Lady of Vladimir. English edition. Prague, 1928. 40 pp., 6 plates and 2 plates in colour. 300 numbered copies . Prix $ 8·—

Выпускъ II. Н. М. БѢЛЯЕВЪ. Икона Божiей Матери Умиленiя изъ собранiя Солдатенковыхъ. Прага 1932. 20 стр., 2 табл. черн. и 2 въ краскахъ.

Fascicule IIe. N. M. BÊLAEV. The Icon of our Lady's "Umilenie" from the Soldatenkov collection. Russian and english. Prague, 1932. 20 pp., 2 plates and 2 plates in colour Prix $ 4·—

Выпускъ III. А. Н. ГРАБАРЪ. Нерукотворенный Образъ Ланскаго собора. Русское изданie. Прага 1930. 40 стр., 6 таблицъ черныхъ, 2 въ краскахъ и 4 рисунка въ текстѣ . Цѣна $ 6·—

Fascicule IIIe. A. N. GRABAR. La Sainte Face de Laon. Le Mandylion dans l'art orthodoxe. (Edition française.) Prague, 1931. 40 pp., 6 planches phototypiques et 2 en couleurs Prix $ 8·—

Выпускъ IV. Н. Л. ОКУНЕВЪ. Христосъ во гробѣ. Русское изданie. (Готовится къ печати.)

Fascicule IV. N. L. OKUNEV. Le Christ de pitié. Études iconographiques. Edition française (en préparation). . . . .

ΣΚΥΘΙΚΑ

Série consacrée à la civilisation (archéologie, histoire, ethnographie) du monde, que les écrivains classiques et byzantins nommaient «Skythia», comprenant dans ce terme tous les peuples nomades, habitant l'espace de la plaine Pannonienne jusqu'à l'Océan Pacifique.

Выпускъ I. М. И. РОСТОВЦЕВЪ. Срединная Азія, Россія, Китай и звѣриный стиль. (Текстъ русскій и французскій.) Прага, 1929. (48 стр., 11 таблицъ, 4°, 22 × 29 *cm.*)

Fascicule Ier. M. I. ROSTOVTZEFF. Le centre de l'Asie, la Russie, la Chine et le style animal (texte français et russe). Prague, 1929. (48 pages, 11 planches; 4°, 22 × 29 *cm.*) Prix $ 3·—

Fascicule IIe. N. FETTICH. Bronzeguss und Nomadenkunst auf Grund der ungarländischen Denkmäler; mit einem Anhang von L. BARTUCZ, Über die antropologischen Ergebnisse der Ausgrabungen von Mosonszentjános, Ungarn. Prag, 1929. (S. 96, mit 17 Tafeln, 16 Textabbildungen.) . Prix $ 6·—

Выпускъ III. Ю. Н. РЕРИХЪ. Звѣриный стиль у кочевниковъ сѣвернаго Тибета. (Текстъ русскій и англійскій.) Прага, 1930. (48 стр., 5 таблицъ и 10 рис. въ текстѣ.)

Fascicule IIIe. J. N. ROERICH. The animal style among the nomad tribes at Northern Tibet. (Text english and russian.) Prague, 1930. (48 pp., 5 plates and 10 designs in the text.) Prix $ 3·—

Fascicule IVe. GY. RHE und N. FETTICH. Jutas und Öskü, Zwei Gräberfelder aus der Völkerwanderungszeit in Ungarn mit einem antropologischen Anhang von L. BARTUCZ. Prag, 1931. (S. 92, mit 20 Tafeln und 30 Textabbildungen.) . . . . Prix $ 6·—

RECUEIL-KONDAKOV. Recueil d'études dédiées à la mémoire de N. P. Kondakov. Prague 1926. (4°, 31 × 23 *cm*, XLIV + 300 pages, 115 figures dans le texte, 30 planches hors texte, dont une en couleurs.) . Prix $ 12·—

é. SEMINARIUM KONDAKOVIANUM. I. Recueil d'études. Archéologie. Histoire de l'art. Études byzantines. Prague 1927. (8°, 20 × 28 *cm*, 341 p., 18 fig. dans le texte, 26 pl. hors texte.) Prix $ 6·—

SEMINARIUM KONDAKOVIANUM. II. Recueil d'études dédiées à la mémoire de J. J. Smirnov. Archéologie. Histoire de l'art. Études byzantines. Prague 1928. (8°, 382 pp., 44 fig. dans le texte, 43 pl. hors texte, dont deux en couleurs.) . Prix $ 8·—

SEMINARIUM KONDAKOVIANUM. III. Recueil d'études dédiées à la mémoire de J. J. Smirnov (suite). Archéologie. Histoire de l'art. Études byzantines. Prague 1929. (8°, 330 pp., 47 fig. dans le texte, 30 pl. hors texte.) . . Prix $ 8·—

SEMINARIUM KONDAKOVIANUM. IV. Recueil d'études. Archéologie. Histoire de l'art. Études byzantines. Prague 1931. (8°, 313 pp., 21 pl. hors texte.) . Prix $ 8·—

SEMINARIUM KONDAKOVIANUM. V. Recueil d'études dédiées à la mémoire de N. M. Bêlaev. Archéologie. Histoire de l'art. Études byzantines Prague 1932. (8°, 348 pp., 16 fig. dans le texte, 26 pl. hors texte, dont une en couleurs.) . Prix $ 8·—

SEMINARIUM KONDAKOVIANUM. VI. Recueil d'études. Archéologie. Histoire de l'art. Études byzantines. Praha, 1933 (8°, 252 pp., 10 fig. dans le texte, 17 pl. hors texte) Prix $ 6·—

MÉMOIRES de N. P. KONDAKOV (en russe; Н. П. КОНДАКОВЪ. Воспоминанія и Думы). Prague 1927. (in 8°, 20 × 28 *cm*, 79 pages, 1 planche hors texte.) . Prix $ 1·—

N. P. TOLL. Tissus coptes. Collection du Musée des Arts et Métiers de Prague. (En russe; Н. П. ТОЛЛЬ. Коптскія ткани Художественно-Промышленнаго Музея въ Прагѣ.) Prague 1928. (in 4°, 22 × 29 *cm*, 44 pages, 11 planches, dont une en couleurs.) . Prix $ 3·—

Psse M. C. TENICHEVA. Émaux et incrustations (œuvre posthume, en russe; кн. М. К. ТЕНИШЕВА, Эмаль и инкрустація). Prague 1930. (in 8°, 20 × 27 *cm*, 116 pages, 40 planches.) Prix $ 8·—

isé. THE BYZANTINE ENAMELS ON THE ZÁVIŠ CROSS AT VYŠŠÍ BROD. English edition. 50 numbered copies. Prague 1930. (in 8°, 20 × 25 *cm*, 40 pp., 10 plates in colours & 2 in phototype.) Prix $ 15·—

BYZANTSKÉ EMAILY ZÁVIŠOVA KŘÍŽE VE VYŠŠÍM BRODÉ (ÉMAUX BYZANTINS DE LA CROIX DITE DE ZÁVIŠ AU COUVENT DE VYŠŠÍ BROD; édition tchèque), 100 exemplaires numérotés. Praha 1930. (in 8°, 20 × 25 *cm*, 40 pp., 10 planches en couleurs, 2 phototypies.) . . . . Prix $ 15·—